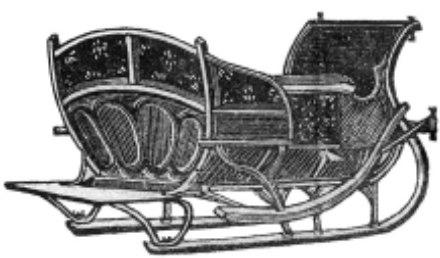
К 300-летию села Ардонь

Р. И. Перекрестов

Посад Ардонь и село Богородицкое

XVIII – начало XX вв.

Книга I



г. Клинцы, 2012

Р.И. Перекрестов. **«Посад Ардонь и село Богородицкое XVIII–начало XX вв.»**. Книга I. – Клинцы: Издательство ГУП «Клинцовская городская типография», 2012 г., 470 с.

Книга **«Посад Ардонь и село Богородицкое XVIII – начало XX вв.»** подготовлена к 300-летию слободы-посада Ардонь. Слобода Ардонь стала заселяться выходцами из России в 1710–1711 гг. на землях Лыщицкой монастырской волости Стародубского полка с разрешения монахов Киево-Печерской Лавры. В настоящее время село Ардонь находится в Клинцовском районе Брянской области.

Автор на материалах переписей XVIII века, Ревизских сказок, других архивных документов воссоздает историю старообрядческой слободы Ардонь, её жителей, историю хозяйственной и предпринимательской деятельности, эволюцию религиозных взглядов жителей Ардони.

Одна глава книги посвящена истории исчезнувшего с карты области села Богородицкого, ставшего частью нынешнего села Ардонь. Там же приведена история церковного клира Никольской церкви села Богородицкого, начиная с 1762 года.

В книге представлены родословные некоторых семей, берущие начало в XVIII веке. Через родословные и биографии, трудовую, ратную и общественную деятельность выходцев из Ардони автор связывает историю маленького селения с историей края и всей России.

Охраняется законом РФ
об авторском праве.

ИД № 00838 от 25.01.2000 г.
ISBN 978-5-888-98-445-1

© Р.И. Перекрестов, 2012

Предисловие

Три столетия существования посада Ардонь в тысячелетней истории государства Российского не могли не вобрать в себя все главные и второстепенные события, происходившие в стране, а жители Ардони не могли не стать созидателями истории.

Во второй половине XVII века крестьяне и посадские люди старообрядцы России, будучи не в силах противостоять правительственным мерам по искоренению старого православного обряда, нашли убежище в Малороссии и ещё в течение XVIII века продолжали приходить сюда на поселение.

Слобода Ардонь начала заселяться с 1710 года. Жители Ардони, духовные последователи наставников беспоповского Выга, с первых лет образования слободы стали участниками религиозных споров внутри старообрядчества, оставив свой след в русской религиозной полемической литературе позднего средневековья.

Жители Ардони проявили себя как предприимчивые торговцы и ремесленники, смело выходившие на рынки Малороссии, России и Польши, некоторые в своей предпринимательской деятельности поднялись до уровня крупных купцов и фабрикантов.

Ардонцы в начале XVIII века числом населения и обилием разных промыслов превосходили близлежащую старообрядческую слободу Клинцы. Но из разных видов ремёсел в Ардони к концу XVIII в. преобладающим стало производство гужевого грузового и пассажирского транспорта. Объединение труда отдельных кустарей и специализация их привели во второй половине XIX века к созданию мощного предприятия по изготовлению изящного легкового гужевого транспорта.

Трезвенники и молитвенники, жители Ардони, каждодневным упорным трудом создавая благополучие своих семей, созидали благополучие России.

Переписи населения Ардони 1729, 1736 и 1765 годов показали, что многие зажиточные ардонцы, начиная с середины XVIII века, стали переселяться в посад Клинцы и своим предпринимательским талантом способствовали превращению посада Клинцы в крупный торговый и промышленный центр Северной Черниговщины. Судьбы ардонцев и клинчан переплелись настолько тесно, что можно говорить о единстве исторического пространства и судеб жителей двух близлежащих поселений.

Столь же тесно связаны судьбы жителей посада Ардонь и села Богородицкого, разделенные долгие годы не столько речкой, сколько принадлежностью к разным религиозным ветвям Русского православия. Взаимовлияние, взаимопроникновение культур, стирание религиозных различий способствовали тому, что жители Ардони и Богородицкого

перешагнули через религиозные разногласия, стали родниться, особенно в XX веке, и наконец оба селения слились в единое село Ардонь.

В Ардони и в Богородицком жили талантливые и предприимчивые люди, в основном грамотные труженики.

В XX веке в условиях запрета предпринимательства жители Ардони и Богородицкого проявили себя как талантливые организаторы социалистического производства, военачальники и герои войны, рабочие – мастера своего дела, инженеры, конструкторы, изобретатели, послы в дружественных странах, учёные, врачи, учителя и просто честные, благородные люди.

История Ардони, никогда ранее не исследованная, хранит множество событий многогранной и интересной жизни населения нынешней Западной Брянщины.

Работа над книгой продолжалась в течение десяти лет. В этой работе помощь оказали десятки людей, неравнодушных к истории малой и большой Родины.

Автор благодарит за оказанную помощь и содействие в сборе материалов сотрудницу Брянского Областного Архива (ГАБО) Людмилу Федоровну Осипенко, сотрудников Черниговского Архива (ГАЧО), Центрального Государственного Архива Украины (ЦГИА, Киев), Российского Государственного Архива Древних Актов (РГАДА, Москва); директора Ардонской школы Виктора Ивановича Гончарова; учителя школы Василия Андреевича Чигиринова, краеведа, писателя, собирателя и одного из основателей музея Ардонской школы; сотрудников Клинцовского Краеведческого музея (ККМ) Любовь Анатольевну Полыновскую, Елену Петровну Редько, Нину Ивановну Семко, Наталью Николаевну Валуеву. Благодарю Дину Ивановну Бондаренко и Ивана Романовича Лелетко (с. Павличи – с. Богородицкое – г. Одинцово), Тамару Дмитриевну Сиволоб (с. Антоновка Гордеевского р-на), Александра Николаевича Ходунова (с. Рассуха Унечского р-на), Веру Аверьяновну Юдину (д. Борки Клинцовского р-на), оказавших помощь в составлении словаря местных говоров.

Отдельно благодарю клинчан, ардонцев и их потомков, открывших для исследования домашние архивы, поделившихся воспоминаниями и фотографиями: Елену Львовну Махоткину (СПб.), Ольгу Ивановну Иванову (Клинцы), Алексея Родионовича Корявина (Москва), Анатолия Ивановича Зябкина (Клинцы), Геннадия Сергеевича Аксенова (Москва), Владимира Петровича Лугового (Екатеринбург), Людмилу Михайловну и Виктора Михайловича Долговых (Чернигов), Владимира Ивановича Фомичева (Киев), Евгения Николаевича Трындина (Москва), Леонида Сергеевича Велицина (Москва), Владислава Савельевича Медведева (Брянск).

Благодарю начальника отдела по работе с населением села Ардонь Татьяну Николаевну Лелетко за содействие и помощь в работе.

Книга издана на средства автора.

Р. Перекрестов

Глава 1. Слобода Ардонь в первой половине XVIII века

1.1. Сведения о поселении слободы Ардонь

Слобода Ардонь была поселена в начале XVIII века в Малороссии, в Новоместской сотне Стародубского полка, в Лыщицкой волости Киево-Печерской Лавры.

Киево-Печерская Лавра была одним из старинных и крупнейших землевладельцев Стародубья. Вопрос, в каком веке Киевская лавра получила во владение земли на левобережье Днепра исследовали историки А.М. Лазаревский и М.И. Лилеев.

А.М. Лазаревский писал: «Владения Киево-Печерской Лавры, находившиеся в Новоместской сотне [Стародубского полка], составляли три волости: Бобовицкую, Поповогорскую и Лыщицкую. Как велики были эти волости, видно из того, что по ревизии 1782 года в них числилось бывших монастырских крестьян обоего пола – 19 947. История лаврских земельных владений, находившихся на левом берегу Днепра, остается до сих пор не обследованною. Поэтому мы имеем лишь сбивчивые сведения о том, когда и кем даны были лавре означенные три волости. Делая попытку разрешить этот весьма интересный в истории южнорусского землевладения вопрос, мы, прежде всего, знаем, что в конце XVI в. лавра не владела этими тремя волостями: в 1593 году, после смерти архимандрита Мелетия Хребтовича Богуринского, составлена была полная опись лаврских имений, но в числе их на левом берегу Днепра показана только «Поднепрская волость», состоявшая из нескольких сел настоящего Остерского уезда и из села Навоза Черниговского уезда (Арх. Ю.З.Р., ч. I, т. I, № 91, с. 386). В первой половине XVII в. лавре не от кого было получить такие огромные имения. После присоединения Малороссии к России от царя Алексея Михайловича выдана была лавре (в августе 1658 г.) грамота на имения, но в ней названы только г. Васильков и села по р. Стугне (Описание Киевопечерской Лавры, изд. 1831, с. 210). Затем, в 1680 г., Печерский архимандрит Гизель, прося у царя разных милостей, просил и «о грамоте подтвердительной на все права св. обители печерския, в которой бы маетности за Днепром обретающиеся, описаны были бы». Отсюда видно, что у лавры в 1680 году за Днепром были уже маетности, на которые она не имела

ещё грамот. В ответ на просьбу Гизеля о милостях лавре в мае 1680 г. было выдано пять грамот, в которых, однако же, нет никаких упоминаний: ни общих, ни частных о волостях Бобовицкой, Поповогорской и Лыщицкой (Там же, с. 211–220). Упомянуты эти волости в первый раз лишь в грамоте 1720 г., выданной лавре после пожара 1718 г., когда «все крепости ея на вотчины погорели». При этом в грамоте 1720 г. сказано, что грамотою царя Федора Алексеевича, выданною 9 мая 1680 г. (по просьбе архимандрита Гизеля о выдаче грамоты – «почему бы им на сей стороне Днепра владеть к тому Киевопечерскому монастырю вотчинами»), определено им (лавре) владеть на сей стороне Днепра в Стародубском полку маетностями: Поповою Горою, Бобовичами с принадлежащими к тому деревнями, да селом Лыщичами да деревнею Павличами и Дубровною». Затем, в той же грамоте 1720 года далее говорится, что игумен Роман Копа, приезжавший в Москву от лавры за этою грамотою, «представил выписи из Киевской губернской канцелярии и с протестации, данной из ратуши (киевской) по объявлению от той Печерской лавры», в которых «писаны из тех, которые в Малой России местечки, села, маетности на сей и на той сторонах Днепра и по договору с поляки вечного миру, не отошли и владеют поныне той Печерской лавре суть следующия: в Стародубском полку: слободка Вышков, Верещаги, Неглювка Увелля, озеро Коженовское, село Яловка, Святская слобода, Ширки, Макаричи, Заборье, Летяхи, Перелаз, **слободка Эрденка с Туросенскою мельницею и прочими пожитками** (Там же, с. 292)»[1].

Через несколько лет, в 1895 году, М.И. Лилеев в книге «Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв.» опубликовал новые архивные находки, согласно которым Киево-Печерская Лавра имела земельные владения в Стародубском полку ещё в XVII веке.

М.И. Лилеев обнаружил в «Актах, относящихся к истории западной России» (том V, № 19, стр. 72-73) «Меновую запись» Киевского митрополита Петра Могилы Белорусскому епископу Иосифу Горбацкому «О уступке Киевопечерских монастырских сел – Печерска, Борсуков, Цвыркова и Тарасович во владение Могилевской архиерейской кафедры, по поводу замены их на волость Попову Гору яко смежную с лаврскою отчиною». Запись эта выдана 9 декабря 1644 года и хранится в архиве бывших греко-униатских митрополитов, при свят. Синоде»[2].

---

[1] Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. т. I, Стародубский полк. – Киев 1889, с. 386–388.

[2] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 61.

Согласно приведенной «Меновой записи», Бобовицкая и Лыщицкая волости принадлежали Киево-Печерской Лавре не только в начале XVII века, но еще и в XVI веке.

Лыщицкая волость

По сведениям А.М. Лазаревского, Лыщицкая волость, в которой была поселена слобода Ардонь, включала к 1781 году шесть сел, одну деревню, две слободы и один хутор: село Лыщичи при речке Вепринке, известное с начала XVII в., село Павличи при колодцах, село Голубовка при речке Голубовке (в ревизии 1723 г. не показано), село Богородицкое при речке Ардёнке, поселенное монахами в первой половине XVIII в., слобода Мартьяновка при речке Лютенке, деревня Чернеча Гута при ручье Дере, слобода Туросна при речке Туросне Кортавой «в бору», хутор Рябчин при речке Унече»[1].

В этом перечне монастырских селений есть село Богородицкое, но нет слободы Ардонь. Слобода Ардонь к этому времени была выведена из состава монастырских поселений. В селах и деревнях волости жили монастырские крестьяне и казаки.

Каждая монастырская волость управлялась монахом, которого в лаврских документах называли городничим. В подчинении городничего находился управитель экономии. «Городничие пользовались огромной властью: они не только судили и миловали лаврских “подданных” почти бесконтрольно, но нередко распоряжались и с посторонними людьми, когда последние нарушали, по их мнению, лаврские интересы. Обиженные лаврскими городничими казаки и крестьяне с трудом находили защиту у самого гетмана, который, хорошо зная, что у этих городничих отсутствует “подобающая чину их кротость”, бессилен был для обуздания их безправия».

А. Лазаревский привел несколько случаев, показавших одновременно полномочия и самоуправство лаврских городничих.

В 1725 году крестьяне деревни Любовши, чтобы пережить неурожай и голод, обратились к отцу Иоаникию, городничему Лищицкому, Бобовицкому и Поповогорскому, за «денгами и хлебом». Не сумев выплатить данный им кредит, крестьяне деревни передали свои земли во владение Киево-Печерской Лавры и при этом составили договор, в котором униженно просили монахов: «Если же их милость отци Печерские по ласце своей позволят нам тими грунтами владети и по прежнему оними пожитковати, теди за тое

---

[1] Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. т. I, Стародубский полк. – Киев 1889, с. 394.

повинни зостаем дань дорочную платити и пригон при обичних тяглостях отбувати». «Значит, – пишет А. Лазаревский, – вовремя открытый крестьянам кредит давал возможность лавре завладеть целой деревней. Следовательно, помимо пожалований и пожертвований лавра имела возможность приобретать земли иным путем»[1].

Другой случай, извлеченный из Универсала Скоропадского 1720 года. Некий Симон Маслак доносил Скоропадскому, «что городничий Лищицкий отец Моисей, приславши людей монастырских, самовольне и бесправне, в месте Стародуб» и выгнал из собственного дома его жену и детей, «коня его пограбил и иние шкоди в дворе его затеял». «Маслак был разорен за то, что не допустил городничего отобрать у него земельного участка, будто бы завещанного лавре кредитором Маслака». В 1724 году этот Симон Маслак отомстил монахам. Лыщицкий городничий Моисей Якубович в жалобе писал: «...и за тим гетманским универсалом Симон Маслак в Стародуб прибывши, заграбил на торгах в подданних богородичних (лаврских) п... и прочих вещей, рублей на 90 и больше...»[2].

«Но зато ревность городничих, – писал А. Лазаревский, – достигала блестящих результатов в приумножении лаврских владений, последние быстро разрастались в численности населения и обогащали владельца обильными доходами. В лаврских маетностях народ селился очень охотно, зная, что городничие всегда сумеют защитить его от «общенародных повинностей». Кроме того, лаврские маетности привлекали к себе народ еще простором своих угодий. О заманчивом просторе земельных угодий в этих местностях народ помнит еще и теперь. Крестьяне бывших лаврских имений в Суражском уезде в 1882 году говорили членам Статистического Отдела Черниговской Губернской Земской Управы: «В старые годы, когда мы были под монастырем, у нас была вольница или займанщина; тогда каждый волен был занимать земли столько, сколько ему было нужно, расчисти и твое. Кто бере, тот и оре...»[3].

«Универсал» или «осадное письмо» на поселение слободы Ардонь

«Универсал», разрешавший старообрядцам поселиться слободой на Ардонском «гулящем грунте» Лыщицкой волости, в копии

---

[1] Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. т. I, Стародубский полк. – Киев 1889, с. 391.

[2] Лазаревский А.М. Там же, с. 389.

[3] Лазаревский А.М. Там же, с. 389.

был обнаружен А. Лазаревским в «тяжебном деле» Ардонских старообрядцев с Киево-Печерской Лаврой, «когда лаврские монахи пытались согнать Ардонскую слободу со своей лаврской земли»[1].

«Универсал» был подписан Киево-Печерским архимандритом Афанасием Миславским и выдан «Никифору Пантелимонову сыну Шарову с товариством, расколницких слобод жителми стародубовского полку»:

«Всем обще и кождому зособна, кому бы о том ведати надлежало теперь и в потомние часи, сим нашим объявляем писанием, иж бил челом нам во обители Святопечерской, Никифор Пантелимонов сын Шаров с товариством, расколницких слобод жителми Стародубовского полку, просячи нас, абысмо позволили им осести слободою на грунте нашом власном обители Свято-печерской гулящом, прозиваемом Ардонском, в полку Стародубовском, за миль четире от маетности нашой Лищич и Павлич будучом, и просили нас, абысмо позволили им, яко вновь оседаючим людем, ради розводу господарства и строения домов своих, слободи на лет восемь; по докончанию тех восьми лет, обещалися быть верными и вечними подданними нашими обители Святопечерской, не исходячи нигде оттуду и никому из подданних наших во околичности там зостаючим, не чинити ниякой перешкоди в грунтах их, доволствуючи полями и лесами, которого мы, на прошение их, повелимо городничому тамошнему, отвести им на мили две отмежовати от окрест живущих, ради спокойного их жития; и обещалися они ж, по докончанию тех восми лет, поклону нам дать до обители Святопечерской, денег золотих сто доброй монети, пуд меду и лисицу; в протчие же годи, по докончению слободи, всякую повинность подданскую до обители Святопечерской отбывати денгами или работизною, ведлуг своих пожитков, з грунтов наших, якоже и инии слобожане на грунте нашом печерском, там же в полку Стародубовском зостаючие, чинят. Мы теди, ради пожитку обители Святопечерской, понеже доволно там гулячей обретается земли, позволили им, предреченному осадчему Шарову на вышепомянутом грунте слободою осести и людей приходящих к себе на житие приймовати, под кондициями выше описанними; во уверение же совершенное далисмо им сие наше писание при печати монастырской и с подписом руки власной»[2].

---

[1] Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. т. I, Стародубский полк. – Киев 1889, с. 457–458.

[2] Лазаревский А.М. Там же, с. 457.

«Универсал» назывался также «осадным листом». В нём объявлялось о начале заселения (осаживания) слободы, о числе лет «слободы» (свободы от уплаты налогов), о взаимных отношениях между поселенцами и землевладельцем после истечения срока льготы, в нём называлось лицо, которому землевладелец доверял «зазывать на слободу» пришлых людей, и очерчивался круг обязанностей.

Первопоселенцы слободы Ардонь были родом из России, но в Стародубье жили несколько лет

К архимандриту Киево-печерской лавры Никифор Шаров обратился вместе «с товариством», которые были «расколницких слобод жителми Стародубовского полку».

То есть первопоселенцы, хоть и были пришлыми из России людьми, но в Стародубье не были новичками, не случайно они названы «жителми Стародубовского полку». Они уже несколько лет, а возможно, и дольше, жили в «раскольничьих слободах» Стародубья, хорошо знали условия, на каких принято заселять пустующие земли в Малороссии, какие землевладельцы дают большую «слободу», то есть число лет без налоговых выплат.

К началу XVIII века вся земля Малороссии была поделена между землевладельцами, и каждый следил, чтобы на его земле не было незаконно поселившихся лиц, то есть уклоняющихся от налога. Поэтому без предварительного сговора с представителями такого старинного и влиятельного землевладельца Малороссии, каким была Киево-Печерская Лавра, начать заселение слободы на лаврской земле было невозможно.

Из каких старообрядческих слобод пришли «Шаров с товариством», в «универсале» не сказано. В переписи 1736 года говорится, что Дмитрий Малахов, который вместе с Шаровым пришел в Ардонь в 1710 году молодым человеком, женат на Марье Семеновой, которая с малолетства жила в слободе Елёнке. В 1710 году Дмитрию было 27 лет, а Марии – 25. Можно смело говорить, что до поселения в Ардони Дмитрий Малахов жил в слободе Елёнке (поселена Елёнка в 1682 г.). В той же переписи 1736 года находим подтверждение этому. Дмитрий Малахов сообщает переписчику, что он родом из деревни Тресвятской Серпуховского уезда, из крестьян Пафнутьева монастыря, откуда «малолеткой был вынесен в Малую Россию и жил в слободе Елёнке, а оттуда пришел в Ардонь»[1].

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1838, л. 407 об.

Другие первопоселенцы из числа «товариства» Шарова могли быть жителями «старых» раскольничьих слобод таких, как Елёнка, Зыбкая, Лужки.

Приглашение к заселению слободы крестьянами, живущими в подданстве других малороссийских землевладельцев, по сути можно рассматривать как ограбление одним феодалом другого феодала. Такие действия монастырских землевладельцев противоречили существовавшему в Малороссии ещё со времен Самойловича и Мазепы условию, чтобы слобожанами «не были господари (хозяева) их жилищ оседлых, на певных (известных) селах маючихся (имеющихся)». То есть не принимать на поселение людей местных, оседлых, а принимать людей пришлых со стороны. Переманивание крестьян у соседей-землевладельцев порицалось. Но монастырские власти держались независимо, не считаясь с порядками, продиктованными казацкой старшиной. Лавра предлагала старообрядцам восемь лет свободы от налогов, в отличие от малороссийских державцев (помещиков), которые принимали беглых крестьян с меньшим числом лет «слободы» от уплаты налогов, на что обратил внимание М.И. Лилеев, сравнивая тексты «осадных листов» на поселение раскольничьих слобод[1].

Первопоселенцы слободы Ардонь и слободы Свяцкой получили от Киево-Печерской Лавры соответственно 8 и 6 лет свободы от налогов[2]. Для сравнения укажем, что первопоселенцы слободы Тимошкин Перевоз получили от полковника Миклашевского льготу всего на три года[3].

Следует отметить также, что земля для поселения была выделена старообрядцам свободная, «гулящая», не занятая монастырскими крестьянами. В «осадном листе» было сказано: «позволили им осести слободою на грунте нашом власном обители Свято-печерской гулящом, прозиваемом Ардонском», в полку Стародубовском, за миль четире от маетности нашой Лищич и Павлич будучом». А «городничому тамошнему» было велено «поля и леса... отвести, на мили две отмежовати от окрест живущих, ради спокойнаго жития».

То есть при поселении слободы Ардонь интересы живших по соседству крестьян из сел Лыщичи и Павличи не были ущемлены.

---

[1] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII-XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 98.

[2] Лазаревский А.М. Описание Старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – Киев 1889, с. 457, 462.

[3] Лазаревский А.М. Там же, с. 453.

При этом ни слова не сказано о крестьянах села Богородицкого, которого, по-видимому, в 1710 году еще не существовало.

В «осадном листе» упомянут «городничий тамошний», то есть монах, присматривавший за работой монастырских крестьян во владениях Киево-Печерской Лавры. Это был монастырский управитель, постоянно находившийся в монастырской волости и облеченный достаточно высокими полномочиями. Городничий лавры был уполномочен Архимандритом в случае появления гулящих людей селить их на Ардонском грунте, а убедившись в серьезности намерений новопоселенцев, закрепить их на своей земле, прислав в лавру на рассмотрение челобитную от слобожан. Местом пребывания «городничего» Лыщицкой волости был «дворец» (большая изба и большой двор) в селе Лыщичи.

О начале заселения слободы Ардонь

Время написания «осадного листа», выданного Никифору Шарову Архимандритом Киево-Печерской Лавры, относится к 1711 году, и этим же годом А. Лазаревский считал начало заселения слободы[1]. М.И. Лилеев относил начало заселения слободы к тому же 1711 году[2].

Оба исследователя ссылались на «осадный лист», выданный архимандритом Миславским, и на «Прошение», поданное царю Петру в 1721 году лаврским архимандритом Иоаникием Сенютовичем с просьбой: «...расколщиков с тех монастырских грунтов свесть». Своё прошение архимандрит начинал со слов: «В 1711 году пришел из-за границы княжества Литовского великороссийского народу расколщик Никифор Пантелеев и бил челом антецессору нашему архимандриту Афанасию Миславскому...»[3].

Оба исследователя сравнивали сведения о начале поселения слобод из разных источников, одним из которых была перепись обывателей раскольничьих слобод Государевой волости 1729 года, проведенная капитаном Брянчаниновым.

К сожалению, перепись слободы Ардонь 1729 года так и не стала предметом исследования обоих историков. Об этом М.И. Лилеев в сноске на странице 39 сделал пометку: «Переписные книги

---

[1] Лазаревский А.М. Описание Старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – Киев 1889, с. 457.

[2] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII-XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 97.

[3] Лазаревский А.М. Описание Старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – Киев 1889, с. 458.

1718–1729 годов сохранились не в полном виде, а только по семи раскольничьим слободам, а именно: Еленки, Воронка, Лужков, Зыбкой, Климовой, Клинцов – в Московском Арх. Мин. Юст, кн. малоросс. прик. № 118 и Радули – в Моск. Арх. Мин ин. Дел: св. 71, № 3, по второму реестру малоросс. дел с 1700 г.»[1].

Как видим, Ардони в списке слобод нет. В то же время перепись Брянчанинова (1729 г.) сообщала о другой дате начала заселения слободы, в ней говорилось, что слобода Ардонь «поселена на дачах Киевского Печерского монастыря на речке Большой Ардони в 1710 году»[2].

Брянчанинов проводил в 1729 году перепись, сличая ответы слобожан с переписью Ергольского 1715 года. В 1715 году жители слободы Ардонь в ответ на вопрос переписчиков: «В каком году пришли на поселение?» единогласно ответили, что «пришли на поселение в 1710 году». А поскольку в 1715 году жителей Ардони отделяло от начала поселения всего пять лет, то в достоверности их показаний сомнений быть не может. Со слов обывателей, получалось, что они пришли и начали селиться во владении Киево-Печерской Лавры по устному разрешению Лыщицкого городничего, за год до получения письменного на то разрешения от Архимандрита Киево-Печерской Лавры.

Если бы А. Лазаревский и М.И. Лилеев были знакомы с переписями слободы Ардонь Ергольского (1715) и Брянчанинова (1729), разница в датах заселения слободы не прошла бы мимо их внимания и стала бы предметом исследования.

А. Лазаревский, оценив содержание сохранившихся «осадных писем» нескольких слобод, сделал вывод, что «раскольники селились слободами на тех же условиях, как селились тогда в Малороссии вообще все крестьяне. Новоселам назначались льготные годы, по прошествии которых слобожане обещались быть “верными и вечными подданными”. Поселившимся в Малороссии раскольникам в дальнейшей их судьбе предстояло, наряду с остальным крестьянством, то же “державское послушество“, а затем то же закрепощение»[3].

В практике зазывания «на слободу» как в Польско-Литовском государстве, так и в Малороссии в XVII и в XVIII веке бытовала традиция – сначала селить пришлых людей, а затем узаконивать

---

[1] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII-XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 39.

[2] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 171.

[3] Лазаревский А.М. Описание Старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – Киев 1889, с. 442.

с ними отношения. От начала заселения слободы до выдачи универсала или «осадного листа» проходили месяцы, иногда – годы. Но поселенцы и землевладельцы были обоюдно заинтересованы в скорейшем оформлении своих отношений. Большинство первопоселенцев слобод – люди беглые, заинтересованные в скорейшем обретении нового покровителя в лице владельца земли, будь то помещик, монастырь или ратуша. Прикрепление беглого крестьянина к «державцу» (владельцу земли) давало беглецу такие же права, какими пользовались местные «посполитые» крестьяне-старожилы: право обрабатывать землю, право свободного передвижения в пределах полка, в пределах Малороссии, право участвовать в торгах на ярмарках, пользоваться покровительством своего хозяина в случае земельных споров и при прочих конфликтах, но, самое важное, быть защищенным от посягательств прежнего своего владельца, стремящегося разыскать и вернуть беглеца.

Кто были первыми поселенцами слободы Ардонь?

Первым поселенцем следует назвать Никифора Шарова, который был признан лаврскими властями за осадчего, то есть лицом, обличенным доверием со стороны землевладельца, в данном случае со стороны лаврских монахов, и правом зазывать в слободу новых жителей, наделять их землей и исполнять обязанности войта[19] (старосты).

Согласно переписи обывателей слободы Ардони 1729 года, спустя 19 лет от начала поселения в слободе Ардонь еще живы первые поселенцы, в их числе и Никифор Шаров.

Перепись сообщает, что вместе с Никифором Шаровым поселились «на Ардонском грунте» Дмитрий Малахов, Михаил и Степан Тепикины, Яков Игнатьев, Гаврила Новиков, Купреян Семенов, Карп Гутков (впоследствии Разумеев), Григорий Логовой (Луговой), Иван Воронковской, Иван Долгой (Долгов), вдова Григория Новокрещеного – все они пришли на поселение в 1710 году.

До положения «в оклад на Государя», то есть до 1718 года, в слободу пришли на поселение в 1714 году Копорины (Копырины) и Терентий Игнатов, в 1718 году – Красильниковы.

Остальные фамилии были занесены в список «вновь прибылых» после переписи 1715–1718 годов: Смирновы, Бобылевы, Бормотковы, Михайловы, Токаревы, Степановы, Рогожины, Седледчен-

---

[1] Войт – невойсковая мещанская должность в селениях гетманской Украины в XVII–XVIII вв.

ки, Щербаковы, Востряковы, Медведковы, Лисицины, Безногой, Ковалевы, Котляровы, Поповы, Быковы, Санниковы, Приходковы, Васильевы, Каменковы, Зяпкины (Зябкины), Мохонины, Морозовы, Ложечниковы, Бойковы, Татариновы, Шараповы, Самолюбовы, Силины, Новокрещеновы, Ерофеевы, Савельевы, Осокины, Мыльниковы, Кириловы, Шапошниковы, Казмины. (РГАДА Ф. 248, е.х.1797, л. 171–184)

В перепись 1729 г. не попали Семен Васильев и Андрей Махоткин, которые через семь лет, в 1736 году, назвали себя первопоселенцами 1710 года[1].

1.2. О землях (грунтах) слободы Ардонь

Границы «гулящого грунта» Лыщицкой волости, на котором монахи разрешили поселиться Никифору Шарову с товариством», в «осадном листе» не были прописаны. Чтобы очертить границы Ардонского грунта, сведения о которых рассеяны по разным источникам, обратимся сначала к тексту «Осадного листа».

Из «осадного листа» на поселение слободы, выданного «архимандритом Киевопечерской лавры Афанасием Миславским» в 1711 году «Никифору Пантелеймонову сыну Шарову с товариством», видно, что монахи «...позволили им осести слободою **на грунте нашом** власном обители Свято-печерской гулящом, прозиваемом Ардонском, в полку Стародубовском, **за миль четире от маетности нашой Лищич и Павлич будучом,** ...обещалися они ...никому из подданних наших во околичности там зостаючим, не чинити ниякой перешкоди в грунтах их, **доволствуючи полями и лесами, которого мы, на прошение их, повелимо городничому тамошнему, отвести им на мили две отмежовати от окрест живущих**, ради спокойного их жития...Мы теди, ради пожитку обители Святопечерской, понеже **доволно там гулячей обретается земли,** позволили им, ...на вышепомянутом грунте слободою осести и людей приходящих к себе на житие приймовати»[2].

Прежде всего, «осадный лист» сообщает, что «грунт», на который поселились старообрядцы, принадлежит Лыщицкой монастырской волости.

Монахи постоянно наполняли монастырскую волость людьми, новыми селениями. Каким был состав поселений Лыщицкой во-

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1838, л. 407, 413.

[2] Лазаревский А.М. Описание Старой Малороссии. т. I, Стародубский полк. – Киев 1889, с. 457.

лости в 1710 году, не сообщается, но в 1781 году в составе Лыщицкой волости находились шесть сел, одна деревня, две слободы и один хутор: село Лыщичи при речке Вепринке, село Павличи при колодцах, село Голубовка при речке Голубовке (в ревизии 1723 г. не показано), село Богородицкое при **речке Ардёнке**, поселенное монахами в первой половине XVIII в., слобода Мартьяновка при речке Лютенке, деревня Чернеча Гута при ручье Дере, слобода Туросна при речке Туросне Кортавой «в бору», хутор Рябчин при речке Унече»[1] с прилежащими к ним землями.

Границы Лыщицкой волости в известных исследователям лаврских документах не обозначены. А нам важно было бы знать эти границы, чтобы внутри них очертить границы Ардонского грунта. А. Лазаревский приводит описание (1750 года) границ «Обруба Уваровщины», примыкавшего к северной границе лаврской волости: «Уваровщина грунт сумежный Лыщицкому грунту» – сказано в описании А. Лазаревского. «Уваровщина...имеет свое ограниченя з речки Унеч в речку Елну. Елною у гору через Борознину и Даровского рудне, до врочища Христовского. Оттуду через бор в Тащов лес, а оттоль лесом же и ручаем, прозиваемим Хомовским, в Дору речку. Дорою паки в речку Унечу. В сем обрубе кроме предписанних трех руден, осажена Борознина слобода Злодеевка»[2].

Водные границы Обруба Уваровщина сохранились в названиях рек: Унеча, Ельня-Рудня и Дыря (Дора). А место, обозначенное «Елною у гору через Борознину и Даровского Рудне», заселено жителями Рудни Тереховка и деревни Гнилуша (Сосновка).

Из приведенного описания явствует, что река Унеча была южной границей «Обруб Уваровщины» и одновременно северной границей «Лыщицкой волости».

«Осадный лист», выданный Никифору Шарову, сообщает, что в лаврской Лыщицкой волости было «довольно гулячей земли», называемой Ардонской. Старообрядцам-новоселам были выделены «поля и леса». Но ничего не сказано о естественных границах «гулячего грунта» (о ручьях, оврагах, болотах, дорогах), отделяющих его от земель и угодий крестьян сел Лыщичи и Павличи, ни о межевых границах с землями соседних помещиков. Не говорится, есть или нет поселения на левом берегу реки Арденки, которое с середины XVIII в. стало называться Богородицкое.

Сказано только, что Ардонский грунт находился в четырех ми-

---

[1] Лазаревский А.М. Описание Старой Малороссии. т. I, Стародубский полк. – Киев 1889, с. 394.

[2] Лазаревский А.М. Там же, с. 393, сноска 601.

лях «от маетности нашой Лищич и Павлич» и что городничему было велено «отвести им на мили две отмежовати от окрест живущих».

Выясним, что это за расстояние. В «осадном листе» говорится о четырех милях. А в переписи 1767 года говорится, что «оная слобода Ардонь лежит над небольшою рекою Арденкою, расстоянием от села Лищич в двадцати верстах»[1].

Старая русская миля составляла 7,468 км. Следовательно, 4 мили равны 29,872 км.

Верста, которой пользовались в Стародубье, «допетровская», содержала в себе 700 саженей, то есть 1,491 км. Расстояние от Лищич до Ардони в 20 верст – это 29,82 км.

При сравнении 4-х старых русских миль с 20-ю допетровскими вёрстами получаем одинаковое значение расстояния между Лищичами и Ардонью в 29, 8 км.

Теперь становится ясным, что городничий выделил ардонцам участок земли «на мили две», то есть шириной в 2 мили, или в 15 километров, и длиной в 15 км.

К сведению, А. Лазаревский писал, что в «Дневных записках» Яков Маркович (Ч.II, с. 142, ср. и стр. 13), говоря о монахе Савицком, который в 1741 году принимал земли слобод Ардони и Свяцкой из ведомства Государевой волости в подчинение Киево-Печерской Лавры, напоминал, что в монастырской канцелярии хранится копия универсала на поселение слободы Свяцкая, в которой сказано: «...каков на слободу Свяцкую на милю дан универсал, таков у свяцких жителей и в обители их имеется...»[2].

Следовательно, слободе Свяцкой было отмежевано земли шириной в 1 милю, то есть в 7,5 километров в длину и 7,5 км в ширину.

В грамоте 1720 г., выданной лавре после пожара 1718 г., когда «все крепости ея на вотчины погорели», были перечислены села и деревни в Стародубском полку, принадлежащие Печерской лавре: слободка Вышков, Верещаги, Неглювка Увелля, озеро Коженовское, село Яловка, Святская слобода, Ширки, Макаричи, Заборье, Летяхи, Перелаз, слободка Эрденка с Туросенскою мельницею и прочими пожитками»[3].

В грамоте также нет границ грунтов. Единственное, что сказано о слободе Ардонь: «слободка Эрденка с Туросенскою мельницею».

---

[1] ЦГИА Киев Ф. 57, оп. 1, д. 118, л. 1106.

[2] ЦГИА Там же, с. 457–458.

[3] Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. т. I, Стародубский полк. – Киев 1889, с. 386–388.

Некоторые сведения о границах ардонского грунта сохранились в сообщении о межевании земель Ардонской слободы в 1737 году, когда «по челобитной архимандрита Киево-Печерской Лавры Илариона о чинимых раскольниками монастырским подданным обидах и разорениях», и земельных захватах «князю Барятинскому велено было произвести следствие и обозначить межи Ардонской слободы. По указу Канцелярии министерского правления следствие это производил майор Глуховского гарнизона Хрипунов».

Старообрядцы указали Хрипунову следующие границы своих земель: **«вниз речкою Орденкою по обе стороны**, до Борозднина грунта и до речки Унечи, и вверх оною речкою – правая сторона до устья речки Голубовки, и вверх речкою Голубовкою – правая ж сторона до Халеевского грунта, и до речки Лутне, и до Туросны, и до устья вышеписанной речки Орденки...»[1].

Как видим, границу начали чертить по течению речки Ардони (Орденки), по обе стороны реки вниз до слияния с рекой Туросной Кортавой. Далее граница (межа) шла правым берегом реки Туросна Кортавая вниз по течению. Эта межа разделяла Ардонский грунт с грунтом Бороздны. Границы Борозднина грунта в документе не обозначены, но сказано, что «Борозднин грунт» простирается «до речки Унечи».

Прилежащий к грунту Ардонскому грунт Бороздны назывался Смолевицким. В конце XVII в. Иван Лаврентьевич Бороздна приобрел село Смолевичи на реке Унеча у братьев Смолевицких. Грунт простирался от реки Унечи на юг до правого берега реки Туросна Кортавая. На Смолевицком грунте по правому берегу Туросны Кортавой Бороздна поселил слободу Клинцы и деревню Стодола.

Межевые границы Смолевицкого грунта Бороздны в документах не обнаружены. Они не были обозначены и в выданном в 1715 году Петром I универсале, которым подтверждалось право Ивана Лаврентьевича Бороздны на владение родовыми и приобретенными землями в Стародубском полку. В универсале перечислены села, например, «Село Смолевичи, купленное слободкой с гутой и мельницею пруднею»[2], но не обозначены межевые границы грунтов.

В «Обозрении Румянцевской описи Малороссии» 1767 года сообщается, что за Иваном Бороздной числились: село Смолевичи при речке Унече, завод стеклянный старый при речке Чемерне, завод стеклянный новый, называемый Близна, при речке Близне,

---

[1] Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. т. I, Стародубский полк. – Киев 1889, с. 459.

[2] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1750, л. 562–569.

завод железный, прозываемый Ельня, при р. Ельне Рудников, слобода Ивановка при р. Гнилуши...»[1].

Из Обозрения видно, что Иван Бороздна в 1767 г. владел имениями в «Обруб Уваровщине», которая граничила с Ардонским грунтом Лыщицкой монастырской волости, а межой была речка Унеча.

В 1715 году Бороздна лишился значительной части Смолевицкого грунта, когда слобода Клинцы была передана в состав Государевой волости описных раскольничьих слобод. В XIX веке потомки Ивана Лаврентьевича по частям распродали остатки Смолевицкого грунта старообрядцам-фабрикантам. Сообщения об этих продажах и позволяют узнать границы между грунтом Бороздны и грунтом Ардонским.

Смолевицкий грунт Бороздны простирался на север, от речки Туросна Кортавая до реки Унеча и далее за реку Унеча. Ф.Евгеньев сообщал: «В 1832 г. купец Исаев приобрел у помещика Бороздны в Суражском уезде большую лесную дачу в 1,094 десятины за 10 000 рублей»[2]. «Лесная дача» примыкала к реке Унеча. Исаев построил на приобретенной земле суконную фабрику, а рядом – поселок Новые Мизиричи. Поселок и фабрика находились при слиянии речек Унеча и Ельня. В этом месте и в настоящее время есть поселок Мизиричи и лечебница. Насколько далеко от слияния двух рек простирался Мизирицкий грунт, неизвестно.

А в 1872 году другой клинцовский купец, Василий Евдокимович Барышников, купил у Бороздны: «земельный участок в 216 десятин с озером площадью в 14 десятин»[3] и построил Стодольскую суконную фабрику. Стодольский пруд (озеро) был образован мельничной плотиной через речку Туросну Кортавую.

Стодольская мельница и плотина существовали еще до XVIII века. Из Описания Малороссии А. Лазаревского известно, что «деревня Стодола при речке Туросне поселена была в начале XVIII в. при водяной мельнице на Смолевицких землях Иваном Лавр. Бороздною»[4]. Пруд за мельничной плотиной был небольшой, но он принадлежал Бороздне.

Речка Туросна Кортавая подробно описана в Ревизии 1781 года: «Туросна Кортавая имеет начало из болота при деревне Душкине

---

[1] Обозрение Румянцевской Описи Малороссии., вып. 3. Полк Стародубский. – Чернигов 1875, с. 741.

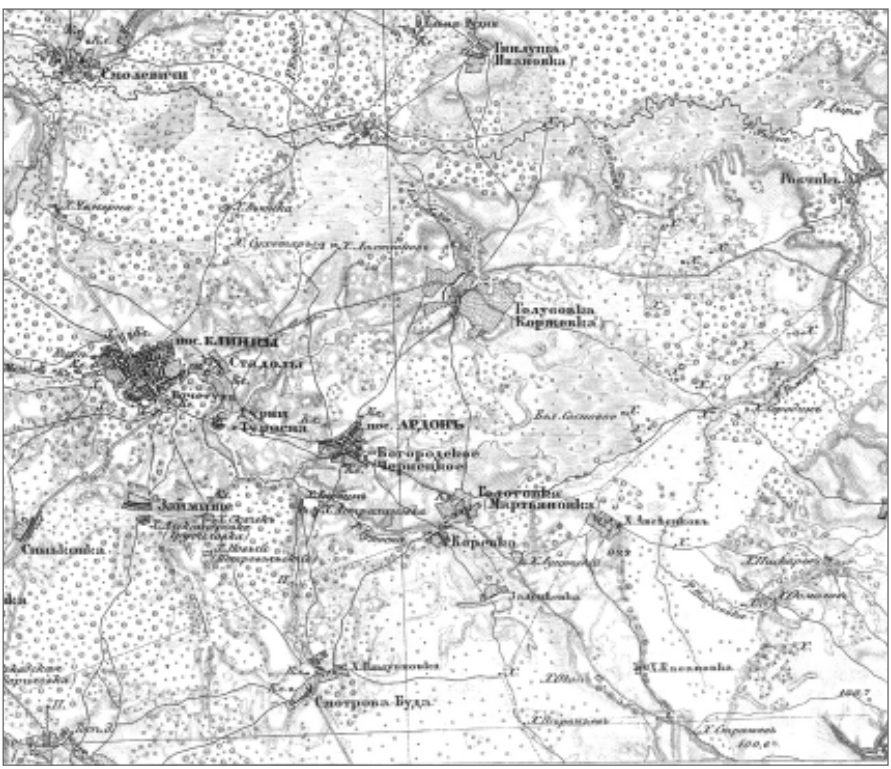
[2] Евгеньев Ф. Сто лет клинцовской шерстяной промышленности. – Клинцы. 1926, с. 40.

[3] Евгеньев Ф. Там же, с. 157–158.

[4] Лазаревский А.М. Описание Старой Малороссии, с. 375.

и, протекая через хутор Желеневку, хутор Коренев, слободу Туросну, слободу Стодолы, мимо слободы Клинцы, завода Соболчинова, хутора Тулуковский, за они сливается с другою речкою Туросной и невотдаль деревни Смялчи впадает в реку Ипуть»[1].

Таким образом, граница между Ардонским грунтом и грунтом Бороздны шла от устья реки Ардонь правым берегом реки Туросна Кортавая и правым берегом Стодольского пруда, с юга на север. Там, где русло Туросны Кортавой перед деревней Стодолы изгибалось и поворачивало на запад, а на изгибе русла реки стояла мельничная плотина, там межа не поворачивала на запад, а уходила на север и шла до реки Унеча, огибая с востока Мизирицкий грунт. Насколько межа была прямой или изогнутой, судить трудно.



Карта 1870-х годов

[1] Описание Новгород-Северского наместничества, 1779–1781. – Киев. 1931, с. 231.

Некоторое представление о восточной границе грунтов Бороздны дают старые дороги. Дорога, соединявшая Клинцы, Вьюнку, деревни Старую Вьюнку, Лукьяновку, Новые Мезиричи, полностью находилась в пределах Борозднина грунта. Усадьба Бороздны и дом управляющего находились в деревне Стодолы. Следовательно, от деревни Стодолы до северной окраины грунтов, к Рудне Бороздны, что на реке Ельня, также вела дорога, которая, скорей всего, находилась на некотором расстоянии от межи и в то же время параллельно меже, отделявшей его земли от Лыщицкого грунта, то есть параллельно западной границе Ардонского грунта.

Согласно ведомости Хрипунова, западная граница Ардонского грунта упиралась в речку Унечу, поворачивала на восток вдоль русла реки Унеча «вверх оною речкою – правая сторона до устья речки Голубовки». Судя по этой записи, левый берег реки Унеча назван правой стороной реки, то есть составитель текста по старинке стороны реки определял не по течению и против течения реки. Итак, левый берег реки Унеча на участке до устья реки Голубовки был северной границей Ардонского грунта. А речка Унеча на этом участке отделяла Ардонский грунт от грунта «Обруб Уваровщины».

В устье реки Голубовки межа поворачивала от реки Унечи и шла «вверх речкою Голубовкою, правая ж сторона, до Халеевского грунта, и до речки Лутне, и до Туросны, и до устья вышеписанной речки Орденки...». (Здесь левый берег реки Голубовки также назван «правой стороной»).

Из всех описанных границ спорной была южная граница Ардонского грунта, ограниченная речкой Орденкой (Ардонью). Майор Хрипунов в 1737 году за богатые подношения старообрядцев отодвинул южную границу их грунта от реки Орденки (Ардёнки) далее к югу «до Халеевского грунта, и до речки Лутне, и до Туросны».

Это стало известно из письма одного лыщицкого монаха, который, как сообщает А. Лазаревский, писал в 1738 году, что по отъезде «подполковника Хрипунова» «сего июля средних чисел, собрався много-множество расколщиков з сокирами, кирками, заступами, везде дороги через Ардонь речку попрочищивали и гать для прогону скотини понамощували, и немало крестянских пашен повибивали...»[1].

Судя по этому письму, на левом берегу Ардонь речки (Орденки) до 1737 года старообрядцы землей не владели, там находились

---

[1] Лазаревский А. Описание Старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – Киев. 1889, с. 459.

крестьянские пашни, не принадлежавшие ардонцам. Отдельные участки земли за левым берегом речки Орденки старообрядцы выкупили у лаврских крестьян и казаков, например, земля под хутором винного заводчика Никиты Коренева была выкупленной. Но ни в письме монаха, ни в межевой записи майора Хрипунова не сказано, существовало ли какое-нибудь поселение (деревня, слобода, село) на левом берегу речки Ардонь (Орденки) в 1737 году.

В «осадном листе» 1711 года говорилось только о двух ближайших селах: Павличах и Лищичах, а о поселении на левом берегу речки Орденки тоже не было сказано ничего. В «осадном листе» была одна фраза: «...обещалися быть верными и вечными подданными нашими... и никому из подданных наших во околичности там остаючими, не чинить никакой перешкоды в грунтах их, доволствуючи полями и лесами, которого мы на прошение их, повелимо городничому тамошнему, отвести им на мили две (и) отмежовати от окрест живущих, ради спокойствия их жития».

Эта запись дает основание только предполагать, что на левом берегу речки Ардонки уже стояли отдельные хаты «подданных наших во околичности там остаючими».

Попытка ардонцев захватить в 1737 году земли на левом берегу реки Орденки не увенчалась успехом. В 1741 году, когда старообрядческая слобода Ардонь была возвращена лавре, южная граница Ардонского грунта была вновь прочерчена по речке Ардонь и в течение последующих 200 лет оставалась неизменной, сначала для Ардонского слободского, а затем для Ардонского посадского общества.

Грунты ардонцев граничили с грунтами жителей села Голубовки. Границей, по-видимому, была речка Голубовка, левый берег – ардонский, а правый – голубовский.

Если вспомнить, что болото Ардзён, из которого вытекал ручей Ардзёный, просуществовало до начала XX века, можно полагать, что в начале XVIII века болото это было обширным, трудно проходимым. Речка Орденка (Большая Ардонь) тоже вытекала из обширного болота. Следы большого болота, теперь осушенного, до сих пор сохранились в верховьях Ардонского ручья, место это называются Ляды.

Следовательно, лаврские монахи в 1711 году выделили старообрядцам на поселение земли, зажатые между двумя большими Ардзёными болотами и речками, вытекающими из этих болот. Земли эти не отличались плодородием, это были заболоченные глинистые и песчаные почвы. Земли за Ардзёным болотом до реки Унеча также были песчаными, а в пойме реки Унеча чисто песча-

ными с примесями торфяника. На этих землях были хорошие сенокосные луга, но они не годились под посевные культуры.

О слободе Ардонь в 1781 году сказано: «Слобода Ардонь...Положение имеет на проселочной дороге в лесу, при пахотном поле, на ровном, низковатом месте, при небольшой речке Ардион, с правой стороны....К сей слободе земли пахотной мало, да и та пещана, и сенокосов мало ж, но за оние земли и сенокос обыватели здешние все обще платят по заключенному контракту в Киево-Печерский монастырь по 40 рублей каждого года. К участкам своего сенокоса обыватели сей слободы нанимают луга около реки Ипути у жителей села Смолевич и деревни Лопатни, а в леси имеют везде свободной, но испрашивают прежде дозволение в управляющего волостью Лищицкою Киево-печерской лавры...»[1]. То есть к 1781 году ардонские обыватели уже не пользовались пойменными лугами вдоль реки Унеча, эти пойменные земли, по-видимому, им уже не принадлежали.

1.3. Судьба беглых из России старообрядцев, поселившихся в Малороссии в XVIII в.

Беглые из России крестьяне стали селиться в Малороссии во второй половине XVII века. Среди беглецов из России было много старообрядцев, которые находили в лице местных землевладельцев защиту от преследования и терпимое отношение к их старой вере. Землевладельцы не препятствовали старообрядцам строить часовни в слободах и исповедовать старый обряд. Главными достоинствами старообрядцев были трудолюбие, трезвость и своевременная бездоимочная выплата налогов хозяину. Старообрядцы были желанными поселенцами, в противном случае в Малороссии не появилось бы два десятка слобод, населенных пришлыми из России людьми. Судя по сохранившимся «осадным грамотам», беглых россиян зазывали на поселение не только местные помещики, но и полковая старшина и гетманы.

Спустя 30 лет от начала поселения в Малороссии поселившиеся в Малороссии беглецы из России, в их числе и лаврские подданные в слободах Ардонь, Свяцк и Тимошкин Перевоз, подверглись в 1714 году испытанию. Правительство Петра Первого начало розыск беглых из России рекрутов и крестьян в Малороссии.

---

[1] Описание Новгород-Северского наместничества, 1779–1781. – Киев. 1931, с. 230–231.

Розыск беглых людей и возвращение их к своим владельцам проводились правительством России в течение всей второй половины XVII века, но бегство из центральных уездов России, как тогда говорили, из Замосковных городов, не прекращалось. Бежали, в основном, помещичьи крестьяне. С началом преобразовательной деятельности Петра и особенно с началом изнурительной Северной войны появились потоки беглых крестьян из дворцовых и монастырских владений, посадских людей из городов, рекрутов, солдат. Бегство людей приобрело такие размеры, что стало угрожать подрывом экономики.

Крестьяне бежали от рекрутской повинности, от мобилизации на строительные работы в Санкт-Петербург, в Таганрог, на строительство причалов, каналов, дорог, верфей, бежали от растущих налогов и поборов. В докладе, поданном царю 14 февраля 1715 года, сообщалось о масштабах уклонения населения от рекрутской повинности: «а в бегах с станций и с Москвы и с дороги в Армию 20 000 человек» (ПСЗ. № 2885). К концу 1720-х годов в бегах числилось до 200 000 человек[1].

Правительство, конечно, знало о бегстве населения на окраины государства, но масштабы «убыли податного населения» стали очевидны после переписи 1710 года. С этого времени борьба с бегством населения стала проводиться правительством более настойчиво. Если до 1710 года было опубликовано 4 указа, предписывавших возвращать беглых, согласно требованию «Уложения» 1649 года, то в последующие годы количество указов подобного содержания резко возросло. Начало решительной борьбы с бегством населения положила цепь указов 1713–1714 годов о розыске беглых крестьян, посадских людей, рекрут и солдат и о возвращении их на старое место и в армию[2].

Правительство, усиленно занимавшееся поиском беглых в Поволжье, тогда же, в 1714 году, обратило внимание на земли, так называемой, «Польской Украины» или Малороссии, где осело много беглых солдат, крестьян, в том числе и старообрядцев.

Автономия Малороссии и невмешательство России в её внутренние дела долгое время служили беглецам надежной защитой от притязаний прежних землевладельцев к возвращению своих крестьян в Россию. Малороссийский Приказ, находившийся в Москве, руководил розыском беглых крестьян и служивых людей, сидя в

---

[1] Заозерская Е.И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII века. Из сб. «К вопросу о первоначальном накоплении в России XVII–XVIII вв. – М. 1958, с. 160.

[2] ПСЗ. Т.VI. №№. 2672, 2706, 2783, 2846, 2891, 2910.

столице, потому и безуспешно. Призывы русского правительства к малороссийским землевладельцам задерживать беглых россиян и возвращать их прежним владельцам оставались безответными.

Положение беглых из России крестьян, поселившихся в Малороссии, изменилось после Полтавского поражения шведов. Политические метания гетмана Мазепы вызвали со стороны царя-победителя недоверие к гетманской власти. Это недоверие назревало давно, поскольку бывшие до Мазепы гетманы, избранные православным казачьим населением, никак не могли определиться, с кем им по пути: с русским православным царем или с польским королем-католиком, или с мусульманской Турцией.

Царь Петр после Полтавской победы всячески усиливает присутствие России в Малороссии и начинает активно влиять на ход внутриполитической жизни, ограничивая прежние институты автономии. В 1722 году Петр упразднил в Москве Малороссийский Приказ и передал его функции Малороссийской Коллегии, разместившейся в Малороссии, в городе Глухове. Коллегия осуществляла надзор за деятельностью гетмана и казачьей старшины при гетмане. В ведении Малороссийской Коллегии находились русские полки, расквартированные в Малороссии.

Правительство, потрясенное масштабами бегства тяглового населения из Центра России на окраины государства, начинает менять прежнее отношение к беглым, как к преступникам. Царские указы свидетельствуют, что правительство ищет способ извлечь из обнажившегося бедствия некую пользу. Правительство уже не ставит задачу поголовного возвращения беглых, а оставляет их на тех землях, где они освоились, или переселяет беглецов, поселившихся у южной границы государства, на малоосвоенные земли юга России и превращает их в обычных налогоплательщиков. Однако рецидивы прежней политики еще долго появляются в указах, требующих возвращения к прежним хозяевам тех крестьян, на которых имеются челобитные от прежних хозяев, и крестьян, у которых не имеется «отпускных писем» от землевладельца.

Указ правительства Петра Первого в отношении беглых людей, поселившихся в Малороссии, датируется 12 марта 1714 года. В архиве Сената хранится «экстракт» из документов разных лет, находящихся в «книге документов», полученных «по справке в Сенате», в котором сказано: «В указех Блаженныя и вечнодостойныя памяти Его Императорского Величества написано: 1714 года, марта 12. Патриарших, архиерейских и монастырских крестьян и однодворцев, которые, сбежав, жили Гетманского регимента в Малороссийских городах и слободских полках в разных местах, сыскивая, записывать в книги, а, записав, вывозить и селить

Белгородского и Севского разрядов в городах, где жили рейтары и солдаты и городовой службы однодворцы, а ныне земли их пусты; также которые помещиковы и вотчинниковы, дворовые и деловые люди крестьяне явятся, а имеют у себя от помещиков своих свободные письма или впредь получат, тех свидетельствовать отпускными их письмами подлинно, потому селить в помянутых же местах; а которые от помещиков своих свободных писем не объявят, тех отдавать по крепостям по прежнему помещиком; а буде в тех же местах явятся беглые драгуны и солдаты, и рейтары, и их отсылать в армию к комисарству, а от комисарства употреблять в комплект в полки в вышеписанном сыску и селидьб. Киевскому губернатору иметь комиссию обще з гетманом»[1].

Следует обратить внимание на последнюю фразу, которая требует, чтобы действия киевского губернатора не носили характера вмешательства во внутренние дела Гетманской Малороссии, но сохраняли бы прежнее уважительное отношение царского правительства к автономии Гетманской Малороссии.

Этот указ, адресованный киевскому губернатору князю Д.М. Голицыну (воеводство с 1707 г., губернаторство с 1711 по 1718 г.), стал исходным документом для последующего розыска беглых людей, поселившихся в Малороссийских полках. При этом в указе ничего не говорилось о «раскольщиках».

Руководствуясь царским указом от 12 марта 1714 года «о поиске беглых людей разного звания», Киевским губернатором в том же году были назначены «нарочные комисары» «обще с гетманом». Со стороны Киевского губернатора, представлявшего Российское правительство, «комисарами» стали полковник Киевского гарнизона Григорий Ергольский, майор Протасов и дворянин Кузьма Безобразов. Со стороны гетмана И.И. Скоропадского – пан Корецкий и пан Покорский[2].

Экспедиция полковника Г. Ергольского 1714 года длилась не один месяц. В своем донесении Киевскому губернатору «комисары» Г. Ергольский и К. Безобразов сообщили, что «в Стародубском уезде многия слободы поселены великороссийских городов людьми и оные поселенцы в вере раскольники, а поселенья их близ границы, а многия из оных поселенцев являются из других губерний и отдаются на расписки оным же владельцом, за кем они живут в поселении с принуждением».

---

[1] РГАДА, ф.248, кн. 734, л.567.

[2] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв., – Киев 1895, с. 473.

«С принуждением», то есть несут “державское послушество“ – облагаются натуральным и денежным налогом. Григорий Ергольский тем самым подчеркивал, что беглецы из России приносят доход не российской казне, а малороссийской.

Далее в донесении комиссаров Г. Ергольского и К. Безобразова сказано: «И оныя (малороссийские) владельцы бьют челом, чтобы их Царское Величество указал от них взять и перевесть в великороссийские городы всех до одного человека, того ради имеют опаску, чтобы они не ушли ... в Польские и Литовские городы». При этом Г. Ергольский высказывает свое мнение, в котором звучит сомнение в целесообразности возвращения беглецов в Россию: «Ежели указ Царского Величества о переводе оных людей состоится, что их повелено будет перевозить в те городы, из которых они бежали, и оным владельцам одним тех людей перевезти на своих подводах за дальностью неможно, того ради, что их поселено множество и имеют от них в противности опасение, чтоб чего не учинено».

Всего в экспедицию 1714 года комиссарами было выявлено 350 дворов переселенцев из России[1] и много пустующих дворов.

Комиссары обнаружили, что во время начатого ими розыска и переписи беглого из России населения десятки семей из старообрядческих слобод Стародубья вновь ударились в бега за Польскую границу. Слободы обезлюдили, опасения малороссийских владельцев подтверждались.

В том же донесении Киевскому губернатору князю Д.М. Голицыну, находившемуся в это время в Санкт-Петербурге, комиссары приводят два взгляда, два мнения на судьбу беглых российских людей, не подчеркивая при этом их религиозной принадлежности к старообрядцам: мнение землевладельцев и мнение комиссаров. Малороссийские землевладельцы предлагают «взять и перевесть в великороссийские городы всех до одного человека, того ради имеют опаску, чтобы они не ушли ... в Польские и Литовские городы». Мнение комиссаров проникнуто серьезным опасением, что переселение столь большого числа беглецов в Россию окажется дорогим и непосильным делом и может «сопровождаться беспорядками».

Вызывает удивление челобитная малороссийских владельцев, которые озаботились тем, что беглые россияне могут уйти за границу, и предлагают «взять и перевесть в великороссийские городы всех до одного человека».

---

[1] Копия из донесений Ергольского и Безобразова киевскому губернатору, без даты. ЦГИА Укр. Ф.59, оп.1, д.14, л.1.

До сего времени в течение около 30 лет беглецов из России принимали в Малороссии, селили и после ряда льготных лет превращали в «посполитых», а в Россию к прежним владельцам не возвращали. Скорей всего, содержание челобитной продиктовано страхом перед крутым и решительным царем за укрывательство беглецов и использование их для получения дохода со своих земель. Землевладельцы лицемерно выказывают готовность «избавиться» от этих «ненужных» им людей.

На основании донесения комиссаров князь Д.М. Голицын 18 февраля 1715 года представил на усмотрение Государя ряд докладных пунктов.

В 3-м пункте доклада Д.М. Голицын задает Государю вопрос: «Велено беглых великороссийского народа людей из малороссийских городов вывозить в великороссийские города; а которые в малороссийских городах в бегах поженились на черкасских девках и вдовах, и прижили детей, и оные и с детьми служат в козаках или в подданстве, и таких из малороссийских городов отдавать ли?»

В 4-м пункте доклада дается сообщение о результатах розыска беглых и ставится вопрос, как с ними поступить: «В Стародубском уезде поселены слободы великороссийского народа раскольники, и комисары пишут, что в оные слободы ехать опасно, дабы не разбежались за границу».

Прямо на «докладных пунктах» царь наложил резолюцию, о чем в «экстракте» из документов сказано следующим образом: «Под тем подписан Его Императорского Величества собственной рукой указ: «Тако обложить в оклад»[1].

Таким образом, обнаружение многочисленных поселений старообрядцев в Малороссийских полках произошло вследствие проводившегося в стране розыска беглых крестьян, посадских людей, рекрутов и солдат.

По-видимому, доводы губернатора Д.М. Голицына о том, что живущие у Польской границы раскольники могут уйти за границу и тем устраниться от государева тягла, оказались убедительными. Царь Петр в своем решении отошел от требований собственного указа 12 марта 1714 года «отдавать по крепостям по прежнему помещиком» всех бывших помещичьих и вотчинных крестьян, которые в «раскольничьих» слободах Малороссии составляли большинство жителей, и принял решение оставить беглецов жить на прежнем месте с обязательным условием – нести государево тягло.

---

[1] РГАДА, ф.248, оп.29, д.1797. л.222; ПСЗ № 2889.

Далее в «экстракте» сообщается:

«И по посыланным из Киева к оным комисарам в том же 1715 году указом велено их, расколщиков, переписав, обложить годовым окладом, что кому платить возможно, а им расколщикам объявить указом, дабы они тот положенный оклад, собрав на 1715 год, заплатили в казну сполна. Також и на предбудущие годы платили бездоимки и жили на прежних своих усадьбах и землями и всякими угодьями владели, которые даны им от владельцев прежде сего»[1].

Уже через месяц, 21 марта 1715 года, в сотенном местечке Мглине были собраны войты всех раскольничьих слобод Малороссии для заслушивания царского указа и указа губернатора Д.М. Голицына, составленного на основании царского указа от 18 февраля 1715 года об «обложении в оклад».

Текст царского указа от 18 февраля 1715 года не сохранился, но содержание его выясняется из документов, составленных Гр. Ергольским и Д.М. Голицыным.

Так в отчете о собрании войтов в местечке Мглине Григорий Ергольский докладывал Д.М. Голицыну в Санкт-Петербург следующее:

«Всего в вышеписанных слободах разных губерний триста пятьдесят дворов, оные поселенцы селются в лесах. А окладу на них не положено того ради, что переписанные они до присланного Великого Государя указу, который прислан об окладе их.

А по присланному указу из тех слобод войты призываны к комисарству и сказано им Великого Государя указом, чтоб они жили в тех слободах во всякой волностех, а платить им Великого Государя положенный на них оклад. Войты сказали, что готовы платить оклад, только бы не было указа переводить их в другие городы...». И ещё «Оные войты били челом, чтобы они в Стародубе судом и справою не были ведомы. И указал бы Великий Государь прислать к ним для рассуждения всякого дела указ, кому их вед[ать]... из них одному...»[2].

Содержание царского указа было пересказано губернатором Д.М. Голицыным 28 февраля 1716 года в «Объявительном открытом листе». В документах XVIII века, в челобитных, указах и др. было принято приводить большие отрывки из документов по рассматриваемому вопросу, раскрывая последовательность хода дела.

Так и в «Объявительном открытом листе» сначала пересказано содержание царского указа от 12 марта 1714 г.: «По именному

---

[1] РГАДА, ф. 248, оп. 29, д. 1797. л. 222.

[2] ЦГИА Киев. Ф. 59, оп. 1, д. 14, л. 7.

Царского Величества указу велено Великороссийского народа всякого чина беглых людей, которые живут в Малороссийских городах и в Слободских полках сыскивая выдавать в Великороссийские города где кого надлежит...».

Но в течение года мнение царя и его правительства о судьбе беглых российских крестьян, поселившихся в Малороссии, изменилось. Вместо требования о высылке беглых к местам их прежнего проживания появляется требование оставить всех беглых на своих местах. По-видимому, возобладал здравый смысл, что возвращение беглых к своим владельцам станется казне дорого, а налоговая платежеспособность возвращенных беглецов восстановится нескоро. Гораздо выгодней и практичней, поскольку они уже платежеспособны, объявить беглецов собственностью Государя и сразу начать взимать с них налог.

Далее в «Объявительном открытом листе» следует пересказ текста другого, не сохранившегося, царского указа от 18 февраля 1715 года: «А где явятся великороссийского ж народа расколщики; и оных велено переписать всех налицо подворно, и кто на каких грунтах и за кем живут в подданстве, и велено им жить на тех же грунтах, на которых они поселились, а владельцам ими, расколщиками, отнюдь не владеть и податей с них не иметь и никакими делами не ведать и обид им не чинить»...

И уже, согласно царскому указу, Киевский губернатор принимает следующие решения:

«И для того определены из Киева и от гетмана И.И. Скоропадского нарочные комисары полковник Г. Ергольский с товарищи и того ради объявляет он, губернатор, Его Величества указом, дабы оным расколщикам никто обид не чинил и никакими делами их не ведал и во владении грунтов их, которыми они владели, никто не интересовался под опасением штрафа. А жить им, тем расколщикам, на тех грунтах, на которых они жили и землями и всякими угодьями владели до состояния вышепомянутого Его Величества указу. А во излишние угодья не интересовалися и пришлых великороссийского народу людей никого к себе не принимали под опасением жестокого истязания»[1].

По-видимому, в дополнение к указу Государя последовал другой указ, тоже не сохранившийся. На этот царский указ ссылается государственный канцлер граф Гаврила Иванович Головкин в письме к Малороссийскому гетману Ивану Ильичу Скоропадскому в письме, посланном из Санкт-Петербурга 9 июля 1715 года. Из письма узнаем, что в царском указе шла речь о «взятье за

[1] РГАДА, ф.248, оп.63, д.5452. л.78–78 об.

пожилые годы» с тех владельцев, кто «принимал беглых», и о «расколщиках», которые «поселены деревнями», и «ничем не интересоваться до них» без ведома губернатора князя Голицына:

«Ясневельможный и превосходительный господин гетман войск его царского величества Запорожских, мой особливый благодетель. Писали велможность ваша ко мне, что господин губернатор Киевский князь Голицин объявил велможности вашей, чрез писмо свое, содержание состоявшагося царского величества указу о беглых Великороссийского народа людех, в Малой России обретающихся, и желали ваша велможность, дабы грамота его величества к вам о том была прислана.

Потом ваша велможность, от 30-го апреля, писали, что определенный от помянутого господина губернатора Киевского камисар Ергольский, для выводу помяненных беглых Великороссийских людей, объявил велможности вашей в пополнение прежняго указу, что за тех беглых от владелцов, за кем оные жили, за пожилые годы брать по пяти рублев, в чем де немалая чинится тем владелцам трудность, понеже многим из них недавно маетности те достались.

И на сие я велможности вашей ответствую, что каков царского величества указ в Сенате о сыску и вывозе из Малой России беглых Великороссийских людей состоялся, о том посылается при сем к вам его царского величества грамота, по которой изволите то исполнять.

Что же о взятье за пожилые годы принадлежит, и мы прошение ваше за народ Малороссийский доносили его царскому величеству, и его величество указал за беглых драгун, и солдат и крестьян за пожилые годы положенныя денги со владелцов Малороссийского народа всяких чинов брать с тех, которые сами тех беглых принимали и за собою держали, понеже всегда о том указами царского величества было запрещено, дабы беглых, а особливо драгун и солдат, не принимать. За которыми же владельцы такие беглые сыщутся и надлежит их по указу вывесть, а тех беглых принимали не они сами, но прежние тех маетностей владельцы, и им те маетности достались с теми беглыми драгуны, солдаты и крестьяны, и на тех владельцах пожилых денег за тех беглых не имать. И сей его величества указ в Сенате, также и господину губернатору Киевскому, писменно мы объявили, и ваша велможность о сем по тому же его величества указу поступать извольте. А которые из беглых Великороссийских людей у своих помещиков откупились и имеют писма, тех надлежит отдавать же; ибо хотя они у своих господ от подданства свободу тем получили, однакож надлежит им жить в Великороссийских городах и платить против других

всякия подати, которыя, особливо под нынешний военный час, каковы тяжки, чаю вашей велможности известно.

А которые беглые, крыяся в Малороссийских городах, называются расколщиками и поселены деревнями, и тех велено обложить денежным окладом. А которые из Малороссийского народа обретаются в тех же деревнях, и тех окладывать и ничем не интересоваться до них определенным от господина губернатора Киевского не надлежит, а быть им по прежнему в послушании своих владельцев; и о сем я такожде к господину губернатору князю Голицину писал. Вашей велможности ко услужению готовейший граф Г. Головкин. Из Санкт-Питерсбурга, июля в 9 день 1715»[1].

В том же, 1715-м, году командой Г. Ергольского была проведена новая перепись населения старообрядческих слобод Малороссии, теперь уже «для обложения в оклад». Перепись выявила, что число пустых дворов, в сравнении с переписью 1714 года, сократилось. После собрания войтов старообрядческих слобод, состоявшегося в г. Мглин 21 марта 1715 года, и объявления царского указа об «обложении в оклад на Великого Государя» старообрядцы быстро осознали, что царским указом они освобождались от прежнего бесправного состояния – «беглый», и, становясь «описными, тяглыми», приобретали законность своего положения перед лицом Российского правительства. Началось возвращение слобожан к своим покинутым жилищам, что и было отмечено повторными дополнительными экспедициями Ергольского.

В 1714 г. переписчики нашли в 17 старообрядческих слободах только 377 дворов с населением 3 112 душ. Перепись 1715 года выявила 380 дворов. К 1717 году число заселенных дворов выросло до 527, и в 1718 году в слободах числилось 526 дворов с населением 4 054 души.

Перепись слободского старообрядческого населения Малороссии с «положением в оклад» была завершена в 1718 году. В результате переписей было установлено, кто и откуда пришел на поселение, какому землевладельцу принадлежал, проживая в России, выяснялся состав семьи и другие сведения. Перепись показала, что после 1700 года значительная часть поселенцев пришла в Малороссию из-за Польской границы и из Государевых дворцовых волостей.

В итоге работы «комиссаров» раскольничьи слободы Малороссии были объединены в «Государеву волость описных раскольничь-

---

[1] «Материалы военно-ученого архива Главнаго Штаба» т. 1, – СПБ, 1871, с. 799–801.

их слобод», по подобию многочисленных дворцовых волостей, разбросанных по всей России.

Столь «заботливое» внимание правительства к «раскольщикам», живущим в Малороссии, отнюдь не следует объяснять некими патриотическими поступками старообрядцев во время прохождения шведских войск через Стародубье. Отеческая «забота» государя о старообрядцах распространялась за пределы Малороссии вдоль всего западного пограничья России и Речи Посполитой и преследовала стратегические задачи.

В 1716 году появляется еще один указ царя, касающийся судьбы всех старообрядцев, живущих в России, – указ, легализующий существование старообрядцев путем включения их в государственную систему налогообложения, но по более высоким ставкам – двойного оклада, а с введением подушного обложения – двойного подушного обложения.

Указ о двойном налогообложении старообрядцев датируется 8 апреля 1716 года. В указе сказано: «Где есть раскольщики, тех всех в губерниях губернатором описать **(кроме тех, которые живут близ рубежей)** и, описав, положить их в оклад против настоящего (нынешняго) платежа, почему купечество в посады, а крестьяне с тяглых своих жеребьев платят вдвое. А которые по описи явятца, а прежде сего податей никаких не платили, тех обложить, применяясь к тому. А с женска полу, со вдов и детей против оного в полы»[1].

Взятое в скобки в тексте указа одно из положений: «Кроме тех, кто живет близ рубежей» относилось к старообрядцам, живущим не только в Стародубском и Черниговском полках, но и вдоль всей западной границы от Балтийского моря и до Малороссии. Это «положение» указа свидетельствует, что опасение, высказанное князем Д.М. Голицыным 18 февраля 1714 года в отношении беглых крестьян-старообрядцев: «дабы не разбежались за границу», стало частью государственной политики по отношению к старообрядческому населению, живущему у границы с Польшей, равно как и в отношении всего остального нестарообрядческого населения приграничья, несущего непомерные тяготы военного времени.

Указ «о старообрядцах, живущих в Малороссии», указ «о двойном обложении», а также указы «о бородах», «о ношении платья» и другие, подобные им, указы являются порождением политики экономического подавления религиозного инакомыслия, проводив-

[1] РГАДА, ф. 248, кн. 734, л. 567 об.–568.

шегося царем Петром Алексеевичем, и одновременно вовлечения старообрядцев в систему государственного налогообложения. Царь добился того, что превратил политику преследования старообрядцев из затратного полицейского мероприятия в доходное фискальное предприятие.

В обстановке реформирования всего уклада жизни России решение царя не выводить беглецов из пределов Малороссии, а оставить на месте и «обложить в оклад» не следует рассматривать как исключительное явление, обусловленное некими заслугами старообрядцев перед Отечеством, поскольку не противоречит правовой практике, создаваемой правительством Петра I.

Создание Государевой волости в Малороссии

Создание Государевой волости в Малороссии проводилось в духе средневекового абсолютизма. Сильный вассал отнимал крестьян у более слабых вассалов, мотивируя действия тем, что крестьяне до бегства принадлежали ему. Слободы Стародубья, заселенные в основном старообрядцами, были изъяты из владения местных малороссийских землевладельцев вместе с ранее отмежеванными для беглецов землями.

Угроза, прозвучавшая в тексте царского указа о «взятье денег за пожилые годы» с Малороссийских землевладельцев, которые «сами тех беглых принимали и за собою держали» вопреки царскому запрету, сделала Малороссийских землевладельцев на некоторое время послушными и безропотными исполнителями царской воли. В случае приведения в исполнение указа о «взятье за пожилые годы», землевладельцам пришлось бы выплатить за каждого беглого «по пяти рублёв» за каждый год, прожитый им в подданстве малороссийского землевладельца. А таких беглых было выявлено в слободах Малороссии около 2 000 мужских душ.

Более вероятно, что «взятья денег за пожилые годы» не проводилось. Документы не сохранили об этом никаких сведений.

Экспедицией Ергольского было выявлено и объединено в составе Государевой волости 17 слобод, заселенных беглецами из России в разное время: Деменка (1684), Елёнка (1684), Воронок (1691), Лужки (1694), Шеломы (1695), Злынка (1700), Тимошкин Перевоз (1700), Зыбкая (1701), Добрянка (1706), Клинцы (1707), Климовая (1708), Радуль (1708), Чуровичи (1708), Митьковка (1709), Чуровичи (1709), Ардонь (1710), Свяцкая (1714).

По одной семье старообрядцев было выявлено в слободах Понуровке, Курковичах и в городе Новгороде-Северском, они были приписаны к Государевой волости.

Государева волость в Малороссии представляла собой лоскутное образование из 17 земельных участков по числу слобод. Впрочем, и в России земли Дворцовых волостей нередко расчленялись земельными владениями помещиков и монастырей.

Государева волость стала первой и единственной в Малороссии, то есть за пределами России. Кроме того, Государева волость описных раскольничьих слобод Малороссии была единственной, образованной по религиозному признаку.

Как отразился передел собственности в Стародубье и создание Государевой волости на старообрядцах?

Жизнь слободских старообрядцев, оттого что они стали обывателями Государевой волости Малороссии, только усложнилась. Местные землевладельцы, лишившись части своей земли и бездоимочных налогоплательщиков, не могли смириться с произошедшей утратой и делали всё, чтобы вернуть бывшую собственность.

Со второй половины XVII века, пока старообрядцы находились в подданстве малороссийских землевладельцев (Зенченок, Борозден, Миклашевских, Рубцов, Чернолуцких, Полуботков), пока платили налоги и выполняли повинности, они оставались желанными и безупречными: ни занятие торговым промыслом, ни религиозные взгляды не ставились им в упрек.

Из сохранившихся универсалов и донесений явствует, что малороссийские землевладельцы после 1714 года стали добиваться возвращения отторгнутой земли как со старообрядцами, так и без старообрядцев.

Зная о многолетней озабоченности российских помещиков бегством подданных из имений, зная, что по челобитным российских помещиков неоднократно издавались царские указы о сыске и возвращении беглых русских крестьян в Россию, зная о религиозных гонениях на старообрядцев в России, гетманский и полковой уряд после 1714 года стал требовать высылки старообрядцев из Гетманщины, подчеркивая в своих обращениях к царю религиозные особенности вероучения старообрядцев, представляя их злостными распространителями своей веры, которые «прельщают» «благочестивых» крестьян Малороссии своей «раскольничьей прелестью».

Не дожидаясь решения своего вопроса на правительственном уровне, малороссийская власть стала создавать на местах невыносимые условия для жизни старообрядцев. Уже в 1715 году Старо-

дубский полковник Лукьян Жоравко своим универсалом[1] запретил жителям полковых сел продавать староверам пряжу, мед, воск и другие товары за пределами города Стародуба. Полковник пытался сохранить монополию торговли названными товарами в руках Стародубских купцов и ослабить торговый натиск предприимчивых старообрядцев. В ноябре 1716 года универсалом гетмана Ивана Скоропадского[2] запрет старообрядцам на торговлю был распространен на всю Северную Малороссию. Основным доводом такого требования было то, что старообрядцы «...продаючия усякие товары, чинят крамарам тамошним убыток...».

Запреты на торговлю внутри Стародубского полка только подтолкнули старообрядцев Стародубья к перенесению своих торговых интересов за границу и к развитию приграничной торговли. Старообрядцы заполнили на рынке Стародубья не занятую доселе никем нишу – они занялись скупкой конопляного масла и вывозом его в Речь Посполиту. В 1729 году из 288 семей старообрядцев Стародубских слобод, занятых разными промыслами, 165 семей занимались скупкой и перепродажей конопляного масла. Старообрядцы Стародубья удовлетворяли спрос на конопляное масло многочисленных мыловарен Польши и Беларуси, варивших мыло для суконных фабрик[3].

В «Экстракте из документов прошлых лет», составленном канцеляристом Баскаковым в 1723 году, говорилось, что в 1722 году от гетмана Ивана Скоропадского в Сенат поступило доношение с требованием, «чтобы раскольников, описанных полковником Ергольским, которые в полках Стародубском и Черниговском из слобод тамошних, где и ныне обретаются, вывесть куда в иное место, понеже не имеют над собою они ево Гетманской команды; разным людем регименту ево делают обиды; земли, леса и протчия угодья насильно отнимают, да и благочестивых к своему раскольническому прелщают зловерию»[4].

---

[1] Универсал Стародубского полковника Лукьяна Жоравко от 19 июля 1715 года о непродаже по селам и деревням, кроме города, пеньки, меда, воска и пр. московским людям // Лилеев М.И. Новые материалы для истории раскола... – с. 109.

[2] Универсал гетмана Скоропадского Стародубскому полковнику Лукьяну Жоравке от 5 февраля 1719 г., подтверждающий прежнее запрещение слободским раскольникам торговать в Северной Малороссии // Там же, с. 114.

[3] Перекрестов Р.И. Источники накопления капитала старообрядцами Стародубья в начале XVIII в. // Клинцовский летописец. Кн.1. – Клинцы. 2007, с. 20–27.

[4] РГАДА Ф. 248, кн. 734, л. 568.

Гетман Иван Скоропадский хорошо знал, насколько выгодно иметь дело со старообрядцами. В бытность Стародубским полковником Иван Скоропадский, пользуясь служебным положением, осадил (основал) на своих дачах две старообрядческих слободы: в 1708 году слободу Климову, а в 1709 году слободу Митьковку. Утрата двух богатых слобод глубоко задевала самолюбие гетмана.

Ни Ивана Скоропадского, ни других землевладельцев, включая лаврских монахов, долгие годы не пугала «раскольническая прелесть», исходящая от богатых и бездоимочных подданных налогоплательщиков. Теперь, когда владельческие интересы оказались ущемленными, религиозные особенности старообрядцев стали доводом в челобитных к правительству.

Если до 1715 года в Малороссии указы, исходящие из Российского правительства с требованием ущемления гражданских прав и религиозной свободы старообрядцев не исполнялись, беглых старообрядцев малороссийские землевладельцы селили на своих землях, укрывали и не возвращали в Россию прежним владельцам, не препятствовали старообрядцам возводить в слободах часовни, приглашать из-за границы священников для исполнения треб, то после 1715 года преследование старообрядцев в Малороссии стало вестись с особой ревностью и старанием. Более того, на старообрядцев стали натравливать местное население, а обиды, причиненные старообрядцам, оставались безнаказанными.

В 1722 году в Стародубье прибыл миссионер Иосиф Решилов, чтобы вернуть старообрядцев в лоно Греко-российской церкви. В период с 1722 по 1724 год Иосиф Решилов разорял монастырские постройки, устраивал облавы на таможнях, вылавливая беглецов-переселенцев из России, преследовал и арестовывал старообрядческих священников, монахов. За такие миссионерские подвиги Иосиф Решилов пользовался всесторонней поддержкой у местных землевладельцев.

Появление в Стародубье синодального миссионера Иосифа Решилова вызвало всплеск насилия по отношению к старообрядцам. В течение трех лет миссионерской деятельности Иосифа Решилова старообрядцы представили десятки жалоб на грабежи, устроенные по приказу Решилова, 23 жалобы дошли до Правительствующего Сената:

«В местечке Ропске Стародубского уезда старостой и войтом и господарем Евсеевым напали на жителя описной слободы Радуль Черниговского уезда. Он ехал из Москвы, был избит и ограблен, потеряв китайки 3 тюка, крашенины 130 аршин, жемчугу 8 золотников, мыла 7 фунтов, пять шуб, лошадь и прочее».

«Жители слободы Внуковичи избили жителя Злынки, Никиту Харитонова, который ехал с сеном через слободу Внуковичи. Доныне руками не владеет».

«Поп Павел из Синего Колодца ограбил и бил в Манюках жителя Зыбкой Подрябинникова. Взял рыбы самины (сомы) воз, рукавиц 200 пар, воз соли, мешок конопли».

«Стародубского уезда господина Рагузинского слободы Туросни дьячок Родион бил жителя **слободы Орденки** Михаила Харохорина, который приезжал для продажи конопляного масла. Пограбил масло и деньги»[1].

Бурмистр Государевых описных слобод Е. Карпов писал И. Решилову: «От твоего прежняго страху и утиснению разбежалось многое число простых людей».

В 1723 году по распоряжению Президента Малороссийской Коллегии С.Л. Вельяминова состоялась перепись малороссийского населения, в том числе и Государевой раскольничьей волости, куда входила слобода Ардонь[2].

Перепись 1723 г. выявила, что в Государевой волости число дворов обывателей сократилось, при этом выросло число бездворных хат и появилось 39 пустующих дворов[3].

Старообрядцы боялись миссионеров, боялись быть схваченными, посаженными в тюрьму, боялись разорения семей. Многие жители Стародубья, зная не понаслышке, как жестко и беспощадно проводит миссионерскую работу Питирим в Нижегородской губернии, с появлением Иосифа Решилова бежали из Стародубья за границу, на Ветку.

Во время миссионерской деятельности Иосифа Решилова в Стародубье, в 1723 году, был поднят вопрос о повышении ставки налога со старообрядцев, чтобы живущие при границе «раскольники» платили двойной подушной оклад, как в центральной России. В связи с этим была назначена перепись слободского населения. Низкая ставка подушного налога со старообрядцев подтвердила ведомость, составленная чиновником Баскаковым, «раскольники крестьяне (в Малороссии) платят по 70 копеек с души, однодворцы, татары, казаки и всякого звания люди – по 110 коп, посадские платят по 120 копеек»[4].

---

[1] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской Империи. Т. IV (1724–1725). – СПб. 1876, с. 311–315.

[2] РГАДА Ф. 248, оп. 29, е.х. 5452, л. 79.

[3] А. Лазаревский. Описание старой Малороссии, т. 1. Полк Стародубский. – Киев. 1889, с. 445–465.

[4] РГАДА Ф. 248, кн. 734, л. 568 об.

Весть о предстоящей переписи взволновала слободских старообрядцев. Волостной бурмистр Ерема Карпов с челобитной срочно отправился в Петербург. А тем временем, 13 февраля 1724 года, войты нескольких слобод составили доношение «в Правительствующую Стародубовскую канцелярию благородному господину полковнику Стародубовскому Ивану Леонтьевичу Кокошкину» с просьбой «отсрочить перепись населения раскольничьих слобод для положения в двойной оклад до приезду Еремы Карпова – бурмистра». Подписались войты: «Семен Ягунов, Никита Иванов, Василий Иванов, Яков Артемов, Федор Семенов, Иван Иванов, Иван Федоров. Тимофей Григорьев к сему доношению вместо войтов руку приложил, 13 февраля 1724 г.»[1].

Перепись в 1723 году состоялась, но по итогам переписи ставка налога на обывателей Государевой волости на 1724 год осталась прежней.

Через год полковая старшина снова подняла вопрос о высылке старообрядцев «по своим крепостям», то есть к своим помещикам.

«В 1725 году июля от 5 числа в Правительствующий Сенат и в Камер Коллегию было внесено доношение, в котором объявлено Камер Коллегии мнение, что их, имеющихся в Киевской губернии раскольнических слобод беглых людей и крестьян, надлежит отдать прежним помещикам, тех, которые пришли в те слободы после переписи 1715 года, и впредь принимать запретить...»[2].

Это «мнение» также вызвало небывалое волнение в рядах старообрядцев. В «Доношении» сотника Афанасия Савелова от 9 сентября 1727 года ставился вопрос и говорилось, что в старообрядческих слободах живет много бывших помещичьих крестьян «и об отдаче оных по крепостям есть многие челобитчики, отчего оные слободы состоят в великом страхе, и ныне означенных раскольников, жительствующих на Польском рубеже, вновь переписыват[ь] ли, и положенные на них окладные деньги имать вдвое...?»[3].

В октябре 1727 года было восстановлено гетманство на Украине. Гетманом стал Даниил Павлов Апостол. Малороссийские землевладельцы сразу же потребовали от гетмана вновь поставить вопрос перед царским правительством о выводе «расколщиков» к прежним их владельцам.

---

[1] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской Империи. Т.IV. (1724–1725). – СПб. 1876, с. 242.

[2] РГАДА Ф. 248, кн. 734, л. 572..

[3] Там же, л. 571.

В 1728 г. Верховный Тайный Совет в ответ на «решительные пункты» гетмана Д.П. Апостола дал ответ: «Расколщиков, которые в Малой России в Стародубовском полку поселились из великороссийского народа и по Указу из Сената переписаны и положены в оклад и платят погодно в Киевогубернскую канцелярию, с тех мест выслать по важным резонам невозможно, а ведать их тому, кто при гетмане будет. И послать доброго офицера освидетельствовать, и буде их сверх прежней переписки, то и окладу на них прибавить»[1].

Верховный Тайный Совет своим ответом гетману Апостолу заявил о преемственности политики императора Петра Великого по всем вопросам внутренней и внешней политики. Подтверждением этому является появление уже через три года серии «пригласительных» указов правительства Анны Иоанновны для привлечения беглых крестьян из-за границы в Малороссию.

В 1731 году был опубликован первый «пригласительный» указ, который манифестами был оглашен у Польской границы и за границей. В манифестах предлагалось, «чтобы все российские подданные из Польской области выходили в Россию на прежние свои жилища, а вина им за побег отпущается»[2].

Первые два года на «материнский» призыв императрицы откликнулось несколько семей. Но с 1733 года число переселенцев из Польши выросло до нескольких сотен человек. Все они были поселены в слободах Государевой волости в пределах Черниговского и Стародубского полков.

В 1734 году управление Малороссией перешло в ведение Правления Гетманского уряда, а при Сенате была создана Канцелярия малороссийских дел для руководства деятельностью украинских властей. Первое время чиновники нового ведомства поддались настроениям малороссийских управителей.

Наполнив в 1733–1735 гг. слободы Стародубья переселенцами из-за границы, чиновники поставили вопрос о «рассылке вышедших и высланных из Польши людей на прежние жилища» (указ от 18 февраля 1735 года). В том же 1735 году была проведена, так называемая, «ветковская выгонка». Выведенных из-за польской границы беглых крестьян вывезли в Россию, многие были поселены в Ингерманландии под Петербургом.

В указе от 19 октября 1735 года предлагалось беглецам из-за границы, живущим в Малороссии и не помнящим, где родились и

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, е.х. 1797, л. 222 об. – 223.
[2] РГАДА Ф. 248, е.х. 5452, л. 80–81.

из каких городов, тех присылать в Санкт-Петербург для поселения в Ингерманландии[1].

27 января 1736 г. генерал князь Шаховской требовал от Сената указа, чтобы вышедших из-за границы в Малороссию после переписи 1729 года из тех слобод выслать к прежним их владельцам, по силе именного указа от 4 сентября 1735 г.

Начавшаяся Русско-Турецкая война повлияла на отношение Сената к вопросу о переселении староверов из Малороссии на север.

В феврале 1736 года, по приговору Правительствующего Сената, действие предшествующих указов было приостановлено и объявлено: «всем вышедшим из-за границы раскольщикам впредь до указу жить в тех поселениях (Государевой волости Малороссии. – Р.П.) и подати платить против протчих, а на прежние их жилища не высылать, а всех оных раскольщиков переписать...»[2]. Перепись состоялась в том же году.

2 ноября 1738 года гвардии майором Шиповым был составлен «экстракт», в котором говорилось, что в нынешнее военное время, «судя по выплачиваемым старообрядцами повинностям, они превышают двойной оклад, а по прошествии военного времени таких денег с них не потребуешь. Так лучше пусть платят двойной оклад постоянно»[3].

Но правительство продолжало проводить прежнюю политику привлечения потенциальных налогоплательщиков из-за границы, предоставляя жителям Государевой раскольнической волости Малороссии определенные льготы и налоговые послабления.

В 1740-м году было разрешено бурмистру Государевой волости Гавриле Карпову посылать за границу доверенных людей для «расследования и сыску беглых из описных слобод жителей, которые по записке из тех слобод бежали». «К оному бурмистру послан был секретный указ, о котором кроме него знать никто не мог, дабы он бурмистр посылаемых для сыску беглецов приказывал, чтобы они, будучи за границей, вызывали живущих там великороссиян на жительство в Россию. И по силе оных указов из Польши в 1740 году вышло мужчин – 278 душ, женщин – 114, а в 1741 году: мужчин – 30, женщин – 18»[4].

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 63, д. 5452, л. 81.

[2] РГАДА Ф. 248, оп. 29, е.х. 1797, л. 224 – 230 и РГАДА Ф. 248, оп. 63, д. 5452, л. 83.

[3] РГАДА Ф. 248, оп. 29, е.х. 1797, л. 231 об.

[4] РГАДА Там же, л. 233 об.

В 1749 году 3 июня Правительствующий Сенат подал императрице доклад, в котором предлагалось, в связи с предстоящим упразднением Министерской Канцелярии передать раскольников тем владельцам, на чьих землях они живут»[1].

Определением от 18 июня 1749 года Правительствующего Сената велено «по представлению Коллегии Иностранных дел, тех раскольщиков, до восследования, на поданной от Ея Императорского Величества резолюции, быть в ведомстве Киево-губернской Канцелярии, чего ради положенный на них оклад собирать в ту же Киево-губернскую Канцелярию, и из тех денег 1519 рублей отдавать на дачу рейтарам, переводчикам, толмачам и ружникам, а остальные 891 р. 10 коп. отсылать в Статс Контору»[2].

Жизнь старообрядцев в составе Государевой волости была ограждена от действия Малороссийских законов, на что неоднократно обращали внимание Российского правительства гетманы Малороссии. Граф Кирилл Гр. Разумовский 15 апреля 1751 г. обращался в Коллегию Иностранных Дел с предложением, чтобы «раскольники были под судом Малороссийским, как живущие на владельческих землях, и чтобы общенародные повинности, как с прочих деревень малороссийских, с них взимать»[3].

10 сентября 1753 г. граф К.Г. Разумовский обращался с предложением, чтобы «оным раскольничьим слободам ведомым быть во всем в Генеральной Войсковой Канцелярии, и она бы взыскивала весь денежный оклад и отсылала погодно в Киево-губернскую Канцелярию... и в делах судных и расправных... никаких излишних переписок...»[4].

Правительственный Сенат опять не допустил переподчинения Государевой волости Малороссийскому правительству. «7 марта 1754 г. указом из Правительствующего Сената в раскольнические слободы определен Управителем секретарь коллежский асессор Василий Морозов. Инструкцией, данной из Киево-губернской Канцелярии, те раскольнические слободы судом и расправою поручены в его ведомство и потребовал, чтобы Черниговская и Стародубовская полковые Канцелярии без указов Правительствующего Сената и Коллегии Иностранных Дел в судные дела до оных раскольников касающихся не интересовались»[5].

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 63, д. 5452, л. 92.
[2] РГАДА Там же, л. 92 об.
[3] РГАДА Там же, л. 97 об.
[4] РГАДА Ф. 248, оп. 63, д. 5452, л. 99.
[5] РГАДА Там же, л. 102.

Выпадение старообрядцев из малороссийского законодательства оставляло на долгие годы не решенными межевые споры, не расследованными и безнаказанными взаимные обиды и уголовные дела.

В период правления императора Петра III «по указу, данному в Сенате 11 марта 1762 года, Андрею Гудовичу даны в вечное потомственное владение в Стародубовском и Черниговском полках слободы, а именно: Добрянка, Радуль, Елионка, Климова, Зыбкая, Клинцы с принадлежностями»[1].

В том же году к власти пришла Екатерина II, мнение Сената изменилось, и в его решениях зазвучала забота о государственных интересах. 10 октября 1762 г. Правительствующий Сенат по этому поводу высказался следующим образом: «По мнению Сената, оные слободы яко из великороссийских беглых людей состоящие, а не свободные к отдаче не только Гудовичу, но и никому, кроме настоящих их помещиков во владение не следует, ибо когда б оные ему отданы были, то б прежние помещики за них в эквиваленте награждения себе просить могли»[2].

С 1764 года, то есть после окончательного упразднения гетманства на Украине, притязания местных землевладельцев на земли Государевой волости и старообрядцев утратили прежний натиск.

Однако запреты на торговлю старообрядцев внутри Стародубского полка сохранялись. Еще в 1753 году бурмистр «описных раскольничьих слобод» Гаврила Карпов в своём донесении в Генеральную Войсковую Канцелярию жаловался, что, несмотря на исправное несение «малороссийских повинностей», Стародубский магистрат не разрешает старообрядцам заниматься торговлей, и просил допустить старообрядцев на рынки городов и местечек Стародубского полка[3].

Граф Петр Александрович Румянцев в 1764 году, по вступлении в должность Президента Малороссийской Коллегии, обратился в Сенат с предложением освободить старообрядцев Малороссии от торговых ограничений. В 1765 году П. Румянцев повторил свое предложение[4]. Не получив ответа из Сената, Малороссийская Кол-

---

[1] РГАДА Там же, л. 409 об.

[2] РГАДА Там же, л. 410.

[3] Доношение в Генеральную войсковую канцелярию бурмистра раскольничьих слобод от 8 ноября 1753 г. о дозволении свободной покупки в Малороссии слобожанам жита, конопель и пр. // Лилеев М.И. Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье (XVII–XVIII вв.). – Киев. 1893, с. 180.

[4] ИР НБУ им. В.И. Вернадского. Ф. 127, д. 250, л. 47. // Волошин Ю. Государевы описные малороссийские раскольнические слободы (XVIII в.). – М. 2005, с. 74.)

легия 23 декабря 1765 года потребовала от всех полковых канцелярий разрешить жителям «описных раскольничьих слобод вести оптовую и розничную торговлю по всем городам и городкам Малороссии[1]».

В 1782 году, во время административной реформы Малороссии, Государева волость раскольничьих слобод была упразднена и бывшие раскольнические слободы были переподчинены вновь созданной администрации наместничеств. Волостная контора, управлявшая Государевой волостью, была распущена. Слободы Стародубского полка вошли в состав Новгород-Северского наместничества на правах казенных земель. К Новоместскому уезду отошли слободы: Деменка, Зыбкая, Злынка, Климова, Лужки, Митьковка, Чуровичи, Шеломы. К Стародубскому уезду отошли слободы: Воронок, Елёнка и Млынка. Посад Клинцы вошел в состав Суражского уезда. Ардонь, Свяцкая и Тимошкин Перевоз еще несколько лет оставались в составе монастырских земель Киево-Печерской Лавры. К Черниговскому наместничеству были приписаны слободы Добрянка и Радуль. Во время административной реформы Малороссии 1782 года шесть старообрядческих слобод получили ратушное управление и приобрели статус посадов с правом записи бывших обывателей в мещанское и купеческое сословия: Воронок, Елёнка, Зыбкая, Злынка, Климова и Клинцы.

Осенью 1788 года, по предложению графа П.А. Румянцева, императрица подписала указ, который вменял в обязанность судебных стряпчих во время слушания дел о земельных спорах не только защищать интересы старообрядцев, а и выступать истцами. Основанием для этого, по мнению графа, было то, что после образования в Малороссии наместничеств Стародубские слободы были отнесены к Казенному ведомству. В соответствии с этим чиновники и должны были защищать интересы короны[2].

Попытки лаврских монахов вернуть себе Ардонские земли

Киевский Печерский монастырь, один из крупных Малороссийских землевладельцев, пострадавший в 1715 году от секуляризации земли. Монастырь потерял две слободы из своих монастыр-

---

[1] Барсов Е.В. Описание актов архива Маркевича, относящихся к истории Стародубских скитов // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1884. кн. 2, с. 35.

[2] ЦГИА Укр. Киев. Ф. 206, оп. 3, д. 44, л. 9–24. // Волошин Ю. Государевы описные малороссийские слободы (XVIII в.) – М. 2005, с. 83.

ских волостей, расположенных в Стародубье: слободу Ардонь из Лыщицкой волости и слободу Свяцкую из Бобовичской волости. Слободы после переписи старообрядческих слобод Малороссии 1714–1718 гг. включены были в состав Государевой волости описных раскольничьих слобод. Монастырские власти не смирились с потерей и не оставляли надежды восстановить прежние границы своих земельных угодий.

В 1721 году лаврский архимандрит Иоаникий Сенютович сделал попытку согнать Ардонскую слободу и возвратить свои Ардонские грунты.

Текст прошения И. Сенютовича, поданного царю Петру Алексеевичу, приводит А. Лазаревский в «Описании Старой Малороссии»:

«В 1711 году, пришел из-за границы княжества Литовскаго великороссийскаго народу расколщик Никифор Пантелеев (и) бил челом антецессору нашему архимандриту Афанасию Миславскому, дабы позволено в Стародубском полку, на речке Ерденке поселитца, обещеваясь вечными и верными той лавры быть поданными... И жили они на наших монастырских грунтах, в обыкновенном подданстве. А в прошлом, 1714 году, киевского гарнизона полковник Григорий Ергольский будучи в малороссийских городах для сыску и выводу беглых драгун и солдат и прочих великороссийского народу людей на прежния жилища, взяв с них, расколщиков, великие взятки и укрывая их от выводу, написал их толко расколщиками и яко бы оные жилища имеют на пустых местах и диких лесах, утая наши монастырские грунта... А оные расколщики теми нашими монастырскими грунтами и ныне владеют и протчим нашим монастырским подданным чинят превеликие обиды... А ныне оные расколщики розглашают, якобы все описные Стародубского полку слободы повелено отдать г. генерал-майору Девесбаху... которыя (слободы) своими волностями и свободным житием малороссийский народ прельстив, к своим богопротивным расколническим ересям обратили и по своему крестили и тем не малой соблазн в простом народе ввели...». В заключение архимандрит просил царя: «Оных расколщиков с тех монастырских грунтов свесть (Архив Черниг. Каз Пал., дело хозяйств отдел., № 15)»[1].

Основным мотивом своей просьбы Сенютович выставлял то, что будто бы раскольники «своими вольностями и свободным житием

[1] Лазаревский А.М. Описание Старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – Киев 1889, с. 458.

малороссийский народ прельстив, к своим богопротивным ересям обратили и по своему крестили, и тем не малый соблазн в простом народе ввели».

Оценивая текст прошения Сенютовича, следует отметить, что «прошение» составлено с искажением фактов. Прежде всего, недостоверным является описание монахами событий 1714 года. Изучение материалов, связанных с проведением сыска «беглых драгун и солдат и прочих великороссийских людей» и последующей переписи их полковником Ергольским, показало, что в 1714 году, когда отряд Ергольского занимался сыском, перед ним стояла задача, сыскав беглецов, вернуть их на прежние жилища, а солдат к службе. Никакой привилегии «расколщикам» не предусматривалось, старообрядцы были и оставались гонимым в России слоем общества и ущемленными в гражданских правах. Узнав о рейде отряда Ергольского и не ведая, чем для них закончится перепись, несколько сотен семей старообрядцев в 1714 году покинули свои жилища и бежали из Малороссии за Польскую границу. По-видимому, были беглецы и из слободы Ардонь. Поэтому мало вероятно, чтобы в 1714 году нашлись желающие за взятки записываться «расколщиками».

Начавшаяся в 1715 году перепись «великороссийского народа», бежавшего из России в Малороссию, сопровождалась учетом всех документов на право поселения слобод. При этом и речи не было о том, что ардонцы «яко бы оные жилища имеют на пустых местах и диких лесах, утая наши монастырские грунта», как лукавят монахи. Напротив, в переписи Ергольского (1715–1718 гг.) и переписи Брянчанинова (1729 г.) сказано, что слобода Ардонь «поселена на дачах Киевского Печерского монастыря на речке Большой Ардони в 1710 году» с ведома лавры, в доказательство чего слободские обыватели представили осадное письмо-универсал архимандрита Миславского[1].

То же сказано в переписи обывателей слободы Свяцкая, что поселена «в дачах Киевского Печерского монастыря»[2].

Лукавят монахи и в отношении того, что старообрядцы «своими волностями и свободным житием малороссийский народ прельстив, к своим богопротивным расколническим ересям обратили и по своему крестили и тем не малой соблазн в простом народе ввели».

Когда монахи давали разрешение старообрядцам селиться на своих землях, их не смущала принадлежность беглых россиян к

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л.171.

[2] Там же, л.147

старому обряду. Пока старообрядцы находились в подчинении монастыря, монастырские власти не беспокоило, какое влияние оказывали старообрядцы на соседних монастырских крестьян, потому что старообрядцы платили бездоимочно налоги. Власти Киево-Печерской Лавры даже не препятствовали старообрядцам ставить в слободах часовни, а следовательно, открыто исповедовать старый обряд. Старообрядческие часовни были в Свяцкой, в Ардони с первых лет заселения слобод. Но как только монастырь утратил власть над прежними подданными, а главное, потерял земли, которые вошли в состав Государевой волости описных раскольничьих слобод Малороссии, тогда старый обряд вдруг стал опасным для «малороссийского народа».

В 1721 году, при жизни Петра Первого, прошение лаврских монахов осталось без положительного решения. В 1728 году, после смерти грозного императора, лаврские монахи повторно обратились в правительство. В так называемых «пунктах просительных» (всего 13 пунктов), в которых Киево-Печерская Лавра ходатайствовала по разным вопросам: «о подтверждении прежних жалованных грамот, о земле, взятой под крепость, о типографии и пр.», был 7-й пункт, который касался «раскольщиков», живших на лаврских землях в Стародубском полку. Там было сказано: «В полку Стародубовском которые расколщики на землях монастырских живут, чтоб оные были с тех земель сведены, понеже крестьяне монастырские помежные великие от них налоги и убытки и разорения непрестанные терпят». На челобитную была наложена неблагоприятная для лавры резолюция: «О расколщиках состоит в милости»[1].

Следующая попытка вернуть лавре Ардонские земли была в конце 1730-х годов. К этому времени население слободы Ардонь значительно увеличилось за счет переселенцев из Речи Посполитой, пришедших в Малороссию по призыву царских милостивых указов и поселенных по паспортам из Глуховской канцелярии. К этому времени Ардонцы скупкой земли у окрестных крестьян перешли черту первоначально отведенных им земель.

«В 1737 году Архимандрит Киево-печерской лавры Иларион с братиею подал челобитную о чинимых раскольниками монастырским подданным обидах и разорениях, выражавшихся, главным образом, в земельных захватах. По жалобе лавры Высочайше повелено было князю Барятинскому произвести следствие и обозначить межи Ардонской слободы, наиболее захватившей лаврских

[1] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 486.

земель. По указу канцелярии министерского правления следствие это производил майор Глуховского гарнизона Хрипунов»[1].

«Указом из канцелярии министерского правления, писал А. Лазаревский, поручалось майору Хрипунову «обозначить межи земель Ардонской слободы. Раскольники указывали следующие границы своих земель: «вниз речкою Орденкою по обе стороны, до Бороздина грунта и до речки Унечи, и вверх оною речкою – правая сторона до устья речки Голубовки, и вверх речкою Голубовкою – правая ж сторона до Халеевского грунта, и до речки Лутне, и до Туросны, и до устья вышеписанной речки Орденки...». По этим границам Хрипунов обозначил межи, будучи, как кажется, привлечен раскольниками на их сторону взятками...

В 1738 году один их лыщицких монахов уведомлял другого: «а по отъезде его, подполковника Хрипунова, (из Ардони) с неблизким опровожательством и немалою расколщиков асистенциею, на поделаных ему колесах и спалнях (у ардонцев и теперь главный промысел заключается в работе разного рода экипажей. А.Л.) с упражжу лошадей, и по отправки того своего благодетеля, возвратясь сего июля средних чисел, собрався много-множество расколщиков з сокирами, кирками, заступами, везде дороги через Ардонь речку, попрочищивали и гать для прогону скотини понамощували, и немало крестянских пашен повибивали...»[2].

События 1741 года. Возвращение Ардони под власть монастыря

Результатами следствия майора Хрипунова и несправедливого межевания лаврские монахи остались недовольны. На основании доноса Лыщицкого городничего архимандрит лавры Тимофей Щербацкий обвинил майора Глуховского гарнизона Хрипунова в том, что он «следствие производил с поноровкою[3] тем раскольщикам, почему оные подданным монастырским... не только обиды, но и убивства чинить стали, отчего те подданные пришли в крайнюю нищету и убожество»[4].

---

[1] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 487.

[2] Лазаревский А. Описание Старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – Киев 1889, с. 459.

[3] Поноровка – попущение, потачка, поблажка.

[4] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 487.

По поводу этой «поноровки» Хрипунова и новых обид, и даже «убивств» со стороны раскольников, в конце 1740 года Архимандрит лавры Тимофей Щербацкий обратился в правительство с новой челобитной и просил: «для прекращения происходящих от раскольщиков обид и пресечения их худых следств и прелести» выслать их из трех лаврских слобод – Свяцкой, Ардони и Тимошкина Перевоза, или приписать к Киево-Печерской Лавре. При этом лавра **обязывалась положенный с раскольников оклад употреблять на постройку в тех слободах православных церквей и на содержание «достойных и учительных священников с причетники»; обязывалась также и заботиться о приведении «от заблуждения их к единогласному православному исповеданию»**. В особом прошении в Сенат тот же Архимандрит представлял, что если раскольников к лавре «приписать будет невозможно», то чтоб их разослать на прежния жилища, а положенный на них оклад сама лавра будет вносить, куда следует, «повсягодно бездоимочно»[1].

Слобода Тимошкин Перевоз была поселена в 1703 г. с разрешения полковника Миклашевского на Тростянских землях. А. Лазаревский писал, что «на часть земель, занятых Тимошкиным Перевозом стала претендовать Киевская лавра, которой по сенатскому решению 1741 года и были отданы крестьяне этой слободы»[2].

Против всяких ожиданий просьба лавры была удовлетворена. В сенатском решении от 27 апреля 1741 года говорилось: «поселившимся на жалованных Киево-печерской лавре землях расколщикам, по силе уневерсалов прежняго архимандрита Миславскаго, быть в подданстве той Киево-печерской лавры для того... хотя де оние именным 1715 году указом по переписе в оклад и положены на тех землях, токмо оных земель из владения той лавры виключить не велено и они, расколщики, как из объявленных от них универсалов, данных от архимандрита Миславскаго, видно, сами в подданство той лавре пришли и оное приняли...»[3].

29 апреля 1741 года по указу Правительствующего Сената велено поселившимся на жалованных Киево-печерской лавре землях в слободах Свяцкой, Ардонь и при урочище Тимошкин Перевоз расколщикам...быть в подданстве Киево-печерской лавры. А положенный за них годовой оклад по обязательству с жила и с пуста повсягодней платить в Киево-губернскую Канцелярию. А им, расколщикам, не чинить никакого излишнего отягощения и налогом

---

[1] Лилеев М.И. Там же, с. 487.

[2] Лазаревский А. Описание Старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – Киев. 1889, с. 453.

[3] Лазаревский А. Там же, с. 459.

паче же утеснение. Объявить указом, дабы они, расколщики, никаких пришлых и беглых великороссийских и малороссийских людей к себе не принимали и к ереси своей не привлекали, и за границу никого ни тайно, ни явно не переводили. А которые расколщики поселились на тех же монастырских землях сверх тех прежде положенных на оных землях в оклад, вновь оных всех, переписав, по силе именного 1735 г. 4 сентября указу со всеми пожитками разослать на прежние жилища»[1].

«Тем же Сенатским решением, – добавляет М.И. Лилеев, – признавшим власть лавры над раскольниками, поселившимися на её землях, поставлено было **условием, чтобы лавра заботилась о присоединении их к истинной церкви**, не дозволяла, под страхом смертной казни, привращать православных к расколу... Одним из сильнейших мотивов Сенатского решения, благоприятного для лавры, было то соображение, что раскольники, "будучи с прочими монастырскими подданными в едином ведомстве, все ссоры между собою прекратят, и впредь никаких обид один другому чинить не будут, и каждый землею пользоваться имеет по отводу властей". Сенатское решение было утверждено Высочайшей резолюцией. Это было в правление принцессы Анны Брауншвейг-Люнебургской»[2].

Поворот в судьбе бывших лаврских старообрядцев произошел во время короткого (с 9 ноября 1740 г. по 25 ноября 1741 г.) срока правления страной правительницы Анны Леопольдовны от имени императора младенца Иоанна Антоновича. Фактическая власть в стране в течение этого времени принадлежала Кабинету министров. Сенатское решение о судьбе лаврских земель состоялось 29 апреля 1741 года. А летом того же года была проведена передача слобод Ардони, Свяцкой и Тимошкина Перевоза лавре.

Передача трех старообрядческих слобод из ведомства Государевой волости в подчинение Киево-Печерской Лавре

А.М. Лазаревский на основании архивных данных, извлеченных из дел архива Черниговской казенной палаты, описал процесс передачи слобод в ведомство Киево-Печерской Лавры.

Была создана «комиссия, в которую из города Глухова членами были назначены полковник Тютчев и майор Львов. Монахи принимали особые предосторожности, чтобы при приведении в исполнение сенатского указа получить от раскольников всё, что можно...

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 63, д. 5452, л. 83 об. – 85.

[2] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 488.

Для приема слобод Лаврским начальством был назначен монах Савицкий, которому дана была из Киева инструкция: «Особливо же крепко того оберегаться, чтоб как в Глухове, так и в комиссии, в противность грамоты, данной нашей обители, и указам, не проговориться; но токмо того берегти, дабы были нам в подданстве раскольники по силе грамоты жалованной, да того просить не оставить – которие расколники с наших слобод высланы будут, чтобы от тех награждено. С нашими же, оставшимися за силу грамоты, расколниками, по времени, яко с подданными, мощно будет не вдруг, потихеньку справиться…».

Из послужного списка Андрея Тютчева: «Андрей Тютчев.

В 1708 г. взят в службу и был солдатом и унтер офицером по 1713 г.

В 1713 г. произведен в прапорщики.

В 1730 г. произведен в премьер майоры.

В 1736 г. произведен в подполковники. Подполковник Кексгольмского пехотного полка.

В 1740 г. – переведен в Малороссийскую Войсковую Канцелярию членом с повышением в полковники и ныне обретается при бригадире Ильине – вторым. И по определению Правительствующего Сената велено ему до указу жалованье производить против того как и в Генеральном войсковом Суде определено по первом другим двум членам, а именно, по 200 рублей.

В 1741 г. определен 20 февраля в Генеральную Войсковую Канцелярию в члены»[1].

Приняты были и другие меры, по обычаю того века. Монах Савицкий, посланный в Глухов для знакомства с членами комиссии, писал оттуда лаврскому архимандриту: «не безпотребно б Тютчеву и Львову из денег по сту рублев и по куфе (бочке) горелки дать, для того, что первый енералной войсковой канцелярии член и в прочем годится, а другой – в особливой у Леонтьева (тогдашний правитель Малороссии) милости находится…». После принятых таким образом со стороны монахов мер, передача слобод произведена была во всем согласно с желанием монахов»[2].

А. Лазаревский писал: «О монахе Савицком, поверенном со стороны лавры при приеме трех слобод, упоминает в своих «Дневных записках» Яков Маркович (Ч.II, с. 142, ср. и стр. 13). Этот Савицкий в тяжебном деле лавры с ардонцами оспаривал представлен-

---

[1] РГАДА Ф. 248, опп. 29, д. 1853, л. 486.

[2] Лазаревский А.М. Описание Старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – Киев. 1889, с. 459–460.

ную ардонцами в оправдание законности своего поселения копию осадного письма «универсала», выданного архимандритом Афанасием Миславским. Монахи опровергали подлинность, представленного ардонцами письма тем, что, якобы, у них в монастырской канцелярии не сохранилось копии этого документа, как, например, имеется копия универсала на поселение слободы Свяцкая. Говоря о представленном ардонцами осадном письме, поверенный в этом деле лаврский монах Савицкий писал: «яко де надежно состоит, что тот универсал замышлен, для того, что каков де на слободу Свяцкую на милю дан универсал, таков у свяцких жителей и в обители их имеется, а другого на Ардонь не имеется»[1].

М.И. Лилеев дополнил это сообщение А. Лазаревского: «При Сенатском решении 1741 года видно, что Сенатом были признаны оба универсала, Свяцкий и Ардонский, действительными, по представлению раскольников»[2].

Об обывателях, приписанных к слободе Ардонь и к другим слободам

В первой половине XVIII века в Стародубье практиковался способ поселения, когда выходящие из Великороссии или из Польши раскольники только приписывались к той или другой раскольничьей слободе, платили в ней оклад, а жили в других более или менее отдаленных местах, нередко в Петербурге и Москве и даже за пределами России. Такой факт впервые вскрылся в перепись 1736 года, но тогда это не представило практического интереса, поскольку все приписанные к слободе люди исправно платили налоги по месту своей приписки в слободе Ардонь.

В 1841 году, когда Высочайшим указом повелено было возвратить в подданство Киево-Печерской Лавры поселившихся на ее землях раскольников в трех слободах: Ардони Чернецкой, Свяцкой и Тимошкином Перевозе, то наличие семьей, приписанных к слободам Государевой волости, вызвало ряд вопросов в правительстве. По этому поводу тогдашний слободской бурмистр, Сырейщиков, с некоторыми приписанными к Ардони раскольниками подал челобитье, в котором объяснял, что они по выходе из-за польской границы, в 1734 году, Канцелярией малороссийского министер-

---

[1] Лазаревский А.М. Описание Старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – Киев. 1889, с. 457–458.

[2] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 489.

ского правления определены были на житье в слободу Ардонь, но что в ней, однако же, «за неотводом под дворовое строение места и пахатной земли не жили, а жили в г. Стародубе и в других раскольничьих слободах, а как в этой слободе только что оклад платили». Факт был подтвержден полковником и войсковой канцелярии членом Тютчевым, приводившим в исполнение высочайший указ о передаче в подданство Киево-Печерской Лавре слободы Ардони и о высылке поселившихся там раскольников, сверх положенных в 1715 году в оклад, на прежние места жительства. Оказалось, что как бурмистр Сырейщиков (приписанный к слободе Ардонь, а живший в слободе Климовой. – Р.П.), так и прочие челобитчики домов в Ардони не имели и там никогда не жили. Вследствие этого они временно оставлены были жить на тех же самых местах, где и до того времени жили, как доносил в канцелярию Малороссийских дел при сенате тогдашний правитель Малороссии Леонтьев, от 11-го сентября 1741 года, требуя на этот счет «повелительнаго указа»[1].

«Повелительного указа», по-видимому, не последовало, поскольку спустя 25 лет, в 1767 году, согласно переписи обывателей слободы Ардонь, «к оной слободе приписние, находячиеся как в оной слободе, так и в других местах в работниках по неимению своих дворов» отмечено пять семей: Потап Смирный и Афонасий Селючин, живущие в городе Стародуб, Данила Кононов, живущий в слободе Митьковка, Семен Соловников, живущий в Клинцах, и ещё три семьи, живущие в Ардони[2].

Отношение лаврских монахов к обывателям слободы Ардонь до 1741 года

О недружелюбных отношениях монастырских властей к старообрядцам и о причинении старообрядцам «утеснения» можно узнать из прошения в Сенат, составленного от лица обывателей трех старообрядческих слобод жителем слободы Ардонь Никитой Кореневым.

«Сентября 8 дня 1741 года в Правительствующем Сенате раскольнической слободы поверенный Никита Коренев бил челом, чтоб тем слободам: Свяцкой, Ардонь и Тимошкин Перевоз жить на тех же землях, где и жили до состоявшегося именного указа, а в подданство монастырю не отдавать. А ежели в подданство монастырю отданы будут, то по злобе той, что чрез многие годы была с тем

---

[1] Лилеев М.И. Там же, с. 114.

[2] ЦГИА Киев Ф. 57, оп. 1, д. 118, л. 1114 об., 1385–1386, 1144–1145.

монастырем судебная ссора чиненая, будут от монастыря напрасныя и безвинныя нападения и обиды и разорения, как и прежде сего чинили. Насильством и без суда ловили и держали их у себя в ручных и ножных железах и на цепях, а иных и до смерти подданные их мучительски побили. Отрубали топорами головы, а суда не получили.

А в прошлогодие 1741 года июня месяца Лыщицкого дворца прислан был имеющийся при том дворце солдат Залога, да Коржавский поп со многолюдством, человек сто. Под винным его Коренева заводом, на урочище Лутня, где он жительство имеет, сенные покосы все покосили, дом его разграбили и людей разогнали, и ежели б он от них не скрылся, то был бы убит до смерти, ибо прежде сего онаго дворца управитель, Гервасий, в Глухове похвалился его убить до смерти.

И от такого разорения обыватели из тех мест все разоряются, а в подданстве за монастырем жить не хотят, а многие уже разбежались, оставя свои домы, и от того казне прибытку никакого, кроме умаления и разорения народного не будет».

Далее в прошении Никита Коренев предлагал разрешить обывателям тех слобод «купить земли у казаков, которые в продаже имеются, и перенести туда свои строения с той монастырской земли, а оклады платить по прежнему». А заводчикам «заплатить за строения и земли, расчищенные от леса, по цене, во что им стало, ибо под оными заводами земли малое число, а заводы те заводчики устроили по указам, а не сами собою и издержали на то денег многие тысячи».

«А мельницами, которые устроены по одному берегу монастырскому, а к другому протчих владельцев, велеть владеть кто заводил, и положенный оклад с тех мельниц в казну платить по прежнему, отчего будет казне немалая выгода».

И по резолюции Правительствующего Сената 12 октября 1741 года велено им, раскольщикам отказать, а быть за Киево-печерской лаврой во всяком послушании. И оному просителю Кореневу объявить с подпиской только оное определение ему не объявлено, понеже отослан он под караулом по требованию в Святейший Синод по духовным, касающимся его делам»[1].

С челобитной от жителей трех слобод Никита Коренев поехал в Санкт-Петербург, где был взят под караул, допрошен и оправдан. По возвращении в Ардонь Коренев обнаружил, что все его имение полностью разорено. В адрес императрицы была направлена челобитная:

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, е.х. 1853, л. 547 об.

«Челобитная Государыне Императрице Елизавете Петровне (17 декабря 1741 года) от Малороссийского Стародубовского полку (волости) описных раскольничьих слобод слободы Ардони жителя и винных заводов заводчика Никиты Андреева сына Коренева.

Сего 1741 года на прошение Киевского архимандрита отданы монастырю три слободы в подданство, отреша от той волости. И по принятии к себе в подданство управитель монастырской деревни Лыщицкой, имеющейся в Стародубовском полку, некий Герваси с товарищами оной слободы стал чинить всякие несносные нападки и разорения, от которого многие обыватели оставя домы свои и пожитки, разбежались, и заводу его и мельницам двум чинить разорение, и посевам на землях очищенных от леса, и покосам.

А на строительство заводу издержано собственных и заемных денег не на одну тысячу. И наложен на меня оклад ежегодный по 11 рублей 60 копеек...

В мое отсутствие, пока находился в Санкт-Петербурге, Герваси завод разорил, а людей разогнал, а строения: светлицу, амбар и прочие, перевез к себе. А на мельницах плотины разорил и колеса перерубил. А в Черниговскую Духовную контору показал пламенно, что за мной, якобы, имеются духовные дела. А потом писал в Святейший Синод, чтоб меня взяли под караул. Я был допрошен и оправдал себя. И впредь могу оправдать себя гражданским судом»[1].

Известно, что Никита Коренев перешел из «раскола» в лоно Греко-российской церкви. И это, по-видимому, произошло в 1741 году в Петербурге, во время пребывания под караулом в Синоде. Не потому ли Коренев столь решительно бил челом императрице!

О Никите Кореневе

Родословие Никиты Коренева начинается с Андрея Михайлова, о котором в переписи обывателей слободы Ардони 1729 г. говорится, что «Андрей Михайлов, 55 лет, Рыльского уезда, помещика Володимера Петрова сына Шереметева подданного, из слободы Михайловки, малороссиянин, пришел в 722-м году. У него жена Анна Степанова дочь, 45 лет, дети: Никита – 19, Александр – 17, Федор – 8, дочь Фетинья – 15 лет»[2].

В переписи обывателей слободы Ардонь 1736 года Андрей Михайлов называет себя Кореневым и дает о своем происхождении несколько иные сведения: «Андрей Михайлов сын Коренев, 72 лет,

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, е.х. 1853, л. 527.
[2] РГАДА Ф. 248, е.х. 1797, л. 176 об.

вдов, малороссиянин, Роменского уезду, из села Бобрика. И оттоль сшед, жил в Рыльском уезде, в слободе Михайловке, а в Ардонь пришел после переписи Ергольского тому двенатцать лет (то есть Кореневы жили в Ардони с 1724 года). У него Андрея, сын Александр – 23 лет, холост. По переписке Брянчанинова написан...»[1].

В той же переписи о Никите Кореневе говорится:

«При той же слободе Ардони, разстоянием в трех верстах, при болоте Лутенском, двор (19) и винной завод Никиты Андреева сына Коренева. А ему, Кореневу, ныне от роду – 26 лет, малоросиянин Роменской сотни, из села Бобрика. А пришел он, Коренев, с отцом своим в слободу Ардонь Рыльского уезду из слободы Михайловки после переписки Ергольского в 1722 году. У него, Никиты, жена Ульяна Васильева дочь – 18 лет, из Стародуба мещанская дочь. У него ж, Никиты, брат родной, Федор – 18 лет. По переписке капитана Брянченинова при отце своем написан в слободе /л. 426 об./ Ардони он, Никита, з братом написан. И с того заводу положено на него указом ис Канцелярии Министерского Правления окладу в год платить три рубли. Число душ: мужеска пола – 2, женска – 1. На них окладу положено – 3 р.»[2].

О Никите Кореневе Т.А. Верховский писал: «Никита Коренев, житель Лебединской Михайловки, православный с детства, поселясь в Стародубье, совратился сам в раскол, совратил жену, отца и брата, крестил многих других в раскол, поставив отца в наставника. По прошению, поданному в Синод 28 декабря 1741 года, он возвратился в православие и был жарким ревнителем православия»[3].

Никита Коренев вернулся в Стародубье из Петербурга не старообрядцем, а подданным Греко-российской церкви. Более того, Коренев стал аккуратным осведомителем канцелярии министерского правления в Малороссии. О переходе Коренева из «раскола» в «православие» есть сообщение у Филарета (Гумилевского): «Никита Коренев, житель Лебединской Михайловки, православный с детства, поселился в Стародубье, совратился сам в раскол, совратил жену, отца, брата, крестил многих других, поставив отца в наставника. По прошению, поданному в Синод 28 декабря 1741 года, возвратился в православие»[4]. Ссылка автора на дело конс. № 58 от 1742 года.

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1838, л. 409 об.

[2] РГАДА Там же, л. 426.

[3] Верховский Т.А. Стародубье. – Казань. 1874, часть 3, с. 61.

[4] Филарет (Гумилевский) О «потаенных» попах в Стародубье, см. Историко-статистическое описание Черниговской Епархии. Кн. I. Чернигов. 1873 г., с. 137.

Никита Коренев рождения 1710 года, умер до 1765 года. О смерти Никиты Коренева свидетельствует запись в Ведомости о переписи жителей слободы Ардонь за 1765 год, в которой сказано, что Семен Михайлов сын Луговой «с женою и детьми их находится ныне жительством в футоре умершего заводчика Никиты Коренева»[1].

Коренев хутор сохранился до наших дней. Он находится на левом берегу речки Туросны к юго-западу от с. Мартьяновка, практически граничит с ним. На карте 1870-х годов хутор назван Коревка. На современных картах – Корнеевка.

Положение старообрядцев после передачи слободы Ардонь в подданство Киево-Печерской Лавры.

Высочайший указ о передаче в подданство Киево-Печерской Лавры слободы Ардонь приводил в исполнение «полковник и Войсковой канцелярии член Тютчев».

В мае 1741 года правительствующий Сенат подтвердил право лавры вернуть в подданстве старообрядцев, живущих на их земле с 1715 года, то есть поселившихся с разрешения лавры, и выселить всех, кто поселился «сверх оных»: «По челобитью Киево-печерской лавры Сенат определил: расколщикам, поселившимся той лавры на землях и обложенных по указу государя императора Петра Великаго в оклад, быть в подданстве у лавры и положенной с них збор платить оной лавре в Киево-губернскую канцелярию; а ей, лавре, тех расколщиков содержать в подданстве так, как и других подданных; а которыя расколщики на тех же монастырских землях поселились сверх прежде положенных в оклад, вновь оных, по силе 735 года сентября 4 (указу), со всеми пожитками их в жилища их отправить»[2].

О состоявшейся высылке части слобожан говорится в указе Правительствующего Сената от 27 марта 1742 года: «А в прошлом, 1741 году, по Указу в бывшее правление, из описных Расколнических слобод, имеющихся в Малой России, отданы были Киево-печерской лавре три слободы: Ардонь, Свяцкая и Тимошкин Перевоз, на которых состоял оклад 301 р. 84 $^1/_2$ копейки, и велено оный оклад платить от Печерской лавры ежегодно в Киевскую Губернскую канцелярию. А кои расколщики в тех слободах посе-

[1] ЦГИА Киев Ф. 57, оп. 1, д. 118, л. 1120.

[2] Экстракт из указов. Приложение к Земскому сборнику Черниговской губернии 1901 г. № 11, с. 293–294.

лились сверх прежде положенных в оклад в 1715 году в оклад вновь, оных всех, хоть они в оклад положены и неположенные, переписав, по силе именного 1735 года 4 сентября Указу разослать на прежние жилища, кто откуда бежал, а положенный за них годовой оклад с жила и с пуста повсягодно платить от Печерской лавры в Киевогубернскую канцелярию. И по содержанию онаго Указу, при отдаче оных слобод Киево-печерской лавре, из тех трех слобод полковником Тютчевым на прежнее жилище выслано мужеска полу 81 душ и женскаго полу 67 душ. На них годового окладу состояло 30 р. 62 $^1/_2$ копейки. Да из тех слобод бежало 12 человек. На них окладу 6 р. 40 копеек. Да тех же слобод с жителей 30 человек, которые оклад платили к вышеозначенным слободам, а жительство имели в городе Стародубе и других расколнических слободах, и по силе Указа, присланного Правительствующего Сената Канцелярии Малороссийских Дел от 14 декабря 1741 года, с женами и детьми высылаются, на которых окладу было 30 р. 45 копеек. Всего на тех высланных и бежавших окладу состояло 67 р. 47 $^1/_2$ копейки. А к платежу наличных в казну иметь быть 234 р. 37 копеек. Того ради Канцелярия Министерского Правления от Правительствующего Сената требует Указ: эти 67 р. 47 $^1/_2$ копеек взыскивать с оставшихся раскольников или оные из того окладу виключить»[1].

Послабление было сделано только в отношении старообрядцев малороссийского происхождения. По этому поводу был указ от 7 октября 1741 года, в котором говорилось: «которые раскольники из малороссиян найдутся, то тех из слобод не высылать, а оставить в подданстве лавры; притом Генеральной Войсковой Канцелярии смотреть, чтобы великороссийские люди не назывались малороссийскими, а оному монастырю таковых не принимать в свое подданство»[2].

Часть семей бежала от высылки, а по прошествии нескольких лет некоторые из беглецов возвратились к своим домам.

Сведения о беглецах из числа отданных Киево-Печерской Лавре, вернувшихся из бегов, находим в материалах 1750 года. «В 1750 году 14 февраля в Коллегию иностранных дел, бывший тогда в Малой России для избрания гетмана господин лейбкомпании порутчик и кавалер граф Иван Симонович Гендриков доносил, что по ведомости полковника Тютчева, число высланных жителей слобод, отданных Киево-печерской лавре, на прежнее место жительство: мужеска полу – 81, женска полу – 67 душ, да от высылки

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, е.х. 1853, л. 536.

[2] Земский сборник Черниговской губ. За 1901 г. Приложение, с. 294.

бежало: муж. полу – 75, жен. полу – 78. Итого выслано и бежало мужеска и женска полу – 301 душ. Из которых возвратились и на житье и приняты на прежнее жилище: из высланных полковником Тютчевым: муж. – 22, жен. – 20, из бежавших: муж – 27, жен. – 32. Всего – 101 душа»[70].

То есть третья часть высланных и бежавших жителей слобод Ардони, Свяцка и Тимошкина Перевоза вернулись из бегов и были приняты на прежние жилища.

***Таблица.* Возвращение жителей Ардони из бегов после 1742 года**

	Обыватели Ардони, приписанные к Государевой волости	Обыватели Ардони, приписанные к лавре
Всего дворов	44	15
Вернулись те, кто жил в Ардони до 1715 г.	2 человека (семьи): Алексей Капирин с 1710 г., Григорий Меркулов (Меркуленок) с 1711 г.	–
Вернулись те, кто жил в Ардони с 1716 по 1737 г.	8 человек (семей): Михайло Луговой с 1716 г., Михайло Еросалимцев с 1720 г., Ларион Лобанов, Иван Бормотов и Лазар Седлецкий с 1726 г., Илья Поповичев с 1731 г., Андрей Ложкарев с 1732 г., Стефан Гарюнов с 1737 г.	–
Пришли с 1740 по 1760 г.	15 человек (семей) Панкрат Лихоманов и Иван Шведов в 1740 г., Гаврило Данец и Василий Гончаров (Гончаренок) в 1742 г., Константин и Никифор Зябкины в 1743 г., Иван Баличев в 1744 г., Крюковы и Яков Наступнев в 1749 г., Ефим Гончаров и вдова Черкасинова в 1750 г., Морозовы в 1752 г., Иван Игнатов и Кирилл Нежданов в 1760 г., Игнат Миронов в 1762 г.	–

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 63, д. 5452, л. 85 об.

Благоприятные условия для возвращения в лаврские слободы крестьян, приписанных к Государевой волости, бежавших в 1741 году от принудительного переселения к прежним местам жительства, сложились уже через несколько месяцев, после прихода к власти Елизаветы Петровны.

В переписи 1765 года находим, что Лавре принадлежат семьи (15 дворов) первых поселенцев, пришедших в Ардонь до 1715 года. Они в 1741 году были изъяты из подчинения Государевой волости и переданы лавре, они же в 1765 году оставались в подчинении Киево-Печерской Лавры.

Но большинство переписанного населения Ардони в 1765 году представлено обывателями Государевой волости описных раскольничьих слобод (44 двора и бездворных хат).

Среди Государевых обывателей слободы десять семей, которые поселились в Ардони до 1741 года. То есть это семьи, которые были предназначены к выселению к прежним местам жительства в 1741 году, но бежали из слободы и вернулись в Ардонь после смены правительства[1].

Слобода Ардонь при Елизавете Петровне

После восшествия на престол в декабре 1741 года Елизаветы Петровны все приближенные принцессы Анны-Брауншвейг-Люнебургской впали в немилость. Полученная ими в правление принцессы собственность была возвращена прежним владельцам.

В указе Правительствующего Сената, присланном в Канцелярию Малороссийских Дел 27 марта 1742 года, было «велено все, данные в Малой России разным персонам маетности по указам в бывшее правление, описать и от владельцев отобрать и в прежние ведомства приписать, и положенные теми владельцами с оных маетностей доходы собирать в казну».

Единственным было оставлено в силе решение правительства принцессы Анны Брауншвейг-Люнебургской о передаче Киево-Печерской Лавре трех старообрядческих слобод.

В журнале Правительствующего Сената от 27 июля 1742 года записано: «По силе состоявшегося 31 декабря 1741 года (после свержения Иоанна Антоновича и воцарения Елизаветы Петровны) Ея Императорского Величества указу, в котором повелено, коим в минувшее правление деревни пожалованы, у тех оные отобрать. Министерская де Канцелярия и раскольнические слободы от мо-

[1] ЦГИА Киев Ф. 57, оп. 1, д. 118, л. 1106–1386.

настыря отобрала как вновь пожалованные, а те де слободы не вновь пожалованы, а по на старинных их пожалованных землях поселенные, и им же из окладу данные и в надежду за вышеобъявленного отказу разбежавшиеся расколники паки в те слободы возвратились. И Никита Коренев, от которого де лавре обиды и убытки многие произошли паки на земле их начал строиться. Архимандриты Киево-печерской лавры Тимофей с братиею просят, чтобы был дан указ Правительствующего Сената владеть той лавре вечно теми слободами. Правительствующий Сенат стал на сторону монастыря и выслал указы в Министерскую Канцелярию, Генеральную Войсковую и Киево-губернскую Канцелярии в августе 1742 года. А в Киево-печерскую лавру дана грамота 11 октября 1742 года»[1].

В итоге после выселения части обывателей Ардони оставшиеся обыватели Ардони были поделены между Лаврой и Государевой волостью раскольничьих слобод. При этом обнаружилось неравенство в налогообложении.

Обыватели Ардони, приписанные к Государевой волости, платили три налога, но только в денежном выражении: 1) подушный правительственный налог в Киево-губернскую Канцелярию; 2) налог «на консистент» «в Комиссариат Повету Стародубовского», то есть налог на содержание расквартированных в пределах Стародубского полка войск, а в лавру платили 3) денежный налог «за землю и за увольнение от всех подданнических повинностей».

А лаврские подданные обязаны были, помимо подушного и «на консистент» налогов, платить лавре оброк натурой и выполнять ряд общественных работ: обустраивать дороги, строить гребли (плотины) и пр.

Новые порядки, вводимые монахами, не устраивали многих слобожан, жителей Ардони, занимающихся не столько земледелием, сколько промыслами.

У А.М. Лазаревского читаем: «Раскольники, почувствовав неволю, уже в конце 1741 года обратились в лавру с просьбою заменить для них «подданические работы» денежным оброком. Вопрос этот монахи однако ж решили не сразу; только летом 1743 года был подписан архимандритом договор, которым устанавливались отношения новых «подданных» к лавре. В договоре этом читаем: «в прошлом 1741 году, ноября 9 дня, присланные от общества из расколнических слобод Ардионы, Свяцкой и Тимошкина Перевоза, на землях Киево-печерской лавры поселившихся... подавали нам доношение, в котором прописали, что им тех слобод жителем... за купеческим промислом, обикновенной подданической

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 63, д. 5452, л. 86.

должности работою производимой, отправлять всячески невозможно и просили, чтоб их, расколников тех слобод всех обивателей... обложить вместо той работи, годовым оброком. И мы, разсуждая, что и в протчих наших монастирских маетностях подданние, которие за купеческим промислом, с какого токмо себе препитание имеют, обикновенной подданической должности отправлять не могут, годовим обложени оброком, тем подобием и по вишеозначенному помянутих расколников... просительному доношению и по добровольному их же договору, в священнодуховном нашем соборе приговорили... оних наших слобод всех обивателей подданных монастырских годовым обложить оброком, за обикновенную подданическую работою производимую должность, чтобы им тоей не отправлять, в сумму имянную 500 рублиов, кроме заводов внутре тех слобод и вне имеющихся, которие особливому оброку подлежат. Особливо же, когда в гаченю гребель крайняя воспоследует нужда, должни они, слобожане, яко подданние монастирские, в Лищицкой ардонцы, а в Бобовицкой свяцковцы и тимошкинцы, волостях обществом вспомоществление чинити... Вышепоказанную сумму денег должны они, расколники, подданные наши с тех слобод в два срока: едну половину денег в летных месяцех экономии лищицкой управителю, а другую при окончании года, в Киевопечерской лавре, чрез нарочно присланных, в декабре месяце, отдавать... При том же упомянуто, чтобы они, подданные наши монастырские показанных слобод жители, пахатною землею, сенокосами и лесом владели точию по отводу монастырскому; а за какие земли и угодья многолетний был спор и за то немалие обители святой... произошли убитки, в те места они отнюдь не интересовалися б и не въезжали под взисканием с упрямого немалого штрафа. Аще же, кои с них, расколников, подданных наших монастирских, богопротивное свое расколническое заблуждение оставя, православного греческого исповедания веру, утвержденно восприимут, таковым от св. обители особливая милость и в платеже полегчение обещается...» (14 июня 1743 г.) (Арх. Черниг. Каз. Пал., отд хозяйств., № 15.)»[1].

Как видим, монахи пошли на уступку, но некоторые общественные работы (гачение гребли) обязали старообрядцев выполнять, оговорив последующую уступку условием оставления раскола и перехода в православие. Но религиозно-нравственные преграды, воздвигнутые монахами, со временем были ими же и сняты и вопрос о форме налогообложения решился в пользу просителей.

---

[1] Лазаревский А. Описание Старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – Киев. 1889, с. 459–461.

Действительно, в переписи 1765–1767 годов находим, что подданные Лавры освобождены от «подданнических работ» и платят в Лавру Киево-Печерскую налог «за землю и за увольнение от всех подданнических повинностей».

В той же переписи мы находим также, что жители слободы Ардонь поделены между Лаврой и Конторой описных Государевых раскольничьих слобод. При этом лаврских подданных – 15 дворов, а приписанных к «Канторе Государевой волости» – «44 двора и бездворных хат». Следовательно, лавра вернула себе столько дворов обывателей, сколько было в монастырском владении до 1715 года.

Попытки старообрядцев выйти из подчинения Киево-Печерской Лавры

Правительство Екатерины II продолжило политику Петра I в отношении церкви.

В 1762 году был издан правительственный указ «о взятии всех, находящихся в духовном правлении отчин в распоряжение Коллегии Экономии».

На этот правительственный указ старообрядцы Государевой волости описных раскольнических слобод Малороссии откликнулись сразу же. Козма Петров, «поверенный от Описных малороссийских Раскольнических слобод», направил в Киево-губернскую канцелярию челобитную с просьбой «отобрать из подданства Киево-печерской лавры три слободы: Ардонь, Свяцкая и Тимошкин Перевоз».

Киево-губернская канцелярия, тоже не мешкая, в ответ на челобитную Козмы Петрова 22 апреля 1762 года составила «доношение» и направила его в Сенат. В «доношении» говорилось, что в подчинении Киево-Печерской Лавры находятся три раскольнические слободы: Свяцкая, Ардонь и Тимошкин Перевоз, «за которые слободы Киево-печерская лавра ежегодно в казну платит по триста по одному рублю, но об оных слободах в полученном из правительствующего Сената, о взятии всех, находящихся в Духовном Правлении отчин, Коллегии Экономии, указе точного повеления не изображено». Киево-губернская канцелярии спрашивала Сенат «повелено ль будет те, отданные Киево-печерской лавре в подданство три расколнические слободы, от лавры отобрать, и на таком ли основании быть (им) как протчие, имеющиеся в Малой России в ведомстве Губернской Канцелярии Описных Раскольнических слобод, состоят».

К «доношению» была приложена «челобитная Козмы Петрова, Описных Малороссийских староверческих слобод поверенного», «чтоб те слободы от той лавры отобрав, причислить к другим слободам». /л. 1–1 об./

Эти документы были рассмотрены в Сенате 25 сентября 1764 года и направлены для рассмотрения в «Комиссию о церковных имениях».

/л. 2/ «1764 года сентября 25 дня учрежденная о церковных имениях Комиссия слушав полученнаго онаго ж сентября 21 дня Правительствующаго Сената из Перваго Департамента Указа, коим повелеваетца, чтоб Комиссия по приложенным при том Указе Киевской Губернской Канцелярии доношению во оный Правительствующий Сенат еще в 1762 году апреля от 22 дня, в силу состоявшагося тогда о Архиерейских и монастырских вотчинах Указу присланному, и по поданной в Правительствующий Сенат Описных Малороссийских Расколнических слобод от поверенного Косьмы Петрова челобитной и учиненной в Правительствующем Сенате выписке о состоящих в подданстве за Киевопечерскою лаврою в Малороссийском Стародубском полку трех раскольнических слободах, /о коих означенной поверенной просит, чтоб те слободы, от оной лавры отобрав, поручить в ведомство и смотрение Киевской Губернской Канцелярии, и причислить к другим слободам./

Надлежащее рассмотрение и решение /л. 2 об./ в силу данных ей указов зделала, и буде чего собое учинить не может, о том представила бы от себя Ея Императорскому Величеству. А понеже Комиссия о церковных имениях как данное ей за собственноручным Ея Императорского Величества подписанием инструкциею, так и никакими указами к рассмотрению и распоряжению имений, положение свое имеющих в Малой России и к Малороссийским епархиям и монастырям принадлежащих, неодолжена, а единственно, что следовало во исполнение означенной инструкции и особливых Ея Императорского Величества имянных Указов, до Великороссийских епархий монастырей и их имении, положение свое в Великой России имеющих, то о оных подлежащее распоряжение учинено и Ея Императорским Величеством конфирмовано, о чем и печатным указом публиковано. Почему Комиссия ныне как о всех тамошних духовных имениях, так и о помянутых приписных к Киевопечерской лавре расколнических слободах, и состоящих за тем монастырем в подданстве /л. 3/ без особливаго Ея Императорскаго Величества указу вступать и Ея Императорское Величество представлением от себя утруждать не может. Того ради приказали означенное, присланное из Правительствующего Сената Киевской губернской канцелярии доношение с приложениями, взнесть в оный Правительствующий Сенат обратно, при доношении.

Подлинно за подписанием Комиссии Господ присутствующих... Генваря 13 дня 1765 года»[1].

Документ интересен тем, что «Комиссия о церковных имениях» заявила о незаконности своего вмешательства в дела Малороссийских монастырей, что компетенция «Комиссии» распространяется только в Пределах Великороссии, поэтому судьба трех раскольнических слобод, принадлежавших в то время Киево-Печерской Лавре, могла измениться только по указу императрицы.

Следует также отметить, что вопрос о выходе из подданства лавры поднимали сами старообрядцы, почему и появилась челобитная «Описных Малороссийских Расколнических слобод поверенного Козмы Петрова об отобрании состоящих в Малороссийском Стародубском полку трех расколнических слобод из подданства Киево-печерской лавры и о поручении оных в ведомство и смотрение Киевской Губернской Канцелярии». К сожалению, в сохранившихся документах не получили отражения доводы Козмы Петрова, которые должны были быть достаточно вескими, чтобы подвигнуть Киево-губернскую канцелярию срочно составить донесение в Сенат.

В 1764 году вопрос о передаче слобод Ардони, Свяцка и Тимошкина Перевоза из подчинения Киево-Печерской Лавры в состав Государевой волости описных раскольнических слобод не был решен. Материалы переписи жителей Ардони в 1765–1767 гг. говорят, что Ардонь в эти годы по-прежнему оставалась в ведении лавры.

А. Лазаревский, составляя опись Лыщицкой монастырской волости по материалам переписи 1781-1782 года, не включил Ардонь в состав монастырской волости, а представил Ардонь как слободу Государевой волости. Действительно, с 1782 года слобода Ардонь вышла из состава монастырских владений, но часть населения Ардони, приписанная к лавре, ещё несколько лет оставалась в ведении монастыря.

Реформа административного устройства Малороссии 1781–1782 гг. упразднила Государеву волость и передала старообрядческие посады и слободы в состав Казенного ведомства и в подчинение Наместническим правлениям.

Описание слободы Ардонь 1781 года:

«Сотни Новомеской. Расколничая слобода Ардонь, поселенная на землях Киево-печерской лавры, расстоянием от города Старо-

[1] РГАДА Ф. 305, оп. 1, д. 95. (1762–1765), л. 1–3.

дуба в 30, от расколничой слободы Клинцов в 4, от села Голубовки в 3 верстах, сумежно с селом Богородицким, [так что и отделяет слободу сию от села речка Ардион. Положение имеет] на проселочной дороге, (в лесу, при пахотном поле, на ровном, низковатом месте), при небольшой речке Ардион, с правой стороны. В сей слободе часовня деревянная [в которой отправу по своему обряду делают сами обыватели, попа же никакова не имеют], одна. Обывателей: отписных в казенное ведомство, ныне записавшихся в мещанство дворов – 49, хат – 51, бездворных [хат] – 3. Отданных по именному указу Киево-печерской лавре раскольников же ... дворов – 12, хат 13. [К сей слободе земли пахотной мало, да и та пещана, и сенокосов мало ж, но за оние земли и сенокос обыватели здешние все обще платят по заключенному контракту в Киево-Печерский монастырь по 40 рублей каждого года. К участкам своего сенокоса обыватели сей слободы нанимают луга около реки Ипути у жителей села Смолевич и деревни Лопатни, а в леси имеют везде свободной, но испрашивают прежде дозволение в управляющего волостью Лищицкою Киево-печерской лавры. Обиватели здешние] сей слободы, имея мало пашенной и сенокосной земли, упражняются в [хлебопашестве по мере своих земель, лутшой же свой имеют доход из промыслов и рукоделия, как то]: одни искупив в околичних местах, (именно: в селах Лищичи, Павличах, Голубовки и деревни Мартьяновки) пуд до 20 и до 30 пеньки и меду пуд до 50 и более, продают (и з барышом) в Стародубе; другие делают отлично хорошие кибитки, простые возы, сани простые и название Казанские, равно и козирки продают их в Стародубе и по ярмонкам в Глухове и Янполе. Дерево ж [на сие рукоделие] для того покупают за рекой Ипутью в пуще к селу Смялче принадлежащой; (некоторые сеют репу и возят в села Халевичи, Дариевичи, Ярцов и Медведов, где меняют на хлеб в отсып, то есть за мерку репы получают такову же злеба, а в Стародубе продают на деньги)»[1].

1.4. Топоним и гидроним Ардонь

Селение возле города Клинцы с названием Ардонь существует с XVIII века, но происхождение названия (этимология слова) до сих пор не получило объяснения.

---

[1] Описание Новгород-Северского наместничества, 1779–1781. Киев. 1931, с. 230–231.

Сразу следует оговориться, что словом Ардонь названо селение (топоним) и таким же словом Ардонь назван ручей (гидроним).

Поиск начнем с изучения письменных источников.

Наиболее раннее упоминание топонима «Ардонь» находим в «осадном листе» на поселение, выданном «архимандритом Киево-печерской лавры» старообрядцам. Документ датируется 1711 годом: «...бил челом нам в обители Святопечерской Никифор Пантелеймонов сын Шаров с товариством, ...просячи нас, абысмо позволили им осести слободою **на грунте** нашом власном обители Святопечерской гулящом, **прозываемом Ардонском** ...»[1].

В «осадном листе» названия слободы еще нет, есть название грунта (участка земли), «прозываемом Ардонском», следовательно, еще до поселения старообрядцев «гулящий» грунт назывался Ардонским.

М.И. Лилеев писал, что первоначально Ардонь называлась Чернецкой слободой[2]. Но нигде в документах название «слобода Чернецкая» не было официальным, оно бытовало в устной речи и остается в ней до сих пор. В 1715 году, через пять лет от начала заселения слободы, переписчики полковника Г. Ергольского со слов обывателей записали название слободы не «Чернецкая», а «Ардонь», по названию «грунта» (земли), на которой была поселена слобода.

Следующий документ датируется 1720 годом. Это грамота, выданная Киево-Печерской Лавре после пожара 1718 г., когда «все крепости ея на вотчины погорели». Среди монастырских селений, находящихся в Стародубском полку, названа “**слободка Эрденка** с Туросенскою мельницею и прочими пожитками”»[3].

В 1721 году архимандрит Печерской лавры Сенютович подал царю Петру I прошение, в котором просил вернуть Лавре раскольничью слободу Ардонь, присоединенную в 1715 году к Государевой волости Малороссии. Излагая обстоятельства заселения слободы на лаврской земле, Сенютович сообщил, что «в 1711 году... “расколщик Никифор Пантелеев...бил челом антецессору нашему архимандриту Афанасию Миславскому, дабы позволено в Стародубском полку, на **речке Ерденке** поселитца ...” (Архив Черниг. Каз Пал., дело хозяйств отдел., № 15)»[4].

---

[1] Лазаревский А.М. Описание Старой Малороссии, т. 1, Стародубский полк. – Киев, 1889, с. 457

[2] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 339.

[3] Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. т. I, Стародубский полк. – Киев. 1889, с. 386–388.

[4] Там же, с. 458.

В одной из челобитных, представленных в Сенат в 1723 году, говорилось: «Стародубского уезда господина Рагузинского слободы Туросни дьячок Родион бил жителя **слободы Орденки** Михаила Харохорина, который приезжал для продажи конопляного масла. Пограбил масло и деньги»[1].

Через 18 лет от начала заселения слободы, в 1729 году, состоялась вторая перепись государевых крестьян Малороссийской раскольнической волости. Переписчики во главе с капитаном Брянчаниновым выяснили и записали, что слобода **Ардонь** «поселена на дачах Киевского Печерского монастыря на **речке Большой Ардони** в 1710 году»[2]. Название гидронима «Ардонь» было заимствовано переписчиками из предыдущей переписи слободы 1715 года, но с уточнением: «Большая Ардонь». Если существовала «речка Большая Ардонь», значит, должна быть «речка Малая Ардонь».

В 1737 году майор Хрипунов «обозначил межи земель Ардонской слободы». Раскольники указывали следующие границы своих земель: «вниз **речкою Орденкою** по обе стороны, до Бороздниа грунта <...> и до Туросны, и до устья вышеписанной речки **Орденки...**».

В 1738 году один из лыщицких монахов писал в письме: «...а по отъезде его, подполковника Хрипунова (из Ардони), ... собрався много-множество расколщиков з сокирами, кирками, заступами, везде дороги **через Ардонь речку** попрочищивали, и гать для прогону скотини понамощували ...»[3].

В переписи 1767 года записано: «Оная слобода Ардонь лежит над небольшою **рекою Арденкою...»**[4].

В описании Лыщицкой волости, составленной А. Лазаревским по материалам переписи 1781 года, говорится, что «...село Голубовка при речке Голубовке, село Богородицкое при **речке Ардёнке**, слобода Мартьяновка при речке Лютенке...»[5].

В «Описании Новгород-Северского наместничества» по материалам переписей 1779 – 1781 годов о слободе Ардонь сказано: «...Рас-

---

[1] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской Империи. Т.IV. (1724–1725). – СПб. 1876, с. 311–315.

[2] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 171.

[3] Лазаревский А. Описание Старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – Киев 1889, с. 459.

[4] ЦГИА Киев Ф. 57, оп. 1, д. 118, л. 1106.

[5] Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. т. I, Стародубский полк. – Киев. 1889, с. 394.

колничая слобода **Ардонь**... поселенная... сумежно с селом Богородицким, так что и отделяет слободу сию от села речка **Ардион**. Положение имеет ...при небольшой речке **Ардион**, с правой стороны»[1].

Через сто лет, в 1866 году, в «Списках населенных мест Российской Империи, изданных Центральным Статистическим Комитетом Министерства Внутренних Дел», приведены статистические данные о двух поселениях, разделенных речкой: первое поселение – Ардонь (**Ардон**, Чернецкая слобода), второе поселение – Богородицкое (Богородское, Чернецкое село)[2].

Документы свидетельствуют, что название топонима и гидронима Ардонь в начале XVIII столетия не было устоявшимся и имело разное написание: речка Ерденка, Эрденка, Орденка, Арденка, Ардёнка, Ардонь речка, речка Большая Ардонь, Ардион. Грунт Ардонский. Селение Ардонь, Ардон.

По всей видимости, эти письменные различия отражали трудности восприятия устного звучания гидронима и воспроизведения его на бумаге людьми разной языковой традиции (украинцами и русскими), а также отражали разный уровень грамотности писавших.

Только в документах XIX столетия гидроним и топоним Ардонь приобрели устойчивый характер написания – Ардонь. Но в устной речи местных жителей до сих пор можно уловить некоторые особенности произнесения топонима и гидронима Ардонь.

Вот что сообщает Василий Андреевич Чигиринов (1925 г.р.), преподаватель истории, уроженец села Богородицкого (в настоящее время бывшее село Богородицкое входит в состав поселка Ардонь).

«В 1920–1930-е годы моего детства, – пишет В.А. Чигиринов, – я жил в селе Богородицком, а через речку, теперь её можно называть ручьём, на правом берегу был посад Ардонь. Речку, разделявшую оба селения, крестьяне села Богородицкого называли Чечёра, а мещане посада Ардонь называли Ардонью»...«Жители села Богородицкого ежегодно выезжали на сенокосные угодья, которые находились восточнее Сухопаровки, в урочище Городец. Мы с отцом запрягали лошадь и спускались по дороге у церкви, переез-

---

[1] Описание Новгород-Северского наместничества, 1779–1781. – Киев. 1931, с. 230–231.

[2] «Списках населенных мест Российской Империи, составленных и изданных Центральным Статистическим Комитетом Министерства Внутренних Дел». – СПБ., 1866 г. XLVIII. Черниговская Губерния, XV. Суражский уезд, с. 182.

жали на правый берег реки, проезжали насквозь посад Ардонь в северном направлении. За железной дорогой проселок вел лесом, затем полем – это уже был Ардёный грунт. За полем начиналась заболоченная, поросшая кустарником и лесом, низина – болото Ардён. Болото не просыхало до Троицы, а то и до конца лета. Колеса телеги скрывались в жидкой грязи, болотная жижа, слегка коричневатого цвета, доходила до брюха лошади. Вытянуть телегу с сеном на сухое место было непросто. Из болота Ардён вытекал ручей, который крестьяне называли Ардёнка, ручей впадал в Стодольское озеро. Ручей существует и в настоящее время, только болото уже высохло и ручей нанесен на карту под названием Московка. Нет и того густого леса, в котором по воспоминаниям моего отца водились волки и медведи». «Но до сих пор, как само болото, так и все земли вокруг крестьяне называют **Ардён»**[1].

По-видимому, ручей Ардёнка и есть та «Малая Ардонь», которая существовала наряду с «Большой Ардонью».

При изучении современной географической карты находим, что бывший ручей Ардёнка действительно теперь называется Московка. Речка Ардонь (Большая Ардонь) на той же карте берет начало на заболоченной равнине среди болот, одно из которых называется Ардонью. Не случайно монахи Киево-Печерской Лавры называли земли между речками Большой и Малой Ардонью Ардонским грунтом.

При встрече и беседе с Василием Андреевичем Чигириновым я обратил внимание, что слово Ардён он произносит так, будто позади звука «д» слышится звук «з». Слово Ардён звучит как Ардзён. В языке жителей Клинцовского и соседних районов Западной Брянщины звук «д» постоянно сочетается со звуком «з» – «дз». Сказывается влияние белорусского языка. Языковые особенности «клинцовского говора» изучала в 1950-е годы сотрудница Новозыбковского педагогического института Клавдия Максимовна Небера и пришла к выводу, что «говоры Брянской области имеют ряд особенностей, которые роднят его с белорусским языком»[2].

Например, слово дядя звучит как дзядзя, дебёлый как дзябёлый. Традиция местного говора получила отражение в звучании гидронима Ардён – Ардзён.

По-видимому, эта языковая особенность произношения слова вызывала затруднения в XVIII веке при попытке запечатлеть слово «Ардзён» на бумаге.

---

[1] Из писем В.А. Чигиринова от 5.12 и 20.12.2004 года.

[2] Небера К.М. Говоры Клинцовского района Брянской области. Дисс. КФН. – М. 1963, с. 7.

Исследование письменных и устных источников позволяет сделать первые **выводы**:

– Старообрядцы пришли в 1710 году и поселились на земле, которую монахи Киево-Печерской Лавры называли «Ардонский грунт».

– Ардонский грунт получил название от названия земель, лежавших между речкой Ерденкой (Ардёнкой, Орденкой, Большая Ардонь) и ручьем Ардёнка (малая Ардонь) и болотами Ардзён и Ардзёным.

– Называя в 1729 году речку Ардонь «Большой Ардонью», старообрядцы слободы Ардонь имели в виду, что существует некая «Малая Ардонь», которой, по нашему мнению, был «ручей Ардёнка» (Московка), расположенный в двух километрах к северу от Большой Ардони.

– название гидронима «Ардонь» в начале XVIII века не было устоявшимся, поэтому в документах нашли отражение разные формы написания гидронима, более или менее точно отобразившие устную форму гидронима «Ардзён»: речка Ерденка, Эрденка, Орденка, Арденка, Ардёнка, Ардион, Ардонь речка, речка Большая Ардонь.

– слово «Ардён» сохранилось только в устной форме названия Малой Ардони – «Ардёный ручей». Весьма вероятно, что речка Большая Ардонь в начале XVIII в. называлась «Ардён».

– Речка Ардонь (Эрденка, Орденка, Ерденка, Ардион) имеет два названия: Ардонь и Чечёра, какое из них более древнее, не ясно. Возможно, что речка получила название «Ардонь» после поселения на её правом берегу старообрядческой слободы, а до этого речка называлась Чечёра.

– Бесполезными для изучения этимологии гидронима Ардонь оказались географические карты прошлых веков. Речка Ардонь и ручей Ардзёнка относятся к малым гидронимам, которые, если и наносятся на карту, то без названия.

К гидронимам относят ручьи, реки, каналы, протоки, болота, озера, водохранилища, моря и океаны. Крупные гидронимы в своих названиях хранят память о языках древних народов. Малые гидронимы тоже служат языковым банком, столетиями хранящим языковые корни народа, некогда жившего в данной местности. Поэтому, выясняя этимологию (происхождение) гидронима «Ардонь», можно предположить, что оно порождено языком наших далеких предков и отражает некое значение, которое было понятно им и не понятно нам.

Слово Ардонь воспринимается поначалу, как чуждое русскому языку.

По мнению ученого В.Н. Топорова, в верхнем бассейне реки Днепра (а к нему относятся реки Брянской области, Смоленщины и Беларуси) наряду со славянскими названиями рек много гидронимов, оставленных балтскими племенами, заселявшими до прихода славян большую территорию от Балтийского моря до верхнего и даже до среднего бассейна Днепра. В нашей местности к гидронимам с балтскими корнями можно отнести реки Ипуть, Иппа, Ипа, Ипатва, Ирпа, Уть, Цата и др.

Объяснить происхождение большинства существующих в нашей местности гидронимов нам, современникам, трудно.

Нам кажутся понятными славянские названия рек Быч, Туросна, Турья, Вепринка, Зубра, Воронуса. В то же время многие славянские названия рек, болот, озер нам не понятны так же, как и балтские. Например, нам трудно дать объяснение таким топонимам и гидронимам как Ректа, Болонья, Зебра, Вихолка, Чечёра, Карна, Жеча, Ущерпье, Уношев, Сураж, Радогощ...

Смысловое значение корней этих слов либо утрачено, либо угадывается с трудом. В то же время малые гидронимы остаются хранилищем корней языка славянских племен радимичей и северян, расселившихся в наших краях в первом тысячелетии, если не раньше.

При обсуждении этимологии гидронима Ардонь историками, собравшимися в городе Клинцы в 2004 г. на конференции, посвященной предстоящему 300-летию города, рассматривалось балтское, славянское и даже тюркское происхождения гидронима Ардонь.

Есть, например, на Северном Кавказе река Ардон, приток Терека, река Ордынка, гора Ардон в Северной Осетии, озеро Ордынское в Иркутской области, р. Орда в Пермской области, Ордовка в Харьковской области. Корни этих гидронимов не славянского происхождения, но созвучны с гидронимом Ардонь, правым притоком реки Туросна (Московка) в Клинцовском районе Брянской области.

Славянское происхождение гидронима Ардонь подтверждается целым рядом гидронимов в бассейнах Днепра, Оки, Вислы и других «славянских» рек.

Существует несколько вариантов этого слова, лингвистически близких по своему происхождению, объединенных корнем -рд-.

П.Л. Маштаков в «Списке рек Днепровского бассейна» приводит большой перечень гидронимов с корнем -рд-:

«Орданка – 108[1], Ординка – 185, Ординский – 180, Ордовица – 141, Ордовка – 32, Ордица – 37, Ордынинка – 12, Ордышевка – 12, Ордышка – 14, 16.

---

[1] Цифра означает место гидронима в «Списке рек».

Ирдень – 57 (приток в басс. р. Рось), 64 (в бассейне р. Тясмин, лев пр.). Она же (64) по разным источникам: Ирдыновка – 64, Ирдынь – 64) там же, чуть ниже по течению: л. п. Ярданка»[1].

В бассейне реки Оки, в описании Г.П. Смолицкой, в основном в верхнем и среднем течении, также встречается много гидронимов с корнем -рд-:

«Ордаковка – 123, Орданка – 96, Орданцев – 169, Ордашевской – 247, Орденка – 31, 36, Ординка – 36, Ординка Б. – 36, Ординка М. – 36, Ордыка – 36, Ардынка (Ордынка) – 36, 116, п. отвершек Ерданской – 19»[2].

Гидронимы подобного типа не встречаются у южных славян, а в основном – в бассейнах рек, заселенных западными славянами, или в бассейне верхних притоков Днепра: Десны, Сожа, заселенных потомками радимичей и северян, и в верховьях Оки. В языке населения бассейнов этих рек еще сохранились некоторые особенности языка западных славян.

В Польше, в бассейне реки Вислы есть два гидронима, созвучные с гидронимом Ардонь: «**Ordon** (bajoro) – 302» и «Ordynat (staw)[3] – 229»[4].

Януш Ригер в монографии «Названия рек в бассейне Варты» приводит гидронимы «**Ordonka, Ordonowka** – od n. teren, lubos. **Jrdon**, per. n. teren. **Ordon** 5 km na pd.»[5].

Таким образом, гидронимы типа «ордон» широко представлены в гидронимическом словаре западных и восточных славян, и более вероятно, что они славянского происхождения.

Обзор исследований по этимологии гидронимов с корнем -рд-

Происхождение (этимология) гидронимов типа «ордон» в исследованиях составителей гидронимических справочников представлено довольно скупо.

В.А. Жучкевич в книге «Топонимика Белоруссии» приводит гидроним «р. пр. Днепра – Ардов» и поясняет: «Название – результат недавней переделки. До XIX века обычно Ардов или **Ордов** (ГСС – Географо-статистический словарь Рос. Имп., сост.

---

[1] Маштаков П.Л. Список рек Днепровского бассейна, – СПБ, 1913.

[2] Смолицкая Г.П. «Гидронимия бассейна реки Оки». – М. 1976.

[3] Байоро – болото, дрыгва. Став – пруд, ставок (плск.).

[4] Zwolinski, P. Hydronimia Wisly, Warz., 1965, с. 379.

[5] Janusz Rieger. Nazwy rzeczne w Dorzeczy Warty, Wroc., Warz. 1975, с. 106.

П.П. Сем. – Тянь – Шань, т. 1–5, СПБ. 1865–1884). В XVI веке в Писцовой книге записано: «...к озеру **Ордовцу**, а от озера от Белого до Ордовца озера бором верста...» (П – Писцовые книги Моск. Гос. XVI в. под ред. Н.В. Калачева, отд. II, ч. I, СПБ, 1877). Поскольку в Писцовые книги заносились межевые границы между землевладельцами, а приведенное описание было проведено в местности к северу от Орши, ближе к местам расселения носителей балтских языков, то автор отмечает в этом гидрониме «1) сближение с балт. Ardas – спор, раздел. 2) менее вероятно сближение с лат[ышск.]. Druve – река (Топоров и Трубачев – лингв. Анализ гидронимов Верх. Поднепровья, М. 1962)»[1].

В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев в «Лингвистическом анализе гидронимов Верхнего Поднепровья» приводят гидронимы с корнем -рд-, -др-: «**Одринка**, л.п. Гостижи, п.п. Волоки, л.п. Неручи, л.п. Ужати, л.п. Болвы, л.п. Десны, вариант **Ординка**, Галутва. Отношение между вариантами таково, что заставляет считать данный случай тёмным, – пишет В.Н. Топоров. – Что касается замены местами согласных в корне -др-, -рд-, сравни Ведрихан: Вордахель»[2].

Таким образом, В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев рассматривают корни -рд- и -др- в гидронимах Одринка и Ординка этимологически равнозначными, но при этом толкования этимологии слова Ординка не дают.

Далее авторы, беря за основу корень -др-, -рд-, расширяют список однокоренных им гидронимов. Этимологически близкими, по мнению В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева, являются гидронимы с корнями -рд-, -ръд-, -род-, -орд-, -руд-. В «Лингвистическом анализе гидронимов Верхнего Поднепровья» авторы поясняют: «Рдица, п.п. Днепра, вариант Родица, Ордица, Тайменовка. Судя по вариантам, из -ръд-, сюда же отнесены слова с корнем -руд-, ср. Руда, Рудая, Рудка, Руденка, Рудна, Рудня, Рудница и т.д.»[3].

П. Зволинский в работе «Гидронимия Вислы» приводит варианты названий гидронима с корнем -руд-, при этом всплывает гидроним с корнем -рдзён-.

П. Зволинский приводит гидронимы бассейна озера Добское:

«Doplywy Jez. Dobskiego:

Male Rude, Jez.

---

[1] Жучкевич В.А. «Топонимика Белоруссии», – Минск, 1968, с. 132.

[2] Топоров В.Н. и Трубачев О.Н. в «Лингвистическом анализе гидронимов Верхнего Поднепровья», – М. 1962, с. 225.

[3] Топоров В.Н. и Трубачев О.Н. «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья», – М. 1962, с. 220.

Male Rumejki (jez.)

Wielkie Rude, Jez.- a. Rdzączka (jez.) a. Rysączka (jez.)» (Велки Руде, или Рдзёнчка, или Рысёнчка (Рисёнчка?)[1].

У него же, П. Зволинского, на стр. 393, в предметном указателе гидронимов, приведены следующие созвучные гидронимы с корнем -родж-, -рдж-: «Rodzienska – 229, Rodzyna – 412, Rdzawe, Jez. – 438, Rdzawka – 41, 49, 439»[2].

Франц Безлай в «Slovenska vodna imena» приводит гидронимы «Oržica, d. pritok Lipnice pri Kropi» и указывает на тесное родство с гидронимами Оржица, Оржавец, Оржавка у Маштакова (Днепр, 267)[3].

В.А. Жучкевич в «Топонимике Белоруссии» приводит разные названия болот со славянскими и балтскими корнями и пишет, что «Иржа, Аржавинне – болотные водотоки с выходами окислов железа»[4].

Таким образом, обзор разных источников показывает, что большинство исследователей гидронимов рассматривают как однокоренные гидронимы с корнем: -орд-, -одр-, -рд-, -ръд-, -род-, -руд-, -рдз-, -рж-, -родж-, -рдж-, -орж-, -ирж-.

Это позволяет расширить список однокоренных гидронимов, приведенных П.Л. Маштаковым и Г.П. Смолицкой и поставить в этимологический ряд с корнем -рд- и гидронимы с корнем -рж-.

П.Л. Маштаков в «Списке рек Днепровского бассейна» наряду с гидронимами Орданка, Ординка, Ирдень, Ирдыновка, приводит большой перечень гидронимов с корнем -рж-:

«Иржавец – 61, 211, 213, Иржавка – 207, Иржач – 134.

Оржица (Сырая Оржица) – 61 – приток в басс. Сулы (а чуть выше Иржавец – 61).

Оржица – 62 (Сухая Оржица). С ней соседствуют в данной местности: Ржавец, Рыжновка.

Автором приводятся гидронимы: Ржавина, Ржавица, Ржавка и др.

Белицкий Ржавец – 221»[5].

В бассейне реки Оки, в описании Г.П. Смолицкой, в основном в верхнем и в среднем течении Оки, наряду с гидронимами Ордан-

---

[1] Zwolinski, P. Hydronimia Wisly, Warz., 1965, с. 177.

[2] Zwolinski, P. Hydronimia Wisly, Warz., 1965, с. 393.

[3] France Bezlaj «Slovenska vodna imena», Lubljna, 1956–1961, I–II, с. 393–396.

[4] Жучкевич В.А. Топонимика Белоруссии, Минск, 1968, с. 132.

[5] Маштаков П.Л. Список рек Днепровского бассейна, – СПБ, 1913.

ка, Орденка, Ординка, Ардынка (Ордынка), приведены гидронимы с корнем -рж-:

«Аржа – 265, Аржной – 80, Аржань – 80, Арженой – 25, Аржинка – 250.

Болото Ржавец – 22.

П. отвершек Ерданской – 19.

Иржа – 265, Иржа Сух. – 265, 266, Иржинские – 265, Иржинские Верхи – 265, Иржи Сухой – 265»[1].

Среди рассматриваемых нами гидронимов с корнем -РД и родственно коренных ему гидронимов, имеется, наряду с реками, много стоячих водоемов (озер, болот).

***Таблица*. Родственно коренные гидронимы разных бассейнов рек**

-рд-, -др-, -род-	-рдз-	-рж-, -рдж-, -рдз-
Ардонь (Дн.) Орданка (Дн.) Ордица (Дн.) Ирдень (Дн.) Орданка (Ока) Орденка (Ока) Ардынка (Ока) Ordon (Висла) Ordynat (Висла) Ordonka (Варта) Ordonowka (Варта) Jrdon (Варта) Ordon (Варта)	Ардзён (Дн.) Rdzączka (Висла)	Иржавец (Дн.) Оржица (Дн.) Ржавец (Дн.) Аржа (Ока) Аржань (Ока) Аржинка (Ока) Иржа (Ока) Rodzienska (Висла) Rodzyna (Висла) Rdzawe (Висла) Rdzawka (Висла)
Одринка (Дн.)		
Рудая (Дн.) Рудка (Дн.) Руденка (Дн.) Wielkie Rude (Висла)		
Рдеть – краснеть Рудый – красный	Ирдзень – краснощекий (А.Г. Преображенский)	Rdzawy – ржавый Редрый (диалект. о рогат. скоте – рыжий) **Иржа – краснеть (А.Г. Преображенский)**

[1] Смолицкая Г.П. «Гидронимия бассейна реки Ока». – М. 1976.

Гидроним «Воржанка» рассматривается В.Н. Топоровым и О.Н. Трубачевым отдельно: «Воржанка п.п. Чолкны, л.п. Ипути, л.п. Сожи, см. Вержа». Авторы возводят этимологию этого гидронима к балтским корням, «ср. лит. Viržuva, Paviržupe». (Топоров В.Н. и Трубачев О.Н. в «Лингвистическом анализе гидронимов Верхнего Поднепровья», – М. 1962, с. 181).

В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев в этом исследовании подчеркивают, что все Верхнее Поднепровье находилось под сильным влиянием языка балтских племен. Они приводят ряд карт, в которых показывают распространение в этом бассейне гидронимов балтского происхождения. Практически всё Верхнее Поднепровье испещрено балтскими гидронимами. Даже гидронимы с корнем -тур- отнесены авторами к балтским, поскольку в литовском языке Taure – река, Taurelis – озеро. Это утверждение спорно, поскольку в Болгарии, Сербии, где не было влияния балтских языков, в бассейне Днестра (см. Маштакова), где также не было языкового влияния балтских народов, гидронимы с корнем -тур- не менее распространены, и исследователи связывают этимологию этих гидронимов с быком туром.

Обзор литературы по этимологии гидронимов позволяет сделать вывод о единстве происхождения гидронимов с корнями -орд-, -одр-, -рд-, -ръд, -род-, -руд-, -рдз-, -рж-, -родж-, -рдж-, -орж-, -ирж-.

Этимологическая связь гидронима Ардонь с болотом

Мы отметили, что гидронимы типа «ордон» широко представлены в гидронимическом словаре западных славян и на территориях, некогда заселенных предками западных славян. Обращает внимание то, что гидронимы типа «ордон» – это не только реки, но и стоячие водоемы: озеро Ордовец, болото (bajoro) Ordon; пруд (staw) Ordinat. В бассейне Вислы П. Зволинский описывает еще ряд гидронимов, образованных стоячими водами: озеро Jerzewko, озеро Rodat, озеро Rodewski, озеро Rad, озеро Radonek, озеро Rdzawe, озеро Rdzączka.

Если мысленно заглянем в далёкое прошлое славянского края, то обнаружим несметное число болот или озер с заболоченными берегами. Болота были не только многочисленными, но и обширными, непреодолимыми или трудно проходимыми. Болота в представлении славян (также германцев, франков и др.) были заселены духами, силами, чаще злыми, поскольку в болотах тонули люди и скот, с болот доносились странные пугающие звуки, по поверхности болот нередко пробегали огоньки воспламененного метана. Люди

боялись «болотную силу», её ублажали, приносили ей жертвы, болота у язычников были местом поклонения. Название болота несла вытекающая из него «болотная река». Многие болота исчезли, а реки остались, сохранив первоначальные «болотные» названия.

В названиях болот отражались характерные «болотные особенности», что помогало людям ориентироваться и находить дорогу, живя в окружении сотен и тысяч малых и больших болот. Названия многих болот утрачены навсегда, но даже сохранившиеся в словарях варианты названий болот поражают своим разнообразием.

Тереба – болотистое, окруженное лесом место (Арх. Подв.).

Твань (юж. зап.), тваль (Дон.), тванья (Тамб.) – топкое место, мочежина, болото (В. Даль).

Родняк – болотце с мелким ельником и сосняком (Куликовский. Слов. Олонец. нареч.).

Розмега – лужица с ржавой водой на лугу, болоте (Куликовский. Слов. Олонец. нареч.).

Аржавец, Аржа, Аржавенье – болотные пространства, покрытые грязной водой, ржавчиной (Добровольский Смол. Обл. слов.).

Ржавец, ржавченник – низкое мокрое, красноглинное место по берегам реки или озера (Куликовский. Слов. Олонец. нареч.).

Ржавец – ржавое болото (А.Г. Преображенский. Этимолог. Сл. Рус. яз. М. 1910–1914).

Асясь – топкое место в болоте, болото. (Арх. В. Даль).

Багнó (багнá) – диалект. Курск., Воронеж., – топкое место, болото (А.Г. Преображенский. Этимолог. Сл. Рус. яз. М. 1910–1914).

Орга – покрытое плесенью озерцо (Подвысоцкий. Слов. Арханг. нареч.).

Орда – зыбучее болото. Трясина, зыбун (Арх. В. Даль).

Райда – мокрое место или болото, покрытое мхом (Куликовский. Слов Олонец. нареч.).

Рада – низменное мокрое место, болотистое, иногда покрытое лесной порослью (Подвысоцкий. Слов Арханг. нареч.).

Раствор – топкая от наплыва воды земля (Добровольский. Смол. Обл. слов.).

Рýда – ржавое болото (А.Г. Преображенский. Этимолог. Сл. Рус. яз. М. 1910–1914).

Рындало – болото, трясина (В. Даль – нижегород.).

Рямник, рям, рямода – болотистое сырое, также поросшее мхом место, на котором растет лес или кустарник (Новг. Из Дополнения к опыту обл. словаря, изд. Ак. Наук).

Ряса – мокредь, мокрота, топкое место, мочежина (В. Даль), трясинное место (Арх. Подв.).

Марь – болотистая равнина, поросшая кустарником, преимущественно ерником, всегда окружена лесом (Амур. Весел. Ак. Наук).

Замошье – лес за мхами, болотами, болотистыми озерами (Псков. Из Доп.к опыту обл. словаря, изд. Ак. Н.).

Зыбень, зыбун – зыбкая почва, трясина, болото, которое зыблется, качается под ногами, опасное для ходьбы.

Мокревина (Пск.), мокрина – лужа, болотце, мочежинка (В. Даль).

Мокринник – полой, место со множеством мочежин, мочежинник (В. Даль).

Мокродол – болотное низменное место (Твер. Доп.).

Мох, мхи – моховое болото (Пск. Кузнецов).

Моховина – небольшое болотистое, покрытое мхом место.

Мочага – твердое, не торфяное болотце, без кочек (В. Даль).

Колдобина – мочило, пруд, окошко в болоте (В. Даль).

Моховище – то же что мшина, мшистое болото.

Наши предки, жившие среди лесов и болот, находили десятки характерных особенностей болот, которые получали отражение в их названиях:

Моховое болото – райда, мошье, бель – белое моховое, моховище, моховина.

Зыбучее – орда (ордо), зыбун, зыбень.

Топкое болото – тванное, тваль, тванья, асясь, рындало, трясина, ряса, мочежина, мокредь.

Вонючее – тванное, гнилое.

Покрытое плесенью – орга.

Окружённое лесом – тереба, марь.

Поросшее мелколесьем – рада, родняк, рямник.

Названия вытекающих из болот ручьёв, рек в течение длительного времени подвергались языковой переработке и шлифовке, в результате чего сложилось существующее ныне разнообразие однокоренных или родственнокоренных гидронимов «болотных рек».

Производными от названий болот «болотными реками» можно считать названия рек Днепровского бассейна: Болотинка, Болотня, Болотянка, Болочанка, Болошевка, Больва, Болва, Болгача, Бельч, Белявка, Белявец, Беловид, Белогощ, Белица, Белизенка, Белизна, Близна, Гнила, Гнилуша, Гнилая Орель, Гнилая Плота, Гнилец, Гнилое Болото, Гнилка, Гнилая Припять, Зыбкая, Злинь, Злынка, Мох, Мохов, Мошево, Мошевка, Мошковка, Мошна, Мощаница, Мощанка, Мощеное Болото, Мрай, Мока, Моква, Мокрожь, Мокрая Каменка, Мокрая Камышеватка, Мокрый ручей, Мокряна, Мочалица, Мочихвост, Мочулинка, Мароча, Маруть, Марушка, Маршенка, Полойник, Полая, Полква, Радыч, Радатащь, Рясна, Рясенка, Рясица...

Многочисленную группу болот и «болотных рек» объединяют названия, в которых отражен характер болотных вод, красновато-коричневых, ржавых, обусловленный присутствием в воде окислов железа – рудое, рдяное, ордяное, ардяное, рдзяное болото, ардён, розмега. В бассейне Днепра реки: Рудава, Рудавица, Рудица, Рудища, Ружаница, Рдица, Ржава, Ржавина, Ржаница, Ржача, Ржавец (П.Л. Маштаков). В Смоленской земле – Аржавец, Аржа, Аржаванье (Смол.).

П. Зволинский в работе «Гидронимия Вислы» приводит варианты названий гидронима «руде»: Wielkie Rude, Jez.(озеро) – a. Rdzączka (jez.) a. Rysączka (jez.)». Один водоем в языке жителей разных селений, расселённых по его берегам, называется то Велки Руде, то Рдзёнчка, то Рисёнчка. Исходя из этимологии, можно охарактеризовать озеро Wielkie Rude как водоем с «ржавой» болотной водой. В предметном указателе гидронимов П. Зволинский приводит следующие созвучные гидронимы: «Rodzienska, Rodzyna, Rdzawe, (Jez.), Rdzawka».

Франц Безлай в «Slovenska vodna imena» приводит гидронимы «Oržica, d. pritok Lipnice pri Kropi» и указывает на тесное родство с гидронимами Оржица, Оржавец, Оржавка у Маштакова (Днепр, 267).

А.Г. Преображенский, создатель «Этимологического словаря русского языка», поместил в словарь много слов из говора села Заулья Севского уезда Орловской губернии (XIX в.), где родился и провел детство. Севская земля очень близко расположена к Унечскому, Стародубскому и Клинцовскому районам. А.Г. Преображенский дает разъяснение слову «руда» как «ржавое болото». Из белорусских говоров, распространенных в Севской земле, он приводит слова иржа, ирдзель, ирдзень, которые по значению близки словам рдеть, рыжий, ржавый, краснеть, краснощекий[1].

Выше мы отмечали, что В.А. Жучкевич в «Топонимике Белоруссии» приводит разные названия болот со славянскими и балтскими корнями и пишет, что «Иржа, Аржавинне – болотные водотоки с выходами окислов железа»[2].

В «ржавых», «рдяных» болотах добывали камень, который называли рдяный, рудяный, рудный камень или болотная руда, из него выплавляли железо. Не потому ли болота с корнем -рд-, -орд-, -рдж-, -рж-, -руд- широко распространены на пространстве, заселенном славянами, и представлены широкой палитрой вариантов

---

[1] Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М. 1910 – 1914. Переизд. 2010, т. 2, с. 189.

[2] Жучкевич В.А. Топонимика Белоруссии, – Минск, 1968, с. 132.

названий. Подобно тому, как известный в нашем крае топоним «Рудня» является памятником кустарных железодобывающих промыслов, использовавших болотную руду, так гидронимы с корнем -орд-, -рд-, -рдз-, -рдж-, -рж-, -руд- хранят память о болотах со стоячими водами рыжеватого цвета, а также о болотах, из которых добывали болотный камень – руду.

О существовании в Стародубском полку рудного промысла говорят названия селений: «Рудня-Селицкая (Селище) при р. Селицкой, Рудня-Валовка при впадении р. Синьковки в Туросну, Рудня Голубовка при р. Туросне». (А. Лазаревский)

О добыче болотной руды в местных болотах говорится в описании деревни Ельни: «Деревня Ельня при речке Ельне, возникла из рудни, принадлежавшей генер. бунчучн. Ив. Бороздне... В сей рудне делают железо крушное, поелику сорт руды лучшего произвесть не может; с оного ж делают лемеши, подоски и шины и оние лемеше отпускают в продажу единственно в Стародубский и Черниговский полки, для того, что можель (?) лемеша для твердого степного грунту не годится. Руду получают в грунтах с. Халевич, Кустич и Суботович. Подданные сей слободки упражнения имеют наиболее около рудне, за наем в рудников, одни, называющиесь дымаре, которие виготовляют железо, получают в день по 12 копеек, а кузнецы четвертую долю железа....»[1].

В этот ряд гидронимов легко вписываются гидронимы изучаемого нами места Ардонь: Ерденка, Орденка, Арденка, Ардёнка, Ардзёный, Ардион, Ардон, Ардонь, Ардён, Ардзён. Поэтому можно предположить, что гидронимы **Ардонь, Ардён** происходят от слов, означавших «рдяное болото», «ржавое болото», «рудное болото».

Высказанное мнение об этимологии слова Ардонь не исчерпывает глубину вопроса. Есть и другие мнения, достаточно аргументированные. Ниже мы представим мнение историка, писателя и исследователя края из поселка Вышков Злынковского района Анатолия Ильича Поддубного.

1.5. Откуда пошло название Ардонь?

Поддубный Анатолий Ильич

Возле города Клинцы Брянской области расположилось поселение со звучным, как удар колокола, именем Ардонь. Попробуем пробиться сквозь пелену времени и разобраться, почему оно так названо.

---

[1] Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Стародубский полк. – Киев. 1889, с. 374.

В книге А. Лазаревского «Описание старой Малороссии. Полк Стародубский» (Киев, 1888) сказано, что «слобода Ардонь поселена при речке Большой Ардоне в землях Киево-печёрской лавры в 1711 году». Документ лавры того же года уточняет место поселения: на «грунте», то есть на участке земли, «прозиваемом Ардонском».

Согласно карты Генерального штаба 1956 года, речка Ардонь (Большая Ардонь), правый приток речки Туросна начинается с родникового озера посреди довольно большой болотной низины.

Но если в старину речка звалась Большой Ардонью, то, естественно, была и речка Малая Ардонь.

К северу от поселения Ардонь на карте отмечен другой болотный участок – узкая долина протяженностью более пяти километров с озерком-криницей, откуда вытекает и впадает в озеро Стодол ручей Московка. Окрестные жители называют его по-старому Ардёнка. Местность, примыкающая к ручью, по свидетельству краеведа Василия Андреевича Чигиринова, еще в 1920-е годы, в годы его детства, была болотом, которое звалось Ардён. Очевидно, ручей и есть та самая, утратившая полноводие, Малая Ардонь.

И, наконец, есть ещё одна Ардонь. Она отмечена на карте южнее села Коржовка-Голубовка и представляет собой две болотные низины с родниковым озерком в каждой из них, но без реки или ручья, что свидетельствует только об одном: Ардонь, в первую очередь, название родникового болота.

В «Толковом словаре» В. Даля есть слово из Архангельского говора *ордá* – «зыбучее болото, трясина, зыбун». Правда, после слова *ордá* стоит знак вопроса, то есть В. Даль сомневался в написании слова. Ясно, что был другой вариант произношения и написания, и он напрашивается сам собой – *ордó*.

Это подтверждается названиями рек *Ордо*вка и *Ордо*вица в бассейне реки Днепр, озера *Орд*ово (*Ордо*вцо) в Беларуси. Они не только созвучны с нашими тремя «Ардонятами», но и такие же болотистые.

Несомненно, Ардонь – искаженное *Ордонь*, по сути то же, что Ордó, только с суффиксом *-нь*. Почему это слово связано с болотом?

На Руси в древние и средние века место, где из-под земли била водная струя, называлось *Рóдище*. Слово *родник* появилось позже и отмечено в письменном памятнике 1627 года «Книге Большому Чертежу или древней карте Российского Государства», в которой говорилось: «А Стародуб стоит у *родника колодезя*». Примечательно, что это в 35 км от селения Ардонь.

По происхождению *Родище* восходит к древнерусскому слову *родúти*. Оно, согласно «Краткому этимологическому словарю рус-

ского языка» Н. Шанского и др., возникло от давно забытого общеславянского слова *óрдти*. Это значит, что в те времена, когда все славяне говорили на одном языке (распадение языка относится к V – VI векам н.э.), водный источник назывался *óрдище*.

В глубокой славянской древности местность, заболоченная застойными водами одного *óрдища* или многих *óрдищ*, обозначалась словом *ордó* (*ордá*). На одних славянских территориях оно сохранилось в первоначальном звучании, на других, после прибавления суффиксов *-онь, -ань, -ень, -инь, -ынь, -ать, -ышь, -ица*, зазвучало по иному: ордонь, ордань, ордень, ординь, ордынь, ордать, ордышь, ордица. Эти слова объединяет один древнейший корень *-орд-* и одинаковый смысл – болото.

Из-за ордной (ординской) местности получили свои названия реки Орданка, Ординка, Ордынинка (Ордышевка), Ордышка, Ордица (в Бассейне Днепра);

Орденка, Ординка, Орданка (реки в бассейне реки Оки);

Ординка (реки бассейн Северского Донца);

Ордать (село Гомельской области Беларуси);

Ордыш, Ордовка и Орда (хутор, деревня и озеро на Смоленщине);

Ордина (река в Витебской области Беларуси);

Орда и Ордино (селение в Тверской области), там же река Ордынка;

Ордон (озеро), Ордонка (река) и Ордон (болото) в Польше, в бассейнах рек Висла и Варта.

В то же время не все речки и ручьи, вытекающие из болота *орды*, получали *ординские* названия. Всё зависело от того, какие иные приметы болота или речки и соответствующие им названия были важнее для окрестных жителей. Кроме того, водные источники имели и другие, иногда не славянского происхождения, обозначения, и соответственно им «болотные» названия приобретали иной облик.

Болот – ордоней в окрестностях будущей слободы Ардонь, что под Клинцами, оказалось три. Одно из них, то, что побольше, дало имя речке Большая Ардонь или просто Ордонь. Название другого болота стало именем речки Малая Ардонь (Ордонька, Орденка).

Под влиянием аканья появилась новая форма звучания названия – Ардонь. Её-то и восприняли старообрядцы, обосновавшиеся в 1711 году возле «болотной» речки «на грунте Ардонском». Но всё же в первые десятилетия существования слободы Ардонь были колебания в произношении и написании названия. Так в 1734 году в «Стародубовском полку» был составлен документ «Звание селам и деревням по алфавиту». На букву «о» записано «Ордонна слобода». В 1737 году писари при межевании записали «через Ардонь

речку», а в другом месте: «вниз речкою Орденкою». В разных документах XVIII века находим: Ардион, Ардон, Арденн, Ерденка, Ардёнка. Но древний корень *-орд-*, хотя и в искаженном виде, всё же устоял.

Смысл названия поселения и речки давно забыт, но «болотный» признак остался и проявился в другом названии. По сообщению краеведа В.А. Чигиринова, жители села Богородицкого, расположенного напротив посада Ардонь, называли речку Ардонь Чечёрой. Это искаженное «чичера». Помимо основного значения – «резкий, осенний холодный ветер с дождем», слово обозначает ещё «мокрое, слякотное место», по сути то же, что и «ордонь».

В древнерусском языке буквосочетание ***ор*** в начале слова перед согласным звуком постепенно изменилось в ***ро***. Таким образом, **ордище** превратилось в **родище**, ордо (орда) – в родо (радо, рада), **ордонь** – в **родонь** (под влиянием аканья – в **радонь** – **радунь)**. При этом не поменялось их смысловое значение. К примеру у Могилевской речки Ордица второе название Родица. Былое название реки на Смоленщине Ордонь (Ардонь) заменилось на Родонь (Радонь).

Кое-где заболоченные места и в настоящее время называют *родо, радо, рада*. В толковом словаре В. Даля отмечено слово «*рада*» из Архангельских говоров как «болотистый хвойник». В книге А. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» также упоминается «*рада* – мокрое место в лесу». В «Материалах для областного вводного словаря» П. Маштакова сказано, что архангельское «*рада*» означает «низменное, мокрое, болотистое место».

Есть все основания говорить, что название реки **Радица** Брянского района означает – «текущая из **рады**». В названиях деревень Радица Дятьковского района и Родинское Трубчевского района Брянской области заложен одинаковый смысл – «поселение у рады». Значение топонима деревни Радичи Дубровского района Брянской области – «живущие у рады».

Не исключено, что названия некоторых других селений, начинающихся с *радо*, также связаны с болотом, питаемым родниковыми водами.

Итак, общеславянское слово **ордонь** с течением времени в разных местах изменилось в **орда, рада, радо, родо, ордон, ордонь, родонь, радунь (радуль)** с одним смыслом – болото, образованное стоячими водами ордища-родища.

Наш же топоним-гидроним Клинцовского района *Ордонь* (Ардонь) – грунт, болото, речка и слобода, пережив несколько незначительных изменений, устояли. Он как бы застыл в своем почти первоначальном звучании.

Глава 2. Переписи Ардони XVIII века

2.1. Из истории переписей в России

К первым переписям населения России можно отнести «Писцовые книги» – сводные описания хозяйства жителей городов и сел, служившие с XV века для податного земельного обложения – сошного письма.

В «Писцовые книги» заносились описания в городах церквей, дворов, лавок и их земельных владений, а в селах – пахотных земель, сенокосных угодий, промыслов. «Писцовые книги» составлялись московскими писцами и подьячими и служили основанием для сборов тягла.

Условной единицей податного обложения (тягла) в сошном письме была «соха» – **посошное обложение**, известное на Руси с XIII века.

В XVII веке (в 1646–1648 гг.) в России начали вводить «подворные переписи» мужского населения «тяглых» дворов, то есть податных дворов, с указанием возраста мужчин. Но единицей обложения «двор» стал только после переписи 1678 г. **Подворное обложение** пришло на смену посошному обложению. Сведения о «подворной» переписи заносили в «Переписные книги», сменившие собой «Писцовые книги».

Тяглый двор предполагал наличие пахотной земли. Если у крестьянина нет пахотного надела – это бездворная (бобыльская) изба. Но все внимание переписчиков, составителей «Переписных книг», было направлено не на описание размеров пахотного надела, а на сбор сведений о населении дворов.

Действительно, в «Переписных книгах» в отличие от «Писцовых книг» описание земель отсутствует, а упоминания о промыслах и угодьях носят случайный характер. Напротив, сведения о населении отличаются большей полнотой. При описании тяглого двора в «Писцовые книги» XVII в. вносилось только мужское население, вне зависимости от его возраста и отношения к тяглу, а «Переписные книги» начала XVIII в. уже содержат данные о женском населении дворов. В «Переписных книгах» указаны также родственные отношения населения двора между собой и возраст каждого члена семьи, перечислены различные категории населения, которые в «Писцовые книги» обычно не вносились. «Пере-

писные книги» содержат сведения о движении населения, в том числе о бегстве[1].

Следующим шагом в истории переписей в России стали «подушные ревизии», которыми положено было начало государственного **подушного обложения** населения. Указом Петра I от 28 ноября 1718 года предписывалось «взять сказку, сколько у кого душ мужского полу»[2]. Указом объявлялось о переходе от «подворного» обложения к обложению населения «подушной податью и квартирной повинностью». Подушная перепись, по замыслу Петра I, должна была наполнить казну деньгами и обеспечить правительству содержание войск. В указе так и было сказано: «ради расположения полков армейских на крестьян всего государства».

Подушной податью облагалось всё мужское население, кроме дворян, духовенства и государственных служащих. Подушный налог начал взиматься с 1724 года. Старообрядцы с 1716 г. обязаны были платить двойное тягло, а с введением подушного налога – двойной подушный налог.

Ставка налога установлена была по 74 копейки с крестьянского населения и 120 коп. с посадского населения. Но ставки эти не были строго фиксированными.

В указе от 28 ноября 1718 года было сказано также, что переписи проводятся для установления «сколько, где, в какой волости, селе или деревне крестьян, бобылей, задворных и деловых людей». Подчеркивалась обязательность соблюдения полноты регистрации: «не отходя от старого до самого последнего младенца с летами их». Срок подачи ревизских сказок определен был в 3 года, но в действительности ревизские сказки составлялись в некоторых уездах в течение пяти–девяти лет.

С 1722 года, после введения подушной подати, «тяглые» крестьяне стали называться «податными». Для обозначения государственных налогов вместо «тягла» стали употреблять слово «подать».

Подушные переписи стали называться «Ревизиями податного населения» России, а подушные списки – «Ревизскими сказками», или «Окладными книгами», «Податными книгами». Всего было проведено 10 ревизий:

Первая ревизия – 1722–1725 гг.
Вторая ревизия – 1743–1747 гг.
Третья ревизия – 1761–1765 гг.
Четвертая ревизия – 1781–1787 гг.

---

[1] Демографический энциклопедический словарь. Изд. Сов. Энц., – М. 1985.
[2] ПСЗ, т. V, 3245.

Пятая ревизия – 1794–1808 гг.
Шестая ревизия – 1811–1812 гг.
Седьмая ревизия – 1817–1826 гг.
Восьмая ревизия – 1833–1835 гг.
Девятая ревизия – 1851–1854 гг.
Десятая ревизия – 1858–1860 гг.

Переписи обывателей раскольничьих слобод Государевой волости Малороссии в XVIII веке

Указ Петра I от 28 ноября 1718 года о подушной переписи населения не распространялся на автономное образование в составе России, каким была «Гетманская Малороссия», поэтому в Малороссии продолжался подворный учет налогоплательщиков и сроки проведения переписей диктовались внутренними потребностями правительства Малороссии.

Малороссия занимала левобережье Днепра и была разделена на 10 административных единиц – полков. В 1708 г., во время наступления Карла XII на Россию, для мобилизации сил и средств обороны против врага была образована Киевская губерния, объединившая Гетманскую Малороссию и ряд приграничных к Речи Посполитой уездов России, в числе их Севский уезд с военизированной Севской Государевой волостью. Во главе губернии был поставлен воевода Дмитрий Михайлович Голицын, опытный военачальник и дипломат. С 1711 по 1718 гг. Д.М. Голицин был Киевским губернатором.

В 1719 году, когда военное напряжение на Польской границе спало, Киевская губерния была разделена на 4 провинции: Орловская, Севская, Белгородская и Киевская. В 1727 г. из трех провинций: Орловской, Севской и Белгородской была образована Белгородская губерния, где была проведена Государева ревизия и введено подушное обложение, а Гетманская Малороссия и Киевская провинция остались в составе Киевской губернии, на которую не распространялось действие указа 28 ноября 1718 года.

«Первой подробной переписью Малороссии» М.И. Лилеев называет Компуты 1723 года. Сведения о населении Гетманщины до XVIII в. историки черпают из разных актов того времени и из многочисленных, так называемых, «купчих и вечистых записей»[1]. В Компутах 1723 года описаны дворы казаков, посполитых (кресть-

[1] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 12–13.

ян), обывателей слобод, мещанства и купечества Малороссии, то есть проведены подворные описи.

В то время как в России уже были введены «подушные ревизии», в Малороссии (Гетманщине) продолжали проводиться «подворные переписи». В.М. Кабузан писал: «В Малороссии проводилось множество переписей, но они учитывали только число дворов и численность служивого казачества. С 1719 по 1742 год (то есть с начала I и до начала II ревизии) проведено 10 подворных переписей... Сплошной подушной переписи вообще не проводилось»[1].

«Только в 1763–1769 гг., взамен подворного, впервые было осуществлено подушное исчисление всего населения Малороссии»[2].

Переписи обывателей слобод Государевой волости Малороссии

Первая перепись обывателей раскольничьих слобод Малороссии проводилась в период 1714–1718 год, но «сказки» переписи в архивах не сохранились.

В архивах хранятся переписи обывателей «описных раскольничьих слобод Государевой волости Малороссии» за 1723, 1729, 1736, 1765, 1767 и 1781 годы, а далее старообрядческое население бывшей Государевой волости описано в общегосударственных ревизиях, от пятой (1795 г.) до десятой (1858 г.).

Сроки проведения переписей обывателей раскольничьих слобод Государевой волости в первой половине XVIII века не всегда совпадали со сроками проведения «Государевых» ревизий в России. «Государевы» ревизии проводились с интервалом 18–20 лет, иногда с интервалом 5–7 лет. Переписи обывателей Государевой волости Малороссии – с интервалами: 8–6–7–2 года, реже с интервалом 14–25 лет.

Столь частое проведение переписей обывателей Государевой волости обусловлено тем, что обыватели старообрядческих слобод частично подпадали под действие Российского законодательства о сроках проведения переписей и частично под действие Малороссийского законодательства. Например, перепись обывателей старообрядческих слобод Государевой волости Малороссии 1718 года совпала с первой «Государевой» переписью в России. Перепись Государевой волости Малороссии 1723 года совпала с переписью

---

[1] Кабузан В.М. Народонаселение России XVIII – первой половины XIX в. – М. 1963, с. 59.

[2] Кабушан В.М. Там же, с. 67.

малороссийского казачества и крестьянства и составлением Компут 1723 года.

Необходимость частого проведения переписей старообрядческого населения Государевой волости Малороссии диктовалась значительным движение населения внутри Государевой волости Малороссии. Каждая перепись выявляла десятки беглецов из слобод и вновь пришедших на поселение. Организованное правительством переселение беглых крестьян из-за Польской границы в слободы Государевой волости Малороссии приводило в отдельные годы к значительному наполнению слобод пришлым народом. Всё это требовало уточнения числа налогоплательщиков и суммы подворного и подушного сбора путем дополнительной переписи.

В некоторых случаях перепись старообрядческого населения слобод Государевой волости Малороссии была продиктована сиюминутными соображениями как ответ, например, на требования малороссийских землевладельцев переписать беглецов-раскольников и вывести их обратно в Россию.

Переписи обывателей Государевой волости описных раскольничьих слобод составлялись «по дворам» и «по избам», в некоторых селениях «по хатам», а внутри дворов обывателей переписывали по семьям, способным платить налог, и по душам, включая и женское население, с указанием возраста всех членов семьи.

«Двор» предполагал наличие пахотной земли под хлебные культуры, «изба» или «хата» не имели пахотной земли. В перепись вводились и такие понятия как «двор окладной», то есть с пахотной землей, и «двор бобыльский», то есть двор без пахотной земли, и «бездворная хата», то есть «хата без пахотной земли».

Подворный налог, налагаемый по итогам переписи, как и прежде, разверстывался (разрубался) самими жителями слобод не по дворам, а по семьям и увязывался с достатком семьи и здоровьем её членов. По тому же принципу разверстывался налог на консистенсий (на содержание расквартированных войск).

Таким образом, в переписях Государевой волости Малороссии первой половины XVIII в. соединялись порядок подворных переписей с признаками подушной переписи, а налогообложение оставалось подворным.

В XVIII веке жителей деревень и сел называли в России крестьянами (монастырскими, дворцовыми, помещичьими), жителей посадов и городов – мещанами и купцами. В Малороссии в деревнях и селах жили казаки и крестьяне – посполитые, жителей слобод называли обывателями, жителей посадов и городов – мещанами и купцами. Не нарушая традиции, будем называть жителей слободы Ардонь XVIII века обывателями.

Переписчиков интересовали, прежде всего, налогоплательщики. Поэтому в перечне вопросов, предъявляемых обывателям слободы, были вопросы о составе семьи, о промыслах, платит или не платит налог, о ставке выплачиваемого налога. Ответы на вопросы переписчиков проливают свет на разные стороны жизни обывателей слободы Ардони XVIII века.

При рассмотрении материалов каждой переписи выясняется, что переписчики использовали тексты предыдущей переписи для сравнения. Копии переписей обывателей Государевой волости раскольничьих слобод Малороссии хранились в Волостной конторе в слободе Климовой и в Киевской Губернской Канцелярии. Так в 1729 году Брянчанинов обращался в Киевскую губернскую канцелярию и просил прислать копии переписи 1715–1718 годов. Перепись 1729 года составлена со ссылками на перепись 1718 года.

Особенно содержательной признается перепись 1765–1767 годов, так называемая, «Румянцевская опись Малороссии». Перепись проводилась после окончательной отмены гетманства (в 1764 г.) в преддверии административной реформы Малороссии.

Перепись 1715–1718 гг.

Переписная книга со «сказками» обывателей «раскольничьих слобод» Малороссии 1715 – 1718 годов не сохранилась, но в ряде документов последующих лет находим ссылки на эту перепись в виде краткой «Выписки из ведомости Ергольского».

***Таблица.* «Выписка из ведомости Ергольского с прошлого 1715–1718 гг.»[1].**

Слободы	Дворы: окладные / бобыльские	Всех дворов	Келий	Муж.	Жен.	Всего
Елёнка	65 / 2	67		266	254	520
Воронок	43 / 4	47		188	173	361
Лужки	64 / 12	76		219	247	466
Климовая	41 / 5	46		163	175	338
Зыбкая	70	70	3	267	232	499
Клинцы	17 / 1	18		62	44	106
Митьковка	26 / 4	30		113	96	209

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. XIII–XIV–XIV об.

Деменка (Городище тож)	14	14		80	53	133
Злынка	12	12		37	29	66
Тимошкин Перевоз	16	16		51	40	91
Свяцкая	20	20		75	54	129
Шеломы	35	35		155	140	295
Ардонь	15	15		136	118	254
Чуровичи	25	25		144	116	260
Добрянка	20	20		110	112	222
Радуль	12	12		53	59	112
Курковичи	1	1		6	7	13
Понуровка	1	1		6	7	13
Новг.Северск	1	1		1		1
Итого	498 / 28	526	3	2 132	1 956	4 088
Данные переписчиков				2 097	1 957	4 054

В другом документе итоги переписи Г. Ергольского представлены в таком виде:

***Таблица*. Итоги переписи Ергольским 16 старообрядческих поселений Стародубского и Черниговского полков Малороссии 1715-1718 гг.[1]**

Всего	Показатели
Дворов окладных	498
Дворов бобыльских	28
Келий	3
Мужского пола	2 097 душ
Женского пола	1 957 душ
На них оклада	1 519 р. на год
Ставка оклада с души муж. пола	72 $^1/_2$ коп.

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 63, д. 5452, л. 80 об.

Оклад подворный, назначенный полковником Ергольским в 1718 году, выплачивался обывателями слобод до 1729 года.

Перепись 1723 года

По требованию гетмана И. Скоропадского «в 1722 году (13 июня) из Правительствующего Сената было велено расколщиков переписать вновь всех безобходно. В следующем, 1723 году, в Сенат из Малороссийской Коллегии была прислана Ведомость, в которой показано расколщиков в обоих полках поименно, кроме чернецов и черниц 570 дворов...»[1].

По материалам переписи 1723 года канцеляристом Баскаковым была составлена ведомость, в которой представлено было число налогоплательщиков (за исключением детей, стариков и нищих) Государевой волости раскольничьих слобод.

«Из великороссийского народа»: мужчин – 1734 душ, женщин – 1633, всего – 3 370 душ;

«Из польского и малороссийского народа»: мужчин – 209, женщин – 191. А всех мужчин – 1946, женщин – 1824. Итого, всех налогоплательщиков в Государевой волости – 3 770 душ.

За определением «из Польского народа» стоят русские люди, ранее бежавшие в Речь Посполиту, а оттуда пришедшие на поселение в слободы Государевой волости. А среди обывателей «из Малороссийского народа» было немало людей с украинскими фамилиями, по-видимому, присоединившихся к старообрядцам.

Ценность «ведомости» Баскакова состоит в том, что обыватели слобод Государевой волости были поделены на группы по признаку социальной принадлежности.

***Таблица.* Распределение обывателей Государевой волости по сословиям (Баскаков, 1723 г.)[2]:**

	Муж.	Жен.	Всего
Посадских людей	197	199	396
Однодворцев	5	4	9
Казачьей службы	4	7	11
Попов и церковных причетников	17	7	24

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 63, д. 5452, л. 79.
[2] РГАДА Ф. 248, кн. 734, л. 568 об. 569.

Из татар новокрещеных	1	1	2
Из ямщиков	6	6	12
Дворцовых крестьян	320	278	598
Монастырских крестьян	159	159	318
Помещичьих людей и крестьян	1028	972	2000
Всего по группе	1737	1633	3370
Польского народа	110	87	197
Малороссийского народа	79	85	164
Откуда сошли, не знают	20	19	39
Всего по группе	209	191	400
Всех	1946	1824	3770

Как видно из таблицы, Баскаков разделил обывателей слобод на крестьян «помещичьих», «дворцовых» и «монастырских». Большую группу поселенцев составляли выходцы из городов, так называемые, «посадские люди». Были выделены малочисленные группы «из попов», «из ямщиков», «казаков», «однодворцев», «из татар».

Перепись 1729 года

В 1728 г. Верховный Тайный Совет на прошение гетмана Даниила Апостола «вывести из Малороссии беглых раскольников» дал ответ: «Расколщиков, которые в Малой России в Стародубовском полку поселились из великороссийского народа и по Указу из Сената переписаны и положены в оклад и платят погодно в Киевогубернскую канцелярию, с тех мест выслать по важным резонам невозможно, а ведать их тому, кто при гетмане будет. И послать доброго офицера освидетельствовать, и буде их сверх прежней переписки, то и окладу на них прибавить»[1].

Верховный Тайный Совет после смерти Петра I, в период 1726–1730 годов, был высшим государственным учреждением России, в его подчинении находился Сенат, Коллегии, Синод и др. учреждения.

«Подтвердительный указ» из Сената поступил в сентябре 1729 года: «15 сентября 1729 года по определению Камер Коллегии в

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, е.х. 1797, л. 222 об. – 223.

Киев к Вице-губернатору с товарыщи с прежних отпусков о неприеме в помянутые слободы пришлых людей послан подтвердительной указ, да в том же указе написано, чтоб он, Вице-губернатор, объявленных в помянутом доношении в раскольнические слободы пришлых людей велел учинить ведомость...»[1].

Перепись 1729 года проводил капитан Брянчанинов. Включение в состав переписной команды офицеров и солдат (полковник Ергольский в 1714–1718 гг., капитан Брянчанинов в 1729 г., майор Павлов в 1736 г.) было не случайным. Военнослужащие несли охрану переписчиков от возможного насилия со стороны местных жителей, они же охраняли «скаски» от преднамеренного уничтожения. Присутствие в слободе вооруженных солдат предотвращало бегство жителей от переписчиков. Команда переписчиков одновременно выявляла и ловила дезертиров и разных преступников.

Перепись 1729 года выявила во всех слободах Государевой волости новых дворов – 91. При том что часть обывателей Государевой волости бежала за границу (из 73 дворов), в целом было отмечено увеличение численности населения Государевой волости.

***Таблица.* Число дворов в слободах Государевой волости в 1729 г. в сравнении с 1718 г.[2]**

Слободы	Число дворов в 1715 г.	Убыло	Отделилось	Прибыло	Состоит в 1729 г.
Елёнка	67	0	2	2	71
Воронок	47	10		9	46
Лужки	76	2		3	77
Климовая	46			6	52
Зыбкая	70		1	10	81
Клинцы	18	6		5 + 1 (Осокин)	17 +1 (Осокин)
Митьковка	30	11		9	28
Деменка (Городище тож)	14	8		3	9
Злынка	12	1		1	12

[1] РГАДА Ф. 248, кн. 734, л. 573.
[2] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 1–217.

Тимошкин Перевоз	16	8		7	15
Свяцкая	20	7		9	22
Шеломы	35	5		13	43
Ардонь	15	6		6	15
Чуровичи	25	6		5	24
Добрянка	20	3		2	19
Радуль	12				12
Курковичи, Понуровка, Новг.Северск	3				4
Итого	526	73	3	90 + 1 (Осок.) = 91	547+1 (Осок.) = 548

Разница между вновь поселенными дворами и убывшими: 91–73 = 18. К числу новых дворов отнесен кожевенный завод Осокина в Клинцах.

Значительно увеличилось в слободах Государевой волости число келий, а в них келейников и келейниц, поселенных внутри слобод, что свидетельствует об экономическом благополучии и устойчивости данного слободского сообщества. Келейники селились под защиту слободского общества, они же получали пропитание от обывателей слобод, зарабатывая его молитвой на помин души, обучением отроков грамоте, вышивкой, изготовлением иконных досок, лестовок и другими рукоделиями.

Таблица. **Число дворов и число обывателей слобод Государевой волости в 1729 г.**[1]

Слободы	Число дворов	Келий (к.) м. – мужчин ж. – женщин	Муж.	Жен.	Всего
Елёнка	71	5 к., в них: м. – 1, ж. – 5, всего – 6	242	243	485
Воронок	46		224	251	475
Лужки	77		259	263	522

[1] РГАДА Там же, л. 1–217.

Климовая	52		195	213	408
Зыбкая	81	3 к., в них м. – 10, 14 к, в них ж. – 15, нищих – 18, поп Куприян – 1, всех – 44	281	262	543
Клинцы	17 +1 (Осок.)		126	92	218
Митьковка	28	1 к., в ней чернец – 1	123	113	236
Деменка (Городище тож)	9		92	63	155
Злынка	12		42	39	81
Тимошкин Перевоз	15	3 к., в них м. – 2, ж. – 2, всех – 4	57	55	112
Свяцкая	22	4 к., в них м. – 2, ж. – 9, всех – 11	80	68	148
Шеломы	43	11 к., в них м. – 15, ж. – 18, всех – 33	211	185	396
Ардонь	15	26 к, в них м.старец – 1, ж. – 40, всех – 41	197	158	355
Чуровичи	24		134	143	277
Добрянка	19	4 к., в них старцев – 2, стариц – 4, всех – 6	109	116	225
Радуль	12	1 к., в ней ж. – 2	64	57	121
Курковичи	2		7	7	14
Понуровка	1		5	4	9
Новг. Северск	1		2	3	5
Итого	548	м. 35 + ж. 113=148	2 450	2 335	4 785

Всего по переписи 1729 г. в слободах Государевой волости проживало в дворах и избах – 4 785 душ, а вместе с келейниками – 4 933 души.

В целом население Государевой волости выросло по сравнению с переписью 1715–1718 гг. почти на 900 человек обоего пола.

Правительство «положило в оклад» новых поселенцев, тем самым признав их обывателями слобод. Случаев выдворения из Государевой волости вновь поселившихся людей, как требовал гетман Даниил Апостол, не отмечено.

Таблица. **Рост численности слободского населения Государевой волости раскольничьих слобод Малороссии в 1723, 1729, 1736 гг.**

	В перепись 1715–1718 гг.[1]	В перепись 1723 г. число лиц налогоплательщиков[2]	В перепись 1729 г. число семей[3] (среднее число душ в семье = 6)	В 1736 г. «всего платежных»[4]
Посадских людей		396	89 х 6 = 534 душ	
Дворцовых крестьян		598	172 х 6 = 1032 душ	
Монастырск.		318	104 х 6 = 624	
Помещичьих		2000	306 х 6 = 1836	
Прочие из малороссиян и польского народа		400		
Всего дворов	526	В Стародуб. полку: дворов грунт. – 373, бобыл. хат – 159, пустых хат – 50 (Лилеев, с. 127)	Дворов – 548, в них – 2 461 муж. душ налогоплательщиков	
Всего душ	Муж. – 2 097 душ. Жен. – 1 957 душ Всего – 4 054 души	3 770 душ налогоплательщиков	4 933 жителей	М. – 3 354 душ Ж. – 3 238 душ Итого – 6 592 душ

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 63, д. 5452, л. 80 об.
[2] РГАДА Ф. 248, кн. 734, л. 568 об. 569.
[3] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 1–217.
[4] РГАДА Там же, л. 224–230.

Перепись 1736 года

Прирост населения Государевой волости Малороссии в 1730-е годы был ускорен императорскими пригласительными манифестами. Правительство Анны Иоанновны, заботясь о прибавлении числа налогоплательщиков, опубликовало в Польше и в Польском приграничье «пригласительные» манифесты с предложением к беглецам, желающим вернуться из-за границы, селиться в Малороссии «в раскольнические слободы».

В доношении в Сенат генерала кн. Шаховского от 27 января 1736 г. сообщались сведения о старообрядцах, вышедших из-за Польской границы: в 1731 г. – 12 душ, в 1732 г. – 10 душ, 1734 г. – 94 души, в 1735 г. – 487 души»[1].

Старообрядцев, живших за границей на Ветке и привыкших к свободе исповедания старого обряда, не останавливало отсутствие религиозной свободы в Государевой волости Малороссии, куда они переселялись из-за границы десятками семей. Их не смущал также запрет иметь своих старообрядческих попов, запрет строить церкви и монастыри. Поселившись в Стародубье, старообрядцы всё равно оставались вблизи старообрядческой святыни Ветковской церкви, куда легко можно было поехать, перейдя границу. Их привлекали налоговые послабления в Государевой волости и возможность на законных основаниях заниматься торговым предпринимательством в приграничных и отдаленных областях Речи Посполитой и России.

После избрания гетманом Левобережной Украины Даниила Павловича Апостола (октябрь 1727 г.) в 1734 году управление Украиной перешло в ведение Правления гетманского уряда, а при Сенате была создана Канцелярия малороссийских дел для руководства деятельностью украинских властей.

В связи со сменой управления Малороссией малороссийские землевладельцы вновь подняли перед Российским правительством вопрос о «рассылке вышедших и высланных из Польши людей на прежние жилища», и в Сенате даже состоялся указ от 18 февраля 1735 года, содержащий эти требования[2].

В том же 1735 году российское правительство осуществило первую «Ветковскую выгонку» старообрядцев с территории Речи Посполитой. Войска под командованием Я.Г. Сытина окружили слободы Ветки, арестовали священнослужителей и монахов и вывели в Россию около 14 000 беглецов. Естественно, что императорские

---

[1] РГАДА Ф. 248, е.х. 5452, л. 83.
[2] РГАДА Там же, л. 81.

указы в эти месяцы (4 сентября 1735 г.) требовали высылки беглых, арестованных за границей людей, к прежним их хозяевам.

27 января 1736 г. генерал князь Шаховской потребовал, чтобы Сенат распространил силу Сенатского указа от 4 сентября 1735 г. и на старообрядцев, поселившихся в Государевой волости Малороссии после переписи 1729 года, то есть пришедших на поселение по силе «пригласительных» императорских указов.

Но начавшаяся Русско-Турецкая война (1735–1739 гг.) внесла свои поправки. Правительствующий Сенат принял решение приостановить действие предшествующих указов и объявил: «всем вышедшим из-за границы расколщикам впредь, до указу, жить в тех поселениях и подати платить против протчих, а на прежние их жилища не высылать, а всех оных раскольщиков переписать...»[1] и принял решение о проведении очередной переписи старообрядцев.

Указ из Правительствующего Сената о переписи населения Государевой волости Малороссии поступил к генералу и кавалеру князю Шаховскому, который исполнителем назначил «майора Почепского коменданта Павлова». 13 мая 1737 г. перепись майора Павлова была представлена в Министерскую Канцелярию, где ещё в течение года переписчики снимали копии. Одна из копий должна была быть отправлена в Сенат, но «за учинившемся в 1738 году в Малой России в Глуховском стане в хуторе казака Степаненка моровым поветрием, для которого, по силе указов, в Великороссии учреждены были заставы, на которых велено отправляемые из Глухова в Санкт-Петербург доношения и прочие письма копировать, и той переписи (слобод Государевой волости), для многого копирования, чтоб с других нужнейших писем остановки не учинилось, не отослана». А отослана перепись в Сенат только в 1741 году[2].

Майором Павловым было переписано «всех платежных и неплатежных жителей волости: муж. – 3354 души, жен. – 3238 души... Вышедших из-за границы Польской и определенных по указам из Министерского Правления: муж. – 673, жен. – 626 душ... Итого из всех вышеписанных слобод жителей окладу и чиншу из кожевенного завода состоит – 2 148 р. 74 ... коп., да особливо имеючегося в слободе Тимошкин Перевоз с перевозу, которой на оброке той слободы за расколщиками, берется в год по 11 рублев, и с винокуренного завода в год 3 рубли. Бежало из тех, кто был записан Ергольским и Брянчаниновым: муж – 435, жен. – 358. На них было окладу 382 р. 35 и 2/4 коп., который за них берется

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, е.х. 1797, л. 224–230 и там же, оп. 63, д. 5452, л. 83.

[2] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 221–221 об.

с тех слобод бездоимочно. А с беглецы, которые были «определены на житье из Министерской Канцелярии», муж – 150, жен. – 77 душ, оклад с которых был 108 р. 75 к., никто за них не платит. Итого бежало: муж. – 585, жен. – 435 душ».

Перепись Майора Павлова была, как и прежде, подворной описью, но отличается от предыдущих переписей в худшую сторону. Очевидно, что перепись проводилась без сличения собранных материалов с материалами предыдущих переписей. В итоге обыватели искажают свои фамилии, путают названия мест, откуда пришли, время вселения в Ардонь определяют словами «лет с двадцать тому», «лет пятнадцать тому», но самое главное, приписывают себе возраст. От переписи 1729 года прошло всего 7 лет, а большинство населения повзрослело на 10 – 15, и даже на двадцать лет, а дети стали моложе на 3 – 5 лет. В переписных листах 1736 года нередко встречаются семьи, в которых родители в возрасте около 60 лет имеют детей от 5 до 12 лет. В основном это семьи, пришедшие из Польши.

С чем это было связано?

В Государевой волости раскольничьих слобод Малороссии существовал порядок, согласно которому на жительство в слободы принимались только выходцы из-за границы. Выходить непосредственно из России и селиться в Государевой раскольничьей волости было запрещено. Государева волость Малороссии была инструментом для привлечения беглых крестьян из-за границы и возвращения их в налоговое пространство России.

Каждый новый Российский император, озабоченный восполнением числа налогоплательщиков, издавал пригласительные указы, в которых объявлялось беглецам, вышедшим в Польшу, прощение за прегрешения перед императорским домом, им дозволялось вернуться и селиться в тех местах, откуда они бежали за границу. Старообрядцам же дозволялось селиться в приграничной Государевой раскольничьей волости Малороссии, разбросанной слободами по просторам Стародубского и Черниговского полков.

Правительственные указы оставляли лазейку старообрядцам, жителям центральных уездов России, желавшим поселиться в Стародубье в окружении своих одноверцев. Для этого нужно было выйти из России, то есть бежать за границу, а спустя год-другой, когда будет опубликован очередной пригласительный манифест, явиться в город Глухов «в Кантору» и заявить желание вернуться в Россию согласно императорскому указу. Естественно, что никаких документов беглецы при себе не имели. «Глуховская Кантора» выдавала беглецу паспорт на поселение в Государевой волос-

ти, записывая со слов, откуда вышел за границу и как давно жил за границей. Также со слов записывался возраст.

В России в XVII веке существовал уже порядок, когда тягловый крестьянин, достигший 60 лет, освобождался от полного тягла и переводился на полтягла или на четверть тягла в зависимости от работоспособности.

Крестьянам, бежавшим из России, знакомым с подушной переписью, было известно, что переписчики выделяли группы населения «до 15 лет» и «старше 60 лет» и что ставка подушного налога с податного человека в возрасте старше 60 лет может быть снижена в зависимости от состояния трудоспособности окладной души. Беглецы вправе были ожидать скорого введения подушного обложения в Малороссии, поэтому сознательно приписывали себе годы жизни.

Следующие переписи, сохранившиеся в архивах, датируются 1765 и 1767 годами. Но это вовсе не значит, что учета налогоплательщиков в течение 19 лет не проводилось. Волостная контора требовала от слободских войтов ежегодного составления ведомости наличного состава обывателей с учетом движения населения: смерти, рождения и убытия к другому месту жительства. На основании этих ведомостей проводилась разверстка налогов. Ведомости эти еще не обнаружены, но доподлинно известно, что между 1736 и 1765 годами проводились ревизии в старообрядческих слободах в 1758-м и в 1760-м годах.

В челобитной в Правительствующий Сенат, написанной в конце 1760 года поручиком Халкидонским, бывшим управителем слобод Радуль и Добрянка, говорится, что в 1758 году управитель Морозов сочинял по указу из Правительствующего Сената в расколнических слободах ревизию»[1].

А 6 июня 1760 года в Киево-губернскую канцелярию из Правительствующего Сената был послан указ <...> четверым управителям слобод «учинить во всех Малороссийских слободах ревизию»[2].

Выявление в архивах этих документов и их изучение позволит лучше понять многие стороны жизни старообрядцев Государевой волости Малороссии.

Румянцевская опись Малороссии 1765–1769 гг.

Гетманство на Украине закончилось в 1764 году. А с 1765 года началась новая перепись населения Малороссии. Переписью ру-

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 63, д. 5452, л. 408.
[2] РГАДА Там же, л. 409.

ководил Президент Малороссийской Коллегии Петр Александрович Румянцев. Перепись населения была составной частью плана правительства по введению в Малороссии общероссийского административного устройства.

Перед переписчиками ставилась задача учесть источники «пропитания» податного населения, промыслы, заводы, наличие капиталов у торгующего и промыслового населения, выяснить ставки налогов и даже здоровье населения, а также проверить документы, дающие право на владение землёй и недвижимостью.

Среди вопросов, требующих выяснения, были: состав семьи, возраст, здоровье, откуда и когда пришел на поселение, дворовые постройки, домашний скот, наличие пахотной земли, огорода, сенокосов, наличие промыслов, вид промысла, отчего «пропитание имеет», наличие капитала, сколько берет на кредит, записан или не записан в подушную подать, сколько платит на консистент.

Впервые переписчики делили обывателей по возрастным группам: дети – до 15 лет, старики старше 60 лет и работоспособные налогоплательщики – от 15 до 60 лет.

Но, согласно подворным переписям обывателей слобод Государевой волости, подворный оклад платило всё мужское население, независимо от возраста. Когда начали вводить подушное обложение, то эти требования сохранились. Некоторое снисхождение получали старики и больные при разверстке налога «на консистенсий». Незначительные налоговые послабления мы отметили при изучении переписи лаврских подданных слободы Ардонь 1765 года.

В Ревизиях каждая ревизская душа считалась существующей до следующей ревизии, даже в случае смерти человека. После смерти налогоплательщика ставка его подушного налога выплачивалась либо семьей, либо раскладывалась на всё податное население слободы на срок до следующей переписи. Так появлялись «мертвые» души.

В то же время на детей, родившихся между ревизиями, подушное обложение не распространялось. Дети становились «ревизскими душами» только после очередной ревизии.

Причины бегства крестьян из центральных областей России в годы правления Петра I

В исследовании «Структура переселенческих потоков из России и Польши в старообрядческие слободы Малороссии в конце XVII – начале XVIII веков по материалам переписи обывателей Государевых описных раскольничьих слобод 1729 г.» (Клинцовский летописец. – Клинцы. 2004 и 2007 гг.) было показано, что

причиной массового бегства городского и крестьянского населения из России на окраины государства, в том числе и в Малороссию, были Петровские войны и экономические преобразования в стране. Крестьяне Костромского уезда из Государевой Даниловской волости составили основной поток переселенцев в Стародубье (98 семей). Поэтому уместно привести выдержку из «Скаски», составленной старостами дворцового села Даниловского Костромского уезда в 1710 году: «...А из тех дворов крестьян указом Великаго Государя в пять наборов взяты многие в рекрутные солдаты, и в плотники на Таганрог, и в работники в Санкт Питер Бурх. И из тех работников многие померли. А после тех солдат и плотников, и работников, оставшиеся отцы и старики, и жены, и дети многие померли, а иные врознь разбрелись и живут неведомо где. А иные крестьяне от скудости покиня свои тяглые жеребеи и дворы впусте, с женами и с детьми врознь разбрелись и живут неведомо где»[1].

Царь Петр черпал людские ресурсы прежде всего из Государевых Дворцовых волостей. Дворцовые крестьяне первыми испытали на себе всю тяжесть рекрутских и трудовых наборов и ударились в бега.

Вторым источником людских резервов для царя-реформатора стали монастырские владения. В 1700 году умер патриарх Адриан. Вместо избрания и возведения нового патриарха, царь Петр 24 января 1701 года своим указом создает Монастырский Приказ «для управления церковными делами». Этим указом преодолевалась прежняя неприкосновенность монастырских вотчин, и монастырские крестьяне были включены в систему государственных повинностей, получивших при Петре небывалый размах. Государство получило в свое распоряжение 106 597 крестьянских дворов, то есть 72% от общего числа (148 997) церковных крестьян в стране[2]. Наборы «работных людей» из числа монастырских крестьян стали производиться почти ежегодно, в отдельные годы по 2–3–4 набора. Брали крестьян на работы в Воронеж, в Петербург, в Нарву, на остров Котлин, на строительство пристани в Гжатске[3]. Выросли размеры государственных налогов и монастырских налогов. И прежде благополучные монастырские крестьяне побежали из монастырских владений на окраины государства и за границу.

Менее всего страдали от рекрутских и строительных наборов помещичьи крестьяне. На них возросло налоговое бремя, но это не

---

[1] РГАДА Ф. 350, оп. 1, д. 231, л. 16

[2] Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. – М. 1977, с. 109, 309.

[3] Булыгин И.А. Там же, с. 143–144.

вызвало умножения числа беглых крестьян из помещичьих владений, как наблюдалось в дворцовых и монастырских владениях. Если число побегов из помещичьих владений в Стародубье после 1700 года, в сравнении с периодом до 1700 года, выросло в полтора раза, то бегство из монастырских и дворцовых владений выросло в 8–10 раз, приблизившись по числу к побегам помещичьих крестьян. Или если доля семей монастырских и дворцовых крестьян в сумме составляла до 1700 года 17,5% от общего числа побегов крестьян разных категорий, то в период от 1700 до 1729 года доля монастырских и дворцовых крестьян составила 56% от всех беглецов[1].

Нами была проведена статистическая обработка материалов переписи обывателей Государевой волости описных раскольничьих слобод Малороссии по состоянию на 1729 год. В обработку было взято боле 800 семей из 16 старообрядческих слобод Малороссии, проведено вычленение потоков переселенцев по уездам, из которых бежали старообрядцы, и по годам выселения их из России в Стародубье. Столь большая выборка показала, что до 1700 года основными переселенцами в Стародубье были помещичьи крестьяне.

К 1700 году в старообрядческих слободах Стародубья (Малороссия) насчитывалось помещичьих крестьян – 108 семей, монастырских – 7, дворцовых – 16 семей.

С 1700 по 1729 год прибыло в Стародубье помещичьих крестьян – 198 семей, монастырских – 104 семьи и дворовых – 156 семей.

Вполне очевидно, что после 1700 года население старообрядческих слобод Малороссии более всего прирастало дворцовыми и монастырским крестьянами[2].

Настоящая выборка, сделанная по материалам переписи обывателей слободы Ардонь (1729 г.), дает те же соотношения между потоками переселенцев и подтверждает сделанные ранее выводы.

Переписи обывателей слободы Ардонь

Имена жителей слободы Ардонь находим в переписях Государевой волости описных раскольничьих слобод Малороссии за 1715–1718, 1723, 1729, 1736, 1765, 1767 и 1781 годы, а далее в ревизиях, от пятой (1795 г.) до десятой (1858 г.), из которых сохрани-

---

[1] Перекрестов Р.И. Структура переселенческих потоков... в Малороссию... в конце XVII – начале XVIII в. // Клинцовский летописец. – Клинцы. 2004, 2007, с. 113,

[2] Перекрестов Р.И. Там же, с. 113, 115.

лись в архивах Брянска только 6-я (1811 г.), 8-я (1834 г.) и 9-я (1850 г.) ревизии.

Перепись слободы Ардонь 1715–1718 гг. (Ергольского)

Первая перепись жителей Ардони проведена в 1715 году (перепись Г. Ергольского). Войт слободы предъявил переписчикам осадную грамоту, выданную архимандритом Киево-Печерской Лавры в 1711 году. Но обыватели заявили, что заселять слободу стали в 1710 году. Прошло пять лет от начала заселения слободы, поэтому устные сведения о начале заселения слободы в 1710, а не в 1711 году, мы считаем вполне достоверными.

К 1715 году обыватели Ардони жили в 15 дворах.

Перепись слободы Ардонь 1729 года (Брянчанинова)

В 1729 году из прежних 15-ти дворов переписчиками было обнаружено только девять дворов. Жители шести дворов ушли из Ардони. Но в пустующие дворы поселились новые семьи. Так и сказано: «Вновь прибылых после переписи Ергольского ныне в скаске написано и по свидетельству явилось – 6 дворов». В итоге в 1729 году в Ардони по-прежнему оставалось 15 дворов. Следует отметить, что в Клинцах в том же 1729 году было переписано 17 дворов и бездворных хат. При этом в Ардони проживало 355, а в Клинцах – только 218 обывателей, и число семей обывателей в Ардони было больше.

Таблица. **Заселение слобод Клинцы и Ардонь по годам по материалам переписи 1729 г.**[1]

Годы	Клинцы, число семей	Ардонь, число семей
1707	6 – первые поселенцы	
1708	1	
1709	3	
1710	1	9 – первые поселенцы
1711	–	–
1712	2	–
1713	–	–
1714	–	2

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, е.х. 1797, л. 105–116, 171–184.

1715	1	–
1716	1	2
1717	–	–
1718	**1**	**2**
1719	**5**	**10**
1720	**12**	**11**
1721	**10**	**6**
1722	**1**	**12**
1723	3	2
1724	1	3
1725	1	1
1726	–	1
1727	2	–
1728	3	1
1729	1	1
	55	63

Рассматривая, как шло заселение слободы Ардонь и соседней с ней слободы Клинцы, можно отметить, что самый значительный приток населения в слободы пришелся на период 1718–1722 гг.

Переселенческая волна 1718–1722 годов вызвана опубликованием ряда указов Петра Первого: указа о создании в Малороссии Государевой волости описных раскольничьих слобод, указа о «положении» обывателей слобод «в оклад на Государя» и указа об освобождении (в 1716 г.) старообрядцев, живущих вдоль границы, от двойного оклада. В последующие годы вступил в силу запрет на поселение в старообрядческих слободах новых поселенцев из России и приток их сократился.

***Таблица*. Изменение численности населения слобод Ардонь и Клинцы в XVIII в.**

	Ардонь	Клинцы
1715–1718 гг.[1]	В 15 дв. – 254 души	В 18 дв. – 106 душ

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, е.х. 1797, л. XIII–XIV–XIV об.

1723[1]	16 дв.	12 дв., 2 дв. – пуст.
1729[2]	В 15 дв. – 355 душ	В 17 дв. – 218 душ
1736[3]	15 дв. – 394 души	16 дв. и 11 бздв. хат. – 274 души
1765 –1767	388	1221
1781[4]	61 дв., 64 х., 3 бзд.х.	71 дв. купц., 127 хат.купц., 335 дв.мещ., 338 х.мещ., 28 дв. монаш., 33 х. монаш.

Чтобы понять, кто из России приходил на поселение в Государеву волость Малороссии, рассмотрим состав населения слободы Ардонь в 1729 году.

Наполнение слободы Ардонь новыми поселенцами происходило, на первый взгляд, стихийно. В то же время вполне очевидно, что основной приток переселенцев в Ардонь шел из России, в меньшей степени из Польши и Малороссии.

Условно всех беглецов из России можно разделить на четыре потока: посадские люди, пришедшие в Стародубье из городов, крестьяне дворцовые, то есть из дворцовых Государевых волостей, крестьяне из монастырских сел и деревень и крестьяне владельческие, или помещичьи.

При распределении переселенцев из России по их принадлежности к разным сословиям (крестьяне монастырские, крестьяне дворцовые, крестьяне помещичьи, посадские люди) выявляется разная степень наполнения этих потоков.

***Таблица*. Потоки переселенцев в Ардонь из России, из Речи Посполитой и из Малороссии до 1729 года**

Посадские люди из городов	18
Дворцовые крестьяне	28
Монастырские крестьяне	8
Помещичьи крестьяне из России	2
Крестьяне польской шляхты	3
Малороссийские крестьяне	3
Всего	

[1] Лазаревский А. Описание старой Малороссии, т. 1. Полк Стародубский. – Киев. 1889, с. 461, 463.

[2] РГАДА Ф. 248, оп. 29, е.х. 1797, л. 105–116, 171–184.

[3] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1838, л. 384–406 об.

[4] Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии, т. 1. Полк Стародубский. – Киев. 1889, с. 461, 463.

Рассмотрим отдельно, откуда пришли в Ардонь посадские люди, из каких государевых волостей пришли Дворцовые крестьяне и так далее.

***Таблица*. Посадские люди, пришедшие в Ардонь до 1729 г.**

Город, откуда родом	Фамилия посадского человека	Пришел в Ардонь из России	Пришел в Ардонь из Польши	Всего
Москва Карманной сл.	Дворцового повара сын – Медведков	1719		1
Москва Живодерной сл.	Живодерников		1722	1
Москва Конюшенной Овчиной сл.	Ерофеев		1724	1
Боровск	Потап Копырин Федор Бормотков Михайлов	1710 1720	 1720	3
Коломна	Мыльников		1724	1
Калуга	Крашенинников Черников	1722 1722		2
Кострома	Казмины		1719	1
Смоленск	Ковалев	1721		1
Старая Русса	Шарапов		1720	1
Ревель	Швецкой породы Андрей Новокрещенов (в 1708 пленен, в 1722 – в Ардонь)	1722		1
Глухов	Малоросс. – Гаврила Новиков Малоросс. – Андрей Махоткин	1710 1710		2
г. Глухова	Приходковы	1723		
Лысенки из-за Днепра	Лазарь Седледченок	1722		1
Черкасск (Дон)	Татариновы	1722		1
	18 фамилий	12	6	18

Как видим, посадские люди приходили на поселение в Ардонь из городов, расположенных по вектору Кострома – Москва (Подмосковье) – Калуга. Именно по этому вектору шло заселение Стародубья крестьянами и посадскими людьми из России. В то же время есть единичные семьи, вышедшие из Малороссии, с Дона и из-за Днепра.

Таблица. **Дворцовые крестьяне, пришедшие в Ардонь до 1729 г.**

Дворцовая Государева (ДГ) волость (ДГВ)	Фамилия дворцового крестьянина	Пришел в Ардонь из России	Пришел в Ардонь через Польшу	Всего семей
Севского уезда, ДГ Комарицкой волости, из с. Некиселицы	Яков Игнатьев	1710		1
из с. Требортное из д. Троекуровой	Наступнев Долгой	1710 1710		2
из с. Хомутовки	Воронковский	1710		1
из с. Шарово	Никифор Шаров	1710		1
из с. Лобанова	Ковалев	1720		1
из с. Доброго Поля	Мохонин	1722		1
Всего из Дворц. Комариц. Вол.				7
Московского Дворцового села Покровского Селинской вол. крестьянин	Шапочников		1728	1
Московского уезда, ДГ Кунцевской вол., из д. Большого Двора из с. Тайницкого	Иван Барматов Востряков Безногой	1722 1720 1721		3
Балахонского уезда, ДГ Заузольской вол. из д. Клыковой из д. Одинцова	Токарев Самолюбов (Самойлов)	1719	 1721	2
Балахнинского уезда, ДГ Хохломской вол. из д. Задориной	Семен Степанов Смирной		1722 1721	4

из д. Лихаревой из д. Липовки	Ложечников Рогожин	 1719	1721	
Юрьев-Поволского уезда, ДГ Березниковской вол., из д. Петровской	Бобылев	1719		1
Юрьев-Поволского уезда, ДГ Рыбинской вол., из д. Каменной из д. Ситинской	Семен Санников Каменов Егор и Петр Санниковы Кириловы	1719 1719 	 1722 1720	4
Костромского уезда, ДГ Даниловской вол., из д. Кишкиной	Семенов	1710		1
Велико-Новгородского уезда, ДГ Заборовской вол., из д. Ширяковой	Новиковы	1919		1
Нижегородского уезда, ДГВ, из д. Чащихи	Осип Смирной		1720	1
Великолуцкого уезда, ДГВ, из д. Савостьяновой	Морозов		1722	1
Олонецкого уезда, ДГ Корельской вол., из Винницкого (Венецкого) погосту	Дмитриевы	1718		1
Яропольского уезда, ДГВ, из слободы Вязников	Красильников	1718		1
Всего семей	28	19	9	28

Дворцовые села, откуда пришли на поселение старообрядцы в слободу Ардонь до 1729 года, были расположены в Нижегородском, Костромском, Великоновгородском, Великолукском, Московском, Балахнинском, Олонецком, Яропольском уездах.

Это свидетельствует о тесных связях старообрядцев разных волостей России, которые поддерживались через письма, через ямщиков, через богомольцев, бродивших по всем волостям. Но более всего дворцовых крестьян (7 семей) пришло в Ардонь из Комарицкой волости Севского уезда.

Таблица. **Монастырские крестьяне, пришедшие в Ардонь до 1729 г.**

Монастырь	Фамилия монастырского крестьянина	Пришел в Ардонь из России в году	Пришел в Ардонь через Польшу в году	Всего
Серпуховского уезда, Боровского Пафнутьева монастыря, из дер. Тресвятской	Малахов	1710		1
Белевского уезда, Спасского мон., из дер. Вилишной (Величенки) из слоб. Выры	Игнатов Силины	1714 1719		2
Переславского Залесского уезда, Федровского дев. мон., из с. Ивановского	Осокины		1729	1
Ростовского уезда, Борисоглебского мон. из с. Павлова	Лисицин	1720		1
Ярославского уезда, Спасова мон. из с. Савина	Быков	1722		1
Пошехонского уезда, Андреянова начального мон. из с. Кобелева	Семен Васильев Тяпикины	1710 1710		2
	8	7	1	8

По данным переписи 1729 года, в слободе Ардонь среди переселенцев из России более всего было крестьян из Дворцовых волостей и из Монастырских владений, а также посадских людей. Меньше всего было беглецов из помещичьих владений (см. таблицу).

Таблица. **Крестьяне помещичьи, частновладельческие, пришедшие в Ардонь из России до 1729 г.**

Землевладелец	Фамилия частновладельческого крестьянина	Пришел в Ардонь из России в году	Пришел в Ардонь через Польшу в году	Всего
Галицкого уезда, помещика Любима Ив. Чертанова из д. Юркиной	Щербаков	1724		1

Рыльского уезда, помещика Вл. Петр. Шереметева подданной из сл. Михаловки	Михайлов (малороссиянин)	1722		1
	2	2		2

Таблица. **Крестьяне, принадлежавшие польской шляхте, пришедшие в Ардонь до 1729 г.**

Землевладелец в Польше	Фамилия частновладельческого крестьянина	Пришел в Ардонь из России	Пришел в Ардонь из Польши в году	Всего
Полоцкого уезда, из с. Вулы, шляхтича Жабы	Карп Гутков		1710	1
Невельского уезда, из с. Вохонова, шляхтича Свенцицкого крестьянин	Павел Гутков		1716	1
Невельского уезда, из д. Петровки, шляхтича Куницкого крестьянин	Запкин		1719	1
	3		3	3

Таблица. **Малороссийские крестьяне, пришедшие в Ардонь до 1729 г.**

Крестьяне из Малороссии	Фамилия крестьянина	Пришел в Ардонь из Малороссии в году	Пришел в Ардонь через Польшу в году	Всего
Глуховского уезда, из с. Серединой Буды, малороссиянин	Котляров	1723		1
Глуховского уезда, из с. Серединой Буды, подданные Серединой Буды	Васильевы	1722		1
Глуховского уезда из с. Марчихиной Буды	Бойковы	1720		1
	3	3		3

«Поповы дети из Галицкого уезда, пригородка Парфеньева – Соболевы (в 1721 г.)

Попадья из города Змийова Изюмского полку Агафья Кирилова, вдова Ив. Попова (в 1722 г.)

С Дону из г. Черкасского – татарин Григорий Новокрещенов (в 1710 г.)

Не знают, откуда родители – Ерофеев (из Польши в 1726 г.), Савельев (из Польши из с. Вылева)».

Перепись слободы Ардонь 1736 года

Выше мы говорили об особенностях и недостатках переписи 1736 года, теперь приведем примеры.

Обыватели слободы Ардонь, у которых в перепись 1736 года, в сравнении с переписью 1729 года, изменились фамилии

Потап Родионов Копырин записался Потапом Родионовым (л. 408 об.).

Андрей Михайлов записался Андреем Михайловым Кореневым (л. 409 об.).

Тимофей и Никита Рогожины записались Рогожниковыми (л. 410).

Сын Февроньи, вдовы Данилы Дмитриева записан как Иван Данилов Корелкин (л. 410 об.).

Приемыш Потапа Копорина Андрей Тимофеев не имел фамилии, теперь он Цыбульников (л. 411).

Афанасий Федоров Безногой, стал Афанасием Федоровым Хромым (л. 411).

Лаврентий и Михаил Поповы записались Ивановыми (л. 411 об.).

Киприян Васильев записан как Куприян Васильев сын Винников (л. 414).

Илья Прокофьев сын Бердов записан Бердниковым и за семь лет повзрослел на 20 лет (л. 415).

Максим Архипов сын Шарапов записан как Максим Архипов (л. 417).

Петр Вавилов Запкин записан как Петр Вавилов (л. 417).

Яков Трофимов Ложечников записан Ложкаревым (л. 419).

Ефим, Никифор Казмины дети Бойковы стали Бураковыми (л. 419).

Алексей Михайлов Самолюбов записан Самойловым (л. 429 об.).

Тимофей Васильев Ерофеев стал Васильевым (л. 422 об.).

Конон, сын Якова Игнатьева, записан как Конон Яковлев сын Островский (л. 423 об.).

Степан Матвеев Востреков записан как Степан Матвеев Уткин (л. 425)[1].

---

[1] РГАДА Ф.248, оп. 29, д. 1838, л. 408 об. – 425.

Изменения фамилий и имен заметны только при сравнении переписей разных лет. Без такого сравнения можно каждого человека с новой фамилией принять за новосела.

Перепись 1736 года выявила среди старообрядцев людей нерусской нации.

В переписи 1736 года сказано, что Андрей Ларионов Новокрещенов – 50 лет, по национальности швед из Ревеля «и под тем городом взят в полон тому близ 30 лет, а в слободу пришел тому осмнадцать лет» (в 1718 г.). Жена его Мария умерла, дочери 13 лет.

Очевидно, что швед Андрей Ларионов получил русское имя и отчество после крещения в старообрядчество. Скорей всего, некий Ларион был крестным отцом пленного шведа.

В семье Терентия Андреева сына Сырейщикова, 70 лет, живет «крещеной сын швецкой нации Василей – 38 лет, холост»[1].

В предыдущей переписи 1729 года в Ардони была записана семья «Григория Новокрещенного, родом татарин с Дону, из города Черкасского, пришел в 1710 году»[2]. Новокрещеный.

Как видим, старообрядцы Стародубья не были замкнутым обществом, недоступным для общения с людьми из других религиозных конфессий и из нерусской нации. Единственным условием к близкому общению было присоединение к старообрядчеству.

Обыватели, вновь поселенные в слободе Ардонь до 1735 года

Переписчики 1736 года выявили большую группу переселенцев из-за границы Польши, которые были определены на житье в слободу Ардонь по указу из Канцелярии Министерского Правления. В основном они вышли из-за границы в 1733–34 годы, накануне первой Ветковской выгонки 1735 года. Все они поселены были в слободах Государевой волости Малороссии, в том числе и в слободе Ардонь, на основании «пригласительных» указов императрицы Анны Иоанновны.

Всего до 1736 года вышло из Польши и поселилось в Государевой волости 1299 человек, из них в Ардонь – 184 человека (44 семьи).

В переписях 1736 года ни разу не встречается указаний, чтобы данный обыватель был принудительно выведен из Ветки во время Ветковской выгонки 1735 года и поселен в Стародубье. Не отмечено также резкого увеличения числа новых поселенцев в слободах

---

[1] РГАДА Ф.248, оп. 29, д. 1838, л. 440.
[2] РГАДА Ф. 248, е.х. 1797, л. 175.

Государевой волости Малороссии в 1735 и 1736 году. Все новые поселенцы этих лет селились с разрешения Волостной Конторы, а не самовольно. Следовательно, среди новоселов Государевой волости Малороссии 1735–1736 годов нет ни одного старообрядца, «бежавшего от Ветковской выгонки». Все арестованные на Ветке старообрядцы были удалены вглубь России, дальше от границы.

Наполнение слобод Государевой волости Малороссии жителями после 1715 года не было стихийным. Заселением слобод занималась Глуховская Канцелярия и Волостная Контора в слободе Климова, согласно императорским указам. Поэтому вывод некоторых исследователей о том, что «две Ветковские выгонки значительно увеличили численность населения старообрядческих слобод Стародубья» жителями Ветки, уклонившимися от выгонки, необоснован. Во время выгонки 1735 года и 1764 года, жители Ветковских слобод, выведенные принудительно из-за границы, прошли через Стародубье транзитом вглубь России. Волостная контора следила, чтобы в слободах не было беглецов из Ветки. Наполнение старообрядческих слобод Стародубья населением проводилось добровольными переселенцами из-за границы, поверившими «пригласительным» манифестам императрицы, появлявшимся накануне очередной выгонки из Ветки.

Представляет интерес география расселения беглецов из России по территории Польши и длительность пребывания их за границей, выясненная при изучении показаний обывателей слободы Ардонь в перепись 1736 года.

Несколько семей переселенцев из Речи Посполитой, приписанных к Ардони, поселилось в городе Стародуб, но налоги они платили в Ардони. Это были, в основном, выходцы из мещанского сословия, богатые и предприимчивые.

Добровольные переселенцы 1731–1735 годов из Речи Посполитой в Государеву волость описных раскольничьих слобод Малороссии до этого жили в основном в слободе Ветка (54%). Остальные жили в слободах Вылев (8,6%), Николаевская (6,5%), Мойдан (4,3%), Забычань, Липа, Новоселицы, Марковка, Носовка, Беликовцы, Огородня.

Основной приток переселенцев из Речи Посполитой приходится на 1733 и 1734 годы. Беглецы, решившиеся отозваться на «ласковое» приглашение императрицы и вернуться в Россию, ничего не потеряли, а только приобрели.

В то время как сотни семей старообрядцев, живших на Ветке, были подвергнуты в 1735 году насильственному выселению из Польши в Россию, что привело к их разорению и обнищанию,

***Таблица*. Перепись Ардони 1736 г. «Определены на житье в слободу Ардонь по указам из Канцелярии Министерского Правления, вышедшие из-за границы Польской»**

	Откуда родом	В Польше жил в	Сколько лет жил в Польше	Вышел из Польши в
Аким Чуркин Жена Аксинья	Из Брянска Из Боровска посадская	сл. Забычани	–	1733
Иван Тюков	Ярослав. у, ДГВ, Рыбной сл.	сл. Липа	15	1733
Федор Рыбников жена Акилина зять Карп Иванов	Ростовского у. ДГВ, с. Хомогорева из Москвы посадская. Ростов.уезд, Богоявлен. мон. кр-н.	сл. Ветка	23	1734
Иван Малышев Работник Ал-др Артемьев	Нижегород. у. с. Работак крест-н Цесаревны Елиз. Петр. из Корочи, посадский	сл. Ветка	14	1733
Григорий Казмин Жена Василиса	г. Коломны посадский. Нижегород.у. с. Работак крест-ка Цесаревны Елиз. Петр.	сл. Ветка	17	1733
Аф. Селиванов	г. Орел посадские	сл. Ветка	30	1735
Леонтий Герасимов	Коломенского у. из с. Воронцова крестьянин Коломенского архиерея	сл. Ветка	30	1735
Казма Алексеев Жена Варвара	г. Москва посадский. из Москвы посадская	сл. Ветка	17	1731
Платон Казмин, Жена Мелания	г. Коломна посадский. Из Адоева посадская	сл. Ветка	15	1734

Прокофей Подсевальщиков Жена сына Ирина	Нижегород. у. с. Работок крест-не Цесаревны Елисавет Петр. Из Орла посадская	сл. Ветка	14	1734
Зять Герасим Афанасьев	Костромского у. ДГ Даниловской вол. С. Данилова	сл. Ветка	20	1734
Ефрем Кожевников	Великого Новгорода посадский	сл. Николаевская	40	1734
Тимофей Иванов	Великого Новгорода архиерейский бобыль	сл. Николаевская	-	1735
Катерина Сипанина, вдова	Великого Новгорода из ямщиков	сл. Николаевка	15	1734
Лаврентий Игнатьев Жена Федосья	из Ростова архиерейский бобыль дочь пушкаря из Москвы	сл. Новоселицы	-	1734
Иван Сквозняков Жена Ирина	Балахонского у. Дворц. с. Хохлома Хохломской ГВ, д. Адинцова	сл. Вылева	17	1734
Степан Быков Жена Авдотья	Костромск. у. Дворцового с. Данилова крест-н. Моск. у. с. Вохны Троице-Серг. мон.	сл. Ветка	20	1734
Ефим Рогаткин с женой Ульяной	Костромского у. Дворц. села Данилова	сл. Вылевой	20	1734
Гаврило Гусев, жена Пелагея польской нации	Осташкова, кр-н Пафнутьева Боровс. Мон.	сл. Ветка	17	1734
Ив. Аникеев, жена Акилина польской нации	Дворцовый кр-н из г. Москвы	сл. Шляпина	17	1734
Ив. Чеботарев	г. Риги посадский	сл. Ветка	40	1734

Ив. Толстой, жена Ульяна	Болховского у. с. Черногрязки кр-н помещика Никиты Никиф. Юшкова Рыльского у. с. Жигаевки однодворческая дочь	сл. Беликовцы	20	1734
Влас Иванов и жена Просковья	г. Севска, он – ямщик, жена – ямщикова дочь	сл. Марковка	20	1734
Григорий Тарасов	г. Калуги посадский	сл. Носовичи	40	1735
Пусторжевцевы	Великоновгор. у. с. Веснобол кр-не помещ. Шатилова	сл. Марковка	30	1734
Степан Фомин, жена Стефанида польской нации	Шведской нации	В Польской обл.	30	1734
Епифан Калачников, жена Марфа г. Можайска посад. чел. дочь	г. Малого Ярославца попов сын	сл. Вылевой	20	1733
Степан Сухорукой, вдов.	Москвы, Покровской слоб. Дворцовый кр-н	сл. Ветка	10	1734
Иван Каменщиков, вдов	г. Ярославля посадский	сл. Огородня	30	1734
Сила Федотов, холост	Ладожского у. Дворц.вол. с. Сяси	сл. Кл...	13	1734
Прокофий Мясников и жена Просковья	Костромск. у. с. Яковлевского, Ипатьева мон. кр-не	сл. Вылева	20	1734
31 семья				

Таблица. **Перепись Ардони 1736 г. «В сл. Ардонь определены по указам из Канцелярии Министерского Правления, а живут для своих торговых промыслов в Стародубе ... и ведомы всем в сл. Ардонь»**

Фамилия	Откуда родом	В Польше жил в...	Сколько лет жил в Польше	Вышел из Польши в...
Ив. Авксентьев и жена Устинья	г. Тулы посадские	сл. Ветка	20	1733
Евтропий Авксентьев и жена Арина	г. Тулы посадские	сл. Ветка	20	1733
Терентий Сырейщиков. Работник Николай Петров	Московск. у., ДГВ с. Тайнинского. г. Боровска посадский	сл. Мойдан	10	1734
Антип Шульгин	г. Москвы Кожевенной сл. Посадский	сл. Мойдан	–	1734
Панкрат Иванов, жена Прасковья, племянник Гр. Амвросиев	Нижнего Новгорода посадский. г. Москвы посадская Моск. у., Троицкой Дворц. вол., д. Петровской	сл. Ветка	15	1734
Федот Медведев	Можаского у., Дворц. Клушинской вол., с. Клушина	сл. Грабовка	25	1734
Федор Пискунов	Костромск. у., Дворц. Красносельской вол., д. Русиново	сл. Ветка	20	1734
Родион Малыгин, жена Марина	г. Москвы, Кадашевской сл. Посадский г. Москвы, Басманной сл. Посадская	сл. Ветка	15	1734

Тимофей и Николай Парфентьевы	Родились в Польше	сл. Ветка	14	1735
Алексей Зайцев, жена Неонила	Можаского у. Дворц. Клушинской вол., с. Клушина. из Калуги посадск. чел. дочь	сл. Ветка	20	1734
Мих. Анисимов, жена Дарья из сл. Воронка	Мещевского у. Дворц. вол, с. Отхотного	сл. Ветка	20	1734
Денис Овсянников и жена Акилина	г. Калуги посадские	сл. Ветка	18	1734
Федор Потапов и жена Ирина	г. Калуги посадские	сл. Ветка	20	1734
Аким Луковников, холост	г. Стародуба мещанин	сл. Ветка	15	1734
Алексей Артемьев	г. Курска посадский	сл. Ветка	10	1734
15 семей				

добровольные переселенцы из Ветки в Государеву волость Малороссии (в 1731–1735 гг.) надежно охранялись правительственными указами и, так называемая, «Ветковская выгонка» 1735 года их не коснулась.

Сословный состав переселенцев из Польши в Стародубье 1731–1735 года не отличается от сословного состава жителей старообрядческих слобод Государевой волости Малороссии, поскольку все они бежали из России в Польшу в первые годы Петровских войн и преобразований, для всех беглецов того времени побудительные мотивы к бегству были едины.

И в то же время следует отметить, что среди возвращенцев из-за границы, во-первых, много бывших посадских людей, вышедших в Польшу из Тулы, Коломны, Москвы, Великого Новгорода, Нижнего Новгорода и других городов России и откликнувшихся на «пригласительные» указы императрицы.

Происходившая в стране в XVII – начале XVIII в. миграция населения увлекала и посадское население. В годы Петровских преобразований среди причин, побуждавших жителей городов к бегству на юг России, в Малороссию и в Польшу, были: повышение ставок налогообложения, в том числе и посадского населения, постойная повинность, ямская повинность и, конечно, рекрутские наборы, в которых посадское население принимало участие на общих основаниях, за исключением короткого промежутка времени (1722–1727 гг.), когда для посадских людей отбывание воинской повинности было заменено денежными взносами[1].

Во-вторых, пятнадцать семей, пришедших из-за границы в Ардонь, предпочли поселиться в полковом городе Стародуб, в столице края, где еженедельные торги и ежегодные ярмарки служили удобным местом применения торговым и промысловым занятиям переселенцев. При этом ежегодные налоги они платили по месту приписки – в Ардони.

В-третьих, «пригласительные» указы Анны Иоанновны подняли с насиженных мест людей, проживших за границей от 10 до 30 лет. Что-то заставило их поверить в силу императорского слова. Каковы были мотивы переселения в Малороссию этих людей?

Прежде всего экономические мотивы. Ежегодные налоги, взимаемые польскими шляхтичами со старообрядцев, живших в Ветковских слободах, были значительно выше, чем в Государевой волости описных раскольничьих слобод Малороссии, в которой ста-

---

[1] Перекрестов Р.И. Структура переселенческих потоков... в Малороссию... в конце XVII – начале XVIII в. // Клинцовский летописец. – Клинцы. 2004, с. 121.

рообрядцы к тому же были освобождены от выплаты двойного подушного налога.

Далее, старообрядцы, переселившиеся из Речи Посполитой, были хорошо знакомы с рынком как в Стародубье, так и в Малороссии. Перенося свои торговые промыслы в Стародубье, они рассчитывали более выиграть, чем проиграть. Приграничная торговля в Малороссии была более доходной, чем в Польше, поскольку в Польшу везли сырье (конопляное масло, железо, соль), перегоняли лошадей из степной полосы, а из Польши в Россию ввозили товары повышенного спроса: сукно, посуду, мебель, предметы роскоши, которые в России всегда были в недостатке. Переселенцы, пришедшие в Стародубье из-за Польской границы, не порывали своих прежних торговых и промысловых отношений и связей, сложившихся в Речи Посполитой (Польше), при этом государственная граница для них оставалась полупрозрачной.

Далее, переселенцы из Польши селились в Стародубье среди своих единомышленников-старообрядцев и пользовались их поддержкой и защитой. Переселенцев из-за рубежа не пугало существующее в России преследование старообрядческих священников и запрет на строительство храмов и монастырей. Старообрядцы поповского согласия, поселившись в Стародубье, не лишали себя причастия у священников Ветковской церкви, поскольку Стародубские слободы находились от Ветки на расстоянии от 30 до 70 верст. Во время торговых поездок за рубеж старообрядцы поповского согласия обязательно посещали Ветковскую церковь Покрова Пресвятыя Богородицы. Те переселенцы, которые придерживались беспоповских взглядов, не нуждались в священстве, а беспоповских наставников-старичков они могли найти почти в каждой Стародубской слободе.

По итогам переписи в слободе Ардонь в 1736 году проживало: мужчин – 330, женщин – 299 душ, итого – 629 душ.

Перепись населения Ардони 1765–1767 годов

Особенность переписи обывателей слободы Ардонь 1765 и 1767 годов состоит в том, что переписчиками составлялись две ведомости: отдельно для лаврских обывателей, подданных Киево-Печерской Лавры, и отдельно для обывателей Государевой волости описных раскольничьих слобод Малороссии, которые жили на лаврской земле.

Перепись позволила выяснить, что Киево-Печерская Лавра вернула в 1741 году в свое подданство 15 дворов, которых она лишилась в 1715 году, когда Ардонь была передана в состав Государевой волости. Выяснилось также, что число обывателей Государевой во-

лости, проживавших на лаврской земле, превышало число лаврских подданных. Если число лаврских обывателей было – 81 человек, то число обывателей Государевой волости было – 307 человек.

Число населения слободы Ардонь к 1765 году сократилось по сравнению с 1736 годом, что обусловлено выходом в разные годы части обывателей Ардони с лаврской земли в Клинцы и в другие места.

Выяснилось, что большинство обывателей слободы Ардонь занималось промыслами, и преобладающим промыслом было изготовление саней.

Дополнительно можно сообщить, что в 1767 году в Наказе жителей малороссийских старообрядческих слобод в Законодательную комиссию, созданную Екатериной II, говорилось: «В тех слободах (приписанных к лавре) и поныне жительствуют по большей части состоящие под ведомством Волостной конторы», из которых «взимаются и подушные денги в здешнюю волостную контору». Число старообрядцев, живущих на лаврской земле и приписанных к Государевой волости, было довольно значительным. В Ардони проживало 124 человека, в Свяцкой – 231, в Тимошкином Перевозе – 73. Число государевых обывателей составляло – 428 душ, что намного больше числа подданных лавры – 106 душ[1].

Ниже будут рассмотрены все особенности, выявленные переписью 1765 года.

Об основателях слободы Ардонь, выходцах из Комарицкой Дворцовой волости Севского уезда

Основателями слободы Ардонь были Дворцовые крестьяне, выходцы из Севского уезда Комарицкой Дворцовой Государевой волости. Некоторые из них до прихода в Ардонь уже были жителями старообрядческих слобод как, например, Никифор Шаров.

В Малороссию выходили крестьяне из Комарицкой и Крупецкой волостей Севского уезда. Всего из Севского уезда бежало в Стародубье 24 семьи, первое поселение выходцев из Севского уезда отмечено в 1700 году. В 1700 году в Стародубском полку Малороссии была поселена слобода Злынка. «Сначала осаживал оную слободу Севского уезда Дворцовой Государевой Комарицкой волости села Новоселков крестьянин Логин Логинов сын Голубицкий[2].

---

[1] Волошин Ю. Государевы описные раскольнические слободы (XVIII в.). – М. 2005, с. 98.

[2] РГАДА Ф.248, оп. 29, д. 1797, л. 137.

В 1708 году на реке Днепре, в дачах бывшего черниговского полковника Павла Полуботка, Черниговского полка, поселена слобода Радуль, которую осаживал Севского уезда Дворцовой государевой Крупецкой волости деревни Коваленок крестьянин Филипп Костылев»[1].

А в 1710 году на дачах Киево-Печерского монастыря осадил слободу Ардонь «Севского уезда дворцовой Государевой волости Комарицкой волости села Шарова крестьянин Никита Пателеев сын Шаров»[2].

В 1729 году в сл. Радуль живет осадчий слободы Филипп Костылев, 75 лет, из деревни Коваленок. Наиболее компактно живут выходцы из Севского уезда в слободах Ардонь и Радуль. В слободе Злынка, основанной крестьянином Севского уезда Комарицкой волости села Новоселков Логином Логиновым сыном Голубицким, в 1729 году уже нет ни основателя слободы, ни выходцев из Севского уезда.

Из Крупецкой Дворцовой волости – всего три переселенца. Более всего беглецов из Комарицкой дворцовой волости находим:

Из с. Некислиц – 2

Из с. Боброва – 2

Из д. Коваленок – 2

Из с. Обретеева (Абратьева) – 2 семьи

Из с. Троебортного – 2

Оценивая случаи бегства из Севского уезда по годам, можно отметить, что более всего случаев бегства отмечено в 1708 году в слободу Радуль и в 1710 году в слободу Ардонь. Следующая волна переселенцев приходится на 1720-е годы. Возраст, в котором беглецы приходили в Стародубье, находится в промежутке от 30 до 50 лет.

Половина всех выходцев из Севского уезда занимались разными видами промыслов. Это были предприимчивые крестьяне, которые и ранее, до бегства в Стародубье, занимались промыслами, а ушли из Севской волости от грозящего разорения ради сохранения семьи и семейного благополучия.

Обыватели Ардони, Воронка и Чурович, выходцы из Севского уезда, в большинстве не называют своих промыслов, возможно, они кормятся земледелием или наемным трудом. В отличие от них обыватели слободы Радуль деятельно занимаются промыслами, такими как торговля рыбой, медом, дегтем и лесом. Лес радульчане сплавляли с верховьев реки Сож и его притоков вниз по Днепру в безлесные степные районы.

---

[1] РГАДА Ф.248, оп. 29, д. 1797, л. 211.

[2] РГАДА Там же, л. 171.

Таблица. **Кто пришел в Малороссийские слободы (Ардонь, Воронок, Деменка, Радуль, Чуровичи) из дворцовых волостей Севского уезда (перепись Брянчанинова 1729 г.).**

Где живет, когда пришел. (П) – через Польшу	Фамилия, возраст	Севского у. Комарицкой вол.	Севского у. Крупецкой вол.	Промысел
В сл. Воронок в 1726 (П)	Петрушкин Елфим, 55 л.	д. Лемешевки	51	
В сл. Воронок в 1720 (П)	Федоров Иван, 40 л.		д. Воронка 31	
В сл. Воронок в 1716 г.	Ковалев Лука, 60 л.	с. Калиновки	47	Кузнец
В сл. Деменка в 1724 г. (П)	Слюняев Гр., 35 л.	с. Гламаздина	30	
В сл. Деменка в 1722 г. (П)	Безугольнов Иван, 39 л.	с. Калиновки	32	Торг. дегтем
В сл. Деменка в 1723 г.	Лаптев Леонтий, 90 л.	д. Толченой	84	Торг. дегтем
В сл. Деменка в 1719 г. (П)	Жуков Клемент, 60 л.	с. Калиновки	50	Торг. дегтем
В сл. Шеломы в 1715 г.	Стельмахов Иев, 70 л.		с. Корина 56	
В сл. Ардонь в 1710	Логовой Гр., 65 л.	с. Троебортного	46	
В сл. Ардонь в 1710 г.	Воронковский Иван, 47 л.	с. Хомутовки	28	Нищий
В сл. Ардонь в 1710 г.	Долгов Иван, 45 л.	с Троебортного	26	
В сл. Ардонь в 1710 г.	Шаров Николай, 59 л.	с. Шарова	40	
В сл. Ардонь в 1720 г.	Ковалев Яков, 60 л.	с. Лобанова	51	Кузнец
В сл. Ардонь в 1722 г.	Мохонин Логин, 40 л.	д. Доброго Поля	33	

В сл. Чуровичи в 1718 г.(П)	Гончаров Игнат, 60 л.		д. Локти 49	
В сл. Чуровичи в 1725 г.	Плохонов Козма, 40 л.	с. Ивачева	36	
В сл. Радуль в 1708 г.	Землянский Лукьян, 48 л.	с. Абратьева	27	Торг медом, рыбой, дегтем
В сл. Радуль в 1708 г.	Землянский Петр, 70 л.	с. Боброва	49	Рыба, деготь
В сл. Радуль в 1708 г.	Землянский Мирон, 59 л.	с. Обретеева	38	Рыба, деготь
В сл. Радуль в 1708 г.	Костылев Филипп Ив., 75 л.	д. Коваленок	54	Мед, соль, рыба, деготь
В сл. Радуль в 1708 г.	Костылев Вас. Вас., 55 л.	д. Коваленок	34	Деготь, лес
В сл. Радуль в 1708 г.	Жолобов Борис, 55 л.	с. Некислицы	34	Рыба, деготь
В сл. Радуль в 1719 г.	Беспалов Евстафий, 47 л.	с. Боброва	37	Мед, рыба, деготь
В сл. Радуль в 1722 г. (П)	Молотков Ник., 50 л.	с. Некислицы	43	Торг лесом
Всего	24 семьи			

О Дворцовой Комарицкой волости

Подобно тому, как клинчане обязаны своим первоначальным заселением выходцам из Дворцовой Даниловской волости Костромского уезда, так ардонцы обязаны поселением выходцам из Дворцовой Комарицкой волости Севского уезда.

Что же представляла собой Дворцовая Комарицкая волость в XVII–XVIII веке? А.А. Новосельский в исследовании «Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVIII в.» сообщил следующее:

«Комарицкая волость еще в XVII в. была одной из крупнейших среди Дворцовых владений. Она занимала почти всю территорию Севского уезда и делилась на 4 стана: Чемлижский, Радогожский, Брасовский и Глодневский. Затем к ней были присоединены Крупецкая волость и с. Алешковичи. В 1654 г. приказной человек Замятня Леонтьев насчитывал в 4-х станах 23 села и 69 деревень. (Белгородский архив. № 374, л. 216–223).

К 1667 году население волости выросло и жило в 68 селах и 160 деревнях, слободах и починках. Из них на Крупецкую волость приходилось 4 села, 4 деревни и 1 слобода, а всего 228 селений с населением 21 745 чел. (Севский арх., № 220).

Комарицкая волость находилась в ведомстве Большого Дворца и управлялась особым Приказчиком. (Московский арх. № 134, л. 687)»[1].

«В 1646 году было проведено укрепление Белгородской черты, одновременно милитаризованы крестьяне **Севского, Добренского,** Тамбовского и Сокольского уездов, которые переведены на положение солдат и драгун, то есть превратились из тяглых крестьян в служилых людей «приборных» чинов. Так, для сравнения, звание «служилые люди по отечеству» было наследственным.

По первоначальному предположению комарицкие крестьяне должны были нести службу в драгунах, для чего из каждого двора брали по одному человеку, которые освобождались от платежа денежного оброка, хлебных запасов и меда, ямских, стрелецких «и иных никаких податей имати с них не велено». Земля и угодья за ними сохранялись».

«С возложением на население военной повинности волость переходила в ведение судом и расправой в Разрядный Приказ, откуда теперь назначались в волость приказные люди (Севский арх. № 131, л. 82)».

---

[1] Новосельский А.А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости второй половины XVII в.» // Вопросы истории с/х., крестьянства и революционного движения в России. АН СССР. – М. 1961, с. 65.)

Комарицкая волость под началом приказного человека Замятни Леонтьева была превращена в укрепленный район крайнего правого фланга фронта, обращенного к югу, откуда совершали набеги крымские татары, откуда нависала постоянная угроза со стороны Турции. Кроме того, рядом была Речь Посполита, отношения с которой были натянутыми. Уже в 1647 г. Леонтьев построил 3 городка и 8 острожков. Городки: Пьяновский на берегу р. Усожь, на горе, на старом городище (150 саженей в округи); Радогожский, на р. Нерусса, на старом городище (108 саженей в округи); Болдыжский, на р. Несна, на горе (92 саж. в округи); Череможенский (155 саж. в округи), Девятинский на р. Россрога (80 саж.); Моревский на р. Общерище (41 саж.); Долбенский, на р. Речица (98 саж.); Гнанский, меж рек Гнани и Логу, близ реки Свана (117 саж.); Волконский, на р. Локна, за р. Нерусса (124 саж.); Ивандинский на р. Летча (117 саж.). (Севский арх. № 131, л. 272; Белгородскйи арх. № 216, л. 223)

Леонтьев выбрал из каждого двора по человеку в драгунскую службу, всего 5 125 человек. Следовательно, в Дворцовой Комарицкой волости насчитывалось в то время 5 125 дворов.

Из названного числа крестьян было сформировано 3 полка, по 6 рот в каждой, а в каждой роте по 300 и более человек. «А для того роты учинены пусты, что начальных людей мало». «Начальных людей», из немцев, было прислано из Ливен от князя Н.И. Одоевского 36 человек, да с Леонтьевым приехала группа иноземцев. Им под команду и были отданы комарицкие мужики. На низшие командные должности (сержанты, капралы и прапорщики) выбраны были люди из комарчан».

«В указе, присланном Леонтьевым из Разряда в феврале 1647 г., предписывалось следить, чтобы драгуны жили семьями, с братьями, детьми, племянниками, половинщиками вместе. В «семьянистых» дворах могло быть оставлено по 3–4 взрослых человека, остальных рекомендовалось выделить на особые жеребьи.

«Малосемьянистым» следовало призывать к дочерям зятьев, чтобы в каждом дворе было по 2–3 мужчины. «А рознь бы не делились и одиноких бы во дворах не было, чтоб им в драгунской службе будучи пашен своих и домового строенья не отбыть, и та драгунская служба им [была] не в тягость. (Севский арх. № 131, л. 376–377)».

После перехода Гетманщины из подчинения Польского короля под крыло Московского царя неизбежно возник военный конфликт между Польшей и Россией, и драгуны Севской Государевой волости непосредственно участвовали в Польской кампании.

Но Севский уезд был оккупирован польскими войсками. Из челобитной 1666 и 1667 годов известно, что «много потерпели комаричане» в 1661–62 и 1663–64 гг., когда польские воинские люди долго стояли в их волости и «вконец их разорили. Многие до сих пор не построили домов и живут в ямах и погребах». «На очередной службе беспрестанно бывает из них 700 человек в Киеве, 1000 – в Глухове, 1000 – в Севске. Меж тем им обещана была служба только в Киеве, «переменяясь» по полугодиям. Севским ямщикам они платят ежегодно по 330 рублей и ржи по 800 четвертей, и овса столько же. Во время походов воевод из Севска они дают единовременно по 100–200 подвод с санями, телегами, хомутами. Ратные люди берут у них подводы безвременно. В государевы житницы собирают с них с двора по четверику ржи и по четверику овса, и те хлебные запасы возят они на своих подводах в дальние города. В 1666–67 г. взымано с них за 311 кафтанов – 396 рублей. За отсутствием лошадей многие не пашут полей и едят овсяной хлеб (Севский арх. № 222, л. 2–5, 178–180)».

В ответ на челобитную в Комарицкую волость был назначен особый приказный С. Бутиков. «Мимо него» никто не имел права вмешиваться в дела волости и никто не мог засылать туда по каким-либо делам «посыльщиков». С. Бутиков произвел перепись населения в 1667 г., обнаружив, что за 20 лет из числа драгун ушло в другие города 1022 человека, убито – 1 303, в плен взято – 2 591, то есть волость потеряла – 4 916 человек, не считая умерших – 7 197 человек на службе и дома. Число дворов сократилось на 610 дворов».

«С. Бутиков составил новое расписание очереди служб комарицких драгун по городам: в Киеве – 700 человек с переменой по полугодиям, в Глухове – по 500 человек, с переменой по третям года, в Севске – по 400 человек.

В 1668 году военные события потребовали мобилизации в составе 4 539 человек. Но затем наступили мирные годы. За доставку хлеба в Брянск комарицкие драгуны были освобождены от службы в Киеве. Но в 1671 году, во время восстания Степана Разина, комаричане служили в полку Г.Г. Ромодановского в Висле – 1710 человек, в полку Г. Косаговского на Дону – 946 человек. В 1672 году комарицкие драгуны были с Г.Г. Ромодановским в полках во время выбора на Украине гетмана (Севский арх. № 230, л. 70–73).

В 1679 г. после неоднократных челобитий комарицких и крупецких солдат обязали «вместо киевской и иных малороссийских городов службы» обеспечивать хлебом ратных людей по 10 тысяч четвертей на год и отвозить им те хлебные запасы до Севска и до Брянска на своих подводах» (Приказный арх. № 2668, л. 7–9)».

«В 1698 г. в Комарицкую волость прислан дьяк Артемий Возницын, чтобы из числа бывших комарицких солдат «устроить выборный солдатский полк в 1000 человек, поселить полк в Севске, возложив содержание полка на население волости. Артемий Возницын переписал население Комарицкой и Крупецкой волостей и насчитал 7 206 дворов пашенных и 246 дворов бобыльских, всего – 7 552 двора. По прежней переписи 1678 г. тех и других дворов было – 4 464. Комаричане объясняли это тем, что Возницын переписал по семьям, а не по дворам».

«К концу XVII столетия повинности с жителей Комарицкой волости возросли в 4–5 раз. В Комарицкой волости было много не занятой земли, позволявшей осуществлять внутреннюю колонизацию, принимать беглых людей из соседних и дальних уездов.

В крестьянских дворах жило много подсоседков и захребетников, так называемых, затяглых людей, дольников (половинщиков и третников), складников. Нередко драгуны выставляли вместо себя на службу складников и дольников, наймитов (Поместный арх. № 61, л. 23)».

«Разорение волости и убыль населения волости начались ещё в 1660-е годы. В 1681 году перепись установила, что солдат бежало 1 456 человек, а всего бежавших – 2986 человек. Больше всего бежало крестьян в Севский же уезд, во владения монастырей Свенского, Роговской пустыни (103 двора), в Рыльский уезд – 106 дворов. Прочие бежали в Брянский, Путивльский, Курский, Трубчевский, Карачевский, Орловский, Кромский, Ливенский, Обоянский, Хотм....ский, Вольновский, Миропольский, Судженский уезды.

В конце XVII века начался захват земель и мельниц обедневших солдат пришлыми людьми»[1].

О запустении Севского уезда, вызванного бегством дворцовых крестьян от Государевой военной повинности, говорит указ Петра I от 12 марта 1714 г. Киевскому губернатору Д.М. Голицыну, который предписывает: «...Патриарших, архиерейских и монастырских крестьян и однодворцев, которые, сбежав, жили Гетманского регимента в Малороссийских городах и слободских полках в разных местах, сыскивая, записывать в книги, а, записав, вывозить и селить Белгородского и Севского разрядов в городах, где жили рейтары и солдаты и городовой службы однодворцы, а ныне земли их пусты...»[2].

---

[1] Новосельский А.А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости второй половины XVII в.» // Вопросы истории с/х., крестьянства и революционного движения в России. АН СССР. – М. 1961, с. 65–79.

[2] РГАДА Ф. 248, кн. 734, л. 567.

От рекрутской повинности бежали из Севского уезда в Стародубский полк Малороссии Шаровы, Голубицкие, Костылевы, основатели трех раскольничьих слобод Малороссии, и еще десятки семей обывателей тех же слобод.

История Дворцовой Комарицкой волости конца XVII – начала XVIII века показывает, какой беспощадной эксплуатации под-верглись крестьяне дворцовых волостей в годы преобразовательной деятельности царя Петра I. В Комарицкой волости крестьян обложили военной повинностью, в Даниловской Государевой волости Костромского уезда крестьян забирали на строительные работы в Таганрог на строительство верфей. Из своих волостей по всей России Государь рекрутировал крестьян в армию, на заводы, на прокладку дорог, каналов, на строительство городов, крепостей, кораблей, набережных. Работа велась в труднейших условиях, тяжелый труд, недоедание, недосыпание, переохлаждение, болезни, травматизм, мужчины гибли, семьи распадались, крестьяне разорялись, нищали. Единственным спасением для крестьян оставалось бегство на окраины государства в малообжитые места.

Вот почему при изучении переписей обывателей раскольничьей волости Малороссии находим, что до 1700 года поток беженцев из государевых волостей России в Малороссию был незначительным, а после 1700 года вырос в десятки раз.

2.2. Посевные или пахотные земли жителей Ардони в XVIII в.

В переписях обывателей описных раскольничьих слобод Государевой волости Малороссии 1765–1767 годов меры площади земли, возделываемой обывателями, представлены незнакомыми названиями: четверть, четверик, треть, полтреть, четверуха, четверушка, осьмуха, гарнец. Чтобы понять значение этих мер, обратимся к истории.

И.Н. Миклашевский писал: «Как и в других странах Европы, в древней Руси геометрическому измерению земли предшествовало измерение или количеством высеянного на ней хлеба (зерна), или количеством труда, употребленного на обработку (вспашку) земли в продолжение известного промежутка времени»[1].

В России исходной мерой земли служила «соха», известная с XIII века. «Соха» делилась на «обжи».

---

[1] Миклашевский И.Н. Заселение и с/х. южной окраины XVII века // К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. 1, с. 28.

«Обжа» новгородская – «один человек на лошади орет, а кто на трех лошадях и сам третий орет – ино то соха»[1].

«Обжа – мера земли под пашню, сколько один крестьянин с одной лошадью вспашет за рабочий день. А “кто на трех лошадях орет, ино соха”, стало быть, три обжи – соха. В Новгороде обжа – пять десятин, в других местах 15 десятин, по пяти в поле. Черные люди жили в городах двором, а в селах обжею, сельской усадьбой, пашнею». (В. Даль)

Одна новгородская соха соответствовала трем обжам, московская соха – 10 новгородским обжам.

«Соха» соединяла труд трех пахарей. То есть, «обжа» и «соха» выражали количество вложенного труда и в то же время площадь вспаханной земли. Естественно, что количество земли в обже и в сохе было разное в разных местностях и преодоление различия происходило постепенно, по мере преодоления раздробленности Руси. После присоединения Новгорода к Московскому государству за единицу тяглового обложения была принята московская соха, которая равнялась десяти новгородским обжам.

В 80-х годах XVI века происходит превращение «сохи» в определенную геометрическую площадь, определяемую в четвертях посева, когда произошла фиксация размеров дворцовой и поместной сохи в 800 саженей доброй земли[2].

Однако до XVIII века продолжали существовать «соха» монастырская, «соха» дворцовая и «соха» помещичья.

В Малороссии в XVII в. исходной мерой земли была польская «уволока», составлявшая «около 20 десятин земли, или без 390 сажен» (В. Даль). Слово «уволока» происходит от общеславянского «велкти» – тащить, тянуть, волочить. Соху при вспашке волокли, тянули волы или лошади. Уволока, как и соха, была мерой количества труда, затраченного на вспашку земли за определенное время.

Возможно, что происхождение этого слова восходит к древнему понятию «сев наволоком» – примитивному способу сева, о котором И.М. Скворцов писал: «Сев наволоком – это когда сеяли без вспашки под рало. Рало – это вроде сохи, без железных частей. Рало землю не пашет, пласт не оборачивает, а слегка ковыряет»[3].

Деление земли на «сохи», на «уволоки» служило мерой для обложения населения налогами – тяглом.

---

[1] Миклашевский И.Н. Заселение и с/х. южной окраины XVII века // К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. 1, с. 29.

[2] Энцикл. Слов. ред. И.Е. Андриевский. 1891, т. IV. – СПб.

[3] Скворцов И.И. Как крестьянствовали наши предки. – М. 1923.

Измерение посевной земли количеством вложенного труда сохранялось до второй половины XIX века. Г.Н. Есимонтовский в «Описании Суражского уезда Черниговской губернии», подготовленном в середине XIX века, писал: «Полагается три дня для вспашки 1 казенной десятины (2400 кв. саженей) одной лошадью»[1].

Крестьянам же в повседневной жизни было удобней измерять землю не количеством вложенного труда, а количеством высеваемого объема семян.

Меры сыпучего

Первоначально условной единицей сыпучих веществ, таких как зерно, крупа, мука, служила большая ёмкость, выдолбленная из ствола толстого дерева, бочка-долбленка, кадь, в каждой местности имевшая свое название.

Г.Н. Есимонтовский писал, что в Малороссии «древнейшей была мера, выдолбленная в целом куске дерева или колоде, так называемая “колодная” мера»[2].

В. Даль писал, что в России «мерой сыпучего» хлеба до XIX в. была «четверть» и производили её из «кади» как «четвертую долю старинной кади».

Меры сыпучего использовались, в первую очередь, для измерения нормы высева хлеба.

В практической жизни кадями и колодами как мерами сыпучего не пользовались, удобней было вести счет сыпучего более мелкими величинами: четвертями и четвериками, а также осминами, гарнцами и др.

С.В. Волков отмечал, что «в Подмосковье в дворцовых владениях в середине XVIII в. нормы высева хлеба измерялись четвертями и четвериками»[3].

Четверть была известна на Руси издавна, в сошном письме «четверть» — это единица площади и одновременно «хлебная мера» сыпучего.

Четвертями и четвериками в России уже в XVII веке оценивали количество посевного зерна, товарного зерна, измерялась ставка налога, зерновыми четвертями платили за государеву службу.

---

[1] Есимонтовский Г.Н. Описание Суражского уезда. — Чернигов. 1882, с. 42.

[2] Есимонтовский Г.Н. Там же, с. 2—12.

[3] Волков С.И. Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII в. АН СССР. 1959, с. 26.

«Приимочная четверть = 8 четвериков, отдаточная четверть = 6 четвериков или 3 осмины»[1].

Из челобитной 1666 и 1667 годов известно, что «севским ямщикам платят ежегодно по 330 рублей и ржи по 800 четвертей, и овса столько же. Во время походов воевод из Севска они (крестьяне Севского уезда) дают единовременно по 100–200 подвод с санями, телегами, хомутами... В государевы житницы собирают с них с двора по четверику ржи и по четверику овса, и те хлебные запасы возят они на своих подводах в дальние города... (Севский арх. № 222, л. 2–5, 178–180)»[2].

Измерение земли и урожая в четвертях и четвериках сохранилось до конца XIX в., при том, что с конца XVIII века мерой площади была принята десятина, а мерой веса стал пуд.

В Малороссии использовали свои меры сыпучего, которые сближались с мерами сыпучего в России.

Г.Н. Есимонтовский писал: «Чвертка (земли) – около 20 десятин, равна польской уволоке. На таком участке удавалось засеять чвертку конопли. Чвертка (сыпучая) как хлебная мера составляла полчетверти колодной меры или пять четвериков казенной меры. Слово “четверть” в Стародубье, то есть в Малороссии, не употреблялось, но меру двух четвертей или 4 чвертки называли осмачкой»[3].

В. Даль приводит соотношение разных «сыпучих мер» хлеба в России: «Четверть как мера сыпучего, особенно хлеба: = $^1/_4$ доли старинной кади (окова) = 2 осмины = 8 четвериков (мер) = 64 гарнцам (куль). То есть, **одна четверть = 8 четверикам = 64 гарнцам.** Осьмина – это восьмая часть кади, или половина четверти, и «содержит четыре четверика, для засева старинной осьмины земли, четверти десятины» (В. Даль). Осмак – восьмая часть куля (четверти), то есть четверик. Осьминник – кадь, окова для мерки хлеба в четыре четверика. Осьмина и осьминник в разных местах различны.

«В торговой хлебной мере (Нижегородская) четверть, четыре меры по 4 маленки. В маленке = $1^1/_2$ пуда ржи; мера 4 маленки – или 6 пудов; четверть = 4 меры или 24 пуда» (В. Даль).

Осьмина = 2 четверти или 48 пудов. Осьминник земли (тульской губ.) – 1/8 десятины, в Нижегородской – $^1/_4$, 1/3» (В. Даль).

---

[1] Энцикл. слов. ред. И.Е. Андриевский. 1891, т. IV. – СПб.

[2] Новосельский А.А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости второй половины XVII в.» // Вопросы истории с/х., крестьянства и революционного движения в России. АН СССР. – М. 1961, с. 69.

[3] Есимонтовский Г.Н. Описание Суражского уезда. – Чернигов. 1882, с. 2–12.

В Суражском уезде (по Г.Н. Есимонтовскому), как и в России (по В. Далю), 1 четверть равна $^1/_4$ колодной меры (откуда и произошло название – «четверть»). Но, по сообщению Г.Н. Есимонтовского, в Суражском уезде четверть делится не на 8 частей (четвериков), а на две части – 2 чвертки («Чвертка – полчетверти колодной меры»). Одна четверть = 2 чверткам. Осмачка = 4 чверткам = 2 четвертям, как Нижегородская осьмина (которая тоже содержит 2 четверти).

Следовательно, в Малороссии, в Суражском уезде, осмачка составляла половину колодной меры, а не восьмую часть кади, как осмина в России.

Меры сыпучего: кадь (в России)

<table>
<tr><td colspan="4" rowspan="2">Четверть</td><td>Осмина</td></tr>
<tr><td>Осмина</td></tr>
<tr><td>Четверик</td><td></td><td>Четверик</td><td></td><td>Осмина</td></tr>
<tr><td></td><td>Четверик</td><td></td><td>Четверик</td><td>Осмина</td></tr>
</table>

Меры сыпучего: колодная мера (Суражский уезд Малороссии)

<table>
<tr><td>Четверть</td><td rowspan="3">Осмачка</td></tr>
<tr><td>Чвертка</td></tr>
<tr><td>Чвертка</td></tr>
</table>

Измерение посевного или продаваемого зерна в XVII в. производили в специальной посуде, которая в зависимости от объема называлась четверть или четверик. «Приемочная 8-четвериковая четверть употреблялась уже в 1620-х годах», – писал И.Н. Миклашевский. Известны и другие объемные меры высеянного хлеба – кадь, короб, пузо, четверть и т.д.»[1].

---

[1] Миклашевский И.Н. Заселение и с/х. южной окраины XVII века // К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. 1, с. 226 и 30.

Меры площадей

Меры сыпучих продуктов перенесены были на землю, площадь которой измерялась объемом высеянного зерна. В России получили распространение меры плоского: четверть и четверик. Участок земли мог называться «осьминой», засеянный осьминой зерна, «пудок» – полоска земли, засеянная пудом ржи и т.д.

«Четверть пашни (из сошного письма) уже в XVI веке равна $^1/_2$ десятины. Также в межевых инструкциях 1754, 1766 и 1785 годов поручалось на 1 десятину намерять 2 четверти»[1].

В России с XVI века появилась мера площади – десятина. Но «четвертная пашня» еще долго сохранялась как единица прямого обложения. Пашни, измеренные в десятинах, при налоговом обложении переводились в «четверти». «Четвертная пашня» служила мерилом доходности. «За четвертную пашню идут бортные ухожеи, мельницы и пр.».

Привилегированным лицам в государстве – духовенству, государевым людям (чиновникам) и служилым людям в «соху» каждому клалось различное количество «четвертной пашни»[2].

Только к концу XIX века «десятина» и квадратная сажень как единицы измерения площадей стали общероссийской мерой.

Соотношение мер сыпучего и мер площади

Чтобы выяснить, как соотносились весовые и сыпучие меры зерна с «десятиной» земли в Суражском уезде Малороссии в XVIII в., обратимся к сочинению Г.Н. Есимонтовского «Описание Суражского уезда» (1882 г.).

Г.Н. Есимонтовский писал, что «в Суражском уезде рожь засевается крестьянами из расчета 7 пудов на 1 казенную десятину. (Казенная десятина = 2400 кв. саженей = 1,09 га).

При засеве 30 десятин потребное количество семенной ржи составит 210 пудов. Если считать урожайность как 1:3, или как говорили в XVIII в. урожай «сам-3», то с 30 десятин будет собрано 630 пудов ржи». Эти 630 пудов, по Г.Н. Есимонтовскому, соответствуют 47 четвертям. Следовательно, 1 четверть содержит 13,4 пуда ржи (630 : 47), (в килограммах это составит около 215 кг. – Р.П.).

Это подтверждает и «Новый тлумачный словарь Украинской мови» (Киев. 2008), в котором говорится, что «четверть – мера

---

[1] Энцикл. Слов. ред. И.Е. Андриевский. 1891, т. IV. – СПб.

[2] Миклашевский И.Н. Заселение и с/х. южной окраины XVII века // К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. 1, с. 37.

сыпучих тел равная 8 четверикам, примерно 210 литров, четверик – примерено 26, 239 л».

Если на одну десятину засевают 7 пудов ржи, то в четвертях для засева десятины потребуется 0,52 четверти ржи. То есть 1 десятина в Суражском уезде засевалась объемом сыпучего тела ржи чуть больше $^1/_2$ четверти. А урожай «сам-три» составлял 1,56 четверти с 1 десятины.

Далее Г.Н. Есимонтовкий писал: «Ячмень засевают из расчета 7 пудов на 1 десятину. При урожайности сам-5 получим с 1 десятины 35 пудов ячменя. После вычета 7 пудов на семена остается 28 пудов ячменя», что по меркам XVIII в. составит 3 четверти. При делении 28 пудов на 3 четверти получим 9,3 пуда, то есть одна четверть ячменя составит 9,3 пудов. (В килограммах это около 149 кг. – Р.П.) А норма засева ячменя на 1 десятину составит чуть меньше 1 четверти (сыпучей).

Далее по Г.Н. Есимонтовскому: «Овес засевают из расчета 2 $^1/_2$ четверти на 1 десятину, гречиху – 1 $^1/_2$ четверти на 1 десятину, коноплю засевают – 2 четверти на 1 десятину».

Расчеты сделаны по материалам, собранным Г.Н. Есимонтовским в 1840-е годы и опубликованным в 1882 г.[1]

При сравнении нормы засева для разных хлебных культур видно, что на 1 десятину засевают: овса – $2^1/_2$ четверти, гречихи – $1^1/_2$ четверти, ржи $^1/_2$ четверти и т.д. Следовательно, для каждой хлебной культуры объемная мера «четверти» своя.

Это подтверждает, что «четверть» как мера сыпучего зародилась не как весовая, а как объемная величина. В одном и том же объеме получался разный вес той или иной зерновой культуры.

В подтверждение верности расчетов Г.Н. Есимонтовского по Суражскому уезду о норме засева семян ржи 0,52 четверти на десятину обратимся к Энциклопедическому словарю «Россия», в котором представлен расчет количества семян, высеваемых на десятину в конце XIX в.: «Количество семян ржи озимой на 1 десятину высевается от $4^1/_2$ четвериков до 9 четвериков. Большие нормы высева производят на севере»[2]. В южных районах, к коим можно отнести и бывшее Стародубье, норма высева озимой ржи в $4^1/_2$ четверика на 1 десятину соответствует норме высева, вычисленной по материалам Г.Н. Есимонтовского, поскольку 4 четверика – это $^1/_2$ четверти.

---

[1] Есимонтовский Г.Н. Описание Суражского уезда. – Чернигов. 1882, с. 20, 29–30.

[2] Россия, энциклопедический словарь проф. И.Е. Андреевского, под ред. К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. – Л. 1991, с. 235. Подготовлен по материалам словаря Брокгауза и Ефрона (тома 54 и 55).

Различие норм засева зерновых культур между севером и югом – известный факт.

В Подмосковье, по сообщению С.И. Волкова, в дворцовых владениях в середине XVIII в. для ржи, пшеницы, ячменя норма засева составляла 1 четверть и 4 четверика на десятину. Для овса – 3 четверти на десятину[1].

По Г.Н. Есимонтовскому, в Суражском уезде Малороссии рожь и ячмень засевали из расчета менее четверти на десятину, овса 2 $^1/_2$ четверти на десятину.

Следовательно, в Подмосковье, местности более удаленной на север по отношению к Малороссии, на 1 десятину высевали зерна больше, чем в Суражском уезде.

Различия в нормах засева на юге и севере учитываются и в настоящее время. И.В. Якушкин в 1953 году писал, что «норма засева озимой пшеницы в Московской области составляет 180 кг/га, а в Белоруссии – 160 кг/га. Яровой пшеницы в Московской области высевается – 200–220 кг/га, обычная же норма высева – 150–160 кг/га»[2].

Расчет площадей засева по объемным мерам сыпучего страдал неточностью, поскольку «четверти» в разных районах страны по объему тоже были разными, это затрудняло учет урожая зерновых культур и препятствовало проведению единой государственной политики на всем пространстве страны.

«В 1641 и 1669 гг. четверть ржи в Московском государстве = 6 $^1/_4$ пуда. В 1654 г. четверть ржи = 8 $^1/_2$ пуда»[3].

Г.Н. Миклашевский писал, что «четверть» как объемная мера была во второй половине XVII века величиной разного объема в разных городах и это затрудняло расчеты правительства при выплате жалованья служилым людям. «В 1679 году состоялся боярский приговор о сборе стрелецкого хлеба» в «клейменые меры» «с верхи под гребло» (ПСЗ, т. II, № 270, 770) Одновременно с грамотой об этом приговоре в Белгород и в другие города была выслана медная мера «четверик» для образца – для делания «спуска» – деревянной посуды одинакового объема. Приложено было ещё железное «гребло» (Де-Пуле. Акты Орловские, с. 143–145)»[4].

---

[1] Волков С.И. Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII в. АН СССР. 1959, с. 26.

[2] Якушкин И.В. «Растениеводство. Растения полевых культур». – М. 1953, с. 91.

[3] Энцикл. слов. ред. И.Е. Андриевский. 1891, т. IV. – СПб.

[4] Миклашевский И.Н. Заселение и с/х. южной окраины XVII века // К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. 1, с. 30.

Переход от объемных мер сыпучего к весовым мерам сыпучего (пуды, килограммы) и от измерения площадей объемом посеянной ржи к измерению в квадратных саженях и десятинах (а затем к гектарам) был неизбежен.

Меры земли в Малороссии до XIX в.

При изучении истории крестьянского земледелия Западной Брянщины XVIII века следует учитывать, что метрическая система единиц сыпучих тел и площадей обрабатываемой земли в XVIII в. сохраняла традиции польской метрической системы.

Польская «уволока» была принята в Малороссии за единицу измерения площади вспаханной земли, когда Малороссия находилась под Польшей (Польская Украина).

Черниговский Статистический отдел при Губернской Земской Управе опубликовал в 1882 году «Материалы для оценки земельных угодий», в которых дал значение и определение разным мерам плоского, которыми пользовались крестьяне губернии.

Поскольку население Черниговской губернии во второй половине XIX в. продолжало по старинке пользоваться привычными для него мерами сыпучего и плоского – чвертками, осминами, третниками и др., для внесения ясности губернские статистики представили таблицу старых мер плоского и выразили их в десятинах:

«Чвертка – это пространство, равное польской уволоке, то есть около 20 десятин», но «в одной чвертке содержалось большей частью 18 десятин». Размеры площади земли, называемой «чвертка» не были устойчивыми и едиными для Малороссии, были случаи, описанные в «Материалах для оценки земельных угодий», когда площадь чвертки доходила до 24–30 десятин»[1]. Далее губернские статистики сообщали:

«Третник = 1/3 чвертки, то есть = 6 десятинам.

Шостка – заключает в себе два третника или 12 десятин.

Пляц – неопределенное пространство, иногда включающее площадь на 6 шосток или 4 чвертки, то есть 72 десятины.

Четвертина = $^1/_4$ чвертки, или 4 $^1/_4$ десятины.

Мера огорода – пространство на одну меру посева конопли. Десятина содержит 6–7 мер огородных»[2].

---

[1] Материалы для оценки земельных угодий, собранные Черниговским статистическим отделом при Губернской земской управе, т. IX. – Чернигов 1882, с. 17.

[2] Там же, с. 139.

«Четверть», которая служила мерой посевной площади крестьян Малороссии во время Румянцевской описи 1765–1767 гг., губернские статистики соотнесли с десятиной земли[1].

Пахотные наделы у обывателей Государевой волости Малороссии по материалам Румянцевской описи 1765–1767 г.

Переписи обывателей Государевой волости описных раскольничьих слобод Малороссии проводились в течение XVIII века неоднократно, пока в 1782 года Государева Волость не была упразднена. Но из всех переписей только перепись 1765–1767 гг., проведенная во время Румянцевской описи Малороссии, отразила состояние землевладения у обывателей Государевой волости.

При изучении переписей обывателей слобод Зыбкая, Клинцы, Ардонь обращает внимание стремление переписчиков 1765 года представить размеры посевных площадей в одинаковых мерах, принятых в России: четвертях и четвериках. Старые меры площади пахотных угодий переписчики не называют.

Вот как описывается «Двор» клинцовского обывателя Леонтия Долгова, бывшего жителя Ардони: «У него пахотной земли посевом в трех сменах ржи на 4 четверти, из которой в прошлую осень посеяно ржи 1 четверть, весною ярового хлеба посевом овса на 2 четверти»[2].

Подобное описание находим в переписях слободы Зыбкой. Во дворе Гаврилы Еремеева сына Карпова с племянниками и зятьями «пахотной земли посевом в трех сменах ржи на 31 четверть и 4 четверика, из которой прошлой осенью посеяно ржи 13 четвертей, весной ярового хлеба посевает овса – 9 четвертей, ячменя – 1 четверть 4 четверика, гречи – 3 четверти»[3].

В первой части записи переписчик указывает размер пахотного надела, а во второй части отмечает, сколько земли засеяно.

Так у Леонтия Долгова пахотный надел составляет 4 четверти, а засеяно 3 четверти. Одна четверть пребывает под паром.

У Гаврилы Еремеева сына Карпова пахотной земли 31 четверть и 4 четверика, а засеяно 13 четвертей и 4 четверика. При паровой системе земледелия у Карпова одна треть земли, то есть 10 четвер-

---

[1] Материалы для оценки земельных угодий, собранные Черниговским статистическим отделом при Губернской земской управе, т. IX. – Чернигов. 1882, с. 16, сноска.

[2] ЦГИА Киев. Ф. 57, оп. 1, д. 117, л. 118.

[3] ЦГИА Киев. Ф. 57, оп. 1, д. 116, л. 242 об.–243.

тей, должны находиться ежегодно под паром. Следовательно, недосев составляет около 7–8 четвертей земли.

Перепись обывателей слободы Ардонь в отличие от переписей слобод Зыбкой и Клинцов имеет свою особенность, суть которой состоит в том, что переписчики называют старые малороссийские меры, которыми пользуются обыватели слободы, и переводят их в четверти и четверики.

У Евдокии Махоткиной с семьей «земли пахотной в трех зменах, **по названию здешнему треть**. На оной засевается ржи – 12 четвертей и 3 четверичка. С того числа нынешнею осень посеяно ржи – 1 четверть, а весною ярового хлеба посеяно: овса – 4 четверичка, льну – 3 четверичка»[1].

«Треть» земли, судя по записи переписчиков, соответствует посевной площади размером в 12 четвертей и 3 четверичка.

Далее: «Двор Алексея Разумеева... у него земли пахотной в трех зменах, **по названию здешнему полтреть**. На оной засевается ржи – 6 четвертей и 6 четвериков. С того числа нынешнею осень посеяно ржи – 2 четверти, а весною ярового хлеба посеяно: овса – 4 четверичка, гречки – 2 четверичка, проса – 1 гарнец, Лиону – 2 четверичка»[2].

Известно, что в 1 четверти содержится 8 четвериков (четверичек), следовательно, Разумеевым засеяно: 2 четверти + 9 четверичков, то есть засеяно 3 четверти и 1 четверик. А 3 четверти и 5 четвериков земли осталось не засеянными, по-видимому, оставлены под паром.

У Андрея Лихоманова «земли пахотной в трех зменах, **по названию здешнему четверушка**. На оной земле засевается ржи – 3 четверти, якая земля на следующий год без засеву остается, токмо весною посеяно ячменя – пол четверичка, да лёну – пол четверичка ж»[3].

Один обыватель Ардони Леон Тепикин владеет пахотной землей в размере осьмуха. «В него поля пахотного **по тамошнему названию осьмуха** посевом ржи в трех руках – 1 четверть и 6 четверичков»[4].

Для сравнения приводим описание пахотных наделов Михея Бондаря, крестьянина деревни Внуковичи, не принадлежавшей Государевой раскольничьей волости: «У него земли пахотной, по здешнему названию **четверуха**, посевом во всех трех сменах ржи

---

[1] ЦГИА Киев. Ф. 57, оп. 1, д. 116, л. 1139.
[2] ЦГИА Киев. Ф. 57, оп. 1, д. 118, л. 1108.
[3] Там же, л. 1127.
[4] Там же, л. 1364.

3 четверти, из которого в прошлую осень на нынешний год в одной смене посеяно одну четверть»[1].

При статистической обработке выяснилось соотношение между старыми мерами площади: треть, полтреть, четверушка, осьмуха и их выражение в четвертях и четвериках. Согласно рекомендаций статистиков Черниговского губернского Земства, четверть земли приравнена к одной десятине (см. таблицу):

***Таблица.* Выражение старых Малороссийских мер земли (треть, полтреть...) в четвертях и четвериках в переписи слободы Ардонь 1767 года и перевод мер земли в десятины**

Старая мера земли	Выражение старой меры в четвертях и четвериках	Выражение старой меры в десятинах	Число обывателей, владеющих такой мерой земли	Всего четвертей
Треть	12 четвертей (+ – 3 четверика)	12	2	24
Полтреть	6 четвертей (+ – 5 четвериков)	6	30	180
Четверушка	3 четверти (+ – 4 четверика)	3	21	63
Осьмуха	1 четверть (+ 6 четвериков)	1	1	1
			54	288

Большинство обывателей Ардони (55%) имеют надел пахотной земли в 6 четвертей, несколько меньшее число обывателей (38%) имеют пахотной земли по 3 четверти.

В слободе Клинцы в 1767 г. землепашеством занимались 16% владельцев изб и дворов (56 из 348).

При сравнении с Ардонью в Клинцах размеры землепользования и зерновое производство были намного скромнее. В Ардони размер пахотного надела в большинстве случаев составлял 6 четвертей и в меньшем числе случаев – три четверти. Клинцовские обыватели по большей части имели пахотные наделы в размере 3–4 четверти.

---

[1] Лазаревский А. Малороссийские посполитые крестьяне (1648–1783). – Чернигов. 1866, с. 139.

Таблица. **Размеры «пахотной земли посевом в трёх сменах ржи» у обывателей слободы Клинцы в 1767 г.**

Размер пахотной земли в одной семье в четвертях	Размер пахотной земли в десятинах	Число владельцев дворов и бездворных изб, имеющих такой надел земли	Всего четвертей
2 четверти	2	8	16
3 четверти	3	20	60
4 четверти	4	16	64
5 четвертей	5	5	25
6 четвертей	6	5	30
7 четвертей	7	2	14
Всего		56	209

Учет пахотной земли составителями Румянцевской описи Малороссии велся и по старинке – «по посевам ржи», и по-новому – в квадратных саженях.

При описи двора делается запись: «А у него пахотной земли посевом в трех сменах ржи на 3 четверти».

Такой расчет земли по посевам ржи приводится и в сводной Ведомости по каждой слободе.

В Ведомости, составленной по итогам переписи слободы Клинцы, записано, что у клинцовских обывателей «земель пахотных непомерных, но розчищенных из лесу около слободы Клинцов лежащих, в трех сменах ржи 209 четвертей, то есть: В первой смене от деревни Стодолы до селения слободы Клинцов ржи высевается 70 четвертей; Во второй смене против слободы Клинцов ржи высевается 69 четвертей; В третьей смене от слободы к селу Смолевичам по самой лес слободы высевается 70 четвертей; с которых прошлую осень посеяно ржи 69 четвертей. А весною ярового хлеба в первой от деревни Стодолы смене овса высевается 76 четвертей, ячменю в посеве не бывает, гречи восемь четвертей. Которая яко оная земля так и выше сего значит непомерная, но расчищенная з лесу в квадратные сажни положить меры вовсе не возможно»[1].

В Ведомости, составленной по итогам переписи слободы Зыбкой, говорится: «У них земель пахотных около слободы Зыбкой в трех сменах посевом ржи, то есть в первой смене от села Старой

[1] ЦГИА Киев Ф. 57, оп. 1, д. 117, л. 112 об.–113.

Тростани до селения слободы Зыбкой ржи высевается 260 четвертей, во второй смене к слободе Деменке ржи высевается 174 четвертей, в третьей смене от слободы к селу Новой Тростани ржи высевается 174 четвертей, которыя прошлою осень посеяно ржи 260 четвертей. Весною ярового хлеба в первой от слободы Деменки смене высевается овса 214 четвертей, гречи – 54 четвертей, ячменя – 14 четвертей...». Кроме того, земля пахотная, под лесом и под неудобями представлена в квадратных саженях[1].

Во владении обывателей Ардони, приписанных к Киево-Печерской Лавре, находится пахотной земли «в трех сменах засеву всего четвертей – на восемьдесят четыре и четвериков – тры».

Во владении обывателей Ардони, приписанных к Государевой волости, но живущих на земле Киево-Печерской Лавры, «земли пахотной в трех зменах всего засевом четвертей на двести двадцать три и четверичков – тры».

Всего земли, возделанной под пахоту жителями Ардони (лаврскими и государевыми), 307 четвертей и 6 четвериков. То есть 307 десятин.

Четверть ржи долгое время оставалась мерой сыпучего и одновременно мерой площади земли. Четвертью ржи измеряли засевы всех других хлебных культур как в России, так и в Малороссии, в Польше и других Европейских странах. В этом есть своя правда. Во-первых, рожь является основной хлебной культурой и основным продуктом питания крестьянина. Во-вторых, нормы высева таких главных хлебных культур, как рожь, пшеница и ячмень одинаковые, поэтому одна из трех культур должна быть эталоном – это рожь.

В то же время понятие «в трех сменах ржи» не является «мерой сыпучего», оно отражает характер севооборота, когда одна треть земли ежегодно уходит под пар.

Пользуясь старинными понятиями, составители Генеральной описи Малороссии 1765–1767 гг. приводили меры посевных площадей Малороссии к общероссийским единицам: четвертям и четверикам.

За основу расчета бралась площадь, которая измерялась и квадратными саженями и в четвертях. «По Румянцевской описи, – писали Черниговские губернские статистики в 1882 году, – всякая четверть занимает посевом земли в длину 160 саженей, а в ширину – 16 саженей троеаршинных»[2], то есть 2 560 кв. саженей.

---

[1] ЦГИА Киев Ф. 57, оп. 1, д. 116, л. 239 об.

[2] Материалы для оценки земельных угодий, собранные Черниговским статистическим отделом при Губернской земской управе, т. IX. – Чернигов. 1882, с. 16, сноска.

Но составители Румянцевской описи Малороссии, стремясь к единообразию в оценке земельных угодий, вносили новые затруднения. Площадь «четверти», которой они измеряли зерновые поля, отличалась от четверти, которой пользовались в России, более того она не вписывалась в площадь десятины, которую, согласно Генеральному межеванию, начинали в это время вводить в России.

Четверть (2 560 кв. саж.), которой измеряли площади зерновых посевов крестьян Малороссии во время Румянцевской описи, была больше вводимой повсеместно «казенной десятины» (2 400 кв. саж.) и меньше «владельческой десятины» (3 200 кв. саж.), что в свою очередь не способствовало единому подходу в оценке пахотных земель.

Это дало основание Черниговским губернским статистикам в 1882 году приравнивать «румянцевскую» «четверть» к десятине: «мы четверть посеву принимаем за 1 десятину...»[1], хотя в книгах сошного письма начала XVII в. **десятина прямо приравнивалась к 2 четвертям**». В своих расчетах и таблицах мы следуем установке Черниговских губернских статистиков.

Введение в Малороссии четвертной пашни, взамен старых польских метрических единиц, с одной стороны, запоздало, поскольку в России уже осознали все недостатки измерения площадей четвертной пашней и готовились к Генеральному межеванию и введению «казенной десятины», взамен четверти. С другой стороны, учет земельных площадей, как в четвертях, так и в десятинах, в Малороссии долго не приживался.

По сведениям Губернского Статистического отдела, собранным к 1882 году, население Черниговской губернии во второй половине XIX в. продолжало по старинке пользоваться привычными для него мерами сыпучего и плоского – чвертками, осминами, третниками и др.[2].

Различие в пахотных наделах жителей Государевой волости Малороссии и малороссийских крестьян

Насколько отличался размер землевладения в слободах Государевой раскольничьей волости от землевладения частновладельческих крестьян, живущих в Малороссии?

А. Лазаревский, оценивавший землевладение крестьян Малороссии (а не обывателей старообрядческих слобод), писал: «Из ве-

---

[1] Материалы... Там же, с. 16, сноска.
[2] Материалы... Там же, с. 17.

домости (Румянцевской описи) 1765 г. видно, что каждая семья засевала пахотной земли от 7 до 6 четвертей, реже 3–12 четвертей»[1].

Если сравнить указанные А. Лазаревским размеры земельных наделов Малороссийских крестьян с размерами земли у обывателей Государевой волости, то станет очевидным, что размер земельных пахотных наделов у обывателей раскольничьих слобод Клинцы, Зыбкой – 3–4 четверти в XVIII веке был намного меньше, чем у малороссийских крестьян. В то же время в слободе Ардонь, где земледелием занималось большинство населения, земельные наделы по своей площади приближались к 6 четвертям.

В XIX веке пахотные наделы крестьян Малороссии оставались прежними, как в XVIII веке.

И.Н. Миклашевский в «Очерках крестьянского хозяйства Малороссии» (1887 г.) писал: «Величина крестьянского участка на двор в различных уездах Черниговской и Полтавской губерний в 1860–80-е годы колеблется между 2,6 десятинами (у бывших владельческих крестьян Зеньковского уезда) и 12,2 десятинами (казаки Суражского уезда), при этом «цифры величин крестьянских участков по «Статистике поземельной собственности» и по Земским сведениям (9 уездов), описанных подворно, рознятся незначительно». «Размеры участков на 1 двор в Суражском, Мглинском и Новозыбковском уездах колеблются между 9,1 десятинами и 12,2 десятинами, и есть наибольший в губернии. А в Стародубском, в Новгород-Северском и в других уездах надел от 4,3 до 8,9 десятин на двор»[2].

Мы еще раз убеждаемся, что пахотные наделы в старообрядческих слободах Малороссии были меньше, чем у малороссийских крестьян, и еще меньше, чем у казаков соседних сел и деревень.

При изучении переписи обывателей слободы Ардонь, и в первую очередь слобод Клинцы и Зыбкая, обращает внимание, что земледелием занимается меньшая часть населения, при этом в большинстве дворов пахотная земля вовсе не засевается или засевается частично. В старообрядческих слободах Малороссии уже в середине XVIII века со всей очевидностью выступает стремление слобожан старообрядцев к постепенному сокращению зернового производства и **даже к его прекращению. Это связано было с низкой** доходностью зернового земледелия. Земли, на которых поселены

---

[1] Лазаревский А. Малороссийские посполитые крестьяне (1648–1783 гг.). – Чернигов. 1886, с. 141.

[2] Миклашевский И.Н. Очерки крестьянского хозяйства Малороссии. – М. 1887, с. 139.

старообрядцы, оказались малоплодородными песчаниками. Урожаи зерновых (ржи) в лучшем случае давали урожай «сам-три».

В «Списке населенных мест России», по сведениям 1859 г., говорится, что в «Северных уездах Черниговской губернии (Сураж, Мглин, Новозыбков) урожай хлеба редко доходит до “сам-4”, большей частию бывает в 2 и в 3 зерна. На черноземах юга Черниговской губернии урожай бывает “сам-8” и “сам-16”. На годовое продовольствие жителей и корма скота, полагая средним числом на человека, требуется 2 $^1/_2$ четверти (зерна ржи)»[1].

Низкая урожайность зерновых и малая доходность зернового хозяйства, с одной стороны, и возможность заработать на пропитание доходными промыслами, с другой стороны, были основными причинами сокращения зернового клина в большинстве старообрядческих слобод Стародубья.

Крестьянское хозяйство в Ардони (по материалам переписи 1765 года)

Крестьянское хозяйство жителей Ардони состояло из селидебной земли, где стоял дом (изба, хата), из огорода, из пахотной земли и сенокоса.

Огородная земля находилась недалеко от дома. Крестьяне предпочитали ставить дома вдоль речки или ручья на возвышенности, а береговой склон обращали в огород. В крупном селении, где дома выстраивались во второй и третий ряд от реки, огород разрабатывали либо рядом с домом, либо отдельно от дома, обычно на пойменных склонах.

В Стародубье в XVII–XVIII веках на огородной земле почти в каждом крестьянском дворе (у крестьян посполитых и у казаков) засевали конопляники.

При описании огородов старообрядцев, обывателей слобод Ардонь, Клинцы, Зыбкая (1765–1767 гг.) мы практически не встречаем упоминаний о выращивании конопляников. Но поскольку значительная часть промыслов старообрядцев и накопление ими первичного торгового капитала была связана с этой культурой, то остановимся на ней подробней.

Под конопляники малороссийские крестьяне отдавали лучшую землю, унавоженную и возделанную, обычно «на задах, промеж двора и гумна».

---

[1] Список населенных мест России. Черниговская губерния. Изд стат. Ком МВД. – СПб. 1866, с. XXXV.

Из стеблей конопли после обработки получали пеньку. Холст из пеньки чуть грубее, но прочнее льняного. Пеньку добывали не столько для домашнего использования, сколько для продажи. В XVII–XVIII вв. крестьяне со всего Стародубья свозили пеньку в город Стародуб, где крупные оптовики (Ширай и др.) скупали пеньку и отправляли в Рижский порт, на экспорт. В Англии, Голландии, Швеции из стародубской пеньки выделывали канаты для морского и торгового флота. Собственное канатное производство образовалось в городе Стародубе в начале XVIII века, когда Россия обзавелась военно-морским и торговым флотами.

В большинстве крестьянских дворов в помещичьих владениях Стародубья конопляники были обязательной составной частью крестьянского земледелия.

При повсеместном возделывании посполитыми крестьянами конопляников и ограничением сбыта пеньки городом Стародубом закупочные цены на пеньку в Стародубье были низкими. До отмены крепостного права конопляники в крестьянском дворе были «повинностью» и засевались в основном по распоряжению землевладельца. Для крупного землевладельца большой объем проданной оптовикам пеньки было выгодным предприятием, а для отдельной крестьянской семьи пенька не приносила ощутимого дохода.

Какова была площадь конопляников?

По сведениям Губернского Статистического Комитета Черниговского Земства, «мера огородная» – пространство на одну меру посева конопли. 6–7 мер составляли 1 десятину[1].

Г.Н. Есимонтовский писал: «Теперь (1830–40-е годы) на каждое тягло приходится около 800 кв. саженей огородной земли, из которого под овощи оставляли только 100 кв. саженей»[2].

Если для большинства крупных Малороссийских землевладельцев источником дохода было конопляное волокно, то для старообрядцев Государевой волости не конопляное волокно, а конопляное масло служило источником накопления первичного капитала. Изучение торговых промыслов в старообрядческих слободах Малороссии показало, что в начале XVIII века скупка и продажа конопляного масла была ведущим торговым промыслом

---

[1] Материалы для оценки земельных угодий, собранные Черниговским статистическим отделом при Губернской земской управе, т. IX. – Чернигов. 1882, с. 139.

[2] Есимонтовский Г.Н. Описание Суражского уезда. – Чернигов. 1882, с. 2–12.

для обывателей старообрядческих слобод. Старообрядцы скупали конопляное масло у местного населения, ездя по деревням, и большими партиями, в сотни пудов, на санях ардонских производителей доставляли на ярмарки и за границу, в Речь Посполиту. Следовательно, ардонские саночники тоже были вовлечены в пеньковый промысел. Конопляное масло шло на изготовление жидкого мыла, а мыло в свою очередь использовалось польскими фабрикантами в текстильном производстве для мытья шерсти. По нашим данным, в 1729 году из 288 семей обывателей слобод Государевой волости, занимавшихся промыслами и торговлей, 165 семей (57%) занимались скупкой и продажей конопляного масла[1].

В сложившемся веками рынке Стародубья, специализирующемся на производстве и продаже пеньки, старообрядцы нашли и заняли свою нишу. Внутри этой рыночной ниши находились и Ардонские производители саней, которые изготовляли грузовые сани и повозки для скупщиков и поставщиков конопляного масла за границу.

К середине XVIII века обыватели, скопившие капитал на торговле конопляным маслом, прекратили вывоз за границу конопляного масла, они занялись производством мыла из конопляного масла и поставками мыла на фабрики Речи Посполитой, опять же на санях ардонских саночников. Из Польши в обмен на мыло старообрядцы везли в Россию суконные ткани. Вскоре мылоторговцы занялись выделкой готовых шерстяных тканей там же, в Польше, а затем приступили к собственному суконному производству в Клинцах.

Примером подобной эволюции промысловой деятельности можно считать ардонских обывателей старообрядцев Лихомановых.

Если конопляники устраивали на огородах, то лен высевали в поле. Ткани из льняного волокна были мягче, нежнее и тоньше, поэтому лен шел на выработку домотканого полотна для изготовления постельного белья и пошива нижней одежды.

В начале XVIII века картофель был мало известен крестьянам Малороссии. Картофель сажали только в помещичьих садах по 1–2 гряды. К середине XIX века картофель стали сажать зажиточные крестьяне, но не в огороде, а в поле, поскольку имели возмож-

---

[1] Перекрестов Р.И. Источники накопления капитала старообрядцами Стародубья в начале XVIII в. // Клинцовский летописец, кн. 1. – Клинцы. 2004, 2007, с. 20–27.

ность вывозить на большое расстояние навоз. Сажали картофель рядами и в середине лета междурядья пропахивали. Только к концу XIX века картофель стал огородной культурой середняка и бедного крестьянина.

Сенокосы. Г.Н. Есимонтовский отмечал, что: «Полагается на одно тягло луговой земли по 1 десятине»[1].

По И.Н. Миклашевскому, сенокосы в Малороссии измерялись «копнами»: «10 копен = 1 десятине луга»[2].

По сведениям Черниговского Губернского Статистического комитета, с одной десятины крестьяне накашивали 2 – 2,2 воза сена[3].

В переписях 1765–1767 гг. во всех старообрядческих слободах Малороссии счет сена велся «возами». В хозяйстве многих семей обывателей старообрядческих слобод рожь не сеяли, но сено заготовляли. Сено шло на корм корове и лошади.

Поле. Первоначальное освоение земли, превращение лесной чащи в поля, происходило в Стародубье в конце XVII – начале XVIII веков, когда шло заселение края, обезлюдевшего после Польско-Русской войны, вызванной переходом Малороссии под крыло московского православного царя. Для отвоевания земли у леса крестьяне занимались **«подсечным земледелием», то есть выжигали леса. В Малороссии такой лесопал назывался «лядо». «Лядинный» способ земледелия сохранялся** в Стародубье до начала XIX века.

Термин «ляды» пришел из польского языка. Но и в литовском языке сохранилось слово «лата», которое обозначает расчищение. Н.М. Карамзин названия «латыши» объясняет как «обитатели земель расчищенных» от леса[4].

Г.Н. Есимонтовский о крестьянском хозяйстве Суражского уезда времён освоения Малороссии конца XVII века писал: «Крестьянин почти всегда имел два участка: один, стоящий близ поселения, а другой в лесах – лядо. И не удивительно, что урожаи были богатые: всё удобрение (навоз) обращалось на малый ближний учас-

---

[1] Есимонтовский Г.Н. Описание Суражского уезда. – Чернигов. 1882, с. 2–12.

[2] Миклашевский И.Н. Заселение и с/х. южной окраины XVII века // К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. 1, с. 39.

[3] Материалы для оценки земельных угодий, собранные Черниговским статистическим отделом при Губернской земской управе, т. IX. – Чернигов. 1882, с. 16.

[4] Карамзин Н.М. История государства Российского. – М. 2006, с. 23.

ток земли, ещё не истощенный, а лядо производило [хлеб] своими допотопными силами.

Ляды – участки леса, расчищенные от леса и приспособленные под посевы зерновых культур. Разработка лядов начиналась с валки леса в июне месяце, когда стволы деревьев перенасыщены соками. Тогда же и выкорчевывали. На следующий год усохший лес выжигали до золы и распахивали. Засев начинали с проса и репы. На следующий год – ячмень, пшеница, горох, овес, лен, а по истощении почвы на третий-четвертый год засевали рожью. После этого земля поступала в трехпольный севооборот»[1].

И.М. Скворцов описывает «лядинную систему» полеводства более подробно. «Место под пашню готовили несколько лет. Сначала рубили подлесок, затем подсачивали деревья, то есть сушили их на корню, снимая кору или делая затесы с 4-х сторон. Через несколько лет, когда лес высыхал, его рубили. Лесной материал раскладывали по площади равномерно и зажигали огнивом. Покрытое золой место называли «лядо» или «огнище». Разровняв землю и смешав с ней золу с помощью бороны, смыка, сделанной из дерева, разбрасывали семена и заделывали их той же бороной. На лядах сеяли из года в год, пока земля родить не переставала. Тогда землю бросали под выгон. Лет через 30 поднимался лес. «Лядо» поспевало, когда начинала расти на нем белая ольха»[2].

Слово «лядо» сохранилось в ряде топонимов Западной Брянщины.

В разрешении, выданном полковником Миклашевским на поселение слободы Тимошкин Перевоз, говорится о границах слободских земель: «...от лядчины по там-тому боку Ипути реки у перевозу»[3].

В договоре на продажу части Смолевицкого грунта пану Бороздне крестьяне села Смолевичи указали границы грунта, в том числе «обруб называемый Лядное»[4].

Земли в верховьях речки Ардонки до сих пор называют «Ляды». Это название говорит, что предки жителей Ардони тоже пользовались «лядинной системой» земледелия.

---

[1] Есимонтовский Г.Н. Описание Суражского уезда. – Чернигов. 1882, с. 2–12.

[2] Скворцов И.М. Как крестьянствовали наши предки. – М. 1923.

[3] Лазаревский А. Описание старой Малороссии. Стародубский полк. – Киев. 1889, с. 452.

[4] Лазаревский А. Там же, с. 375.

Трехпольная система земледелия

В переписи 1767 года при описании земельного хозяйства обывателя слободы или крестьянина используются такие определения как «в три руки», «в трех полях», выражение «в дву потомуж», «в три смены ржи».

Эти определения свидетельствуют, что крестьяне Малороссии в середине XVIII в. пользовались трехпольной, или паровой, зерновой системой, то есть делили пахотную землю на три поля и ежегодно одно поле оставляли под пар.

И.К. Скворцов писал: «При трехпольной системе одна треть пашни подвергалась усиленной паровой обработке, то есть перепахивалась, но не засевалась. Повторная в течение лета вспашка паровой земли позволяла уничтожить сорняки. В конце лета на пару сеют озимую рожь, а в третий год сеют яровой хлеб. После чего поле опять уходит под паровую обработку.

Трехполье позволяло равномерно распределять работу земледельца и лошади весной и осенью. К недостаткам трехполья можно отнести полный неурожай в случае ранней летней засухи. Тогда погибали ярь и озимь. Кроме того, трехполье требует много навоза»[1].

На земле, оставляемой под пар, весеннюю перепашку не проводят, дают взойти сорным травам, тем временем весенний пар служит пастбищем, животные «выпалывают» землю от сорняков, не дают растениям отцвести и дать семена, при этом земля удобряется испражнениями животных. В Петров пост (приблизительно с 1 по 29 июня) на пары вывозят навоз и производится вспашка, уничтожающая окончательно молодые всходы сорняков. А под осень сеют рожь. Посев семян осуществлялся не рядками, а вразброс, рукой.

Земледельческое хозяйство обывателей Ардони. Что выращивали на своих земельных наделах жители Ардони в XVIII веке

Румянцевская опись Малороссии 1765–1769 годов дала в руки исследователей богатый материал для изучения разных сторон жизни населения.

Нам представляется возможным оценить, как обеспечивали себя пропитанием обыватели слободы Ардонь. Обратимся к таблице.

---

[1] Скворцов И.М. Как крестьянствовали наши предки. – М. 1923.

Таблица. **Пахотные земли жителей Ардони (по материалам переписи 1765–1767 г.)**

Чв. – четверть (около гектара). Чрк. – четверик (четверичка). Гр. – гарнц

Владелец двора или избы	Разм. пахот. земли	Рожь	Конопля	Пшеница	Греча	Просо	Ячм.	Овес	Лен	Огород
1. Федор Малахов	5 чв.	1 чв		1 чрк		1 гр			1 чв	
2. Ал. Разумев	6 чв. 6 чрк.	2 чв			2 чрк	1 гр		4 чрк	2 чрк	Реп
3. Перф. Разумев	7 чв 1 чрк	1 чв 5 чрк		2 чрк 4 гр	3 чрк	1 гр	3 чрк	1 чв. 4 чрк	1,5 чрк	
4. Гутков	6 чв 5 чрк					1 гр	2 чрк		5 чрк	
5. Макарьев	6 чв 2 чрк	1 чв 1 чрк	1 чрк		2 чрк	1 гр		1 чв	1 чрк	Реп
6. Ал. Тепикин	6 чв. 6 чрк	5 чрк			4 гр		1 чрк 4 гар	6 чрк	1 чрк 4 гар	Реп
7. Ст. Тепикин	6 чв 6 чрк	5 чрк			4 гр		1 чрк 4 гр	6 чр	1 чр	Реп
8. Леон Тепикин	1 чв 6 чрк							2 чв 4 чр	2 чр	
9. Анф. Пешахонов		4 чрк				1 гр	1 чрк	6 чр	1 чр	Реп
10. Ив. Тепикин	6 чв 2 чрк	7 чрк		1 чрк				1 чв 4 чр	1 чр	Реп

11. Терентий Тепикин	4 чв 4 чрк							2 чр		Реп
12. Герасим Малахов	4 чв	4 чрк				2 гр		4 чр	1 чр	
13. Феокт. Малахов	2 чв									
14. Козма Малахов	4 чв 4 чрк					2 гр				
	Подданные Канторы Описных Государевых Раскольничьих слобод									
Владелец двора или избы	Разм. пахот. земли	Рожь	Конопля	Пшеница	Греча	Просо	Ячм.	Овес	Лен	Огород
1.Гр. Шарапов	6 чв. 4 чрк	1 чв 3 чрк				2 гр		1 чв 4 чрк	2 чрк	
2. Мих. Крюков	7 чв 4 чрк	2 чв 2 чрк			1 чрк			1 чв	3 чрк	
3. Сем. Татаринов	5 чв 2 чрк	1 чв 2 чрк		1 чрк	2 чрк			1 чв 4 чрк	2 чрк	Реп
4. Петр Морозов «Коваль»	6 чв									
5. Вас. Гончаров	4 чв 4 чрк	6 чрк		2 чрк		1 гр		4 чрк		Реп
6. Як. Наступнев	6 чв 6 чрк	2 чрк			2 чрк	2 гр	2 чрк	1 чв	2 чрк	

7. Мих. Луговой	7 чв 5 чрк	1 чв 3 чрк				3 гр	4 чрк	3 чрк	2 чрк	
8. Гликер. Винокурова «пряники»	4 чв 6 чрк	?						6 чрк	1 чрк	Реп
9. Ходора Зябкина	3 чв 6 чрк	4 чрк			2 чрк	1 гр		4 чрк	2 чрк	
10. Ст. Горюнов	5 чв 1 чрк	1чв			2 чрк	2 гр			1 чрк 4 гр	Реп
11. Евст. Зябкин	12 чв	1 чв 6 чрк				4 гр	5 чрк	2 чв	5 чрк	
12. Ив. Шве дов «торг дегтем»	См. Петр Макар									
13. Вас. Винокуров «печет ржан. хлеб»	7 чв 3 чрк					1 гр			2 чрк	Реп
14. Илья Поповичев	7 чв	1 чв		1 чрк		4 гр		2 чрк		Реп
15. Мих. Бормотов «ложки»	2 чв 4 чрк	2 чрк				2 гр		1 чв 4 чрк		Реп
16. Лар. Лобанов	5 чв 4 чрк	2 чв 4 чрк				1 гр	3 чрк	6 чрк	3 чрк	Реп
17. Влад. Самороков	3 чв	1 чрк							1 чрк	Реп

18. Дар. Черкасинова	3 чв 2 чрк								1 чрк	Реп
19. Андр. Лихоманов	3 чв						0.5 чрк		0.5 чрк	Реп
20. Конст. Зябкин	6 чв 1 чрк	6 чрк			0.5 чрк		3 чрк	1 чв	1 чрк	Реп
21.Андр. Ложкарев «ложки»	3 чв							1 чрк 4 гр	1 чрк	Реп
21(а) Мих. Седлеченок	3 чв	1 чр				0.5 гр	1 чрк		4 чрк	Реп
22. Ив. Бормотов	6 чв	1 чв				1 гр		2 чв	2 чрк	
23. Мих. Еросалимцев	6 чв	1 чв				0.5 гр		1 чв	3 чрк	Реп
24.Сем. Смирной «ложки»	6 чв	1 чв				1 гр	1 чрк 4 гр		5 чрк	Реп
25. Сем. Еросалимцев	3 чв	2 чрк								
26. Игн. Миронов	3 чв									
27. Демент. Винокуров										Реп
28. Ив. Игнатов «хому-тейн клещи»	3 чв 1 чрк									

29. Еф. Гончаров	3 чв 6 чрк	2 чрк					1 чрк		1 чрк	
30. Дан. Шарапов	6 чв	4 чрк				1 гр			4 чрк	Реп
31. Ефр. Лихоманова	6 чв	2 чрк							1 чрк 4 гр	Реп
32. Пимен Лялин	2 чв 4 чрк								1 чрк	
33. Никиф. Зябкин	3 чв									Реп
34. Ант. Поповичев	3 чв									Реп
35. Пав. Поповичев	3 чв	4 чрк							1 чрк	Реп
36. Лаз. Седлецкий	3 чрк							6 чрк	1 чрк	Реп
37. Дем. Малахов	12 чв 3 чрк	1 чвк						4 чрк	3 чрк	Реп
38. Козма Лихоманов	6 чв 6 чрк	6 чрк				1 гр			1 чрк	Реп
39.Кир. Нежданов	3 чв								1 чрк	Реп

Владелец двора или избы	Разм. пахот. земли	Рожь	Конопля	Пшеница	Греча	Просо	Ячм.	Овес	Лен	Огород
40. Сем. Токарев «делает чашки»	3 чв	1 чрк				1 гр				Реп
41. Ив. Баличев	6 чв	5 чрк				1 гр		1 чв	1 чрк	Реп
42. Григ. Меркуленок	6 чв	4 чрк				1 гр		2 чв	1 чрк	
Сколько семей засевает данную культуру		37 семей	1 семья	6 семей	6 семей	28 семей	9 семей	31 семья	42 семьи	35
		82%	2%	13,3%	13,3%	62,2%	20%	68,8%	93,3%	77,7%

Из таблицы видно, что обыватели Ардони засевают 6 зерновых культур: рожь озимую, пшеницу, гречку, просо, ячмень, овес. Большинство семей засевают рожь (82%), овес (68,8%), просо (62,2%). Менее всего засевается пшеница (13,3%), греча (13,3%) и ячмень (20%). Из этого можно заключить, что в питании обывателей Ардони преобладает ржаной хлеб, овсяная и пшенная каша и в меньшей степени гречневая каша и перловка. Овес также идет на корм лошадям.

Пшеницу засевали только 6 семей, в основном это «крепкие» хозяева: Федор Малахов, Перфил Разумеев, Иван Тепикин, Семен Татаринов, Василий Гончаров и Илья Поповичев. Выращивание пшеницы на малоплодородных землях было не выгодно, поэтому необходимое количество белой пшеничной муки обыватели Ардони приобретали на ярмарках.

Выращиванием льна занимались почти в каждой ардонской семье. В 1765 году из 53 семей обывателей, живущих в Ардони, 42 семьи выращивают лен. Жители Малороссии, как и жители России, вели в основном натуральное хозяйство, обеспечивая себя одеждой, обувью и питанием. Из льняного волокна крестьяне ткали полотно, которое шло на пошив нижней одежды и постельного белья. Масло из льняного семени употреблялось в пищу и в лампадах для освещения. Население Ардони практически полностью обеспечивало внутренние потребности в льняной ткани.

Коноплю засевала одна семья, отсюда вывод, что собственного производства пеньки у ардонцев не было.

«Огород для овоща», судя по материалам переписи, был не только в каждом дворе, но и при каждой бездворной избе. 77% обывателей сказали переписчикам, что свой огород засевают репой. Репа давала высокие урожаи, хорошо хранилась в погребах и шла в пищу и на корм молочному скоту в зимнюю пору.

Но репа не была единственной огородной культурой. В переписи не сказано, что жители Ардони, как и все крестьяне, выращивали свеклу (буряк), капусту, огурцы, морковь, фасоль, бобы, горох, лук, чеснок, тыкву и прочие огородные культуры. В переписи 1729 года было отмечено, что один из обывателей Ардони занимался «луковым» промыслом: выращивал и продавал репчатый лук (цибулю), в переписи 1736 года он назвался Андрей Цыбульников.

Сено жители Ардони заготовляли «возами» от 4–5 до 15 возов на семью, в зависимости от количества домашнего скота.

Перепись 1765 года показала, что жители старообрядческих слобод Ардонь и Клинцы занимались сельским хозяйством только для обеспечения внутренних потребностей семьи, а не для рынка. Недосев зерновых культур во многих обывательских семьях (54%

семей) свидетельствовал, что недостающее количество ржи и пшеницы (зерном или мукой) обыватели приобретали на ярмарках у крестьян южных черноземных районов Малороссии, приезжающих на ярмарки в Стародуб. Занятие санным промыслом давало жителям Ардони хороший и устойчивый доход, позволявший сокращать затраты сил и времени на обработку больших площадей земли под зерновые культуры.

Пример того, как сокращают зерновое земледелие крестьяне, занятые на промыслах, привел А. Лазаревский в описании рудни при деревне Ельне: «Наемные рабочие рэдники (дымаре и кузнецы) живут при огородах, и хлебопашества, кроме одной четверти посеву в каждого, более не имеют. Дымаре получают в день по 12 копеек, а кузнецы четвертую долю железа»[1].

При ежедневном заработке в 12 копеек дымари за месяц могли заработать до 3 рублей каждый. Такие деньги позволяли дымарю не заниматься хлебопашеством, а закупать хлеб и крупы на рынке.

Подтверждением того, что обыватели старообрядческих слобод постоянно и в больших объемах закупали продовольствие на рынках Стародубья, является жалоба бурмистра слобод Государевой волости Гаврилы Карпова, с которой он в 1753 году обратился в Генеральную Канцелярию. В жалобе говорилось о притеснении властями города Стародуба старообрядцев, приезжающих на торги: «Когда оных раскольничьих слобод жителем прилучается быть в г. Стародубе и в других местах на торги приезжать и по востребованию нужды для препитания своего покупать хлебные припасы – жито, ячмень, овес и конопли и прочее, чего покупать мещане и другого звания люди не допускают, и тем приключают описных раскольничьих слобод жителем напрасную обиду и изнурение»[2].

2.3. Налогообложение обывателей Государевой волости и подданных Киево-Печерской Лавры

Налогообложение обывателей Государевой волости описных раскольничьих слобод Малороссии и подданных Киево-Печерской Лавры ранее не изучалось.

---

[1] Лазаревский А. Описание старой Малороссии. Стародубский полк. – Киев. 1889, с. 374.

[2] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 518.

Нам представляется возможным рассмотреть этот вопрос, сравнивая переписи обывателей старообрядческих слобод Малороссии за 1729, 1736 и 1765–67 гг.

В «открытом листе» Киевского губернатора Д.М. Голицына от 28 февраля 1716 года говорилось, что в императорском указе 1715 года было приказано: «А где явятся великороссийского ж народа раскольщики; и оных велено переписать всех налицо **подворно...**»[1].

На основании царского указа полковнику Григорию Ергольскому было предписано: «переписав «расколщиков», «обложить их в оклад на Великого Государя».

Таким образом, перепись раскольничьих слобод 1715 года проводилась для выявления числа «тяглых дворов» и последующего «подворного обложения» обывателей налогами.

Понятие «тяглу» – это совокупность денежных и натуральных повинностей. «Тягль» исполняли мужчины. Отсюда названия «тяглый крестьянин», «тяглый двор».

«Тяглый двор» известен еще со времен «сошного письма», но он долго не был единицей обложения. За единицу налогового обложения бралась «соха» (в России) и «уволока» (в Малороссии, в Польше). Соха в посаде и соха в уезде исчислялись по-разному. Соха на посаде составлялась из определенного числа дворов, а в уезде соха со второй половины XVI в. приравнивалась к определенному количеству четвертной пашни.

Когда во второй половине XVII века (после переписи 1678 г.), взамен «сошного письма», на крестьян распространили «подворное обложение», «тяглый двор» стал единицей налогообложения на селе. **Подворное обложение** – это система раскладки прямых налогов на податное население. Правительство определяло сумму налога, а сельская община или городская община распределяла её на каждый двор.

В «Переписные книги», состоявшие из подворных описей, включали «дворы» и «бездворные избы» (или же бобыльские избы, хаты), то есть избы без пахотного надела, поскольку в разряд «тяглых» крестьян вошли и бобыли.

«Тяглый двор» предполагал наличие определенного числа тяглых душ мужского пола, пахотной земли, сенокоса и огорода.

Отдельный крестьянский двор по своей хозяйственной ценности мог составлять полтягла, два, три и четыре тягла. Тягль имело денежный эквивалент, который в среднем приближался к размеру будущего денежного подушного оклада, но был ниже его.

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 63, д. 5452, л. 78–78 об.

Начало «подушного налогообложения» и «подушной переписи» положено указом 1718 года, по которому было предписано «взять сказку, сколько у кого душ мужского полу» (ПСЗ, т. V, 3245).

Указом предусматривалось учинить общую перепись людей податного состояния «для обложения населения подушной податью и квартирной повинностью». Перепись проводилась «ради расположения полков армейских на крестьян всего государства», то есть для распределения затрат на содержание армии между всем податным населением.

Размер подушной подати был вычислен вначале из расчета 4 миллиона рублей в год, потребных на содержание армии и флота, разложенных ориентировочно на 5 миллионов мужских душ податного населения[1].

Подушной податью облагалось всё мужское население, кроме дворян, духовенства и государственных служащих. Подушный налог начал взиматься с 1724 года. Ставка налога установлена была по 74 копейки с крестьянского населения и 120 коп. с посадского населения. Старообрядцы, жившие в России, с 1716 г. обязаны были платить двойное тягло, а с введением подушного обложения – двойной подушный оклад. Старообрядцы, живущие в приграничных местностях, должны были платить одинарный подушный оклад.

Слово «подать» заменило прежнее понятие «тягль». Но в помещичьих владениях «тягль» сохранялось до отмены крепостного права и служило условной единицей обложения, согласно которой определялся суммарный размер крестьянских повинностей помещику и государству.

Налоги в Государевой волости Малороссии в XVIII в.

Рост числа жителей одного двора отмечен в России с XVI века. «В конце XVI – первой трети XVII вв. в светских имениях на один двор приходилось в среднем от 1,7–1,8 до 2,4–2,5 взрослых мужчин. В 1678 г. в одном крестьянском дворе (в том числе в дворе бобыльском и задворных людей) в среднем находилось около 3,7 душ мужского пола, а в собственно крестьянских дворах проживало в среднем до 4, 25 душ муж. пола»[2]. Среднее число душ мужского пола в одном дворе учитывалось при разверстке подворного налога.

---

[1] ПСЗ, т. V, 3245.

[2] Энцикл. Отчеств. Ист. – М. 2000, т. 3, с. 134.

Полковник Г. Ергольский в 1715 году описал в пределах Малороссии 350 дворов «раскольников» и положил их в оклад в размере 1014 р. Но старообрядцы постарались и привезли в Киев окладных денег 1400 рублей, то есть они собрали оклад со старых 350 дворов и с вновь прибылых дворов. Об этом пишет губернатор полковнику Г. Ергольскому 29 сентября 1715 года и требует «обложить оных расколщиков настоящим окладом, расположив его на прежние и на прибылые дворы»[1].

После окончательной переписи «раскольничьих» слобод, проведенной Г. Ергольским в 1718 году, число дворов в Государевой волости раскольничьих слобод выросло до 526, на которые Г. Ергольским был назначен налог в размере 1 519 рублей.

Из чего исходил Г. Ергольский, начисляя определенную сумму денежного обложения?

В 1715 году Г. Ергольский на 350 дворов «раскольников» положил оклад в размере 1014 р. В пересчете на один двор получалось 2 р. 89,7 к. Если разделить 289,7 коп. на 4, то получим 72,425 копейки. То есть с одной души условно рассчитывали брать 72,425 копейки.

В 1718 году на 526 дворов оклад положен в суме 1519 рублей. Если разделить 1519 р. на 526 дворов, то окажется, что на один двор приходится налога в размере 2 рубля 88,8 копейки.

Следовательно, «подворный налог» предполагал, что в каждом дворе имеется 4 тягловые души, способные каждая платить по 72,2 копейки (288,8 копейки : 4 = 72,2 коп.).

Ставка налога в 72 копейки на одну душу появилась не случайно. В 1718 году уже был издан царский указ о «подушном окладе» из расчета минимум по 70 копеек с одной мужской души (на местах ставка подушного оклада колебалась между 70, 72 и 74 копейками).

Но введение указа в действие началось с 1724 года, а пока раскладка налогов проводилась по старому – по дворам.

Назначенный Г. Ергольским на всю Государеву волость подворный налог нужно было разверстать (разрубить) между слободами, чем занялись Бурмистр Государевой волости вместе с войтами 16 слобод. На этом этапе «разруба» общей окладной суммы обнаруживается, что бурмистр и войты разверстывают налог не по наличному числу дворов в каждой слободе, а с отступлением от дворового числа.

---

[1] ЦГИА Киев Ф. 59, оп. 1, д. 14, л.18.

Если бы разверстка по слободам проводилась по числу дворов, то со слободы Ардонь с числом дворов 15 следовало взять налог (2 р. 88,8 к. х 15 дворов) = 43 р. 32 коп. Но с жителей Ардони с 1718 до 1729 года брался налог в размере 81 р. 13 к. То есть по 5,4 рубля с одного двора (а не 2 р. 88,8 к.).

С 17 дворов слободы Клинцы требовалось взять налог (2 р. 88,8 к. х 17 дворов) = 16 р. 98 к. А налог был возложен в размере 38 р. 20 копеек, то есть по 2 р. 24 к. с одного двора (а не 2 р. 88,8 к.).

Складывается впечатление, что в Ардони имеет место перебор подворных налогов, а в Клинцах – недобор подворных налогов.

Причина такого несоответствия заключена в том, что внутри каждой слободы подворный налог разрубался не по числу дворов, а по числу плетежеспособных семей, что учтено было Бургомистром волости при разверстке налога по слободам. Действительно, в Клинцах в 1729 году с 17 дворов налог платили 34 семьи, в Ардони с 15 дворов налог платили 63 семьи. Число семей в слободах оказалось больше числа дворов.

Когда в XVII веке введено было подворное налогообложение, крестьяне, чтобы снизить налоговое бремя, сразу же образовали многосемейные дворы с тем, чтобы осуществлять раскладку дворового налога на все семьи двора и в итоге иметь снижение налоговой нагрузки на каждую отдельно взятую семью.

Разруб суммы подворного налога внутри слободы проводили сами жители. На этом этапе в силу вступал другой принцип «разруба», более дифференцированный – разруб оклада по семьям.

Войт (староста) слободы совместно с «выборными» от общества «взвешивал» ставку посемейного налога с учетом числа мужских душ в семье и состояния работоспособности мужчины-налогоплательщика, то есть его здоровья. Властью слободского войта и выборных общественников освобождались от налога явно недееспособные (психически и физически неполноценные) обыватели, немощные старики, вдовы с малолетними детьми мужского пола, или же на них налагалась низкая ставка налога. Первые годы существования Государевой волости налогом не облагались иноки и инокини, жившие в кельях за подаяние. Обыватели, занимающиеся прибыльным промыслом, несли бльшую налоговую нагрузку. То есть величина посемейной ставки не зависела от площади пахотной земли, находящейся во владении семьи, а зависела от «имуществ», то есть от совокупного семейного дохода, который семья «имела» от всех видов своей деятельности: земледелия, торговли, наемной работы, промысла, учительства и иконописи.

До 1714 года в старообрядческих слободах, бывших тогда во владельческой собственности Малороссийских землевладельцев,

при разверстке тягла по семьям учитывалось также число льготных безналоговых лет на обустройство новосела. После перевода обывателей слобод в разряд «государевых», начиная с 1718 года, новоселов стали сразу включать в налогообложение.

Вполне очевидно, что «подворная» ставка налога – величина условная и явно не способствует проведению в государстве правильной фискальной политики.

При подворном обложении налоговая нагрузка на одну душу мужского пола никогда не была одинаковой в разных селениях – всегда разной (в Ардони по 59,6 копеек с оной мужской души, в Клинцах по 61,6 коп. с одной мужской души) и всегда оставалась ниже ставки подушного оклада в 72,2 к.

Если взять ставку подушного налога и помножить на число мужских душ, живущих в Ардони (0,722 р. х 136 душ = 98,19 р.), то станет очевидным, что при подушном сборе налога государство в 1718 году получило бы с ардонских обывателей не 81 р. 13 к., а 98, 19 рубля.

В основу «подворного обложения» изначально был заложен принцип «поземельно-подворного обложения», так как «двор» предполагал наличие пахотной земли. «Подворное обложение» с крестьян с самого начала не было поземельным обложением в чистом виде, оно имело признаки разных видов обложения: поземельного, подворного, посемейного, по доходности промысла или торговли, по трудоспособности членов семьи. Несмотря на то, что понятие «подворного обложения» было наполнено сложным содержанием, в переписных листах, в частности в 1729 году, по-прежнему писали: «окладу на нем было с земли положено ... рубля». Так писали против имени владельца двора, имеющего пахотную землю: «Окладу Ергольского на нем было з земли положено, и платил в год два рубли». Так же писали и против имени «соседа», не имеющего пахотной земли, но живущего во дворе дворохозяина: «Окладу с земли платит в год рубль»[1].

«Подворный налог» на обывателей всей Государевой волости, исчисленный полковником Г. Ергольским в 1718 году, не менялся до следующей переписи 1729 года, то есть 11 лет. За эти годы в каждой слободе появились новоселы, но сумма налога, исчисленная на каждую слободу, оставалась неизменной. Это хорошо видно при изучении подворного налогообложения обывателей слободы Клинцы в период с 1718 по 1729 год.

---

[1] РГАДА Ф. 248, е.х. 1797, л. 172 об.

Таблица. **Подворный (посемейный) налог с обывателей слободы Клинцы (1718–1729 гг.)**

Двор №	Семьи налого-плательщики	Число муж. душ в семье	В каком году пришел в слободу	С какого года платит налог	Налог Ергольского 1718 г.	Налоговые поправки войта слободы	Размер налога в 1729 г.
1	Исаевы	3	1707	с 1718 г.	3-80	– 3,30 р. (1727 г.)	0-50
	Ложкарев	1	1720				0-50
	Артемьев	1	1721				0-50
	Трофимов	3	1727				Нет
	Крашенинников	2	1719				Нет
	К. Иванов	1	1720				Нет
2	Ильенков	4	1715	с 1718 г.	2-00	– 1 р. (1721 г.)	1-00
	Ф. Осипов	3	1719				1-00
	Горячкин	4	1721				0-50
	Морозов	2	1721				0-50
	Юдин	1	1719				Нет
3	Аникеев	3	1721				1-00
	Максимов	4	1716	с 1718 г.	1-00		1-00
	Овсяников	4	1709	с 1718 г.	0-50		0-50
	И. Осипов	2	1721				Нет
	Ф. Иванов	3	1728				0-50
	Матвеев	2	1723				Нет
4	Щербаков	1	1707	с 1718 г.	2-00		2-00
	В. Иванов	4	1720				Нет
5	Карлин	3	1709	с 1718 г.	2-50		2-50
	Кожемяка	1	1720				Нет
6	Барышниковы	4	1708	с 1718 г.	1-00	+1,50	2-50
7	Позной	2	1709	с 1718 г.	3-00	– 1,50	1-50
	Тараканов	4	1721				1-50
	Полуектов	3	1721				Нет
8	Марков	2	1710	с 1718	2-50	– 0,50 (1723 г.)	2-00
	Белоусов	1	1728				Нет

9	В. Клинец	1	1707	с 1718	2-00	– 1 р. (1727 г.)	1-00
	А. Щербаков	1	1724				1-00
10	П. Клинец	3	1707	с 1718	3-10	– 1р.10к. (1720 г.)	2-00
	Л. Кирилов	4	1721				1-10
11	Лазарев	1	1712	с 1718	2-00	– 1р.50к. (1721 г.)	0-50
	Антонов	3	1718	с 1718	1-00		1-00
	Слатин	2	1719				0-50
12	Ивановы	4	1707	с 1718	2-00	+0,50 (1720 г.)	2-50
13	Новиковы	4	1718	с 1718	1-50		1-50
14	Развозжаев	3	1723				1-20
	Чекулаев	2	1720				1-20
	Красильников	1	1725				1-40
15	Грезин	3	1721				1-00
	Богорадов	3	1719				1-00
	Усов	2	1729				Нет
16	Васильев	1	1720				0-90
	Кондратьев	1	1723				0-90
	Кузмин	4	1720				Нет
	Тимофеев	2	1720				Нет
	Ивановы	3	1720				Нет
17	Собольщиков	4	1720–1728				В слободу Клинцы дает 12 р. в год
	48 семей	120			29-90	+2 р. – 9,90 р.	38,2 р. + 12 р.

В таблице видно, что в 1718 году на всех обывателей слободы Клинцы был назначен налог в размере 38,2 рубля. В этой сумме ещё нет налога с заводчика Собольщикова. Войт слободы Клинцы в 1721–1727 годы неоднократно пересматривал ставки налога, переложив за эти годы часть налога в размере 9,90 р. с владельцев дворов на вновь поселенных «соседей» внутри дворов. На 2 рубля были увеличены ставки налога двум семьям старожилов (Барышниковым на 1,5 р. и Ивановым на 0,5 р.). То есть в течение 11 лет

войт внутри слободы перераспределял налог так, чтобы вновь прибывшие на поселение обыватели брали на себя часть налогового бремени, снимая часть налоговой нагрузки с семей старожилов. Более успешные обыватели (Барышниковы и Ивановы), занимавшиеся торговыми промыслами, несли большую налоговую нагрузку.

Налог с дворовладельцев, бежавших из слободы, перекладывался на новых дворовладельцев, занимавших их место, в основном из числа «соседей» его «двора».

Не все новоселы были вовлечены в налогообложение. В 1729 году из 48 семей слободы Клинцы 13 семей ещё не платят налогов. Причины задержки включения в оклад новоселов не оговариваются. Но это не «льготные годы» в том смысле, какими они были до 1714 года, во времена пребывания старообрядцев во владельческом подчинении у «державцев». Практически в каждом дворе есть 1–2–3 семьи «соседей» из числа новоселов, которые не имеют пахотной земли и не платят налогов. Более вероятно, что эти новоселы платят владельцу двора за проживание в его дворе, из этой платы что-то, возможно, достается войту слободы.

При подворном налогообложении перераспределение налоговой нагрузки внутри слободы выгодно в первую очередь обывателям слободы, но государство в итоге не добирает денег и теряет значительную часть налоговых сборов.

Недостатки фискальной политики подворного обложения видны на примере переписи слободы Ардонь 1736 г. Переписчики выделили в 1736 году в Ардонь две группы поселенцев-налогоплательщиков: «старых» поселенцев, переписанных Г. Ергольским и И. Брянчаниновым, и «вновь поселенных» Волостной Конторой на основании императорских «пригласительных» указов 1731–1735 гг.

В первой группе «старожилов» (180 душ муж. пола) обыватели платят налог подворный (посемейный), во второй группе «новоселов» (89 душ муж. пола) – налог подушный. В денежном выражении подворный налог со старожилов, включенных в налогообложение Г. Ергольским и И. Брянчаниновым, составляет 72 рубля. Со второй группы подушный налог собирается в размере 73 р. 95 копеек[1].

---

[1] РГАДА Ф.248, оп. 29, д. 1838, л. 457 об.

Таблица. **Сравнение налоговой нагрузки при подворном и подушном обложении обывателей Ардони в 1736 г.**

	Число мужских душ	Сумма налога	Средняя величина налога на одну душу
Старожилы, платят подворный (посемейный) налог	180	72 р.	40 к.
Новоселы, платят подушный налог	89	73, 95 р.	92, 4 к.

Приведенные в таблице цифры свидетельствуют о том, что старожилы, выплачивающие подворный налог, несут меньшую налоговую нагрузку в пересчете на одну душу. Каждый новосел, на котором лежит подушный налог, платит в казну больше.

При переводе 180 «старожилов» с подворного обложения на подушное обложение государство получило бы дополнительно ещё 57 р. 60 копеек.

В переписях обывателей Государевой волости (1729, 1736, 1765 гг.) прослеживается смена налоговой политики: сначала имеет место подворное обложение в традиции XVII века (1718–1729 гг.), затем сочетание подворного налогообложения одних обывателей с подушным обложением других обывателей (1729–1736 гг.), а к 1765 году подушное обложение распространяется на всех обывателей слобод, заменяя собой подворное обложение.

Подушное налогообложение, начавшее вводиться в России с 1724 года, проникло на территорию Малороссии сначала в пределы Государевой волости описных раскольничьих слобод. Для всего населения Малороссии замена подворного налога подушным началась во время переписи 1763–1764 годов при гетмане Г. Разумовском и завершена при графе П.А. Румянцеве. Перепись 1765 года «Румянцевская опись Малороссии» отразила уже состоявшееся подушное обложение[1].

Куда шли деньги, собранные с обывателей слобод? Вывозить собранные со старообрядцев деньги в Россию было невыгодно. Деньги оставались в пределах Малороссии и использовались для оплаты чиновников, получающих содержание от Российского правительства.

---

[1] Кабузан В.М. Народонаселение России XVIII – первой половины XIX в. – М. 1963, с. 67.

В «Экстракте» 1760 года упоминается «Доношение в Правительствующий Сенат от 14 июня 1750 года», в котором было сказано, что «по указу бывшего Верховного Тайного Совета 1728 года оклад с расколщиков собирался в Малороссийскую Министерскую Канцелярию, а деньги окладные по 1519 р. отсылались в Киевскую губернию на дачи рейтарам, переводчикам-толмачам и ружникам. А с новоприбылых расколщиков деньги 891 р. 10 копеек оставались в той же Министерской Канцелярии и употреблялись на таможенные расходы»[1].

М.И. Лилеев уточняет, что в 1750 году часть из 1519 рублей оклада Ергольского шла «на вклады разным монастырям и на содержание ректора Киевской академии, а добавочный оклад с новоприбылых в слободах дворов с 1718 года по 891 руб. 10 копеек отсылался в Штатс-Контору. Последняя добавочная окладная сумма показывает, что за 32 года, с 1718 по 1750 г., в раскольничьих малороссийских слободах прибыло всего 312 дворов»[2].

Это ещё одно свидетельство того, что и в 1750 году «подворный оклад» Г. Ергольского и И. Брянчанинова в прежнем размере продолжали собирать со старожилов раскольничьих слобод, которые были переписаны ещё Г. Ергольским и И. Брянчаниновым. Так продолжалось до Генеральной описи 1765–67 гг.

Раздельное и разное по сути налогообложение искусственно разобщало обывателей слобод на: 1) старообрядцев, положенных в оклад Г. Ергольским и И. Брянчаниновым и плативших подворный налог, и на 2) вновь поселенных после описи И. Брянчанинова, плативших подушный налог. Разное налогообложение делило обывателей одной слободы на «старожилов» и на «пришлых», что получило отражение в мировоззрении «старожилов». Старообрядцы, переписанные Г. Ергольским, называли себя «иорженцами» (искаженное слово от фамилии Ергольский), выказывали некое превосходство и противопоставляли себя «пришлым». Основанием для такого самовозвышения было то, что налоговая подворная нагрузка, в пересчете на каждого «иорженца», оставалась ниже, чем подушный налог на «пришлых», и «иорженцы» осознавали себя в некотором роде «привилегированной» частью слободского общества обывателей.

Старообрядцы, пришедшие на поселение в Государеву волость после переписи И. Брянчанинова, были переселенцами с Ветки и в

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 63, д. 5452, л. 92

[2] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 510.

большинстве своем проводниками поповского согласия, они активно добывали себе священников, строили и освящали в Стародубских слободах храмы, устраивали монастыри. Многие переселенцы из Речи Посполитой принадлежали к Диаконову и Епафаниеву согласиям, которые принимали священство без миропомазания, они принимали священство только с отречением ересей, по третьему чину.

«Иорженцы», в основном беспоповцы, присоединились к старообрядцам поповского согласия, но в своем мировоззрении оставались упорными беспоповцами, проповедуя, что антихрист пребывает духовно на олтарях Греко-российской церкви. Всякого приходящего к ним в молитвенное общение православного мирянина или священника, крещенного в Греко-российской церкви, они принимали через миропомазание и даже готовы были перекрестить.

Нужно отдельно сказать о Никифоре Шарове. В переписи 1729 года сказано, что «Никифор Шаров пришел на поселение в 1710 году, «окладу платит з земли в год с 1719 году – 1 р.». Никифор Шаров как осадчий слободы Ардонь и как войт (староста) слободы был освобожден от налога в течение всего времени пребывания в должности, до выборов нового войта. По-видимому, в 1719 г. войтом слободы стал другой обыватель.

Налог «на землю» в слободах Киево-Печерской Лавры в 1765 г.

После возвращения в 1741 году слобод Ардонь, Свяцк и Тимошкин Перевоз в подчинение Киево-Печерской Лавры структура налогообложения обывателей этих слобод изменилась.

Население лаврских слобод Ардонь, Свяцк и Тимошкин Перевоз после 1741 года стало смешанным. К лавре в подчинение перешли 15 дворов, которыми лавра владела до 1715 года. Часть обывателей, поселившихся после 1715 года, была выселена и отправлена в места прежнего проживания, в подчинение к прежним землевладельцам. Но часть обывателей, приписанных к Государевой волости, осталась жить в лаврских слободах.

Эти «государевы» обыватели платили лавре «за землю» денежный налог, а лаврские обыватели первое время должны были платить натуральный оброк (то есть продуктами или товарами) и выполнять общественные работы.

В 1743 году после челобитья жителей трех слобод Ардон, Свяцк и Тимошкин Перевоз в Киево-Печерскую Лавру лаврские обывате-

ли были переведены на денежный оклад, который стал называться «оклад за землю и за увольнение от всех подданнических повинностей». После этого обыватели лаврских слобод обоих подчинений сравнялись в налоговом отношении и стали платить по три денежных налога: подушный оклад, оклад на консистент и оклад «за землю».

В Ведомости 1765 года говорилось, что подданные Киево-Печерской Лавры: «...на консистенсий платят в год в Комисарят Повету Стародубовского от учреждения вновь рублевого окладу по билету оного Комисарята денег – 12 р. 35 к. В Лавру Киево-Печерскую за землю и за увольнение от всех подданнических повинностей платят в год денег – 8 р. 52 к. Да в Киевогубернскую Канцелярию так же в год платят подушных денег – 29 р. 52 к.».

Обыватели слободы Ардонь, приписанные к Государевой волости, «в Комисарият повету Стародубовского от учреждения в новь рублевого окладу в год платят на консистенсии денег по билету оного Комисарията – 51 р. 86 к. В Лавру Киево-Печерскую за землю, ими владеемую, в год платят – 30 р. 60 к. В Кантору описных Государевых Раскольничьих слобод платят в год денег подушных – 95 р. 05 к.»[1].

На первый взгляд кажется, что жителям Ардони, будь то подданные лавры или обыватели Государевой волости, предъявляются равные налоговые требования.

Сравним ставки налогов, выплачиваемые каждой группой обывателей Ардони монахам Киево-Печерской Лавры.

Из таблицы видно, что ставка налога «с земли», то есть с лаврской земли, которой пользуются обыватели Государевой волости, прямо связана с размером площади пахотного надела, независимо от того, засевается земля полностью или частично. За землю площадью в «треть» выплачивается налог 1 р. 60 коп. За землю размером в «полтреть» – 80 копеек, за землю размером в «четверушку» – 40 копеек. Обыватели, не имеющие пахотного надела, выплачивают за селидебную землю и огород – 25 копеек. Для обывателей Государевой волости налог «с земли» строго привязан к размеру пахотного надела.

Обращает внимание число семей, в хозяйстве которых имеет место недосев зерновых культур. Из 61 семьи, имеющей пахотный надел, недосев или незасев был отмечен в 33 семьях (54%).

Недосев был отмечен в переписи 1765–1767 годов в Ардони, Клинцах, Зыбкой и в других слободах и вызван был вовсе не сти-

[1] ЦГИА Киев Ф. 57, оп. 1, д. 118, л. 1106, 1368.

Таблица. **Налоги «за землю», «на консистент» и «подушной оклад» с обывателей Государевой волости, живущих на земле Киево-Печерской Лавры, по переписи 1765 г.**

№	Владелец двора или избы	Размер пахотной земли	Ск. засеяно	Промысел	Ставка налога «с земли»	Платит на консистент	Подушной налог (72 к.)	Всего платит
1.	Гр. Шарапов	Полтреть 6 чв., 4 чрк.	Недосев	Сани	80 к.	1,67 р.	1,44 р.	3,91 р.
2.	Мих. Крюков	Полтреть 7 чв., 4 чрк.		Сани	80 к.	1,18 р.	1,44 р.	3,42 р.
3.	Сем. Татаринов	Полтреть 5 чв., 2 чрк.		Сани	80 к.	1,10 р.	1,44 р.	3,34 р.
4.	Петр Морозов	Полтреть 6 чв.	Недосев	Коваль	80 к.	1,48 р.	3,60 р.	5,88 р.
5.	Вас. Гончаров	Полтреть 4 чв., 4 чрк.		Сани	80 к.	1,49 р.	2,16 р.	4,45 р.
6.	Як. Наступнев	Полтреть 6 чв., 6 чрк.		Сани	80 к.	2,86 р.	3,60 р.	7,26 р.
7.	Мих. Луговой	Полтреть 7 чв., 5 чрк.		Сани	1 р. 60 к.	2,10 р.	4,32 р.	8,02 р.
8.	Гликер. Винокурова	Полтреть 4 чв., 6 чрк.		Пряники	80 к.	1,12 р.	0,72 р.	2,64 р.
9.	Ходора Зябкина	Четверуха 3 чв., 6 чрк.		Сани	40 к.	0,87 р.	0,72 р.	1,99 р.
10.	Ст. Горюнов	Четверуха 5 чв., 1 чрк.		Сани	40 к.	1,20 р.	1,44 р.	3,04 р.
11.	Евст. Зябкин	Треть 12 чв.		Сани	1 р. 60 к.	2,50 р.	5,04 р.	9,14 р.
12.	Ив. Шведов	См. Петр Макар		Торг. дегтем	40 к.	0,59 р.	2,16 р.	3,15 р.

13.	Вас. Винокуров	Полтреть 7 чв., 3 чрк.	Недосев	Хлеб печет	80 к.	1,13 р.	2,16 р.	4,09 р.
14.	Илья Поповичев	Полтреть 7 чв.		Сани	80 к.	1,38 р.	2,16 р.	4,34 р.
15.	Мих. Бормотов	Четверушка 2 чв., 4 чрк.		Ложки	40 к.	1,01 р.	0,72 р.	2,13 р.
16.	Лар. Лобанов	Полтреть 5 чв., 4 чрк.		Сани	80 к.	1,40 р.	2,88 р.	5,08 р.
17.	Влад. Самороков	Четверушка 3 чв.	Недосев	Нет	40 к.	1,01 р.	0,72 р.	2,13 р.
18.	Дар. Черкасинова	Четверушка 3 чв., 2 чрк.	Недосев	Сани	40 к.	0,85 р.	0,72 р.	1,97 р.
19.	Андр. Лихоманов	Четверушка 3 чв.	Недосев	Сани	40 к.	0,85 р.	1,44 р.	2,69 р.
20.	Конст. Зябкин	Полтреть 6 чв., 1 чрк.		Сани	80 к.	1,17 р.	2,16 р.	4,13 р.
21.	Андр. Ложкарев	Четверушка 3 чв.	Недосев	Ложки	40 к.	1,01 р.	1,44 р.	2,85 р.
22.	Мих. Седлеченок	Четверушка 3 чв.	Недосев	Сани	40 к.	0,83 р.	1,44 р.	2,67 р.
23.	Ив. Бормотов	Полтреть 6 чв.	Недосев	Сани	80 к.	1,30 р.	2,16 р.	4,62 р.
24.	Мих. Еросалимцев	Полтреть 6 чв.	Недосев	Сани	80 к.	1,50 р.	2,16 р.	4,46 р.
25.	Сем. Смирной	Полтреть 6 чв.		Ложки	80 к.	1,05 р.	2,88 р.	4,73 р.
26.	Сем. Еросалимцев	Четверушка 3 чв.	Недосев	Сани	40 к.	0,49 р.	1,44 р.	2,33 р.
27.	Игн. Миронов	Четверушка 3 чв.	Недосев	Сани	40 к.	1,06 р.	2,16 р.	3,62 р.

28.	Дement. Винокуров	Нет		Нет	25 к.	0,72 р.	0,72 р.	1,69 р.
29.	Ив. Игнатов	Четверуха 3 чв., 1 чрк.	Недосев	Хомутей-ные клещи	40 к.	0,83 р.	0,72 р.	1,95
30.	Иван Тарасов	Нет		Нет	25 к.	0,74 р.	1,44 р.	2,43
31.	Логгин Махоткин	Нет		Нет	25 к.	0,74 р.	0,72 р.	1,71
	Гавр. Данец	Нет		Нет	Нет	Нет	0,72 р.	0,72
32.	Аврам Морозов	Нет		Нет	25 к.	0,91 р.	1,44 р.	2,60
33.	Еф. Гончаров	Четверушка 3 чв., 6 чрк.	Недосев	Сани	40 к.	1, 00 р.	0,72 р.	2,12
34.	Дан. Шарапов	Полтреть 6 чв.	Недосев	Сани	80 к.	0,95 р.	2,16 р.	3,91
	Панкрат Лихоманов	2 чрк.	Недосев	Нет	Нет	Нет	0,72 р.	0,72
35.	Ефр. Лихоманова	Полтреть 6 чв.		Сани	80 к.	0,91 р.	2,16 р.	3,87
36.	Пимен Лялин	Четверушка 2 чв., 4 чрк.	Недосев	Сани	40 к.	1,00 р.	1,44 р.	2,84
37.	Никиф. Зябкин	Четверушка 3 чв.	Недосев	Нет	40 к.	0,92 р.	1,44 р.	2,76
38.	Ант. Поповичев	Четверушка 3 чв.	Недосев	Сани	40 к.	0,91 р.	0,72 р.	2,03
39.	Пав. Поповичев	Четверушка 3 чв.	Недосев	Сани	40 к.	1,01 р.	1,44 р.	2,85
40.	Лаз. Седлецкий	Полчетверушки 3 чв., 3 чрк.		Сани	40 к.	0,95 р.	1,44 р.	2,79

41.	Дем. Малахов	Треть 12 чв., 3 чрк.	Недосев	Сани	1 р. 60 к.	2,00 р.	4,32 р.	7,92
42.	Козма Лихоманов	Полтреть 6 чв., 6 чрк.	Недосев	Сани	80 к.	1,11 р.	1,44 р.	3,35
43.	Кирил Нежданов	Четверушка 3 чв.	Недосев	Нет	40 к.	0,87 р.	2,16 р.	3,43
	Алексей Капирин	Нет					0,72 р.	0,72
44.	Сем. Токарев	Четверушка 3 чв.	Недосев	Чашки	40 к.	1,01 р.	2,16 р.	3,57
45.	Ив. Баличев	Полтреть 6 чв.	Недосев	Сани	80 к.	1,01 р.	2,16 р.	3,97
46.	Григ. Меркуленок	Полтреть 6 чв.	Недосев	Сани	80 к.	1,10 р.	1,44 р.	3,34
	Потап Смирной		Наемные работники – 4 муж.				2,88 р.	2,88
	Вас. Сарабин		Наемный работник				0,72 р.	0,72
	Вас. Горшенин		Наемный работник				0,72 р.	0,72
	Аф. Селючин		Наемный работ. – 1 муж.				1,44 р.	1,44
	Сем. Соловников		Живет в Клинцах				0,72 р.	0,72
	Сем. Яковлев		Наемный работник				0,72 р.	0,72
	Вас. Зябкин		Живет в Клинцах				2,16 р.	2,16
			26 семей		31,20			179,06

хийным бедствием. Сокращение засева полей зерновыми культурами было обусловлено не бедностью или отсутствием посевного зерна, а малой эффективностью зернового хозяйства на скудных песчаниках, а также наличием рукодельных промыслов в большинстве семей и торговли, доходы от которых позволяли закупать на ярмарках необходимое для семьи продовольствие у зернопроизводителей из черноземных уездов Малороссии по более дешевым ценам.

Рассмотрим структуру налогообложения лаврских обывателей Ардони (см. таблицу на стр. 178).

Лаврские подданные слободы Ардонь, живущие в 14 дворах, все имеют пахотные земли, которые, как и у ардонских обывателей Государевой волости, частично пустуют от недосева. Десять семей занимаются промыслом «делают и продают сани», что составляет основную статью дохода этих десяти семей. Зерновые культуры (рожь, пшеница, гречка, просо) обыватели засевают в малых количествах, то есть не для продажи, а для внутреннего употребления.

Каждый лаврский подданный платит в лавру «за землю и за увольнение от всех подданнических повинностей» от 40 до 80 копеек.

Из чего складывается ставка налога «за землю и увольнение от всех подданнических повинностей»?

40% семей лаврских подданных, имеющих пахотную землю в размере «полтреть» (6 четвертей), платят налог по 80 копеек в год, как и «государевы» обыватели. За те же «полтреть» земли 2 семьи Тепикиных платят не по 80, а по 60 копеек, а семья Макарьевых – 40 копеек.

Следовало также ожидать, что за землю размером в «четверуху» ставка налога должна быть 40 копеек, но Афанасий Пешехонов за четверуху, которая содержит не 3, а 2 четверти, платит 80 копеек, Терентий Тепикин за полторы четверухи платит 80 копеек, когда должен был бы платить только 60 копеек. Складывается впечатление, что ставка налога не увязывается с площадью пахотной земли.

Можно предположить, что лаврские монахи ставят размер налога в зависимость от полноты засева пашни (земли). Но из таблицы видно, что Федор Малахов и Иван Тепикин, у которых поля недосеяны, платят налог 80 копеек, как братья Разумеевы и Гутков, у которых такие же поля площадью в «полтреть», но засеяны полностью. Следовательно, лаврских монахов не интересует, как обрабатываются поля у подданных.

Таблица. **Налоги «за землю», «на консистент» и «подушной оклад» с лаврских подданных слободы Ардонь по данным переписи 1765 г.**

Чв. – четверть. Чрк. – четверик

№	Владелец двора или избы	Размер пахотной земли	Мужчин в семье	Промысел	Ставка налога «с земли»	Платит на консистент	Подушной налог (рубл.)	Всего платит налогов (рубл.)
1.	**Федор Малахов**	Полтреть 5 чв. Недосев	3 – здоров	Делает сани	80 к.	1 р.30 к.	4,32 р.	6,42
2.	Ал. Разумев	Полтреть 6 чв., 6 чрк.	1 – здоров, дети до 15 лет	Сани	80 к.	93 к.	2,16 р.	3,89
3.	Перф. Разумев	Полтреть 7 чв., 1 чрк	2 – здоров	Сани	80 к.	1 р.	1,44 р.	3,24
4.	Гутков	Полтреть 6 чв., 5 чрк	1 – здоров, дети до 11 лет	Сани	80 к.	93 к.	2,16 р.	3,89
5.	Макарьевы Захар и Петр	Полтреть 6 чв., 2 чрк	2 старика 85 и 75 лет, детей нет	Нет	40 к. (– 40 к.)	48 к.	1,44 р.	2,32
6.	Ал. Тепикин	Полтреть 6 чв., 6 чрк	1 – болен животом, дети до 9 лет	Сани	60 к. (– 20 к.)	89 к.	2,16 р.	3,65
7.	Ст. Тепикин	Полтреть 6 чв., 6 чрк	1 – здоров, дети до 11 лет	Сани	60 к. (– 20 к.)	89 к.	1,44 р.	2,93
8.	**Леон Тепикин**	Осьмуха 1 чв., 6 чрк. Недосев	1 – «к работе не способен», сын 16 лет. У них работник Макс. Смирной, за 6,75 р. в год.	Нет	40 к. (+ 20 к.)	80 к.	1,44 р.	2,64

9.	**Анф. Пешахонов**	Четверушка 2 чв. Недосев	1 – здоров	Нет	80 к. (+ 40 к.)	93 к.	0,72 р.	2,45
10.	**Ив. Тепикин**	Полтреть 6 чв., 2 чрк. Недосев	1 – сердц. болен, дети до 9 лет	Сани	80 к.	1 р. 06 к.	1,44 р.	3,30
11.	**Терентий Тепикин**	1 $^1/_2$ четверухи 4 чв., 4 чрк. Недосев	1 – здоров, дети до 6 лет	Сани	80 к. (+ 20 к.)	92 к.	1,44 р.	3,16
12.	Герасим Малахов	Полтреть 4 чв.	1 – «спиной и животом болен», дети до 11 лет.	Нет	80 к.	94 к.	2,88 р.	4,62
13.	**Феоктист Малахов**	Четверуха 2 чв. Недосев	1 – здоров, дети до 11 лет	Нет	40 к.	60 к.	2,88 р.	3,88
14.	**Козма Малахов**	Полтреть 4 чв., 4 чрк. Недосев	1 – здоров	Сани	80 к.	94 к.	1,44 р.	3,18
15.	Данила Кононов Живет в Митковке	В Ардони земли не имеет	3 – здоров		1р. 07 к.		2,16 р.	3,23
					10,67	12,61	29,52	52,80

Ставка налога «за землю» также не зависит от числа здоровых взрослых мужчин в семье. Семьи Разумеевых, Малаховых, у которых число здоровых мужчин разное, от одного до трех человек, платят налог по 80 копеек в год.

Более всего ставка налога «за землю» увязывается с наличием или отсутствием в семье промысла. Все семьи, в которых занимаются изготовлением и продажей саней, платят высокие ставки налогов от 80 до 60 копеек в год, независимо от размера пахотной земли, находящейся в их владении. Терентий Тепикин, имеющий пахотной земли полторы четверухи, но занимающийся изготовлением саней, платит налог 80 копеек. В то же время семьи Захара и Петра Макарьевых (земли у них «полтреть»), Леона Тепикина (земли «осьмуха»), Феоктиста Малахова (земли «четверуха»), не имеющие промыслов, платят налог по 40 копеек.

Вполне очевидно, что ставка налога «за землю», взимаемая лаврой со своих подданных, не отражает ни вложенного в землю труда, ни площади засеянной земли, но зависит от наличия или отсутствия семейного промысла.

Если же посмотреть, как перераспределяется ставка налога между семьями, то окажется, что семьи, в которых живут больные или престарелые обыватели, платят меньший налог, а семьи, в которых есть молодые и здоровые мужчины или наемные рабочие, платят больший налог. Сумма перераспределенного и не перераспределенного налога равна величине налога, который был изначально исчислен из размера площади пахотной земли.

Следовательно, лаврские монахи изначально определяют весь налог, исходя из количества земли в каждом дворохозяйстве. Затем перераспределяют налог между семьями с учетом наличия или отсутствия в семьях промысла, даже привнося элемент социальной опеки.

Социальную заботу о престарелых и немощных налогоплательщиках монахи могли проявить только по отношению к своим подданным. И в этом можно усмотреть политику, направленную на удержание своих подданных от бегства к другим землевладельцам.

Налог «на консистент»

Консистент – консистентные дачи – денежный налог на содержание расквартированных в Малороссии российских войск.

«В 1712 г. в городах Чернигове, Глухове, Нежине назначены постоянные гарнизоны из русских регулярных войск. Все селения

обложены военными “рационами” и “порционными консистентами”, а постоянная повинность распространена на казаков»[1].

А.Ф. Шафонский писал: «С 1722 года велено Малороссийской коллегией со всех жителей собирать хлебные и денежные сборы, в число которых входит подать на консистенты, собираемая провиантом и фуражом на содержание 6 драгунских полков с генералитетом и Глуховского гарнизона»[2].

Пребывание русских полков в Малороссии было оправдано постоянно нависавшей угрозой со стороны Турции. В годы ведения Шведской войны Россия постоянно была под угрозой нападения Турции с юга, из Крыма не прекращались набеги татар, которые продолжали разорять юг и доходили до Киева. В 1735–1739 годах Россия вела войну с Турцией за выход к Черному морю и одновременно с целью пресечения набегов крымских татар. В 1768 году войну начала Турция, после отказа России вывести войска из Польши. Война завершилась в 1774 г. подписанием Кучук-Кайнарджийского мира и признанием Турцией факта отторжения в пользу России северного Причерноморья и Крыма. Наряду с русскими полками, в Малороссии формировались и были расквартированы войска из местного малороссийского населения.

Количество расквартированных в Малороссии российских полков сокращалось в мирное время до шести, и даже на время полки выводились из Малороссии, отчего менялся размер «рационов» и «порционных консистентов» (в денежном или натуральном выражении).

«По указу ЕИВ 1 февраля 1749 г. велено собирать с малороссийских обывателей на указные полки за провиант и фураж по статской цене деньгами, а не натурой. Однако 28 октября 1751 г. в грамоте из Коллегии Иностранных Дел объявлено, что по прошествии 3-х летнего срока, в течение которого малороссийские обыватели от довольства консистентов были уволены, указные полки снова ввести в Малороссию и довольствовать фуражом и провиантом от обывателей, консистенты довольствовать натурой, но те обыватели, которые удалены, могут платить на консистент деньгами»[3].

---

[1] Список населенных мест России. Черниговская губерния. Изд стат. Ком МВД. – СПб. 1866, с. XXXV.

[2] Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким описанием Малыя России. – Чернигов. 1786, переизд. – Киев. 1851, с. 39.

[3] РГАДА Ф. 248, оп. 63, д. 5452, л. 108–108 об.

Переписи обывателей раскольничьих слобод Государевой волости не зафиксировали выплаты на консистент натурой, а только денежным довольствием.

«В 1765 году крестьяне, горожане и казаки-подпомощники (которых по бедности снаряжали вскладчину для пополнения требуемого от сотни числа казаков), вместо прежнего «консистента», обложены были рублевым с хат или с дымов сбором. Собирание денежных налогов граф П.А. Румянцев поручил в каждом повете «комиссарам», избираемых из местного шляхетства»[1].

А.Ф. Шафонский писал: «В 1765 году отменены консистенты, собираемые на содержание шести конных полков и Глуховского гарнизона... в виде провианта и фуража. Вместо сбора консистента натурой был введен денежный оклад на консистент из расчета по 1 рублю в год на одну жилую избу крестьянскую, мещанскую и козаков подпомощников избу. Для содержания для того комиссарств по 2 копейки с рубля отложил, которые по четвертям года (по кварталам) по 25 копеек через каждые три месяца собираем. Из сей собираемой суммы часть денег получала Провиантская Канцелярия на то число войск, которое полагалось по штату, а другая часть шла на содержание Коллегии и подчиненных ей Департаментов, и вносилась в Генеральный Скарб»[2].

А.А. Русов писал: «С отменой звания Малороссийского Гетмана в 1764 году и учреждения в Глухове «Малороссийской Коллегии», с президентом Румянцевым, казаки подпомощники, наравне с крестьянами и мещанами облагаются рублевым денежным сбором с хат вместо прежнего консистента, который они платили на содержание 6 регулярных полков и Глуховского гарнизона»[3].

Ардонские обыватели старообрядцы, приписанные к Лавре, собирали и платили консистентный наравне с односельчанами обывателями Государевой волости, но раздельно.

Вот что говорится о лаврских подданных в переписи 1767 года: «Оние раскольники на консистенсий платят в год в Комисарят Повету Стародубовскаго от учреждения вновь рублевого окладу (то есть с 1751 г. – Р.П.) по билету оного Комисарята денег 12 р. 35 к.»[4].

---

[1] Список населенных мест России. Черниговская губерния. Изд. Стат. ком МВД. – СПб. 1866, с. XXXV.

[2] Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким описанием Малыя России. – Чернигов. 1786, переизд. – Киев. 1851, с. 100.

[3] Русов А.А. Описание Черниговской губернии, т. I, 1898, с. 17.

[4] ЦГИА Киев Ф. 57, оп. 1, д. 118, л. 1106.

В это же время «раскольники, к Канторе подлежащие, в Комисарият Повету Стародубовского от учреждения вновь рублевого окладу в год платят на консистенсии денег по билету оного Комисарията – 51 р. 86 к.»[1].

То есть из Комиссариата Стародубского Повета в слободу поступает «билет» с указанием должного размера консистентного сбора. Внутри слободы обыватели во главе с войтом (старостой) и «лутшими» людьми «оное ж на консистенсий расположение делают ... сами между собою, по грунтам и по числу дворов»[2], то есть с учетом возможностей каждой семьи.

В другом документе уточнялось: «Расположение консистенсий делает с ассигнации полковой Стародубовской канцелярии по слободам Волостная контора, а в слободе обыватели сами между собой по имуществам»[3].

Здесь «по имуществам» означает по достатку, по доходу от земли и от промыслов.

А поскольку консистентные дачи обыватели делили «сами между собой по имуществам», то появляется возможность косвенно судить о самообеспеченности каждой семьи и всего населения слободы в целом.

Из числа семей обывателей, приписанных к лавре, ставки консистентной дачи, от 1 р. 06 копеек до 1 р. 30 копеек, выплачивали наиболее «крепкие» хозяева Федор Малахов и Иван Тепикин. Средние ставки, от 0,80 до 1,00 рубля, выплачивало большинство обывателей. Самая низкая ставка консистентного сбора – 0,48 рубля была назначена старикам Макарьевым, которые «за землю» площадью в «полтреть» платили в Лавру тоже самый низкий налог в 40 копеек.

Таблица. **Ставки консистентной дачи с одной семьи ардонских обывателей, приписанных к Киево-Печерской Лавре (1765 г.)**

Ставка консистентной дачи с одной семьи	Число семей налогоплательщиков	% семей налогоплательщиков с высоким, средним и низким достатком
Ставка от 1,00 до 1,49 руб.	3	21% (высокий достаток)
Ставка от 0,50 р. до 0,99 р.	10	71% (средний достаток)
Ставка менее 0,50 р.	1	7% (низкий достаток)
	14	

[1] ЦГИА Киев Ф. 57, оп. 1, д. 118, л. 1115.
[2] ЦГИА Укр. Ф. 57, оп. 1, д. 118, л. 1106.
[3] ЦГИА Укр. Ф. 57, оп. 1, д. 117, л. 113 – 113 об.

Ардонские обыватели Государевой волости платили «на консистенсий» значительно больше, чем лаврские подданные (51,86 р. против 12,35 р.). Платежеспособных обывателей Государевой волости было в 3,3 раза больше, чем лаврских обывателей, а назначалось им к рублевому сбору «на консистенсий» в 4,2 больше (51,86 р : 12,35 р. = 4,19). Это заметно и по размеру консистентной дачи по каждой семье.

Таблица. **Ставки консистентной дачи с одной семьи ардонских обывателей, приписанных к Государевой волости (1765 г.)**

Ставка консистентной дачи с одной семьи	Число семей налогоплательщиков	% семей налогоплательщиков с высоким, средним и низким достатком
Ставка более 2 руб.	4	13% (с высоким достатком)
От 1,5 до 1,99 руб.	2	
От 1,0 до 1,49 руб.	23	50% (со средним достатком)
От 0,49 до 0,99 руб.	17	36% (с низким достатком)
Всего	46	

Поскольку раскладку консистента производили сами обыватели «по имуществам», учитывавшие возможности каждой семьи, то ставку консистентной дачи можно условно признать мерилом достатка семьи, поскольку она наиболее объективно отражает экономические возможности каждой семьи относительно других семей в данной слободе.

Исходя из этого посыла, можно сказать, что семей обывателей с низким достатком в слободе Ардонь было 27,7%. Остальные 64,6% составляли семьи обывателей со средним и высоким достатком.

Наиболее «сильными» хозяевами из числа обывателей Ардони, приписанных к Государевой волости, были семьи Якова Наступнева (консистент – 2,86 р.), Михаила Лугового (2,10 р.), Евстафия Зябкина (2,50 р.), вдовы Евдокии Махоткиной с братом Дементием Малаховым (2,00 р.)

Совершенно обездоленных, нищих и больных в слободе мужчин – 1, женщин – 11 человек, они живут в пяти хатах, как пять семей, и «кормятся мирским подаянием от доброхотных людей».

В «посемейном» исчислении эти 5 семей составят 7,6 % от общего числа (65) семей ардонских обывателей. В подушном исчислении 12 человек нищих составят 3% от 400 обывателей обоего

Таблица. **Уровень достатка семей обывателей слободы Ардонь в 1765–1767 гг.**

	Подданных Лавры	Подданных Государевой волости	Всего семей	%
Налогоплательщиков с высоким достатком	3	6	9	13,8%
Налогоплательщиков со средним достатком	10	23	33	50,8%
Налогоплательщиков с низким достатком	1	17	18	27,7%
Нищих		5	5	7,6%
	14	51	65	99,9%

пола (12 душ нищих + 81 душ «лаврских» + 307 душ «государевых» = 400 душ).

В итоге можно сделать вывод, что старообрядцы слободы Ардонь в середине XVIII века в большинстве своем были достаточно обеспеченными людьми.

Подобный вывод был сделан в отношении всего населения Государевой волости Малороссии по материалам переписи 1729 г. Число семей со средним и высоким достатком составило 45,1% (из 801 семьи Государевой волости), число семей с низким достатком – 37,7%, число семей, не выплачивавших налоги «за скудостью» – 15,8%[1].

Подушное обложение

Подушный оклад (налог) в России начал взиматься с 1724 года. Ставка оклада установлена была по 74 копейки с крестьянского населения и 120 коп. с посадского населения. В центральных уездах России старообрядцы с 1716 г. обязаны были платить двойное тягло, а с введение подушного обложения – двойной подушный оклад. Старообрядцы, жившие вдоль западного приграничья, платили одинарный подушный оклад. Старообрядцы Государевой волости Малороссии продолжали платить подворный оклад, при кото-

[1] Перекрестов Р.И. Источники накопления капитала старообрядцами Стародубья в начале XVIII в. // Клинцовский летописец. – Клинцы 2004, 2007, с. 27.

ром ставка обложения отдельной мужской души не была фиксированной и всегда оказывалась ниже ставки подушного оклада (< 70–72 коп.), установленной для крестьянского населения России.

Оценка подворного налогообложения обывателей раскольничьих слобод, проведенная по материалам переписей 1718 и 1729 гг. года, показала, что расчетная ставка подворного оклада в Государевой волости Малороссии в 1718 году складывалась из 4-х подушных ставок по 72,2 копейки.

В «Экстракте» из документов, составленном канцеляристом Баскаковым в 1723 году по материалам переписи населения Малороссии, говорилось, что «раскольники крестьяне платят по 70 копеек с души, однодворцы, татары, казаки и всякого звания люди – по 110 коп., посадские платят по 120 копеек»[1].

«Подушный оклад» на обывателей раскольничьих слобод Государевой волости Малороссии впервые зафиксирован нами в переписи 1736 года, его платили старообрядцы, «вышедшие из-за границы Польской и определенные по указам из Канцелярии Министерского Правления в те слободы». Это были русские крестьяне и посадские люди, возвратившиеся в Россию на призыв императорских «пригласительных» указов 1731–1735 годов. Всего в 16 слободах Канцелярия Министерского Правления до 1735 года расселила 673 души «мужского пола» и 626 душ «женского пола».

На выходцев из-за рубежа был наложен «подушный оклад» в размере 72 $^1/_2$ копеек: «С них подушного окладу положено по указам из Канцелярии Министерского Правления по 72 копейки с полукопейкою (72 $^1/_2$ к.) в год со всякой мужской души»[2].

Остальные обыватели, старожилы Государевой волости, продолжали платить подворный налог, определенный им еще в перепись Г. Ергольского (1718 г.) и И. Брянчанинова (1729 г.).

После 1736 года, особенно во время войны с Турцией (1735–1739 гг.), был поднят вопрос о распространении на мужчин старообрядцев Государевой волости двойного подушного налога (1,40 р.), а на женщин – половинного (0,70 р.) оклада.

2 ноября 1738 года гвардии майор Шипов отмечал, что, «судя по выплачиваемым старообрядцами Государевой волости повинностям, они превышают двойной оклад, а по прошествии военного времени таких денег с них не потребуешь»[3].

---

[1] РГАДА Ф. 248, кн. 734, л. 568 об.
[2] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1838, л. 461.
[3] РГАДА Ф. 248, оп. 29, е.х. 1797, л. 231 об.

Но во время войны вводить двойной подушной налог власти не решались, да к тому же старообрядцы, как и все население Малороссии, несло непомерное бремя денежных и натуральных повинностей, вызванных войной. Указ был доведен собранию бурмистров и войтов с лучшими людьми Государевой волости, и те заявили: «если указом повелено будет и при условии, что раскольничьи слободы освободят от повинностей, которые они несут обще с малороссиянами, и ничего с них не требовать и никакими делами не ведать, а быть им с одним оным двойным платежом и судом ведомы в Министерской Канцелярии, то они буду платить такие подушные деньги».

Но двойной оклад так и не был введен в Государевой волости Малороссии, условия, выдвинутые старообрядцами, показались правительству невыгодными, а повинности в денежном выражении были больше, чем двойной налог.

В 1750-е годы старообрядцы Государевой волости продолжали нести большие денежные повинности, размеры которых вызывали сочувствие даже у чиновников. В «Пунктах о стародубских и черниговских раскольниках 1754 г.», подготовленных и представленных в Сенат киевским вице-губернатором Ив. Ив. Костюриным для Елизаветинской законодательной комиссии, было сказано, что «малороссийские правители берут с раскольников консистенские дачи, между тем на раскольников положен большой оклад на военные издержки». «Если такой оклад на них положится, то уже те все малороссийские сборы отставить (нужно), потому что великороссийский народ кажется ни по чему не имеет платить податей малороссиянам в поможенье, и ежели по сему те раскольники переписаны и в один оклад полжены будут, то увйдав за границею живущие великороссийского и малороссийского народа в Российскую империю охотно на житье в те слободы переходить пожелают»[1].

То, что в 1760-е годы обыватели Государевой волости не были положены в двойной подушный оклад, какой платили старообрядцы центральных губерний России, видно из челобитной поручика Халкидонского, бывшего управителя слобод Добрянки и Радуль. В конце 1760 года Халкидонский направил в Правительствующий Сенат челобитную, в которой писал: «Раскольники живут в Малороссии в 14 слободах, и те слободы расселены как превеликие го-

---

[1] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 534.

рода...а подушных денег платят они только 72 копейки с души, а более никаких поборов с них нет, и против великороссийских раскольников двойного оклада они не платят»[1].

В те же 1760-е годы отношение к старообрядцам в правительстве стало меняться в лучшую сторону.

Манифестом от 3 марта 1764 года, в п. 4, в отношении старообрядцев поповского согласия было сказано, что «оные не токмо от входа церковного и от таинств ея Святейшим Синодом не отлучаются, но и за раскольников тем же Синодом не признаваемы в надеянии том, что они со временем, по благоразумию и кроткому поучению священников, то свое безрассудное упрямство оставят... и от наложенного двойного оклада освобождаются»[2]. Указ об отмене двойного подушного налога обратил сердца миллионов старообрядцев России к императрице.

Постановление об отмене двойного налогообложения было подтверждено в 1782 году. П.И. Мельников писал: «В 1769 году был издан указ о даровании старообрядцам права судебного свидетельства, в 1782 году – об уничтожении двойного оклада...»[3].

М.И. Лилеев писал, что «до ревизии 1744 года малороссийские слободские раскольники платили только оклад, положенный на них Ергольским, «по дворовому числу и по препорции пожитков их», 1519 рублей на год, и добавочный оклад с новоприбылых дворов, изменявшийся в сумме с увеличением последних. А «двойного за раскол окладу с них, раскольников, для порубежнаго их жительства, не имано, дабы они оттого за границу не разбежались», – так свидетельствовала Раскольническая Контора в 1746 году. Ревизия 1744 года не коснулась жителей раскольнических малороссийских слобод: в 1746 году Киевская губернская канцелярия сообщила Раскольнической Конторе, что в Киевской губернии «как раскольников, так и канцелярии ревизии не имеется». Она и действительно в то время их не имела и не ведала. А ведавшую слободских в Малороссии раскольников Глуховскую Канцелярию министерского правления о них не спрашивали. Так они и остались вне ревизии. (ПСЗ. Т. IX, № 7100. Д.Р.К.В. 49, д. 18, л. 86; В.В. Нечаев: Раскольническая

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 63, д. 5452, л. 407.

[2] Собр. постановлений по части раскола. – СПб. 1858, с. 2.

[3] Из доклада П.И. Мельникова «Записка о Русском расколе, составленная Мельниковым для В.К. Константина Николаевича по поручению Ланского (1857 г.)». См. Кельсиев В.И. Сб. правит. свед. о раскол. Лондон. 1860, вып. 1, – с. 182–183; см. также «Записку» П.И. Мельникова в РГБ Ф. 247, № 122, л. 16–17 об.

Контора (1725–1764), с. 20; Опис. док и бум., хран. в Моск. Арх. Мин. Юст. Кн. VII. – М. 1890 г.)»[1].

С 1764 года графом П.А. Румянцевым в Малороссии стал вводиться единый для России подушной оклад, поэтому во время переписи 1765–1767 годов уже всё старообрядческое население Государевой раскольничьей волости платило «подушный оклад» наряду с «рублевым окладом» на консистент.

Во время переписи 1765–1767 гг. ставка подушного налога с «лаврских» и «государевых» обывателей Ардони составляла 72 копейки. «Анфиноген Пешахонов платил «подушных в Киевогубернскую Канцелярию за одну душу 72 копейки». Иван Тепикин платил «подушных за две души – 1 р. 44 к.»[2].

При этом лаврские обыватели Ардони платили подушный налог в Киево-губернскую канцелярию, а обыватели Государевой волости платили подушный налог такого же размера в 72 копейки в «Кантору описных Государевых раскольничьих слобод».

В это же время, в 1767 г., обыватели Государевой волости в слободе Клинцы платили подушный налог в размере 70 копеек с души, о чем было сказано во вводной части переписной «Ведомости»: «Клинцовские обыватели в год... подушной семигривенный оклад з души мужского пола платят в волостную контору»[3].

Как менялась налоговая нагрузка на обывателей слободы Ардонь с 1729 по 1765 год

Об изменении налоговой нагрузки на одного обывателя Ардони при переходе от подворного к подушному налогообложению видно из таблицы (стр. 190).

В 1729 году (Ардонь). 63 семьи ардонских жителей платили 81,13 рубля, то есть одна семья в среднем платила (81,13 р. : 63 семьи) = 1 р. 28,8 коп., при этом на одну душу приходилось (81,13 р. : 195 душ) = 0,41 р.

В 1736 г. (Ардонь)

Подворный оклад в сумме 72 рубля платили 59 семей, то есть по 1 р. 20,2 копейки с семьи, и ещё 11 семей платили подворный оклад в сумме 8 рублей. Каждой из 70 семей в среднем приходилось платить – (80 р. : 70 семей) = 1,14 р.

---

[1] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 503.

[2] ЦГИА Киев Ф. 57, оп. 1, д. 118, л. 1364–1365.

[3] ЦГИА Киев Ф. 57, оп. 1, д. 117, л. 113 об.

Таблица. **Налоговая нагрузка на одного обывателя Ардони (1729–1765 гг.)**

	1729 г.	1736 г.			1765 г.		
					налоги: подушный, за землю и на консистент		
	подворн. налог	подворн. налог	подушн. налог	всего в 1736 г.	поддан. лавры	поддан. Государ. Вол.	всего в 1765 г.
Число семей	63	70	44	114	14	52	66
Число муж. душ	195	198	95	293	42	146	188
Оклад	81,13 р.	80 р.	73,95 р.	153,95 р.	50,65 р.	178,54 р.	229,19 р.
Средний сбор с одной семьи	1 р. 28,8 к.	1,14 р.	1,68 р.		3,61 р.	3,43 р.	
Средний сбор с одной муж. души	**0,41 р.**	0,40 р.	0,77 р.	**0,52 р.**	1,20 р.	1,22 р.	**1,21 р.**

В тех же 70 семьях мужчин – 198 душ. Следовательно, в пересчете на каждую мужскую душу приходилось оклада (80 р. : 198 душ) = 0,40 р.

Подушный оклад в 1736 году в сумме 73,95 рублей платили 44 семьи, то есть по 1,68 р. на одну семью. В 44 семьях мужчин – 95 душ. Следовательно, в пересчете на каждую мужскую душу подушного оклада приходилось по (73,95 р. : 95 душ) = 0,77 рубля.

Со всех 293 душ налогоплательщиков, облагаемых «подворно» и «подушно» в 1736 году, налог составляет 153,95 р. Следовательно, с одной души ардонского обывателя в среднем налог берется (153,95 р. : 293 душ) = 0,52 р.

В 1765 г. (Ардонь)

Подданные лавры (14 семей или 42 души) платят три налога: подушный, за землю лавре и на консистент, итого 50,65 р., следовательно, одна семья платит (50,65 р. : 14 семей) = 3,61 р., а одна мужская душа платит (50,65 р. : 42 душ) = 1,20 р.

Подданные Государевой волости (52 платежеспособные семьи, или 146 муж. душ), платят тоже три налога, которые в сумме исчисляются 178,54 р. Следовательно, 1 семья платит (178,54 р. : 52 семьи) = 3,43 р. Одна мужская душа платит (178,54 р. : 146 душ) = 1,22 р.

Сравнивая показатели средней налоговой нагрузки на одну семью и на одну душу, нам становится очевидным, что к 1736 году с введением подушного налогообложения для части обывателей слободы Ардонь налоговая нагрузка выросла с 0,40 р. до 0,77 р.

К 1765 году с переходом всего податного населения Государевой волости от подворного налогообложения к подушному и с возложением на них консистентных сборов, а на жителей Ардони платы за лаврскую землю, денежная нагрузка на одного Ардонского налогоплательщика выросла по сравнению с 1736 годом более чем в два раза, а по сравнению с 1729 годом – в три раза.

Мы выяснили, что к 1765 году лаврские обыватели (Ардонь, Свяцк, Тимошкин Перевоз) платили три налога, а обыватели слобод Государевой волости (Клинцы, Зыбкая, Злынка и др.) платили два налога, следовательно, налоговая нагрузка на лаврских подданных была больше, чем на обывателей раскольничьих слобод Государевой волости.

Что же удерживало обывателей лаврских селений от перехода в слободы ведомства Государевой волости?

Прежде всего, запреты. В 1763 году после проведения поголовной и подымной переписи населения Малороссии было частично

ограничено право свободного перехода крестьян к другим землевладельцам, а в 1783 году последовало окончательное закрепощение владельческих крестьян.

Кроме того, лаврские подданные в отличие от «государевых» в мирное время (но не в военное время) были ограждены от многих общественных работ и повинностей, которыми были отягощаемы обыватели слобод Государевой волости сверх налоговых сборов.

Выводы

Переписи обывателей Государевой волости раскольничьих слобод Малороссии (1718, 1729, 1736, 1765 гг.) отражают последовательно сначала подворное обложение (перепись 1718–1729 гг.), затем смешанное налогообложение, когда в одном селении часть населения платит подворный налог, а другая часть – подушный налог (перепись 1736 гг.), и, наконец, полную замену подворного налога подушным обложением (перепись 1765–1767 гг.).

Первыми на территории Малороссии подушный налог (оклад) стали платить обыватели описных раскольничьих слобод Государевой волости и прежде всего те, которые вышли из-за Польского рубежа на призыв пригласительных указов императрицы Анны Иоанновны в 1731–1735 годах.

С 1741 года подушный налог был введен в старообрядческих слободах, подчиненных Киево-Печерской Лавре.

После 1763 года подушное налогообложение было распространено на всех обывателей Государевой волости Малороссии и на всё малороссийское население.

При сравнении средней налоговой нагрузки на одну семью и на одну душу выявляется, что с переходом от подворного обложения к подушному денежная нагрузка выросла с 0,41 р. (в 1729 г.) до 0,77 р. (в 1736 г.).

К 1765 году с переходом всего податного населения Государевой волости от подворного налогообложения к подушному и с возложением на них консистентных сборов, а на жителей Ардони платы за лаврскую землю, денежная нагрузка на одного Ардонского налогоплательщика выросла по сравнению с 1736 годом более, чем в два раза, а по сравнению с 1729 годом – в три раза.

Перепись 1765–1767 г. обнаружила, что в слободах Государевой волости (Клинцы, Зыбкая, Злынка и др.) обыватели платят два налога: подушный и на консистент, а в слободах Киево-Печерской Лавры обыватели платят третий налог Лавре «за землю и за увольнение от всех подданнических повинностей».

Ставка налога «за землю», взимаемая Лаврой с обывателей Государевой волости, живущих на их земле, строго привязана к размеру пахотного надела обывателя и не зависит от того, засевается земля или не засевается.

Ставка налога «за землю», взимаемая Лаврой со своих подданных, также не отражает вложенного в землю труда, но зависит от наличия или отсутствия семейного промысла и несет признаки социальной опеки своих подданных (больных, престарелых, вдов).

Налоги в 1780-е годы

«По силе Высочайшего Именного указа от 10 апреля 1786 года в коронное владение причислены казенные крестьяне, бывшие во владениях монастырей епархии Киевской, Черниговской, Новгород-Северской и Белгородской, а Архиереям и монастырям из казны Е.И.В. денежное содержание определено»[1].

Этот указ распространялся на обывателей Ардони, как на бывших монастырских, так и на бывших «государевых» и на не записавшихся в мещанство и остающихся крестьянами. Все они были приписаны к Казенному ведомству.

Следствием указа стали также изменения в размерах окладных и неокладных сборов.

А.Ф. Шафонский привел выписку «О государственных в наместничествах доходах окладных и неокладных». «Вместо рублевого оклада с мещанских, казачьих и крестьянских жилых (домов) изб и вместо хозяйственных доходов с некоторых коронных имений собирается ныне, по силе Высочайшего Именного 1783 г. мая 3 дня указа:

– с купцов с капитала – по 1% с рубля;

– с мещан и казаков – по 1 р. 20 к. с души;

– с крестьян коронных подушных – по 70 копеек, а вместо работ оброчных по 1 р. с души;

– с владельческих крестьян – 70 копеек с души;

– да накладных со всех подушных (окладов) по 2 копейки с рубля;

– с крепостей – по 6 копеек с рубля;

– с тяжебных дел пошлина – какая по законам положена;

---

[1] Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким описанием Малыя России. – Чернигов. 1786. Переизд. – Киев. 1851, с. 162.

– указом Правительствующего Сената 25 апреля 1782 года присланным в Чернигов Наместническим правлением велено в Малороссийских наместничествах тяжебные дела все производить на гербовой бумаге, которая до того из употребления вышла»[1].

Налоги в 1802 году

О налогах, которыми облагались жители посада Ардонь в 1802 году, узнаем из «Журнала заседаний Ардонской Ратуши».

«1802 года, Ноября 10 дня, в понедельник... Слушали рапорт старосты Ардонского, коим доносит, что мещане ардонские Илья Конорищцев с братьми в 4-х душах, проживая в посаде Клинцовском состоят неплатежными за 802 год подушных за 2-[ю] половину с накладными и почтовыми с 4-х душ – 5 р. 20 к, рекрутских с зачотом караулов – 12 р., да общественных 2-го расположения – 4 руб., в чем просил сию сообщить Клинцовской ратуше. Определили: как оной староста просит по казенным и общественным недоимкам сообщить, то и сообщим с тем, дабы оная Ратуша за взысканием означенной недоимки переслала в сию Ратушу, в противном же случае выслать оных мещан самих... к расплате возлагаемой на них недоимки»[2].

Из приведенной записи видно, что налоги складываются:

1. Из «подушных за 2-[ю] половину с накладными и почтовыми с 4-х душ – 5 р. 20 к.». Если помножить 5 р. 20 к. на 2 (две половины года) и разделить на 4 (4 души), то получим

по 2 р. 60 копеек с души за год.

2. Из «рекрутских с зачотом караулов – 12 р.». Ещё по 3 рубля в год с мужской души.

3. Из «общественных 2-го расположения – 4 руб.». Ещё по 1 рублю в год с мужской души.

Итого в год с одной мужской души по 6 рублей 60 копеек.

---

[1] Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким описанием Малыя России. – Чернигов. 1786. Переизд. – Киев. 1851, с. 200.

[2] ГАБО Ф. 146, оп. 1, д. 3. Журнал заседаний Ардонской ратуши 1802 г., л. 251.

Глава 3.
Религиозная жизнь в старообрядческой слободе Ардонь

3.1. Беспоповцы

В старообрядческих слободах Стародубья и сопредельной Ветки до начала XVIII века старообрядческое население в религиозном отношении представляло собой единое духовное тело. Приверженцев древлего благочестия объединяли вокруг себя несколько священников старого дониконианского крещения и старого рукоположения, жившие за границей в Ветковских слободах. Приграничное положение и близкое соприкосновение двух старообрядческих провинций (Ветки на территории Речи Посполитой и Стародубья на территории Гетманской Малороссии) способствовало укреплению духовых, торговых, культурных и даже родственных связей между старообрядцами.

Расслоение старообрядцев России на поповцев и беспоповцев началось в последнем десятилетии XVII века. Первыми заявили о своей исключительности старообрядцы, которые соборно в 1692 и 1694 годах объявили о признании «учения» «о духовном антихристе». Согласно этому «учению», «последнее время» уже наступило, «антихрист» уже явился на землю духовно и воцарился на олтарях Господствующей Греко-российской церкви, священство Господствующей церкви лишено благодати Божией, и поскольку скоро грядет второе пришествие Господа Иисуса Христа, то ради спасения душ лучше оставаться без священства. Проповедники этого «учения» скоро явились на Ветке и в Стародубье, где нашли себе тысячи единомышленников.

А в 1695 году священник Феодосий освятил в заграничной слободе Ветке старообрядческую церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, пригласив в сослужение священников из России, крещение которых при рождении было проведено по старым книгам, а рукоположение во священнический сан – по новым книгам, напечатанным после реформы патриарха Никона.

Весть об участии в освящении храма священников, рукоположенных епископами Греко-российской церкви, поврежденной «антихристом», вызвало смущение в рядах старообрядцев, уверовавших в беспоповское «учение» об отсутствии благодати Божией на

«слугах антихриста». Начались споры, обличения, взаимные обвинения, проклятия. А вскоре на Ветке приняли в старообрядчество священников «нового крещения» и «нового рукоположения».

Наблюдалось стремительное расслоение старообрядческого общества на поповцев и беспоповцев. Но число единомышленников Феодосия быстро росло. Со всей России на Ветку потянулись богомольцы за святым причастием, на Ветку потекла богатая милостыня. Ветка быстро превращалась в духовный центр старообрядцев поповского согласия. Рядом с храмом Покрова Богородицы возникли монастыри мужской и женский.

Не дремали и беспоповцы, укрепляя свои позиции среди старообрядцев Ветки и Стародубья. Посланцы беспоповского Выга и беспоповцев Керженца вели среди старообрядцев Ветки и Стародубья деятельную пропаганду, стремясь удержать от присоединения к поповцам колеблющихся последователей древлего благочестия.

Укреплению и консервации беспоповского мировоззрения в рядах старообрядцев Стародубья способствовала политика правительственных гонений на старообрядцев, которая давала о себе знать и в удаленном от центра России Стародубье. Здесь, как и по всей России, запрещалось старообрядцам строить монастыри, церкви и принимать от Греко-российской церкви беглых священников. Спасительной Палестиной для старообрядцев поповского согласия Стародубья долго, в течение первой половины XVIII века, оставалась Ветковская старообрядческая провинция, находившаяся рядом, за границей, на территории Речи Посполитой.

Население старообрядческих слобод Стародубья по своим религиозным взглядам всегда оставалось смешанным, с преобладанием в каждой слободе числа последователей того или иного согласия. В слободе Злынка еще с начала XVIII столетия преобладали беспоповцы федосеевского согласия, в слободах Деменка, Клинцы и Ардонь – беспоповцы поморского согласия. Значительным было влияние Ветковского беглопоповского согласия. Наряду с Ветковским согласием сильные духовные позиции имели в Стародубье последователи других беглопоповских согласий: Диаконова и Епифаниева.

С начала XIX века под давлением правительства началось присоединение старообрядцев к Греко-российской церкви на правах единоверия. Единоверческие приходы появились в большинстве старообрядческих посадов и слобод. С середины XIX века началось и параллельно набирало силу новое движение старообрядцев поповского согласия, объединившихся вокруг иерархии Белокриницкого поставления.

К началу XX века старообрядчество в России оставалось разделенным на поповцев и беспоповцев и раздробленным на разные согласия, но всё более мощным и ведущим становилось Белокриницкое согласие – возродившее в России традиции и обряды Древлеправославной Старообрядческой церкви.

Из истории старообрядчества в Ардони с начала XVIII века

М.И. Лилеев писал: «О первоначальном появлении беспоповцев в Стародубье имеются следующие данные. Самый первый по времени из существующих доселе толков беспоповщинской секты, – толк Поморян или поморский, Даниловщина, по имени Данила Викулина, – укоренился в некоторых из Стародубских слобод еще в самом начале XVIII века, например в Ардони или первоначально называемой «Чернецкой слободе», а также в Деменке и Клинцах, где беспоповцы жили смешанно с беглопоповцами и большею частию в значительном меньшинстве, сравнительно с последними. Кроме указанных слобод, безпоповцы селились в незначительном числе и по другим раскольничьим слободам. Были случаи поселения их отдельными семействами и по малороссийским селам и деревням, как и по городам Малороссии (о чем сообщают компуты 1723 года, листы 317 об. и 448 А.Л.). В Ардони Поморцы основались с 1710–1711 года, то есть со времени первоначального ее заселения. В «Сказании о раздоре в крещении», написанном в 1751 году по поводу послания 1720 года Спиридона Иванова, поморского наставника в Ардони, передаются подробности о первоначальном положении местной беспоповщинской общины:

«В прошлых убо летех до настоящаго ЗСКИ (то есть 7228 года от сотворения мира, или 1720 года от Рождества Христова) в Чернецкой слободе, глаголемой Ордони», говорится в этом замечательном по языку и историческим подробностям Сказании, «людие в великой теплоте веры христианския и любви общей правимы быша, по благосоветию отец Поморских, и в тех советах. Но яко умножающуся верных и нужды настоящей многой явися в делах духовных, соблаговолиша отцы дати чернеца от своея обители (Выговской пустыни или Выгорецкой обители) Саватия, такожде и от бока своего мужа добре ведяща правильный разум и советы отец, сего Спиридона Иванова, соблаговолиша послати в правление тамо дел церковных, который быв иногда довольная времена на Низу (в Поволжье) и между многими учители незазорный бяше диспут, его же словес не вем, кто стояти противный возмог бы. Егда же сей, по благосоветию премудраго Андрея (Денисова), при-

был во Ардонь, истину глаголю, просвети лице церковное в учении аки солнце, и во многия страны лучи своего разума простре, и от многих стран за предивное учение очи к себе обрати и вся внешняя церкви посрами. О коликая тогда весна в людех показася, яко ленивии тогда многие плоды благие приношаху! Кий же тогда дух радости в ревнителех пребываша! Во всех бо духовная благодать растяше; вси в день недельный и праздничный течаху во един храм молитвенный слышати медоточных того словес и насладитися пиршества духовнаго».

Таким образом, по этому "Сказанию", первыми поморскими наставниками в Ардони были: чернец Савватий и Спиридон Иванов; последний действовал здесь до времени "Решилова гонения"[1], когда бежал вместе с другими в Волощину. В одном из рукописных раскольничьих сборников Высокопреосвященного Макария замечено о Спиридоне Иванове, не без преувеличения, конечно, что он «просветил светом благочестия всю Украину»[2].

О прочных духовных и деловых связях старообрядцев-беспоповцев слободы Ардонь с последователями Данилы Викулина, жителями выговской поморской общины писал профессор Н.М. Никольский: «Постепенно из первобытной коммуны выговская община превращалась в крупное торгово-промышленное предприятие на артельных началах. Появились выговские конторы и агенты в Вытегре, на заводах в Петрозаводске, Москве, Нижнем и даже в Стародубье (в Ардони). При конторах были постоялые дворы и амбары, где выговцы «своих людей держаша для торгу и приезду всех». Во всех этих пунктах образовались, конечно, и религиозные поморские общины...»[3].

О религиозных взглядах старообрядцев-беспоповцев поведал протоиерей Андрей Иоаннов Журавлев, который «описал беспоповщину для того, что мне она знакомее, и что я сам в ней до соединения моего со святою Церковью находился». Говоря о беспоповском Поморском согласии, А. Журавлев писал: «Главное их учение состоит в следующем: первое, приходящих от святой Церкви к их заблуждению вторично крестят. Второе, несомненно верят, что антихрист пришел и царствует ныне видимо, то есть духовно; что истребил он из Церкви все таинства и всякую святыню.

---

[1] Иеромонах Иосиф Решилов в 1719–1722 годах занимался миссионерской деятельностью среди старообрядцев Стародубья.

[2] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 339–340.

[3] Никольский Н.М. История Русской церкви. – М. 1983 г., с. 256.

Третье, в молитвах и службах своих о здравии Государей наших, в противность священнаго писания, Бога не молят, и Императорами не называют: «понеже де се имя не Русское и прежние Цари так не называлися». Четвертое, брачное супружество совершенно отвергают под изветом неимания православнаго священства; почему обязывают всех жить девственное, и женатых по перекрещивании разводят на чистое житие, в чем однакожды ныне стали гораздо снисходительнее, и за то от Феодосиан еретиками называются. Пятое, из двух частей сложенный крест Христов безсовестно ругают, называя его печатью антихристовою, кумиром и мерзостию запустения. Шестое, ко огнесожжению многую склонность имеют; и за самоубийц Бога молят, признавая тех за святых страдальцов. Седьмое, учат на трисоставном кресте не делать надписи: Иисус Назарянин Царь Иудейский, как от самовидца сей титлы святаго Богослова во Евангелии написано; а паче де четырьми литерами под титлами того творити не подобает; се бо, говорят, «ересь Латинская, Никоном нововнесенная; надписывати же подобает, Царь славы IC XC Сын Божий, как во время благочестия в России до Никона делали»[1].

1720-е годы, о которых говорится в «Сказании о раздоре в крещении», Ардонь и некоторые другие слободы Стародубья «гудели» от религиозных споров. На устраиваемых диспутах спорили «учители», «наставники», просто грамотные, начитанные священного Писания обыватели, которых было достаточно много в старообрядческих слободах.

Из того же «Сказания» далее открывается, продолжает М.И. Лилеев, что уже во время Спиридона Иванова у слободских беспоповцев происходили внутренние несогласия и раздоры, главным образом по вопросу о второкрещении православных, переходящих в беспоповщинский раскол. Виновниками этих внутренних несогласий и раздоров явились некоторые из переселившихся в Стародубье беспоповцев «от Понизовых пустынь», а именно ими были: Макар и Иван Осиповы, Афанасий Стрелков, Петр Кривой и др. Дело в том, что, по словам этого источника, «по совету высших в разуме мужей, обще положено и сперва, яко поморских, чтобы до числа 1667-го от числа 1663-го крещенных, аще и в новинах, не второкрестити от тех попов, кои крещены по старому, а по новому ставлены... Посему и бегствующих попов, кои крещены по старо-

[1] Журавлев А.И. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах. – М. 1890, с. 90–91, 100–101.

му, а по новому ставлены, крещеных от сих на-твердо не повелеша премудрии мужие второкрестить».

Понизовые учители держались в этом отношении иной практики и уверяли «предивнаго учителя Спиридона, почто не второкрещает таковых», и увещаний его «писанием и отеческими прежде бывшими советы не слушали. И сего ради наста ему нужда писати до поморских и понизовских отец, да утолять их мятеж и умирять церковь. И тии разная послания мудрая до них писаша, гаждающе их дело мятежа церковнаго; но ни чтоже и тии успеша. И тако отскочиша от исполнения церковнаго и устроиша самочинну свою церковь, крестяще не повеленных им...».

Были в то время и другие «развращеннейшие и безумнейшие второотщепенцы, сих первых далече от себе отделяюще, в толику дебрь сомнения заблудиша, яко мало что новокрещенцев еретиков недостигоша крещением, зане... за грехи не крестиша, а за малое некое умышление в себе новокрещахуся. Тем же многажды крещающеся, неции в них не токмо трикратно, но и четверократно крещаемы быша, коего ради беззакония яко сония возстающаго погибоша сии и память их погибе».

С прибытием «из Нижнева» некоего уставщика Якова Семенова, «мужа свирепаго и упрямаго обычая», число отделившихся еще более увеличилось и простиралось до 300 человек.

В 1728 году к слободским беспоповцам поморского толка «прислан был от Поморья для церковных некоторых смотрений муж премудр, зная учение риторско, Леонтий Феодосиевич». Это был один из довольно известных пропагандистов поморского толка, сначала в Новгороде, где он неоднократно обличал и посрамлял там учителей другого беспоповщинского тола – Федосеева, названного так по имени Феодосия Васильева, дьячка Крестецкого яма, происходившего будто бы из рода бояр Урусовых. О стародубской его деятельности упоминается и в указанном выше «Сказании о раздоре в крещении», также и в некоторых сочинениях Ивана Алексеева, по выражению которого Леонтий Феодосиевич, человек «от боку Андрея Денисьевича бывший», то есть самый близкий Денисову, в бытность свою в Малороссии, во время пребывания там Ивана Алексеева, говорил и действовал в пользу «новых браков», пропагандируемых Алексеевым. По словам «Сказания», деятельность его здесь ограничивалась, главным образом, вопросом о раздоре в крещении и сопровождалась успехом, так как ему удалось перетянуть на свою сторону на некоторое время вышеупомянутого уставщика Якова Семенова, который и уговорил некоторых из своих примириться «на то, чтобы не второкрестити от тех рукоположенцев». Вышеупомянутые же Макар и Иван Осиповы,

потом вновь выдвинувшиеся наставники – «Федор Иванов, Федор Фомин с подобными во своем осташа. И времени некоему минувшему, помалу и малу наставники добрые во Ардони оскудеша; тогда Иякова оного превзяся рог и обет свой преступи в крещении: паки нача от оных новорукоположенцев второкрестити, и в сие не токмо с ними пришедых, но и до него бывших привлече, и в том без раскаяния умре».

Вновь выдвинувшиеся в Ардони наставники охарактеризованы в «Сказании» так: «сии обои Федоры внешним видом воздержницы, суще житие безженное ведут, мяс едения удаляются, пития хмельного зело ненавидят, сладких пищей не имут, одеждами худыми уловляются[1], и сих ради внешних их вин, сотесняеми нуждею, мнози очи свои на ня обратиша, но суетно. Ибо по внутреннему достойни, суще отвращения, яко невежества в разуме великаго исполнени, суще бо породы поселянския и некоих неук отроды, истиннаго разума в писании неискушенны, и далече суще того седалища: обои бо быша держащии рало; но Федор Иванов при рале и ковач бяше, в великим уже возрасте часовник и псалтырь изучи, и ради чистаго его единаго жития во отцы духовные таковии же слепо и нужно введоша. А сам сей мнимый духовник от многих уже лет духовнаго отца себе не имат, по сущему свидетельству благоразумнаго старца, мужа добля Ивана Иванова, известнаго ведателя, такожде и по сказанию Ивана Макарова, бывшого у того за страх смерти на исповеди, яко при символе веры слышал его вопрошающа: брак настоящий за отступление ли вменяет веры?»[2].

М.И. Лилеев сообщает еще об одном наставнике ардонских беспоповцев: «Беспоповец, некий Василий Иванов, вышедший из Чернораменских скитов, проживая в начале 1720-х годов в стародубской слободе Чернецкой, учил «от святаго писания о временах и летех и о царстве антихристове, и о печати его, и о Илии и Енохе, и о мерзости запустения... А таинства де никакова и причащения не имеют, но токмо де верою приемлют; и святой де Ипполит написал: во днех де оных не имвать явитися тело и кровь Христа Спасителя нашего, по числу 1666, и обещания демонским ни в питии, ни в ядении, ни в молении, кроме своего согласия, не имели... А обычай де у них сицевым духовным мужам избрание бывает от всех их согласия: ежели прочесть и пропеть и крест исповедать на кого соборне укажут, той и действует». Сам Иванов как учитель «святого писания изучил только часовник да псалтирь, да

---

[1] «...одеждами худыми уловляются» – носят одежды простые, бедные.

[2] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 339–343.

книг де святых читал по силе своей...» (П. с. п. И р. по вед. Пр. исп. т. IV, № 1323, ст. 163–164; Ср. «Сказание о раздоре в крещении» поморскаго наставника в Ардони. Рукоп. сборн. Хлудов. биб. № 352, лл. 286 об.–290. Мат. для ист. раск. на Ветке и в Старод. III, стр. 14–18»[1].

«Таковы были, по словам «Сказания», те беспоповщинские наставники Ардони, которые «помрачили аки темные враны благолепие церковное», и «от гракания» которых «смятошася чувства многих, и сладких песней истинных славиев многие не возмогоша добре разумети»[2].

После Ветковской выгонки 1735 года положение «учителей», «наставников», «старичков» резко ухудшилось и многим пришлось покинуть старообрядческие слободы Стародубья. В 1735 году, 4 сентября, был обнародован сенатский указ. Этим указом повелевалось, в видах пресечения распространения раскола и приобретения им новых последователей, «всякими удобными способами разведывать» о раскольнических учителях и наставниках и по разведании «тех наставников и учителей всех брать под крепкий караул», а мирских раскольщиков «всякими способами увещевать к обращению, обнадеживая их облегчением податей». На них же было распространено и действие сенатского указа от 21 марта 1736 года, который грозил наказанием раскольникам за подговор к переходу из православной веры в раскол и распространение раскола и обязывал раскольников не крестить детей по старому обряду и не учить их расколу, а венчающихся не содержать раскола[3].

М.И. Лилеев писал: «В Стародубье эти меры против раскольников правительства Анны Иоанновны привели к тому, что «весь духовный чин» слободских раскольников, попы, учители и наставники, чернецы и черницы из описных слобод были по раскольничьим показаниям «без остатку все разобраны и разосланы по разным монастырям и скитам, а иных многих растригали и в службы определяли...».

Иллюстрацией к сказанному может служить «дело 1737–1739 гг. о наказании жителей раскольничьих Митьковой и Климовой слободок в Малороссии, войта Федора Краснобая с товарищи за оказание сопротивления взятию из скита раскольничьих монахов и послушников»[4].

---

[1] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 278–279.

[2] Лилеев М.И. Там же, с. 343.

[3] ПСЗ. IX. №№ 68012, 6928.

[4] РГАДА Ф. 248, оп. 14, кн. 790, д. 53, лл. 621–676.

Гонения 1738–1739 годов настолько запали в память старообрядцев, что даже в 1760 году старообрядческие священнослужители остерегались переселяться из-за Польской границы в Малороссию. В «Деле 1760 года по прошению зарубежных раскольничьих монахов и других лиц об условиях поселения в Малороссийских раскольничьих слободах и других местах Малороссии» говорится: «и ныне к выходу из Польши никого не является, что духовный чин из Польши не выходит, а имеет о том великое опасение, что учинилось в прошлых 1738 и 1739 годех в описных государевых слободах...»[1].

Вот почему автор «Сказания о раздоре в крещении» записал: «И времени некоему минувшему, помалу и малу наставники добрые во Ардони оскудеша».

Особенно деятельное участие в преследованиях раскольнических попов, чернцов и черниц, беспоповщинских наставников и учителей, – продолжает М.И. Лилеев, – принимал тогдашний стародубский полковник Афанасий Прокофьевич Радищев (1734–1741 гг.). Долго потом слобожанам, поповцам и беспоповцам были памятны его преследования как время, когда у них явилась «великая нужда в духовности», то есть попах, наставниках и учителях.

Самый факт «проискивания попов» в Стародубье имел место в 1738–1739 годах. Не менее энергично и ретиво преследовал слобожан преемник Радищева по стародубскому полковничеству Федор Дмитриевич Максимович (1741–1755 гг.), «поручик гвардии, сын известного мазепинца, генерального эсаула при Мазепе, и племянник черниговского архиепископа Иоанна Максимовича».

В его время слободские раскольнические попы должны были скрываться, тайком крестить детей, тайком совершать богослужение и браки; были и такие нередкие случаи, что слобожане по ночам украдкой отправлялись к своим попам, чтобы только окрестить детей и не выдать тщательно скрывавших местожительство своих духовных руководителей. В то же время отбирались у слободских раскольников не только разные раскольнические «тетратки», «книжки или печатныя или писанныя письма», но и захватывались при обысках полковыми и сотенными властями медные иконы и другие уважаемые раскольниками старинные вещи, например, даже «сребныя копейки, коим в народе ходить указом запрещено» и пр.

Из доношений Максимовича в канцелярию министерского правления видно, что он был хорошо ознакомлен с положением раско-

---

[1] Лилеев М.И. Новые материалы для истории Раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. – Киев. 1893, с. 208.

ла не только в описных стародубских слободах, но и соседних заграничных в Польше. Главным агентом его в этом случае был слободской заводчик Никита Коренев, бывший раскольник беспоповщинского толка (из Ардони). Так, например, в доношениях Максимовича 1747 года говорится: «о поставленной в Польше близ рубежа в Гомельской слободке Спасовой раскольниками церкви, о припровождении в слободы попов тайно и творящих по раскольнически исправления церковные, о прибавлении еще вновь церквей раскольниками, описных Стародубских слобод жители, о сысканых антиминсах и постановлении себе епископа, публичных часовнях и при них колоколах, отправлении вечерней, утреней и часов, погребении мертвым, о живущих в слободах прикровенно попах, и о других в тех слободах живущих раскольниках, кои де желают себе православных иереев из России с некими резонами взять, и хотящих соединитися святой церкви»[1].

Преследования, с одной стороны, строгая внутриобщинная дисциплина, с другой стороны, делали старообрядцев сплоченными перед внешними обстоятельствами. О том, какие порядки царили внутри общины беспоповцев Ардони, известно из дел, сохранившихся в архиве канцелярии Киево-Печерской Лавры.

Старообрядческая община стремилась подчинить себе всех пришельцев, коими чаще всего были беглецы из России и переселенцы из Малороссии, не разделявшие взгляды беспоповцев. Их принимали на жительство в качестве соседей и подсоседков.

М.И. Лилеев писал о таких поселенцах: «Они принимались с полною охотою. Им предлагали приют, помощь на первое обзаведение в хозяйстве, приискивали подходящую работу, и, в конце концов, увлекали их в свою секту. Путем перехода на житье в раскольничьи слободы даже малороссияне делались раскольниками»[2].

В 1740-х годах Поморцы в Ардони были уже настолько сильны, что принуждали к переходу в свою веру как живших среди них беглопоповцев, так и случайно поселявшихся здесь православных, как видно из дела Ардонского беглопоповца Зябкина и православного зятя его Иваненка (1748–1770 гг.).

«В канцелярии Киево-Печерской Лавры Зябкин рассказывал, что православный зять его, хохол Лаврен Иваненко, женившийся пред тем лет за 20 и живший в с. Уношеве, Новоместской сотни,

---

[1] Лилеев М.И. Новые материалы для истории Раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. – Киев. 1893, с. 497–499.

[2] Лилеев М.И. Там же, с. 112.

около 1748 года перешел на житье в слободу Ардонь, «и определена ему хата против его Зябкина двора через улицу, в которой хате по малом времени родился у них сын Степан. Когда же онаго сына, по прошению родителей, поп Голубовский в благочестивую веру окрестил, то все слободские ардонские раскольники онаго его зятя с женою возненавидели, и ни в какие заработки употреблять не стали, и из той хаты выгнали, и определив оному зятю жить на дворе Зябкина в другой избе» ... Притеснения кончились тем, что Иваненко «прельщен был з женою своею войтом Ардонским Василием Тепикиным и стариками ардонскими в беспоповщину, и в часовню их он з женою Василисою хаживали, а у него, Зябкина, никакой уже посуды позичать и в хату до него ходить и с его Зябкина сынами разговаривать не стали, и все беспоповщины раскольники им милостыню давали»... затем, когда «по доносу Голубовского[1] священника Лищицкий управитель монах Галактион приказал себе представить Иваненка с женою, то оказалось, что они «неведомо где делись»; «а надежно-де», говорил Зябкин, «войтом и старикам расколу беспоповщины кудысь сосланы»[2].

О нравах ардонских беспоповцев свидетельствует еще одно замечание М.И. Лилеева: «Между прочим. Зажиточные Ардонские поморцы «ни в какие заработки не употребляли» местных беглопоповцев и православных, не давали милостыни и даже выгоняли. При этом М.И. Лилеев ссылается на хранящееся в Архиве Черниговской духовной Консистории дело (№ 484, листы 9–10) о принятии жительствующего в ведомстве Киево-Печерской Лавры, в селе Богородицком[3], раскольника Зябкина в православную веру, который потом опять отступил (1748–1770 гг.) в раскол.

«Из того же дела, – продолжает М.И. Лилеев, – мы знакомимся с обрядами и обычаями местной беспоповщины. В этом отношении особенного внимания заслуживают «Запросные и ответные пунк-

---

[1] Село Голубовка расположено в трех километрах к северо-востоку от Ардони и в XVIII в. находилось во владении Лыщицкой волости Киево-Печерской Лавры, как и Ардонь.

[2] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 112–113. Ссылка на Архив Черниг. Дух. Конс. № 484, лл. 9–10.

[3] Село Богородицкое – так стало назваться поселение, в котором лаврские монахи объединили в 1741 году монастырских малороссийских крестьян, поселенных лаврой на левом берегу речки Ардёнки, со старообрядцами, жившими на правом берегу, в слободе Ардонь. Но название «село Богородицкое» закрепилось только за поселением на левом берегу. Поселение старообрядцев на правом берегу сохранило название Ардонь.

ты» Ардонского войта Василия Тепикина, беспоповца, по делу о совращении в «беспоповщинский раскол» зятя Зябкина, «хохла Лаврена Иваненка», сделанные и данные в канцелярии Киево-Печерской Лавры 20 июля 1753 года. Эти запросные и ответные пункты напечатаны нами под № 32 в Материалах из ист. раск. на Ветке и в Стародубье, страница 166–171».

«Старики, их учители беспоповщины, показывал войт, обыкновения не имеют венчать и не венчают; а кто захочет жениться, то отсылают для венца на Ветку к попу, и ходят туда к попам все желающие женитись, а не венчанные попом у беспоповщине не живут. А для чего та отсылка к попам для венца, в противность безпоповской уставы, делается, то он Василий, не знает; ежели б же то для венца к попу не хотел пойти, то тому женитись без попа не велят. А после венца кто захочет жить в поповщине или в беспоповщине, того не запрещают, токмо уже женившися обеих персон в часовню внутрь не пустят дотоль, пока будут у них дети родитися; а когда детей уже не станет, и они не станут ни с кем, кроме беспоповщиков, ясти и пити, в то время опять в часовню ходить допустят. И таковые женатые люде все, на молитву пришедши в часовню, стоят в сенцах часовни и под окошками, а внутрь им входить нельзя».

Относительно отправления «моления» в часовне и «мирских треб» тот же Тепикин показал: «Моление в часовне: утреня, часы и вечерня. А отправляют на то избранные, по совету тех стариков, кои в часовню внутрь входят, грамотные и постоянные старички, между которыми еден главный, вместо попа имеется, который главный старичок рождающих крестит в часовне таким порядком, как в Требнике напечатано, точию миром не помазует».

Для избежания возможных преследований и розысков со стороны Киевопечерских властей, противореча даже самому себе и положительным указаниям вышеупомянутого «Сказания о раздоре в крещении», Тепикин рассказывал в канцелярии Лавры далее, что «в слободе Ардони такова старичка не было и ныне нет; токмо бывало призывают з слободы Клинцов, и у него, Василия, четверо детей бывший в сл. Клинцах старичок Федор Коваль также крестил. Оной же Федор бывало в Ардоне и служил утреню, часы и вечерню, и их раскольников всех все поста исповедует, токмо не причащает ничим, и за грехи покуту налагает, також при смерти исповедует и мертвых погребает таким порядком, как в Требнике напечатано, точию воды святой нет и оливою очей не заливают. И по погребении, панахиды он, старичок, служит... А временем бы-

вает, что и простые умершаго погребают, да уже у Клинцах отправляет старичок опосля погребение и панихиды»[1].

Существенным дополнением к ответам Ардонского войта Тепикина относительно обрядов беспоповщины служит показание Константина Степанова Зябкина, тестя совращенного в беспоповщину «Лаврена Иваненко», данное в канцелярии же Киево-Печерской Лавры 28 апреля 1753 года. Он между прочим показал: «Раскол поповщину содержащих... беспоповщину содержащие в часовню не допущают, и купно с ними ни ядят, ни пьют; а детей обоих расколов венчают и крестят попы раскольничие заграницею. А погребают мертвых сами собою, только взимают з гробов землю и к заграничным раскольничьим попам для поминовения и разрешения умерших возят, и обратно тую на гроба привезши посыпают, и всему в ту пору народу случившемуся, смекая по имуществам, деньги и пироги роздают. Особливо же по умершем в беспоповщине того расколу людям деньги на поминовение по домам разносят и по окошках накладают со объявлением умершаго имени; тоже чинят на третини, шестини, девятини и сорочини»[2].

О часовне старообрядцев беспоповского согласия Ардони

Часовня беспоповского согласия существовала в Ардони с момента основания слободы. С первых лет поселения в Ардони протекала насыщенная религиозная жизнь, взрываемая спорами между наставниками, приезжавшими с Выгорецкой пустыни и с Керженца.

В цитируемом М.И. Лилеевым Сказании о Чернецкой слободе, написанном около 1720 года, повествовалось о спорах между беспоповскими наставниками и учителями разных согласий, о Спиридоне Иванове, который прибыл в Ардонь по благословению Андрея Денисова, «просветил своим учением одних и посрамил других». Там же говорилось об Ардонской часовне-храме: «О коликая тогда весна в людех показася...Во всех бо духовная благодать растяше; вси в день недельный и праздничный течаху во един храм молитвенный слышати медоточных того словес и насладитися пиршества духовнаго»[3].

Существование беспоповской часовни в Ардони подтверждает в 1753 году Константин Зябкин в своих показаниях в канцелярии

---

[1] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 343–345.

[2] Лилеев М.И. Там же, с. 345.

[3] Лилеев М.И. Там же, с. 339–340.

Киево-Печерской Лавры: «Раскол поповщину содержащих... беспоповщину содержащие в часовню не допущают...»[1].

О часовне старообрядцев беспоповского согласия в Ардони говорят и материалы переписи 1781 года: «В сей слободе часовня деревянная [в которой отправу по своему обряду делают сами обыватели, попа же никакова не имеют], одна»[2].

О названии часовни старообрядцев беспоповского согласия узнаем из «Дела о переписке с Земским комиссаром о существовании старообрядческих церквей и часовен в Черниговской губернии в 1822–1823 гг.», где сказано, что «в посаде Ардонском: часовня (поповского согласия) деревянная небольшая теплая во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и часовня или молитвенный дом секты беспоповцев, деревянная, теплая Успения Пресвятыя Богородицы»[3].

В Историко-статистическом обозрении современного старообрядческого раскола в Черниговской епархии Д.И. Скворцов привел сведения о старообрядцах посада Ардонь по состоянию на 1900 год:

«В Ардони беспоповцев 700 человек (м.п. – 300, ж.п. – 400). Кроме беспоповцев, последователей других толков в Ардони нет. У них имеется своя моленная, при которой наставником состоит мещанин Исидор Герасимов Смирнов, а попечителем – Семен Павлов Корявин. Братья наставника Исидора Герасимова – Гавриил и Порфирий известны как начетчики»[4].

Община старопоморского согласия

В посаде Ардонь жили старообрядцы беспоповцы Старопоморского согласия, придерживавшиеся безбрачия.

В Ревизской сказке, составленной в 1851 году, есть выписка, дающая некоторые сведения о беспоповцах Старопоморского согласия в Ардони:

«Секретно по Высочайшему Повелению дополнительная к №№ 24, 32 ... Ревизская сказка 1851 года октября 11 дня Черни-

---

[1] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 345.

[2] Описание Новгород-Северского наместничества, 1779–1781. – Киев. 1931, с. 230–231.

[3] ГАЧО Ф. 128, оп. 1, д. 2450. «Дело о переписке с Земским комиссаром о существовании старообрядческих церквей и часовен ...1822–1823 гг.», л. 17.

[4] Скворцов Д.И. Историко-статистическое обозрение современного старообрядческого раскола в Черниговской епархии. – Чернигов, 1901 г., с. 31.

говской губернии Суражского уезда посада Ардони о женщинах состоящих в безбрачном сожитии с раскольниками беспоповщинского толка, принадлежащих к обществу мещан посада Ардонь:

– к семейству мещанина Гаврилы Васильева Махоткина к № 32 – сестра Гаврилы Евдокия Васильевна Махоткина, 64 лет,

– к семейству Евтифея Артамонова Винникова № 108 – двоюродная сестра его Варвара Ермоловна Винникова, 46 лет,

– к семейству Константина Яковлева Разумеева № 92 – сестра Акулина Яковлева Разумеева, 74 лет, и Прасковья Яковлева Разумеева, 59 лет,

– к семейству Василия Анисимова Шведова № 63 – двоюродная сестра Стефанида Василева Шведова, 43 лет,

– к семейству Прокофия Иванова Морозова № 95 – сестра Мавра Иванова Морозова, 46 лет,

– к семейству Евдокима Гаврилова Лошкарева № 55 – сестра Екатерина Гаврилова Лошкарева, 64 лет,

– к семейству Федора Федорова Ерусалимцева № 24 – сестра Аграфена Федорова Ерусалимцева, 38 лет,

– к семейству Максима Иванова Разумеева № 152 – сестра Евдокия Максимова Разумеева, 62 лет,

– к семейству Ермила Зябкина № 66 – жена Кирилы Зябкина Евдокия Кумина Зябкина, 23 года»[1].

Община старообрядцев Старопоморского согласия посада Ардонь, некогда многочисленная и влиятельная, к концу XIX века стала малочисленной. Старообрядцы Старопоморской обшины вели скрытную от односельчан духовную жизнь. В моленную посторонним доступа не было. О внутренней жизни общины в XIX веке узнать ничего невозможно, никакой документации в общине не существовало, метрических записей не велось.

«Заглянуть» в моленную старообрядцев Старопоморского согласия позволили документы, составленные в 1923 году, когда большевистское правительство брало на учет все религиозные общины в стране. Это «Опись старообрядческого молитвенного дома», «справка о составе церковного Совета» и «Типовой договор о бессрочном бесплатном пользовании молитвенным домом»:

«Опись старообрядческого молитвенного дома, принадлежащего гражданам Старопоморского согласия посада Ардонь Клинцовского уезда. 1923 год»:

«Дом деревянный, длиной 14 аршин и шириной 9 аршин, покрыт железной крышей, при нем притвор длиной 5 аршин и шириной 9 аршин.

---

[1] ГАБО Ф. 549, оп. 2, д. 18, л. 825–827.

Дверей – 5
Окон – 7
Крылечек – 2 ветхих
Груб кирпичных простых – 1
Груб с железными трубами – 1
Скамеек – 7
Расклад столов – 1
Сарайчик для дров – 1 ветхий с деревянной крышей из шалевок 5 х 5 аршин
Образов древней выписи – 17, без окладов
Богослужебных церковных книг – 26
Подсвечников металлических – 3
Паникадил металлических – 1
Лампадный подвес – 1
Налоев – 2
Шкаф деревянный для книг – 1
Сундук для хранения свеч – 1
Председатель Совета И. Типикин, члены: Д. Яковлев, П. Федоров»[1].

«Справка в Клинцовскую Волостную Милицию о составе старообрядческого церковного Совета:
Типикин Игнат Архипович – председатель
Федоров Павел Евстратов – член
Яковлев Дмитрий Алексеев – член,
проживающих в посаде Ардонь Гомельской губернии Клинцовского уезда и волости.
Игнат Типикин – кустарь кузнец. Имеет дом с надворными постройками и кузницу.
Павел Федоров – кустарь кузнец. Имеет дом с надворными постройками, кузницу и баню.
Дмитрий Яковлев – безработный. Имеет дом с надворными постройками и баню.
Общественных служебных положений никаких не было до 1924 года. До революции состояли в мещанском звании. С 1923 года присоединились к религиозному культу.
19 мая 1923 года»[2].

Типовой договор прихожан молитвенного дома старообрядцев Старопоморского согласия посада Ардонь с Клинцовским ВИКом

---

[1] ГАБО Ф. 2071, оп. 1, д. 37, л. 1.
[2] ГАБО Там же, л. 2–3.

о бессрочном бесплатном пользовании молитвенным домом. Подписали 17 мая 1923 года Типикин, Яковлев, Федоров»[1].

В деле об «Учете религиозных культов по Клинцовскому району в 1924 г.» есть «Список церквей, расположенных на территории Клинцовского уезда», в котором сообщается, что в Ардони «Старопоморского согласия церковь (правильно – часовня. – Р.П.) в п. Ардонь, по договору с УОУ от 14.05.1923 г.»[2].

При часовне был Приходской Совет, поскольку храм Старопоморского согласия в Ардони включен в «Список приходских советов и культовых зданий по Клинцовской волости», где сказано: «В Ардони храм Старообрядческого Старопоморского согласия»[3].

О тесных духовных связях ардонцев с клинчанами

Материалы из истории слободы Ардонь свидетельствуют, что с начала XVIII века духовные связи между старообрядцами Ардони и слободы Клинцы были прочными и постоянными. В Клинцах, как и в Ардони, была часовня Поморского согласия, и Клинцовские беспоповские наставники «старички» в случае необходимости исполняли требы и проводили службу в Ардонской часовне.

В «Сказании о раздоре в крещении», написанном в Стародубье по поводу послания 1720 года поморского наставника в Ардони Чернецкой Спиридона Иванова, говорится, что среди осуждающих послание Спиридона были «некто на той час тамо бывший чернец... и другие от купилища, Иосиф Андреянов и учитель их токарь Клинцовский»[4].

В 1753 году в «Запросных и ответных пунктах» Ардонского войта Василия Тепикина, беспоповца, по делу о совращении в беспоповщинский раскол зятя Зябкина и «хохла Лаврена Иваненка», составленных в канцелярии Киево-Печерской Лавры, Тепикин рассказывал, что «в слободе Ардони такова старичка (который отправляет богослужние в часовне) не было и ныне нет; токмо бывало призывают з слободы Клинцов, и у него, Василия, четверо детей бывший в сл. Клинцах старичок Федор Коваль также крестил. Оной же Федор (из Клинцов) бывало в Ардоне и служил утреню, часы и вечерню, и их раскольников всех во все поста исповедует, токмо не причащает ничим, и за грехи покуту налагает, та-

---

[1] ГАБО Ф. 2071, оп. 1, д. 37, л. 4.

[2] ГАБО Ф. 1154, оп. 2, д. 152, л. 30.

[3] ГАБО Там же, л. 42.

[4] Лилеев М.И. Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье. – Киев. 1893, с.16.

кож при смерти исповедует и мертвых погребает таким порядком, как в Требнике напечатано, точию воды святой нет и оливою очей не заливает. И по погребении, панахиды он, старичок, служит... Федор Коваль в прошлом 1752 году умер. А прежде Федора бывши в Клинцах старичок Иван Семенов. По выходе поморских старичков, кроме вышепоказанных, что с Клинцов прихаживали, Ивана и Федора, не было, и в часовне, уже по смерти онаго Федора, другой год не служится. А какие требы мирские ныне есть, також и на молитву, то ходят люди до Клинцов и для немощных исповедовать призывают оттуда, из Клинцов имеючегося старичка, но его имени и прозвания не знает. А временем бывает, что и простые умершаго погребают, да уже у Клинцах отправляет старичок опосля погребение и панихиды. А имена тех, что в Ардонскую часовню хаживали стариков: Куприян Винокуров, Захар Макаров, Иван Довгой, Павел Разумеев, Андрей Махоткин, Борис Шавира»[1].

Сведений о беспоповцах Ардони в XIX веке сохранилось мало.

В «Ведомости о старообрядцах Суражского уезда за 1834 год ноября 25 дня» говорится, что в посаде Ардонь:

Старообрядцев приемлющих священство – мужчин 244, женщин 301 душ, всего 545 душ обоего пола.

Старообрядцев беспоповцев – мужчин 132, женщин 132, всего 264 души обоего пола.

Всего старообрядцев – мужчин 376, женщин 433 души, итого 809 душ обоего пола»[2].

Беспоповцы Ардони жили скрытно, ни метрических книг, никаких отчетов о своей религиозной деятельности не составляли. В метрических книгах клинцовской Троицкой единоверческой церкви можно найти редкие записи о заключении брака или рождении ребенка в семье беспоповцев Ардони. Эти записи свидетельствуют, что беспоповцы, вопреки установке беспоповских наставников, обращались за требами в единоверческую церковь.

В архиве Клинцовского УИКа есть «Анкета» о наличии религиозных помещений в посаде Ардонь, Гомельской губернии, Клинцовского уезда.», составленная в 1924 году. В «Анкете» сказано, что, «в посаде Ардонь:

Храмов православных – один (единоверческий)

Молитвенных домов – один (беспоповский)

Занятых под школы и пр. – нет

---

[1] Лилеев М.И. Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье. – Киев. 1893, № 32, с. 166–171.

[2] ГАЧО Ф. 128, оп. 1, д. 3432, л. 17.

Население относится к использованию храмов для государственных нужд без препятствий... Подписали зав. Отделом управления – предисполкома (подпись) и секретарь (подпись)»[1].

По свидетельству Василия Васильевича Зябкина, моленный дом беспоповцев находился по Мизирицкой улице.

3.2. Старообрядцы поповского согласия Ардони

Изначально слобода Ардонь была заселена старообрядцами беспоповского согласия. Но уже в 1730-х годах в Ардони появились старообрядцы беглопоповского или поповского согласия.

Они вышли в Малороссию из Речи Посполитой, отозвавшись на «пригласительные» указы и манифесты императрицы Анны Иоанновны, и были расселены Волостной Конторой по нескольким слободам Государевой волости Малороссии. Большинство выходцев из-за границы жили в Ветковских слободах по 10–15 и более лет, занимались купеческими и иными промыслами и принадлежали к старообрядцам беглопоповского Ветковского согласия.

Упомянутые выше «Дело о совращении в беспоповщинский раскол зятя Зябкина, хохла Лаврена Иваненка» и «Дело о Никите Кореневе» показали, что в Ардони к 1750 году жили не только беспоповцы и последователи поповского старообрядческого согласия (Константин Зябкин), но и представители новообрядческой церкви (Лаврен Иваненко и Никита Коренев).

В 1753 году в канцелярии Киево-Печерской Лавры ардонский поповец Константин Зябкин рассказывал, что он, переселившись в слободу Ардонь в начале 1740-х годов из зарубежной Козельской слободы, «содержал за женою и детьми раскол поповщину, и чрез свою тамо бытность не исповедывались и не причащились, кроме только он сам, Зябкин, как ездил в прошлом 752 году за границу, на Козельской слободе, в приходской Пречистенское церкви, у раскольничьяго попа Семиона исповедывался и причащался»[2].

В 1753 году у старообрядцев поповского согласия своей часовни еще не было. Константин Зябкин в своих показаниях в канцелярии Киево-Печерской Лавры говорил: «Раскол поповщину содержащих... беспоповщину содержащие в часовню не допущают...»[3].

---

[1] ГАЧО Ф. 128, оп. 1, д. 3432, л. 9.

[2] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 364.

[3] Лилеев М.И. Там же, с. 345.

Более вероятно, что свою часовню старообрядцы Ветковского поповского согласия построили в Ардони несколько позже, в годы Екатерининского правления.

Протоиерей Андрей Иоаннов Журавлев, занимавшийся с 1788 по 1791 год миссионерской деятельностью среди старообрядцев Стародубья, писал: «В слободе Свяцкой публичная часовня; живут ветковцы». «В слободе Ардонсе такая ж часовня и той же секты»[1]. Сообщение Андрея Журавлева говорит о том, что к 1791 году поповцы Ардони уже имели свою часовню.

То, что часовня Ветковского поповского согласия в Ардони была названа во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, узнаем из документов 1823 года. В «Деле о переписке с Земским комиссаром о существовании старообрядческих церквей и часовен в Черниговской губернии... 1822–1823 гг.» сообщается, что в посаде Ардонском:

«Часовня поповского согласия, деревянная небольшая теплая во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Священник заимствуется в Клинцах»[2]. Следовательно, между 1791 и 1820 годами часовня в Ардони получила алтарную пристройку и была освящена в церковь.

В «Ведомости о старообрядцах Суражского уезда за 1834 год ноября 25 дня» говорится, что в посаде Ардонь: «Старообрядцев приемлющих священство – мужчин 244, женщин 301 душ, всего 545 душ обоего пола. Старообрядцев беспоповцев – мужчин 132, женщин 132, всего 264 души обоего пола. Всего старообрядцев – мужчин 376, женщин 433 души, итого 809 душ обоего пола»[3].

Старообрядцы поповского согласия посадов Ардони и Клинцы жили в согласии и помогали друг другу.

В «Деле о переписке с Земским комиссаром о существовании старообрядческих церквей и часовен в Черниговской губернии... 1822–1823 гг.» говорилось, что для службы в часовне поповского согласия во имя Покрова Пресвятыя Богородицы в посаде Ардонском «священник заимствуется в Клинцах»[4].

---

[1] Журавлев А.И. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах. – М. 1890, с. 282.

[2] ГАЧО Ф. 128, оп. 1, д. 2450 «Дело о переписке с Земским комиссаром о существовании старообрядческих церквей и часовен ...1822–1823 гг.», л. 17.

[3] ГАЧО Ф.128, оп. 1, д. 3432, л. 17.

[4] ГАЧО Ф. 128, оп. 1, д. 2450 «Дело о переписке с Земским комиссаром о существовании старообрядческих церквей и часовен ...1822–1823 гг.», л. 17.

Священник «беглый» от Греко-российской церкви, «исправленный» старообрядцами в клинцовском монастыре, приезжал из посада Клинцы в Ардонь в определенные дни и праздники для совершения литургии, причастия и треб.

Тимофей Верховский писал, что в 1840-е годы в ардонскую часовню беглопоповского согласия приезжал служить священник Семен из посада Клинцы, и даже принял в старообрядчество по второму чину «девицу Агафью, крещенную в православии», при этом «поп помазывал её» маслом.

Тимофей Верховский в «Записках...», в главе, посвященной посаду Ардонь, приводит документ из Черниговской Консистории (1745 г. № 345,384 и 385), из которого узнаем, что «девица Агафья, крещенная в православии, перекрещена была в Ардони попом Семеном в часовне», при этом «поп помазывал её». По показаниям Алексея Зайцева, привозившего девицу Агафью в Ардонь к попу Семену, «лже-поп заставил Агафью произнести проклятья: вера-де Греко-российскаго исповедания проклята отныне и до века, отец и мать её прокляты отныне и до века». «Агафья позже вернулась в православие»[1].

В тех же «Записках...» Тимофей Верховский рассказал о своём посещении посада Ардонь в 1847 году: «**Ардонь** – посад небольшой между посадами Стародубскими, находящийся в 40 верстах от уездного города Суража, при реке Туросне, имеет жителей до 639 мужеска и 765 душ женска пола, старообрядцев Ветковского и отчасти беспоповщинского согласия. Во время моего посещения посада Ардони в 1847 году посад владел землею в количестве 244 десятин, в том числе под поселением – 75 десятин, пахотной – 100 десятин, сенокосов – 50 десятин и неудобной – 19 десятин».

«Ветковцы и беспоповцы лишь молчали, когда я предложил им законных священников – писал Т. Верховский. – Когда Лужки и Воронка не имеют их, как же мы то примем? – говорили ардонцы. – Вот и Покровский монастырь и все такое... Нет, не примем!.

– Ну, а когда Лужки с Воронкою примут, и когда Покровский монастырь будет единоверческим, тогда вы примете священника? – спросил я ардонцев.

– Ну, тогда ответ другой будет.

Впрочем, по смежности сего посада с посадом Клинцовским, здесь было уже несколько человек единоверцев, но они боялись

---

[1] Верховский Т.А. Записки..., с. 981–982.

ещё и голоса возвысить. Что ардонцы могут быть впоследствии единоверцами, в этом нельзя было не сомневаться»[1].

Из беседы с миссионером складывается впечатление, что для старообрядцев поповского согласия Ардони авторитетным было мнение старообрядцев посада Лужки, духовного центра старообрядцев Лужковского поповского согласия.

Вожди старообрядцев Лужковского согласия проповедовали «учение» о пребывании духовного антихриста на олтарях Греко-российской церкви и прочее, во всем совпадающее с беспоповским учением.

Ардонцы в большинстве принадлежали к Ветковскому поповскому согласию, и сдержанность в беседе с миссионером никак не вызвана присоединением ардонских старообрядцев к Лужковскому согласию, Ардонцы, как и большинство старообрядцев России в эти годы, уже в течение многих лет жили без священника, что стало следствием жесткой политики преследования старообрядцев правительством Николая I. Жители Ардони вынуждены были обращаться за требами к священникам чуждого им Лужковского согласия. Скорее всего, в данный момент ардонские старообрядцы пребывали в нерешительности перед напором миссионера и, как рассудительные люди, не спешили с окончательным ответом человеку, к которому у них ещё не было доверия.

Беглопоповцы Ардони вскоре доказали, что им чужды призывы лужковских агитаторов не вступать в общение с миссионером от «антихристовой церкви», и уже через год-другой большим числом семей присоединились к Господствующей церкви на правах единоверия.

Успехи миссионеров в Стародубье по присоединению старообрядцев к Греко-российской церкви на правах единоверия были более заметны среди старообрядцев, придерживавшихся Ветковского и Диаконова поповских согласий, не разделявших взглядов лужковцев. Т.А. Верховский писал: «Из их рядов после 1848 года, после преобразования Покровского монастыря в единоверческий, здесь (в Ардони) явилось 367 единоверцев, а в 1849 – 500 единоверцев. В 1850 году по желанию жителей посада дозволено было уже раскольничью моленную обратить в единоверческую церковь»[2].

---

[1] Верховский Т.А. Там же, с. 981–982; Верховский Т.А. Стародубье. – Казань. 1874, ч. 3, с. 53.

[2] Там же.

3.3. О единоверческой церкви Рождества Богородицы в посаде Ардонь

Первые единоверческие церкви и приходы в Стародубье появились после смерти инока Никодима (в 1783 г.) стараниями его сподвижников и единомышленников иноков Герасима, Виталия и других. Это были приходы в посадах Климов, Злынка, Радуль, Зыбкая (Новозыбков).

Но в большинстве старообрядческих посадов, да и в тех же посадах Климовой, Злынке, Радуле и Зыбкой, единоверческие миссионеры столкнулись с довольно сильным сопротивлением как со стороны рядовых старообрядцев, так и со стороны бургомистров и ратманов старообрядческих слобод. Не случайно в Журнале Ардонской Ратуши 25 августа 1802 года появилась следующая запись: «Слушали сообщение Мглинскаго Нижняго Земскаго Суда... чтобы со стороны ратуш расколничих слобод впредь злоупотреблений и притеснений желающим присоединиться к Православной церкви ни под каким видом не было...»[1].

Из этого сообщения следует, что в первые десятилетия XIX века движение старообрядцев к соединению с Греко-российской церковью происходило повсеместно, что это движение не носило массовый характер, к единоверию присоединялись десятки, местами единицы, семей старообрядцев, что желание присоединиться к Греко-российской церкви встречало препятствие со стороны слободского и посадского начальства, избранного из среды старообрядцев.

В связи с этим Министерство внутренних дел при императоре Николае I требовало от губернаторов рекомендовать на должность бургомистров и ратманов в старообрядческих селениях не старообрядцев, а православных.

При императоре Николае I правительство развернуло настойчивую и изощренную законодательную деятельность, направленную на лишение старообрядцев беглого священства, ранее законодательно разрешенного. Правительство в течение многих лет последовательно, шаг за шагом отнимало у старообрядцев свободу вероисповедания старого обряда, ограничивало старообрядцев в гражданских правах и даже вмешивалось в наследственные права старообрядцев.

Император Николай I как организатор политики гонений на старообрядцев понимал, что для старообрядцев поповского согласия остаться без священства – трагедия, что страх остаться без

---

[1] ГАБО Ф. 146, оп. 1, д. 3. Журнал заседаний Ардонской ратуши 1802 г., л. 181.

священства и впасть в беспоповство должно подтолкнуть старообрядцев к приему «правильных священников».

К середине 1840-х годов беглых священников у старообрядцев практически не осталось. Большая часть старообрядческого общества поповского согласия пребывала в состоянии безысходной тревоги. Настали «благоприятные» условия для «успешной» работы миссионеров от Греко-российской церкви.

Тимофей Верховский, занимавшийся миссионерской работой в Стародубье в 1846–1848 годы, прибыл на подготовленную правительственными гонениями почву, миссионер отметил готовность определенной части старообрядческого населения Стародубья к принятию правильного священства. Такая же готовность была отмечена им в Ардони.

После нескольких умело построенных увещательных бесед миссионера Тимофея Верховского, с которыми он выступил перед старообрядцами города Новозыбков, посадов Клинцы, Климовой и Злынки, ряды старообрядцев дрогнули. Первыми дали согласие на принятие «правильных священников» наиболее богатые старообрядцы-предприниматели, которые давно испытывали мощное законодательное давление правительственных указов, стеснявших их в предпринимательской деятельности, грозивших банкротством и обнищанием.

За ними последовали средние слои, экономически зависимые, связанные в своей деятельности с большим капиталом, а также родственники богатых купцов.

В Ардони, как и в других посадах, к единоверию присоединились не все старообрядцы. В рядах старообрядцев Ардони уже давно существовало значительное расслоение и дробление старообрядцев на беспоповцев разных согласий и на поповцев разных согласий.

Старообрядцев разных согласий объединяло стремление бережно сохранять старые, дореформенные, обрядовые традиции Русской Православной Церкви, но в вопросе оценки «ереси господствующей церкви» старообрядцы расходились.

Различие подходов к оценке «ереси» Греко-российской церкви обнажилось ещё в конце XVII века в вопросе приема священников от Греко-российской церкви: по первому, по второму или по третьему чину. Этот вопрос был коренным, разделявшим старообрядцев на разные согласия.

Беспоповцы считали, что Греко-российская церковь отступила от православия, более того Греко-российская церковь «повреждена» антихристом, который духовно пребывает на олтарях господствующей церкви, поэтому никакого общения с антихристовой

церковью недопустимо. Принимать мирян и священников от «отступников» можно, но только проводя через обряд перекрещивания. Такого же мнения придерживались старообрядцы поповского Лужковского согласия.

Большинство же поповских старообрядческих согласий отрицали обряд перекрещивания священников, считая, что никакого «духовного» пребывания антихриста «на олтарях Греко-российской церкви» нет, что господствующая церковь не отступила от веры, а только исказила её, впала в ересь.

Однако в этой оценке ереси Греко-российской церкви у поповцев тоже были разногласия. Старообрядцы Диаконова поповского согласия считали, что ересь Греко-российской церкви соответствует 3-му чину и поэтому принимали священство только с отречением от ересей, без миропомазания. Некоторая часть старообрядцев Ветковского согласия, в основном в Стародубье, придерживалась того же мнения. Но большинство представителей Ветковского согласия, живших как в Стародубье, так на Волге, в Сибири и в Москве, считали, что священство нужно принимать не только с отречением от ересей, но и с миропомазанием, то есть по второму чину, приравнивая таким образом ересь Греко-российской церкви ко второму чину.

С такой же оценкой «ереси» Греко-российской церкви подошли старообрядцы и к вопросу о принятии от Греко-российской церкви «правильного» священства, предлагавшегося правительством.

Понятие «правильное» священство отражало позицию Греко-российской церкви по отношении к старообрядцам. Миссионеры от Греко-российской церкви противопоставляли «правильных» священников «беглым» священникам, которые самостоятельно, без разрешения епархиального архиерея оставляли свой приход, а у старообрядцев проходили обряд отречения от ереси по второму или по третьему чину, то есть с миропомазанием или без миропомазания.

Синод не признавал старообрядческих священников, считая их преступниками, преступившими церковный закон. Но пока правительство Екатерины II, Павла I и Александра I проводило политику сдержанной веротерпимости по отношению к старообрядцам, Синод шел на уступки. В годы правления названных императоров появились указы, в которых беглые старообрядческие священники освобождались от церковного преследования. Но, начиная с императора Николая I, бегству священников были выставлены законодательные преграды. Беглопоповство к середине 1830-х годов практически прекратилось. Правительство настойчиво стало предлагать старообрядцам взамен «беглых» священников «правильных» священников.

С точки зрения старообрядцев, «правильные» священники безблагодатны. «Правильные» священники получали благословение у епархиального архиерея служить у старообрядцев по старопечатным книгам и действительно строго и старательно исполняли старые церковные обряды. Но никто из них не подвергался «исправе», то есть обряду отречения от ересей Греко-российской церкви и не проходил обряда помазания старообрядческим миром для получения благодати, как это было принято в отношении «беглых» священников. При этом «правильные» священники для миропомазания получали миро из епархии и не пользовались старообрядческим миром, в котором, несмотря на многократное разбавление, сохранялись следы мира, освященного еще до патриарха Никона. Поэтому доверия к правильным священникам со стороны старообрядцев не было.

Более лояльными в оценке ереси Греко-российской церкви были старообрядцы Диаконова поповского согласия и часть старообрядцев Ветковского поповского согласия. Поэтому они после беседы с миссионерами и после некоторых колебаний соглашались принять в свой приход «правильных» священников.

Резко неприязненно относились к Греко-российской церкви представители Лужковского поповского согласия и беспоповцы – они были против принятия «правильного» «антихристова» священства и даже против общения с миссионерами.

Часть старообрядцев Ветковского и Диаконова согласий разных слобод Стародубья при встрече с миссионером Т. Верховским поначалу соглашалась принять «правильное» священство от Греко-российской церкви, но вскоре отошла от этой мысли, когда узнала, что заграничными старообрядцами в Белой Кринице принят от Греческой церкви митрополит Амвросий, принят с отречением от ересей и с миропомазанием старообрядческим миром. Старообрядческий митрополит уже рукоположил для старообрядцев епископов и священников. Эти старообрядцы стали ожидать приезда в Россию старообрядческих священников Белокриницкого поставления.

При всех сложностях общения миссионера со старообрядцами разных согласий и при сопротивлении со стороны большинства старообрядческого населения успех миссии Тимофея Верховского был очевидным. В шести посадах Тимофей Верховский ввел в старообрядческие храмы «правильных» священников и взял подписку с прихожан о добровольном присоединении к Греко-российской церкви на правах единоверия. В остальных посадах, также и в Ардони, под впечатлением от произошедших в городе Новозыбков, в посадах Клинцы, Климовой, Злынке событий часть старооб-

рядцев высказала согласие присоединиться к единоверию. Наиболее решительные старообрядцы Ардони присоединились к единоверию в первый же год миссии Т. Верховского, в 1846 году, что видно из книги метрических записей клинцовской Троицкой церкви. В 1846 году в единоверческой Троицкой церкви в Клинцах крестили детей и заключали браки ардонские мещане: Прокоп Тихонов Сумароков, Антип Прокофьев Тепикин, Наталья Фаддеевна Лихоманова, Фома Савельев Сумароков, Евдоким Иванов Тепикин, Иван Антонов Пастухов, Семен Фаддеев Стефанов, Игнатий Архипов Лихоманов.

Правительство внимательно следило за ходом присоединения старообрядцев к Греко-российской церкви на правах единоверия.

В 1850 году по поручению Министра Внутренних Дел член Совета, Тайный Советник Константин Арсеньев посетил старообрядческие посады и слободы Черниговской губернии с заданием «обозреть все раскольничьи посады и собрать достоверные сведения о состоянии раскола...». В докладе Арсеньева о посаде Ардонь было записано:

«Посад Ардонь в 4-х верстах от Клинцов весьма близок к соединению с церковью. Благоразумныя и кроткия внушения духовенства при посредстве гражданской власти подвигли упорствовавших раскольников принять формальным актом правильное священство и свою раскольничью часовню, пристроив к ней алтарь, обратить в единоверческую церковь. В бытность нашу в Чернигове этот акт официально препровожден к Епархиальному Архиерею и к управляющему губерниею. В настоящий момент показание об общем числе жителей в Ардони (около 1250) в частностях изменилось: раскольников прежде значилось 952, и именно 425 человек обоего пола поповщинской секты и 527 человек безпоповцев, ныне первых осталось 324, а последних – 394. Всех раскольников теперь только 718 душ. Зато число единоверцев увеличилось. Прежде было их 367, а теперь уже более 500 душ обоего пола»[1].

Т.А. Верховский писал: «После преобразования Покровского монастыря в единоверческий (в 1848 г.), здесь, в Ардони, явилось 367 единоверцев. А в 1849 году – 500 единоверцев. В 1850 году по желанию жителей посада Ардонь дозволено было раскольничью моленную обратить в единоверческую церковь»[2].

Число присоединившихся к единоверию в Ардони на самом деле оказалось намного меньше, чем было представлено в докла-

---

[1] РГИА СПБ. ф. 1284, оп. 205, д. 140, ч. I, л. 51 об.–52.

[2] Верховский Т.А. Записки..., с. 981–982.

дах Т. Верховского и Константина Арсеньева, о чем свидетельствует «Исповедная ведомость Рождества-Богородицкой (единоверческой) церкви посада Ардонь за 1867 год», согласно которой прихожан единоверческой Рождества-Богородицкой церкви посада Ардонь было: «мужчин – 141, женщин – 127 человек». То есть всего единоверцев в Ардони – 268 человек вместе с детьми[1].

Можно допустить, что часть прихожан не явилась в текущем 1867 году на исповедь, находясь в длительной отлучке. Таких ардонцев, отлучившихся по купеческим делам, могло быть человек 30–40, но не 130 человек.

После однократного массового присоединения старообрядцев Ардони к Греко-российской церкви число присоединившихся к единоверию в последующие годы было незначительным. В основном к единоверию присоединялась молодежь, когда вставал вопрос о вступлении в брак беглопоповца с единоверцем.

Единоверцы Ардони несколько лет, пока не была освящена единоверческая церковь в Ардони, находились под окормлением священников клинцовской единоверческой Троицкой церкви. В книгах метрических записей Троицкой церкви в 1846–1855 годы зарегистрированы десятки актов рождения и бракосочетания ардонских жителей.

Другая единоверческая церковь в Клинцах, во имя Вознесения Господня, обслуживала, можно сказать, «первостатейных» граждан посада Клинцы. Ардонские мещане были в числе малочисленных прихожан Вознесенской церкви. Изучение записей актов в метрических книгах Вознесенской церкви позволяет увидеть некоторые особенности во взаимоотношениях старообрядцев двух соседних посадов.

Если в Троицкой церкви регистрировали браки, рождение и смерти ардонских мещан, то в Вознесенской единоверческой церкви можно встретить только молодых ардонских мещанок, выходящих замуж за клинцовских мещан. В большинстве случаев перед заключением брака проводился акт присоединения ардонских мещанок из «беглопоповской секты» к Греко-российской церкви на правах единоверия.

Но и после открытия единоверческой церкви в Ардони, а это произошло до 1855 года, многие ардонские семьи остались верны священнику Троицкой церкви. Браки, крещение младенцев ардонских мещан находим в Книгах метрических записей единоверческой Троицкой церкви и в 1870-е, и 1880-е годы.

---

[1] ГАЧО Ф.679, оп. 1, д. 539, л. 1–20.

Выписки из книг метрических записей клинцовской Троицкой единоверческой церкви с 1846 по 1864 годы

Вступили в брак в 1846 году:

Ардонский мещанин Федор Феодосьев Ерусалимцев – 20 лет и клинцовская мещанка Агриппина Никифорова Щеголютина – 21 года.

Ардонский мещанин Ефрем Федоров Пастухов – 22 лет и клинцовская мещанка Анисья Андреевна Селезнева – 21 года. Из 43 браков только два брака ардонских мещан.

В 1847 году:

Клинцовский мещанин Василий Федоров Пастухов – 23 лет и клинцовская мещанка Прасковья Лавр. Лаптева – 35 лет (Пастухов выходец из Ардони).

Ардонский мещанин Александр Иванов Смирнов – 22 лет и мещанка из Елёнки Прасковья Иванова Соколова – 18 лет.

Из 10 браков ардонских – 1.

В 1848 году:

Ардонский мещанин Петр Иванов Чекмарев – 25 лет и клинцовская мещанка Гликерия Ивановна Пентехина – 20 лет.

В 1849 году:

Ардонский мещанин Евфимий Иванович Чернышев – 35 лет и клинцовская мещанка Матрена Филатова Векшина. От жениха: ардонские мещане Козма Чернышев и Фома Суморoков. Из 44 браков – 1 ардонский.

В 1850 году:

23.02. – ардонский мещанин Василий Иванов Смирнов – 20 лет и ардонская мещанка Татьяна Трофимова Зябкина.

4.10.1850 – ардонский мещанин Иван Петрович Зябкин – 20 лет и Новозыбковская мещанка Ксения Матвеевна Агапова – 25 лет. По жениху: ардонские мещане Петр Васильев Сумарокин и клинцовский мещанин Иван Никифоров, по невесте: купеческие дети Никифор и Николай Степунины.

4.10.1850 – клинцовский мещанин Алексей Семов Смирнов – 18 лет (выходец из Ардони) и ардонская мещанка Ксения Яковлева Сумарокова – 18 лет. По жениху: клинцовские мещане Иван и Михаил Смирновы, по невесте: ардонский мещанин Филипп Сумароков и клинцовский мещанин Афонасий Волков.

В 1851–1852 годы:

Браков ардонцев нет.

В 1853 году:

20.01.1853 – Ардонский мещанин Анисим Антонов Токарев – 31 года и клинцовская мещанка Наталья Гавриловна Дудина – 25 лет.

В 1854 году:

13.11.1854 – Клинцовский мещанин Никита Савельев Широков – 23 лет и ардонская мещанка Ирина Козмина Лихоманова – 22 лет, дочь Козмы Фаддевича Лихоманова.

В 1855 году:

3.11.1855 – Ардонский мещанин Яков Иванов Махоткин – 24 лет и ардонская мещанка Наталья Семенова Разумеева – дочь Семена Максимовича Разумеева. По жениху: ардонский мещанин Андрей Ерусалимцев, по невесте: Кирилл Захаров Чернышев и Василий Семенов Разумеев.

В 1856 году:

6.02.1856 – Ардонский мещанин Иван Макаров Пастухов – 45 лет и клинцовская мещанка Елена Фомина Дроздова – 20 лет. По жениху: ардонские мещане Василий Борисович Пастухов и Федор Анисимович Пастухов, по невесте: клинцовский мещанин Николай Щедрин.

10.02.1856 – Ардонский мещанин Петр Захарович Чернышев – 32 лет и клинцовская мещанка Анна Алексеевна Долгова – 20 лет. По жениху: ардонские мещане Василий Разумев и Фома Самороков, по невесте: клинцовские мещане Семен Крашенинников и Николай Иванов Кузмин (предки Крашенинниковых и Кузминых – выходцы из Ардони).

11.02.1856 – Клинцовский мещанин Ефим Федоров Яковлев – 20 лет и ардонская мещанка Анна Ивановна Малахова – 18 лет. По жениху: клинцовские мещане Василий Черкасов и Никита Смирнов, по невесте: ардонские мещане Василий Семенов Разумев и Хритон Хритонов Лихоманов.

11.02.1856 – Ардонский мещанин Иван Петрович Тепикин – 21 год и ардонская мещанка Надежда Яковлевна Зябкина – 21 года. По жениху: купеческий сын Терентий Махоткин и мещанин Яков Тепикин, по невесте: Никита и Андрей Зябкины.

13.02.1856 – Ардонский мещанин Сергей Севастьянов Крюков – 22 лет и клинцовская мещанка Матрона Ипатова Костакова. По жениху: ардонские мещане Яков Луговой и Василий Борисович Пастухов, по невесте: Андриан Костаков.

В 1857 году:

10.10.1857 – Ардонский мещанин Михаил Борисович Тепикин – 36 лет и суражская мещанка Прасковья Ивановна Шаликова – 17 лет.

13.11.1857 – Клинцовский мещанин Максим Ефимов Бураков – 18 лет, (родители выходцы из Ардони) и ардонская мещанка Ксения Никитина Черкасова – 18 лет.

В 1858 году:

браков ардонских мещан нет.

В 1859 году:

7.02.1859 – Ардонский мещанин Петр Савельев Самороков – 33 лет, сын Савелия Андреева Саморокова, и ардонская мещанка Ирина Иванова Крюкова – 24 лет.

17.10.1859 – Ардонский мещанин Сергей Яковлев Зябкин – 24 лет, сын Якова Стефанова Зябкина, и ардонская мещанка Наталья Семенова Иерусалимцева – 20 лет, дочь Семена Стефанова Иерусалимцева.

10.11.1859 – Ардонский мещанин Прокопий Николаев Гончаров – 27 лет и клинцовская мещанка Прасковия Ефимовна Артемьева – 23 лет.

В 1860 году:

Браков ардонских мещан нет.

В 1861 году:

16.02.1861 – Клинцовский мещанин Петр Александрович Зиновьев – 25 лет, сын умершего Александра Арефьева Зиновьева, и ардонская мещанка Феодосья Дмитриевна Токарева – дочь Дмитрия Павловича Токарева.

В 1862–1864 гг. браков ардонских мещан нет[1].

Умершие жители Ардони (1846–1864 гг.), записанные в метрических книгах единоверческой клинцовской Троицкой церкви

Наиболее частые причины смерти младенцев: «от колотья», «от радимца», «от кашля», «от родов».

В 1848 г. в Троицкой церкви зарегистрирована смерть «от холеры» у 6-ти взрослых и «от поноса» у 6-ти детей. Среди умерших от холеры ардонских жителей нет.

В 1846 г. умер ардонский мещ. Иван Алексеев Чернышев – 58 лет, от чахотки.

В 1846 г. умер ардонский мещ. Иван Семенович Смирнов – 45 лет, от чахотки.

В 1850 г. умер ардонский мещ. Петр Петрович Махоткин – 65 лет, от ушиба.

В 1855 г. умер ардонский мещ. Филипп Тихонов Самороков – 42 лет, от холеры.

В 1856 г. умер ардонский мещ. Епифан Иосифов Пастухов – 59 лет, от лихорадки.

---

[1] ГАБО Ф. 251, оп. 1, д. 143 и 144.

В 1862 г. умерла ардонская мещ., вдова Феодора Филипповна Пастухова – 62 лет, от паралича. (ГАБО Ф. 251, оп. 1, д. 143 и 144).

В 1917 году умерли мещане посада Ардонь (Троицкая церковь):

7.02.1917 – Севастьян Петров Лобанов – 70 лет.

15.02.1917 – Андрей Семенов Бормотов – 60 лет.

Выписки из книг метрических записей клинцовской Вознесенской единоверческой церкви в Клинцах

«В 1851 году, 4 октября», зарегистрирован брак между «клинцовским мещанином вдовцом Ковалевым Григорием Егоровичем, 40 лет, и ардонской мещанкой Анной Макаровной Пастуховой, 21 года».

В том же году 2 ноября зарегистрирован брак между «клинцовским мещанином Григорием Тихоновым Поляковым, 27 лет, и ардонской мещанкой Анастасией Ивановной Корольковой, 18 лет».

«В 1852 году, 26 января, ардонская мещанка Тепикина Анна Прохоровна, 20 лет, вышла замуж за клинцовского мещанина Ивана Васильевича Круглова, 21 года».

«21 февраля 1852 г. ардонская мещанка Прасковья Семеновна Гончарова, 21 года, вышла замуж за клинцовского мещанина Федора Ивановича Тихонова, 20 лет».

«В 1853 году, 13 сентября, ардонская мещанка Евдокия Егоровна Тихонова, 25 лет, вышла замуж за клинцовского мещанина Ивана Карповича Сахарова, 19 лет».

«В 1854 году, 1 февраля, ардонская мещанка Прасковья Никитина Черкасова, 19 лет, вышла замуж за клинцовского мещанина Ивана Пахомова Лихоманова, 19 лет».

«В 1855 году, 21 февраля, ардонская мещанка Пелагея Семенова Стефанова, 17 лет, вышла замуж за клинцовского мещанина Василия Елисеевича Сапожникова, 22 лет».

«В 1855 г., 22 января, ардонская мещанка Ирина Климовна Махоткина, 18 лет, вышла замуж за клинцовского мещанина Андрея Ивановича Беляева, 24 лет».

«В 1856 году, 8 февраля, ардонская мещанка Марфа Семеновна Ерусалимцева, 18 лет, вышла замуж за клинцовского мещанина Ивана Ивановича Казмина, 31 года».

«В 1857 году, 20 июля, ардонская мещанка Мария Харитоновна Пастухова, 17 лет, вышла замуж за клинцовского мещанина Ивана Тимофеевича Клюжева, 20 лет».

А «в 1862 году зарегистрирован брак «ардонской мещанки Прасковьи Ильиной Винокуровой, 22 лет, с клинцовским мещанином,

потомком основателей слободы Клинцы, Петром Афанасьевым Клинцовым, 21 года».

«В 1864 году, 29 июля, брак с клинцовским мещанином Никитой Захаровичем Лазаревым, 30 лет, заключила ардонская мещанка Марфа Яковлева Тепикина, 27 лет».

«В 1865 году, 24 октября, в брак вступили ардонская мещанка Анна Васильевна Зябкина, 19 лет, и клинцовский мещанин Сергей Филиппович Клюжев, 20 лет».

«В 1870 г., 9 ноября, в брак вступили ардонская мещанка Анна Моисеевна Лихоманова, 18 лет, с клинцовским мещанином Корнилием Ивановым Глинкиным, 19 лет».

«В 1872 году, 9 июня, в брак вступили ардонская мещанка Анастасия Алексеевна Ерусалимцева, 21 года, дочь Алексея Федосьева Ерусалимцева, и временно отпущенный Драгунского Екатеринославского Ея Императорскаго Величества Великой Княгини Марии Николаевны полка рядовой единоверец Ефим Иванов Штапаков, 38 лет. Поручителями с её стороны были ардонские мещане Яков Михайлов Попов и Михаил Николаев Гончаров».

«В 1874 году, 24 апреля, в брак вступили ардонская мещанка Анна Тимофеевна Татаринова, 18 лет, за неё неграмотную, подписался ардонский мещанин Ерофей Лихоманов, и жених, клинцовский мещанин, Алексей Семенов Стефанов, 20 лет».

«В 1875 году, 17 января, в брак вступили ардонская мещанка Наталья Дмитриевна Луговая, 23 лет, и клинцовский мещанин Дмитрий Дмитриевич Пирогов, 21 года. Поручителями с её стороны были ардонские мещане Федор Леонтьевич Луговой и Яков Михайлович Попов».

«В 1883 году, 9 июня, в брак вступили ардонская мещанка Мария Никитина Пастухова, 25 лет, и клинцовский мещанин Григорий Васильевич Степунин, 30 лет».

«В 1889 году, 21 апреля, ардонская мещанка Анна Григорьевна Крюкова, 17 лет, вышла замуж за клинцовского мещанина Савву Ивановича Фомичева, 20 лет. А за две недели до этого, 3 апреля, Савва Иванович Фомичев присоединился к единоверию. Савва был выходцем из Ардони, стал клинцовским мещанином, но оставался беспоповцем».

«В 1893 г., 18 января, вступили в брак ардонская мещанка Евдокия Даниловна Крюкова, 35 лет, с клинцовским мещанином Железниковым Лукой Егоровичем, 48 лет, вторым браком».

В 1894 году, 3 октября, ардонская мещанка Пелагея Ивановна Лихоманова, 20 лет, вступила в брак с клинцовским мещанином Семеном Ивановичем Рыловым, 22 лет. Их сын Андрей родился 17 октября 1898 г.

Вступая в брак за клинцовских мещан, ардонские девушки покидали Ардонь. Это был еще один путь миграции жителей посада Ардонь в Клинцы.

Редкими были случаи, когда клинцовская мещанка шла замуж за ардонского мещанина:

«В 1889 году, 25 января, ардонский мещанин Ерусалимцев Даниил Семенов, 23 лет, взял в жены клинцовскую мещанку Евдокию Григорьевну Пирогову, 19 лет».

Следующая запись относится к 1893 году: «1893 года, 10 января, Ардонский мещанин Косма Иванов Зябкин вступил в брак с клинцовской мещанкой...»

По-видимому, у клинцовских девушек долгие годы оставалось предвзятое отношение к выходцам из Ардони, им подавай жениха из города, а не из Ардони. В то же время клинцовские парни брали в жены ардонских девушек с большим удовольствием.

Записи смерти ардонских мещан в Метрических книгах Вознесенской церкви

Метрические книги велись при Вознесенской церкви с 1846 года. Запись о смерти ардонского жителя появляется в метрических книгах Вознесенской церкви в 1859 году: «Сентября 5 дня 1859 года умер ардонский мещанин Николай Егорович Татаринов».

В течение последующих почти 50 лет записи о смерти ардонских мещан нет. Ардонских мещан редко отпевали в клинцовском Вознесенском храме, чаще это происходило в Троицкой церкви, но, в основном, отпевали покойников в Ардони в церкви Рождества Богородицы.

Следующая запись о смерти ардонского мещанина зарегистрирована в клинцовской Вознесенской единоверческой церкви в 1901 году: «4 ноября 1901 г. умер ардонский мещанин Самароков Антон Савельев, 70 лет».

«22 сентября 1906 г. умер клинцовский мещанин Ерусалимцев Михаил Артемьев, 59 лет, от водянки».

«1 апреля 1912 года умер мещанин Ардони Петр Харитонов Лихоманов, 62 лет, скоропостижно».

«28 ноября 1916 г. умер мещанин Ардони Иван Федотов Крюков, 73 лет, от старости»[1].

---

[1] Метрическая книга Вознесенской единоверческой церкви в посаде Клинцы. Клинцовский ЗАГС.

Акты о рождении в книгах Вознесенской церкви

Регистрация рождения ребенка у ардонских мещан в Вознесенской церкви отмечена с 1867 года, когда в семье Сергея Ивановича и Анны Антиповой Крюковых 6 июня 1867 года родилась дочь Акилина.

За ними последовали ардонские мещане Мина Яковлев и Екатерина Алексеева Разумеевы (20 января 1869 г.), у них родился сын Петр, и Федор Васильев с Натальей Александровной Артемьевы (27.11.1869), у них родился сын Николай.

В последующие годы ардонские мещане за регистрацией рождения детей в Вознесенскую церковь не обращались.

Книги метрических записей ардонской единоверческой церкви Рождества Богородицы

Браки (1861–1877):

17.01.1861 – жених ардонский мещ. сын Василий Федоров Тепикин – 18 лет, невеста посада Клинцов мещ. дочь Ксения Лаврентиева – 31 года.

22.02.1861 – мещ. п. Ардонь Сысой Константинов Разумев – 31 г. и мещанина города Новозыбкова Ивана Кравцова дочь девица Евдокия Иванова – 28 лет.

1863 г. – мещ. п. Ардонь Николай Васильев Луговой – 21 года и девица Прасковья Семёнова Разумеева – 20 лет, дочь ардонского мещанина Семена Максимова Разумеева.

1863 г. – мещ. п. Ардонь Василий Петров Ерусалимцев – 27 лет и девица Екатерина Корнеева Лихоманова – 23 лет, дочь ардонского мещанина Корнея Казмина Лихоманова.

1863 г. – мещ. п. Ардонь Дмитрий Матвеев Малахов – 23 лет и мещ. п. Ардонь Фекла Ивлева Саморокова – 25 лет.

22.01.1864 – жених посада Ардонь казенный крестьянин Голубовской волости Суражского уезда Стефан Стефанов Касьянов – 20 лет, невеста посада Клинцов девица Елена Николаевна Маслюкова – 20 лет.

12.01.1864 – жених ардонского мещанина Якова Стефанова Зябкина сын Адриан Яковлев – 24 лет, невеста ардонская мещанка девица Анастасия Трофимова Седлецкая – 17 лет.

16.09.1864 – жених мещанин посада Ардонь Логвин Дмитриев Седлецкий – 20 лет, невеста девица Анна Гаврилова Мордашева – 18 лет, дочь ардонского мещанина Гаврилы Ивановича Мордашева.

19.01.1867 – жених мещанин посада Клинцы Николай Ефимов Долгов – 33 лет, невеста девица Анастасия Васильева Иванова –

23 лет, дочь ардонского мещанина Василия Федорова Иванова. Оба из беглопоповской секты.

15.01.1867 – жених мещ. посада Климовой Андрей Иванович Торлин – 26 лет, невеста дочь ардонского купца Ивана Антонова Пастухова – Екатерина Ивановна – 18 лет.

30.01.1867 – жених мещ. посада Ардонь Адриан Степанов Ерусалимцев – 25 лет, невеста девица Татьяна Иванова Щеголютина – 19 лет, дочь клинцовского мещанина Ивана Алексеева Щеголютина.

12.02.1867 – жених мещ. посада Ардонь Федор Исаков Зябкин – 23 лет, невеста ардонская мещ. девица Надежда Логвинова – 23 лет, она присоединена из безпоповской секты к единоверию.

3.11.1867 – жених мещ. посада Клинцы Иван Васильев Горячкин – 23 лет, невеста ардонская мещанская дочь девица Мавра Корнеева Лихоманова – 17 лет, дочь Корнея Козмина Лихоманова.

3.11.1867 – жених мещанин посада Ардонь Лука Михайлов Гончаров – 22 лет, сын Михаила Николаева Гончарова, невеста ардонская мещанская дочь девица Аксинья Гаврилова Мордашева – 19 лет, дочь Гаврилы Иванова Мордашева.

16.09.1868 – жених ардонский мещ. Василий Семенов Разумев – 38 лет, невеста девица Пелагея Васильева Иванова – 22 лет, дочь ардонского мещанина Василия Федорова Иванова.

«26.01.1869 – жених 1-го Уланскаго Санкт-Петербургскаго Его Величества полка безсрочно отпускный унтер офицер Федор Аникеев Смирнов – 36 лет, единоверец, вторым браком, невеста посада Клинцов мещанина Иллариона Прокопова Коршунова дочь Прасковия Иларионова – 17 лет. В сноске сказано: «Означенный брак... по указу из Св. Синода от 26 августа 1893 года № 3793, данным на имя Черниговской Духовной Консистории, расторгается, вследствие безызвестной отлучки Ф.А. Смирнова с осуждением последнего на всегдашнее безбрачие и с правом Прасковии Илларионовой Корошуновой, а по мужу Смирновой, на вступление в новое супружество. Запись сделана по указу Благочинного единоверческих церквей Черниговской Епархии священника Иоанна Рябухина».

26.04.1871 – жених сын мещанина посада Ардонь Ивана Ерофеева Лихоманова Ерофей Осипов Лихоманов – 28 лет, невеста дочь мещанина посада Ардонь Михаила Николаева Гончарова Анастасия Михайлова Гончарова – 18 лет.

13.10.1873 – жених сын Ардонского мещанина Михаила Николаева Гончарова Иван Михайлов Гончаров – 25 лет, невеста дочь клинцовского мещанина Петра Максимова Себрина Прасковия Петровна Себрина – 18 лет.

3.05.1877 – жених посада Клинцы мещанин Василий Васильев Панкратов – 40 лет, вторым браком, невеста ардонская мещанка София Макеева Зябкина – 30 лет первым браком.

10.11.1877 – жених посада Ардонь мещанин Архип Ерофеев Лихоманов – 24 лет, невеста посада Ардонь мещанская дочь Прасковия Васильева Мардашева – 19 лет.

Смерти (1860–1873)

(Указаны смерти взрослых жителей посада Ардонь, смерть младенцев не учитывалась)

28.05.1860 г. умер ардон. мещ. Савелий Андреев Самороков – 64 лет, от простуды.

8.12.1860 г. – умер ардон. мещ. Антон Федоров Пастухов – 90 лет, от сердечной слабости. Исповедывал и приобщал посада Клинцы Троицкой единоверческой церкви священник Михаил Мамонтов. Погребение совершал клинцовский священник Вознесенской единоверческой церкви Кудрявцев и Троицкой единоверческой церкви – Михаил Мамонтов и ардонский священник Николай Образцов с причетниками.

8.08.1861 г. – умер ардон. мещ. Харитон Петров Лихоманов – 73 лет.

17.12.1862 г. – умерла жена Петра Ерусалимцева – Матрона Васильева – 57 лет, от болезни животом.

9.02.1863 г. – умер ардон. мещ. Петр Казмин Ерусалимцев – 57 лет, от простуды.

10.10.1863 г. – умер ардон. мещ. Стефан Максимов Ерусалимцев – 70 лет, от слабости.

20.04.1864 г. – умерла ардон. мещ. Евдокия Петрова Лихоманова – 75 лет.

26.06.1864 г. – умерла жена ардон. мещ. Матвея Григорьева Лихоманова – Анна Осипова – 38 лет.

5.09.1864 г. – умер ардон. мещ. Василий Яковлев Разумев – 75 лет.

23.10.1865 г. – умер ардон. мещ. Яков Стефанов Зябкин – 65 лет.

6.03.1868 г. – умерла купеческого сына Николая Ивановича Пастухова жена Акилина Григорьева – 30 лет.

7.05.1868 г. – умерла жена ардон. мещанина Василия Семенова Разумеева – Агриппина Захарова – 38 лет.

27.07.1869 г. – умер ардон. мещ. Федот Андреев Крюков – 52 лет.

30.11.1869 г. – умер ардон. мещ. Егор Максимов Ерусалимцев – 72 лет.

30.03.1870 г. – умер ардон. мещ. Осип Фаддеев Лихоманов – 80 лет.

25.04.1870 г. – умер ардон. мещ. Никита Степанов Зябкин – 64 лет.

8.08.1870 г. – умер отставной рядовой солдат Стефан Яковлев Касьянов – 48 лет.

17.11.1870 г. – умер ардон. мещ. Яков Леонтьев Луговой – 51 г.

7.03.1871 г. – умерла купеческая вдова посада Ардонь Мария Герасимова Пастухова – 55 лет.

18.09.1871 г. – умер ардон. мещ. Петр Кириллов Зябкин – 84 лет.

1.01.1873 г. – умер ардон. мещ. Иван Петров Тепикин – 34 лет[1].

***Таблица.* Метрические записи в книгах Ардонской единоверческой церкви Рождества Богородицы 1860–1877 гг.**

	Родились	Бракосочеталось пар	Умерли	Всего треб
1860	15	1	6	22
1861	16	5	6	27
1862	15	4	9	28
1863	13	7	6	26
1864	15	4	6	25
1865	14	0	7	21
1866	15	8	11	34
1867	9	6	11	26
1868	13	2	14	29
1869	16	2	10	28
1870	14	1	13	28
1871	15	2	8	25
1872	Нет сведений			
1873	14	2	6	22
1874	12	Нет сведений	9	21
1875 и 1876	Нет сведений			
1877	7	2	4	13
1879–1882 г.	Книги не сохранились			
1917	25	3	7	35

[1] ГАБО Ф. 251, оп. 1, д. 3.

В записях священника о лицах, вступавших в брак или крестивших детей, говорится: «Православный», «Единоверец», «Придерживающийся правильного священства».

Если в 1860–1890-е годы в единоверческую церковь Рождества Богородицы в Ардони обращались за требами только жители посада Ардонь и реже посада Клинцы, то в 1900–1917 годы в Рождества Богородицы церкви крестили детей жители посада Клинцы, деревни Казенная Туросна, села Богородицкое, села Голубовка, хутора Овсеенкова.

Священники единоверческой церкви Рождества Богородицы в Ардони.

Сведения о священниках единоверческой церкви в Ардони представлены в разных документах.

Единоверческий священник в Ардони по записям в метрических книгах был уже в 1855 году. Об этом мы узнаем из метрических записей, но не ардонской единоверческой церкви, а из книги клинцовской единоверческой Троицкой церкви за 1855 год.

Книги ардонской единоверческой церкви Рождества Богородицы в архиве начинаются с 1860 года.

Священник Ксенофонт Николаевич Раевский (...1855–1857...)

Священник Василий Иванович Пастухов (...1885...)

В книге метрических записей Троицкой единоверческой церкви в Клинцах в разделе о браке записано: «1855 г. ноября 14 дня. Брак: жених Московской губ. Св. Троицкой лавры послушник Симеон Алексеев Крутиков – 22 лет, невеста Анна Михайловна Мамонтова – 16 лет, дочь священника Клинцовской Троицкой церкви. Таинство совершал посада Митьковки священник Василий Крутиков. Восприемники: Ардонский священник Ксенофонт Николаевич Раевский, Ардонский священник Василий Иванович Пастухов, клинцовский мещанин Никифор Устинович Волков»[1].

В той же книге метрических записей Троицкой церкви, в разделе «крещение» записано: «1857 г. апреля 1 дня родился, апреля 4 дня крещен Евтихий у священника Вознесенской церкви Стефана Кудрявцева и Дарьи Алексеевны. Восприемники: 1) свящ. Михаил Мамонтов, 2) Посада Ардони Рождества Богородицы церкви св. Ксенофонт Раевский»[2].

---

[1] ГАБО Ф. 251, оп. 1, д. 144. Троицкая единоверч. ц., л. 98 об.
[2] Там же, л. 127 об.

Священник Николай Образцов (...1860–1873)

В книге метрических записей ардонской единоверческой церкви Рождества Богородицы за 1860 год записано, что священник ардонской церкви – Николай Образцов. Сопричетник – Ерофей Лихоманов до 1869 года. С 1869 года – сопричетники Архип Лихоманов и Дмитрий Тепикин[1].

О Николае Образцове и о его семье есть сведения в «Исповедной ведомости (1867 г.), данной из Канцелярии за шнурком, скрепою и печатью Благочинного Единоверческих церквей протоиерея священника Евфимия Голосова, причту Ардонской Рождества Богородицы Единоверческой церкви для вписки в оную лиц, бывших и не бывших у исповеди и Святаго Причастия в 1867 году».

Сначала в Исповедную ведомость записана семья священника и церковнослужителей:

«Священник Николай Иванов Образцов – 29 лет

Жена Анастасия Ивановна Образцова – 24 лет

Исправляющий должность причетника мещанин Ерофей Осипович Лихоманов – 48 лет,

жена его, Пелагея Ивановна Лихоманова – 46 лет,

дети: Иван – 24 лет, Архип –14 лет, Федор – 10 лет, Савва – 6 лет.

Исправляющий должность причетника купеческий сын Алексей Иванович Пастухов – 23 лет,

Жена его Мария Федоровна – 20 лет.

Церковный староста мещанин Исидор Стефанов Зябкин – 57 лет,

Второбрачная жена его Евдокия Абрамова – 33 лет,

Дети: Николай – 5 лет, Василий – 4 лет, Анастасия – 2 лет».

Далее идет перечисление купцов и мещан посада Ардонь:

Купец Иван М. Пастухов – 59 лет

Жена его Мария Герасимовна – 52 лет

Дети: Михаил – 15 лет

Александр – 11 лет...»[2]. И так далее.

Служение Николая Образцова продолжалось до 1873 года. В декабре 1873 года священником церкви стал Владимир Покровский.

Священник Николай Покровский (1873–1874...)

В 1873 году священник Николай Образцов выбыл из прихода. Временно, в отсутствие священника, церковные требы в ардон-

---

[1]ГАБО Ф. 251, оп. 1, д. 3.

[2]ГАЧО Ф. 679, оп. 1, д. 539, л. 1–20.

ской церкви исполнял священник клинцовской единоверческой Троицкой церкви Михаил Мамонтов.

Росписи священника Николая Покровского наблюдаются в метрических книгах ардонской единоверческой церкви в 1873 и 1874 годах. За 1875–1876 годы записи не сохранились.

А в 1877–1878 годы записи в метрических книгах о выполнении треб делал священник Георгий Кудрявцев из Клинцов. Книги метрических записей за 1879 – 1882 годы были утрачены еще в XIX веке, о чем есть запись в конце Книги метрических записей: «При сдаче священником Щетининым копий метрических книг за 1879, 1880, 1881, и 1882 годы не оказалось. Подписал Священник п. Клинцов (Троицкой церкви. – Р.П.) Петр Крутиков. 17 ноября 1906 г.»[1].

Священник Василий Дионисьевич Щетинин (...1895–1906...)

В 1895 году священником церкви Рождества Богородицы в Ардони был отец Василий Щетинин. В книге метрических записей Клинцовской единоверческой Вознесенской церкви за 1895 год в разделе «Рождение» записано, что «у священника церкви Рождества Богородицы из Ардони Василия Дионисьева Щетинина и Анастасии Никитичны 22 июня 1895 года родилась дочь Антонина»[2].

Книги метрических записей ардонской единоверческой церкви Рождества Богородицы за 1890–1916 годы не доступны исследователю, поэтому о причте церкви узнаем из других источников.

Из «Протокола заседания от 30.12.1894 года по делу об обвинении псаломщика села Богородицкого Суражского уезда Павла Пашкевича в пьянстве и хулиганстве 30.12.1894–29.08.1895 г.» узнаем, что в соседней Ардони в 1894 году псаломщиком единоверческой церкви был Иван Лихоманов, а старостой – мещанин посада Ардонь Евлампий Ерусалимцев[3].

К 1895 году прихожане единоверческой церкви посада Ардонь сочли возможным вступить в ходатайство перед Черниговской Духовной Консисторией о постройке нового здания церкви, взамен обветшавшего за сто лет здания бывшей часовни.

Так появилось «Отношение Черниговской Духовной Консистории о постройке деревянной церкви в п. Ардонь Суражского уезда 13.03.–23.03.1895 г.»[4].

---

[1] ГАБО Ф. 251, оп. 1, д. 3.

[2] Метрическая книга Вознесенской единоверческой церкви в посаде Клинцы. Клинцовский ЗАГС.

[3] ГАЧО Ф. 679, оп. 7, д. 21, л. 1–3.

[4] ГАЧО Ф. 127, оп. 10, д. 1213.

А через год появилось «дело об утверждении чертежа на постройку новой единоверческой церкви в п. Ардонь Суражского уезда 21.06.1896–1.11.1897 г.»[1].

В деле о переписи населения 1897 года есть сведения, что посад Ардонь был выделен в самостоятельный переписной участок. Перепись в Ардонском участке проводил священник Щетинин. В деле дана краткая справка о переписчике, из которой узнаем, что к 1897 году отец Василий овдовел:

«Священник о. Василий Денисович Щетинин, 26 лет, вероисповедания единоверческого, родился в Новозыбкове, учился читать дома, учитель церковно-приходской школы в посаде Ардонь, вдов, живет в посаде Ардонь»[2].

В списке населения по волостям сказано, что посад Ардонь расположен в Голубовской волости. В посаде построек – 171, мужчин – 344, женщин – 391[3].

В сноске сказано, что «в Ардони проживает более 1000 человек»[4].

В 1906 году священник Щетинин сдал копии метрических книг священнику посада Клинцы Петру Крутикову[5].

Священник Михаил Лесовский (...1909–1918...)

Подпись священника Михаила Лесовского стоит под «Обязательством», согласно которому «мещанин Ардони Иван Сергеевич Крюков приобрел в 1909 году селидебный участок в Ардони, шириной по улице – 35 саженей, по задней границе – 8 саженей, а по правой и по левой границам по 30 саженей. Участок межуется с одной стороны Иваном Сергеевичем Зябкиным, с другой стороны Осипом Сергеевичем Зябкиным». В течение 10 лет Иван Крюков выплачивал ежегодно выкупные деньги Ардонскому Городскому Общественному управлению в погашение стоимости участка, всего – 50 рублей. Подписано «Обязательство» Городским старостой и Секретарем Священником Михаилом Лесовским»[6].

В Книге метрических записей ардонской единоверческой церкви Рождества Богородицы за 1917 год записи делал священник Михаил Лесовский. При нем исполняли должность псаломщика Дмитрий Курочкин и Василий Зябкин[7].

---

[1] ГАЧО Ф. 127, оп. 10, д. 1417.
[2] ГАБО Ф. 118, оп. 1, д. 1, л. 185 об.
[3] Там же, л. 1.
[4] Там же, л. 205 об.
[5] ГАБО Ф. 251, оп. 1, д. 3.
[6] Архив Клинцовского Краеведческого музея.
[7] ГАБО Ф. 251, оп. 1, д. 354.

Записи о требах в 1917 году имеют свою особенность. Временное правительство постановило отменить сословные различия и считать всех гражданами России. В метрических книгах появляются записи «гражданин», но в силу привычки чаще всё же рука священника выписывает привычное словосочетание «мещанин посада Ардонь».

В июле 1918 года умер клинцовский священник Иоанн Чередников. Это был не только богословски образованный человек, но и общественный деятель, краевед, оставивший описание Вознесенской церкви, описавший состояние начального образования в посаде Клинцы. Провожать в последний путь священника Иоанна Чередникова собрались все священники единоверческих приходов епархии.

В Книге метрических записей клинцовской единоверческой Вознесенской церкви есть сообщение, что 11 июля 1918 года в отпевании и погребении священника Вознесенской церкви Иоанна Чередникова участвовал священник посада Ардонь Михаил Лесовский[1].

Подробное сообщение о церковном Совете и имуществе единоверческой церкви в Ардони находим в одном из документов Советского периода в «Типовом договоре 9 мая 1923 года», составленном и подписанном «с одной стороны: М.С. Лихомановым., М.Г. Дударевым, Ф.Ф. Разумеевым, с другой стороны – Клинцовским ВИКовским отделом Управления в лице полномочного представителя Гутникова о принятии церкви в бессрочное и бесплатное пользование»[2].

О составе церковного Совета, об устройстве и о внутреннем убранстве единоверческой церкви во имя Рождества Богородицы в посаде Ардонь дает представление опись, проведенная в 1923 году в связи с заключением типового договора между церковной общиной и Волостным Уездным Комитетом о передаче церкви Церковно-приходскому Совету в бессрочное и бесплатное пользование.

«Опись имущества, составленная новоизбранным Церковным Советом 28 апреля 1923 года.

Паперть и притвор:

Шкап с ризами – 1

Сундук с пеленами – 1

Иконы простые без риз – 35

---

[1] Метрическая книга Вознесенской единоверческой церкви в посаде Клинцы. Клинцовский ЗАГС.

[2] ГАБО Ф. 2071, оп. 1, д. 29, л. 4.

Паникадило металлическое – 1
Подсвечников простых – 3
Церковь:
Паникадило металлическое – 1
Иконы на иконостасе – 27
Иконы на стенах без риз – 15
Иконы в ризах из оклада – 8
Подсвечники у икон – 13
Хоругвей – 4
Столик-шкафик свечной – 1
Простой столик – 1
Купель для освященной воды – 2
Столики аналой – 4
Богослужебных книг – 40
Аналой для икон – 2
Простых лампад к иконам – 9
Алтарь:
Престол в облачении из церковной мишуры – 1
На нем ковчег из простого металла – 1
Старых Евангелий с металлическими украшениями – 3
Кресты в ризах из аппликации – 3
Антиминс старый – 1
Запрестольный крест в ризе аппликации – 1
К нему семисвечник из аппликации – 1
Жертвенник в виде небольшого шкафчика с дверкой, покрыт церковной пеленой – 1
И на нем серебряная чаша – 1
Принадлежностей к ней металлических – 6
Церковных блюд – 4
Икон без риз – 6
Икон в ризах из аппликации – 4
Венцов для венчания – 2
Два сосуда для освящения воды – 2
Кропило простое – 1
Маленьких колокольчиков для Пасхального Богослужения – 5
Облачение для священнослужителей – 6 годных
Облачений для священнослужителей – 7 старых
Кадила металлические старые – 2
Ящичек-мироносица металлический – 1
Дароносица металлическая – 1
Пелен церковных разных старых для образов – 20
Шкафчик небольшой для хранения алтарных вещей – 1

Вся церковь Рождества Богородицы с папертью, и притвором, и алтарем, и колокольней деревянной в одной связи одноглавая, размером около 33 аршин в длину. На колокольне 5 небольших колоколов.

На церковном погосте находится деревянный дом, в котором в зимнее холодное время совершается церковное богослужение и церковные требы, и там же помещается священник со своим семейством. Председатель церковного Совета-общины М. Лихоманов. Члены Совета М. Дударев и Федор Разумеев»[1].

В том же деле представлен список членов Церковно-приходского Совета Единоверческой церкви в посаде Ардонь Клинцовской волости Гомельской губернии (после 1919 г.)[2]:

Ф.И.О.	Место в общине	Кем и где работает	Звание	Собственность
Голиков Константин Савельев	Председатель	Работает деревообделочником в Клинцах	Мещанин	Дом
Лихоманов Михаил Семенов	Член	Рабочий по деревообработке в Клинцах	Мещанин	Дом
Дударев Михаил Григорьев	Член	Кузнец на фабрике в Клинцах	Мещанин	Дом
Разумеев Федор Федоров	Член	Маляр в Клинцах	Мещанин	Дом
Зябкин Василий Андрианов	Член	Деревообделочник в Клинцах	Мещанин	Дом
Ерусалимцев Евлампий Васильев	Член	Маляр в Клинцах	Мещанин	Дом
Сахнова Варвара Иванова	Член	Работает на фабрике в Клинцах	Мещанка	Дом

Следующий документ: «Дело» «Учет религиозных культов по Клинцовскому району в 1924 г.»: «Вх. № 9105 Н 20 срочно. Гом. Губ. Адм. Отделу. Во исполнение циркулярного предписания № 10064

[1] ГАБО Ф. 2071, оп. 1, д. 29, л. 1.
[2] Там же, л. 2.

от 29 августа с.г. представляются требуемые ... на служителей ... религиозных культов, со списком молитвенных домов ...по Клинцовскому уезду. Приложение – списки. Нач. Гормилиции – Зорин, зав адм. отд – Грабежев, делопроизводитель – Плоткин».

Угловой штамп: «СССР НКВД Управление Клинцовской Уездно-городской Сов. Раб Крестьянск. Милиции и розыска. г. Клинцы. 6.09 1924 г.»[1].

В «деле» есть несколько документов:

1) «Анкета Гомельской губ. Клинцовского уезда. Посад Ардонь.

Храмов православных – один (единоверческий)

Молитвенных домов – один (беспоповский)

Занятых под школы и пр. – нет

Население относится к использованию храмов для государственных нужд без препятствий.

Монастырей в посаде нет

Как использованы бывшие монастырские хозяйства и помещения (Земотделом, Отсобезом, Здравотделом, Концентрационными лагерями) – нет

Отпускает ли местная власть продукты для церкви: вино, воск, ладан, муку и пр. – нет.

Укажите конкретные случаи отношения населения к проведению декрета об отделении церкви от государства – препятствий не встретилось

Подписали зав. Отделом управления – предисполкома (подпись) и секретарь (подпись)»[2].

2) «Список церквей, расположенных на территории Клинцовского уезда (по Ардони):

Рождества Богородицы церковь единоверч. в п. Ардонь, по договору с УОУ (Уездным Отделом Управления) от 9.05.1923 г.»[3].

Священник Григорий Никифоров Татаринов (...1924...)

В 1924 году была составлена «Ведомость религиозных культов Клинцовского уезда по Клинцовской волости (за 1924 г.)». В Ведомости указано, что в посаде Ардонь Единоверческая ц. – **священник Татаринов Григорий Никифорович,** председатель Совета – Лихоманов Михаил Семенович, члены: Разумеев Федор Федорович, Голиков Константин Сиваевич»[4].

---

[1] ГАБО Ф. 1154, оп. 2, д.152, л. 1.

[2] Там же, л. 9.

[3] Там же, л. 30.

[4] Там же, л. 25.

В «Списке лиц, служителей религиозных культов по Клинцовской волости», в частности, по селу Богородицкому и по посаду Ардонь, сообщается, что «Татаринов Григорий Никифорович, 47 лет, п. Ардонь, священник Ардонской ц., под судом не был»[1].

В 1930 году единоверческую церковь Рождества Богородицы в Ардони закрыли. Прихожан церкви вынудили отказаться от церковного здания путем экономического давления – налог на землю и на помещение был поднят так высоко, что прихожане написали в Райисполком отказ от пользования церковным зданием.

Из протокола заседания Президиума Клинцовского Окрисполкома от 14 января 1930 г.

Слушали: представление Клинцовского райисполкома по ходатайству граждан с. Киваи, Смолевич и **Ардонь** о закрытии имеющихся в их селах церквей и передаче их под культурные нужды.

Постановили: подтвердить решение Клинцовского Райисполкома и просить Президиум Облисполкома об утверждении. (ГАБО Ф. 1097, оп. 1, д. 136, т. 1, л. 32)

Как вспоминает Василий Андреевич Чигиринов, единоверческая церковь в Ардони была закрыта в начале 1930-х годов. Бревна церковного сруба пошли на строительство прируба к зданию семилетней школы. В прирубе выкроили четыре классные комнаты для учащихся.

Большинство семей единоверцев в третьем поколении стали атеистами.

На месте единоверческой церкви в Ардони теперь стоит памятник участникам Великой Отечественной Войны.

---

[1] ГАБО Ф. 1154, оп. 2, д.152, л. 24.

Глава 4. Население Ардони

4.1. Миграция населения Ардони

Миграция сельского населения в России существовала с глубокой древности. В годы лихолетий, до XVI в., крестьяне уходили в удаленные малонаселенные местности, осваивая, в основном, Север Руси. Миграция (бегство) населения из Замосковных городов на юг, за Оку, на плодородные черноземы, сдерживалась частыми набегами кочевников. Внешняя миграция на окраины государства и за их пределы началась и усилилась в XVI веке, после завоевания русским царем Казанского и Астраханского ханства и прекращения угрозы набегов и разорения крестьян. С этого времени переселенческое движение крестьян, в основном, шло вдоль Волги вниз по течению, осваивался также бассейн реки Дон и степи за Доном. В XVIII веке началось освоение Северного Причерноморья и Крыма.

Внутренняя миграция заключалась в переходе крестьян от одного землевладельца к другому. В допетровские времена вектор внутренней миграции был направлен из частновладельческих имений в монастырские и дворцовые владения, где условия жизни для крестьян были немного лучше.

Миграция беглецов из России в Малороссию во второй половине XVII века – начале XVIII века можно рассматривать как пример внешней миграции. Малороссия, или Гетманщина, была автономным образованием в составе России, со своим правительством, судебным и гражданским законодательством, со своим налогообложением и бюджетом. В Малороссии русские крестьяне чувствовали себя в безопасности от посягательств прежних своих землевладельцев. Здесь же находили убежище старообрядцы, бежавшие от религиозных преследований.

После 1695 года, когда в заграничной слободе Ветка в непосредственной близости от Малороссийско-Польской границы была освящена первая старообрядческая церковь, Ветка со своей церковью и Стародубье, расположенное на близком расстоянии от Ветки, стали притягательными для тысяч последователей «древлего благочестия». Миграция из России на Ветку и в Стародубье приобрела новую религиозную окраску: теперь это было не только бег-

ство от религиозного преследования, но также бегство ближе к религиозному центру, к Ветке, к «Палестине» древлего благочестия.

Слобода Ардонь, как и все старообрядческие слободы Малороссии, была заселена беглецами из центральной России, которые стремились на юго-запад, в Малороссию, ближе к западной границе государства, ближе к Ветке.

Старообрядческие слободы в Малороссии отличались неустойчивостью состава слободского сообщества. Переписи населения слобод выявляют, что уже с первых лет основания старообрядческих поселений в Стародубье происходит постоянное перемещение части населения: из России в Стародубье, из Стародубья в Польшу, из Польши в Стародубье. Особенно заметно перемещение на Ветку и обратно.

Слободы до 1715 года постоянно пополнялись пришлыми людьми, приём пришлых (беглых) людей в слободы и наделение их землёй даже вменялся в обязанность осадчему и был оговорен во многих «осадных листах» как право «зазывать на слободу». Малороссийские землевладельцы, зная из неоднократных обращений царского правительства в Гетманский уряд с требованием поимки и возвращения в Россию беглых крестьян, не прописывали в «осадчих грамотах» запрет «осадчему» принимать «пришлых» из России людей. Они знали, что в Малороссию приходили на поселение только из России. Но обязательно оговаривалось число, так называемых, «льготных лет», в течение которых новосёл освобождался от державской повинности, то есть от оброков и барщины. Обычно на обустройство новоселу в Малороссии давалось 5–8 лет, реже 3 года. По-видимому, число льготных лет в Малороссии было увязано с продолжительностью «урочных лет», которые были узаконены в России указом 1597 года, установившим пятилетний срок сыска беглых крестьян. Требования пятилетнего сыска были дополнены указом 1607 года, прописавшим штраф в пользу государства и штраф («пожилое») в пользу старого владельца, который обязан был выплатить новый владелец за прием и держание беглых крестьян.

В течение пяти и более «льготных лет» крестьянин, живя на земле нового землевладельца, оставался «беглым». Малороссийский державец, приютивший крестьянина, в эти годы не оказывал покровительства крестьянину и, в случае сыска беглых, мог возражать против выплаты штрафа за «пожилые годы». После истечения «льготных лет» и истечения срока «сыска беглых», прописанных указом, крестьянин становился подданным державца (землевладельца, помещика), облагался налогом и одновременно

приобретал покровительство державца, который наделял нового подданного правом торговли в пределах местного рынка, защищал его и отвечал за него.

Наше предположение, что в Малороссии «льготные годы» были увязаны с «урочными годами» подтверждается тем, что в старообрядческих слободах заграничной Ветки, судя по документам, льготных лет беглецам не давали. На неоднократные обращения Российского правительства с просьбой вернуть беглых крестьян правительство Речи Посполитой не откликалось. Польским землевладельцам не угрожали сыски беглых крестьян, «урочные лета» и «пожилое» старому владельцу.

После объединения старообрядческих слобод в составе Государевой волости описных раскольничьих слобод перемещение населения не прекратилось. По данным переписей 1729, 1736, 1765 годов, наблюдается «бегство» десятков семей обывателей в «безвестном» направлении. Войты слобод и бурмистры «под клятвой» давали переписчикам сведения о беглецах, о составе их семей, о налогах, которые они платили. В тех же переписях находим имена вновь поселившихся в слободы обывателей.

С начала 1720-х годов Волостной конторе запрещается принимать беглых из России людей, заселение слобод Государевой волости ведется только выходцами из-за границы, под контролем «Глуховской Канторы».

С начала 1730-х годов Глуховская Контора заселяет в слободы Государевой волости выходцев из-за Польской границы, откликнувшихся на «пригласительные» указы сначала императрицы Анны Иоанновны, затем Елизаветы Петровны и Екатерины Алексеевны.

Причины переселения

Переселение крестьян и посадских людей в старообрядческие слободы Малороссии и выселение их из слобод имеют свои причины.

Миграция в старообрядческие слободы Малороссии происходила из России, из Малороссии и из Польши. Переселенцы из Польши были те же великороссийские крестьяне или посадские люди, которые бежали сначала за границу, а затем перебирались в слободы Государевой волости Малороссии. Мотивы, побуждавшие крестьян и посадских людей переселяться из центра России на окраину государства и даже за границу, были и экономические, и религиозные. Крестьян и посадских людей поднимали в дорогу религиозные притеснения и гонения, которые особенно стали жестокими в

годы правления царевны Софьи Алексеевны. В годы преобразовательной деятельности царя Петра Первого и долгой Русско-Шведской войны бегство крестьян стало ответом на жесткую экономическую и социальную политику правительства. Население страны в эти годы бежало от непрерывно растущих налогов и поборов, от трудовой и от рекрутской повинности. В эти годы происходит особенно быстрое наполнение беглыми из России крестьянами слобод Стародубья и заграничной Ветки[1].

После 1715 года, когда пребывание старообрядцев в слободах Стародубья стало легальным, приток населения в слободы находится под контролем властей, но одновременно происходит отток населения как бесконтрольный, так и организованный властью.

Выход обывателей из старообрядческих слобод Государевой волости был вызван разными причинами: здесь и опасение быть высланным из слободы к старому месту жительства под начало прежнего землевладельца, и стремление переселиться на более плодородную землю, и желание освободиться от налогового бремени на старом месте и несколько лет пользоваться безналоговой льготой на новом месте, и появившаяся возможность иметь более доходное предприятие на новом месте, здесь и бегство от наказания за преступление, бегство от рекрутского набора, сами рекрутские наборы, замужество и женитьба с переездом к новому месту жительства.

При изучении материалов переписи обывателей старообрядческих слобод Малороссии 1729 года обнаруживается миграция из Стародуб-ских слобод в Москву (12 семейств), в Стародуб (4), в Тулу (3), в Витебск (3), Вильна, Могилев (по 1 семье), Кременчуг, Крылов, Новомиргород (по 1 семье)[2].

В конце XVIII века, в годы проведения правительством Екатерины II политики веротерпимости, когда в старообрядческих слободах Малороссии заметно оживилась деловая жизнь, торговля, предпринимательство, появился переселенческий поток старообрядцев в Москву и запись в московское купечество. Этому способствовал также правительственный указ, разрешавший старообрядцам селиться в городах.

---

[1] Перекрестов Р.И. Структура переселенческих потоков из России и Польши в старообрядческие слободы Малороссии в конце XVII – начале XVIII веков по материалам переписи обывателей Государевых описных раскольничьих слобод 1729 г. Клинцовский летописец. – Клинцы. 2004, 2007, с. 70–154.

[2] Волошин Ю. Государевы описные малороссийские слободы (XVIII в.). – М. 2005, с. 163.

«Ревизские сказки Московского купечества», составленные в 1795 году, показали, что с 1782 по 1795 год в Москву переселились из старообрядческих слобод Стародубья 26 семейств: из Клинцов – 5, из Климова – 3, из Митковки – 5, из Злынки – 5, из Зыбкой – 3, из Деменки – 2, из Нового Места – 3 семьи. В московское купеческое звание записались 14 человек. В числе переселенцев в Москву было три иконописца[1].

Все названные выше причины миграции объясняют движение населения в слободе Ардонь XVIII века.

Миграция обывателей из Ардони

Миграция обывателей Ардони из слободы происходила в нескольких направлениях:

из Ардони в другие слободы Государевой волости (например, в Клинцы, в Елёнку, в Злынку, в Лужки),

из Ардони в города Малороссии, более всего в полковой город Стародуб, в Нежин, Глухов...

из Ардони за Польскую границу,

из Ардони на земли Юга России,

из Ардони в города центральной России (Калуга, Москва, Петербург).

Экономические побуждения к миграции. Предприимчивые торгующие и занимающиеся промыслами обыватели Ардони стремились к расширению своего промысла или торгового дела, что уводило ардонцев в Стародуб, в Клинцы, в Москву и за границу. Так Лихоманов, ардонского происхождения, торговал в Польше, завел ткацкое предприятие в польских Мезеричех, затем в Клинцах основал одну из первых текстильных фабрик. Гардей Махоткин, выходец из Ардони, торговал в Польше, затем открыл в Варшаве магазин «Русские товары», стал преуспевающим купцом.

Миграция из Ардони по религиозным мотивам нами не была отмечена как значительная. Переход старообрядцев из беспоповского согласия в поповское, хотя и осуждался соседями, но не побуждал человека к перемене места жительства. В Ардони уживались беспоповцы с поповцами, а с середины XIX века появились единоверцы, что не привело к расколу посадского общества Ардони, к вражде или нападкам. Прежние деловые отношения в селе-

---

[1] Материалы для истории Московского купечества, т. IV. – М. 1886; т. V. 1887.

нии не были нарушены, люди продолжали жить в мире и в согласии. Случалось, что в течение одного-двух поколений старообрядцы беспоповского согласия Ардони становились поповцами, затем присоединялись к Белокриницкому согласию или к Господствующей церкви на правах единоверия. В конце XIX в. в Ардони поселились семьи иудеев, и это также не вызвало никаких межрелигиозных или даже межнациональных трений. Религиозная терпимость была воспитана в жителях Ардони двумя столетиями деловой и предпринимательской деятельности, которая проходила в общении с людьми разных религиозных взглядов и разных национальностей. Религиозная терпимость была характерной чертой для обывателей старообрядческих селений Стародубья, в том числе и для ардонцев.

Пути миграции обывателей из Ардони в XVIII веке выявляются при изучении переписей населения. Так, перепись населения Государевых описных раскольничьих слобод Малороссии 1765 – 1767 гг. выявляет два потока миграции из Ардони: 1) в южные губернии: Белгородскую и Новороссийскую и 2) в слободу Клинцы, расположенную в трех верстах от слободы Ардонь.

Миграция из Ардони в степные губернии

Переселение старообрядцев из Стародубья в южные земли началось в 1758 году ещё при Елизавете Петровне. Так, из слободы Клинцы в Новороссийскую губернию в 1758 году вышел «на житьё» Трофим Нестеров Медведев (двор 76)[1].

Это был первый случай в жизни клинцовского общества. А массовое переселение на юг из Ардони и Клинцов «в степные места» началось в 1765 – 1767 годы после образования в 1764 г. Новороссийской губернии. Переселение из Государевой волости Малороссии в степные места происходило из всех старообрядческих слобод Стародубья. Согласно ведомости, составленной в 1767 **году, из слободы Клинцы «отпущено с паспортом в степные места» 86 семей и еще десять** семей уже получили паспорта для переселения в Новороссийскую губернию[2]. По данным переписи 1767 года, в Клинцах пустовало 102 избы и дворов.

Исследователь Ю. Волошин выяснил, что к 1765 году «Из слободы Зыбкой в Белгородскую губернию выселилось 13 человек, в Новороссийскую – 415 человек (ЦГИАК Укр. Ф. 1907, оп. 1, д. 389, лл. 172–194).

---

[1]ЦГИА Киев. Ф. 57, оп. 1, д. 117, л. 138.
[2] Там же, л. 292 об.

Из слободы Климовой в Астраханскую губернию выселилось – 87 человек, в Белгородскую – 88, в Новороссийскую – 465 человек (ЦГИАК Укр. Ф. 1907, оп. 1, д. 389, л. 168)

Из слободы Митьковки в Астраханскую губернию – 13, в Белгородскую – 22, в Новороссийскую – 151 человек (ЦГИАК Укр. Ф. 57, оп. 1, д. 116, л. 167)

Из Деменки за период 1765 – 1767 гг. выбыло в Новороссийскую губернию – 131 мужских душ. Из Шелом выбыло за тот же период времени – 102 муж. души»[1].

Как видно, основной поток переселенцев из старообрядческих слобод Государевой волости шел в Новороссийскую губернию.

Переселение жителей Ардони в степные места Новороссии совпало по времени с переселением старообрядцев из большинства слобод Государевой волости Малороссии. В 1765 году из Ардони в Новороссийскую губернию выселилось 11 семей, а в Белгородскую губернию – 2 семьи. Всего 54 души обоего пола.

Из Ардони «в Новороссийскую губернию выбыли:
Петр Морозов
Илья Поповичев
Иван Игнатов
Матрона Яковлева, вдова Петра Стрелецкого
Гаврила Донец
Пимен Лялин
Никифор Зябкин
Вдова Анна Максимова дочь Иваниха
Семен Соловников
Василий Горшенин
Василий Зябкин.
В Белгородскую губернию выбыли:
Андрей Лихоманов
Панкрат Лихоманов»[2].

В те же годы в Новороссийской губернии, **возле крепости Елисаветы, выходцами из старообрядческих слобод Государевой волости Малороссии были заселены слободы Клинцы, Зыбкая, Злынка. Было заселено еще несколько слобод выходцами из других областей России и из Польши. Теперь эти села в Херсонской области Украины.**

---

[1] Волошин Ю. Государевы описные малороссийские слободы (XVIII в.). – М. 2005, с. 104.

[2] Там же, л. 1386–1387

Д.И. Багалей писал: «Раскольники начали селиться в Новороссии ещё в царство Анны Иоанновны в Херсонской губернии возле Ананьева и Новомиргорода... Но число их было невелико. Гораздо больше явилось их в 1750-е годы, когда само правительство манифестами призывало их из Польши и Молдавии. Им отведены были земли в крепости Св. Елисаветы (ныне Елисаветград) и ея окрестностях, где они основали целый ряд сёл (Клинцы и др.). Селения их были многолюдны и отличались зажиточностью»[1].

Можно предположить, что заселение села Клинцы близ крепости Елисаветы началось около 1758 года, когда из слободы Клинцы Государевой волости Малороссии «в Новороссийскую губернию вышел на житьё Трофим Нестеров Медведев» (двор 76)[2].

Не исключено, что в 1765 году новая волна переселенцев направилась из слободы Клинцы и из слободы Ардонь Стародубского полка в село Клинцы Новороссийской губернии.

Миграция из Ардони в Клинцы

Переселение жителей слободы Ардонь в Клинцы обнаруживает перепись обывателей слободы Клинцы 1765–1767 годов, в которой переписчики против каждой фамилии указывали: «откуда пришел».

Выборка из переписи слободы Клинцы 1765–67 гг.:

«Двор (9), в нем живет Илья Герасимов сын **Татаринов** – 62 лет...природной слободы Ардони. У него дети Наум – 29 и Нестер – 18 лет, здоровы. Делает и продает сани (л. 116–116 об.).

Двор (14), в нем живет Леонтей Иванов сын **Долгов** – 56 лет... природной слободы Ардони, дети: Петр – 26, Василей – 22, Андрей, Савин – 12, Иев – 11 лет, здоровы. Делает и продает сани и простые телеги (л. 118).

Двор (18), в нем живет Дмитрий Никифоров сын **Бураков** – 42 лет, природной слободы Ардони, у него дети: Еремей – 22, Борис – 28, Пимин – 8 здоровы. Делает и продает сани и телеги простые (л. 119 об.).

Бездворная изба (20), в ней вдова Авдотья Иванова дочь Васильевская жена **Красильникова** – 60 лет. Муж её в слободу Ардонь пришел тому ныне 50 лет. У ней сын Иван – 22 лет. Делает и продает сани и телеги простые (л. 120 об.).

---

[1] Багалей Д.И. Колонизация Новороссийского края // Киевская старина, т. XXV. 1889, с. 474.

[2] ЦГИА Киев. Ф. 57, оп. 1, д. 117, л. 138.

Бездворная изба (32), в ней живет Марфа Иванова дочь Никитинская жена Иванова сына **Чуркина** – 47 лет. Муж её был природной слободы Ардони. У неё сын Степан – 19 лет. Пропитание имеет с сыном работою (л. 126).

Бездворная изба (63), в ней жил перешедший из слободы Ардони Михайла **Иванов** и поехавши в Польшу для торгу тамо умре (л. 134 об.).

Бездворная изба (65), в ней живет Потап Никифоров сын **Бураков** – 41 года, природной слободы Ардони, у него дети: Июда – 15 л. Делает и продает сани и телеги простые (л. 135).

Бездворная изба (73), в ней живет Яков **Иванов** – 50 лет, природной города Москвы суконной большой фабрики ткач, зашел в Польшу в 748 году, а из Польши в слободу Ардонь в 750-м году. У него сын Трофим – 6 лет, здоров. Делает и продает кирпичи и кладет из них печи (л. 137 об.).

Бездворная изба (80), в ней живет Семен Иванов сын **Сквозняков** – 30 лет, природной слободы Ардони, у него брат родной Киприян – 28 лет. Пропитание имеют от кузнечного и от слесарного мастерства (л. 139).

Бездворная изба (95), в ней живет Федор Игнатьев сын **Молчанов** – 47 лет. Природной Олонецкого уезду Дворцовой Государевой Петрозаводской Товлокской волости з села Вырезерского. Зашел в Польшу в 745, а из Польши в слободу Ардонь в 747 году, имеет сына Григория – 19 лет. Пропитание имеет плотнической работою (л. 143).

Двор (109), в нем живет Михаил Иванов сын **Долгов** – 43 лет, природной слободы Ардонь, у него сын Иван – 15 лет, Ефим – 5, Тимофей – 3 лет, здоровы. Михайла покупает деготь, рогожу и возя в Малороссийские города, а Перфил наймом в работу у разных людей (л. 148).

Бездворная изба (122), в ней живет Григорий Семенов сын **Васильев** – 50 лет, природной слободы Ардонь, у него дети: Фока – 23 лет, скорбен. Пропитание имеет разной черной работою (л.152 об.).

Бездворная изба (138), в ней живет Федор Степанов сын **Калашников** – 46 лет, природной Ярославского уезду деревни Гридиной Спасова монастыря крестьянин, зашел оттоль в слободу Ардонь в 736 году, сыновей нет. Печёт и продает калачи и хлеб (л. 161).

Бездворная изба (150), в ней живет Петр – 30, Лука – 28 лет, Семеновы дети **Смирновы**, природные слободы Ардони. У Петра сын Павел – 1 года. Делают и продают деревянные ложки (л. 166 об.).

Бездворная изба (155), в ней живет Александр **Артемьев** – 66 лет, природной города Карачев посацкий человек, пришел из Польши в слободу Ардонь в 733 году, у него сын Иван – 14 лет. Кормится работою (л.169 об.).

Бездворная изба (156), в ней живет Иван Яковлев сын **Ковалев** – 39 лет, природной слободы Ардонь. У него сын Леонтий – 12, Ефим – 7 лет, здоровы. Кормится кузнечною работою (л. 169 об.).

Бездворная изба (158), в ней живет вдова Ирина Васильева дочь Ивановская жена **Бобылева** – 63 лет. Муж её природный Юревскаго Поволскаго уезду Дворцовой Беретниковской волости, деревни Петровской крестьянин. Пришел в слободу Ардонь тому 51 год. У него сын Степан – 35, Михайла – 26 лет, здоровы. Пропитание имеют от иконного мастерства (л. 171).

Двор (183), в нем живет вдова Василиса Степанова дочь Терентьевская жена **Лошкарева** – 53 лет. Муж ея природный Балахонского уезду Дворцовой волости села Хохломы крестьянин. Пришел в слободу Ардонь тому ныне 51 год, у неё сын Авраам – 33 лет, здоров. Оной вдовы сын пропитание имеет, покупает рогожи и цыновки и продает також рогатую скотину и продает яловичье и баранье мясо (л.184 об.).

Двор (193), в нем живет Сысой Платонов сын **Козмин** – 34 лет. Отец его был города Коломны посацкой человек, и вышел из Польши в слободу Ардонь в 734 году, у него сын Федор – полугода. Промысел имеет, берет на кредит у разных людей циновки и рогожи мочальные и отвозит в малороссийские города по ярмаках и продает, а в случае нанимается под извоз (л.190 об.).

Двор (194), в нем живет Василий Григорьев сын **Аксенов** – 35 лет. Отец ево природной города Коломны посацкой человек. Вышел из Польши в слободу Ардонь в 734 году, у него дети Фока – 10 лет. Промысел имеет, покупает конопляное масло бочек по ... отвозит в Малороссию и к Сечи Запорожской. Оттоль возит соль, рыбу и отвозя за границу в Польскую область через указные таможни и продает (191 об.).

Двор (206), в нем живет Ермолай Степанов сын **Востреков** – 40 лет, природной слободы Ардони. У него сын Иван – 10, Алексей – 2 лет. Промысел имеет, варит мыло и продает пудов 600. Покупая треплет пеньку, которой может доставить в год пуд до 1000 и продает российским купцам (л. 198).

Бездворная изба (207), в ней живет Михайла **Марков** – 47 лет. Его отец и мать природные города Москвы, села Тайницкого крестьяне. Он, Михайло, родился за границей в Польше в слободу Вылевой и вышел оттоль в Ардонь в 732 году. У него сын Сидор – 18, Феоктист – 1 года. Шьет и продает русские сапоги (л. 199).

Бездворная изба (224), в ней живут: Ефим – 25, Филипп – 21 года Петровы дети **Васильевы**, здоровы, природные слободы Ардонь. Кормится наймом работы по разным людям (л. 208–208 об.).

Двор (249), в нем живет Семен Федоров сын **Мыльников** – 70 лет, природной города Коломны посацкой человек. Сын его Сергей – 33 лет. Пришел в слободу Ардонь тому 48 лет, промысел имеют, варят и продают простое мыло в год пудов 600 и отпускают за границу в Польшу...(л.219).

Бездворная изба (258), в ней живет Кирилла Тихонов сын **Вороненков** – 54 лет, у него сын Терентий – 11 лет. Природной Старорусского уезду Воскресенского монастыря деревни Псова крестьянин, пришел оттоль с матерью в слободу Ардонь малолетним. Кормится разною черною работой поденно (л. 223 об.).

Бездворная изба (271), в ней живет Федор Михайлов сын **Токарев** – 30 лет, природной слободы Ардонь. Кормится работою нанимаясь у разных людей понедельно (л. 228 об.).

Бездворная изба (274), в ней живет Иван Клементьев сын **Дерюгин** – 58 лет. Отец его города Мещовска. Сшел в Польшу в 749 году, а оттуда в Россию в слободу Ардонь в 745 году. Кормится разною черною работой (л. 229 об.).

Бездворная изба (277), в ней живет Яким Степанов сын **Фомин** – 30 лет. Отец его швецкой нации и вышел из Польши в слободу Ардонь в 734 году. У него сын Егор – 5 лет, Давид – полугоду. Кормится черною работою (л. 239 об.).

Бездворная изба (289), в ней живет Сергей Ипатов сын **Тарусин** – 38 лет. Отец его Вяземского уезда помещика графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина деревни Кариной крестьяне, пришли из Польши в слободу Ардонь в 740 году. Кормится разною черною работою поденно (л. 234).

Бездворная изба (300), в ней живет вдова Ирина Афанасьева дочь Федоровская жена **Потапова** – 55 лет. Она и муж ее были города Калуги посацкие люди. Пришли из Польши в слободу Ардонь в 734 году. У ней дети: Иван – 32 лет. Сын живет для торгу в городе Харькове (л. 237 об.).

Обыватели, кои дворов своих и оседлости не имеют, кои и живут в разных местах

(12) Михайло Федоров сын **Бормотов** – 30 лет, природной слободы Ардони, у него сын Авраам – 2 л. Живет для торгового промыслу в городе Стародубе на предилом (прядильном. – Р.П.) дворе (л. 257).

(13) Григорий Андреев сын **Цыбульников** – 23 лет, природной слободы Ардонь. Живет в Клинцах для услужения по разным людям (л. 257).

(16) Вдова Лукерья Дмитриевская дочь Демьяновская жена **Винникова** – 56 лет. Муж ея Малороссийского прирождения Глуховского уезду села Серединой Буды, пришел в слободу Ардонь тому 45 лет. У нее сын Авраам Винников – 25 лет. Вдова с детьми живет в Ардони. (л. 258) (Записана в переписи Ардони 1765 г. как «Гликерия Винокурова, сын Авраамий, делает и продает пряники». – ЦГИА Ф. 57, оп. 1, д. 118, л. 1121.).

(17) Алексей Иванов сын **Каменков** – 30 лет, природной слободы Ардони, живет в Клинцах в услужении у Василия Гатилина (л. 258).

(18) Федор Игнатов сын **Савельев** – 29 лет, природной слободы Ардони, живет в услужении у Ермолая Вострекова (л. 258 об.).

(19) Вдова Акилина Титова дочь Федоровская жена **Рыбникова** – 54 лет. Муж ея природной Ростовского уезда села Холмогорова Дворцовой Волости крестьянин. И оттоль сшел малолетний в Польшу, а ис Польши в слободу Ардонь в 734 г. Сын Семен – 25, Марка – 14. Оная вдова с показанным семейством по паспорту живет для торгу за границей в Польской области (л. 258 об.).

(20) Карп **Иванов** – 64 лет. Природный Ростовского уезду слободы Монастырской Богоявленского монастыря крестьянин, пришел ис Польши в слободу Ардонь в 734 году. У него сын Леон – 17, Михайла – 15. Оной живет для сыромятного мастерства в городе Харькове (л.259).

(21) Михайло Иванов сын **Малышев** – 66 лет. Природной Нижегородского уезда села Работок крестьянин. Пришел ис Польши в слободу Ардонь в 733 году. Живет с зятем по пашпортам за границею в Польше для торгового промысла (л. 259–259 об.).

(24) Гаврила Ильин сын **Гусев** – 75 лет, природной местечка Осташукова Пафнутьева Боровского монастыря крестьянин. Пришел с Польши в слободу Ардонь в 734 году. У него сын Перфил – 25, Иван – 24 лет. Оной Гусев живет в кожевенном заводе у заводчика Осокина для работы (л. 260).

(25) Евсей **Евтропьев** сын – 44 лет. Отец ево природный города Тулы посацкой человек, сходил в Польшу, а ис Польши в Россию в слободу Ардонь в 734 году. Оной живет для торгу в городе Туле (л. 260 об.).

(28) Вдова Федора Иванова дочь Гавриловская жена **Вертикова** – 46 лет. Муж ея природный Белевского уезда села Мителева казачий сын. Пришел в слободу Ардонь тому 47 лет. Она вдова живет в слободе Клинцах по разным людям, кормится мирским подаянием (л. 261).

(30) Савелий Васильев сын **Хромов** – 27 лет, природной слободы Ардони. Живет с женой в хуторе умершего заводчика Никиты Коренева. (Коренев хутор) (л. 261 об.).

(31) Феоктист – 31, Никита – 25, Софрон – 23 лет, **Артемьевы** дети, природные слободы Ардони, живут в работниках по разным людям (л. 261 об.).

(32) Василей Иванов сын **Крупенинов** – 72 лет, природный города Нижнева посацкой человек. Сшел в Польшу в 721, а ис Польши в слободу Ардонь в 734 году. Живет в Стародубе, а в слободу Клинцы за старостию ничего не платит (л. 261 об.).

(33) Иван **Дмитриев** – 56 лет, вдов, природной Костромского уезду села Константинова Спасского монастыря крестьянин. Пришел в слободу Ардонь тому 51 год, у него сын Моисей – 18, Сидор – 16 лет. Оной Дмитриев кормится разной работою, ходя по малороссийским городам и местам (л. 262).

(34) Иван **Федоров** – 38 лет, увечен, природной слободы Ардони. Он живет в кожевенном заводе при тесте своем Осокине (л. 262).

(35) Яков **Андреев** – 48 лет, природной Переславля Залесскаго уезду деревни Малаховой Троице-Сергиева монастыря крестьянин. И пришел оттоль с отцом своим в Ардонь тому ныне 42 года. Живет в хуторе умершего заводчика Никиты Коренева (л. 262).

(40) Филип Епифанов сын **Пастухов** – 53 лет, природной Мосальского уезду деревни Девятовской. Свезен оттуда дядей ево Ильей Павловым в Польшу малолетной, а ис Польши вышел он Филипп в Россию в слободу Ардонь в 756 году. У него сын Леон – 24, Федор – 18 лет. Живет с семейством на хуторе умершего заводчика Никиты Коренева (л. 263 – 263 об.).

(153) Федор Петров сын **Резников** – 59 лет, родители его каких Великороссийских городов были природные не знает потому что родился в Польше и вышел ис Польши в Россию в слободу Ардонь в 745 году. Оной Резников кормится работою ходя в разные места (л. 288 об.).

(159) Иван – 24, Андреян – 20, Федосей – 19 лет Михайловы дети **Морозовы**. Дед их малороссийского города Стародуба деревни Савенков казацкой сын, а они родились в Курске и тому ныне 18 лет привезены отцом своим в слободу Ардонь, а в Клинцы определены по указу Киевской Губернской Канцелярии в 764 году. Оные находятся в услужении в разных людей (л. 289 об.)»[1].

Всего в переписи указаны имена 104 лиц мужского пола – налогооблагаемых членов семьи. Жены и дети женского пола не учтены.

В переписи не указано, когда семьи перешли из Ардони в слободу Клинцы, за исключением одной семьи Морозовых, пришед-

[1] ЦГИА Укр. Киев. Ф. 57, оп. 1, д. 117, л. 112–294.

ших в Ардонь в 1764 г. – «в Клинцы определены по указу Киевской Губернской Канцелярии в 764 году» (л. 289 об.)

Известно, что в 1741 году, когда Ардонь была возвращена в подчинение Киево-Печерской Лавре, то произошло самостоятельное отселение (бегство) части населения Ардони в разные слободы, по-видимому, часть из названных лиц тогда же отселилась в Клинцы, а другие отселились позже, после 1741 года.

Дополнительные сведения о миграции населения из слобод Киево-Печерской Лавры в слободы Государевой волости приводит Ю. Волошин. Он сообщает, что «в 1755 году перешли в слободы Государевой волости: из слободы Свяцкой – 145 человек, из Ардони – 204 человека, из Тимошкина Перевоза – 12 человек (ЦГИАК Укр. Ф. 59, оп. 1, д. 2864, л. 5.). Всего на 1761 год переселилось 349 человек, более всего в Клинцы – 88 человек, в Деменку – 64, в Зыбкую – 53 чел. В Млынку и Радуль не переселялись вовсе»[1].

Следовательно, основной поток переселенцев из Ардони в Клинцы имел место в 1755 году.

Не смущает нас то, что из Ардони выселилось 204 человека, а в Клинцы пришло на поселение 88 человек. Учет выселившихся велся по душам обоего пола, а учет вселившихся по душам мужского пола как налогоплательщиков. Переписанные в Клинцах в 1767 году 104 души мужского пола, переселившиеся из Ардони, после прибавления к ним равного числа лиц женского пола дают искомые 204 души.

Ю. Волошин допускает еще один поток движения населения, когда обыватели Ардони, приписанные к лавре, бегут из Ардони за границу, а спустя несколько лет возвращаются и записываются уже обывателями Государевой волости. Основанием для такого предположения служит ведомость, составленная Управляющим Волостной Конторы Морозовым в начале 1756 года, где Морозов писал: «Из отданных Киево-Печерской Лавре слобод Ардони, Свяцкой и Тимошкина Перевоза (обыватели), которые являлись и на жительство ведомства волостной конторы в описные слободы по желанию их были приняты, как в показанные Киево-Печерской Лавры слободы многие поуходили». (ЦГИАК Укр. Ф. 59, оп. 1, д. 2864, л. 52 об.)»[2].

Все представленные выше 50 семей бывших обывателей Ардони, переселившиеся в разные годы в Клинцы, в основном, пред-

---

[1] Волошин Ю. Государевы описные малороссийские слободы (XVIII в.). – М. 2005, с. 97.

[2] Волошин Ю. Там же, с. 98

приимчивые люди, занимающиеся промыслом, торговлей, нанимающиеся в работники. Две семьи не назвали рода занятий. Один обыватель по старости не работает и ещё один «кормится мирским подаянием».

Род занятий ардонцев, переселившихся в Клинцы, представлен так:

Делают сани и телеги – 4 семьи (Леонтий Долгов, Потап Бураков, Красильников, Дмитрий Бураков)

Делает сани – 1 (Илья Татаринов)

Делает кирпич и кладет печи – 1 (Яким Иванов)

Кузнец и слесарь – 1 (Сквозняков)

Кузнец – 1 (Ковалев)

Плотник – 1 (Молчанов)

Печет хлеб и калачи – 1 (Калашников)

Печет пряники – 1 (Винникова)

Делает ложки – 1 (Смирнов)

Иконописец – 1 (Бобылев)

Варят мыло и продают – 2 (Ермолай Востреков и Мыльников)

Шьет русские сапоги – 1 (Марков)

Обрабатывает (очищает, треплет) пеньку и продает – 1 (Ермолай Востреков)

Сыромятное мастерство в Харькове – 1 (Карп Иванов)

Торгует в Польше – 3 (Мих. Иванов, Рыбников, Малышев)

Торгует в Харькове – 1 (Потапов)

Торгует в Стародубе на прядильном дворе – 1 (Бормотов)

Торгует в Туле – 1 (Евтропьев)

Торгует дегтем и рогожами – 1 (Мих. Долгов)

Торгует рогожами, занимается извозом – 1 (Козмин)

Торгует рогожами, скотом, мясом – 1 (Лошкарев)

Торгует маслом конопляным, рыбой и солью – 1 (Аксенов)

Кормятся наемным трудом – 22 (Чуркин, Перфил Долгов, Гр. Васильев, Артемьев, Ефим и Филип Васильевы, Кирил Вороненков, Ф. Токарев, Дерюгин, Я. Фомин, Тарусин, Цыбульников, Каменков, Савельев, Гусев, Хромов, Артемьев, Дмитриев, Федоров, Андреев, Пастухов, Резников, Морозов)

Кормятся подаянием – 1 (Вертикова)

Не работает по старости – 1 (Крупенников)

Из 50 семей заняты промыслами – 18 семей, торговлей – 10, нанимаются в работники – 22 семьи.

Из 50 семей ардонцев, переселившихся в Клинцы, 21 человек назвали себя «природными ардонскими». Остальные 29 семей пришли в Ардонь из разных городов и уездов России, а затем перебрались в Клинцы.

Таблица. **Откуда пришли в Ардонь 29 семей, переселившихся затем в Клинцы. Данные 1767 г.**

Сословия	Откуда родом	Число семей
Посадские люди	Из Москвы	2
	Из Калуги	1
	Из Карачева	1
	Из Коломны	3
	Из Мещевска	1
	Из Нижнего Новгорода	1
	Из Стародуба	1
	Из Тулы	1
	Посадских людей:	11
Дворцовые крестьяне	Олонецкого уезда Дворцовый крест.	1
	Юрьев-Поволского уезда Дворцовый крест.	1
	Болахонского уезда, с. Хохломы Дворцовый крест.	1
	Ростовского уезда с. Холмогорова Дворцовый крест.	1
	Дворцовых крестьян:	4
Монастырские крестьяне	Из Старой Руссы монастырский крест.	1
	Из Ярославского уезда монастырский крестьянин	1
	Из Ростовского уезда монастырский крест.	1
	Из Осташкова монастырский крест.	1
	Костромского уезда монастырский крест.	1
	Переслав-Залесского уезда монастырский крест.	1
	Монастырских крестьян:	6
Помещичьи крестьяне	Мосальского уезда крестьянин	1
	Вяземского уезду крестьянин графа Мусина-Пушкина	1
	Нижегородского уезда, села Работок крестьянин	1

	Из Серединой Буды крестьянин	1
	Помещичьих крестьян:	4
Казак	Из Белевского уезда из казаков	1
Шведской нации		1
Не знают, откуда родители		2
Всего семей		29

География бегства из России в старообрядческие слободы Малороссии представлена городами, монастырскими, дворцовыми и помещичьими владениями со всей России. В слободу Ардонь приходили, жили, а затем выселялись в другие слободы и города наиболее предприимчивые, деловые, трудолюбивые представители разных сословий общества.

Следующая перепись обывателей слободы Клинцы 1782 года сообщает о двух жителях Ардони, которые переселились в Клинцы до переписи 1765 – 67 гг. «из Ардони»:

«№ 536. **Смирнов** Потап Осипов, по переписи 1765 года – 40 лет, умер в 1779 году. Сын Иван (в 1765 г.) 19 лет – (в 1782 г.) 36 лет, сын Василий – (в 1782 г.) 4 года».

«№ 537. **Ерусалимцов** Егор Михайлов, 23–40 лет. Жена Агафья Петровна Леутина из Клинцов»[1].

Разрозненные сообщения о переезде жителей Ардони в Клинцы встречаем в Журнале Ардонской Ратуши за 1801 год.

«Ноября 25 дня 1801 года слушали сообщение Ратуши Клинцовской, в коем она, прописывая что оная Ратуша слушав двух прошений посада Ардонского 1-е, от мещанской жены вдовы Евдокии Кондратцевой, а 2-е, от 3-й гильдии купеческих сына Афанасия Семенова Ерусалимцова и племянника Семена Сергеева и мещанина Харлампия Чекмарева, коим оны объявили желание переписаться на будущий 1802 год с посада Ардонского в посад Клинцовской по способности для них тех промыслов, имеющихся у ных здесь оседлостях.

И с Кондратцева с сынами Ильею, Савою, Харламом и Евдокимом Ивановыми Кондратцевыми в купеческое 3-й гильдии с капиталом 2005 рублей, а последние: Ерусалимцов с женой и с сынами

[1] ЦГИА Укр. Ф.206, оп. 3, д. 7393, л. 105.

Максимом и Василием, Сергеев и Чекмарев одны без детей, в мещанское звание, и просили их в таковое звание /л. 130 об/ причислить, почему и сообщает сей Ратуши требует дабы б благоволено было учинить чрез кого надлежит верную выправку, состоят ли оные просители Кондратцова, Иерусалимцов, Сергеев и Чекмарев записанными по ревизии 795 года или после оной в посаде Ардонском, в каком числе мужска пола душах, и коликих лет нес..наных и новых недоимок или препятствующих на переписку причин, и что окажется уведомить оную Ратушу определили в выправке об оных с Ревизии чиненную в посаде Ардонском 795 года так ... и с ведомость ту же причисленных в здешний посад пропущенных посаде Ардонском в купчих и мещанах по оной 795 года Ревизии людях ... Далее текст не сохранился...»[1].

В июле 1802 года Ардонская Ратуша получила из Малороссийской Черниговской Казенной палаты положительный ответ на запрос[2].

«Сентября 29 дня, 1802 года, на заседании Ардонской Ратуши слушали «Указ из Малороссийской Казенной Палаты под № 6853 касательно о исключении из числа мещан посада Ардонскаго Лариона Архипова в трех мужски пола душах и о причислении по желанию в число купцов посада Добрянскаго с начала будущаго 1803 года...»[3].

Сообщения о переселении жителей Ардони в Клинцы встречаем в Ревизских сказках.

В Ревизской сказке 1811 года говорится об Афанасии Лихоманове: «Афанасий Казмин сын Лихоманов (46 – перешел в посад Клинцовский с семейством в 1796 году на жительство по указу). Афанасиевы дети: Иван (20–), Василий (11–), Иван (10–), Сафрон (8–)». Там же: «Из мещан перешли на жительство в Клинцы – Кондратовы»[4].

Миграция населения из Ардони в Клинцы продолжалась на протяжении всего XIX и XX столетий. Обратного движения населения из Клинцов в Ардонь не наблюдалось. В переписях 1765 – 67 и 1782 годов сохранились наиболее полные сведения о переселенцах в Клинцы, позволяющие узнать, какие клинцовские семьи ведут свою родословную из Ардони.

---

[1] ГАБО Ф. 146, оп. 1, д. 2. Журнал заседаний Ардонской ратуши 1801 г., л. 130–130 об.

[2] ГАБО Ф. 146, оп. 1, д. 3. Журнал заседаний Ардонской ратуши 1802 г., л. 159.

[3] Там же, л. 210 об.

[4] ГАБО Ф. 549, оп. 2, д. 3, л. 136–140 об.

4.2. Ардонская ратуша

Административную реформу Малороссии правительство Екатерины II стало готовить после упразднения в 1764 году гетманства. В 1765–1769 году Президентом Малороссийской коллегии П.А. Румянцевым была проведена перепись всего населения Малороссии. «26 октября 1781 года последовал Рескрипт от Ея Императорскаго Величества к генералу-фельдмаршалу П.А. Румянцеву для точного руководства и основания к должному устроению оных наместничеств и нового образа управления».

В пункте 4 говорилось: «В слободах, населенных в бывших Черниговском и Стародубском полках Великороссийскими людьми, и в ведомстве казенном состоящих так, как и в местечках казенного же ведомства, мы позволяем учредить ратуши, сходно тому, как в учреждениях наших (Гл. 20, Ст. 278) о Посадах сказано, если жители тех слобод и местечек, к казенному ведомству принадлежащие, пожелают в торгах и промыслах мещанских упражняться»[1].

Учреждение ратушного правления в старообрядческих слободах Малороссии и придание слободам статуса посадов было обусловлено тем, что упраздняемая в 1781 году Государева волость описных раскольничьих слобод принадлежала к «Казенному ведомству». «Пожелание в торгах и промыслах мещанских упражняться» было высказано обывателями старообрядческих слобод ещё за пятнадцать лет до этого в ходатайстве о записи обывателей в купеческое сословие.

В 1778 году Сенат в своем докладе напомнил императрице, что в 1766 году «бывшие в Киеве генерал-губернатор Глебов и Воейков сенату представляли»... и предлагали «учредить при тех (раскольнических) слободах купечество и быть им записанными при Волосной тех же раскольничьих слобод канторе». В том же 1778 году граф Петр Александрович Румянцев представил Сенату предложение: «не угодно ли будет повелеть обывателей раскольнических слобод написать в посады на точном основании, как и великороссийские купцы ныне состоят». На этом докладе императрица 6 ноября «конфирмовать изволила тако: «с раскольниками, в Малой России поселенными и торги производящими, поступать по точной силе указа нашего марта от 17 дня 1775 года статье

[1] Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким описанием Малыя России. – Чернигов. 1786. Переизд. – Киев. 1851, с. 131.

четыредесять седьмой, как в оной о всем вообще российском купечестве узаконено. Исполнение же сего и все дальнейшия в следствие того распоряжения оставить тамошнему генерал-губернатору»[1].

Императрица предоставляла П.А. Румянцеву право действовать в соответствии с указом, который назывался «Учреждение для управления губернией Всероссийской Империи» (1775–1780 гг.).

В том же указе, в главе XX «О городах», в статье 278 сказано: «Ратушам быть только по посадам и выбирать в них людей через всякие три года по баллам, в малых же посадах, где менее 500 душ, дозволено выбирать по одному бурмистру и по два ратмана, а в больших посадах выбирается число бургомистров и ратманов против городов»[2] (то есть как в городах).

А 16 ноября 1781 года состоялся манифест Ея Императорского Величества, согласно которому Волостная Контора упразднялась, слободы передавались в Казенное ведомство, шесть старообрядческих слобод получали ратушное управление. Согласно Манифесту от 16 ноября 1781 года, войты слобод составили ведомости, в которые были внесены имена обывателей, записавшихся в мещанство и в купечество. Ведомости были готовы к октябрю 1782 года.

Выборы бурмистров и ратманов в старообрядческих селениях бывшей Государевой волости состоялись в ноябре 1782 года. В таких крупных посадах как Клинцы, Воронок, Зыбкая, Елёнка, Климово выбирали двух бурмистров и четырех ратманов. В Злынке выбирали одного бурмистра и двух ратманов. В слободах управление осталось в руках выборных войтов.

Слободы, не получившие ратушного управления, были приписаны к посадским ратушам. Так к Елёнской ратуше были приписаны слободы Млынка, к Климовской ратуше – слободы Лужки, Митьковка и Чуровичи, к Клинцовской ратуше были приписаны Ардонь, Свяцкая и Тимошкин Перевоз, к Зыбковской ратуше приписали слободу Шеломы, а к Злынковской – Деменку[3].

Ардонь, таким образом, оставалась слободой, но обыватели слободы получили право приписаться к мещанскому или купеческому сословию.

То, что Ардонь оставалась слободой, находим у А.Ф. Шафонского в «Описании Малыя России» (издания 1786 года). В главе

---

[1] Земский сборник Черниговской губернии за 1901 г. Приложение, с. 294–296.

[2] ПСЗ. Т.XX, с. 228.

[3] Волошин Ю. Государевы описные раскольнические слободы (XVIII в.). – М. 2005, с. 83.

«Новгород-Северское наместничество» А.Ф. Шафонский писал: «в Суражском уезде»...«раскольничьих слобод – четыре, посад – один. В посаде Клинцы учреждена Ратуша»[1]. То есть в других слободах ратушного правления ещё нет. А.Ф. Шафонский использовал для «Описания Малыя России» материалы той же переписи 1781–1782 года.

В результате административной реформы Малороссии часть обывателей слободы Ардонь, которая была приписана к Государевой волости описных раскольничьих слобод Малороссии, получила право записаться в мещанство и в купечество. А другая часть, приписанная к Лавре, ещё ряд лет оставалась монастырскими крестьянами Киево-Печерской Лавры.

А.М. Лазаревский, анализируя перепись 1781 года, писал: «Затем из описания 1781 года видим, что часть ардонских раскольников впоследствии совсем освободилась от монашескаго “подданства” и “записалась в мещанство”. Меньшая часть ардонского населения осталась в крестьянстве до указа 10 апреля 1786 года. Можно думать, что в мещанство получили возможность записаться те раскольники, которые пришли в Ардонь после описи Ергольского»[2].

Далее А. Лазаревский дает справку о населении слободы Ардонь:

«А. (в 1723 году) гр[рунтовых] 16 дв[оров].

Б. (в 1781 году) «отписных в казенное ведомство, ныне записавшихся в мещанство, 49 дв[оров]., 51 х[ат]. Отданных по именному указу Киево-Печерской Лавре, расколщиков же – 12 дв[оров]., 13 х[ат].»[3].

Доказательством тому, что ардонские обыватели в 1782 году записались в мещанство и купечество служит «Сказка слободы Ардонь» 1782 года. Сохранилась только малая часть «Сказки» в Брянском архиве. Во вступлении к Сказке Евстафий Зябкин записал:

«Сказка слободы Ардонь 1782 года, сентября 8, Новгород-Северского наместничества, Суражской округи, ведомства Государевых описных в Малой России слобод канторы слободы Ардони выборный Евстафий Зябкин по силе состявшогося 1781 года ноября 16 дня Императорскаго Величества и в народ публикованного манифеста дал сию сказку о положенных в оной слободе Ардони

---

[1] Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким описанием Малыя России. – Чернигов. 1786. Переизд. – Киев. 1851, № 45, 46, 47.

[2] Лазаревский А. Описание Старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – Киев. 1889, с. 461.

[3] Там же, с. 460–461.

по последней происходившей здесь 1765 года ревизии в подушном окладе подсудствующих Волостной Канторе, кроме особливо живущих в той же слободе Киево-Печерской Лавры подданных жителех, а ... во исполнение Ея Императорскаго Величества конфирмации, состоявшейся в 6 день ноября 1778 году, вступивших в купечество и мещанство, с показанием ис того числа разними случаями убылих и после ревизии внове рожденных и прибылых по самой истине, без всякой утайки, а буди кем впредь обличен являсь или по свидетельству найдется, что кого-либо утаил, то повинен положенному по указам штрафу без всякого милосердия»[1].

Из сообщения Евстафия Зябкина следует, что в Сказке представлены только «подсудствующие Волостной Канторе, кроме особливо живущих в той же слободе Киево-Печерской лавры подданных жителех». То есть в Сказку вошли только подданные «Канторе» Государевой волости, живущие на лаврской земле, а лаврские подданные старообрядцы в мещанство и в купечество не записаны. Из числа подданных Государевой волости в 1782 году в купечество записалось всего пять семей:

«1. Семья Максима Осипова сына Смирнова, по прежней ревизии 42 лет, умершего в 1776 году. Его сын Иван Максимов сын Смирнов, 20–37 л., его сын Семен, 6, Николай 2 лет. Брат Максима – Потап Осипов сын Смирнов, по прежней ревизии 46 лет, переведен на жилье в сл. Клинцы, где ... объявлен будет. С ним в Клинцах сын Иван, по прежней переписи 19 лет.

2. Константин Афанасьев, по прежней переписи 15 лет, теперь – 32 лет, дети Петр – 3, Родион – 2 лет.

3. Иван Ерофеев сын Шведов, 32–49, дети: Григорий, 4–21, Василий, 2–19 лет, Анисим – 11 лет.

4. Яков Дементьев сын Луговой, 56–73, сыновья Филип и Гурий отданы в рекруты, сыновья: Радион – 16, Терентий – 15 лет.

5. Ефрем Тимофеев сын Васильев, 31 г., переведен из сл. Воронок. Сын Клемент – 2 лет»[2].

Большая часть листов документа утрачена, остальные ветхие, поэтому удалось подсчитать только 12 семейств мещан, а прочитать имена только у трёх семейств.

Указ от 10 апреля 1786 года, который был упомянут А. Лазаревским, предписывал «По силе Высочайшего Именного Указа в коронное владение причислены казенные крестьяне, бывшие во владении монастырей Епархии Киевской, Черниговской, Новго-

---

[1] ГАБО Ф. 549, оп. 2, д. 1, л. 400–407.
[2] ГАБО Ф. 549, оп. 2, д. 1, л. 400–401.

род-Северской и Белгородской. А архиереям и монастырям из казны Е.И.В. денежное содержание определено»[1].

В 1786 году состоялось изъятие монастырских владений Киево-Печерской Лавры, бывших в Стародубье, в итоге волости Поповогорская, Лищицкая и Бобовичская были изъяты из подчинения лавры и вместе с жителями этих волостей переданы в Казенное ведомство. Следствием этого явилось то, что обыватели слободы Ардонь, которые после 1782 года ещё оставались в подчинении Киево-Печерской Лавры, освободились от лаврской опеки и получили возможность записаться в купечество и мещанство. С 1786 года население слободы Ардонь стало однородным в административном смысле.

Видимо, тогда Ардонь получила ратушное управление. Точную дату этого события в документах обнаружить не удалось. В Брянском архиве хранятся Журналы заседаний Ардонской ратуши, начиная с 1801 года, что свидетельствует о том, что ратушное управление в Ардони было введено до 1801 года. В Ардони, как в малом посаде, выбирали одного бурмистра, двух ратманов и старосту. Срок полномочий на выборной должности был определен тремя годами. Один ратман должен был представлять мещанство. Обычно на выборные должности бурмистра выбирали человека купеческого звания, старшего возраста, избиравшегося ранее на должность ратмана, а в ратманы выбирали молодежь из мещан и купцов. Если бурмистр и ратманы выполняли роль законодательную, то в лице старосты воплощена была исполнительная власть. Староста письменно обращался в ратушу по разным вопросам и по решению ратуши исполнял её предписания.

«Марта 2 дня 1801 года Рапорт от старосты посада Ардонского Тепикина, в коем он прописывал последовавший к нему от Нижняго Земскаго Мглинскаго Суда Приказ о предписании ему и дабы он объявил оным приказе содержателем питейнаго откупа в посаде Ардонском и взял бы с ных в изъяснениях в том приказе обстоятельствах подписки, доносит он Тепикин сей Ратуше, что ему онаго приказа выполнить неможно по причине жительства содержателя в посаде Ардонском питейнаго откупа купца Елисея Неокладнова в посаде Клинцовском, что подает сей Ратуше на рассмотрение. Определили как содержатель в посаде Ардонском питейнаго откупа купец Елисей Неокладнов состоит под ведением Ратуши Клинцовской, сообщить в Клинцовскую Ратушу с тем, дабы

[1] Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким описанием Малыя России. – Чернигов. 1786. Переизд. – Киев. 1851, с. 162.

оная благоволила значащего Неокладнова самоскорейше в сию Ратушу (вызвать?) Иван Федоров и Федот Архипов»[1].

При Ратуше был секретарь, который осуществлял деловую переписку и вел «Журнал заседаний Ардонской Ратуши».

«1802 года октября 24 дня в пяток в присутствие Ратуши Ардонской прибыли по полуночи бурмистр Иван Федотов и ратманы Федор Архипов и Филипп Зяпкин в 8 часу. По согласию здешняго общества назначен исправлять в сей ратуше Секретарскую должность Прохор Тепикин по заключенному с ним сего 22 октября условию...».

Ардонская Ратуша располагалась в обычной избе двуизбице, на чистой стороне. В комнате была божница с иконой, стол, лавки и большой сундук, в котором хранилась печать и документы. В том же протоколе от 24 октября 1802 года о принятии должности секретарем Прохором Тепикиным сказано: «Определили: Принятыя означенным Тепикиным от исправлявшаго такову должность Нестора Дембовскаго имеющиеся в сей Ратуше дела, равно в сундуке за замком хранящияся казенная печать, пошлинныя деньги, печатные пашпорты и другия бумаги, поручив в его Тепикина ведение с тем, чтобы всё то было на его отчет, велети отправлять ему должность на основании законном. Иван Федоров, Федор Архипов, Филипп Зяпкин»[2].

Спустя 60 лет, в 1864 году, секретарем Ардонской Ратуши был Михаил Овсеенко. В «Журнале заседаний Ардонской ратуши за 27 марта 1864 г. говорится «...о взыскании с секретаря сей ратуши губернского секретаря Михаила Овсеенка 80 копеек гербовые пошлины по делу об определении его на должность секретаря сей ратуши. Определили: взыскать деньги из зарплаты и выслать с прочими сборами в Суражское уездное Казначейство»[3].

В Ратушном управлении были определенные порядки. Члены Ратуши обязаны были собираться на свои заседания еженедельно, заслушивать императорские указы, которые рассылались правительством до самого малого городского поселения, составлять протокол и заносить его в «Журнал заседаний Ардонской Ратуши». Члены Ратуши должны были заслушивать указы и предписания губернского правления и лично Черниговского губернатора и всё,

---

[1] ГАБО Ф. 146, оп. 1, д. 2. Журнал заседаний Ардонской ратуши 1801 г., л. 37.

[2] ГАБО Ф. 146, оп. 1, д. 3. Журнал заседаний Ардонской ратуши 1802 г., л. 244 об.

[3] ГАБО Ф. 146, оп. 1, д. 10. Журнал заседаний Ардонской ратуши март 1864 г., л. 28.

что касается деятельности ратуши, исполнять, оставляя протокольную запись в Журнале. Даже в дни заседаний Ратуши, когда не было на рассмотрении никаких документов, необходимо было в Журнале делать соответствующую запись, что указов и дел в рассмотрении не было.

В ратушном ведении находились сборы налогов и отправка денег в Казначейство, выдача паспортов для поездки по купеческим делам в другие города и за границу, рекрутские наборы и сбор рекрутских денег, вопросы приписки в общество новых мещан или купцов и выписки таковых из числа членов мещанского и купеческого обществ в случае переселения их в другой посад или город.

В 1801–1802 гг. Бурмистром посада Ардонь был Иван Федоров, ратманами Федор Архипов и Филипп Зяпкин. Староста Ардонского посада Смирнов.

В 1806 году Бурмистр Егор Зябкин, ратманы: Степан Зябкин, Иван Махоткин. Секретарь Прохор Тепикин[1].

В 1864 г. Бурмистр Никифор Зябкин. Ратманы: Семен Ерусалимцов и Яков Попов[2].

Ниже представлены выписки из **Журналов заседаний Ардонской Ратуши за 1802 и за 1806 год**. Эти выписки дают представление о должностном и поименном составе членов Ратушного правления, о вопросах, которые обсуждались и решались на заседаниях. Здесь и рассмотрение поступивших в Ратушу указов, и выдача паспортов, и сбор налогов, и исполнение указа о рекрутском наборе, вопросы купли и продажи недвижимости, судебные дела и пр.

Выписки из Журнала заседаний Ардонской Ратуши за 1802 год:

/л. 50/ «1802 года, Февраля 25 дня, вторник. Слушали сообщение господина хорунжего повети Стародубовскаго Надворнаго Советника Вальковича, коим вследствие предписания ему последовавшего требует, дабы в Ратуше с обывателей посада Ардонскаго учинили выправку, получили ль оне за весь генварь месяц от Колыванскаго Мушкетерскаго полку за прокормление состоящих у них на квартерах военнослужащих провиант: муку и крупу, и по

[1] ГАБО Ф. 146, оп. 1, д. 3, 4. Журнал заседаний Ардонской ратуши 1802 г.

[2] ГАБО Ф. 146, оп. 1, д. 10. Журнал заседаний Ардонской ратуши март 1864 г., л. 28.

добровольному ли соглашению кормят оных, уведомить его без промедления. Определили: предписать от сей Ратуши старосте Ардонскаго посада Смирнову ордером, дабы он с обывателей о сем требуемом учинил выправку и рапортовал сей Ратуше. Иван Федоров, Федор Архипов, Филипп Зябкин».

/л. 63/ «1802 года, Марта 21 дня. Из предписания Малороссийского Гражданского Губернатора ... «...дабы сея Ратуша в посылаемых в Нижний Земский Суд ведомости о торговых ценах, показывали торговые цены самые верные и справедливые, без имеющаго излишества ... сколько можно поспешнее...».

/л. 88 об./ «1802 года, Мая 1 дня. В предложении Черниговского Гражданского Губернатора говорится, «... что отныне таможенный сбор (взыматься) имеет вместо каждого пошлинного Ефимка по 2 рубля 20 копеек ассигнациями, не препятствуя однако никому вносить Ефимки, буде сам кто пожелает, такоже принимать по прежнему в один рубль сорок копеек каждым...»

/л. 248/ «1802 года, Ноября 3 дня. Слушали рапорт Ардонского старосты Акима Смирнова, в коем прописано, что ардонские мещане Василий Черкасов, Павел Седлецкой и Савостьян и Тимофеев Луговые, проживают при худом поведении в посадах Зыбковском и Злынском, останавливая казенныя и прочия подати, и потому общество приговорило, кто из них годен окажется в рекруты, для того просит к представлению их в сей посад выдать на имя ардонских мещан Якова Миронова и прочих инструкцию и тамошним ратушам сообщить. Определили: как оной староста просит к представлению прописанных мещан для прописанной надобности в сей посад, выдать инструкцию и тамошним ратушным сообщить, то таковую дать к даче и тамошним ратушным для лучшаго пособия сообщить, и сообщено. Иван Федоров, Федор Архипов, Филипп Зяпкин».

«Ардонская посадская ратуша 1864 г. Указы и предписания Черниговского губернского правления.

Из губернского правления об объявлении рекрутского набора по 5 человек с тысячи душ... прислать сведения о лицах служащих ныне, а также и выслуживших в классных должностях три трёхлетия, которые по 3 пункту, 13 статьи 4 т. Уст. Рекр. (изд. 1862 г.) освобождаются от рекрутской повинности...»[1].

---

[1] ГАБО Ф. 146, оп. 1, д. 8. Журнал заседаний Ардонской посадской ратуши 1864 г., л. 5.

Выписки из Журнала заседаний Ардонской Ратуши за 1806 год:

/л. 3 об./ «1806 года генваря 8 дня слушали сообщение Суражского Поветового Казначейства, коим сообщает, что присланные из сей (Ардонской) Ратуши собранные с объявленного на сей 1806 год здешними купцами капитала процентных 543 р. 72 $^1/_2$ к., да наследственных при вступлении в капитал 20 р. 25 к., всего пятьсот шестьдесят три рубля девяносто семь копеек с половиной денег в оном казначействе получены и записаны. Определили: об оном ведать и оное сообщение содержать целостно впредь для вида. Бурмистр Егор Зябкин, ратманы: Степан Зябкин, Иван Махоткин. Секретарь Прохор Тепикин».

/л. 10/ «1806 года генваря 24 дня слушали прошение ардонского купца Осипа Махоткина, при коем представлял купчую крепость, данную им вышедшему из заграницы и причисленному указом Малороссийской Черниговской Казенной Палатой в Ардонское мещанство Павлу Федорову сыну Сомленке на проданную ему селидебную землю с постройкою, на коей хата, купленная им, Махоткиным, в 1803 году у ардонского мещанина Фадея Лугового, состоящую в посаде Ардонском в смежности с одной стороны с огородами сего посада купеческого сына Мины Зябкина, и с другой мещанина Степана Татаринова. Просит оную крепость по законам ствердить и за взысканием с приобретателя указных крепостных пошлин означенному покупщику Сомленке за роспискою его к спокойному владению выдать».

В «Определении» Ратуши уточняется, что селидебный участок с хатой был продан за 50 рублей. «Да как то в справке в сей ратуше оказалось, что та проданная Махоткиным селидебная земля и хата ни в каких крепостях и зделках не утверждена, и ни за что не описана, для того учиня на ней урядовую надпись и взыскав с приобретателя указные крепостные пошлины с написанной в крепости цены с рубля по 5 к. – 2 р. 50 к., от письма 10 к., от записи 3 к., за излишнюю страницу 3 к., от совершения 50 к. и на расход 1 $^1/_2$ к., всего 3 р. 17 $^1/_2$ к. записать приходом в данныя от Черниговской Казенной Палаты книги о покупке вышеписанной земли во силу Высочайшаго Учреждения, главы 20-й, статьи 290-й прибить к судейским дверям на двугодищное время место, написав ту крепость оригиналом в книгу, данную от Малороссийскаго Черниговскаго Генеральнаго Суда 2-го департамента, означенному покупщику Сомленку, согласно с прошением продавца Махоткина, к спокойному и вечному владению тою проданною ему землею с хатою за роспискою его выдать».

/л. 13/ «1806 года генваря 31 дня слушали свидетельство здешняго старосты Зябкина, коим просит о выдаче лично явившимся написанным в ревизии сего посада 3-й гильдии купеческой жены Татьяны Тепикиной на 11 месяцев пашпорта, а мещанину Макару Иванову Лихоманову свидетельства на взятье из Казначейства годового плаката, ибо к отлучке их препятствий нет, казанныя подати има уплачены и впредь обязаны порукою.

Определили: ... Тепикиной написать пашпорт на 11 месяцев, выдать ей лично со взятием указных пошлин, а Лихоманову, написав сообщение в Суражское Поветовое Казначейство о выдаче годового плаката поручить ему лично для доставления личнаго в то Казначейство»

/л. 15 об./ «1806 года февраля 7 дня определили: сообщить в Суражскую почтовую экспедицию и требовать, дабы она благоволила нарочному из сей Ратуши посылаемому, Богородицкаго села казенному крестьянину Власу Шабловскому, выдавать навсегда принадлежащия сей Ратуше указы и другия бумаги для доставления в сию Ратушу».

В январе-феврале-марте 1806 года пашпорта были выданы:

– ардонским 3-й гильдии купеческим сыновьям Ивану и Алексею Смирновым,

– купеческим сынам Архипу и Харитону Лихомановым,

– мещанину Якову Федорову Лабанову,

– купеческой 3-й гильдии купеческой жене Татьяне Тепикиной и мещанину Макару Иванову Лихоманову,

– мещанину Федору Данилову Архипову,

– купеческим сынам Николаю и Никифору Гончаровым и Михаилу Яковлеву Разумееву,

– мещанину Якову Федорову Махонину и жене его Устинье Яковлевой Махониной,

– купеческому сыну Григорию Малахову,

– мещанину Гавриле Андронову Лошкареву,

– купеческому сыну Петру Зябкину,

– купеческому сыну Герасиму Зябкину,

– купеческому сыну Степану Тепикину,

– купеческому сыну Ивану Смирнову,

– годового плаката из Казначейства мещанину Ивану Андрееву Махоткину,

– купцу Фоме Иванову Тепикину и купеческому сыну Демьяну Иванову (май),

– мещанину Тимофею Михайлову Луговому,

– 3-й гильдии купеческому сыну Ивану Крюкову,

– мещанину Захару Алексееву Чернышеву (июнь),
– 3-й гильдии купеческим сынам Степану Иерусалимцеву и Сергею Махоткину (июль),
– купцу 3-й гильдии Тимофею Иванову Тепикину,
– купеческим сынам Василию большему и Василию меньшему Разумеевым (июль),
– годовых плакатов мещанам: Семену Сергееву, Анисиму Иванову, Ивану Шведову, Тарасу Дмитриеву Винникову, Даниле Егорову и сыну его Матвею Данилову Иерусалимцевым и Андрею Васильеву Царапкину (сентябрь);

Годовых паспортов:
– купцу 3-й гильдии Осипу Пастухову,
– купеч. сынам Андрею Пастухову, Ерофею Разумееву и Ивану Крюкову.

Годового плаката из Казначейства мещанину Тарасу Артамонову Винникову (октябрь)
– Купцу 3-й гильдии Ивану Махоткину
– Купеческим сынам Нестору и Ивану Луговым (ноябрь)
– Купцу Осипу Махоткину
– Мещанам Тимофею Иванову Лобанову и Ивану Аврамову Морозову».

В делах упоминается
ардонский купец Иван Федоров,
ардонский купец Егор Зябкин,
ардонский купец Иван Махоткин.

/л. 18 об./ «1806 года февраля 14 дня слушали ордер от Черниговского Гражданского Губернатора барона Ивана Васильевича Фрекедорфа об утверждении в звании бурмистра Ардонской Ратуши Аникея Бормотова и выбранных на следующее трехлетие ратманов Ивана Малахова и Ивана Винникова. Ордером было рекомендовано «по выполнении самим мною присяги и по приводе к оной означенных ратманов рапортовать Его Превосходительству и Губернскому Правлению за вводом их в заседание».

/л. 20/ «1806 года февраля 19 дня слушали указ Малороссийскаго Губернскаго Правления от 16 прошедшаго генваря под № 1234 с прописанием указа Правительствующего Сената, что получающие в наследство купеческие капиталы все без изъятия торгующие и неторгующие с торга должны с онаго заплатить положенныя указом 1794 года июня 23 дня единовременныя процентныя деньги».

/л. 20 об./ «1806 года февраля 20 дня слушали Указ Малороссийского Черниговскаго Губернскаго Правления от 17 прошедшаго генваря под № 1585 с приложением экземпляра Имяннаго Высочайшаго Указа, чтобы ни один из акционеров компании при неудачах не терял свыше положеннаго в компанию капитала».

/л. 43 об./ «1806 года апреля 23 дня слушали Указ Малороссийского Черниговского Губернскаго Правления от 10 сего апреля, под № 14638 с предписанием, чтобы сия и Клинцовская Ратуши для приема пакетов посылали в Суражскую почтовую Экспедицию в означенное время канцелярского своего служителя или же из грамотных людей благонадежнаго человека, кои должны в приеме в Экспедиции пакетов где следует расписаться».

/л. 49/ «1806 года мая 7 дня. Слушали сообщение Суражского поветового Казначейства, коим извещает, что присланные из сей ратуши взысканные с мещан ардонских, 145 душ за 1-ю сего 1806 года половину подушных 181 р. 25 к., накладных 3 р. 62 $^1/_2$ к., всего сто восемьдесят четыре рубля, восемьдесят семь копеек с половиною, в оном Казначействе приняты и записаны».

«1806 года мая 26 по указу Е.И.В. ратуша Ардонская имея рассуждение...» – в связи с подозрением в убийстве ардонским мещанином Тимофеем Луговым ардонского купеческого сына Ивана Смирнова, которого Луговой вез из Минска в Ардонь, прибыл заседатель Суражского Нижнего Земского Суда Александр Есимонтовский с канцеляристом Дунаевским. Потребовал собрать в ратуше из общества 20 человек «для учинения повального обыска» в доме Лугового.

Для приведения к присяге жителей Ардони был «взыскан» священник. Но Есимонтовский «дали приказ соцкому, чтобы на другой день, то есть 12 апреля представил тех людей в посад Клинцовской к выполнению там в церкви присяги к спросу о состоянии упомянутого Лугового. От чего между ними, собранными людьми, и произошло негодование, смятение и неустройство в лице присутствующих сей ратуши по причине, что некоторые из них были неодинаковых мнений в отношении религии, и что до того подобных требований не бывало». На это требование канцеляристами ардонской ратуши были представлены «Высочайшаго учреждения о управлении губерний статья 232, коею узаконено: «Буде явится дело такого рода, что многое число людей допросить надлежит из одного или из разных селений или жилищ, то Нижний Земский Суд должен ехать из одного места в другое, дабы не заби-

рать людей излишно и их не отлучать от домов, работ, ремесла и прокормления». «На сие от них в возражение сказано, что прописанное узаконение в прошедшем году отменено указом, коего ратуша не известно почему не имеет, и коим велено присягу выполнять только в церкви, в **ардонском же оных не имеется, кроме часовень»**. Но ратуша, не имея такового, кроме вышеписанного закона, не могла успокоить негодование и неустройство народное, к прекращению коего паки приехал оный заседатель с сказанным канцеляристом, и употребя с прещением строгие меры, понудил чрез соцкого и десятских гнать народ в посад Клинцовской для показанной надобности. В своем определении ардонская ратуша решила обратиться к Малороссийскому Черниговскому губернатору с просьбой «снабдить сию ратушу в резолюцию с приложением такового» указа.

«Негодование, смятение и неустройство» по поводу приведения к присяге свидетелей» произошло «по причине, что некоторые из них были неодинаковых мнений в отношении религии», — так записал в Журнале секретарь Ратуши.

Судебное следствие предусматривало приведение свидетелей к присяге на Евангелии в присутствии священника.

Многие ардонцы принадлежали к старообрядцам беспоповского согласия. По своим религиозным взглядам беспоповцы не приносили присяги, поскольку и «церковь Греко-российская и государство повреждены антихристом», другие отказывались приносить присягу добровольно, а по принуждению присягали на старопечатном Евангелии, но без священника. В таком случае можно оправдаться перед людьми и перед Богом, что клятва по принуждению не действительна. Даже в храме старообрядческого поповского согласия беспоповцы отказывались приносить присягу, а беглых священников, служивших у старообрядцев поповского согласия, не признавали, поскольку на них «нет благодати».

Старообрядцы поповского согласия под принуждением давали присягу в православном храме, но только на старопечатном Евангелии. Для таких случаев епархиальное начальство предписало в каждой церкви держать старопечатные Евангелия и Псалтири.

/л. 80/ «1806 года июля 20 дня слушали сообщение Суражского Нижняго Земскаго Суда от сего июля 17 под № 1373 при коем присылаем в сию ратушу к обревизованию следствием произведенное оным судом дело о привезенном в слободу Ардонь ардонским мещанином Тимофеем Луговым мертвым теле купеческого

сына Ивана Смирнова. Определили... из дела видно... о высылке Лугового в сию ратушу для переспросу, ... также из дела видно, что от Суражского Нижнего Земского Суда дало знать поветовому штаб лекарю Гавришеву об осмотре умершего Смирнова, но свидетельства о том при деле не приложено, то сообщить оному суду истребовать, дабы оный благоволил буде было о том лекарское свидетельство и оное находится в суде, доставить в сию ратушу...».

Следует сказать, что в начале XIX века на весь Суражский уезд по штату имелся один лекарь. Суражский уезд занимал площадь, на которой в настоящее время разместились 5 районов: Суражский, Клинцовский, Городеевский, Красногорский, Унечский.

/л. 82 об./ «1806 года августа 1 дня слушали ... и определили: как значится, что в сей ратуше в сей месяц осталось купеческих пашпортов: двугодовых – 7, трехгодовых – 5, без означения времени – 5, а всего – 17. Здешнее же купечество, как известно наиболее получает на проезд себе одногодные пашпорты. То дабы потребовать онаго остатки из сей ратуши в выдаче оных не могло последовать, представить Малороссийской Черниговской Казенной палате и просить, дабы она снабдила сию ратушу соразмерным расходу в ней количеством одногодных пашпортов».

Посад Ардонь, как видно из текста, оставался в ведении Казенного ведомства и получал из Казенной палаты бланки паспортов для выдачи купцам и мещанам.

«1806 года августа 7 дня слушали указ Черниговского Губернскаго Правления от 20 прошедшаго июля под № 25690 с прописанием указа Правительствующего Сената о поступании по прописанному в том Высочайше утвержденному мнению Комиссии со всеми от Православия отщепенцами, кои раскаялись в своих заблуждениях обратились по прежнему ко исповеданию истинныя Христианския веры по преданиям Святыя восточныя Греко-российския церкви и прочая».

Речь идет о старообрядцах, выказавших желание принять «правильных священников» взамен «беглых священников», и таким образом, «раскаявшись в своих заблуждениях», присоединиться к «Святыя восточныя Греко-российския церкви».

Поскольку в ратуше заседали старообрядцы, которые не знали за собой греха, чтобы «раскаиваться», то и содержание указа Правительствующего Сената не раскрыто, только его заглавие.

«1806 года августа 13 дня слушали сообщение Суражскаго Нижняго Земскаго Суда, при коем вследствие требования сей ратуши в доставлении о смерти купеческаго сына Ивана Смирнова лекар-

скаго свидетельства, отысканное в том Суде лекарское сообщение прилагается, в том, что лекарь по болезни для свидетельствования тела означеннаго Смирнова прибыть не мог».

/л. 143/ «1806 года сентября 19 дня слушали экстракт, учиненный из дела следствием произведенного...и по рассмотрении онаго явилось означенный Луговой возвращаясь из города Аршавы в посад Ардонский при проезде через город Минск означеннаго купеческаго сына Ивана Смирнова бывшаго больным, по прозьбе его и брата его родного взял с собой с тем, чтобы его довезть в дом его отцу, в посаде Ардонском состоящем, с которым не доехал до онаго посада 25 верст, в селе Ущерпье оной помер. Тело же его привезший в посад объявил соцкому. Чтоб же он, Луговой, как либо умертвил, о том ни сам он не сознался, ниже по следствию чинимому Суражским Нижним Земским Судом виновным не найден... а посему ратуша Ардонская мнением своим полагает, как в смерти того Смирнова виновным никто не найден, то дело о том предать правосудию Божию и подсудимаго по сему привезшаго мертвое тело мещанина Лугового, по силе указа 1736 года февраля 10-го состоявшагося, оставить свободным без истязания».

/л. 95/ «1806 года сентября 4 дня слушали сообщение Суражской почтовой Экспедиции, коим требует, дабы ратуша отправила в оную члена сей ратуши или секретаря для получения означенных пашпортов купеческих одногодовых тридцати пашпортов».

Ардонскую Ратушу оповещали о доставке по почте из Губернской Казенной Палаты 30 паспортов. До конца года оставалось 3 месяца. Если, как было отмечено выше, за три первых месяца 1806 года Ардонская Ратуша выдала более 30 годовых паспортов, то можно допустить, что в год ратуша выдает около ста двадцати паспортов. Это свидетельствует о масштабной и высокой деловой активности жителей посада Ардонь.

/л. 110/ «1806 года октября 12 дня слушали указ Черниговского Губернскаго Правления от 25 прошедшаго сентября под № 33379 с прописанием указа правительствующаго Сената о дозволении врачебным управам и уездным лекарским принимать в лекарские ученики по найму из людей, состоящих в подушном окладе и имеющих по ведомству каждаго надлежащия увольнения».

Лекарские ученики – это лица грамотные, обученные лакарем выполнять лекарские назначения: ставить банки, горчичники, промывать желудок, ставить клизму, выдавать лекарство в заданной дозе, готовить инструмент, убирать помещение, содержать в определенном порядке документацию и др. По сути, лекарские

помощники, в отличие от фельдшера, были исполнителями и не имели права вести самостоятельно прием и назначать лечение больным.

/л. 112 об./ «1806 года октября 18 дня слушали указ Черниговскаго Губернскаго Правления от сего 10 октября под № 34818 с приложением экземпляра имянного Высочайшаго указа, даннаго Правительствующему Сенату в 18 день сентября, о наборе со всего государства с 500 душ по четыре рекрута».

/л. 113/ «1806 года октября 19 дня слушали ... и определили: о получении указа отрапортовать и как по приложенным при том выпискам значит, что с мещан сего посада, 145 душ, следует к поставке в натуре один рекрут, а с купцов,123 душ, вместо рекрут 492 р. денег (т.е. по 4 рубля с души), то во исполнение того старосте ардонскому Пастухову ордером предписать и велеть, чтобы он как с мещан рекрута одного к военной службе выстачал к поставке при отдачиках в рекрутское присутствие, так и с купцов прописанные деньги собрал и представил в ратушу к отсылке в казначейство».

Из этого сообщения ясно, во-первых, что ардонские купцы были освобождены от рекрутской повинности и, во-вторых, что староста Пастухов по отношению к Ратуше является исполнительным органом, а Ратуша законодательным.

/л. 118/. «1806 года ноября 1 дня. Слушали сообщение Суражской Городовой Ратуши от прошедшаго октября 15 дня под № 415, коим требует, чтобы сия ратуша причисленных 20 душ посада ардонского мещан к таковым же города Суража, в помощь к поставке рекрут с каждой по 2 р. 88 к. складочные рекрутские деньги всего 57 р. 60 к. доставила в оную ратушу».

/л. 120 об./ «1806 года ноября 8 дня определили: на представленной в сию ратушу от мещанина ардонскаго Семена Попова росписке, данной им добровольно посада Ардонского старосте и обществу мещанскому, что он желает охотно вступить в нынешний набор в военную службу за мещан ардонских, учиня помету, что он, Попов лично, в присутствии сей ратуши сознался, что таковая росписка точно им, за подписом его и свидетельским добровольно сего посада старосте и обществу дана, что он желает охотно вступить в военную службу в нынешний набор за мещан ардонских, и утвердя ту помету подписом и печатью казенною в надлежащую книгу выдать в сходетво (?) прозьбы и желания его, Попова, ту его росписку к исполнению старосте ардонскому Пастухову».

/л. 123/ « 1806 года ноября 15 дня слушали представленную в сию ратушу от старосты и мещан ардонских доверенность, данную им мещанину ардонскому Федору Иванову для отдачи в рекруты в городе Чернигов в рекрутском присутствии, мещанина ардонского Семена Васильева Попова, идущаго охотно в военную службу за мещан ардонских, ствердить по законам, учиня на нем помету выдать означенному отдатчику Федору Иванову, за вписанием той доверенности оригиналом в надлежащую книгу.

/л. 123 об./ «1806 года ноября 16 дня определили: представленной лично от старосты Пастухова приговор, учиненный общим согласием мещан ардонских об отдатии в рекруты в нынешний набор за мещан сего посада мещанина ардонского Савостьяна Семенова Лугового и порученной от них по уполномочию к исполнению отдатчику мещанину ардонскому Федору Иванову ствердить по законам и вписав тот приговор оригиналом в надлежащую книгу, выдать обратно старосте Пастухову для поручения к исполнению означенному отдатчику Иванову».

/л. 130/. «1806 года декабря 5 дня слушали Черниговскаго Губернскаго Правления от 30 прошедшаго ноября под № 40549 с приложением Экземпляра Имянного Высочайшаго Указа о сборе в настоящий набор с пятисот душ еще по одному рекруту.

По сообщению Черниговской Казенной Палаты с посада Ардонского следует с купцов, 123 душ, собрать вместо рекрута денег 123 р., а с мещан, 145 душ, по отчислению оных в посад Клинцовский с каждой по 72 к. складочных денег»[1].

Интересным стало бы исследование именного состава Ардонской Ратуши в разные годы. Памятная книжка Черниговской губернии за 1862 год, например, извещает, что в посаде Ардонь:

«Помощник станового пристава, капитан Александр Егорович Матвеев.

Ратуша:

Бурмистр, мещанин – Никита Зябкин

Ратманы:

Мещанин Никифор Зябкин

Мещанин Егор Ерусалимцев

Исполняет должность секретаря – коллежский секретарь Петр Евстафьевич Щербаков»[2].

---

[1] ГАБО Ф. 146, оп. 1, д. 4, л. 1–130.

[2] Памятная книжка Черниговской губернии за 1862 год.

Ардонская Ратуша во второй половине XIX в.

В середине XIX века в Ардони было введено «Упрощенное Общественное Управление», то есть один бурмистр и два ратмана.

Об «Упрощенном Общественном Управлении» в посаде Ардонь узнаём из Журнала очередного Суражского Уездного Земского Собрания 1869 года.

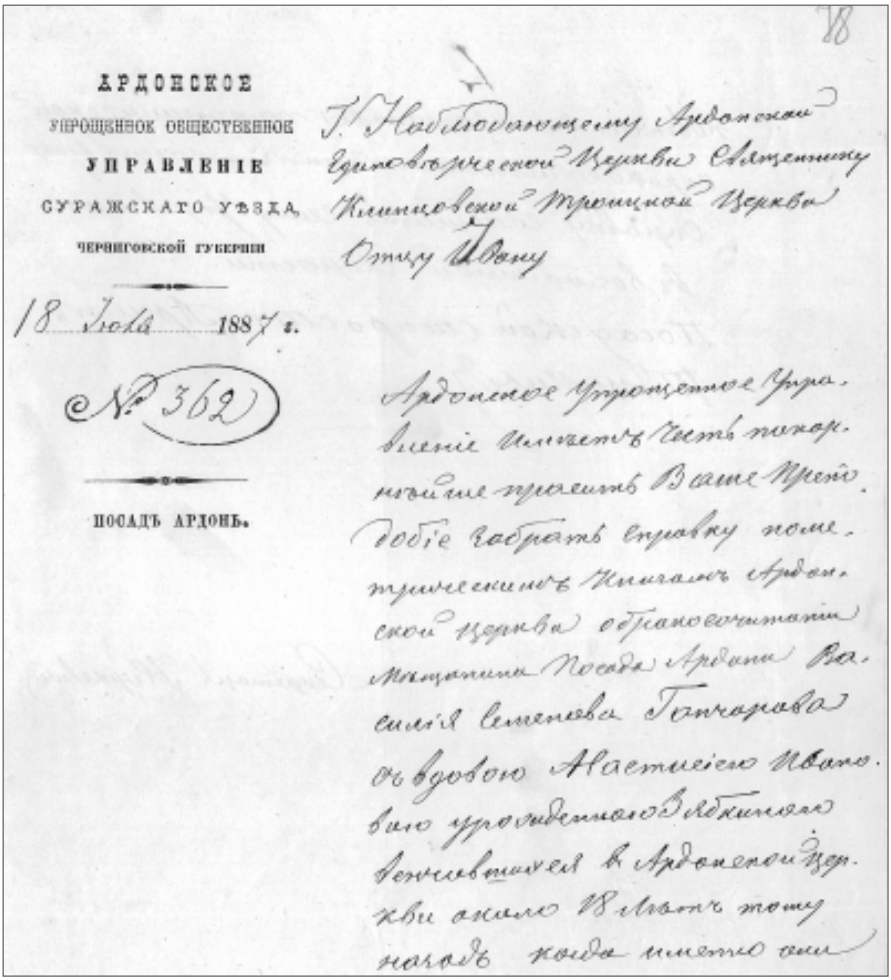
25 октября 1869 года в Суражское Уездное Земское Собрание обратился уполномоченный от общества мещан посада Ардонь мещанин Ефрем Никифоров Смирнов. В Журнале заседания по его обращению была сделана запись:

«Суражское Уездное Земское Собрание при распределении отбытия подводной повинности в 1869 году станционный пункт назначило в посаде Клинцах, на котором должно быть постоянно три пароконные подводы, и содержание этих подвод с 1 января по 22 октября 1869 года возложено на общество мещан посада Клинцов, а с 22 октября по 1 января будущего 1870 года – на общество мещан посада Ардони, и, кроме того, отбытие таковой и по посаду Ардони, и распределение это, сделано единственно только по числу ревизских душ.

Между тем как в обществе посада Ардони из числа числящихся по ревизии 613 душ остается налицо в посаде Ардонь 2/3 этого числа, а общество посада Клинцов постоянно налицо и по оборотам промышленности более имеет посадских доходов, что самое дает более возможности отбытию натуральных земских повинностей и как отбытие подводной повинности обществом посада Ардони сравнительно с обществом п. Клинцов есть отяготительно, а потому, представляя на благоусмотрение Земской управы прописанные обстоятельства, уполномоченный Смирнов просит доложить об этом на посуждение Уездного Земского Собрания, об облегчении Ардонского общества по отбытию подводной повинности хотя на будущее время и какое последует по сему со стороны Земского Собрания распоряжение, объявить через Ардонское Упрощенное Общественное Управление». (Журнал Очередного Суражского УЗС, октябрь 1869 г. ККМ.)

Свои исходящие документы «Ардонское Упрощенное Общественное Управление» писало на бланках с угловым штампом:

Ардонское Упрощенное
Общественное Управление
Суражского уезда,
Черниговской губернии.
8 июля 1887 г. № 362
Посад Ардонь.



АРДОНСКОЕ
УПРОЩЕННОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ
УПРАВЛЕНІЕ
СУРАЖСКАГО УѢЗДА,
ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ

18 Іюля 1887 г.

№ 362

ПОСАДЪ АРДОНЬ.

Г. Наблюдающему Ардонской
Единоверческой Церкви Священнику
Клинцовской Троицкой Церкви
Отцу Иоанну

Ардонское Упрощенное Управленіе имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Преподобіе собрать справку по метрическимъ книгамъ Ардонской церкви о происхожденіи мѣщанина Посада Ардонь Василія Семенова Гончарова съ вдовою Анастасіею Ивановою урожденною Лѣбкиною венчавшихся въ Ардонской церкви около 18 лѣтъ тому назадъ когда имѣется они

Бланк с угловым штампом
Ардонского Городского Общественного Управления

На бланке с таким угловым штампом написано письмо, адресованное «Господину Наблюдающему за Ардонской Единоверческой церковью священнику Клинцовской Троицкой Единоверческой церкви отцу Иоанну с просьбой дать метрическую выписку.... (Фотоархив автора. – Р.П.)

В начале XX века в Ардони было введено Городское Общественное управление.

В Клинцовском Краеведческом музее хранится «Обязательство», согласно которому мещанин Ардони Иван Сергеевич Крюков приобрел в 1909 году селидебный участок в Ардони. «Обязательство» написано на бумаге с угловым штампом:

М.В.Д.
Ардонское
Городское
Общественное
Управление
Декабря 7 дня 1918 г.
П. Ардонь
Черниговской губернии.

«Обязательство» подписано Городским старостой и Секретарем Священником Михаилом Лесовским»[1].

Это был последний документ старой дореволюционной администрации посада Ардонь.

Ардонское Городское Общественное Управление 14 декабря 1918 года было заменено Исполнительным Комитетом.

В начале 1930-х годов посад Ардонь и село Богородицкое были объединены в составе села Ардонь, избран «Сельский Совет».

В 1986 году село Ардонь было преобразовано в рабочий поселок Ардонь в составе города Клинцы (Решение Облисполкома Брянской области № 488 от 30.09.1986 г.)

С 1 января 1987 года решение вступило в силу. Властным органом оставался «Поселковый Совет».

В 1992 году распоряжением № 9 от 27 февраля «Поселковый Совет» преобразован в «Администрацию рабочего поселка Ардонь».

«28 октября 2004 года Брянская областная Дума приняла решение об изменении статуса рабочего поселка Ардонь, расположенного на территории муниципального образования города Клинцы Брянской области, на статус населенного пункта сельской местности село Ардонь. Город Брянск 10 ноября 2004 г. № 66-3».

4.3. О численности населения Ардони в разные годы

Сведения о численности населения слободы Ардонь собраны из разных источников (переписи, отчеты, обзоры, докладные, ревизские сказки и т.п.) и представлены в таблице, из которой видно, что население слободы в течение двух столетий неуклонно росло.

[1] Архив Клинцовского Краеведческого Музея.

Однако темпы роста населения слободы были намного медленнее, чем рост населения в соседней слободе Клинцы.

В период от 1718 до 1741 года, когда слобода Ардонь входила в состав Государевой волости описных раскольничьих слобод Малороссии, население слободы Ардонь росло быстро и превышало численность населения слободы Клинцы.

Слобода Ардонь в те годы (1729 и 1736) отличалась от Клинцов не только численностью населения, но и выраженной торговой и промысловой активностью. Дальнейший рост слободы Ардонь был приостановлен событиями 1741 года, когда монахи Киево-Печерской Лавры после многочисленных челобитных в правительство вернули слободу Ардонь в монастырское подчинение. Часть населения слободы была удалена из слободы указным порядком, часть жителей бежала. Оставшееся население было разделено между Лаврой и Государевой волостью.

***Таблица.* Численность населения слободы Ардонь в разные годы**

Год	Дворов и хат	Мужских душ	Женских душ	Всего населения (человек)
1715–1718	15	136	118	254
1723	16 дворов			
1729	15	197	158	355
1736		330	299	629
1765		115 душ за Госуд. волостью		???
1781	61 дв. 64 хат			
1816		320	431	751
1834		376	433	809
1841				521
1850		631	730	1361
1858	160 дв. и хат			
1866	160 дв. и хат	681	831	1512
1878		718	976	1694
1880		609	775	1384
1892	157			
1896	170			
1897	172			1623

Источники статистических данных:

1. Переписи населения слободы Ардонь в 1718, 1729, 1736, 1765 годах.

2. «Выписка из Ведомости Ергольского с прошлого 1715 – 1718 гг.», где говорится, что «в Ардони всего дворов – 15, мужских душ – 136, женских душ – 118, всего – 254 человека»[1].

3. А. Лазаревский в «Описании старой Малороссии» приводит следующие данные об Ардони: «Население. **А.** (в 1723 году) гр. (грунтовых) 16 дв. **Б.** (в 1781 году) «отписных в казенное ведомство, ныне записавшихся в мещанство, 49 дв., 51 х. Отданных по именному указу Киево-Печерской Лавре, расколщиков же – 12 дв., 13 х.»[2].

4. В 1729 году переписчики капитана Брянчанинова нашли в Ардони: дворов – 15, келий – 26, в них старцев и стариц – 41 душ. Всего в Ардони муж. душ – 197, женских душ – 158. Итого в Ардони – 355 человек[3].

5. По итогам переписи 1736 года, в Ардони проживало: «мужчин – 330, женщин – 299 душ, итого – 629 душ»[4].

6. В рапорте коллежского советника Новикова П.А. Румянцеву с ведомостью о находившихся в его управлении в Малой России описных раскольничьих слобод сказано: «а сколько на тех грунтах поселившихся раскольничьих слобод и во оных записанных по бывшей 1765 года ревизии ... мужеска пола душ...: на землях Киево-Печерской Лавры в Святской – 246 душ, в Ардоне – 115 душ, в Тимошкином Перевозе – 80 душ»[5].

7. Согласно Ревизской сказке 1816 года, в слободе Ардонь «мещан мужского пола – 320, женского пола – 431»[6].

8. В «Ведомости о старообрядцах Суражского уезда за 1834 год ноября 25 дня» говорится, что в посаде Ардонь:

«Старообрядцев приемлющих священство – мужчин 244, женщин 301 душ,

Старообрядцев беспоповцев – мужчин 132, женщин 132,

Всего старообрядцев – мужчин 376, женщин 433 души»[7].

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. XIII–XIV–XIV об.

[2] Лазаревский А. Описание Старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – Киев. 1889, с. 460–461.

[3] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 1–217.

[4] РГАДА Ф. 248, е.х. 1797...

[5] Описание архивов Маркевича. ЧОИДР. 1884, кн. 2, ч. 1. Материалы исторические, с. 8–10.

[6] ГАЧО Ф. 549, оп. 2, д. 4, л. 566–592.

[7] ГАЧО Ф. 128, оп. 1, д. 3432, л. 17.

9. «Карта раскольничьих селений Новозыбковского, Суражского и Стародубского уездов 1841 года», сделанная по поручению Черниговского Гражданского Губернатора, сообщает о числе жителей в посадах. В частности, в посаде Клинцы жителей – 1 827 человека, в Ардони – 521, Святская – 642»[1].

10. В «Списке населенных мест Российской империи». Гл. XLVIII. Черниговская губерния. – СПб. 1866, с. 182.

11. «О числе жителей в раскольничьих посадах» за 1878 год

В 1878 г.		Раскольников	Единоверцев	Всего	Итого
В Клинцах	Мужчин	3 747	1 538	5 285	10 912
	Женщин	3 853	1 791	5 644	
В Ардони	Мужчин	561	157	718	1 694
	Женщин	824	152	976	

Данные о числе жителей в 1880 году[2].

В 1880 г.	Мужчин	Женщин	Всего
посад Клинцы	4 530	5 176	9 706
г. Сураж	1 820	2 112	3 932
посад Ардонь	609	775	1 384
посад Свяцкий	1 041	1 057	2 098

12. «Ревизская сказка купцов и мещан посада Ардонь 1850 г.

Купцов 3-й гильдии 6 семей, муж. – 16 душ, жен. – 14 душ. (30 человек)

Мещан 192 семьи, мужчин – 615 душ, жен. – 716 душ. (1331 чел.) Всех – 1361 чел.»[3].

13. Материалы переписи 1897 года. В деле о переписи населения 1897 года есть сведения, что посад Ардонь был выделен в самостоятельный переписной участок. Перепись в Ардонском участ-

---

[1] ГАЧО Ф. 169, оп. 1, д. 33. «Карта раскольничьих селений Новозыбковского, Суражского и Стародубского уездов 1841 года», л. 1.

[2] Половцов А.А. Записки сенатора Половцова А.А. о состоянии общественного управления в городах Черниговской губернии. – СПБ. 1881, с. 8–9.

[3] ГАБО Ф. 549, оп 2 , д. 20, лл. 733–705.

ке проводил священник Василий Щетинин. В списке населения по волостям сказано, что посад Ардонь расположен в Голубовской волости. В посаде построек – 171, мужчин – 344, женщин – 391. В сноске сказано, что «в Ардони проживает более 1000 человек»[1].

14. Население с. Богородицкого в 1766 г.: «дворов – 117, муж. – 312, жен. – 333»[2].

15. Сведения о числе населения в некоторых населенных местах Суражского уезда Черниговской губернии: посад Ардонь и село Богородицкое[3].

	Посад Ардонь (Чернецкая слобода) Голубовской волости	Село Богородицкое (Чернецкое село) Голубовской волости
Начало XVIII века	–	–
Конец XVIII века	–	43 дв.
1858 г.	160 дв.	117 дв.
1892 г.	157 дв.	208 дв.
1896 г.	170 дв.	252 дв.
1897 г.	172 дв. – 1 623 чел.	231 дв. – 1 265 чел.

4.4. Промыслы Ардони

Промысловая и торговая деятельность жителей Ардони обнаруживается при изучении уже первых переписей населения XVIII века. В перепись Брянчанинова 1729 года в слободе Ардонь из 63 семей обывателей 35 семей (56%) занимаются торговой и промысловой деятельностью, в Клинцах – 34,5%, в Елёнке – 33,6%.

Во всех слободах в 1729 году предпринимательство представлено, в основном, торговыми занятиями, только в слободах Ардонь и Клинцы наоборот: большая часть активного населения занимается рукодельным промыслом, а торговлей – меньшинство.

---

[1] ГАБО Ф. 118, оп. 1, д. 1, лл.1, 205 об.

[2] «Список населенных мест Российской империи». Гл. XLVIII. Черниговская губерния. – СПб. 1866, с. 182.

[3] Описание Черниговской губернии. Составлен членом Императорского Русского Географического Общества А.А. Русовым. 1898 г., с. 20.

Таблица № 1. **Торговая и промысловая деятельность обывателей слобод Государевой волости Малороссии в 1729 г.**

№ п/п	Слобода, когда заселена	Число семей в слободе	Число семей, занятых производством и торговлей	Соотношен. между производством и торговлей	Число и % семей, торг. коноплян. маслом	Число и % семей, торг. дегтем	Число и % семей, производящ. сани
1	Елёнка, 1684	92	31 (33,6%)	2/29	26/31 (83,8%)		
2	Воронок, 1691	80	10 (12,5%)	2/8	7/10 (70%)		
3	Лужки, 1694	92	28 (30,4%)	2/26	26/28 (92,8%)		
4	Климовая, 1708	61	29 (47,5%)	1/28	26/29 (89,6%)		
5	Зыбкая, 1701 (1691)	88	37 (42%)	6/31	31/37 (83,7%)		
6	Клинцы, 1707	55	19 (34,5%)	10/9	8/19 (42%)		
7	Митьковка, 1709	43	4 (9,3%)	0/4	4/4 (100%)		
8	Деменка, 1692	30	19 (63%)	2/18		18/19 (94,7%)	
9	Злынка, 1703	15	4 (26,6%)	0/4	1/4 (25%)	3/4 (75%)	
10	Тимошкин Перевоз, 1700	23	12 (52%)	1/11	4/12 (30%)	6/12 (50%)	
11	Свяцкая, 1714	27	19 (70%)	0/19	13/19 (68%)	6/19 (31,5%)	
12	Шеломы, 1695	57	10 (17,5%)	0/10	8/10 (80%)		

13	Ардонь, 1710	67	35 (52%)	24/11	4/35 (11,4%)		10/35 (28,5%)
14	Чуровичи, 1706	44	5 (11%)	1/4	4/5 (80%)		
15	Добрянка, 1706	35	10 (28,5%)	3/7	1/10 (10%)	2/10 (20%)	
16	Радуль, 1708	15	14 (93%)	1/9	0 %	9/14 (64%)	
17 18 19	Курковичи, Понуровка, Новгород-Северск	4	3 (75%)	0/3	2/3 (75%)		
	Всего семей	828					

Отношение между рукодельным промыслом и торговыми занятиями в Елёнке – 2/29, в Лужках – 2/26, в Климовой – 1/28, в Зыбкой – 6/31, в Шеломах – 0/10, в Свяцкой – 0/19. В то же время в Ардони – 24/11, а в Клинцах – 10/9.

Если население большинства слобод занимается скупкой и перепродажей соли, леса, конопляного масла, дегтя, то жители Ардони основным источником «прокормления» выбрали санный промысел, одинаково востребованный во всех слободах, особенно семьями, занимающимися объездной торговлей. Скупка дегтя или конопляного масла требовала долгих объездов деревень. За этим следовала доставка товара на ярмарку, зимой на санях, летом на телегах, а конопляного масла – за границу. Объездная торговля мелочным товаром также требовала посещения многочисленных деревень.

Среди разных торговых и рукодельных промыслов, которыми в 1729 году занимались 288 семей обывателей слобод Государевой волости, мы встречаем только одну семью, занимающуюся скупкой пеньки.

Почему же старообрядцы Ардони и других слобод Государевой волости, имевшие возможность самостоятельно определять свое место на рынке, не занялись производством и продажей пеньки, приносящей хороший доход местным землевладельцам? Почему торговля пенькой не стала основным и ведущим промыслом? Дело в том, что старообрядцы пришли в Стародубье, когда рынок пеньки был уже устоявшимся, развитым, со своими производителями, мелкооптовыми поставщиками, перекупщиками и крупными оптовыми поставщиками пеньки на внешний рынок. В руках оптовых торговцев пенькой находилась власть в Стародубском полку. Потеснить крупных Стародубских оптовиков было невозможно. Старообрядцам пришлось искать свою рыночную нишу.

Повсеместное в Стародубье выращивание конопли для получения пеньки определило для старообрядцев и предмет торговли – конопляное масло, торговля которым стала преобладающим, потеснившим другие виды промыслов и торговли в Государевой волости описных раскольничьих слобод. Мы выяснили, что в 1729 году из 288 семей старообрядцев, живших в слободах Государевой волости и занимавшихся предпринимательством, 165 семей (57,2%) торгуют маслом конопляным. Очевидно, что исключительный интерес к торговле конопляным маслом продиктован доходностью промысла. В нескольких слободах (Елёнка, Воронок, Лужки, Климовая, Зыбкая, Шеломы) скупкой и продажей конопляного масла занято от 80 до 100 % семей, вовлеченных в предпринимательскую деятельность, в их числе войты (старосты) слобод.

Рыночной нишей, которую заполнили старообрядцы Стародубья на рубеже XVII–XVIII веков, стала скупка и продажа конопляного масла, которая вывела старообрядцев на внешний польский рынок и сделала сначала поставщиками польского сукна на Малороссийский рынок, а через поколение – производителями сукна уже на своих фабриках[1].

При обзоре переписи 1729 года обнаруживается, что некоторые слободы специализируются на каком-то одном виде промысловой деятельности. Так, жители слобод Добрянки и Радуль занимаются скупкой и продажей дегтя, жители Ардони – изготовлением саней.

Уровень вовлеченности обывателей слобод в промысловую деятельность составляет в среднем 57%. Это довольно высокий уровень деловой активности населения, явно превышающий потребности натурального хозяйства, которое традиционно ведут обыватели слобод, равно как и местные малороссийские крестьяне.

В то же время старообрядческие слободы Государевой волости неравномерно вовлечены в предпринимательскую деятельность.

Как видно из таблицы № 2, количество семей, вовлеченных в промысловую деятельность, находится в зависимости от возраста слободы. Менее всего рукодельными промыслами и торговлей заняты жители «старых» слобод, поселенных до 1707 года, более всего – жители слобод, поселенных после 1707 года. В то же время торговлей конопляным маслом более всего заняты жители «старых» слобод.

Здесь мы усматриваем в характере деятельности обывателей слобод влияние прежней их владельческой принадлежности и продолжительного пребывания в «державской» зависимости у помещиков.

Жители старообрядческих слобод, пришедшие на поселение в XVII веке, после определенного числа льготных лет становились «посполитыми» (простыми) крестьянами и включались малороссийским землевладельцем (державцами) в ту производственно-рыночную систему, которая обеспечивала помещику устойчивый доход.

А.Ф. Шафонский во второй половине XVIII в. писал: «Первый продукт, который в Малороссии приносит прибыль – это пенька, затем конопляное масло, табак, конского и рогатого скота заводы.

---

[1] Перекрестов Р.И. Источники накопления капитала старообрядцами Стародубья в начале XVIII в. // Клинцовский летописец. – Клинцы. 2004, 2007, с. 20–27.

Таблица № 2. **Уровень занятости населения старообрядческих слобод Государевой волости Малороссии торговыми и рукодельными промыслами в 1729 г. в зависимости от давности поселения слободы**

Слобода	Год основания	% занятости населения в торговле и в рукоделии в 1729 г.	Число и % семей, торгующих маслом конопляным
Елёнка	1684	33,6%	**26–83,8%**
Воронок	1691	12,5%	**7–70%**
Лужки	1694	30,4%	**26–92,8%**
Шеломы	1695	17,5%	**8–80%**
Перевоз	1700	52%	**4–30%**
Зыбкая	1701	42%	**31–83,6%**
Злынка	1703	26,6%	1–25%
Чуровичи	1706	11,3%	4–80%
Добрянка	1706	28,5%	1–10%
Клинцы	1707	34,5%	**10–42%**
Климова	1708	47,5%	**26–89,6%**
Радуль	1708	93,3%	**0–0%**
Митьковка	1709	9,3%	**4–100%**
Ардонь	1710	52,2%	**4–11,4%**
Свяцкая	1714	70,3%	**13–68%**

Почти все Новгород-Северской губернии уезды выделывают великое количество пеньки и продают стародубским промышленникам, которые, вытрепавши, отпускают её через пристани: Порецкую – в Ригу, а через Гжатскую – в Санкт-Петербург»[1].

Следовательно, сельское хозяйство Новгород-Северской, а позже Черниговской губернии, особенно Стародубского полка, было направлено на выращивание преимущественно волоконных культур, что было продиктовано не только рынком, но и характером

[1] Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким описанием Малыя России. – Чернигов 1786. Переизд. – Киев. 1851, с. 19.

почв. Получение пеньки в течение XVII и XVIII веков оставалось самым распространенным видом крестьянского труда, а скупка и продажа пеньки – самым прибыльным торговым занятием в Стародубье. Землевладельцы вменяли крестьянам в порядке натуральной повинности разведение конопляников, переработку конопли на волокно (пеньку), вывоз пеньки в Стародуб и продажу стародубским скупщикам.

Беглые из России крестьяне, в том числе и старообрядцы, поселенные на землях Малороссийских помещиков, обязаны были по прошествии льготных лет исполнять натуральную повинность и выплачивать денежный оброк наряду с посполитыми. Поскольку рынок Стародубья был ориентирован на производство и продажу пеньки, то старообрядцам вменялось засевать поля коноплей и расплачиваться с помещиком вырученными от продажи пеньки деньгами. Натуральная повинность привязывала старообрядцев к земле, подвигала к разработке лесных массивов под пахотные угодья и к засеву полей теми культурами, которые требовал землевладелец, на земле которого им было дозволено заселить слободу.

Тогда и зародился в старообрядческих слободах торговый промысел конопляным маслом. После трепли конопляного волокна оставалось много конопляного семени, из которого били масло, по многу пудов, и сбывали скупщикам на ярмарках.

Тесные экономические и религиозные связи старообрядцев Стародубья и Ветки, скрепленные переселенцами из Речи Посполитой в Стародубье, помогли обывателям старообрядческих слобод Стародубья еще в конце XVII века наладить сбыт конопляного масла на рынках Речи Посполитой, где в XVII веке бурно развивалась текстильная промышленность. Конопляное масло в больших количествах шло на изготовление жидкого мыла, столь нужного для мытья шерсти.

Когда старообрядческие слободы Стародубья вошли в состав Государевой волости и прежняя натуральная повинность была отменена, тогда старообрядцы прекратили собственную переработку конопли в пеньку, как малодоходный промысел, но продолжили занятие сбытом конопляного масла, при этом увеличили объемы скупки конопляного масла у малороссийских крестьян для вывоза за границу.

В декабре 1715 года правительство внесло некоторый порядок в существующий льняной и пеньковый промысел.

«Декабря 10 – 1715 года» опубликован «Именной, объявленный из Сената указ» «О неотпуске за море льняного и конопляного семени, чтоб семени льняного и конопляного к морским пристаням для продажи отнюдь никогда под жестоким запрещением

не возили; а ежели у кого будет со излишеством, чтоб избивали, и к морским пристаням привозили и продавали маслом, а не семенами»[1]. Такой указ только подстегнул малороссийских производителей и торговцев конопляным маслом.

А «13 декабря 1715 года» был издан указ «О размножении во всех губерниях льняного и пенькового промыслов, чтоб «прибавливали севу на всякий год, например, кто сеял четверть, тот бы прибавил четверик»[2].

Если до вхождения старообрядцев в состав Государевой волости торговый и рукодельный промысел для большинства обывателей слобод был побочным источником семейного дохода и сдерживался объемом натуральной повинности на пахотном поле, то после вхождения в состав Государевой волости у старообрядцев появилась свобода в выборе источника «пропитания». Торговые и рукодельные промыслы становятся для многих семей основным источником существования и источником накопления первичного капитала. Из разных видов торговли скупка и перепродажа конопляного масла становится для торгующих обывателей Государевой волости основным занятием. Число семей старообрядцев, занимающихся только земледелием, в течение XVIII века постоянно сокращается.

Иное дело слободы, заселенные после 1707 года. Льгота от налогов в Стародубье давалась пришлым поселенцам на 5–8–10 лет. В Ардони льгота была 8 лет.

Обыватели слобод Клинцы, Климовой, Радуль, Свяцкой, Ардони, поселенные после 1707 года, едва изжив предоставленные им льготные годы, перешли в 1715 году в подчинение «Государю», став частью Государевой волости описных раскольничьих слобод Малороссии. Обыватели этих слобод так и не стали посполитыми крестьянами и не были втянуты в производство пеньки. Заняться скупкой и продажей конопляного масла у них также не было возможности: рынок занят был старообрядцами «старых» слобод.

И даже спустя два десятилетия, в 1729 году, число семей, торгующих конопляным маслом, в «молодых» слободах намного меньше, чем в «старых».

Если сравнить число семей, занятых торговлей конопляным маслом, в 6 самых «старых» слободах (Елёнка, Воронок, Лужки, Шеломы, Перевоз и Зыбкая) и в шести самых «молодых» слобо-

---

[1] ПСЗ РИ. Т.V. № 2963.
[2] Там же, № 2966.

дах, поселенных с 1707 года (Клинцы, Климова, Радуль, Митьковка, Ардонь, Свяцкая), то окажется, что в «старых» слободах торгуют маслом 102 семьи, а в молодых слободах – 57 семей.

В «старых слободах: в Елёнке (поселена в 1684 г.) обывателей, торгующих конопляным маслом – 83,8%, Воронке (1691 г.) – 70%, Лужки (1694 г.) – 92,8%, Шеломы (1695 г.) – 80%.

В «молодых» слободах: в Ардони (1710) – 4 %, Добрянке (1706) – 10%, в Клинцах (1707) – 42%, в Радуле (1708) – 0%.

В «молодых» слободах наблюдаем развитие других видов промыслов.

Внутренняя организация жизни в Государевой волости раскольничьих слобод Малороссии была такая же, как и в Дворцовых волостях России. Что же касается налогообложения, то в Государевой раскольничьей волости Малороссии наблюдались свои особенности. Первые двадцать лет после образования Государевой волости Малороссии на обывателей слобод налагался только денежный налог (оклад) – подворный, а в военное время налагались дополнительно подводные и фуражные повинности и денежные сборы. Никаких натуральных сборов сельхозпродуктами от обывателей слобод в мирное время не требовалось. Перейдя в разряд «государевых», старообрядцы в выборе источника прокормления стали вольными и независимыми.

К этому следует добавить, что значительная часть пришлых в старообрядческие слободы из России людей уже владела ремесленными навыками (кузнецы, плотники, печники, пекари, кожевенники, портные, токари по дереву, иконописцы и др.), которые на новом месте жительства применяли приобретенный опыт с пользой для себя, для «прокормления» семьи. Часть пришлых людей имела определенный, накопленный ранее, торговый капитал и на новом месте сразу приступала к торговле (скупала у крестьян шкуры домашних животных, деготь, лес, конопляное масло, привозила из-за границы сукно, красный и мелочный товар для продажи и пр.)[1].

Поэтому так насыщена и разнообразна промысловая деятельность жителей вновь поселенных после 1708 года слобод в отличие от «старых» слобод Государевой волости 1729 года.

В переписях населения старообрядческих слобод XVIII века промыслами называли и производственную (рукоделье) и торговую деятельность обывателей. Но их следует разделять.

---

[1] Перекрестов Р.И. Источники накопления капитала старообрядцами Стародубья в начале XVIII в. // Клинцовский летописец, кн. 1, с. 20–27.

Торговый промысел (скупка и перепродажа) связан с продажей чужого производительного труда. Производственный промысел (изготовление посуды, кирпичей, саней, выделка кож, пошив одежды, рукавиц и т.п.) обязательно сочетается с продажей собственного производительного труда, вложенного в производство товара.

В «Описании Новгород-Северского наместничества» (1779 г.) уже говорится о «промыслах торговых» и «промыслах рукодельных».

Рассмотрим, какими видами промыслов занимались жители Ардони в 1729 и в 1765 годах.

В главе «Переписи жителей Ардони в XVIII веке» было отмечено, что у каждой ардонской семьи есть огородная земля для выращивания овощей. У большей половины населения слободы, кроме огородной земли, есть пахотный надел, сенокосы. Земля обеспечивала семьи продовольствием (рожь, гречка, пшено, овощи), одеждой (лен), кормами для лошади и коровы (сено, посевы овса и огородные культуры).

Таблица № 3 дает четкое представление о хозяйственной жизни слободского общества Ардони в 1729 году. Помимо обработки земли, обыватели Ардони занимаются промыслами: бытовые и промысловые нужды удовлетворяют кузнецы, плотники, деревянной посудой обеспечивают местные токари, кожами – кожевенники, меховыми изделиями – скорняки, привозным москательным и мелочным товаром – торгующие обыватели, санями, упряжью – местные саночники. В слободе варят мыло, пекут калачи.

Промысловая деятельность (рукоделие) и разъездная торговля дают обывателям слободы Ардонь дополнительный доход. Вырученные от продажи саней, конопляного масла и мыла деньги идут на приобретение недостающего питания (ржаной и пшеничной муки), одежды, посуды, инструмента, металла для кузнечного и саночного производства и пр.

В целом, слобода Ардонь 1729 года представлена как самодостаточное общество, ведущее натуральное хозяйство, способное прокормить, обуть и одеть себя, и, сверх того, получить дополнительную прибыль от своих производственных произведений и торговых промыслов.

К 1765 году в Ардони занятие санным промыслом становится преобладающим, вытеснившим прежние торговые занятия обывателей. Санным промыслом занимаются уже не 10 из 67 окладных семей (15%), а 39 из 77 окладных семей (50,6%) семей. В слободе наблюдается промысловая специализация, возникает сопутствующий промысел, например, изготовление хомутейных клещей (клешней) и упряжи. Производственная деятельность забирает всё свободное время ремесленников, они даже сокращают посевы зерно-

Таблица № 3. **Производственная (рукоделие) и торговая деятельность обывателей слободы Ардонь в XVIII в. (1729 и 1765 гг.)**

Промыслы в Ардони в 1729 г.	Число семей	Промыслы в Ардони в 1765 г.	Число семей жителей Ардони
Производственные промыслы (рукоделие)			
Делает и продаёт сани	10	Делает сани	39
Делает сани и скорняжное и продаёт	1		
Делает сани и рогожи и продаёт	1		
Делает ложки и продает	3	Делает и продает ложки	3
Делает ложки и деревянную посуду и продаёт	1	Делает и продает чашки дерев.	1
Содержит кожевенный завод и выделывает юфти, шьет бараньи рукавицы и продаёт	1		
Варит мыло и продаёт	1		
Делает русские сапоги и продаёт	1		
Шьет рукавицы и продает	1		
Кузнец	2	Коваль	1
Резницкий промысел	2		
		Делает хомутейные клещи[1] и продает	1
		Печет и продает пряники	1

[1] Хомутейные клещи (клешни) – деревянная основа хомута, две деревянные половинки, связанные в оголовке, подложенные хомутиной и стягиваемые под шеей лошади супонью, ремнем (В. Даль).

		Хлеб печет ржаной и продает	1
Всего производственных промыслов	24		47
Торговые промыслы			
Торгует луком	1		
Торгует ложками и посудой	1		
Торгует калачами	1		
		Покупает деготь куфами и продает в городах	1
Торгует конопляным маслом	3		
Торгует конопл. маслом и луком	1		
Торгует москательным товаром и мылом простым	1		
Торгует рукавицами и холстом	1		
Торгует мелочным товаром	2		
Всего торгующих семей	11		1
Итоги			
Всего семей, занимающихся производственными и торговыми промыслами	35		48

вых культур на своих пахотных наделах или вовсе не засевают поля (см. главу «Переписи жителей Ардони в XVIII веке»). С одной стороны, у саночников нет времени заниматься сельским и домашним хозяйством, с другой стороны, доходы от рукодельного промысла дают возможность приобретать на рынке необходимые сельхозпродукты и товары. В слободе исчезают некоторые ремесла, но появляются пекари, которые обеспечивают жителей слободы хлебом.

Спрос на деревянную посуду и ложки по-прежнему удовлетворяют местные токари по дереву. Постоянно востребованным остается коваль (кузнец). Сокращается число торгующих семей.

Через 15 лет, в 1781 году, основной промысел жителей Ардони – изготовление саней – был усовершенствован и усложнен, наряду с санями ардонские ремесленники стали изготовлять колесный транспорт. У предприимчивых обывателей появились и другие торговые интересы, не отмеченные в переписи 1765 года.

В «Описании Новгород-Северского наместничества», составленном по материалам переписи 1781 года, перечисляются промыслы жителей Ардони:

«...Обиватели сей слободы (Ардонь), имея мало пашенной и сенокосной земли, упражняются в [хлебопашестве по мере своих земель, лутшой же свой имеют доход из промыслов и рукоделия, как то]: одни искупив в околичних местах, (именно: в селах Лищичи, Павличах, Голубовки и деревни Мартьяновки) пуд до 20 и до 30 пеньки и меду пуд до 50 и более, продают (и з барышом) в Стародубе; другие делают отлично хорошие кибитки, простые возы, сани простые и название Казанские, равно и козирки, продают их в Стародубе и по ярмонкам в Глухове и Янполе. Дерево ж [на сие рукоделие] для того покупают за рекой Ипутью в пуще к селу Смялче принадлежащой; (некоторые сеют репу и возят в села Халевичи, Дариевичи, Ярцов и Медведов, где меняют на хлеб в отсып, то есть за мерку репы получают такову же хлеба, а в Стародубе продают на деньги)»[1].

Жизнь обывателей слободы Ардонь проходила в тесном взаимодействии с хозяйственной деятельностью обывателей слободы Клинцы. Быстро растущая слобода Клинцы уже с середины XVIII века стала притягивать к себе предприимчивых жителей слободы Ардонь. В XIX веке, когда Клинцы стали крупным промышленным посадом, жители Ардони стали рабочими клинцовских предприятий.

---

[1] Описание Новгород-Северского наместничества, 1779–1781. – Киев. 1931. с. 230–231.

В исторической перспективе интересно сравнить стартовые возможности жителей двух соседних слобод Ардони и Клинцы по состоянию на 1729 год.

***Таблица № 4.* Сравнение предпринимательской активности жителей слобод Ардонь и Клинцы в 1729 году**

Вид предпринимательской деятельности	Ардонь, число семей занятых предпринимательством	Клинцы, число семей занятых предпринимательством
Производственные промыслы (рукоделия)		
Делает и продаёт сани	10	
Делает сани и скорняжное и продаёт	1	
Делает сани и рогожи и продаёт	1	
Делает ложки и продает	3	3
Делает ложки и деревянную посуду и продаёт	1	
Содержит кожевенный завод и выделывает юфти, шьет бараньи рукавицы и продаёт	1	1
Варит мыло и продаёт	1	
Делает русские сапоги и продаёт	1	1
Делает кожи бараньи и из оных шьет рукавицы и продает и торгует конопляным маслом		1
Шьет рукавицы	1	
Кузнец	2	1
Резницкий промысел	2	
Столярный		1
Крашенинной		1
Харчевной		1
Всего промыслов	24	10
Торговля		
Торгует конопляным маслом	3	8
Торгует конопл. маслом и луком	1	

Торгует луком	1	
Торгует ложками и посудой	1	
Торгует калачами	1	
Торгует москательным товаром и мылом простым	1	
Торгует рукавицами		1
Торгует рукавицами и холстом	1	
Торгует мелочным товаром	2	
Всего торгующих семей	11	9
Всего семей, занятых торговлей и производственными промыслами	35	19
Всего населения	396 душ	218 душ

Слобода Клинцы основана в 1707 году, слобода Ардонь – в 1710 году. Несмотря на более старший возраст, слобода Клинцы к 1729 году заселена меньшим числом обывателей, чем Ардонь.

По данным, приведенным в таблице, в 1729 году промыслами занимались в Ардони – 24 семьи, в Клинцах – 10 семей. Число торгующих обывателей в Ардони – 11, в Клинцах – 9. Всего семей, вовлеченных в предпринимательскую деятельность в Ардони – 35 (52%), в Клинцах – 19 (34,5%).

Сравнение уровня предпринимательской активности жителей слобод Ардонь и Клинцы по состоянию на 1729 год показывает, что жители Ардони более активно занимались промысловой и торговой деятельностью, обеспечивая своих обывателей необходимыми товарами, продуктами питания и услугами.

В последующие десятилетия многие жители Ардони перебрались в Клинцы и в значительной степени содействовали созданию и развитию в Клинцах торгового и промышленного предпринимательства и возвышению слободы Клинцы в ряду слобод Государевой волости Малороссии.

О торговых капиталах обывателей слобод Государевой волости Малороссии

Перепись 1767 года зафиксировала наличие «капиталов» у ряда торгующих обывателей слобод Клинцы, Злынки, Климовой, Еленки и других и то, что многие из торгующих обывателей «берут на кредит».

В слободе Клинцы в 1767 году из 52 человек, занятых предпринимательством, капитал объявили 42 обывателя, в кредит брали деньги 29 обывателей[1].

Т.А. Круглова, изучавшая Генеральную опись Левобережной Украины 1765–1767 годов, писала:

«Капиталы и кредиты зарегистрированы Генеральной описью Малороссии только в городах и в раскольничьих слободах, где были условия для накопления капитала. Эти условия были обусловлены характером феодальных отношений, когда каждое сословие имело свое предназначение: купцы и мещане, жители местечек и городов, должны были заниматься торговлей, казаки нести военную службу, крестьяне – заниматься хлебопашеством. Это свойственное феодальной эпохе представление о разделении занятий и нашло отражение в Генеральной описи».

Далее автор объясняет причины накопления свободных денежных сумм у обывателей старообрядческих слобод «отсутствием крепостнического режима в Старообрядческих слободах»[2].

Если с первым выводом должно согласиться, то на второй следует возразить. Причины отсутствия свободных денежных сумм у малороссийских крестьян кроятся не в «крепостном праве», а в феодальных порядках на внутреннем рынке Малороссии.

Действительно, крепостнических порядков в Государевой волости Малороссии до Генеральной описи 1767 года не было, но и в помещичьих хозяйствах малороссийских землевладельцев не было жестких крепостнических порядков.

Если в России полное прикрепление крестьян к землевладельцу началось с указа 1597 года (указом было подтверждено бессрочное запрещение крестьянам выхода в Юрьев день и устанавливался пятилетний срок сыска беглых – урочные лета) и усовершенствовалось в течение всего последующего XVII столетия, то первые шаги к закрепощению малороссийского крестьянства связывают с ограничением по переходу от одного землевладельца к другому, которое появилось после проведения Первой поголовной переписи 1763–1764 годов. По поводу этой переписи А.Ф. Шафонский писал: «15 марта 1763 года Кирилл Григорьевич Разумовский (гетманство 1750–1764) велел учинить всем обывателям по головам и по дымам перепись, закончившуюся в 1764 году.

---

[1] ЦГИА Укр. Киев. Ф. 57, оп. 1, д. 117.

[2] Круглова Т.А. Генеральная опись Левобереженой Украины 1765 – 1769 как источник по истории городов (на примере Стародубского полка). – М. 1982.

Сею переписью мужикам вольный переход от одного к другому [землевладельцу] вовсе не уничтожен, но паче Имянным 1764 г. Указом, на основании Малороссийского Статусового закона, а “не безпредельный и самовольный” возобновлен»[1].

То есть окончательного закрепощения Малороссийского крестьянства после переписи Григория Разумовского не произошло.

Только в 1783–1785 годы в связи с распространением прав российского дворянства на украинскую войсковую старшину было закрепощено и сидящее на её землях украинское крестьянство. Но к 1783 году уже не существовало Государевой волости описных раскольничьих слобод, она была упразднена во время административной реформы Малороссии 1781–1783 годов.

Поэтому объяснять «причины накопления свободных денежных сумм» у обывателей Государевой волости Малороссии в XVIII веке «отсутствием крепостнического режима в Старообрядческих слободах» не вполне корректно по отношению к местному малороссийскому населению. Причина развития предпринимательской деятельности обывателей старообрядческих слобод заключена во внутренней организации жизни Государевой волости Малороссии, по образцу и подобию Дворцовых волостей России. Кроме того, старообрядческие слободы стали прибежищем для наиболее деловых и предприимчивых людей, бежавших из России. Высокая плотность деловых людей в слободах, развивающих разные промыслы, вела к тому, что старообрядцы своим присутствием стали влиять на характер рыночных отношений в Стародубском полку, вовлекая в сферу своих деловых интересов окружающее малороссийское крестьянство.

Деловая активность старообрядцев проявилась еще до 1715 года, то есть до изъятия старообрядцев из-под власти местных помещиков и объединения их в составе Государевой волости. До 1715 года старообрядцы в течение 30 лет жили в подданстве местных землевладельцев, равным по характеру тому, в каком жили местные малороссийские крестьяне. То есть старообрядцы находились с местными «посполитыми» крестьянами в равных условиях, поскольку сами были «посполитыми».

И при этом старообрядцы проявляли небывалую промысловую и торговую активность, которая уже с конца XVII века вела к накоплению торгового капитала у многих обывателей, что было

---

[1] Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким описанием Малыя России. – Чернигов. 1786. Переизд. – Киев. 1851, с. 97.

отмечено киевским губернатором в письме к Ергольскому и Безобразову от 29 сентября 1715 года. В письме речь шла о необходимости положить в оклад всех старообрядцев, кто бежал от переписчиков и вернулся в свои дворы, и губернатор поясняет: а «известно, что они люди богатые»[1].

Нехарактерным для простых крестьян стало поведение старообрядцев, собранных в 1715 году в городе Мглин для заслушивания указа о «положении их в оклад на Государя». Заслушав указ, войты слобод били челом Государю, чтобы им «по указу Великого Государя вольно было ездить к Москве и в Московские города и за границу, и в Санкт-Петербург и в Ригу ради торговых промыслов»[2].

То есть «посполитые» (простые) крестьяне-старообрядцы свидетельствовали о наличии у них развитых торговых промыслов, а, следовательно, и капиталов, и просили «узаконить» уже сложившиеся и длительное время существующие деловые связи торгующих крестьян-старообрядцев Стародубья с другими областями государства.

Нельзя сказать, что местное малороссийское крестьянство и казачество не занимались промыслами. В деревнях было распространено дегтярное производство, крестьяне сами изготовляли сани, телеги, хомуты, выделывали кожи, вырабатывали пеньку, ткали льняные полотна, делали деревянную и глиняную посуду, строили хаты, делали кирпич, брали на откуп мельницы, вывозили излишки товаров на рынки и ярмарки – все то, что делали обыватели Государевой раскольничьей волости. Но масштабного производства, ведущего к накоплению капитала, в деревнях, населенных малороссийскими крестьянами, Генеральная опись 1765–1769 годов не обнаружила. В чем же причина отсутствия капиталов у посполитых крестьян Малороссии?

Существовавшие в Малороссии в XVII и XVIII веках отношения между землевладельцами и крестьянами не препятствовали развитию крестьянских промыслов и местной торговли. Но для приобретения торгового капитала нужен был выход с товаром за пределы местного рынка, а на местном рынке было все дешево.

Нельзя сказать, что малороссийское купечество было стеснено в своих торговых предприятиях. В конце XVII века Россия проводила политику поддержки и поощрения малороссийского купечества. «26 июля 1683 года был издан указ о невзимании пошлин с малороссийских купцов за вывоз Российских товаров в Малорос-

---

[1] ЦГИА Киев Ф. 59, оп. 1, д. 14, л.18.
[2] Там же, л.7.

сийские города по таможенным выписям». А на русских купцов вскоре наложены торговые ограничения. 2 января 1685 года был принят «именной с боярским приговором» указ «о взыскании пошлин в Севске, Путивле, Трубчевске и Брянске с провозимых русскими людьми товаров в Черкасские города»[1].

Такая же политика проводилась и по отношению к казакам Слободской Украины. В 1743 году в указе от 22 ноября (№ 8823) говорилось «В подтверждение прежних прав слободским казакам, дарованными им грамотами 7177 (1669) г., 7192 (1684) г., 7196 (1688) г. и 1700 г...им разрешено Полковникам, Старшинам и казакам торговать безпошлинно, содержать мельницы, рыбные ловы, шинки безоброчно...»[2].

Но в отношении малороссийского крестьянства не было принято никаких указов относительно свободы торговой деятельности и им оставалось довольствоваться местным рынком для реализации товаров и продуктов. Накоплению капитала торгующими крестьянами Малороссии препятствовали запреты на торговлю за пределами Малороссии и даже за пределами своего полка.

Малороссийскому купечеству и торгующему казачеству, имеющему выход за пределы местного рынка, было выгодно не выпускать посполитых крестьян за пределы местного полкового рынка, и удерживать закупочные цены на товары местных производителей на низком уровне.

С этим столкнулись торгующие крестьяне-старообрядцы, поселившиеся в слободах Малороссии в конце XVII века. Нарушая «законы» местного рынка, старообрядцы тайно выходили на внешний рынок за Польскую границу и накапливали торговый капитал.

Поэтому Мглинская челобитная царю (1715 г.) продиктована, прежде всего, пониманием старообрядцами необходимости, ради успеха торговых дел, выхода за пределы местного рынка на «законном» основании.

Требуемые старообрядцами свободы, видимо, были ими получены. М.И. Лилеев писал, что «до второй половины 1750-х годов пашпорты для поездки раскольников в малороссийские и великороссийские города выдавались годовые и полугодовые, сначала Стародубскими комендантами, а с 1728 года бурмистрами из волостного правления, а потом, с 1751 г. управителями из Волостной конторы»[3].

---

[1] ПСЗ. Т. II. № 1036, 1104.

[2] ПСЗ. 1743, 22 ноября № 8823

[3] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 515

Поэтому вполне понятно, почему уже с 1716 года появились запретительные указы Стародубской полковой старшины, не допускавшие старообрядцев обывателей Государевой волости на местные рынки. Но они не в силах были остановить торговую деятельность старообрядцев. Когда по внутриполитическим причинам, возникавшим в Малороссии, создавались временные препятствия старообрядцам в получении паспортов, то они обращались с челобитными в Киево-губернскую канцелярию и получали удовлетворение.

Указом от 4 июля 1740 года по представлению генерал-майора Шипова слободских раскольников дозволено было отпускать за границу для промыслов, «от чего они пропитание имеют», со срочными паспортами и с надлежащими за них поручительствами[1].

В Малороссию старообрядцы пришли из России, где крепостнические порядки существовали давно и в такой форме, какой никогда не было в Малороссии. Большинство пришлого из России старообрядческого населения были прежде помещичьими крестьянами. И даже в России, в условиях русского крепостничества, старообрядцы занимались промыслами и торговлей.

Крепостничество сдерживало развитие промыслов и торговли, но не препятствовало им. В Малороссию старообрядцы приходили из помещичьих владений не нищими, а с определенным капиталом и навыками в ремеслах и в торговле, поэтому на новом месте сразу же развертывали свои торговые и рукодельные промыслы и продолжали накапливать торговый капитал. Этот вопрос был проанализирован нами в статье «Источники накопления капитала старообрядцами Стародубья в начале XVIII в.»[2].

Старообрядческие слободы заселяли наиболее активные и предприимчивые российские крестьяне, которым было что терять в реформируемой царем Петром России. В результате такого отбора (селекции) в раскольничьих слободах Малороссии, равно как и за границей, в Ветковских слободах, происходило скопление людей мастеровых, денежных, опытных в торговле, что и обусловило бурный рост экономики в слободах Ветки еще в конце XVII века, а в слободах Стародубья – в начале XVIII века.

---

[1] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 500–501.

[2] См. Перекрестов Р.И. Клинцовский летописец. Кн. 1. – Клинцы. 2004, 2007, с. 20–27.

Таблица. **Поименный список жителей Ардони, занимающихся торговыми и рукодельными промыслами в 1729 г. и в 1765 г.**

Владелец двора или избы в 1729 г.	Занято промыслами в 1729 г.	Владелец двора или избы в 1765 г.	Занято промыслами в 1765 г.
1. Дмитрей Логинов Малахов Дети: Самсон, Федор, Герасим, Козма	Делает и продает сани	1. Федор Малахов	Делает сани
		2. Герасим Малахов	Нет
		3. Феоктист Малахов	Нет
		4. Козма Малахов	Сани
		Дем. Малахов	Сани
2. Потап Копырин	Торг. маслом конопляным и луком		
3. Тяпикины Михайла и Степан. У Михайлы сын Леонтей, внук Стефан	Нет	5. Леон Тепикин	Нет
		6. Стефан Тепикин	Сани
		7. Иван Тепикин	Сани
		8. Алексей Тепикин	Сани
		9. Терентий Тепикин	Сани
4. Дмитриевы	Нет		
5. Яков Игнатьев	Торг. луком		
6. Гаврила Новиков	Делает и продает сани		

7. Василий Красильников	Делает и продает ложки		
8. Терентий Игнатов	Делает и продает сани		
9. Купреян Семенов	Сани		
10. Карп Гутков	Нет		
11. Павел Гутков	Сани	10. Павел Гутков и сын Федор	Сани
12. Григорий Логовой	Нет	11. Мих. Луговой	Сани
13. Иван Воронковский	Нет		
14. Иван Долгой	Нет		
15. Никифор Шаров	Нет		
16. Яков Смирной, у него сын Семен	Нет	12. Сем. Смирной	Ложки
17. Ив. Бобылев	Торг. ложками и посудой		
18. Федор Бормотков	Промысел резницкой		
19. Бор. Михайлов	Делает ложки дер.		
20. Ст. Токарев	Делает ложки и посуду и продает		
21. Андр. Михайлов	Торг. маслом конопл.		
22. Сем. Степанов	Нет		
23. Кузма Рогожин	Делает и продает сани и рогожи		

24. Лазарь Седледченок	Нет	13. Лаз. Седлецкий	Сани
		14. Мих. Седледченок	Сани
25. Вас. Щербаков	Торг. маслом конопл.		
26. Никита и Мих. Соболевы	Нет		
27. Иван Борматов	Торг. калачами	15. Мих. Бормотов	Ложки
28. Ст. Востряков	Нет		
29. Алексей Медведков	Нет		
30. Мих. Лисицын	Нет		
31. Аф. Безногой	Нет		
32. Як. Ив. Ковалев	Кузнец		
33. Марко Котляров	Нет		
34. Поповы Михайло, Илья	Нет	16. Илья Поповичев	Сани
		17. Ант. Поповичев	Сани
		18. Пав. Поповичев	Сани
35. Серг. Быков	Шьет рукавицы		
36. Гавр. Новиков	Сани		
37. Сем. Санников	Сани и скорнячное		
38. Киприян и Дементей Винниковы	Нет		
39. Приходковы	Торг. москательным товаром и делают мыло простое		

40. Ив. Каменов	Сани		
41. Петр Запкин	Нет	19. Ходора Зябкина	Сани
		20. Евст. Зябкин	Сани
		21. Конст. Зябкин	Сани
		22. Никиф. Зябкин	Нет
		23. Вас. Зябкин	Живет в Клинцах
42. Осип Смирной, у него сын Потап	Промысел резницкой		
43. Логин Мохонин	Нет		
44. Назар Морозов	Нет		
45. Яков Ложечников	Сани		
46. Яков Дементьев Ковалев	Кузнец		
47. Еф. и Никифор Бойковы	Нет		
48. Герасим Татаринов, сыновья Илья и Семен	Нет	24. Сем. Татаринов	Сани
49. Архип Шарапов, внук Григорий	Сани	25. Гр. Шарапов	Сани
		26. Данила Шарапов	Сани
50. Алексей Самолюбов	Сани		
51. Силины	Нет		
52. Андр. Новокрещенов	Торг. маслом конопл.		
53. Ив. Крашенинников	Кожевен. завод, делает юфть черн. и рукавицы барановые		

54. Еким Осокин	Торг. рукавицами и холстом		
55. Федор Мыльников	Мыло варит		
56. Вас. Ерофеев	Торг. мелочным товаром		
57. Кириловы	Делает ложки дер.		
58. Ив. Шапочников	Торг. мелочн. товаром вразъезд		
59. Казмины Петр и Алексей	Делают русск. сапоги		
		27. Ал. Разумеев	Сани
		28. Перф. Разумеев	Сани
		29. Макарьевы Захар и Петр	Нет
		30. Анф. Пешахонов	Нет
		31. Данила Кононов, живет в Митковке	
		32. Мих. Крюков	Сани
		33. Петр Морозов	Коваль
		34. Вас. Гончаров	Сани
		35. Як. Наступнев	Сани
		36. Гликер. Винокурова	Пряники печет и продает
		37. Ст. Горюнов	Сани
		38. Ив. Шведов	Торг. дегтем

		39. Вас. Винокуров	Хлеб печет
		40. Лар. Лобанов	Сани
		41. Влад. Самороков	Нет
		42. Дар. Черкасинова	Сани
		43. Андр. Лихоманов	Сани
		44. Андр. Ложкарев	Ложки
		45. Ив. Бормотов	Сани
		46. Мих. Еросалимцев	Сани
		47. Сем. Еросалимцев	Сани
		48. Игн. Миронов	Сани
		49. Дем. Винокуров	Нет
		50. Ив. Игнатов	Хомутейные клещи
		51. Иван Тарасов	Нет
		52. Логгин Махоткин	Нет
		53. Гавр. Данец	Нет
		54. Аврам Морозов	Нет
		55. Еф. Гончаров	Сани
		56. Панкр. Лихоманов	Нет
		57. Ефр. Лихоманова	Сани
		58. Пимен Лялин	Сани
		59. Козма Лихоманов	Сани
		60. Кирил Нежданов	Нет

		61.Алексей Капирин	?
		62. Сем. Токарев	Делает и продает чашки
		63. Ив. Баличев	Сани
		64. Григ. Меркуленок	Сани
		65. Потап Смирной	Наемные работники – 4 муж.
		66. Вас. Сарабин	Наемный
		67. Вас. Горшенин	Наемный
		68. Аф. Селючин	Наемный
		69. Сем. Соловников	Живет в Клинцах
		70. Сем. Яковлев	Наемный
58 семей	35 семей	70 семей	48 семей

Накопление торгового капитала жителями Ардони позволило некоторым предприимчивым ардонцам развернуть свою предпринимательскую деятельность за пределами Ардони.

Выходец из Ардони Василий Лихоманов, занимаясь торговлей в Польше, приобрел там ткацкую фабрику, он же стал основателем первой ткацкой фабрики в Клинцах. Зиновий Сергеевич Махоткин наладил торговлю русскими товарами в Варшаве. Ардонские ремесленники обеспечивали колесным транспортом население не только посадов Ардонь и Клинцы, но успешно продавали свою продукцию в Одессе, Харькове, Ростове и других городах.

О наемных работниках

В статистическом описании Черниговской губернии по состоянию на 1859 год говорилось:

«Более заметного развития достигли народные промыслы только в раскольничьих посадах. Ежегодно отсюда артели каменщиков, плотников отправляются в Киев, в Варшаву и возвращаются со значительными заработками. Все капитальные постройки Черниговской губернии производятся здешними раскольниками. Лучшие каменщики и штукатуры из Митьковки и Злынки. Выпасом и прогоном скота занимаются раскольники города Новозыбкова, посадов Клинцы, Климова, Добрянки и др. Скот доставляется в Санкт-Петербург, Москву. Больше всего ремесел сосредоточено в Клинцах, где находится 123 разных ремесленных заведения...»[1].

Значительная часть перечисленных работ производилась руками наемных работников.

Наемные работники отмечены в старообрядческих слободах уже в 1729 году переписчиками Брянчанинова.

В Ардони в 1729 году: «У Ивана Васильева сына Крашенинникова, 39 лет, города Калуги посацкой человек, промысл имеет – кожевенной завод, на котором делают юфть черную и рукавицы барановые. У него, Крашенинникова, работники:

Гаврила Васильев сын Живодерников – 43 лет, пришол из-за границы Польской в 722-м году, а прежде того был Московской житель Живодерной слободы. У него жена, Арина Тимофеева дочь – 25 лет, сын Абакум – 3, дочь Ульяна – 5 лет.

Ананья Ерофеев – 15 лет. Привез его из-за границы Польской той слободы Ардони житель Андрей Новокрещенов в 726-м году.

---

[1] Список населенных мест по сведениям 1859 года. Черниговская губерния. Изд. Центр. стат. ком. МВД. – СПб., 1866, с. LXIV.

Только он руской породы, а откуда, того не помнит, для того, что после отца своего остался в малых летех»[1].

Значительное прибавление числа наемных работников среди жителей Ардони отмечено в перепись 1736 года за счет старообрядцев, «вышедших из-за границы Польской».

В Ардони в 1736 году: «У Ивана Малышева живет наемной работник, которой из заграницы вышел с ним вместе, Александр Артемьев – 35 лет, холост, из Корочи посацкой человек, да работница наемная ж, девка Домна Васильева дочь – 14 лет. А в прошлом 733-м году, по объявлении Указа Ея Императорского Величества вышел он, Иван, из заграницы и ...определен на житье в слободу Ардонь, и положено на него, Ивана и за работника, платить подушного окладу ...по семи десять по две копейки и полу копейкою в год з души»[2].

«Во дворе Андрея Ларионова сына Новокрещенова, у живущаго на том дворе у Акима Михайлова сына Осокина, живет наемной работник Леонтий Герасимов,... вышел он, Леонтий, из заграницы (из Ветки) и ...определен на житье в слободу Ардонь...и положено на него подушного окладу с одной души по семи десять по две копейки и полу копейкою в год».

«У Терентия Андреева сына Сырейщикова, 70 лет... работник Николай Петров, 18 лет, холост, из Боровска посацкого человека сын»[3].

«В Стародубе ж живут из наймов, в работниках у ардонских жителей осиротелые: Тимофей, 16 и Николай, 11 лет, Парфентьевы дети»[4].

В оной же слободе Ардони при нынешней переписке (1736 г.) явились, жительство имеющие, а в переписках Ергольского и Брянченинова не написаны, и об определении своем на житье в той слободе указов ис Канцелярии Министерского правления не имеют и окладов никаких не платят, а другие живут из наймов в работниках, а именно:

«В дворе Гаврилы Новикова, у живущаго на том же дворе у Андрея Федорова сына Мохоткина, живет наемной работник Павел Панкратьев, 23 лет. И по переписке Брянченинова не написан, был в отлучке для прокормления»[5].

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1797, л. 182 об.
[2] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1838, л. 428 об. – 429.
[3] РГАДА Там же, л. 440.
[4] РГАДА Там же, л. 443.
[5] РГАДА Там же, л. 451 об.

«Во дворе у Андрея Ларионова сына Новокрещенова живет наемной работник Сава Терентьев, 60 лет, И по переписке Брянченинова не написан, был в отлучке для прокормления»[1].

«В дворе Андрея Новокрещенова, у живущаго на том же дворе у Акима Михайлова сына Осокина, живут наемные работники: Илья Тимофеев, 70 лет, холост. У него, Ильи, племянник родного Ево, Ильина, брата Дмитрия сын, Иван – 25 лет, холост – были в отлучке для прокормления»[2].

«В том же Андрея Новокрещенова дворе, у живущаго на том же дворе у Ивана Васильева сына Крашенинникова, живут наемные работники: Анания Еремеев, 22 лет, холост, польской нации, другой работник Федор Егоров, 60 лет, По перепискам Ергольского и Брянченинова не написаны, для того в переписку Брянченинова были в отлучке для прокормления»[3].

В переписи представлены также обыватели, которые во время предыдущей переписи «были в отлучке для прокормления», в переписи не сказано, что они «наемные работники». Но поскольку эти семьи промыслов своих не имеют, торговли не ведут, следовательно, на «прокормление» они зарабатывают наемным трудом.

«В том же Дмитрия Малахова дворе, в хатке, живет безплатежной Борис Никитин, 55 лет, По переписке Брянченинова не написан, был в отлучке для прокормления».

«Во дворе Степана Яковлева сына Токарева живут с ним вместе безплатежные: двоюродной, по отцу, брат Артемей Иванов, 53 лет, холост, да племянник двоюродной сестры Ево, Степановой, сын Яков Максимов, 35 лет. Во время Брянченинова переписки были в отлучке для прокормления».

«В том же, Михайла и Степана Тепикиных дворе, у живущаго на том же дворе у Ивана Данилова сына Корелкина, живет в особливой хате безплатежной сосед Никон Филиппов, 50 лет, ... по переписке Брянченинова он, Никон и брат Ево, не написаны, были в отлучке для прокормления»[4].

«Во дворе Афонасья Федорова сына Хромого... живет в особливой хатке безплатежной Артемий Степанов, 35 лет... По переписке Брянченинова не написан, был в отлучке для прокормления».

«У Сергея Григорьева сына Быкова, живет с ним вместе безплатежной племянник брата Ево, Сергеева, родной сын Куприян Ива-

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1838, л. 454.
[2] РГАДА Там же, л. 454.
[3] РГАДА Там же, л. 454 об.
[4] РГАДА Там же, л. 450 об.

нов – 32 лет. ...Во время Брянченинова переписки был в отлучке для прокормления».

«Во дворе у Гаврилы Антонова сына Новикова живет с ним безплатежной племянник Михайла Нифантов, 30 лет, Во время Брянченинова переписки был в отлучке для прокормления».

«У Петра Иванова сына Санникова, живет Безплатежной двоюродной, по отцу, дед Никита Иванов, 73 лет...Во время Брянченинова переписки был в отлучке для прокормления. А в Ергольского переписку в слободе Ардони жительства не имел».

«Во дворе Ивана и Исая Макарьевых детей Бобылевых живут на том же дворе в одной хатке безплатежные Максим Григорьев, 57 лет и Лукьян Варфоломеев, 19 лет, был в отлучке для прокормления».

«На том же Бобылевых дворе живет в особливой хатке безплатежной Григорей Семенов, 35 лет, По перепискам Ергольского и Брянченинова не написан, был в отлучке для прокормления.

«Во дворе Герасима Григорьева сына Татаринова, у живущаго на том же дворе, у безплатежного подсоседка у Павла Филимонова, живет с ним, Павлом, вместе двоюродной, по матери, брат Василий Фомин, 40 лет. По переписке Брянченинова не написан, был в отлучке для прокормления».

«В том же, Конона Яковлева сына Островского дворе, у живущаго на том же дворе у Ивана Федотова сына Бормотова живет с ним вместе безплатежной двоюродной брат Харлампий Самойлов – 60 лет. По перепискам Ергольского и Брянченинова не написан, для того во время Брянченинова переписки был в отлучке для прокормления»[1].

«Во дворе Епифана Иванова сына Калачникова живет безплатежной Родион Федоров сын Талалай, 60 лет,...По переписке Брянченинова не написан, был в отлучке для прокормления»[2].

«На Калачникова дворе живет безплатежная вдова Мавра Казмина дочь Андреевская жена Иванова, 50 лет. У ней, вдовы, сын Яков, 17 лет, да племянник осиротелый, брата ея родного сын, Петр Семенов, 15 лет. По переписке Брянченинова она, вдова, не написана, была в отлучке для прокормления. Да с нею, вдовою, живет сосед безплатежной же Дмитрий Осипов, 58 лет, И по переписке Брянченинова не написан, был в отлучке для прокормления»[3].

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1838, л. 455.
[2] РГАДА Там же, л. 455 об.
[3] РГАДА Там же, л. 456.

«Во дворе у Прокофья Степанова сына Мясникова живет на том же дворе безплатежной, в хатке, Сергей Моисеев сын Заика, 70 лет. По переписке Брянченинова не написан, был в отлучке для прокормления».

«На Мясникова дворе живет безплатежной Марка Степанов, 32 лет, был в отлучке для прокормления».

«Безплатежной бобыль Петр Михайлов сын Борисов, 26 лет,... был в отлучке для прокормления».

Подтверждением тому, что «бывшие в отлучке» обыватели зарабатывали «на прокормление» наемным трудом служат сведения о Дмитрии Павлове и Иване Акимове:

«Во дворе Конона Яковлева сына Островского живет с ним вместе безплатежной племянник Дмитрей Павлов, 27 лет, по переписке Брянченинова не написан, был в отлучке в Стародубе, на прядильной работе»[1].

«При околицы ж живет в бобыльской хатке беплатежной Иван Акимов, 34 лет...По переписке Брянченинова не написан, был в отлучке в зажинной работе»[2].

Всего в 1736 году наемных работников в Ардони отмечено – 34 человека.

Перепись 1765 года отметила увеличение числа наемных работников в слободе Клинцы до 290 человек[3] и сокращение числа наемных работников в Ардони до 9 человек. Это связано с тем, что во время присоединения слободы Ардонь к Киево-Печерской Лавре в 1741 году часть обывателей была удалена из слободы и отправлена в Россию к прежним местам проживания. Как всегда, первыми страдали самые малоимущие слои общества. Часть обывателей переселилась в Клинцы и в другие слободы, где была возможность наняться на работу, часть обывателей Ардони бежала из монастырских владений за границу, но вскоре вернулась в Государеву волость.

Выявленные в 1765 году в Ардони наемные работники были малоимущими людьми:

«Потап Осипов сын Смирной, 47 лет. Находится в работниках временно в разних тамошних обывателей с едно толко хлеба. Брат его родной Максим имеет отроду лет 43, на голову болен и глух, нахотся ныне в работниках в тамошнего ардонского жителя Лео-

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1838, л. 454 об.
[2] РГАДА Там же, л. 456 об.
[3] РГАДА Ф. 57, оп. 1, д. 117, л. 255–292 об.

на Тепикина с найму в год за шесть рублев семь десять пять копеек. У Потапа сын Иван двадцати лет, здоров, находится ныне в работниках в городе Стародубе у Максима Шляхты с найму в год за 5 рублев, у Максима сын Иван, 22 лет, здоров, в работниках там же в Стародубе у Василя Силина, с найму в год за 5 же рублей»[1].

«Василий Григорьев сын Сарабнин, 18 лет, здоров, в работниках по разным обывателям за прокормление токмо его, ныне находится»[2].

«Василь Андреев сын Горшенин, 22 лет. Находится в заработках по разным местам, токмо за прокормление себе, и платит в год в кантору подушных денег семь десять две копейки – 72 к.»[3].

«Семен Лугавой с женою и детьми их находятся ныне жительством в футоре умершаго заводчика Никиты Коренева»[4].

«Константин Афонасьев сын Селючин, 16 лет, здоров, находится ныне в работниках в городе Стародубе, в тамошнего мещанина Максима Ушляхти, в год за пять рублев».

«Семен Яковлев, 22 лет, здоров, находится ныне в работниках по разним местам за прокормление себе»[5].

Переписи 1736 и 1765 годов показали, что наемный труд широко применялся во многих старообрядческих слободах Малороссии, что свидетельствовало о происходившем имущественном расслоении общества. От натурального ведения хозяйства многие обыватели слобод перешли к торговой и промысловой деятельности, требующей привлечения дополнительных рабочих рук. Торгующие обыватели старообрядческих слобод, уже накопившие значительные оборотные капиталы, стали пользоваться кредитами. Дешевый наемный труд только умножал капиталы.

Виды наемного труда были разными. Обыватели нанимались за деньги поденно, понедельно, помесячно, погодно. Некоторые нанимались «за прокормление себе».

Наемные работники выполняли работы по обработке пахотной земли весной под посев, осенью на уборке, нанимались на работу в огороде, по хозяйству (уборка навоза, уход за лошадьми, заготовка дров и др.), нанимались няньками, кухарками, работали на

---

[1] РГАДА Ф. 248, оп. 29, д. 1838, л. 1144 об.
[2] РГАДА Там же, с. 1144 об.
[3] РГАДА Там же, л. 1145.
[4] ЦГИА Киев. Ф. 57, оп. 1, д. 118, л. 1120.
[5] ЦГИА Киев. Там же, л. 1144–1145 об.

мыловарнях, на маслобойнях, на мельницах, на выделке кож, на производстве кирпича. Собирались в артели и уходили на заработки на строительные работы, на лесосплав, на полевые работы в южные черноземные районы, на байдаки (грузчиками). Работа на байдаках – это работа на речных грузовых лодках, на которых от Гомеля вниз по реке Сож и по Днепру предприниматели везли товар (металл, сукно, инструмент, посуду и др.) в степные районы Украины, а после завоевания Россией Северного Причерноморья – в Новороссию и в Крым. Обыватели старообрядческих слобод нанимались также на строительство кирпичных зданий в Риге, Санкт-Петербурге и других городах. В Риге в XVIII веке образовалась большая община русских старообрядцев беспоповского согласия, которая существует и в настоящее время. В Рижской диаспоре осели многие выходцы из старообрядческих слобод Стародубья.

В Стародуб – столицу края старообрядцы нанимались работать в лавках сидельцами, прикащиками. Как сообщает перепись 1736 года, один из ардонских жителей работал в Стародубе «на ткацкой работе», в 1765 году один ардонский обыватель «торговал на ткацком дворе».

Говоря о тесных деловых связях жителей Ардони с жителями посада Клинцы в начале XIX века, следует сослаться на Федора Евгеньева, изучавшего историю шерстяной промышленности в Клинцах в 1925 году. В беседах со старожилами Клинцов Ф. Евгеньев выяснил, что «с начала и почти до конца XIX столетия клинцовское чулочное фабричное производство развивалось в тесном содружестве с многочисленными кустарями, работавшими по домам, по преимуществу в посаде Ардонь»[1]. Ардонские кустари чулочники были наемными рабочими.

Торговые и промышленные заведения посада Ардонь в 1869 году

О масштабах торговой и промысловой деятельности жителей посада Ардонь по состоянию на 1869 год дают сведения об оценке имуществ, проведенной силами Суражского Земства. Мы приводим выписку из Ведомости о городских имуществах, в которой даны сведения о стоимости посадского имущества жителей Ардони и жителей посада Клинцы.

---

[1] Евгеньев Ф. Сто лет Клинцовской шерстяной промышленности». – Клинцы 1926, с. 31.

Таблица. **Выписка из «Ведомости о городских имуществах посада Клинцы. 1869 г.»**

Наименование городских имуществ (посада Клинцы)	Оценка городских имуществ	Доход с городских имуществ, определенный Суражским УЗС	Назначается на 1870 г. уездный и губернский земский сбор
Торговых и промышленных помещений, не имеющих технического устройства, доход с которых определен 12% с рубля оценки зданий тех помещений	24 757 р.	2 970, 84 р.	204 р. 39 $^{1}/_{4}$ к.
Фабричных, заводских и промышленных помещений с оценкой фабричных зданий, машин и других принадлежностей внутреннего их устройства, а равно с посадских имуществ, не имеющих торгового или промышленного значения, доход с которых определен в 6% с рубля оценки.	832 505 р.	49 950, 30 р.	3 436 р. 58 к.
Итого	857 262	52 921, 14 р.	3 640 р. 97 $^{1}/_{4}$ к.

Таблица. **Выписка из «Ведомости о городских имуществах посада Ардонь. 1869 г.»**[1]

Наименование городских имуществ (посада Ардонь)	Оценка городских имуществ	Доход с городских имуществ, определенный Суражским УЗС	Назначается на 1870 г. уездный и губернский земский сбор
Торговых и промышленных помещений, не имеющих технического устройства, доход с которых определен 12% с рубля оценки зданий тех помещений	735 р.	88,2 р.	6 р. 6 $^{3}/_{4}$ к.

[1] Выписка из Журнала Очередного Суражского Уездного Земского Собрания, сентябрь 1969 г. (ККМ, л. 4–5.).

Фабричных, заводских и промышленных помещений с оценкой фабричных зданий, машин и других принадлежностей внутреннего их устройства, а равно с посадских имуществ, не имеющих торгового или промышленного значения, доход с которых определен в 6% с рубля оценки	20 893 р.	1 253,58 р.	86 р. $24\,^{3}/_{4}$ к.
Итого	21 628 р.	1 371,78 р.	92 р. $31\,^{1}/_{2}$ к.

Обращает внимание то, что «доход с торговых имуществ» (12%) определен выше, чем «доход с промышленных помещений и машин...» (6%). В этом проявлялась политика поощрения к развитию промышленности в сельских районах страны.

Стоимость промышленных предприятий и механизмов в посаде Клинцы в 42 раза превышает стоимость подобных заведений в посаде Ардонь.

Стоимость торговых заведений в Клинцах в 3,5 раз выше, чем в Ардони.

На уездный и губернский земский сбор назначается 6,88% от дохода с городских имуществ.

Каретно-экипажные предприятия Ардони

Ардонские изготовители гужевого пассажирского и грузового транспорта не были единственными производителями в Малороссии, они развивали свое производство в окружении множества конкурентов.

Александр Гуттман в 1852 году сообщал: «В раскольничьих слободах Ардони, Климово, Злынка и городе Новозыбкове существует более 50 заведений, выпускающие, так называемые, русские телеги (бендюги), зимние повозки и рессорные экипажи на 150 000 рублей. Продают в губерниях: Черниговской, Киевской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, в Одессе, Риге, Москве и в Санкт-Петербурге»[1].

[1] Гуттман А. Историческое развитие технической и мануфактурной промышленности Черниговской губернии и современное ее состояние. Черниговский губернские ведомости № 15, 1852. Часть неофициальная, с. 151.

Производственные мощности ардонских колесных мастерских, по оценке 1877 года, еще незначительные, стоимость их всего 1485 рублей (180 + 1305).

***Таблица.* «Ведомость о городских имуществах по Суражскому уезду», представленная Суражской Управой Земскому Собранию 1877 года[1]**

	Сураж	Клинцы	Ардонь	Свяцкая
Торговых и промышленных заведений, не имеющих технического устройства, доход с которых определен 12% с рубля оценки зданий	7 370 р.	24 950 р.	180 р.	2 900 р.
Фабричных, заводских и промышленных помещений с оценкой машин и др. принадлежностей внутреннего устройства, доход с которых определен 10% с рубля оценки зданий и механизмов	9 658	263 805	1 305	5 320
Прочих городских имуществ, не имеющих торгового и промышленного значения, доход с которых определен 6% с рубля оценки	6 305	238 445	15 225	59 605
Общий итоговый доход с оценки	5 630 руб.	43 681 руб.	1 065 руб.	4 456 руб.

К таблице следует дать пояснение.

Различия в цифрах оценки городских имуществ 1877 года и представленной выше 1869 года, обусловлены разными подходами к оценке имуществ, утвержденных правительством.

Общий итог по столбцам складывается из суммы процентов в рублевом выражении с каждого вида имущества, облагаемого налогом.

Итоговая оценка суммы налогов по городу Суражу вызывает вопрос.

[1] Журнал Суражского УЗС от 16–20 сент. 1877 г., с. 49–50.

Из крупных населенных мест Суражского уезда более всего имуществ, облагаемых налогами, находилось в посаде Клинцы. Посад Клинцы был развитым в промышленном отношении не только в Суражском уезде, но и во всей Черниговской губернии, к которой тогда принадлежал Суражский уезд. В Клинцах были, в основном, ткацкие фабрики, чугунолитейные заводы, механические мастерские, кожевенные и пенькоперерабатывающие предприятия. Стоимость этих фабричных заведений, стоимость заводских и фабричных машин и станков ни в какое сравнение не может ставиться со стоимостью мощностей ардонских мастерских. Если в Ардони стоимость фабричных заведений составляла 7,8%, в городе Сураж – 41%, то в посаде Клинцы – 50%.

Высокая стоимость «прочих городских имуществ» в посаде Клинцы в сравнении с другими поселениями обусловлена тем, что посад был во много раз крупнее уездного города Сураж как по числу населения, так и по числу жилых и хозяйственных построек, в том числе амбаров, складов, погребов. В Клинцах находились также крупные и дорогие торговые заведения, что повышало стоимость городских имуществ.

В городе Сураж и в посаде Свяцкая высокую стоимость городских имуществ обеспечивали большие и дорогие торговые заведения (амбары, магазины, лавки, лабазы).

В Ардони стоимость промышленных заведений каретных и экипажных мастерских в 1877 году низкая. В производстве преобладает ручной труд, ещё без привлечения станков и механизмов.

В другом документе – «Оценке недвижимых имуществ Черниговской губернии» (1886 г.), по данным за 1885 год, приведены сведения о «тележных заведениях» Черниговской губернии, которые получили развитие на севере губернии: «Тележным промыслом занимаются главным образом жители города Новозыбкова, посадов Злынки, Ардони и Клинцов».

Открытие Полесской железной дороги на участке Брянск – Гомель привело к существенному снижению объёмов производства в «тележных заведениях» Новозыбкова, Злынки, Ардони и Клинцов.

До прокладки через северные уезды Черниговской губернии железной дороги (в 1886 г.) продукция тележного промысла была широко востребована. Великорусское население посадов Злынки, Ардони, Клинцов занималось извозным промыслом: возили пеньку, парусину, рогожи, конопляное масло, мыло, чулки, а с 1830-х годов – суконные ткани. Основными направлениями вывоза товаров были южные и западные губернии: Кишинев, Одесса, а также Варшава, Рига, Санкт-Петербург, Москва. Куда везли товар, там и продавали телеги с товаром.

В старообрядческие селения везли посуду, мебель, красный товар. В Клинцы, кроме того, везли из-за границы станки, детали машин, шерсть.

Потребность в грузовом гужевом транспорте была высокой. По Домонтовичу, «из посадов ежегодно выпускалось в продажу саней, телег и экипажей более чем на 15 000 рублей».

Производство гужевого транспорта до конца XIX в. не имело фабричного характера. Это было кустарно-ремесленное производство: кузнечный горн, наковальня, тиски, столярный верстак, ручной инструмент.

В Ардони одни рабочие (кузовщики, колесники, обойщики, кузнецы) работали в нескольких экипажных заведениях. Другие же работали у себя на дому и сбывали изготовленные части телег и экипажей тому же владельцу экипажного заведения – экипажнику.

К числу таких кустарей-надомников относятся: Архип Тепикин, Ерофей Лихоманов, Аким Махоткин, Ефим Махоткин, Герасим Смирнов, Сильвестр Смирнов»[1].

Тележным производством занимались:

Епифан Луговой (1 рабочий),

Архип Федоров (не нанимает),

Михаил Лихоманов (2 мальчика),

Инфаний Федоров (не нанимает).

«Владельцами экипажных заведений в Ардони в 1885 году были шесть человек:

Федоров Сидор Демьянович

Федоров Терентий Демьянович

Малахов Сав. Матв.

Шитов Абросим Кузмин

Анохин Артемий Михайлович

Зябкин Панфил»[2].

Следующая «Оценка недвижимых имуществ», проведенная в 1877 году, показала, что стоимость производственных зданий, машин и имущества Ардонских производителей колесного транспорта за 12 лет выросла:

«Стоимость зданий – 5 150 рублей

Стоимость инвентаря – 1 800 рублей

Общая стоимость заведений – 6 950 рублей

---

[1] Оценка недвижимых имуществ Черниговской губернии. Часть XXI. Экипажные и тележные. – Чернигов, 1886 г., с. 192.

[2] Там же, с. 144.

Рабочих – 15, подростков – 10, итого 25 рабочих
Мастеровых – 13»[1].

Указано, что экипажные заведения работают круглый год, но количество производимой продукции (бендюгов, пролеток, экипажей и прочего) в материалах «Оценки» не дано.

В «Книге заявлений плательщиков Суражского раскладочного по промысловому налогу присутствия за 1906 г.» указано Малахов Савелий Михайлов (Матвеев?), каретное заведение, ранее содержал по свидетельству, рабочих до 10 человек. Посад Ардонь. Годовой оборот – 1500 рублей, годовая прибыль – 20 рублей»[2].

К 1909 году количество фабричных заведений владельцев ардонских экипажных заведений заметно увеличились, улучшилось их оснащение техникой. В 1909 году Суражская Земская управа составила «Список фабричных и других промышленных заведений Суражского уезда по проверочной оценке» и установила стоимость фабрично-заводских заведений. Касательно экипажно-каретных предприятий определены следующие показатели:

Таблица. **Стоимость экипажно-каретных заведений Суражского уезда в 1909 году**[3]

	Владелец экипаж.-карет. заведения (1909 г.)	Сумма оценки
1	Корявин Семен Павлов	6 999,82 руб.
2	Малахов Герасим Маркелов	550,57 руб.
3	Федоров Леонтий Аврамов	378,13 руб.
4	Зябкин Амвросий Панфилов	974,83 руб.
5	Федоров Михей Терентьев	685,64 руб.
6	Малахов Савелий Матвеев	1 314,57 руб.
7	Зябкин Игнатий Амвросиев	689,62 руб.
8	Яковлев Дмитрий Алексеев	1 016,14 руб.
9	Луговой Епифан Николаев	571,4 руб.
	Итого	13 180,72 руб.

[1] Оценка недвижимых имуществ Черниговской губернии. Часть XXI. Экипажные и тележные. – Чернигов, 1886 г., с. 144.

[2] ГАБО Ф. 330, оп. 1, д. 3, Книга заявлений плательщиков Суражского раскладочного по промысловому налогу присутствия за 1906 г., л. 1–485.

[3] Журнал очередного Суражского УЗС от 22–27 сент. 1909 г., с. 444–446.

В сравнении с 1877 годом стоимость кустарных мастерских и экипажно-каретных заведений Ардони выросла почти в 10 раз. Если в 1877 году она составляла – 1 485 р. (180+1305), то в 1909 году – 13 180,72 рублей. Прирост стоимости экипажных заведений Ардони произошел, в основном, за счет внедренных в производство станков, механизмов и парового двигателя.

Во второй половине XIX столетия, особенно после открытия железной дороги (1886 г.) специализация ардонских кустарей изменилась. Резко сократилось производство грузовых саней и телег (биндюги). Зато выросло производство легких экипажей, которое в Ардони приобрело характер промышленный. Ардонские изготовители грузового транспорта стали специализироваться на изготовлении изящного пассажирского гужевого транспорта. Качество изготовления выросло настолько, что повозки, экипажи, лондо ардонских производителей стали завоевывать медали на российских сельскохозяйственных выставках. Объем производства колесного транспорта постоянно увеличивался, росло мастерство рабочих.

В «Полном географическом описании нашего отечества» за 1903 год читаем: «... в Черниговской губернии кустарное производство деревянных изделий сосредоточено на крайнем Севере и северо-западе губернии, то есть в местностях, наиболее обеспеченных лесом. Произведения Черниговских кустарей, как и харьковских и полтавских, разнообразны и местами получили специализацию; как на более давние и оригинальные промыслы, укажем здесь на экипажное производство в раскольничьем посаде Ардонь Суражского уезда, хотя промысел этот уже теряет характер кустарного, так как здесь имеется до восьми довольно крупных мастерских, с наемными мастерами, работающими или в самих мастерских или же у себя на дому. Недельный заработок рабочего простирается от 1 руб. 50 коп до 1 руб. 75 коп; ардонские экипажи рассчитаны на потребности людей среднего заработка и, в общем, приближаются к типу городских»[1].

Рабочие 9-ти ардонских экипажных предприятий со своими владельцами-хозяевами в 1914 году стали участниками «Клинцовской обще-больничной кассы».

Больничные кассы появились в России в начале XX века. Появление больничных касс было поддержано в Союзе Городов и в Земстве. Оглядываясь в прошлое, можно сказать, что больничные кассы были зачатками страховой медицины.

«Больничные кассы были узаконены правительством в 1912 году. Страховые взносы уплачивали работодатели, в ряде случаев сами

---

[1] Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Ред. В.П. Семенов. – СПб. 1903, с. 196.

рабочие. Пособие по болезни выплачивалось с 3–4-го дня болезни. После 4,5 месяцев заболевания пособие рабочему прекращалось. Но еще не было предусмотрено страхования по инвалидности и старости» (Взял у А.И. Петрика Чернигов мед.).

В Клинцах Больничные кассы были созданы в 1913 году.

В 1916 году в Клинцах была открыта земская больница – «Белая больница» (теперь это районная больница). Земская больница предназначалась для лечения земских налогоплательщиков – жителей сел и деревень. Земское собрание постановило, чтобы лечение в больнице было платным.

В преддверии открытия больницы в мае 1915 года в земское собрание обратились владельцы торгово-промышленных предприятий посадов Клинцы и Ардонь, которые не пользовались услугами клинцовских фабричных больниц (клинцовской «Больницей всех фабрикантов» и стодольской «Больницей Товарищества В. Барышникова сыновей»), с просьбой принять на обслуживание членов больничной кассы этих заведений.

С разрешения земского собрания в декабре 1915 года земская управа заключила соглашение с председателем Клинцовской общей посадов Клинцы и Ардонь больничной кассы.

Представляет интерес содержание договора, прозвучавшего в докладе Суражскому Уездному Земскому Собранию в сессию 1916 года:

«1) Суражская уездная земская управа обязывается предоставлять в Клинцовской земской больнице стационарное и амбулаторное лечение в случаях обыкновенных заболеваний и травматических повреждений и бесплатный отпуск лекарств и перевязочных материалов рабочим торгово-промышленных заведений предприятий посадов Клинцы и Ардони, состоящих участниками Клинцовской обще-больничной кассы и имеющих вступить в нее, последних со времени вступления.

2) За предоставление вышеозначенного лечения и оказание медицинской помощи Правление Клинцовской обще-больничной кассы обязано уплачивать Суржскому земству за каждого числящегося рабочего и служащего в заведении и предприятии по 3 рубля в год, по четвертям года вперед к 1-му января, апреля, июля и октября по расчету за то максимальное число рабочих и служащих, которое состояло в каждом предприятии и заведении в течение соответствующей четверти года и затем, по окончании каждой четверти, за остальных рабочих, оказавшихся в большем числе против показанного максимального числа рабочих, за которых деньги внесены»[1].

---

[1] Врачебно-Санитарная хроника Черниговской губернии. Февраль 1917 г. – Чернигов, 1917 г., с. 86–87.

4.5. Ардонское купечество

При изучении переписей Ардони 1729-го и 1765-го годов мы видели, что в Ардони много богатых и предприимчивых обывателей. О торговых оборотах ардонских обывателей и доходах от промыслов можно было судить косвенно по размерам налоговых отчислений этих семей.

Размах и объем торговой и промысловой деятельности старообрядцев Государевой волости Малороссии вскрыла перепись 1765–1767 годов, так называемая, Румянцевская опись Малороссии.

После переписи 1765 года, в 1766 году, «в Сенат Ея Величеству было представление от генерал-губернатора Киева Глебова и Воейкова», в котором они отмечали, «что многие описных раскольничьих слобод жители имеют отъезжие в великороссийских, в малороссийских и в заграничных местах торги и другие промыслы и такими товарами, коими, по состоявшемуся 1 декабря 1755 года таможенному уставу, крестьянам торговать не велено; а некоторые из них и заграницу торгуют. Посему дабы таковые торгующие не принуждены были своих торгов и промыслов оставить, не имея права обязываться векселями, без чего в купечестве обойтиться никак не можно, полагали мнение, чтобы учредить при тех слободах купечество и быть им записанными в волосной тех же раскольнических слобод канторе, с платежом равнаго против великороссийских купцов оклада; а жительство оставить их в своих слободах, по имению у них устроенных там дворов»... «но на оное указа не последовало».

Перепись 1765 года не только выявила определенное число торгующих обывателей слобод Государевой волости, но и выяснила масштаб этой торговли и что обыватели торгуют не только в пределах России и Малороссии, но и за границей, вопреки Таможенному уставу 1755 года, запрещающему крестьянам торговать за границей. Обыватели слобод деятельно накапливали и приумножали торговые капиталы.

В одном из обзоров документов, посвященном истории наделения старообрядцев Государевой волости Малороссии правами мещанства и купечества, говорилось, что ещё в 1760-х годах старообрядцы из Государевой волости «обязывались векселями»: «А в 1788 году граф Петр Александрович Румянцев-Задунайской Сенату представлял, что ещё бывшая Киевская губернская канцелярия донесла ему, что описной в Малой России раскольнической слободы Клинцов двое обывателей обязались векселями, с коих заимодавец просил себе удовольствия с должника, по силе вексельного устава; а указом от 14 февраля 1761 года крестьян векселями и

другими заемными писмами под образом векселя обязывать отнюдь не велено, то граф Румянцов Задунайской и приложил мнение таковое, что поелику в сих слободах многие умножились обыватели, торгующие в разных местах разными товарами и промыслами, и некоторые из них приобрели знатные капиталы, да и слободы, где сии раскольники живут, в строении и изобилии капитальными жителями могут равняться и городам, то не повелено ли будет всех тех слобод жителей переписать поимянно и кто чем промысляет и, разобрав их по капиталам, одних, то есть производящих торги и промыслы, по состояниям их, написать в купечество и в рижной (равный?) оклад против великороссийских купцов, а прочих оставить при хлебопашестве, изъясняя, что таковым способом соблюдится государственная польза, с одной стороны, приумножением казенных доходов, а с другой, что получившие право купечества вящее возбудятся к распространению торгов своих и промыслов. То Сенат, по прежнему, и по сему представлению подносил вторично Ея Величеству доклад, не угодно ли будет повелеть обывателей раскольнических слобод написать в посады на точном основании, как и великороссийские купцы ныне состоят, а распорядок препоручить оному графу Румянцову Задунайскому»[1].

Введение ратушного правления в ряде старообрядческих слобод бывшей Государевой волости в 1782 году и предшествующая этому событию в 1781 году запись бывших обывателей слобод в мещанство и в купечество обнаружила, что число жителей, владеющих капиталом, достаточным для записи в купечество, велико. В посаде Клинцы в купечество записалось 70 семей. В посаде Добрянка – 1, в посаде Зыбкая – 2, в Елёнке – 2, в Воронке – 3, в Климовой – 5 семей[2].

Для сравнения приведем сведения о жителях городов Черниговской губернии, записавшихся в купечество в 1780 году. «В Чернигове в 1780 году было купцов 1-й гильдии – 1, купцов 3-й гильдии – 14. В уездных городах купцов 3-й гильдии: в Березине – 3, в Городницах – 6, в г. Борзне – 6, в Ромнах – 17 купцов. Более всего купцов было в городе Нежине: 1-й гильдии – 5, 2-й – 27, 3-й – 103 семьи»[3].

---

[1] Земский сборник Черниговской губернии. 1901 г. Приложение, с. 294–296.

[2] ЦГИА Киев Ф. 206, оп. 3, д. 7393, л. 1–29 об.

[3] Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким описанием Малыя России. – Чернигов 1786. переизд. – Киев. 1851, с. 294–477.

Купечество – социальный слой, занимавшийся, главным образом, торговлей, известен на Руси с X века. После образования Русского централизованного государства купечество стало умножаться, обеспечивая внутреннюю межобластную торговлю. В XVI–XVII веках купечество было представлено, в основном, посадскими жителями, право заниматься купеческой деятельностью было закреплено за ними законодательно в XVII веке (Торговый устав 1653 г., Новый торговый устав 1667 г. и др.). После присоединения Украины к России число купечества выросло. Правительством России положение украинского купечества было оформлено законодательно с предоставлением ему ряда привилегий на территории России.

С 1724 года купцами стали официально именовать посадских людей, от торговцев и ремесленников до нищих. Они делились на 3 гильдии, но четкого критерия для выделения гильдий не существовало.

Развитие торговли вне городов привело ещё в XVI веке к появлению слоя торгующих крестьян, торговые права которых долго оставались законодательно не закрепленными. Правительство неоднократно пыталось сосредоточить торговлю только в городе, но эти попытки были напрасными, число торгующих крестьян росло, поэтому в 1745 году правительство вынуждено было легализовать местную крестьянскую торговлю вне города. А в 1760-е годы правительство расширило права крестьянства, разрешив заниматься местными промыслами и торговлей.

По манифесту 1775 года (от 17 марта 1775 г.) из среды городского купечества выделено сословие «гильдейского купечества», лица, не вошедшие в него, отнесены к мещанам (с капиталом менее 500 рублей).

Для вступления в гильдию с 1775 года необходимо было иметь ежегодно объявляемого капитала не менее 500 рублей.

Для 1-й гильдии размер капитала должен был составлять – 10000 рублей и более.

Для 2-й гильдии – от 1 до 10 тысяч рублей, для 3-й гильдии – от 500 до 1000 рублей.

Выше мы отмечали, что среди жителей слобод Государевой волости Малороссии, уже в первой половине XVIII века появилось большое число торгующих обывателей (то же, что торгующих крестьян), накапливающих торговый капитал.

В перепись 1765–67 годов в слободе Клинцы из 52 семей, занимающихся рукодельными промыслами и торговлей, капитал заявили 42 человека. Размер заявленного капитала был разным: от 10–20 рублей, до 100–200–400 рублей. Капитал в 1000 рублей заявили три семьи (Василий Аксенов, Ермолай Востреков и Гати-

лин), капитал в 500 рублей заявил Терентий Оксенов. Василий и Терентий Аксеновы (Оксеновы), братья, были выходцами из слободы Ардонь.

Большинство заявителей капитала через 14 лет в 1781 году записались в купечество.

В 1781 году в Клинцах в купечество записалось 70 семей, в Ардони записались 5 семей, следовательно, все они обладали заявленным капиталом от 500 рублей и более.

Обыватели слобод, записавшиеся в купцы, получили «гильдейское свидетельство». В случае невозобновления «гильдейского свидетельства» в срок или объявления купца должником, или несостоятельным, или признания по суду виновным в совершении преступления купец терял права состояния и переходил в мещанское сословие.

Гильдейское купечество с 1775 года обязано было платить в казну «гильдейскую подать» в виде 1% с объявленного капитала. «Гильдейская подать» неоднократно (8 раз) в течение 1775–1821 годов увеличивалась и к 1721 году достигла 5,2% с объявленного капитала в год, что составило: для 1-й гильдии – 3 212,5 рубля, для 2-й гильдии – 1345 рублей, для 3-й гильдии – 438 рублей.

Лиц, принадлежавших к купечеству, освобождали от «подушной подати» (с 1755 г.) и от рекрутской повинности (1-я и 2-я гильдии) с уплатой денежного взноса в казну (с 1776 г.), а также от телесных наказаний (с 1785 г.).

Торговые и промысловые права гильдейского купечества впервые определены в 1785 году. Принадлежность к 1-й гильдии давала право производить торг внутри или вне империи оптом и в розницу, заводить фабрики, заводы, речные суда; купцы 2-й гильдии могли вести торг внутри страны, заводить фабрики, заводы, речные суда; купцы 3-й гильдии – производить мелочный торг в городе и в уезде, где купец зарегистрирован, иметь мастерские, владеть мелкими ручными судами, содержать трактиры, бани и постоялые дворы.

Малонаселенная Ардонь в 1782 году выдвинула пятерых кандидатов в купеческое сословие. Согласно «Ревизской сказке купцов и мещан, записавшихся в купечество и мещанство и причисленных к мещанству слободы Ардонь в 1782 году» записались в купечество:

«1. Семья Максима Осипова сына Смирнова, по прежней ревизии 42 лет, умершего в 1776 году. Его сын Иван Максимов сын Смирнов, 20–37 л., его сын Семен, 6, Николай 2 лет. Брат Максима – Потап Осипов сын Смирнов, по прежней ревизии 46 лет, переведен на жилье в сл. Клинцы, где ... объявлен будет. С ним в Клинцах сын Иван, по прежней переписи 19 лет.

2. Константин Афанасьев, по прежней переписи 15 лет, теперь – 32 лет, дети Петр – 3, Родион – 2 лет.

3. Иван Ерофеев сын Шведов, 32 – 49, дети: Григорий, 4 – 21, Василий, 2 – 19лет, Анисим – 11 лет.

4. Яков Дементьев сын Луговой, 56 – 73, сыновья Филип и Гурий отданы в рекруты, сыновья: Радион – 16, Терентий – 15 лет.

5. Ефрем Тимофеев сын Васильев, 31 г., переведен из сл. Воронок. Сын Клемент – 2 лет»[1].

Ардонцев, записавшихся в мещанство, подсчитать в этом документе нет возможности: большинство листов не сохранилось, а на сохранившихся листах можно прочитать имена всего 12 семейств.

Купцы Иван Шведов и Яков Луговой были успешными «торгующими обывателями слободы» и во время переписи 1765 года.

Иван Шведов в 1765 году в возрасте 33 лет занимался дегтярным промыслом: «покупал деготь куфами, а продавал оной в градех»[2].

Яков Дементьев сын Луговой в перепись 1765 года был записан под фамилией Наступнев, 58 лет. Яков занимался санным промыслом, платил высокую ставку на консистент – 2 р. 88 к.»[3].

Наряду с ранее успешными обывателями Иваном Шведовым и Яковом Луговым в 1782 году в Ардони в купечество записались две семьи, которые по переписи 1765 года числились в наемных работниках: семья Смирновых и семья Афанасьевых.

«Максим, Осипа Смирного сын», в 1765 году 43 лет, служил в работниках у Леона Тепикина «с найму в год за шесть рублев 75 копеек денег», был «на голову болен и глух». «Сын его, Иван – 21 лет, здоров, в городе Стародубе у раскольника Василя Силина» в работниках. Брат Максима, «Потап Осипов сын Смирной», в 1765 году 47 лет, здоров, «находился в работниках временно в разних тамошних обывателей с едно толко хлеба»…«у Потапа сын Иван двадцати лет, здоров, находился в работниках в городе Стародубе у Максима Шляхты с найму в год за пять рублев»[4].

Другой новоиспеченный Ардонский купец, Константин Афанасьев, в 1765 году был молодым человеком 16 лет, сыном Афонасия Селючина (Челючина), и «находился в работниках в городе

---

[1] ГАБО Ф. 549, оп. 2, д. 1, л. 400 – 401. Ревизия 1782 года сравнивается с переписью 1765 года.

[2] ЦГИА Киев Ф. 57, оп. 1, д. 118, л. 1123, 1373 об.

[3] Там же, л. 1119 об.

[4] ЦГИА Киев Ф. 57, оп. 1, д. 118, л. 1110, 1144 об.

Стародубе, в тамошнего мещанина Максима Ушляхти, в год за пять рублев». «Земле ж пахотной и сенокосной, так скота и никакова промислу не имеет»[1].

Прошло 17 лет после переписи 1765 года, за эти годы бывшие наемные работники сумели наладить собственное дело, накопили капитал, который позволил им записаться в купеческое сословие.

В числе первых лиц купеческого звания в 1782 году отсутствуют Разумеевы, Малаховы, Тепикины, прежде успешные обыватели слободы Ардонь. Причиной тому стало то, что эти семьи после 1782 года еще в течение нескольких лет оставались подданными Киево-Печерской Лавры, то есть монастырскими крестьянами, и не могли записаться в ардонское мещанство или купечество.

Но как показала Ревизская сказка 1811 года, все эти фамилии уже в конце XVIII века успешно представляли ардонское купечество.

Чтобы судить, насколько успешными предпринимателями были жители Ардони в конце XVIII – начале XIX века, обратимся к «Журналу заседаний Ардонской ратуши» 1806 года. В Журнале запротоколирован важный вопрос «об исполнении рекрутской повинности» жителями Ардони, где было сказано, что «с мещан сего посада, 145 душ, следует к поставке в натуре один рекрут, а с купцов, 123 душ, вместо рекрут – 492 р. денег...»[2]. То есть в Ардони в 1806 году число лиц купеческого звания мужского пола почти равнялось числу лиц мещанского звания, около 50%. Имена этих купцов есть в Ревизии 1811 года.

В Ревизской сказке 1811 года мы не найдем фамилии первых ардонских купцов 1782 года Смирновых, Афанасьевых, Шведовых, Луговых – их сменили другие фамилии. Ревизия 1811 года называет уже не пять семей купеческого звания, а тридцать семей, в их числе Махоткины, Зябкины, Типикины, Ерусалимцевы, Лихомановы, Разумеевы – те фамилии, которые на протяжении всего XVIII века были в числе самых успешных и предприимчивых хозяев Ардони, но и те уже вышли из купеческого звания.

Документ: «Ревизская Сказка 1811 года сентября 24 дня Малороссийской Черниговской губернии, Суражского повета, посада Ардонского о состоящих мужского пола купцах и мещанах. (Сравнивается с ревизией 1795 г., поэтому разница в возрасте 16 лет).

В посаде Ардонском из купцов вышедшие (из купцов) в мещане 1804 года.

---

[1] ЦГИА Киев Ф. 57, оп. 1, д. 118, л. 1385, 1145.
[2] ГАБО Ф. 146, об. 1, д. 4, л. 113.

1. Николай Андреев сын Махоткин (68 – умер до 795 года, но по оной написан)

Николаевы дети:

Иосиф (43–59)

Иосифов сын Сергей (– 12)

Сергеев сын Зиновей (– 5). Все поступили в почтальоны в 1811 году.

2. Иван Николаев сын Махоткин (29 – умер в 1811 годе)

Ивановы дети:

Иван (4 – 20), Анисим (– 13)

3. Марко Николаев сын Мохоткин (26 –)

Маркины дети: Лаврентий (6 –), Денис, Гардей, Климент – поступили в почтальоны в 1811 годе.

4. Алексей Сергеев сын Чернишев (46 – умре в 1800 годе)

Алексея Сергеева дети: Иван (11–27), Захарий (9 – 25), Козма – 9 лет.

5. Евстафий Петров сын Зябкин (68 – в безвестной отлучке)

Евстафиевы дети: Филип (45 – умре 1811 года)

Филипа Евстафиева дети: Савелий (22 – умре 1803 года), Трифон (12–28), Петр – 1 года.

Савелия Филипова дети: Иван – 12, Захарий – 8.

Трифона Филипова сын Киприян – 5 лет.

6. Радион Евстафиев сын Зябкин (40 – умре 1811 года)

Радионовы дети: Трофим (20–36), Кондрат (11–27)

Трофима Родионова дети: Трофим – 10 лет.

7. Мина Евстафьев сын Зябкин (38–53)

Минин сын Василий (11–27)

8. Кирило Евстафьев сын Зябкин (36–52)

Кириловы дети: Петр (9–25), Федор (причислен 1809 года – 18 лет), Матвей – 13, Архип – 9

9. Егор Евстафьев сын Зябкин (29–45)

Егоровы дети: Герасим (6–22), Василий (причислен в 1800 годе – 18 лет), Алексей – 15, Иван – 10 лет

10. Федор Петров сын Зябкин (63 – умре 1809 года)

Федоровы дети: Филип (26–42), Козма (23–39), Стефан (20–36)

Филипа Федорова дети: Савва (причислен 1880 года – 21 год), Стефан (причислен 1809 года – 19 лет), Ермил – 14, Иван – 4 лет.

Козмы Федорова дети: Иван (причислен 1800 года – 21 год), Павел (причислен 1809 года – отдан в рекруты 1810 года), Ерофей – 13.

Стефана Федорова дети: Яков – 13, Никита – 6 лет.

11. Семен Михайлов сын Ерусалимцов (58 – умре 1804 года)

Семеновы дети: Афанасий (21 –), Максим (26 –), Стефан (20 –)

Афанасия Семенова дети: Максим (2 –) , Василей (причислен 1800 года 13 лет –)

Максима Семенова дети: Иосиф (причислен 1800 года в 8 лет –), Степан (причислен 1800 года в 15 лет –), Авраам и Егор вновь рожденные.

Стефана Семенова дети: Никифор, Яков, Семен, Петр, Тимофей, Иван вновь рожденые.

Все семейство Ерусалимцева поступило в почтальоны в 1811 году.

12. Козма Семенов сын Ерусалимцов (10 – умре 1811 года)

Козмины дети: Петр – 6, Павел – 3 лет

13. Аврам Полуектов сын Морозов (48–65)

Аврамовы дети: Яков (22 – умре 1810 года), Иван (1 – 35), Петр (12 – умре 1809 года), Сергей (9 – умре 796 года)

Якова Аврамова сыны: Петр – 12 лет, Федот – 5 лет

Ивана Аврамова дети: Никита – 9 лет, Аким – 6, Трофим – 1

Петра Аврамова сыны: Иосиф – 5

14. Афанасий Казмин сын Лихоманов (46 – перешел в посад Клинцовский с семейством 1796 году на жительство по указу)

Афанасиевы дети: Иван (20 –), Василий (11 –), Иван (10 –), Сафрон (8 –)

15. Семен Иванов сын Тепикин (51–67)

Семеновы дети: Фома – 9, Иван – 7 лет

16. Тимофей Иванов сын Тепикин (30–47)

Тимофеевы дети: Венедикт – 11 лет

17.Фома Иванов сын Тепикин (причислен 1809 года – 18 лет), Федор – 6 лет

18. Терентий Иванов сын Тепикин (12 – 28)

Терентиевы дети Артамон – 12 лет, Козма – 5 мес.

19. Григорий Иванов сын Тепикин (32 – 48)

Григориевы дети: Иван (11–27), Борис (причислен 1800 года – 18), Филип – 10 лет

20. Прокофей Степанов сын Тепикин (18–34)

Прокофиевы дети: Андрей – 13, Федор – 11 лет

21. Григорий Леонов сын Тепикин (40 – умре 1811 года)

Григорьев сын Иван (18 – 34)

Ивана Григорьева сын: Лука – 5

22. Степан Григорьев сын Тепикин (причислен 1800 года – 27)

Стефана Григорьева сын: Петр – 4 года

23. Логин Григорьев сын Тепикин (причислен 1800 года – 23)

Логинов сын Григорий – 2 года

Логина Григорьева браты: Ерофей (причислен 1809 года – 18), Иван – 10 лет

24. Фрол Федоров сын Разумеев (37 – умер 1805 года)

Фроловы дети: Андриан (14–30), Виктор (причислен 1800 года – 2), Федор – 8, Фока – 6

Андреяна Фролова сын: Никита – 2 лет

25. Яков Перфилов сын Разумеев (48–64)

Яковы дети: Максим (22–38)

Максима Яковлева сын: Семен – 7 лет

26. Ерофей Яковлев сын Разумеев (19–35)

Ерофеев сын: Елисей – 2 недель

27. Константин Яковлев сын Разумеев (12–28)

Константиновы дети: Иван – 3, Гардей – 1

28. Василий Яковлев сын Разумеев (8–24)

Васильев сын: Тит – 12 дней

29. Василий Яковлев сын Разумеев меньшой (7–23)

30. Иван Петров сын Чекмарев (30 – сослан в ссылку)

Ивановы дети: Иван (9 – отдан в рекруты), Афанасий – 19 и Тимофей – 17 причислены 1809 года, Вавила – 11 лет

Всего бывших купеческих семей – 29, а с Лихомановым, выбывшим на жительство в Клинцы, – 30 семей»[1].

Ценность Ревизской сказки 1811 года состоит в том, что в ней отражено небывалое прежде в Ардони большое число лиц купеческого звания, явление, которое больше не повторится. Чем было обусловлено столь массовое вступление мещан Ардони в купеческое звание в последних двух десятилетиях XVIII века, не вполне ясно, возможно, не последней причиной была возможность освобождения от рекрутской повинности. В Ревизской сказке за 1811 год не указано, какой гильдии были ардонские купцы. Если исходить из указа 1775 года, освобождавшего от рекрутской повинности только купцов 1 и 2-й гильдии, то в этом случае ардонские купцы принадлежали не к 3-й, а ко 2-й гильдии.

Также неясной остается причина почти одновременного выхода из купеческого звания трех десятков семей жителей Ардони в 1804 году. Возвращение купечества в мещанское состояние неизбежно вело к восстановлению по отношению к ним рекрутской повинности. В той же Ревизской сказке отражена рекрутская повинность, которой подверглись жители Ардони с 1796 по 1810 год.

Из «Ревизской Сказки мещан посада Ардонь» за 1811 год: «Всего семей мещан – 81, всего душ мещан и купцов – 346. Из мещан

[1] ГАБО Ф. 549, оп. 2, д. 3, л. 136–140.

перешли на жительство в Клинцы – Кондратовы. Взяты в рекруты из мещан: 1796 – 1, 1801 – 1, 1805 – 1, 1806 – 1, 1807 – 3, 1808 – 1, 1809 – 1, 1810 – 3. Всего – 12 человек. Поступили в почтальоны 23 человек, включая младенцев»[1].

Производство саней, повозок оставалось ведущим промыслом жителей Ардони как в XVIII веке, так и в течение всего XIX века. Поэтому причину сокращения к 1804 году числа лиц купеческого звания следует искать: 1) на рынке подвижного гужевого транспорта. Более вероятной причиной снижения спроса продукции ардонских тележников и саночников стало появление большого числа конкурентов из других городов и сел Малороссии. Не случайно дальнейшее развитие производства в Ардони пошло по пути изготовления дорогостоящих и изящных видов колесного транспорта, конкурентоспособного, но требующего высокого мастерства, дорогих материалов и внедрения заводских приемов производства. 2) Другая причина выхода из купечества в мещанство заключена в непомерном росте минимального объявленного капитала для приписки к гильдии и в росте величины гильдейских пошлин.

Так в 1785 году для записи в купечество 3-й гильдии нужно было объявить не 500 – 1000 рублей, а обязательно 1000 рублей, в 1794 году – 2000 рублей, в 1807 году – 8 тысяч рублей. О росте гильдейской подати мы писали выше. По-видимому, ардонские предприниматели не обладали столь большими капиталами и предпочли вернуться в мещанство.

А вскоре политика правительства по выкачиванию из купечества денег привела к массовому выходу купечества в мещанство по всей России.

Исследователи отмечают, что за «торговое свидетельство», которое с 1812 года разрешалось выдавать торгующим крестьянам, платить нужно было меньшую сумму, чем за «гильдейское свидетельство», поэтому многие купцы стали выходить из купечества в мещанство или в торгующее крестьянство и приобретать «торговое свидетельство».

Ревизские сказки жителей Ардони 1833 – 1834 гг. показали, что прежнего числа лиц купеческого звания в Ардони нет. Теперь число купеческих семей исчисляется не десятками, а единицами. В 1833 году в Ардони купцов 2-й гильдии – одна семья и купцов 3-й гильдии – две семьи, всего три семьи купеческого звания.

Приводим выписку из «Ревизской сказки купцов посада Ардонь Суражского уезда в 1833–1834 гг.». (Ревизия 1833 года про-

---

[1] ГАБО Ф. 549, оп. 2, д. 3, л. 140 об.

водилась в сравнении с ревизией 1815 года, разница в возрасте жителей – 18 лет).

«Купец 2-й гильдии Василий Афанасьев Лихоманов, по прежней ревизии 31 года, умер в 1831 году. Сын Иван Васильев Лихоманов в прежнюю ревизию не показан, а новорожденный в 1823 году выбыл в купечество 3-й гильдии. Теперь ему 12 лет, у него сестры Агриппина – 18, Анна – 14, Анисья – 6 лет»[1].

«Купцы 3-й гильдии:

1. Степан Семенов сын Ерусалимцев, из мещан с № 154-го (42–60 лет).

Сие семейство с 1811 по 1830 год состояло в почтальонах в возке писменной почты, а того года указом за № 1915 в Ардонскую ратушу последовавшем по отношении министерства финансов Департамента разных податей и зборов от 20 апреля 1830 года за 2723 последовавшему перечислено с начала того 1830 года по посаду Ардонскому в купечество 3-й гильдии, в коем звании и ныне состоит.

2. Василий Яковлев сын Разумеев, из мещан с № 155 (24–42 лет). Выбыл в купеческое звание в 1829 году.

Всего купцов 3-й гильдии: семей – 2, душ муж. – 19, жен. – 19

Всего мещан: семей – 160, муж. – 525, ж. – 639 душ.

Подписали 1834 года Бургомистр Ардонской ратуши Степан Ерусалимцев, ратманы: Василий Крюков и Иван Пастухов»[2].

С 1824 года налоги с торгующих крестьян и мещан были увеличены, купеческая торговля в сельской местности запрещена, а обложение купцов снижено. Оно состояло из гильдейской подати (4% с объявленного капитала для 1-й и 2-й гильдии и 2,5% с 3-й гильдии); из городских и земских сборов (по 0,25% с объявленного капитала); и сборов на водные и сухопутные пути сообщения (10% с податного рубля). Все вместе они составляли цену гильдейского свидетельства: для 1-й гильдии – 2 200 рублей, для 2-й гильдии – 880 рублей, для 3-й гильдии – 132–220 рублей (в зависимости от местности). Кроме того, с 1824 года купечество платило билетный сбор на лавки: купцы 1-й и 2-й гильдии – 75–100 рублей, купцы 3-й гильдии – 50–75 рублей.

Снижение в 1824 году денежных сборов с купечества не вызвало массового перехода ардонских мещан в купеческое сословие.

В 1839 году обложение купечества вновь уменьшено: за свидетельство 1-й гильдии – 660 рублей, за свидетельство 2-й гильдии –

---

[1] Ревизские сказки 1833 года. ГАБО ф. 549, оп. 2, д. 8, л. 91.

[2] Там же, л. 312–366.

264 рубля, за свидетельство 3-й гильдии – 30–66 рублей. За билет на лавку для 1-й и 2-й гильдии – 23–20 рублей, для 3-й гильдии билет на лавку – 15–23 рубля.

Ревизская сказка купцов и мещан посада Ардонь 1850 г. показала:

«Купцов 3-й гильдии – 6 семей, муж. – 16 душ, жен. – 14 душ. (30 человек)

Мещан – 192 семьи, мужчин – 615 душ, жен. – 716 душ. (1331 чел.). Всех жителей – 1361 чел.

Купцы 3-й гильдии:

1. Стефан Семенов Ерусалимцев – 60 лет (в 1834 г.), 76 лет (в 1850). Семья обращена в мещанское звание.

Жена Анна Титова (1), жена Агриппина Федорова (второбрачная) – 55 л.

Сыновья: Никифор – 56 лет (в 1850 г.), Яков – 54, Семен – 52, Тимофей – 31 (в 1824 г.) – перечислен в Бердянск в 1842 году, Иван – 44, Емельян – 36, Трифон (в 1824 г. – 18 лет, сдан в рекруты в 1849 г.).

2. Василий Яковлев Разумеев – 42 (в 1824 г.), умер в 1848 г. Жена – Татьяна Маркова.

Сын Клим Васильев – 20 лет (в 1824 г.), умер в 1848 году. Его жена, Пелагея Максимова, сын Александр 1848 г. р. Сыновья: Яков –14, Дмитрий – 12, Феоктист – 8, Василий – 2 (возраст в 1824 г.) перечислены в город Белицу в купечество в 1843 году.

3. Лаврентий Марков Махоткин, 46 – 62, жена Анна Данилова – 52.

Сын Терентий Лаврентиев, 12 – 28, жена Терентия Пелагия Яковлева – 25, дочь Анна – 1 г., сын Ефрем – 3 г.

Сын Аким Лаврентиев, 11 – 27, его жена Ульяна Иванова – 25 лет, сын Петр – 4, Гаврила – 2 лет.

Сын Дмитрий Лаврентиев, 8 – 24, его жена Пелагея Михайлова – 23 лет, дочь Васса – 1 г.

4. Зиновий Сергеев Махоткин, 32 – 48, жена Наталья Андреева – 42 лет. Сын Иван – 5 лет, умер в 1838 г., Гардей, 3 – 19, Николай – 10, Михаил – 8, Матрёна – 16, Феодосья – 13, Анастасия – 5 лет.

5. Петр Сергеев Махоткин, 24 – 40, жена Параскевия Феодорова – 39 лет, сын Сергей – 8, Василий – 1, Наталья – 10 лет.

6. Федот Сергеев Махоткин, 14 – 30, жена Александра Стефанова – 24 лет, сын Михаил – 4, Дочь Варвара – 6 лет»[1].

---

[1] ГАБО Ф. 549, оп 2 , д. 20, лл. 733–750.

В 1863 году 3-я гильдия отменена, а гильдейская пошлина как основание для приписки к гильдии заменена гильдейским и билетным сборами.

В 1863 году обложение купечества снижено почти в 3 раза, оно состояло из пошлины за купеческое свидетельство (за свидетельство 1-й гильдии – 265 рублей, за свидетельство 2-й гильдии – 25–65 рублей) и сбора за билет, удостоверявший право владения торговым или промышленным заведением (за билет на каждое торговое или промысловое заведение для купца 1-й гильдии – 10–30 рублей, для купца 2-й гильдии – 5–20 рублей).

Однако проследить по документам, как изменилось число лиц купеческого звания в Ардони после 1763 года, не представляется возможным, после 10-й Ревизии 1858 года ревизии в прежнем объеме не проводились. В «Списках фабричных и других промышленных заведений Суражского уезда», в «оценочных» ведомостях и в других доступных документах конца XIX века мы не встречали фамилий ардонцев в купеческом звании.

В 1866 г. правительством установлен сбор в пользу земств и городов: не более 25% с гильдейского свидетельства, в 1874 году – квартирный сбор в размере 10% с гильдейского свидетельства и билетов, который давал средства для возмещения стоимости проживания офицеров на частных квартирах.

К 1884 году размеры обложения купцов увеличились.

С 1885 года владельцы гильдейских предприятий (единоличные, а также торговые дома и товарищества на паях) стали платить дополнительно к гильдейским сборам также и раскладочный сбор в размере, определяемом законодательно по губерниям каждые 3 года (с 1885 г. примерно 3% с прибыли, с 1892 года – 5%).

С принятием закона о государственном промысловом налоге (1898 г.) право на ведение собственного дела стали давать «промысловые свидетельства», делившиеся на разряды: три торговых и восемь промысловых разрядов в зависимости от доходности, расположения, степени механизации предприятия, числа рабочих. «Промысловые свидетельства» ежегодно выкупали предприниматели всех сословий. Число гильдейских свидетельств в стране стало сокращаться.

Обзор документов XVIII и XIX веков показал, что посад Ардонь был населен трудолюбивыми людьми, в основном, ремесленниками, кустарями, достаточно зажиточными, некоторые из них, накопив капитал, приобретали купеческое свидетельство. Многие жители Ардони купеческого и мещанского звания переселились в Клинцы. Слава посада Клинцы как промышленного центра Чер-

ниговщины прирастала трудом ардонских кустарей и деловых людей, переселившихся в Клинцы из посада Ардонь.

Мещанство Ардони

Основное население посада Ардонь составляли люди мещанского звания. Мещанство как сословие появилось в Ардони в конце XVIII века, когда слобода Ардонь получила ратушное управление и Ардонь стала посадом. Перепись 1782 года утверждает, что запись ардонских обывателей в мещанство и в купечество состоялось в 1781 году. Если в слободе жителей называли обывателями, то в посаде население делилось на мещанство и купечество.

Купеческое звание мещане получали после приобретения купеческого «гильдейского свидетельства». Купеческое звание не было пожизненным. Поэтому в переписях мы встречаем сведения о выходе той или иной семьи из купечества в мещанство.

О казенных крестьянах посада Ардонь

Наряду с мещанами и купцами, в Ардони долгое время оставалось несколько семей крестьян казенного ведомства. В «Ревизской сказке 1816 года марта 10 дня Малороссийской Черниговской губернии Суражского повета посада Ардонского о состоящих мужеска и женска пола Казеннаго Ведомства крестьянах Великороссийских» приведено 3 семьи (37 душ) казенных крестьян Ардони: Андрей Сергеев Тепикин, Еремей Петров Марачев, Захарий Яковлев Еламаздин.

В дополнительных ведомостях приведено еще 6 душ[1].

К концу XIX века в Ардони в числе казенных крестьян оставались одна-две семьи. В «Алфавите хранящихся в Черниговском архиве планам и книгам» имеется план земель, которые находятся во владении «казенных крестьян посада Ардони». Как сообщает «Алфавит», по генеральному плану 1869 и по межеванию в 1885 год за казенными крестьянами Ардони числится всего 2 десятины и 2038 кв. сажень земли. Во владении мещан и купцов посада Ардонь находилось 905 десятин и 1543 кв. сажени земли. Для сравнения сообщим, что казенные крестьяне «деревни Мартьяновки, Глотовки тож» в 1885 году владели 1029 десятинами и 80 кв. саженями земли[2]. То есть в Мартьяновке преобладающим населением были казенные крестьяне.

---

[1] Ревизия 1816 г. ГАБО Ф. 549, оп. 2, д. 6, л. 161–168.
[2] РГАДА Ф. 1354, оп. 597/379, л. 10.

Евреи мещане посада Ардонь

В конце XIX века в посаде Ардонь и в селе Богородицком поселяются семьи евреев. Евреи открывают в Ардони лавки и занимаются торговлей, в основном, бакалейными товарами.

Сведения о еврейских семьях удалось почерпнуть из «Книг заявлений плательщиков Суражского раскладочного по промысловому налогу Присутствия» за 1901, 1902 и 1906 годы, хранящихся в Брянском архиве.

В 1901–1902 гг. лавки **в посаде Ардонь** содержали Плоткины, Френкины, Израилевы и старообрядец Кужелев.

«Плоткин Нисон Афроимов содержал чернобакалейную лавку, с торговым оборотом до 2500 р. в год. В 1902 году лавка перешла к Плоткиной Гене Мееровой»[1], по-видимому, жене Нисона Плоткина.

«Френкин Израиль Шевелев – чернобакалейная торговля и лоскутный товар по мелочам, бывшая Бейлы Бен. Френкиной, в год до 3000 р.»[2].

«Френкин Арон Израилев, вновь возникшее предприятие в 1902 году – чернобакалейная торговля. В 1902 г., торговый оборот 1000 р. в год, годовая прибыль 100 р.»[3].

«Френкина Лия Меерова – чернобакалейная торговля и лоскутный товар по мелочам, в год до 2000 р.»[4].

«Израилева Рива Мировна (Ривка Меерова), чернобакалейная мелочная торговля, в посаде Ардонь, об одном покое, торгую сама, годовой оборот – 3000 р., годовая прибыль – 240 р., промысловое свидетельство 3 разряда, стоимость его 10 р. в год, оклад раскладочного сбора – 3 р. 95 к. в год»[5].

В 1906 году:

Израилева Ривка Меерова, годовой оборот 2000 рублей, годовая прибыль 160 рублей, чернобакалейная торговля, Ардонь. От погрома в Ардони не пострадала»[6].

---

[1] ГАБО Ф. 330, оп. 1, д. 1, 3.
[2] ГАБО Ф. 330, оп. 1, д. 6, Раскладочное Присутствие 1902 г.
[3] ГАБО Ф. 330, оп. 1, д. 3.
[4] ГАБО Ф. 330, оп. 1, д. 6, Раскладочное Присутствие 1902 г.
[5] ГАБО Ф. 330, оп. 1, д. 6, Раскладочное Присутствие 1902 г., л. 355.
[6] ГАБО Ф. 330, оп. 1, д. 3, л. 1 – 485. Книга заявлений плательщиков Суражского раскладочного по промысловому налогу присутствия за 1906 г, № 188.

В 1902 г.:

Старообрядец «Кужелев Николай Евланов – чернобакалейная и железная мелочная торговля. В п. Ардонь, годовой оборот – 5000 р., годовая прибыль – 500 р., торговое свидетельство 3 разряда приобретено за 10 рублей на год»[1].

В 1906 г.:

«Кужелев Николай Евменович 5000, ..., 500, Железная ,мелочная и железобакалейная. П. Ардонь»[2].

В селе Богородицкое в 1902 году содержателем чернобакалейной лавки был Гендин:

«Гендин Лейба Михелев, **с. Богородицкое** Голубовской волости, чернобакалейная мелочная торговля, дом собственный, вход один, торгует сам, годовой оборот – 2000 р., годовой доход – 200 р., промысловое свидетельство 3 разряда, его стоимость 10 рублей (до этого заведение содержалось по 4 разряду)»[3].

В селе Богородицкое в 1920-е годы, по сведениям УИсполкома, среди нескольких собственников был некий Рабинович:

«в с. Богородицкое: Кирпичн. произв. – собств. Артели Прав.-[ления?]

Паровая мельница – в аренде – собств. Рабинович – арендатор с/с».

А также «Кирпич. произв. – собств. Нахабин К.М.»[4].

Таким образом, семьи евреев жили в посаде Ардонь и в селе Богородицком.

Еврейские семьи занимались розничной торговлей бакалейными товарами. Сетью еврейских лавочек были охвачены села и деревни всего Суражского уезда, а также Новозыбковского, Мглинского и Стародубского уездов. В еврейских бакалейных лавочках крестьяне могли приобрести чай, конфеты, сахар, специи, табак, папиросы, спички, тетрадки, карандаши, ручки, конверты, учебники, керосин, мыло, деготь, хомуты, лыко, гвозди, инструменты и прочий товар.

Дети из еврейских семей, рассеянных по деревням и селам уезда, получали, в основном, домашнее начальное образование. Ев-

---

[1] ГАБО Ф. 330, оп. 1, д. 6, Раскладочное Присутствие 1902 г., л. 485.

[2] ГАБО Ф. 330, оп. 1, д. 3, л. 1–485. Книга заявлений плательщиков Суражского раскладочного по промысловому налогу присутствия за 1906 г., № 246.

[3] ГАБО Ф. 330, оп. 1, д. 6, Раскладочное Присутствие 1902 г., л. 161.

[4] ГАБО Там же, л. 170.

реи, жившие в Ардони, обучали детей в посаде Клинцы при синагоге, а с начала XX века в гимназиях мужской и женской.

Евреи приняли деятельное участие в политической жизни страны начала XX века. В 1917 году после февральской революции в Клинцах, равно как и в других городах Западной Брянщины, возникли партии Сионистов, Бунд, Поалей-Цион, которые представляли широкий спектр политических и национальных взглядов еврейства. Значительное число молодых евреев включились в революционную борьбу, примкнув к партии эсеров, меньшевиков или большевиков. В дальнейшем грамотная еврейская молодежь активно участвовала в социалистическом строительстве страны, многие евреи были выдвинуты на руководящие посты в экономике страны, в армии, во властные структуры и в партийные организации всех уровней. В годы НЭПа под Клинцами была создана еврейская сельская коммуна, которая имела трактор «Фордзон» и получала на своих полях высокие урожаи овощных культур.

Судьбы семей Израилевых, Френкиных проследить по архивным документам не удалось. В семье Плоткиных вырос будущий Герой Советского Союза Михаил Николаевич Плоткин.

В Ардони на фасадной стене избы, где жили Плоткины, прикреплена памятная доска, на которой сказано: «Здесь 2 мая 1912 года родился летчик-герой Советского Союза майор ПЛОТКИН Михаил Николаевич, геройски погиб 7 марта 1942 года».

Глава 5. Село Богородицкое

5.1. Из истории заселения села Богородицкое

Село Богородицкое известно с первой половины XVIII в. и до конца 1920-х годов. Село занимало левый берег речки Ардёнки, напротив посада Ардонь, поселенного на правом берегу речки. В 30-х годах XX века при Советской власти оба поселения были соединены в единое поселение под названием село Ардонь.

Первое упоминание о селе Богородицком встречаем в описании Лыщицкой волости Киево-Печерской Лавры, составленном А. Лазаревским по материалам переписи 1781 года. Лыщицкая волость в 1781 году включала в себя шесть сел, одну деревню, две слободы и один хутор, в том числе «село Богородицкое при речке Ардёнке, поселенное монахами в первой половине XVIII в.»[1].

В «Описании Новгород-Северского наместничества», составленном также по материалам переписи 1781 года, о селе Богородицком сказано: «Сотни Новомеской село Богородицкое, владения Киево-Печерской лавры, Лыщицкой волости, расстоянием от села Голубовки в 3, от слободы Мартьяновки в 3, от слободы Туросны в 2 верстах и сумежно с расколничою слободою Ардион (ошибочно было записано: «слободою Туросною») так что только и отделяет селения той слободы от сего села небольшая речка Ардион. Положение имеет на проселочной дороге, в бору, при пахотном поле, на ровном, низкопокатистом месте, с левой стороны речки Ардион. В самом селе: церковь деревянная – 1; обывателей: поп – 1, церковников – 2, в монастырском небольшом дворе об 1 избе живет маляр Тимофей Новопольский, дворов – 1, хат – 1. Посполитых монастырских дворов – 43, хат – 50, бездворных [хат] – 5. К сему селу земли пахотной и сенокосов мало, почему обыватели здешние взаимстуют тем от других, как то землю пахотную нанимают из скопщины у жителей деревни Бутовска, а сенокосы села Лопатни, деревни Ущерпьи и Смялчи, платя тамошним обывателям за такое место лугу, где накашивают 10 воз сена, по 3–4 рубли. Лесу

[1] Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. т. I, Стародубский полк. – Киев. 1889, с. 394.

же имеют достаточно и из него весь свой имеют доход, (ибо) одны гонят диоготь, другие делают деревянную посуду и всио то продают в Стародуб, некоторые же возами возят дрова на продажу в расколничью слободу Клинцы, и при всем том сеют по малой части пеньки (следует читать: сеют по малой части конопли и продают пеньку. – Р. П.) и продают обывателям слободы Ардон»[1].

Документов, сообщающих о начале заселения села Богородицкого, не сохранилось.

В «осадной грамоте», или «универсале», на поселение слободы Ардонь, выданной старообрядцам в 1711 году лаврским архимандритом, ничего не говорилось ни о речке Ардион (Ардёнке), ни о существовании деревни или села на левом берегу «речки Ардион» (Ардёнки). В «универсале» говорилось о «гулящом грунте Ардонском», находящемся «за миль четире от маетности нашой Лищич и Павлич», и высказывалось требование к старообрядцам новоселам «никому из подданних наших во околичности там зостаючим, не чинити ниякой перешкоди в грунтах их, доволствуючи полями и лесами, которого мы, на прошение их, повелимо городничому тамошнему, отвести им на мили две отмежовати от окрест живущих, ради спокойного их жития»[2].

Следовательно, «в околичности», то есть в некотором расстоянии от «гулящего» Ардонского грунта были мелкие поселения крестьян и казаков, подданных лавры, от которых Лыщицкому городничему предстояло отмежевать Ардонский «гулящий грунт».

Есть основание предполагать, что заселение левого берега «речки Ардёнки» монастырскими крестьянами началось после 1715 года, после того, как слобода Ардонь вместе с пахотной и сенокосной землёй была отторгнута у Лавры и включена в состав Государевой волости описных раскольничьих слобод Малороссии. С этого времени Лавра начала вести постоянные хлопоты о возвращении Ардонского грунта, а налоговую недоимку, вызванную потерей бездоимочных плательщиков старообрядцев, восполнять, заселяя свои земли новыми крестьянами. При этом монахов устраивали два варианта возвращения Ардонского грунта: как без слобожан-старообрядцев, так и со слобожанами-старообрядцами.

Это видно из челобитной архимандрита лавры Тимофея Щербацкого, с которой он в 1740 году обратился в правительство: «...для прекращения происходящих от раскольщиков обид и пресечения

---

[1] Описание Новгород-Северского наместничества, 1779–1781. – Киев. 1931, с. 230.

[2] Лазаревский А. Описание Старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – Киев. 1889, с. 457.

их худых следств и прелести», выслать их из трех лаврских слобод – Свяцкой, Ардони и Тимошкина Перевоза, или приписать к Киево-Печерской лавре». Очевидно, что до 1715 года религиозная агитация старообрядцев («раскольничья прелесть») не пугала лаврских монахов, более того, старообрядцы были желанными поселянами, надежными плательщиками налогов.

В особом прошении в Сенат тот же архимандрит представлял, что если раскольников к Лавре «приписать будет невозможно», то чтоб их разослать на прежния жилища, а положенный на них оклад сама лавра будет вносить, куда следует, «повсягодно бездоимочно»[1]. Следовательно, Лавра к 1740 году взрастила новый, достаточно устойчивый источник налогов, который не только компенсировал потерю налогового взноса старообрядцев, но даже превосходил его. Этим новым налоговым источником были новые лаврские подданные крестьяне, жившие во вновь заселенных деревнях, одной из них было будущее село Богородицкое.

Заселение левого берега Ардёнки крестьянами началось не сразу после 1715 года, а скорей всего – после 1720 года, поскольку в грамоте 1720 г., выданной Лавре после пожара 1718 г., когда «все крепости ея на вотчины погорели», перечислены были все села и деревни в Стародубском полку, принадлежавшие Киево-Печерской Лавре: слободка Вышков, Верещаги, Неглювка Увелля, озеро Коженовское, село Яловка, Святская слобода, Ширки, Макаричи, Заборье, Летяхи, Перелаз, слободка Эрденка с Туросенскою мельницею и прочими пожитками... (Описание Киевопечерской лавры, изд. 1831, с. 292)»[2]. Слободку Эрденку, несмотря на переход её жителей в подданство Государевой волости, монахи в 1720 году внесли в список своих владельческих селений, но поселения на месте будущего села Богородицкого не названо, его еще не было.

Время начала заселения будущего села Богородицкого, по нашему мнению, началось между 1720 и 1738 годами.

То, что левый берег «речки Ардёнки» в 1738 году и до этого года не принадлежал старообрядцам слободы Ардонь, узнаем из письма Лыщицкого монаха, сообщившего в 1738 году, что после межевания Ардонского грунта подполковником Хрипуновым в 1737 году старообрядцы из Ардони вторглись на левый берег реки «з

---

[1] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 487.

[2] Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. т. I, Стародубский полк. – Киев. 1889, с. 387.

сокирами, кирками, заступами, везде дороги через Ардонь речку попрочищивали и гать для прогону скотини понамощували, и немало крестянских пашен повибивали...»[1].

Судя по этому письму, на левом берегу «речки Ардёнки» в 1737 году уже находились крестьянские пашни, не принадлежавшие ардонцам.

Более того, задолго до 1741 года на левом «монастырском» берегу речки Ардёнки уже стояли мельницы монастырских подданных, жителей левого берега. Об этом писал в 1741 году в челобитной в Сенат ардонский житель Никита Коренев. В челобитной Никита предлагал: «А мельницами, которые устроены по одному берегу монастырскому, а к другому протчих владельцев, велеть владеть кто заводил, и положенный оклад с тех мельниц в казну платить по прежнему, отчего будет казне немалая выгода»[2].

После правительственного указа 1741 года о возвращении Ардонского грунта из состава Государевой волости в подчинение Лавре монахи уладили вопрос о южной границе Ардонского грунта, им стала «речка Ардёнка», а заселение левого берега Ардёнки монастырскими крестьянами было продолжено.

Почему село получило название «Богородицкое»?

М.И. Лилеев, изучив «дело о принятии жительствующего в ведомстве Киево-Печерской Лавры в селе Богородицком раскольника Зябкина в православную веру, который потом опять отступил в раскол», пришел к выводу, что с 1741 года Ардонь по возвращении в подданство Лавры была названа селом Богородицким. Дело начато в 1748 и окончено в 1770 году (Архив Черниг. Дух. Консист. № 484, л. 9–10)[3].

То есть название Богородицкое получила новая административная единица, возникшая от слияния старообрядческой Ардони на правом берегу и селения крестьян-новообрядцев на левом берегу речки Арденки.

Приняв слободу Ардонь в свое подчинение, власти монастыря теперь могли самостоятельно определять административное устрой-

---

[1] Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. т. I, Стародубский полк. – Киев. 1889, с. 459.

[2] РГАДА Ф. 248, оп. 29, е.х. 1853, л. 547 об.

[3] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 343.

ство возвращенных лаврских владений и менять названия поселениям. Но почему Богородицкое?

Названия сел «Рождественское», «Успенское», «Никольское», «Троицкое» «Вознесенское» говорят, что в селе есть церковь, главный престол которой освящен на антиминсе во имя Рождества Богородицы, Успения Богородицы, Святителя Николая, Троицы, Вознесения Господня и др.

Но в 1741 году на левом берегу речки Ардонь никакого храма еще не было.

В старообрядческой слободе Ардонь на правом берегу речки Ардонь в это время уже стояла часовня беспоповского согласия, построенная задолго до 1741 года, даже до 1715 года. Часовня носила название «Успения Пресвятыя Богородицы», поэтому принадлежала к кругу Богородичных. Позже, в годы правления Екатерины II, в Ардони была построена часовня поповского согласия, своим названием также относившаяся к кругу «Богородичных»: «Покрова Пресвятыя Богородицы».

Об этих часовнях узнаём из «Дела о переписке с Земским комиссаром о существовании старообрядческих церквей и часовен в Черниговской губернии в 1822–1823 гг.». Земскому комиссару было доложено, что «в посаде Ардонском: часовня деревянная небольшая теплая во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и часовня или молитвенный дом секты безпоповцев, деревянная, теплая Успения Пресвятыя Богородицы. Священник заимствуется в Клинцах»[1].

Невероятной следует признать мысль, чтобы лаврские монахи дали селу название по «раскольнической» часовне во имя Успения Пресвятыя Богородицы.

Название Богородицкое за Ардонью не закрепилось. Перепись населения 1765 года сообщает, что старообрядцы по-прежнему живут в слободе Ардонь на земле Киево-Печерской Лавры. Перепись крестьян села Богородицкое за 1765 год пока не обнаружена.

Название «Богородицкое» закрепилось за поселением на левом берегу речки Ардёнки, где не было еще никакого храма.

В челобитной 1740 года архимандрит лавры Тимофей Щербацкий просил вернуть лавре три слободы – Свяцкую, Ардонь и Тимошкин Перевоз. «При этом архимандрит обещал «положенный с раскольников оклад» употреблять на постройку в тех слободах

---

[1] ГАЧО Ф. 128, оп. 1, д. 2450 «Дело о переписке с Земским комиссаром о существовании старообрядческих церквей и часовен ...1822–1823 гг.», л. 17.

православных церквей и на содержание «достойных и учительных священников с причетники»; Лавра обязывалась также заботиться о приведении «от заблуждения их к единогласному православному исповеданию»[1].

Строительство обещанных правительству церквей должно было вестись именно «в тех слободах», а не в ином месте. Но старообрядцы Ардони умели постоять за себя и не допустили строительства «никонианской» церкви на своём, правом, берегу речки Ардёнки.

Церковь в селе Богородицкое была освящена на антиминсе во имя Святителя Николая, что еще раз подтверждает отсутствие в названии села Богородицкое связи с названием существующей в ней церкви. Скорей всего название селения «Богородицкое» было выбрано монахами по понятному им признаку.

Подсказку к правильному ответу находим в жалобе Лыщицкого городничего Моисея Якубовича 1724 года, в которой он докладывал о грабеже лаврских подданных в Стародубе: «...Симон Маслак в Стародуб прибывши, заграбил на торгах в подданних богородичних (лаврских) ... вещей, рублей на 90 и больше...»[2]. То есть словом «богородичных» монахи называли принадлежавших монастырю крестьян – «богородичных подданных». Почему приехавшие на торги в Стародуб лаврские крестьяне названы «богородичными»?

Самым древним, освященным столетиями храмом Киево-Печерской Лавры была церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, «она ископана была руками первых подвижников», – сообщает предание. Возведению церкви предшествовало знамение: инокам Печерским явилась Богородица и сказала: «Я хочу назвать её своим именем», а затем повторила: «Богородицына будет церковь»[3].

Позже в Печерском монастыре была построена «Великая лаврская церковь – собор во имя Успения Пресвятой Богородицы». Богородичные святыни Лавры, культ Богородицы давал монахам Киево-Печерской Лавры основание считать, что всё, что принадлежит Лавре, принадлежит Богородице, Богородицкому монастырю. «Богородицкими» были лаврские волости Стародубья: Лыщиц-

---

[1] ГАЧО Ф. 128, оп. 1, д. 2450 «Дело о переписке с Земским комиссаром о существовании старообрядческих церквей и часовен ...1822–1823 гг.», с. 487.

[2] Там же, с. 389.

[3] Живописное обозрение русских святых мест. Киево-Печерская Лавра. – Одесса. 1899, с. 10, 32.

кая, Попово-Горская и Бобовицкая, «Богородицкими» были лаврские крестьяне, «Богородицкими» были лаврские села, их ещё называли «Чернецкими», то есть монастырскими.

Дав поселению на левом берегу реки Ардёнки название «Богородицкое», монахи объявляли его собственностью Лавры. И в то же время село получало название в честь главных святынь Киево-Печерской Лавры: церкви Благовещения Пресвятой Богородицы и собора Успения Пресвятой Богородицы.

В документах разных лет можно встретить и другие названия села «Богородицкое», поэтому губернские статистики в 1866 году внесли в «Списки населенных мест Черниговской губернии по Суражскому уезду» три названия села: Богородицкое, Богородское и Чернецкое. Они же отметили, что село Богородицкое – село казачье.

***Таблица.* Сведения о некоторых населенных местах Суражского уезда за 1866 год[1]**

	Ардонь (Ардон, Чернецкая слобода)	Богородицкое (Богородское, Чернецкое)
Административная единица	Посад	Село казачье
Положение	р. Туросна	р. Туросна
Расстояние от уездного города	40 верст	40 $^1/_2$ верст
Расстояние от становой квартиры	16 верст	16 $^1/_2$ верст
Число дворов	160	117
Число жителей мужского пола	681	312
Число жителей женского пола	831	333
Церкви, молитвенные здания	Церковь православная – 1 (единоверческая)	Церковь православная – 1

[1] Списки населенных мест Российской Империи, составленные и издаваемые Центральным Статистическим Комитетом Министерства Внутренних Дел. – СПБ., 1866 г. XLVIII. Черниговская Губерния, XV. Суражский уезд, с. 182.

5.2. Из истории церкви Святителя Николая села Богородицкого (Ардонь)

О строительстве церкви в селе Богородицком

Строительство церкви в селе Богородицкое стало следствием исполнения обязательства, данного архимандритом Киево-Печерской Лавры в 1740 году правительству, о чем говорилось выше.

Надо полагать, что к 1748 году, то есть через семь лет после возвращения слободы Ардонь в состав монастырских селений Лавры, церкви и священника в селе Богородицкое еще не было. Об этом свидетельствует дело из Архива Черниговской Консистории, из которого узнаём, что в 1748 году «по доносу» Голубовского священника Лищицкий управитель монах Галактион приказал себе представить Иваненка с женою...» из Ардони[1].

«Донос» Голубовского священника вызван его должностной обязанностью «заботиться о приведении от заблуждения их (старообрядцев) к единогласному православному исповеданию», то есть «присматривать» за жителями старообрядческой слободы Ардонь и доносить Лыщицкому управителю, поскольку в селении Богородицкое священника ещё нет, а Голубовский священник является самым ближайшим по местоположению к слободе Ардонь.

В Черниговском архиве есть «Дело об открытии церкви в с. Богородицком, Суражского уезда». В этом деле говорится: «Села Богородицкого церковь Святителя Христова Николая с мая месяца 1798 года разобрана и заложена, а ныне реставрациею совсем кончена...». Следовательно, разобранная церковь Святителя Николая стояла в Богородицком до 1798 года.

А по поводу антиминса написано: «Священный антиминс в ту Николаевскую церковь 1762 года месяца октября 2 дня выдан и без всякой потери доныне находится»[2].

Следовательно, можно утверждать, что первая церковь в селе Богородицкое была построена в 1762 году, когда «выдан» был антиминс, и после освящения в том же году стала называться Николаевской церковью. Об антиминсе дополнительно сказано, что он «атласный, изданный преосвященным Тимофеем Щербацким митрополитом Московским и Севским 1762 года».

По какой-то причине здание первой церкви через тридцать лет пришло в ветхое состояние (возможно, был пожар), что потребовало полной разборки церкви в 1798 году и перестройки здания.

---

[1] Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. – Киев. 1895, с. 112–113. Ссылка на Архив Черниг. Дух. Конс. № 484, лл. 9–10.

[2] ГАЧО Ф. 679, оп.1, д. 1505, л. 2.

Новая церковь (1798 г.) в селе Богородицкое была деревянная, деревянный сруб на кирпичном фундаменте, об одной главе и четырех приделах. При церкви была колокольня об одной главе с тремя колоколами. Священником церкви в 1798 году был Стефан Росинский. Церковь во имя Святителя Христова Николая «соборне освящена» 22 января 1799 года «в день Апостола Тимофея».

Ниже прилагается выписка из «Дела об открытии церкви в с. Богородицкое, Суражского уезда, 1798 года», в которой даны подробные описания здания церкви, приделов, икон, утвари и прочего.

В доношении Суражского протопопа Андрея Винницкого и иерея Андрея Высоцкого от 27 октября 1798 года «к Архиепископу Виктору Черниговскому и Нежинскому» говорилось:

«/л. 2./ Оная церковь на каменном фундаменте сделана и покрыта и вымощена, и иконостас искусно написан и Престол в указанную меру сделан. Священный антиминс в ту Николаевскую церковь 1762 года месяца октября 2 дня выдан и без всякой потери доныне находится. А на всякое наличное имение церковное прилагается именная опись. Просим дать архипастырское на освящение оной Николаевской церкви благословение и о том учинить определение».

/л. 4./ Далее прилагается «Опись имущества» обновленной церкви:

«Опись приходской села Богородицкого церкви, и находящемуся при оной имению учинена 1798 года, октября 12 дня:

Церковь деревянная во имя Святителя Николая выстроена из бруса соснового на каменном фундаменте, об одной главе. На оной крест железной, покрыта железом и досками деревянными. В оной дверей на крюках и завесах железных всего 10. Приделов – 4.

В первом приделе образы: два – Богоматерних, один Николая, всего на блямах деревянных на полотне образов Богоматери и Великомученицы Варвары всего – 2.

Внутре церкви:

Паникадило медное жолтое, о 12 свечниках – 1

Иконостас образной – 1

Малой иконостас – храмового образа, стоящий – 1

Ламп медных больших – 6

Меньших ламп медных – 7

Около правого крылоса иконостас молеваний со образом Дмитрия Ростовского – 1

Около лев. клироса другой иконостас малеваной со образом Великомученицы Варвары – 1

Икон руконосных, в том числе и на положение разных праздников – 15

Корогвы с обоих сторон образные – 4
Крест деревянный большой, руконосный – 1
Плащаница на полотне – 1 /л. 4 об./
Врата Царские с резьбой деревянные вызолоченные на завесах железных – 1
То же двери северные и южные.
Престол – 1
Антиминс атласный, изданный преосвященным Тимофеем Щербацким митрополитом Московским и Севским 1762 года – 1
На Престоле Евангелие одно большое на Александрийской бумаге под бляхами серебряными, бархатом красным оправленное, печати Московской 1763 года – 1
Другое Евангелие малое, оправленное бархатом красным, с бляхами медными позлащенными Московской печати 1760 года – 2
Гробница оловянная – 1
Чаша серебряная вызолоченная – 1
Дискос, Звезда и ложица серебряные – 3
Дискос серебряный вызолоченный – 1
Копие стальное – 1
Копий два стальных серебром оправленных – 2
Звезда серебряная – 1 /л. 5./
Крест ...медный вызолоченный большой – 1
Крест кипарисовый, оправленный медью, посеребренный – 1
Крест оловянный дароносичный для больных – 1
Светильников медных – 4
Мирница деревянная для крещения младенцев – 1
Далее в описи перечисляются ризы, подручники, епитрахили, нараквицы, пояса, платки, воздухи. /л. 6./
Книги:
Минеи круга месячных в шести книгах Киевской печати – 6
Общая Минея Киевской печати – 1
Устав печати Московской – 1
Служебник большой Киевской печати – 1
Служебник малый Киевской печати – 1
Октоих большой Киевской печати – 1
Октоих малый Киевской печати – 1
Апостол Московской печати – 1 /л. 6 об./
Часослов большой Киевской печати – 1
Псалтирь большая Киевской печати – 1
Триодь постная и цветная Киевской печати – 2
Требник большой Московской печати – 1
Требник малый Киевской печати – 1
Ирмологий малый Киевской печати – 1

Акафистник Киевской печати – 1
Акафист Варвары Киевской печати – 1
Книжиц малых:
В 1-й – служба Благовещения
В 2-й – служба в день входа Пресвятыя Богородицы
В 3-й – служба Великомученику Евстафию
Всего – 3
Реестр панихидный Высочайшей фамилии:
Книжица для отправы Государственных молебствий – 1
Книжица молебная на возшествие на престол – 1
Книжиц исповедных – 2
Книжица панихидная о убиенных в войнах – 1
Табель печатная о торжествах – 1

При означенной церкви колокольня рубленная деревянная об одной главе – 1

В оной колокольне колоколов всего – 3

В коих весу: в 1-м – 16 пуд, во 2-м – 4 пуд, в 3-м – $1^1/_2$ пуда.

Прописанные церковь и колокольня огорожены во округе забором, при коей огорожи входные ворота на завесах железных.

К сей выписи села Богородицкого священник Стефан Росинский подписался»[1].

В том же деле есть сообщение об освящении реставрированного храма:

«Великому Господину Преосвященнейшему Виктору Архиепископу Черниговскому и Нежинскому от благочинного протоиерея Винницкого № 461. Рапорт.

По силе выданной за рукою Вашего Высокопреосвященства на освящение с. Богородицкого реставрованной церкви Святителя Христова Николая прошлого 1798 года декабря 16 числа грамотой, сего 1799 годе генваря 22 в день Апостола Тимофея по Чиноположению с положением на престол старого добротного священного антиминса соборне освящена. О том Вашему Высокопреосвященству всенижайше доношу. Протоиерей Андрей Винницкий. 1799 года генваря 29 дня»[2].

В течение последующих двух столетий здание церкви перестраивалось, поновлялась кровля, деревянные стены здания сменили кирпичные, но внешний облик церковного здания остался неизменным: «здание церкви об одной главе и четырех приделах, при церкви колокольня об одной главе». Человек, давший описание

---

[1] ГАЧО Ф. 679, оп.1, д. 1505, л. 2–6 об.
[2] Там же, л. 8.

здания церкви в конце XVIII века, под словом «придел» понимал не столько дополнительные алтари (приделы), сколько пристройки к основному зданию церкви.

Четыре придела, пристроенные к квадратному зданию церкви, превращали здание в крестообразное сооружение (вид сверху), такая конструкция здания сохранилась до наших дней.

Спустя сто лет, в 1895 году, прихожане Никольской церкви села Богородицкого обратились в Черниговскую Духовную Консисторию с просьбой поставить рядом с храмом каменную каплицу. Вопрос этот рассматривался в Духовной Консистории, о чем свидетельствует «Дело», хранящееся в Черниговском архиве: «Отношение Черниговской Духовной Консистории на постройку каменной каплицы на церковной площади с. Богородицкого Суражского уезда 12.04.– 4.05.1895 г.»[1].

По воспоминаниям Василия Андреевича Чигиринова, «в 1930-е годы каплица кирпичная находилась напротив церкви, по другую сторону дороги, спускающейся к реке. В каплице была икона и перед иконой ящик для пожертвований, окованный железом.

На цвинтаре вокруг церковного здания стояли старинные липы и клены, одна из надворных построек была приспособлена для спевок участников церковного хора».

Документов, свидетельствующих об обстоятельствах и времени, когда деревянное здание церкви в селе Богородицкое было перестроено в камне, не обнаружено, но устная легенда утверждает, что произошло это в начале XX века.

О церковном причте

История каждого церковного здания неразрывно связана с деятельностью священников, служивших в храме. Служение священников в селе Богородицком имело свои особенности, обусловленные близким соседством старообрядцев.

На священников церкви села Богородицкое возлагалась миссионерская задача: «заботиться о приведении от заблуждения старообрядцев к единогласному православному исповеданию»

В специальных миссионерских инструкциях священники наставлялись быть терпеливыми в беседах со старообрядцами, исполнять обряды добросовестно, крестное знамение вершить, налагая персты на лоб, на живот и на оба рамена, как у старообрядцев, обряды совершать во всём благолепии, чтобы не вызывать нарека-

[1] ГАЧО Ф. 127, оп. 10, д. 1225.

ния со стороны старообрядцев, строго следивших за добросовестностью исполнения обряда и критиковавших священников в небрежности при исполнении обрядов. В миссионерские обязанности входило разъяснять старообрядцам их религиозные заблуждения и пристально следить, чтобы старообрядцы не вели миссионерскую работу и не вовлекали в свои ряды «православных», и об этом доносить епархиальному начальству.

При изучении документов, связанных с историей приходской церкви во имя Святителя Христова Николая в селе Богородицкое, нами выявлены имена большинства приходских священников, служивших в храме, начиная с конца XVIII века.

Подробные сведения о причте церкви Святителя Николая в селе Богородицкое приведены в Ревизской сказке жителей Ардони за 1811 год:

«Ревизская сказка мужчин: купцов, мещан, мещан евреев-земледельцев, евреев, казаков, священников, казенных крестьян, г. Суража, посадов Ардони, Клинцы, Святский, деревень и сел Суражского повета. 1811 г.».

Отдельным документом представлена «Ревизская сказка (сентября 1811 г.) священнослужителей Черниговской епархии Суражского повета, с. Богородицкого, Свято-Никольской церкви, одноприходной». (Ревизия 1811 года сравнивается с ревизией 1795 года, разница в возрасте 16 лет):

«Священник Алексей Стефанов сын Левицкий (– 32 лет). Рукоположен из Почеповской замоской слободы, священнический сын к сей церкви в 1806 году, у него сын Стефан (– 3 года).

Диакон Петр Стефанов Росинский (4 – 20 лет), рукоположен сего села священнический сын к сей церкви 1811 года после разбора 1797 г. на предполагаемое 1811 года по количеству дворов мест.

Дьячок Нестер Федоров сын Еремков (– 47 лет). Определен из козаков Стародубовского повета, села Запольских Халевич к сей церкви 1808 года, у него дети: Илья (– 14 лет) и Григорий (– 13 лет) обучаются в Черниговской семинарии.

Пономарь Лев Нестерович Еремков (– 15 лет). Определен вышеписанного дьячка сын к сей церкви в 1811 г.

Священник Лукьян Саввин сын Доброгаев (65 – 81 лет), уволен от должности и оставлен по старости лет его на пропитании сверхштатным.

Написанные по бывшей 795 года ревизии при оной церкви:

– Священник Стефан Иоаннов сын Росинский (37 – сейчас умре в 1805 г.)

У него дети: Стефан – 10 лет, Иоанн – 7 лет.

– Пономарь Иоаникий Фомин сын Савицкий (47 – сейчас умре 1809 г.)

У него дети: Феодосий (21 – при разборе 1797 г. исключен в военную службу)

Евсевий (в 1795 г. – 16 лет – рукоположен во священника Новозыбковского повета в с. Нивки в 1805 г.)

Савва (в 1795 г. – 14 лет) – в 1803 г. рукоположен во священника Стародубского повета в с. Левенку)

Иоанн (в 1795 г. – 4 лет) – обучается в Черниговской семинарии (в 1811 г. – 20 лет)»[1].

Рассматривая эти записи, можно высказать предположение, что первым священником, начавшим служить в церкви Святителя Николая в селе Богородицкое в 1762 году, был Лукьян Савин Доброгаев.

Лукьяну Савину Доброгаеву в ревизию1795 года было 65 лет, а в 1811 году – 81 год. Следовательно, он родился в 1730 году, а в 1762 году, когда освящена была первая церковь в селе Богородицкое, отцу Лукьяну было 32 года.

Священник Лукьян Савин Доброгаев, годы жизни (1730 – ум. после 1811 г.), годы служения в церкви Николая Святителя (1762–1795 г.).

Следующим священником в селе Богородицкое был **Стефан Иоаннов Росинский, годы жизни (1758–1805), годы служения (...1795–1805).**. В Ревизию 1795 года отец Стефан Росинский записан в селе Богородицкое, тогда ему было 37 лет. В 1798 году Стефан Росинский составил и подписал опись имущества церкви Святителя Николая, он же присутствовал на освящении храма Святителя Николая, а затем служил в освященном храме до 1805 года.

Следующим источником для изучения имен священников церкви являются книги метрических записей, сохранившиеся в архиве.

Согласно записям в «Метрической тетради церкви Святителя Николая», после смерти Стефана Росинского его место временно, на два года, заступил **Стефан Лукианов Доброгаев**, сын Лукьяна Доброгаева. Его подписи в «Метрической тетради» прослеживаются с 1805 по 1807 год.

В начале 1807 года Стефана Доброгаева сменил священник Алексей Стефанов сын Левицкий (– 32 лет). «Рукоположен из Почеповской замоской слободы, священнический сын к сей церкви в 1806 году, у него сын Стефан (– 3 года)».

---

[1] ГАБО Ф. 549, оп. 2, д. 3, л. 18–18 об.

Священнику Алексею Левицкому в 1911 году было 32 года, следовательно, он рождения 1779 года. Годы служения Алексея Левицкого в церкви села Богородицкое прослеживаются по записям в «Метрической тетради» и заканчиваются записью: «Алексей Стефанов сын Левицкий преставился 29, погребен 30 января 1830 года Душатинским священником благочинным Андреем Брусничим»[1].

Священник Алексей Стефанов Левицкий, годы жизни (1779–1830), годы служения (1806–1830).

В 1812 году причт церкви Святителя Николая включал священника Алексея Левицкого, диакона Петра Стефанова Росинского, стихарного диакона Нестора Еренкова и стихарного пономаря Льва Еренкова.

С 1824 года Лев Еренков подписывается как диакон.

С 1927 года появляется подпись «диакон Иоанн Росинский и диакон Лев Еренков».

В 1839 году – «диакон Иоанн Стефанов Росинский и стихарный пономарь Федор Пашков».

После смерти священника Алексея Левицкого службу в церкви Святителя Николая исполняли наблюдающие священники: в 1830 году «наблюдающий священник Василий Озерский», в 1831 году «наблюдающий священник Петр Тарчеловский».

С 1832 года во главе прихода поставлен священник Федор Павлов сын Горяин. При нем диакон Иоанн Стефанов Росинский.

Поскольку метрические тетради между 1841 и 1871 годами не сохранились, то годы служения священников при церкви Св. Николая в этом промежутке времени уточнить невозможно.

Священник Федор Павлович Горяин, годы служения в церкви Святителя Николая (1832 – после 1841 ...).

В 1872 году в «Метрических тетрадях» подписи ставят священник Гавриил Горский и псаломщик Яков Вербицкий. В 1873 году служение Гавриила Горского в селе Богородицком заканчивается.

Священник Гавриил Горский, годы служения (... – 1873).

С августа 1873 года священник церкви Святителя Николая Роман Диаковский, псаломщик Яков Вербицкий. Подписи Романа Диаковского прослеживаются до 1885 года. За последующие годы метрические тетради не сохранились.

Имя священника Романа Диаковского находим в «Деле» 1893–1895 годов «по обвинению псаломщика Пашкевича...». Но в «Деле» священник записан как Роман Диаконовский. Сомнений нет, это одно и то же лицо.

---

[1] ГАБО Ф. 296, оп. 1, д. 61, л. 145 об.

Священник Роман Диаковский (Диаконовский), годы служения (1873–1895 – ?).

При священнике Романе Диаковском сменились диакон и пономарь. С 1875 года подписи в «Метрических тетрадях» ставили диакон Филипп Шендерей и псаломщик Павел Пашкевич, исполняющий должность пономаря.

В 1883 году в «Метрической тетради» поставил свою подпись благочинный Федор Вербицкий.

В архиве сохранился «Протокол заседания от 30.12.1894 года по делу об обвинении псаломщика села Богородицкого Суражского уезда Павла Пашкевича в пьянстве и хулиганстве. 30.12.1894–29.08.1895 г.». Псаломщик Павел Пашкевич был уроженцем посада Ардонь, большую часть времени он проводил в шинке при постоялом дворе в Ардони. О недостойном поведении псаломщика Пашкевича священник Роман Диаконовский подал рапорт Благочинному священнику Тарасевичу. Преосвященный Черниговской епархии по доношению Благочинного священника Тарасевича и по рапорту священника Романа Диаконовского назначил следствие и поручил вести его священнику Луке Некрашевичу. В 1795 году псаломщик Павел Пашкевич был отстранен от должности, а вместо него согласился быть псаломщиком «учитель школы грамоты в Клинцах мещанин Василий Подласов»[1].

Дополнительно из «Протокола по обвинению псаломщика Павла Пашкевича в пьянстве...» узнаём, что в селе Богородицком в 1894 году было приходское училище. Учителем приходского училища был «мещанин города Стародуба Афанасий Теслин, который проживал в самом училище»[2].

Следующим священником в селе Богородицкое был Арсений Кучеровский.

В «Экстракте» за 1908 год, записанном в конце метрической книги церкви Святителя Николая села Богородицкое, стоит подпись священника Арсения Кучеровского и псаломщика Федора Мельникова[3].

Священник Арсений Кучеровский, годы служения (...1908...).

Священник Борис Петрович Давыдов, годы жизни (1879– ...), годы служения в церкви Святителя Николая (...1918–1924...).

В метрической книге клинцовской единоверческой Вознесенской церкви есть сообщение, что 11 июля 1918 года в погребении

---

[1] ГАЧО Ф. 679, оп. 7, д. 21, л. 1–3.
[2] Там же, л. 1–3.
[3] ГАБО Ф. 251, оп. 1, д. 346, л. 156–208.

священника Вознесенской церкви Иоанна Чередникова участвовал священник села Богородское Борис Давыдов.

Следующий документ – «Дело: Учет религиозных культов по Клинцовскому району в 1924 г.». В деле есть «Список лиц, служителей религиозных культов по Клинцовской волости, в частности, по селу Богородицкому:

«Давидов Борис Петрович, 45 лет, с. Богородск, священник Богородской ц., был под судом в 1924 году; Мельников Фома Ефремов, 40 лет, с Богородск, псаломщик той же ц., под судом не был»[1].

Из «Списка приходских советов и культовых зданий по Клинцовской волости... села Богородского» узнаем имена членов церковного Совета в 1924 году:

Председатель – Зубарев Потап Егорович, 55 лет, земл[еделец];
Непогода Никифор Иванович, 60 лет;
Бородавка Захар Аверьевич, 50 лет;
Литвяков Павел Маркович, 45 лет;
Бородавка Василий Карпович, 52 лет;
Кузьмицкий Тихон Пантелеев, 35 лет»[2].

Священник Алексей Северин, годы служения в церкви Святителя Николая (... – 1930-е годы?).

Учитель Ардонской школы Василий Андреевич Чигиринов писал, что его, новорожденного, в 1922 году «крестил поп Борис» (Борис Петрович Давыдов). «После Бориса священником был Алексей Северин. Он с семьей жил в избушке рядом с церковью. Я дружил с его сыном Федором Севериным, мы учились с ним с первого по седьмой класс. Много времени мы проводили на церковном дворе, на цвинтаре вокруг церкви стояли большие раскидистые липы, а позади цвинтаря находился большой фруктовый сад. При входе на цвинтарь по обеим сторонам от железных ворот стояли два высоких пирамидальных тополя. Цвинтарь был местом встречи и гулянки для ребят младшего школьного возраста.

Однажды ночью, это было году в 1930-м (?), Алексея Северина арестовали. Я пришел на цвинтарь, но ни Доськи (Федьки), ни Пупса (Витьки) во дворе не было, их не выпускали из дома. Матушка плакала, а дети сидели на лавке молча.

Через неделю после ареста священника прошел слух, что с колокольни будут сбрасывать колокола, у церкви стали собираться прихожане, все волновались. Такой день настал. Какие-то пьяные

---

[1] ГАБО Ф. 1154, оп. 2, д.152, л. 24.
[2] Там же, л. 42.

мужики, не из наших, сельских, а чужаки, забрались на колокольню, стали снимать колокола и сбрасывать их через окно. Упав с высоты, колокола тут же раскалывались на куски. Я как сейчас помню куски металла, блестящие на изломах серебром. Все, кто хотел, брали осколки колоколов на память. Женщины плакали и крестились, а мужчины молча и угрюмо смотрели на это действо. Протестовать было опасно. Затем начали крушить иконостас. В настоящее время подобного по красоте иконостаса я не видел, настолько богато он был украшен резьбой по дереву, покрыт лаком, иконы старинного письма были настоящими произведениями иконописного искусства, возможно даже, что написаны были клинцовскими иконописцами, которые выполняли заказы не только для старообрядцев, но и для епархиальных храмов. Помню, как иконостас рубили топорами и кусками выносили на цвинтарь. Потом подогнали повозки, погрузили и увезли куда-то.

На удивление прихожан большой колокол на звоннице не тронули. Его оставили как набатный колокол на случай пожара или для созыва сельчан на собрание. Судьба большого колокола мне не известна. Говорят, что во время войны и оккупации его сняли немцы. Куда-то исчезла из церкви и большая люстра со стеклянными подвесками.

После учиненного разгрома в церкви Святителя Николая установили горны, наковальни, столярные верстаки и устроили мастерские, где делали и чинили повозки. От постоянного дыма стены храма покрылись слоем копоти, вокруг церкви стали расти горы мусора, угля, шлака, опилок и прочего.

После ареста отца Алексея Северина его многодетная семья осталась без куска хлеба и очень бедствовала. Дети работали и учились. Тамара стала учительницей русского языка, Федор окончил железнодорожный институт, Петя пошел работать на Зубовскую пенькопрядильную фабрику. Старшие дети, Павел и Петя, были призваны в 1941 году в армию и с войны не вернулись, погибли. Виктор умер вскоре после войны от рака легких. Федор после войны был военным комендантом на Львовщине, а затем стал начальником крупной узловой станции»[1].

В годы немецкой оккупации, в 1941 году, оккупационное правительство разрешило верующим открыть церкви и моленные дома. «Прихожане церкви Святителя Николая на свои средства восстановили здание, очистили его от копоти и грязи, перестроили купол церкви, храм был освящен, и возобновилась служба». После

[1] Из письма В.А. Чигиринова.

освобождения Ардони Красной армией в 1943 году Советское правительство не закрыло храм, а в 1945 году, после Победы, прихожанам храма было разрешено зарегистрировать общину.

Кто окормлял храм в 1940-е годы, сведений не сохранилось. По воспоминаниям прихожан храма примерно с 1956 по 1966 год в храме служил священник **отец Константин**, погребен на своей родине в Гордеевском районе.

В 1961 году, когда при Н.С. Хрущёве по всей стране закрывали храмы, церковь бывшего села Богородицкое не была закрыта.

Отца Константина сменил **отец Николай**, он служил около 4-х лет, примерно до 1970 года, жил на цвинтере в домике. После его отъезда на Украину в храме в течение 15 лет служил отец Виталий.

Отец Виталий был родом из Малой Топали. Это был пожилой человек, девственник, молитвенник, страдалец за веру, трижды за веру отсидевший в тюрьме. Отец Виталий жил в Клинцах, по улице Верхняя Бобылка (пер. Богунского Полка), напротив современного знания типографии. И ежедневно приезжал в Ардонь, двери храма при отце Виталии всегда были отворены верующим. Служение о. Виталия продолжалось примерно с 1971 до смерти в 1986 году. Отец Виталий погребен в Малой Топали.

Затем наступило время частой смены священников.

Отец Владимир, служил около полутора лет, жил на съёмной квартире.

Отец Николай, из Беларуси, также служил около полутора лет.

Отец Андрей, служил 3 месяца.

Отец Андрей Белаза, родом из-под Клинцов, из Совхоза 1-го мая. Его служение продолжалось около полутора лет.

Продолжительным, около 11 лет, было служение **отца Иоанна**. На его место в селе Душкино заступил отец Андрей. Отец Иоанн жил в Клинцах, в районе Зубовки. При о. Иоанне в Никольском храме было проведено паровое отопление с угольной котельной, сделана ограда вокруг храма.

Затем в церкви Св. Николая служил **отец Георгий Шутко**, его служение продолжалось около 7 лет.

С 2000 года в церкви Св. Николая служит **о. Владимир Лукашов**.

Метрические тетради церкви Святителя Николая села Богородицкое

Метрические записи церкви села Богородицкое сохранились с 1800 года. Они назывались «Метрические тетради». Из записей в

тетрадях узнаем, что в 1800 году церковь в селе Богордицкое принадлежала Мглинской протопопии, а метрические тетради выдавались в Духовном Мглинском правлении. В 1800 году на листе 16 «к сей тетради села Богородицкого священник Стефан Иоаннов сын Росинский подписался». А на листе 48 «...пономарь Иоаникий Савицкий подписался, а вместо его неграмотного по его прошению руку приложил...?». То есть Ионакий Савицкий умел читать, но не был обучен рукописанию.

В «Экстракте», составляемом в конце каждого года, говорилось: «В приходе Святителя Николая в селе Богородицком, в деревнях Мартьяновке, Туросне и Кореневой, в хуторах Овсеенковом и Почетухском в 1800 году родилось 46 детей, браком сочеталось 14 пар, умерло 56 человек»[1].

Следовательно, священник церкви села Богородицкого обслуживал население нескольких окрестных селений. Жители этих селений оставались прихожанами церкви Святителя Николая до конца XIX столетия.

В «экстрактах» «деревня Кореневая» упоминается до 1809 года. С 1809 года вместо «деревни Кореневой» стали писать «хутор Коренев».

Метрические тетради позволяют представить состояние рождаемости, смертности и узнать количество ежегодных браков.

В таблице представлены такие сведения. Число селений, которые обслуживал священник церкви Святителя Николая, в течение столетия не менялось, в то же время отмечается с середины 1830-х годов прирост рождаемости, а с 1880-х годов растет число браков и уровень смертности. Это свидетельствует, что с середины 1830-х годов население указанных выше селений заметно выросло. Рост населения в середине XIX века отмечен был по всей России. В конце XIX века из-за перенаселения Суражского и соседних уездов Черниговской губернии стало не хватать пахотных угодий для прокормления семей крестьян, и начался отток населения на восток страны на свободные, не занятые хлебопашцами земли.

В то же время детская смертность, особенно в младенческом возрасте, оставалась высокой. В метрических тетрадях число смертей младенцев в несколько раз превышает число смертей взрослого населения. Дети умирали «от родимца», «от кашля», «от кори», «от поноса» и от других причин.

---

[1] ГАБО Ф. 296, оп. 1, д. 52, л. 16, 48.

Таблица. **Рождение, браки и смерти по материалам «Метрических тетрадей» церкви Святителя Николая в селе Богородицкое (1800–1908)**

Годы	Родилось	Браком сочеталось пар	Умерло
1800	46	14	56
1801	69	7	42
1802	61	15	32
1803	60	11	49
1804	79	13	35
1805	60	10	51
1806	89	14	52
1807	60	4	31
1808	70	17	80
1809	73	20	60
1810	86	9	41
1811	73	15	70
1812	70	15	73
1830	49	9	47
1831	52	12	10
1832	70	14	17
1839	124	26	37
1840	101	10	84
1872	188	26	133
1882	156	41	78
1883	165	17	88
1884	148	33	87
1885	156	38	115
1908	158	34	111

При просмотре записей обращает внимание то, что к сельскому священнику обращаются жители соседнего посада Клинцы.

«11 октября 1831 года жених дворянин, житель посада Клинцов Никита Данилов сын Остроженцев, холост, заключил брак с невестой девицей Екатериной Ивановной дочерью титулярного советника жителя посада Клинцовского Евграфа Реута»[1].

[1] ГАБО Ф. 296,оп. 1, д. 61, л. 162 об.

Случай обращения жителей старообрядческого посада Клинцы к священнику церкви села Богородицкое объясняется отсутствием в Клинцах Греко-российской церкви. Такая церковь в Клинцах будет построена и освящена только в 1849 году.

Другой случай: «1839 года января 25 дня заключили брак стихарный дьячок села Рожнов Николай Григорьев сын Пашкович, 23 лет, невеста Екатерина Васильева дочь умершего дворянина хутора Овсеенкова Василия Овсеенка. Поручители по жениху: умершего священника с. Рожнов жена Агафья Михайлова дочь Пашковичева и диакон того села Стефан Парфенов сын Шпановский. По невесте дворяне хутора Овсеенкова Иоанн Васильев сын Овсеенок и Петр Петров сын Данилевич, дворяне Ефим Менахиев сын Овсеенок и Иоанн Терентьев сын Овсеенок»[1].

В данном случае брак Екатерины Васильевны Овсеенко, жительницы хутора Овсеенкова, заключен в своем Никольском приходе.

Браки жителей села Богородицкого:

«1831 года сентября 20 числа жених казенный крестьянин житель села Богородицкого Авраам Андреев сын Кузьмицкий, холост, невеста девица Наталья, умершего казенного крестьянина Стефана Прокофьева сына Чигирина дочь»[2].

К «Метрическим тетрадям» приложены Исповедные ведомости. Например, согласно Исповедной ведомости 1849 года, «исповедовался и причастился Демьян Михайлов Руденко, житель хутора Почетухи, княгини Голициной крестьянин – 51 года. Жена его Мария Иосифова – 47 лет. Дети их Иоанн – 20 лет, Марфа – 18 лет, Алексей – 16, Михайла – 13 лет»[3].

Здание церкви Святителя Николая бывшего села Богородицкое (Ардонь)

Здание церкви во имя Святителя Николая кирпичное, однокупольное. В основу строения заложен четверик с четырьмя пристройками: алтарной, двумя боковыми, северной и южной, и притвором-трапезной, отчего всё здание в плане имеет вид креста. Боковые пристройки в плане образуют поперечный неф (трансепт). Колокольня возведена над притвором. Длина здания – 27,5 м, ширина – 20,1 м. Ширина боковых пристроек 10,5 м, длина – 5,6 м.

---

[1] ГАБО Ф. 248, оп. 1, д. 6, л. 28 об.
[2] ГАБО Ф. 296, оп. 1, д. 61, л. 162 об.
[3] ГАБО Ф. 296, оп. 1, д. 61, л. 1 об.

Церковь Св. Николая в с. Ардонь (бывшее с. Богородицкое)

Ширина алтарной пристройки и трапезной – 8,9 м, длина алтарной пристройки – 4,35 м, длина трапезной пристройки – 12,9 м. Высота кирпичной части здания храма 9 метров.

Кирпичная часть здания церкви и колокольни завершается деревянными надстройками-восьмериками. Стены церкви имеют ложный деревянный карниз-короб. На кирпичный четверик церкви поставлен широкий деревянный сруб восьмерик в 8 венцов, он чуть у́же подлежащего кирпичного четверика здания церкви. На восьмерике установлен купол церкви. Соединение между восьмериком и куполом перекрыто восьмискатной крышей. Купол большой, объемный, чуть у́же подлежащего восьмерика-барабана. Купол скроен из восьми лепестков, каждый лепесток соответствует грани восьмерика. Купол по форме напоминает коробочку цветка физалиса и выкрашен голубой краской. Завершается купол золоченой тыковкой, над которой установлен восьмиконечный крест, выкрашенный желтой краской.

Кирпичная кладка колокольни завершается небольшим карнизом на уровне средней части купола церкви. На четверик колокольни поставлен широкий деревянный сруб восьмерик из 11 венцов, обшитый досками. Над восьмериком-барабаном, над кровельным из листового железа карнизом установлена глава из вось-

Колонны перед входом в притвор церкви Св. Николая в Ардони (бывш. с. Богородицкое)

ми лепестков шлемовидного очертания, увенчанная маленьким барабанчиком-восьмериком. На острие восьмискатной крыши барабанчика желтая тыковка с восьмиконечным крестом. Оба восьмерика и крыша колокольни выкрашены зеленовато-голубой краской.

Стены церкви и колокольни оштукатурены и выбелены известью.

Четыре арочных проёма звонницы колокольни имеют единственное украшение – слегка выступающий замковый камень. Нижняя часть оконных проёмов заложена кирпичной кладкой, образуя подоконные ниши (ложное окно).

Стены колокольни схвачены, как обручами, двумя поясками, выполненными в виде валиков и выкрашенными коричневой краской: один на уровне подоконников, второй на уровне перехода оконных проёмов к арочному завершению. Над арками оконных проемов коричневой краской обозначены замковые камни.

Пристройки к зданию церкви перекрыты двускатными крышами, образующими с торцов фронтоны. Очертания треугольных фронтонов отражены на стенах четверика церковного здания ломаной линией, напоминающей щипец. Ломаная линия на здании церкви, как и пояски на колокольне, выполнена в виде лепного валика и выкрашена коричневой краской.

Неожиданными по изяществу исполнения являются две колонны, поддерживающие портик кровли над крыльцом у входа в храм. Колонны кирпичные. Кирпичная кладка колонн образует 9 вертикальных жгутов, которые винтообразно обвивают колонны от безордерной капители сверху вниз до основания, на левой колонне по часовой стрелке, на правой колонне против движения часовой стрелки. Во фронтоне портика помещена икона Николая Чудотворца.

Внутри храм просторный, здание четверика церкви соединено с пристройками высокими арочными проёмами. Стены оштукатурены и побелены. Стенных росписей нет.

К западной стене четверика церкви пристроены хоры в виде балкона с крутой одномаршевой деревянной лестницей от северной стены. Над притвором возведена колокольня, внутри лестница деревянная. Отопление паровое. Подкупольное пространство закрыто плоским потолком. Планируется реконструкция подкупольного пространства, которое позволит открыть паруса, на парусах поместить изображения четырех Евангелистов.

Алтарь отделен трехъярусным иконостасом. Местночтимая икона Николая Чудотворца Мирликийского современного письма.

Антиминс храма атласный, изданный преосвященным Палладием митрополитом Орловским и Брянским в 1984 году, августа 27 дня.

Внутреннее убранство церкви Святителя Николая постоянно обновляется, пополняется иконами, утварью. Иконы в основном нового письма, икон старого письма единицы. По воспоминаниям старожилов до 1930-го года иконостас был пятиярусный, деревянный резной с позолотой, с иконами старинного письма, стены храма были обильно уставлены старыми иконами, многие иконы были написаны клинцовскими иконописцами.

Церковь в течение XX столетия неоднократно подвергалась ограблению. Первый раз в 1930-х годах, когда был уничтожен иконостас XVIII века, алтарь, ризница, библиотека, церковная утварь, облачения. После восстановления здания церкви в 1942 году иконостас и алтарь наполнились иконами, которые несли сюда из домашних моленных углов жители села Богородицкое. Некоторые из икон были высокого достоинства. Во второй половине XX века церковь несколько раз подвергалась ограблению безбожниками.

В настоящее время священник храма – отец Владимир (Владимир Рудольфович Лукашов).

Владимир Лукашов родился в 1970 году в городе Клинцы Брянской области в семье рабочего. Отец Рудольф Ефимович Лукашов-Смирнов родом из села Ардонь. Владимир окончил среднюю школу, техническое училище, сельхозтехникум, работал по специальности наладчиком швейного оборудования на Клинцовской обувной фабрике «Кливия».

С 1994 года Владимир стал посещать Никольский храм в городе Клинцы при священнике о. Валентине. С 1995 года стал служить алтарщиком в церкви во имя Петра и Павла в г. Клинцы при о. Василии Воликове. 31 декабря 1995 года рукоположен в диаконы, через неделю рукоположен в иереи к церкви во имя Святой Троицы села Горчаки Клинцовского района Брянской области. Рукополагал о. Владимира архиепископ Мелхиседек Брянский и Севский в Воскресенском храме города Брянска на Рождество 7 января 1996 года.

В 2000 году 22 мая, в день Святителя Николая Мирликийского, по благословению владыки Мелхиседека, о. Владимир переведен к храму Святителя Николая в рабочем поселке Ардонь Клинцовского района.

В 2003 году о. Владимир закончил Брянские пастырские курсы, в настоящее время учится в Минской духовной семинарии.

Женат, жена Светлана Ивановна Лукашова, дети: сын и дочь.

Храм и приход о. Владимир принял от священника **о. Георгия Шутко**. В приходе было около тридцати человек прихожан, жителей сел Ардонь, Мартьяновка, Евлановка и Клинцов. Здание храма нуждалось в ремонте и благоустройстве. За годы службы удалось установить газовое отопление храма, провести окраску стен храма, благоустроить территорию, посадить сад, построить купель вблизи храма на берегу реки Ардонь в честь иконы Пресвятой Богородицы Живоносный Источник. На въезде в село со стороны города Клинцы в 2010 году к 300-летию Ардони был установлен Поклонный Крест и двухсторонний Киот с иконами Святителя Николая и Рождества Пресвятой Богородицы.

Храм пополнился иконами, пожертвованными прихожанами. Часть икон написана заново художником Владимиром Николаевичем Федосовым, он же расписывает стены храма. В алтаре уже написан образ Пресвятой Богородицы Живоносный Источник, образ Святой Софии Премудрость Божия, святые отцы, слева Николай Чудотворец и Василий Великий, а справа Виссарион Чудотворец Египетский и Иоанн Златоуст.

Приобретено Напрестольное Большое Евангелие современной печати, оправленное синим бархатом с позолоченными бляхами (накладками).

С 2004 года в храме ведутся Метрические книги.

За годы службы отца Владимира число прихожан выросло до 150 человек. Роспись стен алтаря храма началась в 2010 году, предстоит проведение росписи в церкви, перестройка подкупольного пространства. Планируется заново провести перекрытие куполов.

Церковный хор состоит из 20 певчих прихожан, руководит хором Мария Герасимовна Чалая. Алтарщиком храма с 2010 года служит Владимир Денисенко.

5.3. Кто были жителями села Богородицкое в XIX веке?

Многие современники могут легко узнать свои фамилии среди фамилий жителей села Богородицкое, которые сохранили Ревизские сказки 1811 года.

«Ревизская сказка 1811 года. Казенные крестьяне с. Богородицкого. Всего семей – 47, душ мужского пола – 152. Фамилии крестьян: Безсмертный, Кравчонок, Лахтионов, Сухопаря, Слепец, Гребенец, Негода, Денисенок, Кравченок, Коваль, Баглай, Сердечный, Литвяк, Клименок, «Семен Савин сын Чигиринов, его дети: Тимофей, Данила», Костюченок, Лукавов, Пчеленок, Нахабенок,

Лелюткин, Смертный, Хлюпка, Белоус, Нивичонок, Зубарев, Сынов, Барадавченок, Садавский, Лукашев, Пчела, Прокоп Савин сын Чигирин, Аврамов, Лелиотка, Клименок, Майстров, Кузмицкий, Мирочников, Шабловский, Шатоба.

«Петр Исаев сын Чигиринов, умер в 1809 году 71 года, дети Борис, Максим, Герасим. У Герасима сын Степан Герасимов сын Чигиринов»[1].

Дополнением к приведенному списку фамилий может служить Ревизская сказка 1816 г.:

«Ревизская сказка 1816 года марта 10 дня Малороссийской Черниговской губернии Суражского повета **села Богородицкого** о состоящих мужеска и женска пола Казеннаго Ведомства крестьянах».

В «сказке» приведено 75 семей села Богородицкое. Всего «мужеска пола» – 133 души. В дополнительных ведомостях выявлено «пропущенных 45 душ мужеска пола». Итого – 178 душ.

Казенными крестьянами были: Бессмертновы, Кравчина, Сухопар, Чигириновы, Слепцовы, Гребенец, Ермолаев, Самуилычев, Кривченок, Сердюков, Коваль, Литвин, Клименок, Костюченков, Шалабода, Лукашов, Нахабенок, Безсмертнов, Клюшка, Белоус, Навичонок, Зубарь, Бородавки, Садовский, Пчелок, Лукашов, Авраменков, Кузменки, Лелютка, Кужель, Майстров, Кузмицкие, Шаблоские, Кравченков, Баглаев, Костюченок»[2].

Уклад жизни крестьян села Богородицкого существенно отличался от уклада жизни жителей посада Ардонь. Подробное описание быта крестьян села Богородицкое и мещан посада Ардонь приведены в воспоминаниях Василия Андреевича Чигиринова и Василия Анатольевича Смирнова, помещенных в этой книге.

В 1920-е годы, в годы НЭПа, в селе Богородицкое был сельский Совет, который по оценке чиновников Уездного Исполкома работал на «среднем уровне».

В 1928 году Клинцовский Уездный Исполн. Комитет Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов оценивал работу сельских Советов следующим образом: «Удовлетворительно работали 4 сельсовета: **Ардонский**, Рожновский, Рудня-Голубовский и Киваевский. Средне работали 11-ть сельсоветов: **Богородицкий**, Лопатенский, Унечский, Коржовско-Голубовский, Кне-

---

[1] ГАБО Ф. 549, оп. 2, д. 3, л. 239.

[2] Ревиз. 1816. ГАБО Ф. 549, оп. 2, д. 6, л. 54–84.

вичский, Чертовичский, Синьковский, Заречский Гнилушский, Рудня-Тереховка и Кузнецкий. Остальные 18 сельсоветов отнесены к числу слабых по работе»[1].

В селе Богородицком в 1920-е годы жили и трудились, в основном, крестьяне-собственники, но была уже организована артель, что видно из документов УИсполкома:

«в с. Богородицкое: Кирпичн. произв. – собств. Артели Прав.-[ления?]

Паровая мельница – в аренде – собств. Рабинович – арендатор с/с».

А также «Кирпич. произв. – собств. Нахабин К.М.»[2].

Уездный Исполком проводил повсеместно работу по предупреждению пожаров в селах и деревнях. По сведениям Клинцовского Уездного Исполн. Комитета Совета Раб, Кр. и Красноарм. деп. за 1928 год, «на пожарное дело отпущено 300 р. и по самообложению 5 650 р., на что выстроены новые пожарные сараи в с. Рожны, Каз. Туросна, **Богородицкой**, заканчивается постройкой в Лутенске, Корж.-Голубовке и Песчанке и предположено построить в Болдовке. Приобретено 3 машины, исправлен пожарный инвентарь»[3].

В 1933 или 1934 г. село Богородицкое и Ардонь стали единым административным образованием – село Ардонь.

С 1929 года в стране началась коллективизация сельских тружеников. События этих лет отражены в «Записках» Василия Андреевича Чигиринова.

5.4. Воспоминания Василия Анатольевича Смирнова

Ардонь – старинное поселение, основанное старообрядцами, бежавшими в Малороссию в начале XVIII века. Ардонь была населена трудолюбивыми и мастеровыми людьми. Мои отец, дед и прадед были колесными мастерами, столярами, этой профессии я тоже обучался в детстве.

Я родился в 1922 году и всё детство провел в Ардони. Дом родителей находился, и сейчас стоит, на выезде из Ардони по направлению к Коржовке-Голубовке. Дом обычный, деревенский, крыт был соломой, потом отец покрыл его досками. Размером дом 6 х 9 мет-

---

[1] ГАБО Ф. 1154, оп. 2. д. 8, л. 1.
[2] Там же, л. 170.
[3] Там же, л. 6.

Василий Анатольевич Смирнов

ров. В доме русская печь, лежанка (грубка). Внутри дом разделен переборками из досок на три части: кухня, спальня и зальчик. Стены оклеены обоями. Полы дощатые, в спальне деревянная кровать, сделанная отцом.

К дому пристроены сени, чулан. Еще дед Перфил пристроил к дому мастерскую и в ней делал колеса для телег.

Под усадьбой 15 соток земли. Усадьба была спланирована разумно. На ней было высажено 8 яблонь, 3 груши, по бокам усадьбы росли вишни и сливы. Сад был огорожен изгородью. В конце сада, в более низкой части усадьбы, стояла баня, а за баней протекал ручей. Вокруг бани был малинник.

Возле дома, в тёплом сарае для скота, родители держали корову, поросенка, кур. Отдельно стоял погреб с погребицей. За этими постройками был огород и ягодник (смородина, крыжовник). И еще 15 соток земли было в поле, под картошку. Примерно такие же усадьбы были у соседей.

Отец участвовал в Гражданской войне. Когда в декабре 1918 года началось выдавливание немцев с Черниговщины, в Ардонь вошел и расквартировался полк Щорса. Отец в это время работал на заводе Корявина и по просьбе Н. Щорса занимался изготовлением 10 салазок для пулеметов.

Николай Щорс бывал в нашем доме и подарил старшему брату плетку-нагайку, брат долго хранил её. Отец присоединился к отряду Щорса и ушел освобождать Украину. Вернулся домой только после ранения. Позже отец был членом президиума Народного Совета села.

Посаду Ардонь, помню, принадлежали места: Крепаковщина, Ляды, две рощи, «болото», холмы захоронения между Ардонью и Клинцами.

Особенностью Ардони (а она до объединения с селом Богородицкое называлась Чернецкая или посад Ардонь) являлось то, что

в семьях кто-нибудь работал на фабриках и заводах города Клинцы. На работу ходили каждый день 5–6 км туда и обратно.

До революции в Ардони была большая мастерская Корявина, где делали различного рода брички, фаэтоны, сани и т.п. У Корявина была паровая мельница, поэтому часть жителей Ардони работала у него. Не было в Ардони семьи, чтобы кто-нибудь не занимался ремеслом, промыслом, в каждой семье был мастер, поэтому все общественные работы (строительство общественных зданий, кладка печей, плотницкие, столярные, слесарные, кровельные работы, рытье колодцев и т.п.) делались самими жителями.

Отношения жителей были проникнуты чувством взаимопомощи. Большую поддержку получали немощные старики и инвалиды. Ардонцы отличались грамотностью и культурой. В посаде была церковь единоверческая и молельня (моленная) беспоповская. В церкви – батюшка, в молельне – отец. В посаде сосуществовало несколько религий: православие Греко-российской церкви, православие по старому обряду (старообрядцы-беглопоповцы Белокриницкого согласия), единоверцы – старообрядцы, присоединившиеся к Греко-российской церкви, и старообрядцы-беспоповцы.

За речкой Ерденкой (Ардёнкой) находилось село Богородицкое, бывшее монастырское или Чернецкое. Между жителями Ардони и селом Богородицким различия были в религии (там православные новообрядцы, здесь православные старообрядцы), в языке (там малороссияне, здесь потомки переселенцев из России), различия были в одежде, в устройстве жилья, в привычках. Например, избы в старообрядческой Ардони стояли на высоком кирпичном фундаменте, крыты досками или железом, соломой крыли редко, только по бедности. Полы были деревянными, с высоким подполом, земляных полов не было. Каждая усадьба в Ардони была огорожена дощатым забором, над тесовыми воротами крыша, укрывавшая поперечную балку, на балке посередине крепилась иконка, в воротах была калитка, рядом с домом – лавочка, над лавочкой – небольшой навес. Вечерами жители любили посидеть на лавочке, поговорить, обменяться впечатлениями и новостями и одновременно присмотреть за играющими на травке детьми. Перед домами на лужайке молодежь и детвора устраивали игры (лапта), водили хороводы. В старообрядческих семьях много внимания уделялось детям, чтобы они обязательно умели читать, писать, считать, получали с детства трудовые навыки и даже профессию. Меня отец до школы обучил грамоте.

В селе Богородицком избы называли хатами, хаты были приземистыми, с завалинками, почти все крыты соломой, полы в неко-

торых хатах были глиняные, это по старинке. В других избах пол (мост) в виде настила поверх глиняного пола. Тесовых ворот с иконкой никто не ставил, и заборы были плетеные из лозняка.

В ардонской семье очень следили за чистотой в доме. Полы покрывали половиками, на окнах вешали занавески, постельное белье меняли каждую неделю после бани, у каждого члена семьи была своя посуда. Мещане носили сапоги или ватные валенки с галошами (бурки), пальто, летом – костюмы.

В Богородицке крестьяне носили лапти круглый год, летом ходили босиком, берегли лапти, зимой носили овчинные шубы.

Оба селения разделяла речка Ардёнка, жители Богородицкого ту же речку называли Чечёра. Ардонцы редко ходили на левый берег, все их хозяйственные дела были в Клинцах, и пахотные угодья тоже были на своём, правом берегу речки. Жители Богородицкого, чтобы проехать в Клинцы или на покосы, должны были пересечь речку по мосту и обязательно проехать через Ардонь. Подступы к мосту были заболочены, дорога после весеннего половодья или сильных дождей размокала, становилась труднопроходимой. Естественно возникали споры, кому чинить дорогу. Ардонцы старались привлечь к ремонту дороги богородицких крестьян, поскольку они чаще пользовались мостом и дорогой. Возникали споры, ссоры, дело доходило до драки.

Школы в Ардони и в Богородицком появились до революции и назывались церковно-приходскими. Здание Ардонской начальной (церковно-приходской) школы существует и сейчас, а в Богородицке была построена новая 2-х этажная деревянная школа, которая была преобразована в семилетку. А в 1950-х годах в бывшем селе Богородицкое построена новая кирпичная средняя школа. Вторым или третьим директором школы был Николай Федорович Курилов.

В Ардони с первых лет Советской власти был открыт Народный Дом (Нардом), где молодежь танцевала, устраивала игры, смотрела кино. Электричество для киноаппарата получали от динамомашины, или движка, крепившегося к обыкновенной скамейке. Динамомашину нужно было приводить в движение вручную. Вот мы, малыши, чтобы посмотреть кино, нанимались крутить ручку динамомашины: крутим и смотрим.

В первый класс школы я пошёл в 1928 году, до школы я знал азбуку, отец научил. Отец окончил три класса начальной школы, умел и любил читать книги и газеты. Начальная школа в Ардони стояла далеко от моего дома, в поле, ближе к Клинцам. В этой школе учились дети только из Чернецкой. Запомнился особен-

но учитель-старичок, мы звали его Отец, строгий и очень внимательный к каждому ребенку. Все дети любили его и слушались.

В 1932 году я поступил в Ардонскую семилетнюю школу, которая находилась в бывшем селе Богородицкое. Теперь мне стало ближе ходить на занятия, перешел мост через речку – и в школе. В школьные годы я остался в семье один, старшие братья и сестры выросли и разъехались, кто на учебу, кто на работу. Родители часто болели, и я помогал им во всем. А заработал первые деньги летом во время каникул. Сосед маляр работал в Клинцах, в Тресте при объединении «Клинцсукно», он-то и стал брать меня на работу, но не в трест, а на халтуру. Отец в это время работал модельщиком на механическом заводе им. Калинина. Первую зарплату я отдал родителям, на их усмотрение. Оказалось, что я принес зарплату больше отцовой и тем был несказанно горд. Родители сразу купили мне хорошие брюки.

В школьные годы я был октябренком, пионером, а в 7-м классе стал председателем школьного Учкома. В мою обязанность входила организация досуга ребят во внеурочное время. В это время в Ардони уже была комсомольская организация, куда входил мой старший брат Марк. Он часто вечерами отсутствовал дома, чем-то был занят, но говорил, что выполняет комсомольские поручения.

Семилетку закончили восемь моих друзей одноклассников, все мы в 1941 году ушли на фронт. К сожалению, из восьми человек живыми вернулись только шестеро. А теперь мы с Василием Андреевичем Чигириновым остались вдвоем.

После окончания семилетки я поступил в Клинцовский Текстильный техникум. Здесь появились новые друзья, новые заботы. Но вскоре перешел на учительские курсы в Стародубское педучилище...

В начале 1930-х годов в селе Богородицкое был организован колхоз, был колхоз и в Ардони (Чернецкой). Мама моя работала в детских яслях колхоза. Во время коллективизации в Ардони были раскулачены две семьи. Одна из них семья Мельника, очень зажиточного человека. Из рассказов односельчан мне известно, что обе семьи были выселены из Ардони.

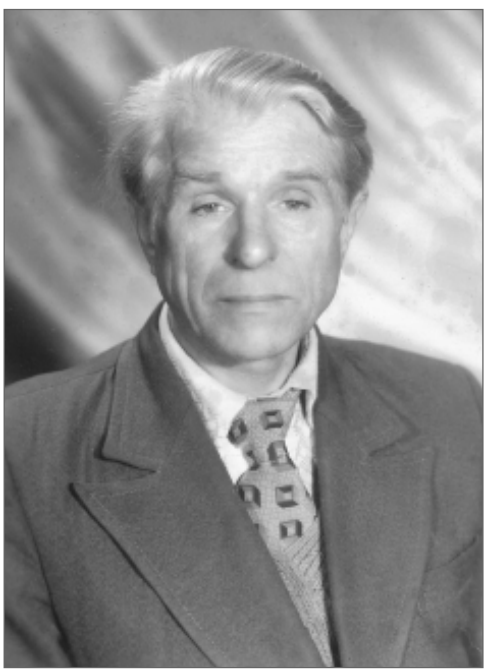
В Чернецкой (Ардони) была своя особенность, здесь было развито ремесло: кузнецы, плотники, столяры-краснодеревщики, слесари, которые имели свои кузницы, мастерские и брали наемных рабочих. После революции у кустарей изъяли кузни и мастерские и предложили им идти работать на Клинцовские заводы, а не заниматься кустарным производством. Кто-то после этого переехал в Клинцы или уехал в другие города, а оставшихся кустарей не

трогали. Потом в бывших Корявинских мастерских была создана колхозная мастерская для ремонта техники, куда пошли работать старые опытные мастера.

Голод 1930-х годов охватил и жителей Ардони. Но наша семья пережила голод легче других, никто в семье не опухал от голода, все остались живы. Произошло так, потому что отец в это трудное время ушел с завода и уехал в Стародубский район, где устроился на работу в колхозе плотником, колесником, работал за хлеб и за продукты. Мы с мамой ходили к отцу и приносили от него какую-то часть продуктового заработка домой. Мама в это время занималась шитьем на продажу. Мама стегала одеяла, шила верхнюю и нижнюю одежду по лекалам и выкройкам, за свой труд она получала плату продуктами».

Воспоминания остались незавершенными в связи со смертью Василия Анатольевича Смирнова (в мае 2005 года).

5.5. Воспоминания Василия Андреевича Чигиринова



Василий Андреевич Чигиринов

Из биографии

Я, Василий Андреевич Чигиринов, родился в 1922 году в селе Богородицкое Клинцовского района. Мать, Пелагея Романовна, умерла от заражения крови, когда мне было 14 лет. Отец колхозник, женился на женщине из села Коржовка, которая оказалась хуже «мачехи», и я ушел со двора в чем стоял. Сначала жил у деда Василия Даниловича, затем у тетки Гали (Анны), но вскоре устроился в артель маляров в Клинцах, нанял угол и стал жить самостоятельно. Работал с утра до вечера, красил фасады домов, стены, двери. Платили так мало, что хватало в день на французскую булочку и на стакан морса. За лето я исху-

дал, у меня стала кружиться голова, а перед глазами летать «мухи». А к осени работы вовсе не стало.

На фабрике Ногина (Дурняцкая фабрика) меня, худого и бледного, смилостивились и приняли на работу в лабораторию штапельщиком. Но для устройства на работу нужен был паспорт, а у меня на руках даже метрики не было. Я, рано покинувший родительский дом, не знал даже дня и года своего рождения. Метрики не было ни у кого в нашей семье, не было и паспортов: колхозникам паспортов не выдавали. В милиции в паспортном столе со мной побеседовали и дали направление в больницу, чтобы врач написал, сколько мне лет от рождения. Врач взял 8 лет до школы, прибавил 7 классов, которые я закончил, и еще год, и выдал справку, в которой написал: «рождения 1922 года». Врачебной справки оказалось достаточно, чтобы мне выдали паспорт и приняли на работу.

В фабричной лаборатории в мою обязанность штапельщика входило определять качество шерсти, для чего нужно было измерять длину ста волосков шерсти, взятых из разных тюков, поступивших на фабрику, записывать в таблицу и с помощью арифмометра вычислять среднюю их длину. Я старательно исполнял свои обязанности, и мною были довольны.

Я жил на другом берегу речки Туросны Кортавой, в Дурняцком поселке, где снимал угол. Зима в тот год началась сразу с сильных морозов, а я ходил в легких летних сатиновых шароварах. На работу и с работы, чтобы не замерзнуть, я бегал бегом. А мороз день ото дня крепчал, и произошло то, что должно было случиться, я обморозился. Пораженная кожа на внутренней поверхности бедер вздулась пузырями. Врач прописал мне мазь, и я стал по вечерам мазать места обморожения. Но хозяйка вздумала, что я болен какой-то заразной болезнью и приняла решительные меры. Вечером после смены, было уже темно, я прибежал домой, а у калитки снаружи стоит мой чемоданчик с вещами. Я стал стучать в калитку, в ставни, но мне не открыли. А мороз уже пробрался под платье, и я стал замерзать. Изо всех сил я побежал обратно на фабрику, стал стучать в дверь проходной, но никто не открывает, время позднее. Меня охватило отчаяние. Я сбежал со ступенек, поскользнулся, выронил чемодан, и он со страшным барабанным грохотом покатился по замерзшему насту. Громкий звук, подобный разрыву гранаты, видимо, заинтересовал вахтера, и он открыл дверь проходной. Увидев раздетого замерзающего подростка, вахтер смилостивился и пустил меня обогреться в своей комнатке. Там я оставался до утра. Вахтер, а может быть выпавший из рук чемодан спасли меня от смерти.

Женщины-лаборантки окружили меня заботой, разрешили жить бесплатно в лаборатории, что только упрочило мой месячный бюджет. Зарплата была маленькая, едва хватало на еду. Путем экономии я собрал деньги и купил ситцевые штаны, которые одевал поверх прежних сатиновых шаровар, купил поношенную свитку и ботинки.

Мое воображение в эти годы волновала авиация. Над Клинцами постоянно летали учебные самолеты У-2, на Почетухе работала парашютная вышка, летом 1937 года в Клинцах в здании Петропавловской церкви был открыт аэроклуб. Я записался абитуриентом в аэроклуб. В аттестате об окончании 7 классов Ардонской школы у меня были оценки «хорошо» и «отлично». Но на медицинской комиссии мое тщедушное тело, страдающее от анемии и от хронического недоедания, стало препятствием к зачислению на лётное отделение. А на отделение механиков меня приняли. Учился я старательно. На цвинтаре Петропавловской церкви был установлен самолет У-2, позже их стали называть ПО-2. В классах на стендах находился такой же У-2 только в разобранном по деталям и узлам виде. Я изучил самолет до винтика. Через год мне выдали справку, что я «закончил курсы авиатехников в Клинцовском аэроклубе» и что учился на одни пятерки.

Штапельщиком на фабрике я проработал 9 месяцев и уволился: зарплата меня не устраивала. Наступило теплое время года, и я снова стал работать маляром. Нельзя сказать, чтобы прилавки магазинов в те годы были пустыми, но всё было так дорого, что я по-прежнему ходил голодный. В аэроклубе меня включили в списки желающих поступить в Серпуховское авиационное училище на отделение авиамехаников. Железную дорогу в Серпухов и питание мне оплатили, документы приняли, но училищная медкомиссия до экзаменов меня не допустила. Не приняли и Ваню Федорова, а Ивана Зябкина приняли. Он воевал летчиком, вернулся с войны и дожил до глубокой старости.

Я уже не представлял себе жизни без авиации. Стал искать работу, чтобы быть рядом с самолетами. В Клинцах аэроклуб был учебный, а лётный аэроклуб находился в Гомеле. Поехал в Гомель, нашел штаб Аэроклуба, меня выслушали, проверили на знание материальной части, после чего предложили написать подробную автобиографию, приняли от меня документы и сказали: «Возвращайся в Клинцы и жди». Через две недели получил письмо с уведомлением срочно прибыть на работу.

Аэродром тогда находился в Новобелице. Меня взяли механиком звена самолетов в первую эскадрилию. В первый же день по прибытии я представился командиру звена, такому же, как

и я, мальчишке, на год или два старше меня по возрасту. Поздоровались за руку, он задал пару вопросов и тут же увлек меня к новому самолету, дескать, пойдем «обкатаем новичка». Он указал мне на заднюю кабину, я быстро и с радостью вскарабкался, сел в кресло. Летчик крикнул мне «пристегнись» и стал заводить мотор. Я потянул пристежные ремни, а они не выдергиваются, насилу вытянул один ремень, пристегнул его на левом бедре, а остальные ремни заело, они не вытаскиваются, самолет новый, не облетанный, ремни как клеем прихвачены. Самолет уже пошел на взлет, стал набирать высоту, а я всё никак не могу справиться с ремнями. Неожиданно для меня самолет опрокинулся на бок, пошли на вираж, затем летчик стал выписывать в небе фигуры высшего пилотажа. Он бросал самолет в штопор, делал мертвую петлю, снова пускал самолет в штопор. Я то повисал на единственном ремне, держась за него крепко руками, то перегрузка вдавливала меня в кресло на виражах или при выходе из штопора. А я, ни разу не летавший на самолете, сижу в кабине практически не пристегнутый, то упираюсь руками в стены кабины, то хватаюсь за единственный пристежной ремень. Когда приземлились, я был совершенно обессилен. Летчик обернулся ко мне и весело спросил: «Ну, как впечатление, новичок?». А я говорю: «Готов летать еще, вот только надо пристегнуться».

Летчик заглянул ко мне в кабину и закричал чуть ли не в истерике. Он вылил на меня весь запас брани, попутно разъяснил, что мог потерять меня в небе и пойти под трибунал. Потом поостыл и стал шутить: «Для такого худого и четырех лямок мало, можешь выскользнуть из-под них, а ты удержался на одной. Герой!».

В конце концов радость от удачного полета и оттого, что я живой, взяли верх, и минутный взрыв негодования закончился объятиями, смехом и шутками.

Несколько дней я оставался предметом всеобщего любопытства и насмешек. А для меня тем временем наступили счастливые дни жизни.

Все работники аэродрома и курсанты Аэроклуба жили по квартирам. За работу платили мало, но хорошо кормили. Например, на завтрак была жареная картошка, 2 котлеты, или большой кусок мяса, или шницель, булочка с маслом, кофе. На обед – суп с мясом, второе с мясом, а на ужин давали талон, который можно было отоварить в любой столовой Гомеля и заказать любые блюда. Такое изобилие на столе я видел впервые. Правительство всерьёз относилось к делу воспитания и выращивания будущих летчиков.

Через месяц, когда я приехал в Ардонь на побывку, меня родная тетка не узнала, так я поправился и окреп. Зимой Новобелицкий гарнизон перевели в Речицу.

В конце мая 1941 года учебные полеты вдруг прекратились и всех отправили в отпуск, кроме летчиков инструкторов. Сказали вернуться к первому июля.

В первых числах июня 1941 года я приехал в Ардонь в летной форме, остановился у тетки Гали (Анны Васильевны). Помогал ей по хозяйству, много читал, встречался с друзьями, смастерил детекторный радиоприемник и с упоением слушал радиопередачи, слушал выступления артистов, музыкантов, чтецов, поэтов. Мой детекторный приемник принимал Москву и голос Киева. 22 июня утром в наушники я услышал тревожные позывные, а потом с замиранием сердца выслушал выступление товарища Молотова. Я выскочил во двор и не то что сказал, закричал: «Крёстная, только что в наушниках я услышал, что немцы бомбили Киев, война началась». «Лоб твой одурел, какая война?». «Крестная, говорю тебе война». Тетя Галя так и осталась стоять, как завороженная, а я стремглав помчался к своим друзьям Федору, Петьке и Виктору Севереным, сыновьям репрессированного священника. По дороге всем встречным я сообщал страшную новость. Вскоре всё село гудело, как пчелиный улей.

Утром я поехал в Гомель, но аэроклуба на месте уже две недели не было. Вернулся в Ардонь, работы нет. Пошел в военкомат, а там призывают по годам. Сказали, ждите повестки, вызовем, когда начнем призывать молодежь вашего года рождения.

Уже с 23 июня по селу стала бегать от хаты к хате Маша из Сельсовета, разнося повестки. На фронт брали в первую очередь мужчин старшего возраста. Каждый день объявлялся призыв очередного года. Призывники собирались у здания Сельсовета, где теперь клуб и здание поселковой администрации, а оттуда строем, под началом присланного из города армейского командира, уходили в Клинцы. Бабы и дети висли на плечах у мужиков, кричали, причитали.

Радио сообщало то об успехах наших войск в боях с фашистами, то о том, что наши войска с боями оставили очередной город. А между тем через Ардонь с запада потянулись беженцы, они шли в сторону Стародуба. В Ардони, в помещении бывшего корявинского склада, а тогда магазина, был устроен питательный пункт для отступающих войск, призывников и беженцев.

Через месяц настала очередь призыва моего года рождения. В повестке было сказано явиться на сборный пункт во двор Текс-

тильного техникума, при себе иметь ложку, кружку и запас продовольствия на трое суток. Год 1921-й был призван еще до войны. Теперь призывали 1922 и 1923 год, а 1924 год не призывали.

Рано утром во дворе Текстильного техникума уже толпились призывники с котомками за плечами. Целый день прошел в ожидании, и только в 6 вечера всех построили и объявили: идите самостоятельно до Комарич по маршруту: Клинцы, Ардонь, Мартьяновка, Кабановка, Стародуб, Трубчевск, Комаричи. В Комаричах обратитесь в военный комиссариат, там вас ждут. Уже через час мы шли по улицам Ардони, я искал глазами кого-либо из близких, но никого не заметил, а оставить колонну и забежать к тетке не имел права. Ночевали в лесах, на еловом лапнике, было ещё тепло. Мы шли не к фронту, а в глубокий тыл, ибо немцы были уже близко, возле Брянска. Шли, держась своих односельчан. Начальства над нами не было, останавливались на отдых, когда появлялась усталость.

В Трубчевск пришли вечером, перешли Десну по понтонному мосту и пошли на Комаричи. Дорога долго шла среди заливных пойменных лугов. Наконец мы вышли к опушке большого Брянского леса и стали на отдых. Смотрим, беженцы и мобилизованные, за которыми мы шли в течение нескольких дней, возвращаются из леса и нестройной толпой спешат обратно в Трубчевск. Подходит к нам гражданский человек высокого роста и начинает стращать: «Не идите дальше, хлопцы, в лесу миллионы беженцев белорусов, голодных, злых, кору едят, убивают за кусок хлеба. В Брянске и в Комаричах уже немцы». Стал советовать возвращаться домой. А еще до этого прошел слух, что немцы расстреливают всех коммунистов, комсомольцев и даже пионеров, то есть все мы, молодые хлопцы, уже приговорены к расстрелу. Мы посовещались, и человек 10 ардонских ребят решили идти вперед. Остальные вернулись в Ардонь. Их судьба незавидная. В 1943 году они были мобилизованы наступающими частями Красной армии и в составе штрафных рот погибли при форсировании Днепра.

Смеркалось, мы шли лесом, но никого ни на дороге, ни в лесу не встречали. Стемнело, мы вышли к развилке дорог. Стали присвечивать спичками, искать следы ног, куда пошло больше людей. Взяли вправо, прошли немного и увидели сквозь деревья огни. Дорога вывела нас на лесную поляну, на которой отдыхало стадо коров. Рядом стоял барак, в нём вповалку спали люди. Женщина, отворившая дверь, сказала, что это отдыхают пастухи, которые перегоняют колхозных коров в тыл страны, а здесь остановились

подоить коров и переночевать. Молока было так много, что его сливали на землю, некому было отдать. Женщина поставила перед нами бидон молока: «Пейте, родимые, сколько хотите, больше ничего нет». Мы за дорогу устали, изголодались, выпили по нескольку кружек молока и легли спать. Проснулись, когда было светло, но ни пастухов, ни коров уже не было. Лесная дорога к полудню привела нас в лесную деревню, где нас стали зазывать в дома и угощать обедом. Оказывается, в деревне был питательный пункт для призывников и беженцев. Значит, мы шли правильным путем. Здесь нас накормили, указали прямой путь, и к 7 часам вечера мы пришли в Комаричи.

О немцах в Комаричах и не слыхали. Весь пришлый народ, тысячи людей, разместился в березняке Марьина роща. Мы поспешили на станцию и там нашли ответственного человека за сбор призывников. Он сказал, что через час сюда придет порожняк, садитесь в любой вагон и вас повезут. Ближе к рассвету пришел состав из столыпинских вагонов-телятников, мы быстро погрузились, и поезд вскоре тронулся. Никто нас не считал, не переписывал, едем, не знаем куда. Долго стояли в Курске, потом опять дорога. Наконец поезд остановился где-то в поле, по вагонам пронеслась команда разгружаться. Выяснили, что привезли нас в село Хреновье Воронежской области. Приехала одна молодежь и все из Орловской области (тогда, в 1941 году, Брянской области еще не было). Стали расселяться по домам. Человек десять Ардонских ребят поместили в баню. Хозяин пояснил, что мы попали на Хреновской конезавод, где выращивают орловских рысаков. Через день-другой нас отправили километров за 20 в одно из отделений конезавода, где мы работали до ноября 1941 года. В конце ноября призыв наш в армию был наконец оформлен. По документам я призван не Клинцовским РВК, а Хреновским Райвоенкоматом Воронежской области.

Призывникам объявили, что их направляют в Воронежское авиационное училище по подготовке авиаспециалистов. Я обрадовался, что буду служить в авиации. Но вместо учебы мы занимались эвакуацией Воронежского авиационного завода № 30, который выпускал самолеты Илы. Мы выносили станки, грузили их на платформы и отправляли в тыл. Затем нас перевели в Борисоглебск, сказали, якобы будем «учиться на истребителей». Я снова обрадовался, что теперь уже осуществится моя давняя мечта быть летчиком.

В Борисоглебск приехали ночью, на улице мороз, конец ноября, мы ещё в летнем обмундировании, а до лагеря 5 километров.

Идем в темноте, с шага переходим на бег, чтобы согреться, затем снова идем шагом, отдыхаем. Пришли в какой-то лес, нас построили и приказали ждать в строю. Вышел командир, объявил, чтобы на ночь разместились в конюшне. Я отыскал место среди спящих коней, зарылся в сено рядом с головой лошади, укрылся шинелью и уснул. Утром нас накормили пшенной кашей и объявили: «Вы прибыли в бывший лагерь ОСОАВИАХИМа, теперь здесь размещен 55-й запасной пехотный полк, срок обучения три месяца, а затем на фронт. А сейчас необходимо срочно построить землянку, поскольку жить вам негде».

Еще по теплу во дворе был вырыт котлован для землянки, а теперь, зимой, он стоял занесенный снегом. Нас подвели к котловану и сказали: «Стройте землянку, делайте перекрытие, накат и живите». Выдали пилы, топоры. А земля твердая, как железо. Мы разбились повзводно и работали поочередно: одни очищали котлован от снега и льда, выправляли стены, другие добывали в лесу строительный материал. А лес – один дубняк, молодой и кривой, ни сосны, ни березки. Из такого кривого материала настелили перекрытие, из более ровных стволов сделали нары. Работало человек 300, и за несколько дней мы оборудовали землянку метров 50 длиной. Накат из жердей застелили дубовыми листьями и травой, которые собрали в лесу из-под снега, поверх листьев насыпали снег и стали обживать землянку.

На занятиях нас учили удару штыком «коли коротким», «коли длинным», учили ходить в атаку, маскироваться, ползать по-пластунски, окапываться и прочей пехотной науке. Мне за сообразительность и старание через неделю присвоили звание сержанта.

Как-то на отдыхе один товарищ говорит, что пришел приказ Сталина № 30, в котором сказано, что всех, кто попал в пехоту не по специальности, выявлять и направлять в части согласно военной специальности. Мы написали коллективный рапорт, что все мы авиаторы и желаем служить в авиационной части, приложили список фамилий и подали в штаб.

Через пару дней ночью нас подняли по тревоге, построили у штаба и приказали бегом отправляться в Борисоглебск, чтобы завтра успеть прибыть на пересыльный пункт в Воронеже. А расстояние от лагеря до Борисоглебска 5 километров. Прибегаем в Борисоглебск взмокшие, обратились к коменданту станции, а он говорит, что на станции стоят эшелоны с техникой, и все они должны идти на Воронеж, ищите место среди техники. Стали ходить по путям, искать, а поездные составы состоят из одних платформ. Темно, светомаскировка, ничего не видно. Наконец нашли теп-

лушку, открыли дверь, откуда на нас пахнуло лошадиным теплом. Мы согнали коней в одну сторону, на другой половине расстелили сено, легли и поехали. В Воронеж прибыли часа в 4 вечера.

В Воронеже в эти недели на пересыльном пункте собирали всех, кто вышел из окружения, проверяли документы, устанавливали личность, формировали подразделения и отправляли на фронт. Народу в городе было много.

Нас разместили в здании школы, покормили. Вечером пришел старшина и предложил: «Хлопцы, кто пойдет со мной разгружать вагон, завтра получит сутки отдыха». Из всех, кто был в комнате, согласился я один, остальные отказались. Я надеялся, что попаду на разгрузку чего-нибудь съестного, а оказалось, разгружать нужно каменный уголь, целый пульмановский вагон. Уголь смерзся, превратился в монолит. Стали долбить ломами, ковырять лопатами. Под смерзшейся коркой обнажился теплый уголь, и работа пошла быстрее. Под утро работу закончили, и я вернулся в школу, а ребят в комнате нет. Оказывается, вечером всех вызывали к лейтенанту «покупателю», он беседовал с каждым и понял, что никто из них не знаком с авиационной техникой, и всех отправили в пехоту и на фронт.

Я вернулся в комнату уставшим, голодным, попил воды и тут же уснул. Через час меня растолкали, разбудили, и я предстал перед «покупателем».

Это был молодой лейтенант, он задал мне несколько вопросов, и на все вопросы я быстро и грамотно дал ответ. Вопросы были по маркам самолетов, по материальной части, по ремонту самолетов. «Покупателю» нужно было отобрать 25 человек, меня он записал первым и отпустил, наказав, чтобы к 2 часам дня я был готов. «Как крикнут: “Команда 25 собраться!”, сразу стать в строй».

В 2 часа нас покормили обедом, погрузили в теплушку и повезли в город Кирсанов. Там находились авиационные мастерские авиационной дивизии. Но в мастерских работать мне не довелось. Я был направлен в авиационный полк по обслуживанию ИЛов. Летчики вылетали на боевые задания, в основном, по ночам. В нашу задачу входило обслуживание аэродромов, мы строили ложные аэродромы, делали фанерные самолеты-манекены, красили их, расставляли по опушке леса, маскировали самолеты, подвозили горючее к боевым самолетам, подносили боеприпасы, подвешивали их к самолетам, то есть обслуживали авиационную дивизию.

В июне 1942 года меня направили в 822 БАО (батальон аэродромного обслуживания), выдали проездные документы и паек в дорогу на 5 дней. Добирался я до места службы попутным желез-

нодорожным транспортом, нашел свою часть и служил в ней до января 1943 года, когда меня опять перевели, теперь уже в школу младших специалистов в город Ардатов, что в Мордовии. В школе готовили специалистов мотористов, прибористов по обслуживанию авиатехники. Меня определили в отделение по авиавооружению. Через 3 месяца учебы я получил запись в красноармейскую книжку: «Авиамеханик по вооружению» и назначение в 173 авиаполк в прифронтовой зоне. В авиаполку были бомбардировщики СБ-3, П-2, ТБ-3. А вскоре часть вооружили американскими «Боингами». В составе этого полка я закончил войну в городе Бриг в Германии.

Во время службы в 173 авиаполку произошел случай. В октябре 1943 года часть перебрасывали из Алсуфьево на новое место дислокации за Гомель. Клинцы и Ардонь только что освободили от немцев. Почта ещё не работала, и я не знал, кто в Ардони остался жив после оккупации, сохранился ли родной дом. Маршрут авиаполка лежал через Клинцы. Батальон обслуживания летел на транспортных самолетах «Дуглас». Самолеты шли на небольшой высоте вдоль железной дороги. Я попросил летчика чуть изменить маршрут и пролететь над Ардонью. Разрешение от командира 3-й эскадрильи капитана Астрединова было получено, и вот я лечу над родными просторами. Вон наша речка Ардёнка, вон знакомые улицы, вон церковь, вот мой дом. Еще при подлете я приготовил письмо. Нашел кусок белой ткани, привязал к ней веревочку и небольшой груз, а на ткани красной краской, какой мы подкрашивали звезды на фюзеляже и крыльях, написал: «Жив, воюю, Вася Чигиринов». Летчик сделал облет вокруг церкви, в этот момент я открыл люк и сбросил свой вымпел. Его подхватило ветром и понесло куда-то в сторону, а мы полетели на Гомель. Это было первое моё письмо с фронта в родную Ардонь.

Через две-три недели на окраине Новозыбкова под Тростанью сел на аварийную посадку на полевой аэродром наш истребитель, он нуждался в ремонте. Группу ремонтников в составе полевой авиаремонтной мастерской (ПАРМ), и меня в их числе, посадили в транспортный самолет и перебросили в Новозыбков. После оценки характера поломки оказалось, что предстоит работа на две-три недели, не меньше. Я обратился к командиру и попросил дать на сутки увольнительную, чтобы съездить в Ардонь. Командир выдал увольнительную, но приказал пойти к Новозыбковскому военкому и поставить печать на увольнительной. Я помчался в военкомат, военком связался по телефону с командиром, удостоверился в подлинности моих документов и поставил на увольнительной печать.

И вот я уже на станции, ловлю попутный товарняк. Пассажирские поезда тогда не ходили, все пассажирские поезда были приспособлены под госпитали. Я вскочил на подножку проходящего товарняка, доехал до Клинцов, а там уже рукой подать до Ардони. Встретила меня тетка Галя и запричитала: «Мы уже думали, что тебя не дождемся. Написал письмо кровью и помер». Оказывается, вымпел мой заметили, подобрали, но красную краску приняли за свежую кровь: последнее послание, написанное кровью. Мы обнялись, поплакали и сели за стол. Целый день в дом приходили соседи, я всем рассказывал о своей службе, о скорой победе и в свою очередь расспрашивал, что происходило в Ардони во время оккупации. Поразила меня страшная нищета, жители Ардони влачили полуголодное существование. Я отдал тетке весь запас продуктов, утром сел на попутный поезд и вернулся в Новозыбков.

Служба аэродромного обслуживания оказалась несладкой. Самолеты вылетали на задание только ночью. Каждый самолет был обеспечен специальным прибором для обнаружения летящей цели, поэтому летчики отправлялись в свободный поиск, или «на охоту» за немецкими бомбардировщиками. Мы же обеспечивали безопасность взлета и посадки. Во время приближения к аэродрому летчик давал знать о себе по рации, так отличали своего от чужого, затем поступала команда быть готовым принять самолет. А перед заходом на посадку летчик давал сигнальные огни. Аэродромная служба на короткий момент включала посадочные огни и прожектора, подсвечивая посадочную полосу. Как только самолет касался колесами земли, посадочные огни выключали, и летчик в темноте доруливал до места стоянки.

Однажды только что самолет приземлился, а вслед за ним на посадку заходит следующий. Как положено, летчик дал сигнальные огни, мы включили аэродромную подсветку. Но самолет начал набирать высоту и забрасывать нас килограммовыми кассетными бомбами. Сделал один круг над аэродромом, второй, сбросил бомбы и улетел безнаказанно.

Немцы знали о нашем аэродроме, но пробиться к нему было трудно: вокруг стоял мощный противовоздушный зенитный заслон, а такой прием ночной атаки оказался уязвимым для нас. Немец пристроился в хвост нашего самолета так, что тот его не заметил, хитрость летчика удалась, и он атаковал аэродром.

Днем спать тоже не было возможности, весь день был заполнен аэродромными работами, велась подготовка самолетов и площадок к ночным вылетам. После возвращения самолета с боевого

задания необходимо было снять пушки и пулеметы, почистить и поставить их на место. В каждой пушке было пудов по пять. А «Боинги» были высокими самолетами, в отличие от наших самолетов они опирались на три колеса, расположенных впереди под фюзеляжем и под крыльями, а хвост оставался без опоры. Шасси для колес были высокими. В головной части самолета было установлено 4 пушки, а по бокам 2 крупнокалиберных пулемета. Под каждым крылом подвешивались установки РС, типа «Катюши». Снаряды для пушки были упакованы в барабаны весом около 20 кг. Такой барабан нужно было положить на плечо, взобраться по алюминиевой лесенке на высоту двух с половиной метров, вставить в окошко в фюзеляже в затвор пушки. Не приведи Господь уронить оружие, попадешь под разбирательство. Ленты для крупнокалиберных пулеметов тоже были нелегкие. В день нужно был обслужить от 4 до 5 самолетов, и мы вшестером целый день занимались поднятием тяжестей.

Все солдаты страдали от хронического переутомления и недосыпания. Ходили полусонные. Станешь у дерева, упрешься в ствол лбом, вздремнешь минутку и вперед. Был случай, когда один солдат от бессонницы сошел с ума: стал стрелять в стоявшее перед ним колесо и всех звать в атаку на наступающие немецкие танки. Мы сбежались на выстрелы, но командир приказал не приближаться к солдату, пока он не расстреляет все патроны. Когда стрельбы стихла, солдат изготовился броситься в штыковую атаку и стал командовать нам: «Вперед, в атаку!». Буйно помешанного солдата взяли, отвезли в госпиталь, там он отоспался и через неделю вернулся в часть здоровым.

Во время штурма Берлина мы стояли в Германии возле города Бриг. Боевых вылетов не было, так как немецкой авиации уже не существовало, сбивать было некого. С апреля 1945 года солдаты несли только караульную службу и отсыпались.

В один из майских дней 1945 года я стоял в наряде у полкового знамени. В нескольких метрах от меня за столом у телефона находился дежурный по части. Со сменщиками мы сговорились стоять у знамени не по 4 часа, а по 8 часов. По жребию мне выпала ночь. Стою, тихо вокруг, и в тишине слышен только бой часов, отбивающих время. Во многих дворах у немцев стояли часы с боем, удары которых хорошо были слышны даже в закрытом помещении воинской части. Дежурный уснул за телефоном, а я борюсь со сном изо всех сил, смотрю в окно и вдруг вижу в небе следы от трассирующих пуль: один след, два, десять, сотни, небо от летящих пуль стало гореть огнем, отчего в штабе стало

светло. Затем вспыхнул фейерверк. В это время зазвонил полевой телефон, а дежурный спит, не слышит. Я в нарушение устава сошел с почетного поста, подошел к дежурному, разбудил его и быстро вернулся к знамени.

Дежурный поднял трубку и спросонья не может понять, что ему говорят, только повторяет: «Не пойму, не слышу, говорите громче». Наконец понял, вскакивает из-за стола, стал метаться по дежурной комнате, затем выскочил во двор и побежал к штабу. Минут через пятнадцать в штабе собралось все начальство, шумят, смеются, обнимаются, звонят по телефону, спрашивают: «Это правда? Это правда?». В дежурную комнату вбежал командир авиаполка и устремился ко мне весь в слезах: «Сынок, родненький, победа!», обнял меня, поцеловал, расчехлил знамя и целует его, целует меня, обнимает: «Сынок, войне конец, победили!». По щекам командира текут слезы, я тоже плачу от радости. Не могу без слез вспоминать ту минуту.

Так прошла последняя ночь войны. Под утро меня сменили у знамени, и я вышел на улицу, а улица вся запружена солдатами, все, как сумасшедшие, обнимаются, пляшут, валяются по земле, кричат, смеются, плачут. Кто-то прыгнул мне на плечи: «Браток, кончилась война». А у меня винтовка ещё заряжена, я вынул затвор, чтобы не было случайного выстрела. До аэродрома 5 км не прошел, а пробежал. Вошел в казарму, а мне подносят кружку спирта. Я, голодный, глотнул этой заразы, закусить не дали, а уже суют в руки гармошку, играй цыганочку. Я стал играть цыганочку, плясовую, всё подряд, и играл до изнеможения. А вокруг все, уже опьяневшие, как бешеные, пляшут, кричат, обнимаются. Вдруг подошел ко мне сержант, резко сдавил меха гармошки, гармонь застонала, стало тихо, и я услыхал, как в другом углу казармы суетились и шумели солдаты.

Пока я играл мелодии, ротный почтальон принес и раздал письма. Один из солдат прочитал письмо, в котором сообщалось, что родители его погибли, и стал наставлять на себя оружие. Солдата смяли, отняли оружие, дали водки и уложили спать. Пока была суматоха, я уснул мертвецким сном. Но меня разбудили, поставили в строй, и мы пошли в город Бриг на митинг. А идти нужно пять километров, которые два часа назад я преодолел бегом.

В 10 часов утра в городском парке начался митинг. Посреди площади уже стояла грузовая машина с откинутыми бортами, застеленная красной кумачовой тканью, вся изукрашенная зелеными березками, красными лентами, флагами, портрет Сталина на почетном месте. В парке собралась вся дивизия. Тут нашлись желающие сказать с трибуны красное словцо и станцевать, появи-

лись на сцене поэты, рассказчики. Затем поступила команда автоматчикам дать салют. Началась пальба, которая не прекращалась до последнего патрона, и только тогда наступила тишина. Вдруг шум: кого-то убили. Погиб капитан Теселев. Пуля попала ему в подчелюстную область справа и вошла в голову. Видимо, он доставал пистолет и выстрелил в себя сам. Через день состоялись торжественные похороны. Тело капитана Теселева опустили в землю через день после Победы, оставив навечно в Германии, в городе Бриг.

Война закончилась, а служба в Германии продолжалась до осени: солдаты помогали немцам убирать урожай хлебов, солдаты работали на полях, убирали завалы, разминировали поля.

Осенью 1945 года нашу часть перебросили под Калинин (Тверь) на аэродром Мигалово, там весной 1947 года я закончил службу.

Выписка из военного билета Василия Андреевича Чигиринова

1-я школа младших авиаспециалистов: курсант, сентябрь 1941 – ноябрь 1941.

55 запасной пехотный полк: стрелок, ноябрь 1941 – февраль 1942.

14-е Стационарные авиационные мастерские, г. Кирсанов: старший моторист, февраль 1942 – июнь 1942 г.

822-й Батальон Аэродромного обслуживания (БАО) – июнь 1942 – январь 1943.

Школа мл. авиаспециалистов (Ардатов): курсант, январь 1943 – апрель 1943.

173-й истребительный Авиационный полк: механик по авиавооружению, апрель 1943 – март 1947.

После войны

«Из армии я сразу вернулся в Ардонь, поселился у тетки Гали, три месяца работал в колхозе. Задание каждому колхознику было вскопать 3 сотки в день. Работы распределял мой отец. Лошадей не было, пахали на коровах, а больше на себе. Пять человек впрягались и тянули плуг. Я работал один, копал лопатой. Была весна, и люди торопились посеять хлеба. В первую очередь сеяли ячмень.

После посевной я устроился учеником токаря и слесаря в Клинцах на механическом заводе им. Калина (Калинзавод). Потом работал на заводе им. Щорса слесарем. В свободное время играл на аккордеоне, на гармошке, играл на танцах, руководил хором и всей заводской самодеятельностью.

В.А. Чигиринов

Однажды директор ардонской школы Николай Африканович Ланский пригласил меня руководить кружком самодеятельности. Я согласился, и меня зачислили на ставку секретаря. Поработал несколько месяцев, а директор говорит: “Василь, иди учись заочно в Стародубе”. Через два года в Стародубе заочно я закончил 10 классов и получил звание учителя начальных классов. Тем временем Ланский стал Заведующим РайОНО. Он направил меня в Душкинский детский дом заведующим школой при детском доме и учителем начальных классов. Это было в 1950 году.

Потом я поступил в Новозыбковский пединститут, тоже случайно. Был в Новозыбкове по работе, зашел в парк, а там висит объявление о приеме абитуриентов на очное отделение Пединститута. Думаю, зайду, спрошу.

На дневное и заочное отделение приём документов уже закончился. Но Веремьев, ректор по заочному обучению, сказал, что сделает для меня как участника войны исключение и примет документы. Я вернулся в Клинцы, взял в военкомате справку, что был в действующей армии, и на следующий день сдал документы в институт. На подготовку к экзаменам оставалось три дня. Я читал учебники по истории, литературе день и ночь, экзамены сдал на тройки, но меня приняли на заочное отделение исторического факультета Новозыбковского учительско-педагогического института.

Через четыре года заочного обучения я получил диплом с правом преподавать историю в 5–7 классах. А поскольку этот диплом рассматривался как диплом о незаконченном высшем образовании, весь курс перешел на заочный педагогический факультет, где учиться нужно было еще три года. Через семь лет учебы я получил законченное высшее образование. Занятия у заочников проходили в основном во время весенних и летних школьных каникул.

Учил нас Безяев, он вел историю КПСС, и Самочатов – литературу, оба были кандидаты наук и оба слепые, но очень знающие

педагоги. Веремьев, фронтовик, был ректором заочного обучения и тоже преподавал историю.

Некоторые педагоги приехали в Новозыбковский институт из Ленинграда. Тогда велась кампания преследования космополитов, и евреев увольняли из столичных ВУЗов. Раскин, кандидат исторических наук, преподавал новейшую историю. Коган, кандидат исторических наук, преподавал историю СССР. Профессор Расторгуев преподавал литературу, но я у него не учился.

Со мной учился Иван Платонович Ковалев и Дмитриев, мы вместе закончили институт и вместе работали в ардонской школе. Ковалев сразу был назначен директором школы.

С нами учился Зеболов, герой партизан, он служил в отряде Ковпака. Зеболов потерял на фронте обе кисти, учился отлично, память у него была бездонной. Зеболов остался преподавать в Новозыбковском институте и вскоре стал кандидатом исторических наук.

По окончании института я работал учителем сначала в Мартьяновской, а затем в Ардонской школах. На пенсию ушел в 1962 году, но еще 10 лет продолжал работать в Ардонской школе.

Ещё в 1950-е годы я стал серьезно заниматься литературой, печатал рассказы в клинцовской газете “Труд”, в “Брянском рабочем”, ездил в Брянск на литературные семинары, участвовал в первом организационном съезде Брянской писательской организации и в последующих её съездах. Опубликовал несколько своих книг: “Заря моей юности”, “И была жизнь”, “Память”, написал исторический роман “Рабыня”. В.А. Чигиринов»

Дополнение: Василий Андреевич Чигиринов первым занялся историей Ардони. Собирал фотографии, написал очерк по истории. Создал два школьных музея: в Мартьяновке и в Ардони, наполнил их документами и экспонатами.

В 1960–80-е годы В.А. Чигиринов неоднократно поднимал в местной газете вопрос о возрождении краеведения. За свою подвижническую работу В.А. Чигиринов получил «Почетную грамоту министерства просвещения РСФСР и республиканского комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений РСФСР». В 2005 году В.А. Чигиринов написал текст и музыку к песне об Ардони.

Жена В.А. Чигиринова, Лариса Степановна Шуварская, 1930 г.р. Сын Григорий Васильевич, 1953 г.р., дочь Галина Васильевна, 1962 г.р. и приемный сын Виталий Николаевич 1949 г.р. У Галины дочь, Ольга, учится в МГУ в аспирантуре при кафедре философии.

Очерк-воспоминание Василия Андреевича Чигиринова о посаде Ардонь и селе Богородицкое

«Главным занятием жителей посада Ардонь издавна были ремесла. Наиболее распространенным видом ремесел были кузнечное и столярное дело, красильное и бондарное. Во многих дворах ардонцев были свои кузни, мастерские. Земледелием ардонцы занимались мало. Небольшие участки земли были у каждого ардонца, но они сами землю не обрабатывали, а нанимали крестьян села Богородицкое. Одни ардонцы зарабатывали деньги на жизнь своим трудом, другие использовали наемный труд. Большое число хороших ремесленников-кустарей давало возможность местным богатеям использовать их труд для расширенного производства. Наиболее распространено в Ардони было экипажное производство. Отдельные семьи специализировались на производстве определенных деталей: колес, осей, рессор, ободов, хомутов, замков на хомуты, сундуков, кто-то занимался только лако-красочным делом, кто-то делал возки, кто-то сани.

Хорошие мастерские были у Корявина, где применялась современная на то время техника обработки металла и древесины – станки. Если кустари обрабатывали изделия вручную, то у Корявина дело было поставлено на промышленный лад. Изделия у Корявина выходили лучше и дешевле.

Рабочих у Корявина было много и получали они гроши, да и то не регулярно. Широко практиковался обсчет рабочих. Вместо платы деньгами рабочих посылали брать в долг продукты в Корявинской продуктовой лавке. Старожилы рассказывали, что при 14-ти часовом рабочем дне рабочие зарабатывали от 80 копеек до 1 рубля в день. Это в год получалось около 240 рублей. Подсобные рабочие получали не больше 50 копеек в день.

Василий Махоткин, бывший рабочий Корявинской мастерской, вспоминал: «Когда в 1917 году произошла Февральская буржуазно-демократическая революция, было приказано сократить рабочий день до 8 часов. Как же было странно нам, рабочим, когда мы впервые ушли с работы засветло, казалось, день был непомерно длинным, до этого мы и солнце отвыкли видеть, работали от темна до темна».

В мастерских широко использовался детский труд. Дети и подростки подносили детали, инструменты, дрова, поддерживали огонь в горне, приносили воду для питья, бегали в лавку за хлебом, убирали рабочее место, топили баню, заметали полы и т.п. За водкой не бегали, так как старообрядцы водки не пили. Кто был по-

старше, учился ремеслу. Детский труд тогда уже был запрещен. Если приезжал фабричный инспектор для проверки, то детей через задние ворота выгоняли на улицу и приказывали играть, бегать, пока не уедет начальство. Деньги за труд 8–10-летнего подростка получал родитель, это были копейки.

Многие жители Ардони нанималась на работу на клинцовские фабрики ткачами, прядачами, чернорабочими, кожевенниками. Отсутствие должных условий быта, охраны труда и вредность производства приводила часто к заболеванию кожевенников сибирской язвой. Туберкулез был постоянным спутником многих семей как рабочих, так и крестьян. «Сибирка», чахотка, воспаления легких уносили в могилу раньше времени сотни людей.

Анна Васильевна Чигиринова, моя тетка, вспоминала: «Уходили на работу в Клинцы ещё затемно, при первых петухах, и возвращались домой ночью. Солнце и день видели только по выходным дням и в религиозные праздники, когда фабрика стояла, не работала. За каторжный труд получали гроши, на которые могли купить только кусок черного хлеба. Нарядных платьев мы, девушки, знать не знали. Правда, мы видели красивые платья, но только на плечах богатых барышень, дочерей или жен клинцовских купцов и фабрикантов. Так за каждодневным трудом уходила наша молодость».

Жили ардонцы-старообрядцы в рубленых избах с деревянными полами, печи топили по-белому, а не по-черному, как во многих окружающих деревнях, заселенных малороссиянами. Дома у старообрядцев были крыты, в основном, деревянными досками, соломой могли накрыть только амбар или баню, и то редко. У богатых крыша была железная. Животных в домах не держали, а содержали их в теплых рубленых сараях. В каждом дворе была баня. В домах женщины держали цветы в горшках, много цветов росло во дворах и перед домом в палисадниках. В каждом дворе у старообрядцев – фруктовый сад. Постельное и нательное белье меняли еженедельно. Быт ардонцев заметно отличался от быта крестьян села Богородицкое.

В селе Богородицкое

Жители села Богородицкое чаще называли свое село Чернецкое, а жители Ардони называли свой посад Чернецкая. Разница всего только в роде, в который поставлено слово: женский или средний. В годы моего детства Ардонь была посадом, но название сохранилось с тех пор, когда Ардонь была слободой – “слобода Чернецкая”.

Жители села Богородицкое, в отличие от ардонцев, занимались, в основном, земледелием: сеяли рожь, изредка пшеницу, сажали картофель, лён, ячмень, просо, держали домашний скот: коров, лошадей, овец, свиней, птицу. Но не в каждой семье была лошадь или корова, хотя без них жизнь крестьянина немыслима. Не занимались Богородицкие крестьяне доходными промыслами, как ардонцы, а только сельхозработами.

С раннего утра, еще до наступления рассвета, крестьяне уже трудились, чтобы успеть сделать все работы по хозяйству, обработать свои поля и отправиться на приработки. А нанимались они обрабатывать поля своих соседей, что жили по другую сторону реки, к ардонским мещанам. Там они также пахали, сеяли, убирали, но за деньги. Но этого заработка было мало, поэтому с окончанием осенних полевых работ все богородицкие мужчины шли в отхожие промыслы. В селе оставались только женщины, старики и дети. Мужчины, включая подростков, уходили на заработки в разные места. Самым близким по расстоянию и доступным промыслом была заготовка леса. Одни пилили лес, другие вывозили колоды (стволы), третьи нанимались на лесопильные заводы или шли плотничать. Пильщиков было полсела. Лес пилили на брусья и на доски. Ардонских пильщиков можно было встретить в Стародубе, в Клинцах, Мглине, Сураже, под Харьковом и под Полтавой. Возвращались пильщики к весне. Заработки были малы, часто мужчины приезжали домой с одним кнутом. Случалось, в дороге проедали не только свой заработок, но и лошадь. Не обходилось без вмешательства «зелёного змия». Как правило, всю свою горечь и злобу мужики вымещали на своих женах, избивая их без всякой на то причины.

Нанимались богородицкие крестьяне возчиками для сопровождения изделий ардонских кустарей к местам сбыта. Кареты, кибитки, лондо упаковывали, грузили на сани и везли в Харьков, Полтаву, Москву, Киев. Обратно ардонцы везли соль, рыбу, муку, сахар, конфеты. По возвращении из поездки собирали в Ардони базар, по Стародубской улице, перед поворотом к мосту. Привезенный товар раскупали жители посада Ардонь, села Богородицкое и окрестных деревень.

Некоторая часть сельчан нанималась работать колодовозами. Тысячи кубических саженей древесины вывозили колодовозы из окрестных лесов на Клинцовские фабрики.

Так работали мои предки: Семен Савинов Чигиринов, Данила Семенович Чигиринов, Василий Данилович Чигиринов.

Вот воспоминания моего деда, Василия Даниловича Чигиринова, относящиеся к концу XIX века:

Андрей Васильевич Чигиринов

«Возвращался домой с работы поздно, часов в 9–10 вечера. Во дворе распрягал лошадь, ставил её в конюшню и задавал корм. Кормить лошадь – дело мужское, и делал это я сам. Часа в три ночи вставал, выходил на двор и снова задавал лошади корм. Для тяжелой работы лошадь должна быть сытой и упитанной, иначе не повезет бревна, и не будет заработка. После утренних петухов, часов в 4 – 5 утра, я будил всех домашних, жене приказывал сготовить завтрак и собрать съестной припас на дорогу. Запрягал лошадь и в лес. Бревна возил из окрестных лесов на лесопильные заводы местных клинцовских купцов-фабрикантов. Со мной ездил и сын Андрейка, пока был подростком. А когда Андрею минуло 17 лет, он стал самостоятельно ходить на промысел. Но так как лошадь в семье была одна, то Андрей стал работать пильщиком».

Сын Василия Даниловича, Андрей Васильевич Чигиринов, рассказывал: «Пилить начинали с утренних петухов, а чтобы был виден шнур, зажигали смоляной факел, ведь в зимнее время дневной свет наступает поздно. Работали до позднего вечера и заканчивали, когда уже не чуешь ни рук, ни ног – в полном изнеможении. Так каждый день. За сезон надо было что-то заработать, иначе не прокормишься».

А пока мужики были на отхожих промыслах, женщины смотрели за детьми, пряли, ткали, ухаживали за скотиной.

Быт сельчан села Богородикое был примитивным и диким. В избах царил мрак, так как часто окошек в стенах не прорубали. Редко у кого крыша была из досок, в основном, из соломы. В селе было много курных хат, внутри черных, закопченных, крытых соломой. В таких хатах полы были глиняные, во многих хатах зимой вместе с людьми жили домашние животные. Кто был богаче, стелил в хате мост – так назывались деревянные полы. В других хатах, если и были оконные рамы со стеклами, то крестьяне

по бедности на зимнюю пору не ставили вторых рам. В результате стекла обледеневали, с окон стекали потоки воды, бревна сруба подгнивали, расход дров был большим, а в доме было холодно. Хаты изнутри были не оштукатурены. В бревнах гнездились тысячи насекомых: клопов, блох, тараканов.

Под настилом (это доски на козлах), где мы спали, досок для пола не стлали, там зимой держали поросят на соломенной подстилке, а когда корова отелится, держали теленка. В хлеву молодняку было холодно. Всю зиму под печью жили куры, оттуда, из-под печи, петух возвещал о начале дня и никогда не ошибался.

Деревянный мост (пол) в хате на Рождество и Крещенье чистили, устилали свежей ржаной соломой, и это было торжественно и радостно, появлялось ощущение праздника. И только перед Пасхой, когда всех поросят, кур и теленка переводили в хлев (сарай), мост (пол) мыли. Сначала соскабливали накопившуюся за год грязь и помет лопатой или тяпкой, затем драили гальником – березовым веником без листьев. Для этого пол смачивали горячей водой, посыпали толченым кирпичом, наступали босой ногой на гальник и скоблили пол вдоль досок. В этот же день кипятком проливали полати, убивали насекомых.

Ужасным бедствием был пожар, который уничтожал всё и вмиг делал людей нищими. Хаты в селе стояли тесно, земли под застройку было мало, поэтому сыну отец ставил хату рядом со своим домом. Если возникал пожар, то выгорали целые улицы и даже кварталы. Ежегодно сотни погорельцев ходили из села в село за подаянием.

Крестьяне носили самотканую одежду. Каждую осень, ближе к зиме, в избе устанавливали кросны (ткацкий станок). К этому времени уже были готовы нитки, и женщины каждый день в светлое время дня стучали бердами на станке. Из-под ловких рук прядильщиц выходил серый холст. Летом холсты выбеливали на травке под солнцем и шили нижнюю и верхнюю одежду.

Нам, ребятишкам, будь то мальчик или девочка, штанишек не шили, а только длинную холщовую рубашку, чуть не до пят, и называли её пьстовкой. Так всё детство, в летнюю пору, днем и ночью дети носили пьстовки. Трусов никто не знал: ни мальчики, ни девочки. Зимой, начиная со школьного возраста, дети и подростки носили штаны.

Все лето до зимы дети ходили босиком. От грязи и от переохлаждения ног на коже стоп у всех детей были «цыпки». Полотня-

ные штанишки мать пошила мне, когда я пошел в школу, покрасила их крушиной, отчего штанишки стали темно-оранжевого, даже бордового цвета.

Девушки, по бедности, платье на свадьбу одалживали у подруг. Свадебное платье было тоже полотняное, из грубой ткани.

Начиная с первых тёплых весенних дней и до глубокой осени крестьяне ходили босиком, чтобы сберечь лапти, ведь липы для лыка в нашей местности мало и купить его было дорого.

Хорошую обувь – яловые сапоги, можно было увидеть только на ногах старосты села во время церковной службы. Но на службу в церковь староста шел по селу босиком, или же, когда было холодно, в лаптях, а сапоги надевал на церковной паперти. В праздничные дни крестьяне щеголяли по селу в новых лыковых лаптях. Если для чего-то отправлялись в Клинцы, то шли босиком и только в посаде обували лапти.

До революции жители села Богородицкое и посада Ардонь жили разобщенно. Между жителями посада Ардонь и села Богородицкое не было браков, общение было сведено до минимума, только по делу. Семьи не дружили, между жителями обоих селений нередко возникали ссоры, споры, дело доходило до драки.

Причину такого отчуждения усматриваю в различии религиозных взглядов и в различии бытового уклада. Священники господствующей Греко-российской церкви относились к старообрядцам как к раскольникам, отколовшимся от церкви. При этом священники скрывали от народа правду, что раскол церкви вызван был не православным народом, а патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем, которые вводили в России новые греческие церковные обряды путем насилия, казней и принуждения по отношению к тем, кто не желал расстаться со старыми обрядами, существовавшими на Руси почти 700 лет. Политика преследования старообрядцев, проводившаяся царским правительством в течение двухсот пятидесяти лет, натравливание православных прихожан на старообрядцев приводила к столкновениям верующих на бытовом уровне. Старообрядцы, в свою очередь, тоже не хотели быть гонимыми в своей стране и в обиду себя не давали.

Только Советская власть, освободив людей от религиозных заблуждений, сделав всех атеистами, устранив прежние религиозные разногласия, устранив экономическое неравенство между жителями Ардони и Богородицка, сделав их равно бедными, умиротворило общество. Жители обоих селений стали родниться, заключать браки, селиться рядом, ходить в одну школу. Прежние распри забылись.

Образование

Дети посада Ардонь до начала XX века начальную грамоту постигали дома. Все старообрядцы умели читать Псалтирь, но не все умели поставить собственную подпись на бумаге.

Первая школа в Ардони появилась в конце XIX века при единоверческой церкви – церковно-приходская. В настоящее время (воспоминания 1960-х годов) на этом месте находится здание конторы рабочкооператива. В церковно-приходской школе преподавал один учитель на три класса. В школе обучалось 75 учащихся, по 25 в каждом классе. Обучение было платным. Дети получали знания в пределах трех начальных классов.

Затем на левом берегу Ерденки (Ардёнки, Чечеры), в селе Богородицкое, от Земства была построена приходская школа, где на 4 класса работал один учитель. Обучение было платным в объеме четырех классов начальной школы.

Из «Протокола по обвинению псаломщика Павла Пашкевича в пьянстве...» знаем, что в селе Богородицкое в 1894 году было приходское училище. Учителем был «мещанин города Стародуба Афанасий Теслин, который проживал в самом училище»[1] (Р.П.).

В 1903 или 1904 году в посаде Ардонь была построена еще одна школа, называвшаяся «красной» (покрашена была в красный цвет). Здесь были две классные комнаты, учащихся было не более ста человек и два учителя.

Школа не обеспечивалась дровами, поэтому каждый ученик должен был приносить в школу по два полена дров. Заботой учащихся, а точнее их родителей, отапливалась не только школа, но и квартиры учителей. Учитель кормился по очереди в семьях своих учеников. (Воспоминания Василия Федоровича Махоткина, бывшего учителя Ардонской школы. – В.А. Чигиринов)

После установления Советской власти церковно-приходская школа в Ардони была закрыта, а две другие («Красная» в Ардони и бывшая приходская в Богородицком) продолжали работать, учителей стало больше, и все они были поставлены на государственное обеспечение. Обучение детей стало бесплатным. Помню свою первую учительницу Анну Кировну. Учителя не только обучали детей, но и вели общественно-политическую работу с населением. Это были страстные агитаторы и пропагандисты нового социалистического образа жизни. Учителя обучали не только

[1] ГАЧО Ф. 679, оп. 7, д. 21, л. 1–3.

детей, но и взрослых, посещая их на дому. Это называлось «ликбез» – ликвидация безграмотности. Помощником народного учителя был Григорий Андреевич Чигиринов, мой брат. Он окончил Клинцовский рабфак, затем Новозыбковский педагогический институт и стал первым учителем родом из Ардони с высшим образованием. В Ардони он преподавал недолго, вскоре получил направление в Среднюю Азию для работы в школе. В 1941 году Григорий Андреевич был призван в Армию и погиб в 1942 году под Сталинградом. В «ликбезе» Ардони активистами были Иван Кравченко и Иван Чигиринов. Они же были первыми комсомольцами Ардони.

В 1929 году в Ардони возле Никольской церкви была построена школа семилетка. Здание бывшей школы стоит и сейчас – двухэтажное, из почерневшего дубового бруса, с восьмигранной башней на фасаде. В 1966 году семилетка была преобразована в среднюю школу. В школе работало 30 учителей, большинство из них с высшим образованием.

Организатором школы в Ардони в 1930-е годы был Махоткин Василий Федорович. Он не имел педагогического образования, занимался самообразованием, но был очень грамотным человеком с талантом организатора и педагога.

Директором семилетки в 1930-е годы был Яков Елуферович Радько, он преподавал русский язык, биологию, организовал пионерскую организацию, школьную самодеятельность, проводил праздники весны, осени, зимы, организовал ликбез, организовал сбор колосков в колхозе, был неутомимым выдумщиком и заводилой. Во время голодовки 1930-х годов он находил продукты и подкармливал школьников у себя дома. Для детей, которые ходили в школу без обуви, добился, чтобы колхоз выделил 10 мотков лыка для лаптей и одну пару ботинок. Его жена, Анастасия Архиповна, преподавала математику и во всем помогала мужу.

Ещё была учительница начальных классов, которая потеряла ногу на гражданской войне, она была очень ответственная и внимательная к детям. Историю преподавал Архип Федорович Басалык, биологию – Мацепуро.

Одной из первых пионервожатых Ардонской 7-летней школы была Серафима Матвеевна Цимберова.

В годы после войны директором школы был Сержанин (1944), Николай Африканович Ланский (1949–1950), Толкачев (1950), биолог Артем Федорович Зайцев (в 1951). Затем около года Николай Федорович Курилов – заместитель предрика (председателя Районного Исполнительного Комитета Депутатов Трудящихся) Клинцовского района, затем он руководил РайОНО. Следующим

директором школы был Иван Платонович Ковалев, откуда был переведен на должность инструктора горкома партии, а вслед за ним директором был Антон Антонович Толстопятый. Завучем при нем была Матюшина.

В 1960-е годы в средней школе Ардони преподавали историю Василий Андреевич Чигиринов, литературу – Александра Андриановна Типикина, математику – Евдокия Фроловна Редько, в начальных классах преподавали Людмила Фаддеевна Лелетко и Татьяна Антоновна Лихоманова.

Выпускники Ардонской школы трудятся в разных уголках страны на всевозможных должностях, среди них преподаватели ВУЗов, кандидаты наук, врачи, учителя школ, инженеры, военнослужащие, рабочие.

Бывший выпускник Ардонской школы Василий Анатольевич Смирнов работает секретарем Брянского Обкома коммунистической партии.

Иван Корнеевич Зябкин работал послом СССР.

Александр Иосифович Луговой – геолог, научный сотрудник и преподаватель Пермского университета.

Александра Ивановна Разумеева в 1950 г. после окончания института получила назначение на Дальний Восток, занималась сельским хозяйством, кандидат биологических наук, научный работник Дальневосточного филиала Сибирского отделения Академии наук.

Василий Прохорович Махоткин – народный судья Гомельской области, затем работал в Москве, кандидат юридических наук.

Сергей Аввакумович Лелетко – офицер Советской Армии, участник Сталинградской битвы.

Медицинское обслуживание (в 1960-е годы)

До революции в селе Богородицкое и в посаде Ардонь «медицинскую» помощь можно было получить от «шептунов» и «знахарей». Женщинам-роженицам помощь оказывали «бабки-повитухи» – самоучки. Смерть младенца расценивалась как «Божья благодать», ибо так «Богу угодно забрать младенца к Себе на небо в ангелы». Если человека поражала болезнь, то выживали крепкие, сильные, а слабые умирали. Детская смертность была высокой, особенно в селе Богородицкое, и по причине малой медицинской грамотности населения, и по причине отсутствия санитарии и личной гигиены, и по причине пьянства, переохлаждения и многих других причин. Жизнь у детей отнимала корь,

ветрянка, скарлатина, у взрослых – холера, тиф, туберкулёз, сибирская язва. Приблизительно в 1920 году в Ардони появился свой медицинский пункт со штатным фельдшером, к которому шли за медицинской помощью. Фельдшер оказался не только грамотным, но и активным пропагандистом, который разъяснял населению правила гигиены, профилактики кишечных заболеваний, способы оказания первой помощи и прочее. Фельдшер делал прививки против оспы и других заразных болезней. Одним из первых медиков в Ардони был Москаленко. Жители помнят, каким добросовестным и отзывчивым был фельдшер Николай Гаврилович Карпеленя, который с 1924 года обслуживал население не только Ардони и Богородицкого, но и близлежащих селений. Следующим за ним был фельдшер Ардонской амбулатории Аким Кононович Кузмицкий, умер от туберкулеза легких. Фельдшеры нередко спасали жизни наших людей. В любую погоду, в любое время суток к ним обращались за помощью, и они безотказно спешили на вызов. Сейчас в Ардони есть медицинский пункт (воспоминания 1960-х годов), в нем работают 2 медработника. В Ардонь раз в месяц приезжают врачи из районной больницы, чтобы на месте произвести осмотр больных, помочь местным медикам в их работе. Сейчас работают в Ардони фельдшер Ксения Андреевна Бондаренко (девич. Кофанова), акушерка Нина Максимовна Смирнова.

В Ардони заметно снизилась детская смертность, люди забыли такие болезни как тиф, холера, оспа. Сократилось число больных туберкулезом, все больные этим заболеванием состоят на учете в туберкулёзном диспансере в Клинцах и получают профилактическое лечение. Больше половины детей школьного возраста летом отдыхают в пионерских лагерях. Ещё до войны в Ардони были открыты детские ясли, теперь это хорошо оборудованное теплое помещение, матери могут быть спокойны за своих малышей».

Установление Советской власти в Ардони

(записано В.А. Чигириновым со слов старожилов посада Ардонь)

«В 1905 году, когда волнения рабочих прокатились по всей стране, жители Ардони, работавшие на клинцовских фабриках, вместе с клинцовскими рабочими участвовали в забастовках и демонстрациях.

Старики рассказывали, что старообрядцы избегали выступлений против власти, это противоречило их религиозным убеждени-

ям. Старообрядцы поповского согласия молились «за царя» и поэтому не смели выступать против царской власти. Осторожничали и беспоповцы, они знали, что первыми пострадают и лишатся работы. А православные новообрядцы, в основном, клинчане и крестьяне из окрестных деревень и сел более поддавались агитации социалистов.

И действительно, во время долгих забастовок первыми увольняли рабочих, приходивших на работу из деревень.

Но Ардонь не оставалась безучастной в те бурные дни. Среди жителей были «бунтари», которым доставалось от полиции.

Над Ардонью шефствовал урядник, живший в Клинцах. Он ежедневно навещал селение, гостил у Корявина и, конечно, вынюхивал, нет ли среди рабочих и крестьян бунтарей. В Ардони постоянно жили два полицейских, одного из них звали Полуект, или, как называли его в народе, Полиехт, настоящий «держиморда». Его нагайка редко когда висела за поясом без дела, она то и дело гуляла по спинам непослушных..

Для наказания непокорных служила местная тюрьма, прозванная населением «клоповником». Это была маленькая избушка, неотапливаемая, летом кишевшая насекомыми и в первую очередь клопами. Полуект помещал в «клоповник» подозрительного или непокорного на сутки, а то и на двое, оставляя голодным и без питья на растерзание насекомым.

Излюбленным местом отдыха ардонцев в выходные дни был «осинник» – небольшой лесок позади Ардони. Кроме осины, там было много березы, лозы, крушины, водились грибы. Все лето осиновую рощу заполняли голоса птиц, и первым исполнителем был соловей.

Насколько ардонцы любили свою рощу, настолько полицейские ненавидели и боялись её. В ардонский «осинник» приходили клинцовские рабочие агитаторы, они присоединялись к гуляющим компаниям и вели разговоры о политике и о жизни.

Сюда же направлялся в выходные дни Полуект. Он, как собака-ищейка, бродил между кустами, от компании к компании, прислушиваясь, о чем говорят люди. Однажды молодежь проучила Полуекта, устроив ему «тёмную». Кто-то набросил на голову Полуекта пиджак, и полицейскому пришлось испытать силу рабочих кулаков. Потом Полуект несколько дней ходил от хаты к хате, упрашивая молодежь вернуть ему саблю и револьвер, боялся, что накажут за утрату оружия. С тех пор Полуект стал вести себя не так нагло.

События 1917 года всколыхнули всю Россию. В Клинцах весной 1917 года эсерами был образован городской Совет, в котором

приняли участие солдаты и рабочие, в большинстве своем разделявшие взгляды эсеров. На фабриках эсеры создали профсоюзы, установили 8-ми часовой рабочий день – всё это отразилось и на рабочих Ардони. Под давлением Клинцовского Совета рабочих и солдатских депутатов в Ардони был также введен восьмичасовой рабочий день. Демократические преобразования очень понравились ардонцам, они мало различали партийные оттенки социалистов, Октябрьский переворот в Петрограде и приход большевиков к власти они встретили спокойно, не ведая наперед, какие тяжкие испытания ждут наш народ.

Уже летом 1917 года в Ардонь стали проникать семена национализма. Появились агитаторы-националисты, которые стали делить людей на русских и на украинцев, натравливать украинцев на русских. Во время немецкой оккупации Ардони в 1918 году националисты показали свою прыть. Гайдамаки – украинская национальная полиция бесчинствовала, как хотела. С приходом немцев в апреле 1918 года в Ардони установился оккупационный режим. Каретные мастерские продолжали работать, но зарплату рабочим платить было нечем. Возобладал натуральный обмен товарами и продуктами.

Еще с 1916 года население стало испытывать недостаток продовольствия и товаров первой необходимости, цены росли. Особенно ухудшилось положение с питанием к концу 1917 года. В 1918 году, во время немецкой оккупации, люди ещё туже затянули пояса. Оккупанты вывозили в Германию хлеб, скот, обрекая население на ещё больший голод.

Граница, так называемая, демаркационная линия, разделявшая оккупированную Украину и Советскую Россию, проходила в нескольких километрах от Ардони, через железнодорожную станцию Робчик. Через границу шел поток спекулянтов, торговавших продуктами питания. Они находили тайные тропы в лесах и болотах, чтобы обойти кордоны. В Россию несли сахар, муку, возвращались с промышленными товарами, одеждой, посудой и др.

С конца лета 1918 года на станции Унеча стали собираться отряды под командованием Николая Щорса, чтобы направить удар против немецких оккупантов. К Щорсу ушли из Ардони несколько человек. Сергей Пастухов вспоминал: «В августе 1918 года молодые рабочие Степан Федоров, Максим Махоткин, всего двадцать человек, в их числе и я, явились к Щорсу с просьбой принять нас в Богунский полк. Николай Александрович долго беседовал с нами, а потом сказал, что мы нужны будем у себя на родине, в Ардони: полк скоро прибудет в Ардонь. А пока от нас требуется сообщать в

полк о настроении населения, расположении немцев и гайдамаков. Выполняя задание Щорса, наша группа пленила и доставила в Унечу гайдамацкого полковника Романовского и гайдамака Пастернака с сыном».

После свержения в Германии Кайзеровского правительства Богунский полк Щорса выдвинулся из Унечи, пересек демаркационную линию и подошел к Ардони. 7 декабря (26 ноября) 1918 года полк Щорса вошел в Ардонь. Штаб полка разместился в доме Корявина, бежавшего к немцам. Рабочие Корявинских мастерских взяли управление производством в свои руки и создали рабочее самоуправление.

С. Пастухов вспоминал: «Жители Ардони восторженно встречали освободителей. Штаб полка расположился в доме хозяина экипажной мастерской. Вечером, по совету командования полка, рабочие провели собрание, избрали чрезвычайный Исполнительный комитет из пяти человек. Председателем Исполкома стал Анатолий Смирнов. Было избрано и заводоуправление, в состав которого вошли Василий Андрианович Зябкин (председатель), Феоктист Гаврилович Смирнов, Андриан Михайлович Голиков, Степан Степанович Федоров и я. На следующий день на завод явились рабочие – жители Ардони и ближайших сел. Члены Чрезвычайного Исполнительного Комитета и заводоуправления сообщили им свое постановление: конфисковать у бывших хозяев экипажное производство, тем более, что Корявин бежал в Ростов. Всё это было проделано в короткий срок. Много инициативы проявили Александр Васильевич Голиков, Евмен Иванович Сумароков и др.».

А тем временем полки Н. Щорса готовились к наступлению. Времени терять было нельзя ни минуты. Н. Щорс собирает рабочих Корявинского производства. Он ставит перед ними задачу в короткий срок изготовить зимние лафеты под установку пулеметов «Максим», армейские повозки для военного обоза и тачанки. Задача была не из легких, а времени в обрез. Рабочие трудились от зари до зари, и в течение несколько дней задание было выполнено. Полки Щорса и Боженко получили тачанки, повозки и лафеты вовремя. Н. Щорс был очень доволен ардонскими мастерами и благодарил их за помощь.

А тем временем обстановка накалялась. Люди на оккупированной территории с нетерпением ждали ухода немцев. На фабриках в Клинцах рабочие устраивали саботаж. Начались стычки местного населения с оккупантами, особенно с гайдамаками. Нервничали и немецкие солдаты, которые с нетерпением ожидали возвращения в Германию.

Между немецкими солдатами и солдатами Н. Щорса начались братания, у немцев появился солдатский комитет, который выступал за мирный уход немцев с захваченных территорий.

Чувствуя приближение конца, немецкое командование прислало своих парламентеров для переговоров со Щорсом относительно условий отступления. Переговоры состоялись 10 декабря 1918 года между представителями 106-го стрелкового полка немцев и представителями от Н. Щорса. Договорились, что немцы должны начать вывод войск из Клинцов 11 декабря. А 12 декабря из Ардони, Коржовки, Смолевич (?) двинулись по направлению к Клинцам отряды Н.А. Щорса. Договор о неприменении оружия был нарушен со стороны отступавших немцев. Но оказалось, что стреляли не немцы, а гайдамаки, которые пытались спровоцировать столкновение между немцами и частями Щорса и тем нарушить договор о неприменении оружия.

На следующий день, 13 декабря 1918 года, рано утром отряды Щорса вошли в свободные от немецких оккупантов Клинцы. Вместе с богунцами были ардонцы и богородцы: Дегтярев Прохор Савостьянович, Бородавко Влас Елуферович, Бородавко Иван Елуферович, Демченко Борис Тимофеевич, Лукашов Иван Федорович, Махоткин Михей Фокич, Типикин Василий Варфоломеевич, Свидерский Захар Демьянович.

Ардонцы могут гордиться тем, что именно с Ардони началось легендарное шествие славных щорсовских полков.

Так в Ардони установилась Советская власть. В Ардони и в Богородицком были созданы свои органы Советской власти. В самой Ардони было организовано местное самоуправление, напоминавшее комбеды. Но вскоре в Ардони был создан сельский Совет, председателем которого стал Петроченко. Это был преданный делу революции коммунист, отдавший все свои силы ради укрепления Советского строя. Т. Петроченко оставался на посту председателя до 1929 года.

В селе Богородицкое, на левом берегу речки Ерденки (Ардёнки), как и в Ардони, сначала в июле 1919 г. было образовано самоуправление, комбед, а затем избран Сельский Совет крестьянских депутатов. Комбед взял в руки все управление. В Комбед села Богородицкое вошли Чигиринов Андрей Васильевич – председатель, Пчела Иван Федорович, Новиков Денис Федорович, Свидерский Захар Демидович.

Вскоре, вместо комбеда, был образован Сельский Совет. Первым председателем Богородицкого Сельского Совета стал Бессмертный Михаил Лукьянович. Новая власть не по нраву пришлась местным богатеям. В январе 1920 года сельский председатель Бес-

смертный Михаил Лукьянович пал от пули наймита. Несмотря на зверское убийство местного активиста, новую власть поддержали десятки крестьян. Бессмертного сменил Петр Маркович Зуборев. Затем на пост председателя был избран Николай Федосеевич Кузмицкий. За ним были Андрей Васильевич Чигиринов, Захар Фаддеевич Лелетко.

В 1929 году оба Сельских Совета были объединены в один. На пост председателя объединенного Сельского Совета был выдвинут Петроченко».

Социалистические преобразования в Ардони

(В.А. Чигиринов записал события этого времени со слов своего отца Андрея Васильевича Чигиринова и Ивана Федотовича Лукашева. Некоторые события могут быть смещены во времени)

«В 1923–1924 годах в Ардони был проведен раздел земель, ранее принадлежавших кулакам и помещикам. Земля раздавалась по числу едоков в семье. В 1924 году по желанию Сельского Схода была поделена «отрубная» земля бывшей помещицы Крепаковой. На этой земле образовался поселок Ивановка.

В годы НЭПа на месте Корявинских мастерских было организовано обозное производство, где изготавливались колеса, повозки, плуги, бороны и другая продукция для народного хозяйства. В Ардони появилось несколько лавчонок НЭПовцев, в которых можно было купить семечки, конфеты, лыко для лаптей, керосин, баранки, школьные тетрадки и карандаши. Некоторые крестьяне землевладельцы имели свои мельницы, несколько крестьянских хозяйств были объединены в артель.

В эти годы широко пропагандировались коллективные методы обработки земли с применением достижений техники, создавались «коммуны». Чтобы показать крестьянам Ардони преимущество коллективной жизни на земле, из еврейской коммуны «Скачок» своим ходом прибыл маленький трактор «Фордзон». В тележке, прикрепленной к трактору, были образцы продукции коммуны: кочаны капусты, картофель и другие культуры. Коммунарами была организована в Ардони выставка сельскохозяйственных достижений. Крестьяне пробовали на вкус брюкву и морковь, взвешивали в руках капустные кочаны и клубни картофеля. Коммунары объясняли, что такого урожая достигли с применением правил агротехники. Но, пожалуй, самым удивительным на выставке был сам трактор. Возле него собирались толпы мужчин, женщин и детей. Всех волновал вопрос: как трактор движется без лошади, как он

устроен внутри? Набожные женщины крестились, называя трактор «нечистой силой». Мужики не крестились, а только от удивления покачивали головами и никак не могли взять в толк, как же все-таки движется трактор, да ещё тащит тележку, и землю пашет. В такое чудо, чтобы не лошадь пахала землю, а машина, трудно было поверить, не посмотрев всё самолично и не удостоверившись, что это не обман. Тракторист завел машину, спросил у мужиков, куда ехать, чтобы показать вспашку. Молчание было ответом. Ну как можно пустить на свое поле машину, чего доброго и ниву испортит керосином. Каждый думал: «Только не на мой участок».

Первой вызвалась вдова Анна (Ганна) Васильевна Чигиринова, моя тетка, которой всё равно нужно было нанимать кого-то, чтобы вспахать огород под зиму, и пустила трактор к себе на участок. Толпа устремилась за трактором. Люди шли рядом с пашущим трактором, другие взбиралась на крыши домов и сараев, на деревья, чтобы увидеть событие. После каждой вспаханной борозды мужики придирчиво проверяли пахоту, промеряли глубину вспашки, щупали и перетирали в руке землю, нюхали, не пахнет ли керосином. Ай, да машина! Куда там лошади. Даже самая сытая и сильная лошадь не вспашет землю так скоро и так глубоко. Но вот беда, не годна машина для работы на огороде или на малом клочке земли. Для трактора нужен простор, широкое поле, поэтому нужно объединять участки земли в одно поле и обрабатывать землю совместно. Но на это люди решиться сразу не могли. Даже опыт еврейской коммуны «Скачок» не служил доводом. Во-первых, трактор был один на весь уезд, а нужно было иметь трактор в каждой коммуне. Во-вторых, евреи создали коммуну не на своей земле, а на земле, оставшейся от помещика, ни у кого из членов еврейской коммуны до этого не было своей земли, им нечего было отнимать от себя и объединять в коммуне. А крестьянину переступить собственнические привычки, собственнические взгляды было очень трудно. Так с коммуной и не заладилось. А тетке Ганне пришлось на следующий день нанимать лошадь и пахать огород заново, так плотно затоптали землю односельчане.

А тем временем наступил 1929 год, в стране решением партии стали создавать колхозы. Пришла директива из уездного центра с требованием приступить к созданию колхозов. Снова, как и несколько лет назад, начались волнения. Самый главный вопрос, как будет распределяться урожай, сколько должны будут отдать колхозники государству, сколько оставить себе. Пошли разговоры, что в колхозе один будет работать, а другой будет гулять, а

урожай дели на всех поровну. Другие распускали ложные слухи, что государство всё будет забирать себе, а крестьянину оставлять только самую малость, так что и делить будет нечего. В это никто не верил, но чувство тревоги нарастало. Ходили слухи, что в колхозе даже щи будут варить в одном котле и хлебать придется из одной миски, что спать колхозники будут под одной крышей и одним одеялом укрываться. Понять, где правда, крестьянину было невозможно.

По селу ходили «красные сваты» – активисты «из ардонских» с красной повязкой на рукаве, на которой было написано «Сваты», и агитировали вступать в колхоз.

Наконец, ложные домыслы и страхи были преодолены, и в колхоз записались почти все жители села. Для руководства коллективизацией в Ардони была создана партячейка во главе с товарищем Подвойским. В ячейку вошли активисты: Петроченко Т., Махоткин Михей Фокич, Зябкин Василий Корнеевич, Лелетко Захар Фаддеевич, Кузьмицкий Емельян Кузмич.

Позже в эту ячейку были приняты новые члены партии: Лукашов Иван Федорович, Кравченко Илья Петрович, Шлык Дмитрий Кириллович.

Под руководством этой боевой ячейки была проведена запись крестьян в колхоз, но строительство колхоза встречало сопротивление. Часть крестьян за годы НЭПа окрепла, обзавелась лошадьми, скотом, со своих наделов крестьяне стали получать хорошие урожаи, семьи почувствовали достаток. Эти семьи не хотели объединяться с голытьбой и пьянью. Нашлись и воинствующие противники коллективизации, настоящие террористы. Они поджигали по ночам дома первых колхозников и сельских активистов. Чуть ли ни каждую неделю звук набата на церковной колокольне возвещал о новом пожаре. Люди жили в тревоге, ложились спать и не знали, как пройдет ночь. Слухи ходили один другого страшней, говорили о конце света. Стали резать скот, чтобы не отдавать его в коллективное хозяйство. Крестьяне были запуганы, и не удивительно, что после статьи Сталина «Головокружение от успехов» (март 1930 года) начался массовый выход из колхоза. Из 600 хозяйств Ардони, Богородицкого, Ивановки и Евлановки и других близлежащих селений, записавшихся в колхоз, остались считанные единицы, в основном, самые беднейшие крестьяне. В селе Богородицкое такими беднейшими крестьянами были: Кравченко Илья Петрович, Кравченко Григорий Ильич, Кравченко Семен Ильич, Бородавко Иван Елизарович, Нахабин Павел Максимович, Смирнова Матрена Андреевна, Смирнов Давид Яковлевич.

На всех этих колхозников в коллективном хозяйстве осталось всего две лошади, несколько повозок и сбруя. Кулаки и подкулачники смеялись, называя колхоз артелью голодранцев. Но государство упорно проводило свою линию на коллективизацию.

В 1930 году колхоз в селе Богородицкое влачил жалкое существование. Своё название колхоз получил в 1933 г., когда началась вторая пятилетка. Под нажимом партийных активистов колхоз в Богородицком стал пополняться новыми членами. Год 1931-й показал, что коллективное ведение хозяйства на земле может оказаться более выгодным. Колхозники получили первый и большой урожай. Пример богородчан стал заразительным. В тот же год был организован колхоз «Пролетарий» в селе Ардонь.

Середняки, не желавшие быть в одном хозяйстве с голытьбой, организовали свой отдельный колхоз «Прямой путь» на Бутовке (от слова бутить – застилать топкое место ветками, жердями, бревнами, то же, что гатить – вокруг этого места было болото), куда записалось 25 хозяйств. Этот колхоз имел 25 лошадей и столько же комплектов с/х инвентаря. Но земля середнякам досталась плохая, поскольку колхоз был образован после распределения земель. После долгих уговоров в 1934 году «Прямой путь» слился с ардонским колхозом «Пролетарий».

Вскоре колхозники получили государственный кредит, приобрели хороших лошадей, сбрую и с/х инвентарь. Председателем колхоза в Ардони был избран Иван Федотович Лукашев, присланный партийной организацией из Клинцов, где он работал в Текстильном техникуме в качестве инструктора по ткачеству.

Колхоз «Пролетарий» в Ардони стал одним из богатых колхозов Клинцовского района. В колхозе была своя конеферма, свиноферма, пасека, молочный скот, овцы. Колхозу была передана паровая мельница Корявина. Разбогатевший колхоз приобрел себе сельхозмашины. Колхозом «Пролетарий» руководили: Лукашев Иван Федотович, Воронин Павел Павлович, Дивизенко, Шлык Дмитрий Кириллович, Туников, Кузьмицкий Емельян.

Партийной организацией в Ардонском сельском Совете руководили до 1941 года: Подвойский, Зайцев, Кузьмицкий Емельян.

Колхозом «Пролетарий» после 1945 года руководил Петр Антонович Чигиринов. А затем поочередно Бородавко Прокофий Данилович, Федор Павлович Лелетко, Илларион Петрович Лелетко.

Колхоз им. Молотова образован в 1932 году на поселке Ивановка. В него влились как отдельная бригада жители поселка Евлановка. После 1945 года колхоз «Молотова» слился в один колхоз с колхозом имени 2-й пятилетки с центром в селе Богородицкое.

Колхоз имени 2-й пятилетки образовался в бывшем селе Богородицкое в мае 1930 года. Это был богатый колхоз, и колхозники жили богаче, чем колхозники колхоза «Пролетарий». Это объясняется тем, что земли колхозу «2-я пятилетка» достались более плодородные.

Организаторами колхоза были Кузьмицкий Федор Дмитриевич и Чигиринов Андрей Васильевич. Но от руководства колхозом Андрей Васильевич отказался и его избрали бригадиром полеводческой бригады. Андрей Васильевич Чигиринов был очень грамотный полевод, знал землю вокруг села Богородицкое до самого малого клочка, знал, где и в какие сроки что нужно сеять и сажать, занимался семеноводством, раздавал наряды на работу, ходил по полям, проверял качество работы, делал замеры на полях, начислял трудодни. Под его руководством колхозники снимали богатые урожаи овощей и корнеплодов. Когда в колхоз прислали агронома «с образованием», то первое время он советовался с Андреем Васильевичем по каждому вопросу.

В первую зиму после создания колхоза на колхозную «базу» завозили бревна, кирпич, а потом пришла бригада плотников и построила конюшню, сторожку, хомутарню и навес для инвентаря.

Место для «базы» выбрали высокое, возле кладбища, оттуда хорошо были видны поля, простиравшиеся на юг до Евлановки. Для склада зерна использовали старое здание магазина, которое стояло на рынке. Рынок – это название площади, где теперь газораспределительная установка и здание бывшей школы. Здание школы купила под жилье семья Лелёток, переехавших из Евлановки.

В ту зиму начались пожары: сгорела ветряная мельница Мосеёнкина, гумно Зубаревых, сараи, конюшни в разных концах села.

Пожары стали вспыхивать чуть ли не каждую неделю. Для охраны от пожаров собрание жителей села решило установить еженощное дежурство и выделять дежурных от каждого двора по очереди. По улицам по ночам стали группой ходить два-три сторожа с колотушкой. В сарае возле школы поставили бочку с водой на тележке, от каждого двора по очереди в пожарный сарай выделялась на ночь одна лошадь и назначался один пожарный для присмотра за лошадью. Постановили приобрести насос, а веревку от большого церковного колокола опустить до земли, чтобы каждый, кто заметит пожар, мог ударить в набат.

Весной прибыл уполномоченный посмотреть, как ведутся работы по строительству колхоза, и поторопить с коллективизацией,

за ним прибыл землемер, чтобы вымерять клин колхозной земли и нарезать каждому, вступившему в колхоз, приусадебный участок. Колхозникам нарезали по 75 соток земли на семью.

Уполномоченный разъяснил, что поджигателя следует искать среди классовых врагов. Имущество колхозных активистов поджигают те, кому колхоз поперек горла. Козлом отпущения избрали Корнея Малашкина (Корней Малахович Нахабин). Малашкин – это уличная кличка. Корней владел кирпичней, кирпичи делал силами своей семьи и продавал односельчанам для кладки печей, дымоходов и фундаментов. Корнея объявили кулаком, классовым врагом и главным подстрекателем в деревне, запугивающим односельчан. Одним майским днем собрались человек двадцать активистов, пришли к Корнею и «по приказу начальства» сожгли его завод. Огню предали стеллажи для сушки кирпичей и запас дров. Спустя месяц-другой, когда не стало кирпича, опомнились, что напрасно сожгли кирпичню: она бы так пригодилась в коллективном хозяйстве. А Корнея в тот же день арестовали, посадили на повозку и увезли в Клинцы. Вскоре состоялся суд, который проходил в Ардони, в только что выстроенном новом клубе. В Ардонь Корней вернулся после войны, больной, несчастный, он голодал, ходил оборванцем, жил бесприютный по баням, пока не нашли его мертвым под забором. Больше в Богородицком никого не раскулачивали, но и поджоги прекратились.

Колхозники работали с огоньком, старались показать друг перед другом свое усердие. На колхозном дворе постоянно раздавался смех, шутки. Мужики были на тяжелых работах: пахота, посевная, сенокос, строительство. А женщины ухаживали за огородами, работали на овощах. Работали с песнями, пели старинные крестьянские песни на несколько голосов, мужчины басили, а женщины вплетали в песню характерные вздохи и подвывание. Пели белорусские и украинские песни. Сначала обрабатывали колхозный клин, а затем брались за личный участок. Так было в поле, на огороде, так было и на сенокосе. Труд был ручной, не механизированный. Первый год рожь, ячмень, просо жали серпами, только гречиху косили. Но уже на следующий год в наш колхоз из МТС пригнали конную жатку. Жатку тащили две лошади, она размахивала своими гребнями как крыльями, прижимала стебли ржи к ножам, которые срезали стебли, и по мере накопления сжатой ржи гребни сбрасывали на землю скошенный сноп. Оставалось только связать сноп и уложить в копну. Женщины вздохнули с облегчением, и работа заспорилась. Снопы свозили на гумно, там молотили вручную. Со временем появилась молотилка, которая работала

днем и ночью. Молотилку приводили в движение четыре лошади. Коромысел у молотилки было два, в каждое впрягали по две лошади и гоняли их по кругу. Обмолоченное зерно тут же веяли с помощью механической веялки. Веялку приводили в движение тоже вручную. Сортировали зерно на специальной машине, которую называли «сортировка». Готовое отсортированное зерно ссыпали в мешки и везли в город на хлебоприемный пункт. В колхозе оставляли зерно только для посева и для раздачи колхозникам на трудодни.

Урожай первого года оказался обильным, колхозники сняли урожай со своих 75 соток да еще за трудодни получили зерно и овощи. Помню, что отец привез во двор несколько телег овощей: помидоры, огурцы, тыквы, картофель, горох, фасоль, зерно – не знали, куда все ставить и складывать. Примеру нашего колхоза последовали ардонцы, которые той же осенью на корявинском дворе организовали колхоз «Пролетарий».

До войны колхозом «2-й пятилетки» попеременно руководили выбранные колхозниками председатели: Кузьмицкий Федор, Кузьмицкий Иван Мартынович, Сердечный Никифор, Нахабин Дамет Селиверстович, Дедков Федот Михайлович, Казачков Игнат Филиппович.

Выборы председателя проходили ежегодно. Председателем колхоза в 1940 году был Иван Малахович Непогода, умерший накануне ВОВ от туберкулеза. В 1941 году эвакуацию колхоза в тыл страны проводил новый председатель, Федор Дмитриевич Кузьмицкий.

После освобождения от немецких оккупантов в 1943 году за восстановление колхоза «2-й пятилетки» взялся пенсионер Чигиринов Андрей Васильевич. Трудности были страшными. Не было скота, инвентаря. Первые послевоенные годы землю под зерновые посевы перекапывали, в основном, лопатами, по три сотки на человека за день. Кто-то объединялся и пахал плугом, в который впрягались по 5 человек, другие впрягали коров. Одновременно восстанавливали колхозные постройки, наводили крыши. Трудности добавила засуха 1944 года.

Андрей Васильевич Чигиринов работал в колхозе до ухода на пенсию, но и после этого продолжал трудиться в колхозе бригадиром полеводческой бригады. Руководство колхозом от Чигиринова в 1945 году перешло к Ивану Федоровичу Селиванову, руководившему колхозом до слияния всех колхозов в один колхоз «им. Н. Щорса» или «Щорсовский». Селиванов был солдатом 45-го запасного полка, расквартированного в Ардони в 1943 году. После увольнения Селиванов женился и остался в Ардони.

В 1959 году после объединения всех колхозов в один колхоз «Щорсовский» председателем избран был И.Ф. Селиванов, его сменил И.Ф. Лукашев.

В 1967 году бывшие Ардонский и Богородицкий колхозы стали Ардонским отделением совхоза «Щорсовский». Главная база совхоза «Щорсовский» и его правление находились в селе Коржовка-Голубовка. Совхоз состоял из трех отделений: Ардонского, Коржовско-Голубовского и Вьюнковского. Руководство Ардонским отделением совхоза «Щорсовский» размещалось в бывшем селе Богородицком.

Память о первом колхозе, образованном в селе Богородицком в 1930 году, хранит улица «Имени 2-й Пятилетки».

Село Богородицкое и Ардонь были объединены в одно селение примерно в 1932 или 1933 году, когда меня в третьем или четвертом классе принимали в пионеры. После поглощения Ардонью села Богородицкого посад Ардонь стал называться селом. И только в конце 1980-х годов «поселком».

Голод 1932–1933 года

В 1932 году с весны зарядили дожди и установилась холодная погода. Озимая рожь вся вымокла, и посевы пропали. То, что посеяли весной, тоже погибло, ещё в земле, не дав всходов. Помню, как в день Троицы и на Духов день выпал такой снег, что мы, дети, катали снежные валы и лепили снежных баб. Правда, снег лег ненадолго, но погода стояла не летняя, а скорей апрельская. И это в июне! Всем было ясно, что голод у порога. В то лето сено заготовить также не смогли из-за непогоды. Таким образом, к осени в крестьянских дворах ни зерна, ни сена. Скот остался без кормов. Стали резать скот, а мясо продавать в Клинцах, в надежде за вырученные деньги купить хлеб, который должны были привезти из других областей. Но хлеб не везли. Так мы лишились своей коровы Зорьки, за ней последовала свинья. Лучше бы мы оставили мясо для себя. Деньги были, а хлеба не было. Картошка не уродила, не накопали и мешка картошки. Правда, уродила капуста и свекла. Зиму с 1932 на 1933 год мы кое-как пережили. Но к весне 1933 года есть стало нечего. Отец от голода распух, то и дело падал в обморок. Нас на время выручило прошлогоднее картофельное колхозное поле, на котором картошка сгнила еще прошлым летом, её тогда не копали. А теперь все устремились на поле и стали выкапывать прошлогоднюю гнилую картошку, сушить её, перетирать и извлекать крахмал. Крахмал получался черным, но из него пекли оладьи, которые называли «чаманы». Когда при-

шла посевная пора, у некоторых хозяев обнаружились небольшие запасы посевной картошки. Из клубней картофеля вырезали «глазки» и сажали их в землю. У нас в погребе картошки не было. Мать собрала кое-какое тряпье и поехала в село Жудилово, чтобы обменять лохмотье на картофельные очистки. Ей это удалось. Мы перебрали очистки, выбрали те, что с глазками, и посеяли на огороде. К нашему удивлению, появились ростки всходов, и мы стали ждать урожая. Тем временем мать ездила в Жудилово за очистками, мы сушили их на солнце, толкли в ступе и смешивали с сухим толченым клевером, который собирали на лугу. Из этой смеси мама пекла оладьи. Борщ варили из крапивы. За крапивой охотились все жители, так что крапивы скоро найти было невозможно. Так же быстро исчез с лугов щавель. Детвора кормилась заячьей капустой, кашкой, цветами акации. Мы забирались на липы, что росли на цвинтаре, и объедали молодые клейкие листья. Некоторые люди приходили от голода в отчаянье. Соседка Хадосся заперла в доме двух малюток и ушла из села. Мальчик выбрался через форточку и ушел, а девочка умерла от голода. Когда стал созревать картофель, появилась новая беда, надо было уберечь картофель от воров, которые часами караулили за забором, и как только стража у картофельной грядки отвлекалась, тут же врывались в огород и грабили грядки. Картофель, выросший из глазков, был малоурожайным, всего-то один-два мелких клубня. Но и этого урожая многие лишались в одночасье.

Негодование сельчан пересилило их терпение. Была устроена засада, схвачены были три подростка, промышлявших огородным воровством. Разгневанные сельчане тут же устроили самосуд. На Зеленой улице люди окружили налетчиков плотным кольцом, наиболее обозленные стали поочередно избивать воров ломом, измолотив им все кости. Один из налетчиков вырвался и убежал. Его искали, но не нашли. Вот до какого зверства доводит людей голод. Организаторов самосуда арестовали и судили. Один из них Федор Волк через пять лет вернулся и организовал в Клинцах артель маляров. Осенью того же голодного года было совершено еще одно преступление. Молодой человек по имени Гитька убил своего отца, сестру и брата, чтобы завладеть скудными запасами еды, которые семья получила в колхозе. Гитьку разоблачили с помощью служебной собаки, судили, он во всем сознался. Приговор был – высшая мера наказания.

Осенью колхозникам выдали по мешку зерна, с таким запасом зиму пережить было невозможно. Стали ходить за хлебом в Клинцы. Очередь занимали с вечера и стояли всю ночь и стар и млад. К

утру перед магазином очередь стояла в три ряда, народ шумел, ссорился, переругивался, возмущение вызывали наглецы, которые становились в передние ряды без очереди. В 9 часов утра к магазину подвозили будку с хлебом на лошадке. Активисты из очереди быстро разгружали хлеб. А очередь уже напряглась, выстроилась в ожидании, когда отворится дверь в магазин.

Как только открывается дверь магазина, очередь вскипает. К открывшимся дверям устремляются крепкие и сильные мужики и бабы, чтобы ворваться в магазин первыми, без очереди. У входа в магазин начинается столпотворение, давка, крики. Сильные мужики выбрасывают из очереди слабых, в том числе женщин и детей. В открывшуюся дверь магазина люди втискиваются под нажимом напирающих сзади людей, рвут платья, теряют пуговицы. Не дай Бог упасть под напором толпы, по тебе пройдут десятки ног и затопчут насмерть. Слышны людские крики, визг, стоны, проклятия, свистки милиции, но толпа остается неуправляемой. Проникнув в магазин и получив пайку хлеба, у тебя нет никакой уверенности, что её не отнимут голодные подростки, которые поджидают на улице в стороне от магазина. Особенно беззащитными перед налетчиками оказывались дети. Поэтому родители приходили к открытию магазина, чтобы сменить детей в очереди.

Но и после голодных двух лет 1932–1933 годов очереди за хлебом, а также за крупами, мясом, маслом и промтоварами ещё долгие десятилетия оставались печальной стороной повседневного быта, отнимая у людей здоровье и многие часы жизни».

Свои воспоминания я адресую молодежи. С истории семьи, с истории села, города начинается Родина. С уважительного отношения к родителям, к их взглядам, с уважения к односельчанам, учителям, начинается любовь к Родине.

Глава 6. Годы Первой мировой войны и революции

6.1. Ардонь, 1914–1916 годы

В 1914 году, с началом войны, вместе с призывом в армию началась мобилизация материальных и трудовых ресурсов страны для оказания помощи фронту. Значительную часть расходов по обеспечению фронта продовольствием, фуражом, обмундированием, гужевым транспортом взяли на себя Союз Городов и Земский Союз, которые объединились в единый Союз Земгор. Земгор создал глубокоэшелонированную структуру санитарной помощи фронту, в прифронтовой полосе были открыты передвижные и стационарные госпитали для оказания помощи раненым, десятки пассажирских поездов были переоснащены под санитарные поезда, созданные Земгором госпитали находились на его обеспечении.

В посаде Клинцы разместились тыловые госпитали, тыловые ремонтные артиллерийские мастерские и обслуживающие их полторы тысячи мобилизованных со всех городов России рабочих-ремонтников в военной форме. Клинцовские суконные фабрики поставляли шинельное сукно в армию. Ардонские каретные мастерские выполняли заказы военного ведомства на поставку разных видов гужевого транспорта для нужд армии.

По всей России при Городских Думах были образованы «Думские Комитеты», которые вошли в структуру Земгора и занимались только вопросами оказания помощи фронтовикам, их семьям, вдовам, сиротам, беженцам и раненым в госпиталях. Клинцовский «Думский Комитет» был создан в 1915 году и работал под председательством Виктора Александровича Федотова, а в 1917 году Николая Александрович Федотова. С первых дней существования Комитета в его адрес стали поступать пожертвования на открытие в Клинцах госпиталя. Среди многочисленных жертвователей в лице частных лиц и учреждений посада Клинцы «на помощь Комитету пришли и иногородние». В числе первых таких «иногородних» жертвователей стало «Городское Упрощенное Управление посада Ардонь, которое прислало ассигнованные Собранием уполномоченных, как единовременный взнос в кассу Комите-

та, 150 рублей»[1]. В дальнейшем пожертвования поступали постоянно.

Тысячи крестьян Суражского уезда были призваны в армию. Рабочие клинцовских заводов и фабрик и ардонских каретных мастерских имели отсрочку от призыва.

6.2. Ардонь, 1917–1918 годы

После Февральской революции 1917 года по всей стране социал-революционеры (эсеры) и социал-демократы меньшевики вместе с другими партиями начали создавать Советы. В Клинцах партия эсеров вместе с меньшевиками создала Совет рабочих и солдатских депутатов, в который вошли вскоре представители других социал-демократических партий (Поалей-Цион, большевики). Совет не был властной структурой. Власть в посаде оставалась в руках Городской Думы. Советы занимались созданием профессиональных союзов на предприятиях и в учреждениях, созданием примирительных комиссий на фабриках, объединением вокруг себя рабочих и солдат гарнизона, представители Совета вступали в переговоры с Городской Думой по ряду вопросов, прежде всего по вопросу об улучшении снабжения населения продовольствием, и сами включались в практическую работу по добыче и доставке продовольствия в посад. Дума тем временем готовилась к выборам, согласно новым демократическим правилам, предложенным Временным Правительством. Такие выборы в Клинцовскую Городскую Думу состоялись 13 августа 1917 года.

В новый состав Городской Думы вошли представители нескольких партий: Социал-демократы меньшевики, Бунд, Еврейская Социал-демократическая партия Поалей-Цион, Социалисты-Революционеры (эсеры), сионисты, большевики (2 человека) и обыватели, в том числе члены Совета рабочих и солдатских депутатов, в основном, эсеры. Партия предпринимателей получила всего три места.

Социал-демократическая ячейка возникла в Клинцах в 1905 году, члены ячейки разделяли взгляды левых и правых социалистов, но больше тяготели к позиции меньшевиков. Возглавлял ячейку рабочий-текстильщик меньшевик А.И. Александров. Его именем названа улица в Клинцах. После 1907–1908 года ячейка самораспустилась и возобновила свою деятельность после Февраль-

[1] ГАБО. Библиотека. «Клинцовский Думский Комитет» (Отчет «со дня основания по 31 декабря 1914 года»). Изд. 1915 г., с. 5.

ской революции. Александров после октября 1917 года постепенно перешел на позиции большевиков.

В 1917 году в Клинцах образовались две большевистские организации: одна – из солдат Военно-починочной мастерской, а другая – из среды фабричных рабочих.

Большевистская организация среди солдат Военно-Артиллерийской починочной мастерской возникла в апреле-мае 1917 года.

М.В. Меньшов, делегат первого Съезда Советов в Петрограде от партии Социал-революционеров (эсеров), возглавлявший в 1917 году Клинцовский Городской Совет, писал: «Агитаторами от большевиков тогда выступали в починочной мастерской секретарь ячейки большевиков Скворцов и группа Станкевич, Андреев. Наряду с постоянными выступлениями местных большевиков Станкевича, Андреева и других, в Клинцы приглашались агитаторы из Семеновки Андрей Рындич и Гордон (дама), из Суража Михаил Каганович»[1].

Ф.Т. Кошман вспоминал: «Большевистская ячейка образовалась в Клинцах в 1917 году в военно-артиллерийской мастерской, которую возглавлял тов. Станкевич. Я познакомился с ним лично и стал получать политическую литературу»[2].

Среди рабочих и жителей посада Клинцы большевистская организация стала оформляться только к концу 1917 года, уже после большевистского переворота в Петрограде. О слабости большевистской организации в Клинцах свидетельствуют участники событий 1917–1918 годов в Клинцах. К 50-летию Октябрьской революции многие из них написали воспоминания, которые хранятся в Клинцовском краеведческом музее (ККМ).

М.А. Покатнев писал: «Большевистская организация в Клинцах, оформившись в ноябре-декабре 1917 года и разместившись в небольшой комнате в здании Ратуши, развертывала свою агитационную работу. Но Клинцовские рабочие туго поддавались большевистской агитации, а тем более влиянию»[3].

В октябре 1917 года, накануне 2-го Съезда Советов и большевистского переворота, состоялись выборы нового состава Клинцовского Городского Совета. Выборы прошли 19 октября. Состав Совета обновился, но большевики в нем остались в меньшинстве. Делегатом от Клинцовского Совета на 2-й Съезд Советов в Петро-

---

[1] Воспоминания М.В. Меньшова, 10.05.1960 г. (Архив ККМ).

[2] Кошман Ф.Т. Воспоминания. 1953 г. Архив И.Я. Афанасьева.

[3] Покатнев М.А. «Великие Октябрьские дни в Клинцах» (рукопись 27.06.1957). л. 1. (Архив ККМ).

град был избран Павел Захарович Воронин (от Новозыбковского Совета – Василий Григорьевич Замотаев).

После октябрьского большевистского переворота в Клинцы из Петрограда вернулся П.З. Воронин, который рассказал, что депутаты от партии меньшевиков и эсеров, приблизительно треть состава делегатов Съезда, обличили и обвинили большевиков в военном заговоре и покинули зал. Но большевики, получив большинство, продолжили работу Съезда и в ту же ночь захватили власть в Петрограде. Съезд, в отсутствие эсеров и меньшевиков, избрал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и принял «Декрет о мире» и «Декрет о земле».

«Воронин выступал в духе протеста против захвата власти большевиками, – так писал в воспоминаниях М.В. Меньшов. – Под влиянием выступления П.З. Воронина и присутствующих на собрании меньшевиков и эсеров, была принята резолюция с протестом против захвата власти большевиками. Большевики, присутствующие в собрании, протестовали, но остались в меньшинстве»[1].

Через несколько дней из Москвы в Клинцы прибыл лидер клинцовских эсеров Александр Карпекин и на заседании Городского и Районного Совета внес проект телеграммы о поддержке (арестованного) Временного правительства, который был принят абсолютным большинством присутствующих членов Клинцовского Городского Совета эсеров, меньшевиков и их сторонников»[2].

События в Петрограде в октябре 1917 года достаточно подробно описаны, и уже дана оценка историками, тем не менее, свидетельства очевидцев, тем более земляков, вызывают интерес.

В дни переворота **матрос Никита Семенович Смирнов**, призванный на флот **из посада Ардонь**, находился в Кронштадте и был вовлечен в происходящие события. Сохранились его воспоминания:

«23 октября 1917 года наша воинская часть, расквартированная в Кронштадте, была приведена в полную боевую готовность. Чтобы не попасть впросак, мы попросили разъяснить нам, в чем дело. Нам ответили, что в Петрограде создан военно-революционный комитет, в распоряжение которого мы должны поступить. Для полной ясности в Петроград мы послали старого матроса, узнать, для чего мы должны поступать в распоряжение Ревкома. Вернувшись из Петрограда, матрос заявил, что в Ревкоме нам приказали, чтобы мы немедленно разоружили школы, в которых го-

---

[1] Воспоминания М.В. Меньшова. 1960 г. (Архив ККМ)
[2] Воспоминание И.Я. Афанасьева. 1965 г. (Архив ККМ)

Никита Семенович Смирнов

товят прапорщиков. Тут же была выделена большая группа моряков для разоружения четырех школ прапорщиков. Для обеспечения операции было взято учебное судно артиллерийского отряда, крейсер «Александр II», и поставлено на рейде перед Петергофом. Разоружение школ проводилось ночью и прошло без единого выстрела. /с. 23/ Оружие, изъятое в школах прапорщиков, немедленно было отправлено в Кронштадт.

24 октября 1917 года наш учебно-линейный отряд в количестве 1353 человек прибыл в Петроград. Расположились у Александровского сада. Наша рота была поставлена против штабелей дров. Дровами тогда отапливали Зимний Дворец и другие здания. По другую сторону штабелей дров дежурили юнкера и женский батальон, которыми командовал прапорщик Бочкарев. Неожиданно было передано по цепи: «Временному правительству предъявлен ультиматум, в случае невыполнения ультиматума, Зимний будем брать штурмом. Сигнал для штурма – выстрел крейсера «Аврора».

Через некоторое время раздался выстрел – люди зашевелились. Второй выстрел – люди поднялись. Прогремело несколько выстрелов из орудий Петропавловской крепости. Пулемет, установленный юнкерами между колоннами парадного входа, скосил несколько человек, но не задержал наступавших. Уничтожив пулеметчика, солдаты и матросы стали заполнять здание, уничтожая все, что сопротивлялось их движению. Девчата Бочкарева решили остаться живыми и прекратили сопротивление. К утру «Зимний» был полностью очищен.

Наш взвод под командованием унтер-офицера Твардовского был направлен на Васильевский остров для разоружения гардемарин. Хочу отметить активность латышских стрелков, принимавших участие в штурме и взятии Зимнего дворца.

Только утром, после штурма, я почувствовал озноб от падающего мокрого снега. У Николаевского моста на Васильевском острове нарядные дамы, глядя на корабли, стоявшие в Неве, злобно шипели: «Как воевать с немцами, у них нет крейсеров, а тут появились дредноуты».

Работы было очень много. Восстали юнкера Павловского и Константиновского училищ. Наш учебно-минный отряд участвовал в подавлении этих восстаний, в том числе 7-й сводный учебно-минный отряд был брошен на борьбу против войск, наступавших на Петроград под командованием Керенского-Краснова. Наш 7-й сводный учебно-минный отряд очистил с боями всю Балтийскую дорогу от красновцев.

В эти первые дни после Октября в Петрограде началась «эпидемия» пьянства. Солдаты и рабочие громили винные погреба и напивались до потери сознания. Попытки разогнать пьяные толпы с помощью пулеметов были безуспешными. Пьяные люди не разбегались под градом пуль, одни падали, а другие продолжали стоять. Тогда снарядили пожарных, которым было приказано разбивать в винных погребах посуду с вином, а вино выкачивать насосами на улицу. Вдоль тротуаров Петрограда потекли винные ручьи, уносящие в Неву уличную грязь и конский навоз. Можно было наблюдать, как к винному потоку припадали десятки солдат и рабочих и жадно втягивали в себя винную жидкость, пили, не отрываясь, до изнеможения. Я поднял пьющего из винной лужи солдата и потребовал уйти, а он жалобно попросил дать ему впервые за много лет окопной жизни насладиться вином.

«Зимний» охраняли латыши и матросы. В подвалах дворца они вскрыли бочки дорогих вин, напились так, что по этой причине пришлось менять войска охраны. Так закончился 1917 год»[1].

В Клинцах после Петроградского переворота большевики, в основном из солдат Военно-артиллерийских починочных мастерских, оставались в меньшинстве в Клинцовском Городском Совете. Солдаты-большевики представляли только часть личного состава Починочных мастерских, большевики не пользовались поддержкой клинцовских рабочих, людей религиозных, законопослушных, трудно поддающихся на агитацию. По этим причинам большевики в Клинцах в ноябре-декабре 1917 года не имели сил, чтобы

---

[1] Смирнов Н.С. «Восп. о пройденном пути с момента рожд...». 1965 г., рукоп., с. 22–25. (Архив ККМ).

демократическим путем получить власть в посаде, однако их влияние в Клинцах как партии, захватившей власть в Петрограде, значительно возросло.

В ноябре 1917 года в Клинцы с отрядом моряков прибыл Александр Фомич Улезко, энергичный, самоуверенный, непримиримый, яростно ненавидящий буржуазию, готовый в пьяном виде пустить в ход наган.

М.В. Меньшов писал, что только с приездом в Клинцы А.Ф. Улезко (сначала летом в отпуск, а повторно в ноябре 1917 года) «большевики в Клинцах оформились организационно и стали выступать более сплоченно и настойчиво»[1].

Основным направлением деятельности клинцовских большевиков (из Военно-починочной мастерской) в первые месяцы после захвата власти в Петрограде стало создание отрядов Красной гвардии для борьбы с Центральной Радой и агитация на селе за изъятие у помещиков земли и её раздел между безземельными крестьянами. Запись в Красную гвардию проводилась на станции Клинцы. Добровольцам выдавали обмундирование.

Тем временем в Клинцовской Городской Думе и в Клинцовском Городском Совете продолжалась подготовка к созыву Учредительного Собрания. В посаде сохранялось двоевластие с преходящим перевесом: то со стороны Городской Думы, то со стороны Городского Совета.

Большевистский переворот стал сигналом к развалу страны. В Киеве Центральная Рада объявила независимость Украины от России. На местах, особенно в северных уездах Черниговщины, в органах власти начались споры, какому правительству присягать. В Чернигове Губернская власть присягнула Киеву, в Северных уездах с принятием решения медлили.

Северные уезды Черниговской губернии еще при Временном правительстве стали осознавать свою независимость от Украинского правительства. В ответ на 1-й Универсал (23.06.1917) Генерального Секретариата, а затем и на 2-й Универсал, опубликованный 3 июля 1917 года, Временное правительство 4 августа 1917 года утвердило и направило из Петрограда в Киев в адрес Генерального Секретариата «Инструкцию», в которой признавалось Временное революционное правительство Украины в лице Генерального Секретариата: «Впредь, до разрешения вопроса о местном самоуправлении Учредительным собранием (в Петрограде) по делам местного управления Украиной, высшим органом Времен-

---

[1] Меньшов М.В. Воспоминания. 10.05.1960. (Архив ККМ).

ного правительства (в Киеве) является Генеральный Секретариат, назначаемый Временным правительством по представлениям Центральной Рады; Полномочия генерального Секретариата распространяются на губернии Киевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую, Черниговскую, **за исключением уездов Мглинского, Суражского, Стародубского и Новозыбковского.** Они могу быть распространяемы и на другие губернии или части их в случаях, если образованные в губерниях на основании постановления Вр. Пр., земские учреждения выскажутся за желательность такого распространения...Петроград, 4 августа 1917 г.»[1].

В тех же «Известиях Черниговского Губернского Исполнительного Комитета» было помещено сообщение «**о добровольном присоединении одной волости Мглинского уезда (повета) к автономной Украине**»: «Кульновский волостной исполнительный комитет Мглинского уезда уведомил Центральную Раду, что волостное собрание 23 июля вынесло постановление: «Кульневское волостное общенародное собрание, которое представляет весь Кульневский район Мглинского уезда, выказывает доверие Центральной Раде, посылает им пожелания успехов в работе и заявляет, что целиком присоединяется к автономной Украине»[2].

Но если до Октябрьского переворота в четырех уездах Северной Черниговщины большинство населения и властных структур стояли за сохранение в составе России, то после Октябрьского переворота настроение стало меняться. Предпринимателей испугали первые декреты большевистского правительства, требование национализации и экспроприации частной собственности.

Захват большевиками власти в Петрограде был объявлен Центральной Радой незаконным, противоречащим демократическим установкам Временного правительства, это стало одним из доводов, почему Центральная Рада объявила о своей независимости от Большевистской России. В Универсале от 7 ноября 1917 года говорилось о создании Украинской Народной Республики в границах девяти губерний и созыве 8 января 1918 года Украинского Учредительного Собрания.

О колебаниях между двумя политическими центрами свидетельствует и то, что в Клинцах, Стародубе, Новозыбкове и Мглине в ноябре-декабре 1917 года началась подготовка как к созыву Учредительного Собрания в Петрограде, так и к созыву Учредительного собрания в Киеве.

---

[1] Изв. Черниг. Губ. Исп. Ком. № 79 от 10.08.1917 г.
[2] Изв. Черниг. Губ. Исп. Ком. № 79 от 10.08.1917 г.

2 декабря 1917 года (н.с.) между революционной Россией и Германией начались сепаратные переговоры, которые через три дня завершились заключением временного перемирия, а через неделю начались переговоры о заключении Мирного договора между Советом Народных Комиссаров России и Германской коалицией.

Центральная Рада, считая, что Россия не вправе представлять интересы Украинской Народной Республики (УНР), обратилась с нотой ко всем воюющим странам и получила согласие на участие в переговорах.

Это вызвало появление Ультиматума, направленного Лениным и Троцким 3 декабря 1917 года Украинскому правительству. Центробежные политические силы неумолимо разводили Россию и Украину. Ультиматум Ленина и Троцкого, неудавшаяся попытка украинских большевиков легитимным путем получить власть во время Всеукраинского Съезда Советов (4 декабря 1917 г.), раскол демократических сил Украины, приведший к военному противостоянию между большевистским Харьковом и Центральной Радой, вступление правительства Центральной Рады в переговорный процесс о заключении Мирного договора с Германией, подготовка к созыву Учредительного собрания в Киеве – всё это ускорило развертывание военных действий украинских большевиков против Центральной Рады.

Начавшееся 25 декабря 1917 года наступление украинских большевиков со стороны Харькова на Киев против Центральной Рады, поддержанное большевистским правительством России, разгон большевиками Учредительного собрания в Петрограде ещё более укрепили Центральную Раду в мнении, что большевики, захватившие власть в Петрограде, проводят политику не демократии, а диктатуры одной партии, насильно насаждая свою власть как внутри России, так и за её пределами.

В январе – марте 1918 года власть в Клинцах и в других уездных городах Северной Черниговщины оставалась в руках органов, избранных демократическим путем при Временном правительстве.

Тем временем, 28 декабря 1917 года, возобновились переговоры между представителями Германской коалиции с одной стороны, и двумя делегациями России и Украины с другой стороны. Украинская делегация представляла интересы Центральной Рады, российская делегация – Совета Народных Комиссаров. 30 декабря 1918 года к переговорам в составе Российской делегации присоединилась делегация Советской Украины (большевики).

26 января 1918 года Киев был взят украинскими большевиками, Центральная Рада оставила столицу, а в Киеве была установлена Советская власть. Германская сторона, не заинтересованная

в поддержке Советской большевистской власти на Украине, предпочла сотрудничество с представителями Центральной Рады и в тот же день, 26 января 1918 года, между Германской коалицией и Центральной Радой был подписан Мирный договор. А 27 января державы Четверного союза (Германская коалиция) предъявили России ультиматум в связи с затягиванием переговоров о мире, который не был принят российской стороной.

Тогда Германия приняла решение нарушить перемирие и начать 18 февраля 1918 г. наступление в Белоруссии и Прибалтике.

17 февраля, за день до наступления Германских войск на Советскую Россию, представитель Центральной Рады обратился к Германской стороне за поддержкой Украине «в борьбе за своё существование». Германский блок согласился ввести в Украину регулярные войска и освободить Украину от большевистских Советов. Центральная Рада фактически соглашалась на оккупацию территории Украины Германскими войсками.

Правительство Центральной Рады пыталось таким образом сохранить территорию Украины независимой от России, за время оккупации укрепить власть на местах и в центре, восстановить производство, создать армию и, самое главное, присутствием германских войск поставить заслон проникновению большевизма из России на Украину.

Армия Германского блока перешла границу и стала растекаться по Украине. Украинские большевики, установившие к этому времени власть почти на всей территорией Украины, напрягали все силы, но противостоять 450-тысячной армаде австро-германских войск были не в состоянии. Киев пришлось сдать.

На Западный фронт были мобилизованы десятки солдат Клинцовского гарнизона. Большевики в большинстве уездов Черниговщины создавали боевые отряды обороны, партизанские отряды и выдвигали их навстречу наступающим немецким войскам. Избранные демократическим путем ещё при Временном правительстве властные органы в создании отрядов обороны не участвовали – пример двоевластия, более того, призывали не применять оружия, поскольку оккупация предусмотрена двухсторонним договором между Центральной Радой и Германским блоком.

Под ударами немецкой армии большевистская Россия вынуждена была принять условия ультиматума Германской стороны, и 3 марта 1918 года (н.с.) был подписан мирный договор на кабальных для России условиях. Договор был ратифицирован 14 – 16 марта IV Чрезвычайным Всероссийским Съездом Советов. Наступление немецких войск на Россию прекратилось, а оккупация Украинской территории была продолжена.

К 1 марта 1918 года немцы подошли к Злынке и остановились, стали рыть окопы, выставлять проволочные ограждения. Надо полагать, что немецкое командование не решалось оккупировать северные уезды Черниговской губернии. Но спустя полтора месяца 8–9 марта 1918 года немцы совершили бросок вдоль ж/д Гомель – Брянск и остановились возле станции Робчик, заняв Клинцы, Стародуб и другие населенные пункты.

Узнав о начавшемся наступлении немецких войск, Клинцовский районный Совет рабочих и солдатских депутатов разослал телеграммы в Советы четырех уездных городов Мглин, Сураж, Стародуб, Новозыбков, а также в Почеп и в Унечу с предложением срочно собраться 10 апреля 1918 года в Клинцах на Губернский съезд Советов. На время оккупации Чернигова руководящие органы Советской власти Черниговской губернии эвакуировались в Клинцы, а затем в Почеп и находились там до освобождения Черниговской губернии от оккупантов.

Клинцовский районный Совет предлагал принять на Губернском Съезде решение о выходе четырех северных уездов Черниговской губернии из состава Украины и присоединении их к Российской Федерации, чтобы оградить названные уезды от немецкой оккупации. Но времени на созыв Съезда уже не было. К посаду Клинцы подступали немцы.

Спешно создаваемые большевиками Украины военные формирования были слабо обучены и не имели должного вооружения. Первые столкновения с немецкими регулярными частями, происшедшие вдоль железной дороги Гомель – Брянск, показали неспособность отрядов Красной гвардии и самообороны остановить наступление немцев. Отступавшая от Гомеля 1-я Революционная армия под командованием А. Жилина тоже оказалась неспособной к сопротивлению.

Немцы остановили свое продвижение перед Унечей и приступили к созданию временной демаркационной линии. Сохранялась опасность нового броска немецких оккупационных войск в направлении к Брянску.

Не имея сил удержать Киев и в целом Украину от вторжения немцев, большевики Украины и России озаботились тем, чтобы волна оккупации Украины не перекинулась на территорию России.

«Народный Секретариат Советской Украины» 6 марта 1918 года, перед эвакуацией из Киева, предупреждал правительство России, что «согласно мирному договору Центральной Рады с Германией, Украина считается в границах 3-го Универсала, то есть с включением Харьковской и Воронежской губерний, Луганска и Криворо-

жья и южных частей Курской и Воронежской губерний. Поэтому можно ожидать наступление германцев и гайдамаков вплоть до этих границ». (Из сообщения Народного Секретариата Советской Украины о боях с Германскими войсками, 6 марта 1918 г.)»[1].

Граница между Революционной Россией и Самостийной Украиной ещё не была официально оформлена. Переговоры, которые начались в «Политической комиссии» между представителями большевистской России и Украинского правительства, затягивались, Украина заявляла права на губернии, которые, по мнению российских большевиков, должны принадлежать России. Российская сторона предпочитала вести переговоры о демаркационной линии с Высшим немецким командованием.

Нерешенность вопроса о линии разграничения создавала угрозу распространения немецкой оккупации за пределы спорных территорий вглубь России и отторжения от России не только спорных, но и других территорий. Поэтому все усилия были направлены на создание сил военного сопротивления наступающим немецким войскам. Но выставить перед немецкой армией мощный военный заслон у большевиков еще не было возможности.

В архиве Л.Д. Троцкого хранятся следующие телеграммы:

«Киев 29 мая 1918 г. Глубокоуважаемый Николай Михайлович. Не знаю, получили Вы мои последние письма с ориентировкой и краткими сведениями о нашей работе. Спешу сейчас же осведомить Вас о положении дел. Украинский ген. шт. предложил такую демаркационную линию, которая отнюдь не приемлема, ибо подходит на один переход к Брянску, почти вплотную к Курску, на переход к Воронежу и Новохоперску. Одним словом, должно еще до проведения этнографической границы малорусского населения отдать чуть не 15 уездов с 3 миллионом населения. Мы с Сытиным категорически высказываемся против того, чтобы уступить по этому пункту. Надо иметь в виду, что ни одного украинского солдата на всем фронте нет, а только немецкие войска. С немцами официально у нас мир, а фактически – война. Что же такое за небывалое положение. Выходит, мы сознательно закрываем глаза или разыгрываем дурачков. Немцы глубоко охватили наш левый фланг, заняли все хлебные местности, эксплуатируют их во всю и готовятся к дальнейшему походу на Великороссию. Полагаю, что на днях они займут все Белорусские губернии.

Кроме того, очень симптоматично следующее заявление украинского генштаба, что они оставляют за собой право продвигаться

---

[1] Киевщина в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции (1918–1920). – Киев. 1962 г.

вперед до тех пор, пока не встретят Советских войск /об этом было сказано, когда шла речь о районе южнее Богучара /, то есть бесконечное движение на Восток и выход в тыл, на Волгу. Одним словом, нельзя дремать ни минуты и надо готовить армию, если есть искреннее намерение спасти Великороссию от вторжения немцев. Не следует закрывать глаза на то, что фактически Малороссия оккупирована немцами и австрийцами. Все последствия оккупации на лицо.

Необходимо, чтобы Советская власть перестала сумасбродничать, бросая неисполнимые лозунги в народные массы, а дала возможность всем честным русским людям приступить к планомерной работе. Пора перестать искать всюду контрреволюцию, а надо стремиться всеми мерами водворить, во что бы то ни стало, внутренний порядок в стране. Искренно преданный Вам». (Подпись неразборчива, текст машинописный)[1].

Но и к концу июня 1918 года, когда германские войска уже приблизились к Ростову, вопрос о демаркационной линии на восточном фланге оккупационной зоны, у Ростова и Кубани, еще не был решен:

«Радиотелеграмма (20 июня 1918) Батайск военному руководителю генерального штаба Снесереву или его заместителю, всем, ввиду того, что по независящим от нас причинам наши военные эксперты Холодовский и Кожин не могли приехать в Батайск для **заключения перемирия и установления демаркационной линии**, предлагаю вам сделать это самим, войдя в переговоры с местным немецким командованием, которые получили уже на это распоряжение от высшего Германского командования. Сообщите немедленно о результатах через высшее Германское командование на имя председателя российской мирной делегации. Председатель делегации Раковский. Относительно работы П**олитической комиссии** могу сообщить, что **дебаты продолжаются по поводу установления границ, к определенным результатам еще не пришли**, предполагаю, что они пойдут на уступки. Пока больше ничего... Бельгов»[2].

Вдоль разграничительной линии, в нейтральной зоне, обеими сторонами чинились всевозможные преступления. О насильственном вывозе населения из нейтральной зоны возле Воронежа на Украину сообщает телеграмма:

---

[1] РГАСПИ Ф. 325, оп. 2, д. 23. Троцкий Л.Д. Материалы по международным вопросам...7.12.1917–16.08.1922 г., л. 108–109.

[2] РГАСПИ Ф. 325, там же, л. 113.

«Телеграмма из Киева Чичерину 20 июня 1918 от Бельгова. ...Вчера было отправлено высшему Германскому командованию заявление для предупреждения пограничных инцидентов и быстрой их ликвидации, которые могут возникнуть на нейтральной зоне: Брянском, Курском, Воронежском и Донском фронтах. Имею честь предложить на ваше рассмотрение предложение об организации смешанных военных комиссий, отдельно для каждого фронта, из двух ваших и наших представителей. Задача этой комиссии должна заключаться в устранении всех тех правонарушений, которые могут происходить помимо воли нашего командования, как одной, так и другой стороны, относительно того факта, который вы нам сообщили. О реквизировании немцами на Воронежском фронте и об увозе населения из нейтральной зоны мы довели до сведения об этом, требуя возвращения увезенного населения и предотвращения в будущем аналогичных фактов»[1].

Демаркационная линия летом 1918 года, судя по карте, хранящейся в архиве, проходила с северо-запада на юго-восток, из-под Петрограда через Финский залив до Ростова. У немцев были Нарва, Псков, Полоцк, Орша, Могилев, Новозыбков, Стародуб, Глухов, Белгород, далее линия шла дугой на восток в направлении к Новочеркасску[2].

Участникам переговоров о восточной границе зоны оккупации всё же удалось добиться существенного успеха, они не допустили, чтобы железная дорога Царицын-Тихорецкая вошла в зону оккупации. Эта была единственная дорога, которая связывала Россию с хлеборобным Северным Кавказом и нефтяным Майкопским районом. Немаловажную роль в этом вопросе имела своевременная концентрация Советских войск в Ростове. Военный руководитель Бонч-Бруевич 27 мая 1918 г. сообщал: «Ростов занят надежными войсками, что делает крайне трудной переправу Германцев на левый берег Дона для взятия Ростова и продвижения на Батайск. Воен. руковод. Бонч-Бруевич»[3].

Демаркационная линия не была глухой непроницаемой стеной. Как говорилось на заседании 1-й конференции представителей коммунистических организаций оккупированных местностей 20 октября 1918 г., по договоренности с Германским командованием «через границу пропускались беженские и санитарные поезда, до-

---

[1] РГАСПИ Ф. 325, оп. 2, д. 23. Троцкий Л.Д. Материалы по международным вопросам...7.12.1917–16.08.1922 г., л. 112.

[2] РГАСПИ Ф. 325, оп. 1, д. 407. Доклады, л. 135.

[3] РГАСПИ Там же, л. 131.

ставлявшие военнопленных из Германии». С этими поездами большевики передавали за границу и на оккупированную территорию пропагандистскую литературу. «За демаркационную линию было переправлено около 160 пудов коммунистической литературы, стоимость в 60 000 рублей»[1].

По воспоминаниям очевидцев тех дней, демаркационная линия в Суражском уезде была «полупрозрачной». Через «границу» шло двухстороннее движение, в Россию и обратно. В основном через границу перемещались многочисленные «мешочники», так называли тогда мелких торговцев, перевозивших через линию фронта сукно, сахар, ландрин, табак и пр. Большевики легко проникали через демаркационную линию на оккупированную территорию, переносили агитационную литературу, оружие. Сельская молодежь, чтобы уклониться от мобилизации в Красную армию, уходила за демаркационную линию и пр.

К демаркационной линии украинские большевики при содействии Москвы стягивали военные подразделения, наращивали их, готовясь в нужный момент перейти в наступление.

Дата начала немецкой оккупации посада Клинцы и посада Ардонь в 1918 году историками края не обозначена или же обозначена неверно: 10 апреля 1918 года. В воспоминаниях старых большевиков, написанных через пятьдесят лет после этих событий, говорится, что немцы в марте уже заняли Гомель. Отсюда делался вывод, что Клинцы были оккупированы в марте или в начале апреля 1918 года. Однако в «Черниговской Земской газете» есть сообщение: «13 апреля 1918 г. в посаде Клинцы Суражского уезда командующий 1-й революционной армией по борьбе с контрреволюцией А. Жилин издал приказ «о немедленной эвакуации Казначейства». «Все денежные знаки сдать казначею в штаб 1-й армии. Книги текущих счетов и другие книги, имеющие ценность, перевести в Брянск в распоряжение военного руководителя генерала Нешина. Инвентарь Казначейства передать городскому самоуправлению. Должностные лица должны немедленно выехать в Брянск вместе с документами. Настоящий приказ исполнить до двух часов дня 13 апреля 1918 года. Командир 1-й армии А. Жилин. 13 апреля 1918 г.»[2].

Надо полагать, что даты приведены по новому стилю, в таком случае Клинцы и Ардонь были оккупированы 14 или 15 апреля

---

[1] РГАСПИ Ф. 333, оп. 1, д. 3, л. 8–12.

[2] «Черниговская Земская газета» № 33–34, 1918 г.

1918 года. Несколько ранее того, 27 марта (9 апреля по н.с.) 1918 г., немцы вошли в Новозыбков.

Старый клинчанин, Гирша Юдович Давидович, 1908 г.р., сын богатого клинцовского портного, живший в 1918 году в доме родителей по Большой улице, напротив здания Думы и Управы (с пожарной каланчой), вспоминал, как входили оккупанты в Клинцы. «Немцы шли ровными колоннами под звуки оркестра, чеканя шаг по булыжной мостовой. Часть офицеров была на лошадях, другие шли строевым шагом рядом с колонной в высоких кожаных сапогах, начищенных до блеска, в правой руке у каждого был стек. Рядовой состав разместился в зданиях школ, а офицеры по квартирам. Вечером в здании Купеческого собрания был праздник с музыкой и танцами.

Немцы относились к населению миролюбиво. Еврейские девушки засиживались дотемна с немецкими солдатами на скамеечках возле своих домов, беседовали с ними на идиш и хорошо понимали друг друга. Гайдамаки, которые появились вслед за немцами, попытались было грабить еврейские семьи, устраивать погромы, но Клинцовская еврейская община собрала деньги и обратилась к немецкому командованию с просьбой защитить их семьи от мародеров и погромщиков. Больше погромов не было»[1].

Оккупационные власти обустраивались надолго. Сразу же были арестованы большевистские активисты. По отношению к остальному населению посада немцы не чинили никакого насилия. Существующие на местах органы власти, избранные в 1917 году при Временном Правительстве, не были распущены, но они превратились в органы исполнительной власти при штабах военных гарнизонов.

В Киеве немцы распустили Центральную Раду как «вредный инструмент демократии» и ввели авторитарную форму правления — гетманат, поставив гетманом Украины П. Скоропадского. При гетмане было сформировано правительство, лояльное по отношению к оккупантам. Но к концу 1918 года образовалась оппозиция гетманскому правлению, которая опиралась на мощь крупного военного соединения во главе с Петлюрой, и 14 декабря 1918 года П. Скоропадский отказался от власти и вместе с отступающими немецкими войсками эмигрировал за границу. 18 декабря 1918 года гетманат был заменен Директорией.

Немецкие оккупационные власти запретили Советы рабочих и солдатских депутатов повсеместно. В Клинцах были распущены фабзавкомы и уездный профсоюз текстильщиков.

---

[1] Воспоминания Г.Ю. Давидович, записаны в 1974 г. в Клинцах.

Полицейские функции в городе и в сельской местности были возложены на гайдамаков. Это добровольные военизированные формирования, созданные Украинским правительством, на которые в период оккупации правительством Украины были возложены функции поддержания порядка на местах и проведения национальной политики. Гайдамаки находились под контролем и защитой военно-оккупационных властей.

Заготовка продовольствия для оккупационных войск, поставка продовольствия и сырья для отправки в Германию проводилась органами местной власти по указанию оккупационных властей. Особенно крупные выборки продовольствия проводились на селе в присутствии гайдамаков, в случае саботажа или неповиновения гайдамаки применяли против крестьян меры принуждения и наказания.

Ф.И. Костаков в воспоминаниях писал: «Немцы отбирали у населения в первую очередь хлеб, муку, картофель, овощи, мясо, скот, сало, фрукты. Всё это оккупанты отправляли в Германию. Население начинало голодать. В поисках продуктов питания и одежды жители посада неоднократно переходили демаркационную линию, установленную по реке Унеча. На станцию Унеча ежедневно, несмотря на кордоны, шел поток людей из Клинцов. Некоторые ездили даже в Москву. В Советскую Россию, то есть в Унечу, несли на обмен и продажу шерсть, сахар, а из Унечи возвращались с хлебом, мукой. За демаркационной линией клинчане встречались с красногвардейцами, от которых знали, что в Унече идет формирование Богунского и Таращанского полков...»[1].

Демаркационная линия разделила Северные узды Черниговской губернии на две части. Мглинский уезд, часть Суражского и часть Стародубского уездов остались не оккупированными в зоне влияния Советской России. В Суражском уезде были оккупированы четыре волости: Рожновская, Голубовская, Ущерпская и Верещаковская. Восточная часть Суражского уезда (11 волостей) оставались под властью Советской России. Демаркационная линия в Суражском уезде проходила по левому берегу реки Унеча, пересекала железную дорогу Брянск-Гомель у ж/д станции Робчик, который стоит на левом берегу Унечи, юго-западнее станции Унеча, и уходила далее на восток, в Стародубский уезд. Город Стародуб,

[1] Костаков Ф.И. «О революционном движении рабочих посада Клинцы с 1905 по 1917 год и деятельность профсоюза текстильщиков с 1917 по 1925 год. Воспоминания 1965 г.» (Архив И.А. Фещенко).

посад Ардонь и посад Клинцы вошли в зону оккупации немецкими войсками. Оккупация Клинцов продолжалась с 14 апреля 1918 года по 13 декабря 1918 года.

Судя по документам 1918 года, демаркационная линия в июне 1918 года всё еще оставалась ненадежной, и сохранялась угроза наступления немецких войск для «исправления» демаркационной линии.

В протоколе заседания Суражского уездного собрания Крестьянских депутатов от 5–7 июня 1918 г. записано: «...Доложено о прибытии в собрание председателя Мглинского Уездного Совета Штрихунова с тремя товарищами и семи делегатов Западной области...

...Комиссия съезда признала необходимым сделать заявление от имени съезда о присоединении уезда к Российской Федеративной Социалистической Республике. Резолюция: «Заявить свой категорический протест против стремления гетманского украинского правительства присоединить Суражский уезд к территории Украины. Признаем такое притязание захватным и подчинение насильственным как местностей, которые тесно связаны братскими узами родства с Советской Российской Социалистической Фед. Респ. Мы твердо выражаем свою волю оставаться с Советской властью, как действительным защитником интересов трудящихся и, со своей стороны отдадим все силы на ея защиту. Резолюцию эту передать телеграфом в Киев делегации Совета для переговоров о заключении мира и в Совет народных комиссаров. Для вручения лично резолюции и для осведомления о настроении населения уезда послать двух делегатов в Москву и двух в Киев. Избранными оказались в Москву Дударев и Кошман, в Киев – Ковалев и Иванов»[1].

В конце июля 1918 года специальным поездом из Москвы в Орел переехал Центральный комитет КП(б) Украины. Главком украинских войск Антонов-Овсеенко поручил военному совету сформировать Первую Советскую украинскую дивизию на территории юго-западной Брянщины, разместив её вдоль демаркационной линии Сураж – Унеча – Стародуб – Новгород-Северский. Первый полк имени Богуна (формировал Николай Щорс), второй полк Таращанский (формировали по очереди Баляс, Барон и окончательно Василий Назарович Боженко) и третий полк – Новогород-Северский (формировал Черняк) (Сведения С.Р. Петриковского).

---

[1] ЦНИБО Ф. 6, оп. 1, д. 8. Протокол заседания Суражского уездного собрания Крестьянских депутатов и переписка упродкома. Июнь 1918 г., л. 1–2.

В Сураже был организован Уездный Совет, в Унече был образован Военно-революционный комитет, возглавляемый Н.И. Ивановым, приграничная ЧК, вдоль демаркационной линии было создано несколько партизанских отрядов, по числу приграничных волостей.

Большевиками на оккупированной территории велась агитационная работа, вооружалось подполье, совершались дерзкие военные вылазки. Наиболее крупная вылазка с нападением на посад Клинцы была предпринята в конце октября 1918 года.

После сентябрьских арестов в Клинцах группы подпольщиков и бегства остальных молодых подпольщиков в Унечу Клинцовская большевистская организация резко ослабла. Тем не менее, Унечский Военно-революционный комитет принял решение начать в Клинцах восстание. Серьёзных оснований к проведению кровавой операции не было. Скорей всего большевики решили провести «боевое крещение» только что сформированного Богунского полка, своего рода пробу сил.

Оставшиеся в Клинцах подпольщики в назначенный день должны были начать забастовку на предприятиях, вывести на улицу рабочих, парализовать власть в городе, а воинские подразделения тем временем подойти со стороны Унечи и поддержать восставших. Казалось, всё было предусмотрено и согласовано. Клинцовские рабочие-активисты действительно пытались остановить работу на предприятиях, вывести на улицы рабочих, но не встретили с их стороны не только поддержки, но даже получили отпор и тут же были арестованы.

Вылазка большевиков из Унечи и попытка поднять восстание в Клинцах оказалась неудачной и закончилась поражением, поэтому в истории революционного движения края о ней не принято вспоминать. Ю. Белан сообщает: «В течение трех дней с 23 по 25 октября 1918 г. шли упорные бои повстанческих отрядов с немецкими оккупационными частями в районе посада Клинцы»[1].

Подтверждение этому событию я нашел в воспоминаниях Евдокии Петровны Киреенко, жившей в 1917 году в Займище, возле ж/д станции Клинцы. По её свидетельству, «в один из осенних дней 1918 года возле станции Клинцы шел сильный бой, после чего всё поле перед Займищем было усеяно трупами красноармейцев. Убитых хоронили на Займищенском кладбище»[2].

---

[1] ЦГАОР УССР Ф. 85, д. 105, л. 297. // Ю. Белан «Отечественная война Украинского народа против немецких оккупантов в 1918 году». Изд. КГУ. 1969, с. 248.

[2] Воспоминания Е.П. Киреенко. Клинцы. Записано в 1972 г.

Вылазки красноармейцев на оккупированную территорию подтверждает участник событий 1918 года Иван Яковлевич Афанасьев, который в «Критических замечаниях старых большевиков на книгу «Клинцам 250 лет» писал: «Ведь **наша основная задача заключалась в том, чтобы всячески дезорганизовать тылы противника**, чем большевики и революционные повстанческие отряды и занимались, жертвуя подчас жизнью»[1].

После отпора вооруженного нападения большевиков немецкое командование ввело в Клинцах осадное положение. Любое передвижение в ночное время не допускалось, но и днем солдаты бдительно несли караульную службу. На высоких зданиях были выставлены наблюдатели, вооруженные пулеметами. Иван Кузмич Багравцев вспоминал, что в первых числах ноября 1918 года он возвращался домой со школы с товарищем. Ребята шли левым берегом Туросны, пробираясь сквозь обнажившийся осенний кустарник от Почетухи к Стодольской плотине, и неожиданно были обстреляны. Стреляли из пулемета с противоположного берега реки, со Стодольской пожарной вышки (Воспоминания И.К. Багравцева, 1995 г. Архив Р.П.).

В эти же дни немцы стали строить на окраине города укрепления, о чем сразу же стало известно в Сураже и в Унече.

8 ноября 1918 года на заседании Исполкома Суражского уездного Совета крестьянских и солдатских депутатов, в 10 часов утра слушали вопрос о посылке телеграммы Совнаркому о производящихся усиленно работах немецко-гайдамацких войск **в п. Клинцах по устройству окопов и проволочного заграждения**. Постановили: послать секретную телеграмму» («Протокол № 53 закрытого заседания Исполкома Суражского уездного Совета кр. и р.д. Сураж, Черниг., 8 ноября 1918 г.).

В тот же день, утром, 8 ноября, в Суражский Уездный Совет поступила телеграмма, которую сразу же зачитали участникам заседания Исполкома:

«Слушали телеграмму Наркоминдел об отзыве из России дипломатических представителей Германии. Постановили: 1) поручить военкому немедленно завязать связь с военными частями, расположенными в п. Унеча, в целях выяснения боеспособности этих частей. Кроме того, сделать распоряжение о приведении всех войск Суражского гарнизона и волостных взводов к полной боевой готовности и быть всегда на своих местах. 2) Для внутреннего распо-

---

[1] Критические замечания группы старых большевиков (18 чел.) на книгу «Клинцам 250 лет». Изд. Брянск, 1959 (Архив И.А. Афанасьева).

рядка по эвакуации избрать комиссию, которой поручить выработку плана эвакуации, в случае, если таковая окажется необходимой. 3) В комиссию, означенную в п. 2, избраны большинством голосов тов. Меньшов, Сивак-Козлов и Шалюпа»[1].

Отзыв дипломатических представителей Германии из России 8 ноября 1918 года был вызван беспорядками в столице Германии Берлине. 9 ноября 1918 года в Берлине была свергнута монархия, а 11 ноября было заключено Компьенское перемирие между Германией и Антантой.

Внешнеполитическая ситуация круто изменилась. В Германии сложилась «революционная ситуация», благоприятная для большевистской России, и большевистское правительство 13 ноября 1918 года аннулировало Мирный договор с Германией. Немецкие оккупационные войска в Беларуси, Прибалтике и на Украине стали готовиться к возвращению в Германию.

Через Унечу в Россию хлынул поток военнопленных, выпущенных немцами, солдаты шли пешком проселочными дорогами, добирались на попутном транспорте, направляясь к родным местам, скапливались на железнодорожных станциях, кормились кто попрошайничеством, кто работой, кто грабежом. Население от этого пребывало в тревоге и страхе.

В ноябре-декабре 1918 года, когда началась эвакуация немецких войск в Германию, на Украине активизировались разные политические и военные силы:

– вооруженные силы Директории под руководством С. Петлюры;

– повстанческие советские вооруженные силы под руководством Всеукраинского ЦВРК;

– добровольческие белогвардейские формирования;

– вооруженные силы гетмана Скоропадского;

– остатки немецких и австро-венгерских формирований;

– анархические и просто бандитские формирования.

Каждая из этих сил преследовала свои политические цели и стремилась к захвату власти. Офицеры царской армии (белая гвардия), в первую очередь их лидеры, рассматривали Украину как плацдарм для наступления на Советскую Россию. Силы Директории и ВЦВРК боролись за власть над Украиной. Вооруженные силы гетмана Скоропадского катастрофически таяли, пополняя силы Директории и ВЦВРК. Остатки немецких вооруженных сил

---

[1] ГАБО Ф. 1781, оп. 1, д. 3. Протоколы заседаний Суражского Уисполкома и Суражского Горисполкома окт. 1918 – дек. 1918 г., л. 36.

в Украине занимались исключительно организацией эвакуации и защитой самих себя, стараясь найти общий язык с Директорией, с ВЦВРК и с союзниками (в соответствии с мирным договором немецкие войска на территории Украины должны быть заменены войсками союзников).

После отречения гетмана Скоропадского от власти в Украине на первый план выступают две противоборствующие силы: украинские советские вооруженные силы и силы Директории.

В том же ноябре 1918 года в предвидение скорого вывода Германских войск с Украины Советская Россия предпринимает срочные политические действия. В Курске в ноябре 1918 года создается Временное рабоче-крестьянское правительство Украины во главе с Григорием Пятаковым и начинается ускоренная подготовка сил украинских большевиков к возвращению в Украину. В Курске создается Военный Совет (Курвоенсовет). С октября 1918 г. в Курске собираются украинские большевики из России и из оккупированной Украины. Например, Андрей Рындич из Семеновки Новозыбковского уезда в октябре уже находился в Курске, в это же время в Курск прибыли большевики А. Френкель и И. Дорошев, которые стали налаживать «живую связь с коммунистическими ячейками в Донецком бассейне (Макеевка, Харциз, Юзовка, Горловка)[1].

Революционные события в Германии подстегнули противостоящие вдоль демаркационной линии стороны к решительным миротворческим действиям.

У солдат появилась надежда скоро вернуться в Германию. Немецкие солдаты стали создавать полковые комитеты по типу комитетов, которые создавали большевики в Русской армии в 1917 году при Временном правительстве, и задачи перед солдатскими комитетами ставились те же – перехватить власть в армии, развалить армию и принудить правительство к скорейшему выходу из войны.

Военное большевистское командование нервничало, побуждая немцев к скорейшей эвакуации в Германию. Вдоль всей демаркационной линии большевики вели активную агитацию в рядах немецких войск, происходили совместные митинги, братание, парады, застолья.

Командование немецкой дивизии, расквартированной в Новозыбкове, в этих условиях приняло решение вывести из сел и из деревень мелкие подразделения и собрать их в крупных селениях.

---

[1] РГАСПИ Ф. 17, оп. 4, д. 44, л. 24.

Немцы уже без предупреждения, оставили узловой пост демаркационной линии на станции Робчик, ряд сел и деревень вокруг Клинцов и сосредоточились в Клинцах и в Новозыбкове.

Терешков, большевистский «организатор» Советской власти на оккупированной территории, в докладе Комитету Унечской организации коммунистов сообщил, что 18 ноября 1918 года он по поручению Карачевской организации РКП(б) прибыл в Украину для организации там Советской власти и обнаружил, что **в районе Клинцов немцы начинают отступать и совместно с ними и гайдамацкие банды. «Я приступил в очищенной области к организации Советской власти,** то есть Советов деревенской бедноты. Организация всюду шла успешно. Крестьяне на призыв? организовать в деревне той или иной (органы Советской власти. – Р.П.) идут всеми силами и средствами навстречу. Мною было организовано 9 деревень, то есть 9 Советов, а именно: село Робчик, село Запольские Холевичи, Медведово, село Голубовка, Ярцево, Старохолевичи, хутор Елизаветпольск, Селищи...В некоторых деревнях беднейшее крестьянство сразу идет в наши повстанческие ряды. А также просят почаще приезжать к ним на места и разъяснять положение данного момента. Организатор Терешков»[1].

В докладе тов. А.Б. говорилось: «Подъездная железная дорога Новозыбков – Новгород-Северский трепещет. Буржуазия этих мест спешно распродает товары и бежит в глубокий тыл к Киеву. Слухи, что большевики все приближаются к этой дороге, заставили полицию разбежаться за несколько десятков верст от тех мест, что заняли большевики. Пролетариат ждет не дождется товарищей. Всюду говорят, что гайдамаки, бывшие в посадах Воронке и во всех посадах и селениях, прилегающих к Новозыбкову, бежали на Новозыбков и дальше. На мой взгляд, маленький нажим и весь подъездной путь Новозыбков – Новгород-Северск будет в Советских руках. При моем проезде через границу я не встречал никаких постов, ни гайдамаков, ни немцев, и также не встречал нигде советских постов. Следовало бы поскорее исправить тот пробел, слишком широки двери для всяких шпионов. А.Б.»[2].

Докладчик тов. Хенкин доложил Комитету «Унечской организации большевиков-коммунистов» о поездке в район посада Клинцы: «Из своей поездки по району Клинцы я вынес впечатление,

---

[1] ЦНИБО Ф. 6, оп. 1, д. 6. Доклады членов делегации Унечской орг. РКП(б) и Таращанского полка о переговорах в дер. Пятовск с немецкой делегацией 106 Ландверского полка по поводу занятия частями Красной армии города Стародуб, л. 5.

[2] ЦНИБО Там же, л. 7.

что указанные местности нуждаются в усиленной и напряженной работе организации советских учреждений и в очищении этих местностей от контрреволюционных элементов. Кроме того, по моему мнению, следует сдержать наплыв военнопленных, особенно в прифронтовой полосе, дабы не дать возможность гайдамакам свободно проходить под видом военнопленных, или принять какие-либо меры по надзору за военнопленными. Член партии И. Хенкин»[1].

Одновременно с выводом своих мелких подразделений в крупные населенные пункты немецкое командование через представителей своих полковых комитетов вступило в переговоры с большевиками об условиях последующего мирного отступления без вооруженных конфликтов.

С 13 ноября 1918 года начались переговоры между представителями бригады Щорса и представителями полкового комитета немецкого гарнизона, разместившегося в Новозыбкове и в Клинцах, о взаимоотношениях до, во время и после вывода немецких войск из города Стародуб, посада Клинцы и других оккупированных территорий.

Телеграмма № 482. Телеграмма командира Богунского полка Н. Щорса В.И. Ленину о прибытии к богунцам делегации германских революционных солдат:

«Унеча, 13 ноября 1918 г. Прибыла немецкая делегация в числе девяти человек от 106-го и 19-го немецких полков с первым красным революционным знаменем в Богунский полк, где оно хранится. Была оказана торжественная встреча, на вокзале был устроен митинг, на котором присутствовали делегаты, местные коммунисты Богунского полка остальных воинских частей, после чего был устроен ужин. Переночевав, делегация с музыкой [и] знаменами, с Богунским полком [в] полном боевом составе отправилась в девять часов утра 13 ноября на манифестацию за демаркационную линию в села Лыщичи и Кустичи-Бряново, откуда прибыли представители из немецких частей. Меры, указанные в телеграмме, приняты. С утра высланы представители, коммунисты-агитаторы. Немецкие солдаты соглашаются арестовать своих офицеров. Дальнейшее сообщим».

Встречи и переговоры представителей обеих воюющих сторон были продолжены все последующие дни.

---

[1] ЦНИБО Ф. 6, оп. 1, д. 6. Доклады членов делегации Унечской орг. РКП(б) и Таращанского полка о переговорах в дер. Пятовск с немецкой делегацией 106 Ландверского полка по поводу занятия частями Красной армии города Стародуб, л. 9.

Члены партии коммунистов Ольховой и Лейбович в докладе Унечской организации РКП(б) о переговорах с немецкими делегатами для выяснения положения дел на бывшей демаркационной линии сообщили, что «16 ноября 1918 года, выехав из Унечи в 12 часов ночи мы в 8 утра 17 ноября 1918 г. прибыли в село Покослово, где собрались представители 2-го Таращанского и 3-го Новгород-северского полков. Отсюда с делегацией от Таращанского полка мы отправились в 11 часов дня в Пятовск за демаркационную линию, где беседовали в частном совещании с представителями Стародубского Совета Солдатских немецких Депутатов 106 Ландверского полка. Немецкие представители заявили, что они после своего ухода представляют нам свободу в оккупированной местности. На наше заявление о желании занять Стародуб до их ухода они сказали, что против ничего не имеют, город сдадут без боя, если будут заблаговременно предупреждены о желании занять его. Однако просили воздержаться от занятия до окончания **съезда Дивизии в Новозыбкове**, который должен закончиться 19-го ноября. Они заявили, что будут нейтральны, если кто-нибудь из коммунистов войдет в Стародуб, но заявили, что они не ручаются за поведение гайдамацких войск. Гайдамаки бывают в Стародубе наездом. Главная задача, которую они ставят перед собой – это скорейшее возвращение на родину, и они желают, чтобы не было никаких кровопролитий. С коммунистами они желают поддерживать дружественное отношение... По поводу своих офицеров они заявили, что те от них совершенно отказались, и они, солдаты, за ними следят.

После обмена мнениями наша и немецкая делегации двинулись с красными знаменами и пением революционных песен в Покослово. При въезде в село была устроена торжественная встреча с речами и затем, после парада, был устроен обед. Во время обеда присутствовавшие обменялись мнениями, была выработана приветственная телеграмма товарищам Либкнехту и Ленину, Троцкому и Чичерину... после обеда мы вернулись в Пятовск, условившись, что новая встреча будет 19 ноября. Борис Ольховой. Член РКП Лейбович 30 ноября 1918 г.»[1].

Телеграмма № 487 Телеграмма командира Богунского полка Н. Щорс – В.И. Ленину о переговорах с германскими солдатами.

«Унеча, 16 ноября 1918 год. Переговоры велись через штаб Богунского полка с пятью гарнизонами. Преобладающее настрое-

---

[1] ЦНИБО Ф. 6, оп. 1, д. 6. Доклады членов делегации Унечской орг. РКП(б) и Таращанского полка о переговорах в дер. Пятовск с немецкой делегацией 106 Ландверского полка по поводу занятия частями Красной армии города Стародуб, л. 1–1 об.

ние немецких солдат в духе коммунизма. Шейдемановцы составляют десятую часть. Офицеры отстранены и не участвуют ни в переговорах, ни в выборах в комитеты. Завтра выборы полковых комитетов. Вторник [выборы] дивизионного. [В] конце недели надеюсь созвать армейский съезд в Киеве. Приняты меры к присутствию там интернационалистов. Необходимо послать крупные силы из центра. Командир Богунского полка Щорс»[1].

Через двое суток в районе Стародуба побывали коммунисты Лещев и Ритман. В своем докладе они сообщили, что «21 ноября прибыли в Мясники, в штаб Таращанского полка. В Мясниках нам сообщили, что Стародуб по договору с немцами должен быть очищен во вторник. Во вторник же в город вступили наши квартирьеры. О своем уходе немцы известили наши войска выставлением белого флага. Там же мы беседовали с делегацией, ездившей в Стародуб принимать политических заключенных, которых немцы, согласно обязательству, данному на совместном заседании с нашими представителями, должны были освободить всех, без исключения. Но освобождены были лишь незначительные деятели, а активные работники не выпущены... Наша делегация в город не была допущена, хотя на том заседании было постановлено освободить арестованных в присутствии нашей делегации. Свой отказ впустить в город немцы мотивировали нежеланием допустить столкновения с гайдамаками, находящимися в количестве до 50 человек в Стародубе... По телефону мы говорили с командиром бригады Щорсом, который посоветовал нам ехать обратно в Унечу, так как по договору с немцами в течение 5 дней никаких попыток к проникновению в Стародуб и ближайшие окрестности наших войск и представителей не должно быть... 23 ноября 1918 г. З. Ритаман и Лещев»[2].

То есть, через пять дней, 27–28 ноября 1918 года «проникновение наших войск в Стародуб» становилось возможным.

Немецкое командование и солдатские комитеты частей, расположенных в Северной Черниговщине, признавали за украинскими большевиками силу и право преемства, поэтому, готовясь к выводу войск, вели переговоры о передаче освобождаемой территории Украины не с гайдамаками, не с представителями гетманского правительства, а с представителями Унечского Совета и даже обращалось к Унечскому Совету за разрешением провести изъятие продовольствия у крестьян, чтобы не спровоцировать столкновений с местными жителями: «Унеча. 17 ноября 1918 г. – Телеграм-

---

[1] Клинцовский Краеведческий музей (ККМ). Папка 7–1.
[2] ЦНИБО Там же, л. 3.

ма. Немецкие солдаты пограничной полосы обратились к Советским представителям в Унече за разрешением реквизировать хлеб на Украине, ибо крестьяне отказываются их кормить»[1].

Для немецкой стороны соединения повстанческой дивизии были военными формированиями не Советской России, а Украинского Советского правительства.

Чтобы не допустить появления в оставленных немцами селениях никакой иной власти, а только Советской, командование 1-й особой Повстанческой дивизии (1-й Советской Украинской дивизии) получило от главкома Украинских войск разрешение перейти демаркационную линию и оставаться постоянно в соприкосновении с германскими войсками.

Аннулирование Советским правительством 13 ноября 1918 года Мирного договора формально касалось отношений России с Германией.

Вывод войск Германской коалиции с территории Украины согласован был не с Россией, а с Антантой и увязан с вводом миротворческих соединений Антанты на освобождаемые немцами территории.

Но вывод оккупационных войск с Украины, подстегиваемый нетерпением солдатской массы, организованной в полковые комитеты, разагитированной большевиками и собственными агитаторами, происходил настолько стремительно, что войска Антанты не успевали прибыть, развернуться и приступить к выполнению своей миротворческой миссии. Правительство Скоропадского было обеспокоено тем, что немцы практически бросали на произвол судьбы созданное ими правительство Украины.

Внутри Украины и за её пределами росли и скапливались силы противодействия присутствию войск Антанты на Украине.

Эта политическая сторона вопроса оказывала влияние на поведение обеих сторон. Большевики проявляли нетерпение, стремясь ускорить начало эвакуации, и заражали нетерпением немецких солдат. Нетерпением были заражены украинские большевики Бубнов, Пятаков, Примаков, Затонский, по их мнению, Украинская освободительная армия должна заниматься освобождением Украины от немецких оккупантов, и выступали против переброски 1-й Украинской освободительной армии из района Северной Черниговщины на Дон.

---

[1] ЦНИБО Ф. 6, оп. 1, д. 6. Доклады членов делегации Унечской орг. РКП(б) и Таращанского полка о переговорах в дер. Пятовск с немецкой делегацией 106 Ландверского полка по поводу занятия частями Красной армии города Стародуб, л. 20.

Нетерпение немецкой солдатской массы заставляло военное оккупационное командование, не дожидаясь сил Антанты, идти на компромисс с украинскими большевиками, вести с ними переговоры, идти на уступки, только бы избежать военного конфликта при выводе оккупационных войск по железной дороге в направлении Клинцы–Новозыбков–Чернигов.

27 ноября 1917 г.

В этот день, 27 ноября 1917 года, Н.Щорс выдвинул свои части за демаркационную линию к Ардони. Это перемещение было согласовано с немецкой стороной в лице полковых комитетов. При резко возросшем влиянии полковых комитетов роль командования не была сведена до минимума. В немецких частях сохранялась войсковая дисциплина. Войска Щорса подошли к посаду Ардонь и к селу Богородицкое, где и остановились.

27–28 ноября 1918 года Таращанский полк также перешел демаркационную линию и занял город Стародуб, оставленный немцами еще за пять дней до этого. В Стародубе разместился штаб Таращанского полка и штаб 1-й особой Повстанческой дивизии.

Исследователь А.И. Поддубный писал в статье «Щорс и Новозыбковский край»: «27 ноября 1918 года Богунский полк подошел к Ардони, предместью Клинцов, и застрял на пороге посада Ардонь на две недели... Обе стороны не желали ввязываться в драку. Немцы хотели организованно уйти с оккупированной территории и по возможности вывезти имущество...»[1].

Однако приближение Богунского полка к Ардони неожиданно осложнилось артиллерийской перестрелкой с обеих сторон.

Вопрос, кто первым 27 ноября 1918 года нарушил перемирие и начал артиллерийскую стрельбу, неоднократно обсуждался краеведами. Чтобы окончательно выяснить этот вопрос, сравним несколько источников.

«Черниговская Земская газета» писала: «Посад Клинцы. **В конце ноября** большевики сделали нападение на посад Клинцы. Судя по отсутствию организации нападающих, их следует признать как обычных бандитов. Хотя местные немецкие войска отбросили большевиков от посада, однако, обстановка в посаде Клинцы остается напряженной. Началось бегство зажиточных людей. На совещании представителей всех учреждений посада Клинцы было решено, так как положение стало небезопасным, эвакуировать все учреждения из посада в г. Чернигов. С 3 декабря из Клинцов начали

---

[1] Поддубный А.И. «Щорс и Новозыбковский край», газета «Маяк» от 30.08.2001 г.

выезжать не только учреждения, но и чиновники с семьями. Последнее объясняется ещё и тем, что незадолго до эвакуации один из служащих казначейства М. Казачков, живший в трех верстах от посада, был зверски убит бандитами, все тело было изрезано штыками и брошено в поле. Это убийство произвело на всех служащих угнетающее впечатление»[1].

Это газетное сообщение не указывает на дату «нападения» большевиков на Клинцы и не выясняет, кто спровоцировал военный конфликт.

Нам удалось найти свидетельские показания учителя школы села Богородицкое Ефима Коробко, 36 лет, данные им сотруднику Брянского Особого отдела в селе Богородицкое 2 февраля 1919 года. Показания были взяты «по подозрению граждан Ивана Романовича Ребика, Анны Поляковой и Елены Ивановны Поляковой в шпионаже в пользу контрреволюции». Ефим Коробко рассказал: «**...Во время занятия посада Ардонь и села Богородицкого Советскими войсками, из Клинцов последовал обстрел из орудий гайдамаками нашей местности**. Я и учительница Елена Ивановна Полякова ушли в соседнюю деревню Коржевку и поместились в школе, где пробыли целую неделю. На следующий день я приехал из Коржевки в с. Богородицкое, чтобы разузнать, можно ли приехать обратно, но командир батареи Никитенко предупредил меня выждать некоторое время и вместе с тем высказал, что наступающей ночью будет обстрел посада Клинцов. Вечером того же дня из Клинцов прибыла депутация от немцев и от рабочих Клинцовских фабрик с просьбою не обстреливать посад Клинцы, и просьба их была уважена»[2].

Как видно из показаний Ефима Коробко, 1) вооруженный конфликт возник не 28, а ещё 27 ноября при подходе соединений бригады Н. Щорса к Ардони; 2) артобстрел начался со стороны посада Клинцы, а большевики ответили тем же; 3) конфликт продолжался чуть больше суток. Однако появление в показаниях Ефима Коробко утверждений, что артобстрел начали гайдамаки, ставит под сомнение достоверность показаний. Коробко не мог знать, кто стрелял со стороны Клинцов, его суждения о гайдамаках либо следствие ходивших 27 ноября слухов, либо же следователь сознательно вводит в показания учителя эти сведения, искажая события и выставляя большевиков потерпевшей стороной.

---

[1] «Черниговская Земская газета» № 95–100. 21 декабря 1918 г.

[2] ГАБО Ф. 594, оп 1, д. 948. Дело Особого отдела Брянского района Орловского Военного округа...о шпионаже и контрреволюции, с. 54–54 об.

Если следовать версии Ефима Коробко и его следователя, то в ответ на артиллерийский обстрел гайдамаков и была предпринята вылазка большевиков в посад Клинцы, о котором сообщала «Черниговская Земская газета». М. Черный пишет, что 27 ноября «первый и третий батальоны Богунского полка вступили в Клинцы, немцы пропустили их, а затем обстреляли. Двое красноармейцев были убиты, 28 ранены»[1].

Владимир Лукьянович Майстров уточнял, что «одна группа красноармейцев наступала со стороны Вьюнки, они дошли почти до Городского сада, но их оттеснили обратно. Другая группа наступала со стороны Коржовки к Стодолу и тоже была отбита.

Мы отмечали, что во время оккупации большевики стремились дезорганизовать немецкий тыл. Боевая вылазка «щорсовцев» в Клинцы в октябре 1918 года преследовала цель заявить о себе, показать оккупантам, что под боком у них скопились крупные военные силы, готовые вступить в бой, а если удастся, выбить немцев из посада.

Теперь, когда оккупанты готовились к возвращению в Германию, когда обе стороны братались, проявляли заинтересованность в мирном выводе оккупационных войск и уже нашли формулу перемирия на время эвакуации, возникли какие-то веские причины развязать военные действия против немецкой стороны.

28 ноября 1918 г.

На следующий день, 28 ноября 1918 года, командир Богунского полка Н. Щорс телеграммой из Унечи доложил Всеукраинскому Центральному Военно-Революционному Комитету (ВЦВРК):

«Богунским полком заняты посад Ардонь Чернецкая, село Богородское, Коржовка, всюду восстановлены советы, военно-революционные комитеты. Население везде встречает радостно. Большой наплыв добровольцев, за которых ручаются Советы и комитеты бедноты. Продвижение на Клинцы; подъем духа и сознательная дисциплина среди солдат».

В это же время телеграмму подобного содержания в Курск во Всеукраинский ЦВРК Пятакову направляет Н.И. Иванов (Унеча): «Богунским полком занят посад Ардонь Чернецкая, Богородское, Коржовка, наплыв добровольцев»[2].

---

[1] Черный М. Клинцы и клинчане. – Брянск 1994, с. 62.

[2] Архив С.Р. Петриковского // Унечский историко-краеведческий музей.

Однако в обеих телеграммах ничего не говорится об артиллерийской перестрелке и о попытках большевиков ворваться в Клинцы. По-видимому, Н. Щорс считал эту попытку «мелким инцидентом», к тому же закончившимся неудачно, поэтому предпочел о ней умолчать. Посмотрим, как оценивала конфликт Германская сторона.

В Германских официальных сообщениях, опубликованных в газете «Гомельская жизнь» от 30 ноября 1918 года читаем:

«Под защитой густого тумана наступили 28 ноября в 9 часов утра четыреста большевиков с юга и юго-запада и через несколько времени – ещё 300 с востока на Клинцы. В первом переполохе им удалось занять станцию ж.д. Бойкое контрнаступление, исполненное под начальством капитана Коспоть вторым батальоном 106 герм. полка и отдел. гусар при весьма удачной помощи герм. арт. полка №19 отняло от неприятеля вокзал и отбила ворвавшегося с востока неприятеля. Он бежал от герм. натиска, оставив в руках немцев много убитых и раненых, а так же 12 пленных и 5 пулеметов. В 3 часа дня вновь отряд большевиков в числе 300 человек повторил наступление с севера. Их атака достигла проволочных заграждений города и была здесь разбита огнем нашей пехоты. Пятая рота германского пехотного полка взяла контратакой несколько пленных и два пулемета. Наши движения исполнялись под начальством подполковника Шульца. Украинская милиция главно участвовала при защите. Благодарю войско и вождей за сданную осанку и храбрость. Они отразили злонамеренного превосходящего числом неприятеля от наших жел. дор. путей района концентрирования. Это было важно для всего корпуса и для наших товарищей, возвращающихся с юга Украины на Родину. Главнокомандующий фон Гронау, генерал от артиллерии» [ЦАР, Г-32 газета «Гомельская жизнь» № 1735 от 30.11.1918 г.].

В той же газете о «Налете большевиков» есть еще одно сообщение:

«28 ноября, часов около 8 утра, на станции Клинцы, Полесских ж.д. появился отряд красноармейцев, численностью до 200 человек. Отрядом был уведен начальник этой станции В.А. Ельяшевич, тело которого, после ухода большевиков, было найдено в ста саженых от станции. Большевики находились в пределах станции до 11 часов и, после перестрелки с немецкими войсками, бежали, оставив несколько человек убитых. Служащие станции были терроризированы слухами о том, что к ночи последует вторичное нападение и что большевиками приговорено к смерти еще 12 человек служащих. Слухи оказались ложными и ночь прошла спокой-

но. Принимаются меры к более бдительной охране станции». [ЦАР, Г-32, газета «Гомельская жизнь» № 1735 от 30.11.1918 г.][1].

Германское официальное сообщение опровергает М. Черного, писавшего, что 27 ноября «первый и третий батальоны Богунского полка вступили в Клинцы, немцы пропустили их, а затем обстреляли». Сами немцы указывают, что большевики совершили нападение утром 28 ноября 1918 г. Из этих сообщений становится ясной цель атаки большевиков – железнодорожная станция.

Вопрос о причинах военного конфликта 27 ноября 1918 года и нападения подразделений Богунского полка Н. Щорса на Клинцы до сих пор остаётся не выясненным.

Однако есть основания предполагать, что Н. Щорсу было известно, что в Клинцах скопилось большое количество готовой продукции суконной фабрики Барышникова сыновей, которую Барышниковы готовились вывезти из Клинцов. Н.Щорс стремился воспрепятствовать этому.

«Премьер министр последнего кабинета гетмана — С.Н. Гербель признавался, что в расчете на будущее наступление союзников против русских войск «нарочно» оставил нетронутыми богатые запасы хлеба и сукна (в Клинцах) на севере Черниговской и Харьковской губерний, в непосредственном соседстве с Совдепией»[2].

Можно также допустить, что Н. Щорс пытался восстановить боеспособность полка, а самое главное доказать, что после бегства из полка большей части личного состава 1–4 ноября 1918 года, боеспособность полка восстановлена. Не случайно Н. Щорс в телеграмме от 28 ноября 1918 года сообщает о «Большом наплыве добровольцев, за которых ручаются Советы и комитеты бедноты». То есть идёт пополнение личного состава полка морально здоровыми силами.

Пояснение: 1-я Особая Повстанческая дивизия (1-я Советская Украинская дивизия) находилась в резерве армии Глаголева, который планировал в начале ноября 1918 года перебросить дивизию на Дон. Когда слухи об этом дошли до бойцов Богунского полка, а начальник штаба Петренко даже издал приказ о передислокации полка, это вызвало мятеж среди солдат Богунского полка и около $^3/_4$ личного состава полка просто сбежало из подразделения. Вопрос о передислокации отпал сам собой, но на повестке

---

[1] Архив С.Р. Петриковского // Унечский историко-краеведческий музей.

[2] Архив С.Р. Петриковского. Там же.

стал другой вопрос: о переформировании дивизии в бригаду. Поэтому забота о пополнении подразделений полка новыми бойцами стояла так остро. После занятия посадов Ардонь и Клинцы, где было много безработной и голодной рабочей молодежи, полк Щорса пополнился бойцами, а при дальнейшем продвижении полка в направлении к Чернигову приток добровольцев записаться в полк стал превышать потребности.

29 ноября:

События последующих дней вскрывают замыслы Н. Щорса.

Получив отпор в Клинцах, Н.Щорс как командир 2-й бригады дает указание подчиненному ему командиру Таращанского полка блокировать железнодорожное сообщение между Клинцами и Новозыбковым. Это должно было осложнить немцам эвакуацию из Клинцов и лишить их подмоги со стороны Новозыбкова.

«Приказание командира 2-й бригады Н. Щорса командиру Таращанского полка В.Н. Боженко о движении его полка на Клинцы:

«29 ноября 1918 года. С получением сего двигаться по маршруту: с. Елёнка на Большой Топаль и Туросна. Цель – Клинцы. Дойдя до Займища дать мне знать. Командир 2-й бригады – Щорс»[1].

Одновременно Н. Щорс передает командиру Таращанского полка записку с разъяснением ситуации и своих предполагаемых действий, см. ниже.

30 ноября:

Командир Таращанского полка докладывает Начальнику особой дивизии об указании комбрига-2 Николая Щорса на передислокацию Таращанского полка в сторону Клинцов:

«Начальнику особой дивизии. Гор. Стародуб. 1918 года 30 ноября утро. Место отправления Стародуб. Карта 3 версты в дюйме.

Я получил только что от командира 2-й бригады тов. Щорса сообщение следующего содержания, помеченное 29 ноября: «Сообщаю, что немцы в Клинцах продались за два миллиона рублей для защиты фабрикантов. С этой целью я стягиваю все силы в Клинцы для жестокой расправы. Из Новозыбкова немцы 100 человек и 30 человек гайдамаков подвезли бронированный поезд. В Клинцах 500 человек гайдамаков и немцы, до 8 орудий 3-х дюймовых. Я

---

[1] Архив С.Р. Петриковского // Унечский историко-краеведческий музей.

при попытке вступить в город Клинцы был встречен орудийным и ружейным огнем. Прибывай с полком скорее. Нужно производить пополнение людьми. Передай кавалеристам ответ о передвижении и когда можешь прибыть, я буду ждать».

Одновременно с этим сообщением я получил также от командира 2-й бригады (маршрут) передвижения от 29 сего ноября за № 59:

«Ком. Таращанского полка с получением сего двигаться по маршруту от Елёнки на Большой Тополь и Туросна – цель Клинцы. Дойдя до Займище дать мне знать».

Ставя об этом в известность, жду Ваших распоряжений. Не лучше ли было бы полку с артиллерией пойти на Клинцы, а оттуда продолжать прежний маршрут.

Начальник кавалерии доносит мне, что в Елёнке 250 немцев при двух орудиях, а гайдамаков нет. Из с. Нижнего немцы ушли вчера в Топаль, а гайдамаки съезжаются в Митьковке. Командир Таращанского партизанского полка (подпись)»[1].

Следует обратить внимание, что:

– два штаба: штаб Дивизии и штаб Таращанского полка находятся в Стародубе, однако Боженко делает письменный подробный доклад;

– очевидно, что перед Таращанским полком стоит иная задача, но Боженко готов выдвинуться на помощь Щорсу;

– «два миллиона Барышникова» – скорей всего Барышников заплатил немцам за вагоны для эвакуации своей готовой продукции – сукна;

– и самое главное: Н. Щорс ничего не говорит о причинах артиллерийской перестрелки, не говорит, что его спровоцировали гайдамаки, он заявляет о самостоятельно принятом решении напасть на Клинцы «для жестокой расправы».

1 декабря 1918 г.:

Посад Ардонь (восточнее Клинцов). Здесь расположены штаб и некоторые подразделения Богунского полка.

5 декабря:

Стародуб. Командир 2-го Таращанского полка Боженко в соответствии с приказанием командира бригады Н. Щорса от 29 ноября передвигает свой полк к Клинцам, о чем и докладывает начдиву 1-й особой Повстанческой дивизии:

---

[1] Архив С.Р. Петриковского // Унечский историко-краеведческий музей.

«Сообщение командира 2-го Таращанского полка Боженко начальнику 1-й особой Повстанческой дивизии о передвижении полка к Клинцам из Елёнки.

5 декабря 1918 года. Довожу до вашего сведения, что по приказанию начальника бригады Щорса вверенный мне полк передвигается к Клинцам и занимает населенные пункты: Гулевка, Туросна, Смотрова Буда. Ввиду того, что посад Елёнка остается не занятым войсками, прошу распоряжения, чтобы посад Елёнка по уходе Таращанского полка был занят какими-нибудь другими войсками. Таращанский полк выступает из посада 7 декабря в 9 часов утра. Сегодня прибыла делегация с посада Воронка и заявила, что немцы уходят 7 декабря, просила о вступлении войск в посад. Комполка – В. Боженко»[1].

Таким образом, Таращанский полк блокирует Клинцы с юга и угрожает перерезать железную дорогу Клинцы – Новозыбков, по которой происходит эвакуация немецких войск. Очевидно, что Н. Щорс пытался поторопить немецкие войска с эвакуацией из Клинцов.

Вполне понятна и обеспокоенность В.Н. Боженко судьбой посада Елёнка, т.к. по данным разведки замечена концентрация гайдамаков в расположенной неподалеку Митьковке.

Стародуб. Начдив 1-й Советской Украинской дивизии своим приказом подтверждает действия Боженко и направляет ему в помощь Нежинскую роту:

«Оперативный приказ по 1-й Советской Украинской дивизии 2-му Таращанскому полку. Оставить в Елёнке одну роту и взвод артиллерии, в с. Нижнее – полуроту, остальной частью двинуться в Киваи для дальнейших действий с 1-м Богунским полком. В Елёнку и примыкающие местности в распоряжение Таращанского полка высылается Нежинская рота. С Елёнкой восстановить связь по фронту и обо всех действиях полка немедленно доносить в штаб вверенной мне дивизии. Дальнейшие распоряжения будут поступать лично от меня. Начальник 1-й Советской Украинской дивизии. Начальник штаба»[2].

Следует обратить внимание, что в текстах донесений от 5 декабря 1918 года меняется название дивизии. «1-я Особая Повстанческая дивизия» теперь называется «1-й Советской Украинской дивизией».

---

[1] Архив С.Р. Петриковского // Унечский историко-краеведческий музей.

[2] Архив С.Р. Петриковского, там же.

Перед началом операции по освобождению Украины от немецких оккупантов происходит переименование воинских подразделений.

Если 10 декабря 1918 года в телеграмме № 497 Н. Щорс представлял оперативную сводку начальнику штаба **1-й Украинской советской дивизии**, то сообщение о занятии посада Клинцы в телеграмме № 499 от 13 декабря 1918 года Н. Щорс адресовал **в штаб 1-й пехотной Украинской дивизии»**[1].

Фраза, что «в дальнейшем Боженко должен руководствоваться распоряжениями от начдива лично», свидетельствует, что 2-я бригада и должность командира бригады (Н. Щорса) ликвидируется. Это признаки переформирования дивизии.

7 декабря 1918 г.:

В Ардони расположен штаб и основной состав Богунского полка. Командир Богунского полка Н. Щорс отбывает в Стародуб на совещание командного состава дивизии.

8 декабря 1918 г.:

Стародуб. Совещание командного состава 1-й Украинской Повстанческой дивизии [выдержки из протокола]. На совещании присутствуют члены Украинского временного правительства В.К. Аверин и А. Луговой, которые представляют нового командира дивизии И. Локатоша. В.Н. Боженко присутствует на совещании, но командиром Таращанского полка в протоколе назван Несмеян.

В дивизии происходят коренные изменения. Крапивянский отстранен от командования дивизией. Дивизия усилена командным составом из тех, которые проявили себя под Царицином. Похоже, это сделано с подачи Сталина.

Командиром дивизии вместо Крапивянского назначен И. Локатош, начальником штаба вместо Петриковского – Осипов(?).

Главная цель совещания – представить нового начальника дивизии (командующего, как указано в протоколе), т.к. на совещании присутствуют члены украинского правительства. Но протокол этого не отражает, а начинается с самого больного вопроса – взаимоотношение повстанческих сил с местными органами власти, с которой возникают конфликты. Новый комдив И. Локатош обращает внимание на то, что «повстанческая армия пред-

[1] Клинцовский Краеведческий музей (ККМ), папка 7–1.

ставляла и представляет орган Красной Армии единой Советской России».

Весьма несвоевременное заявление, т.к. вопрос объединения украинских и российских вооруженных сил официально был решен только весной–летом 1919 года. Формально, 1-я дивизия относилась к российской Резервной армии Глаголева, однако фактическое руководство дивизией и набор кадрового состава осуществлял Украинский ЦВРК.

Обвиняя командный состав дивизии в игнорировании центральных органов власти, И. Локатош, вероятно, имел в виду «саботирование» решения об отправке 1-й дивизии на Восточный фронт. А конфликты с местными органами власти связаны с низкой дисциплиной мобилизованных в армию бойцов и недостатком желающих идти в армию.

В каждом регионе уже были созданы «мобилизационные комиссии», от которых требовалось поставлять людские ресурсы для разного рода задач.

Обвинения в недостатках мобилизационной политики отверг бывший уже и.о. начдива Петренко (Петриковский). Он переадресовал эти обвинения в центральные органы, указав, что дезорганизация шла именно оттуда. Это в какой-то степени соответствует действительности. Именно в это время в российском и украинском руководстве шли отчаянные споры о структуре и задачах Украинских повстанческих сил и сверху в адрес повстанческой дивизии поступали противоречивые указания, которые нередко передавались в устной форме.

Бывший командир дивизии Крапивянский на совещании не присутствовал. В. Боженко открыто обвинил Крапивянского, сказав: «шкурник, а не коммунист». У Боженко есть моральное право делать подобные заявления, т.к. он к этому времени имеет уже большой партийный стаж.

Член украинского правительства В.К. Аверин подтверждает, что действия повстанцев «не подчиняются общерусской политике» и обращает внимание на отношение комсостава к Советской власти (вероятно, есть какие-то прецеденты).

Комсоставу сообщено о переформировании дивизии в бригаду и изменении названий подразделений, теперь они будут называться просто номерными Советскими украинскими полками. Однако, как следует из последующих документов, этого указания достаточно долго не соблюдал никто. Кроме того, бывший и.о. комдива Петренко предложил пересмотреть решение о сворачивании дивизии в бригаду, т.к. пополнение идет достаточно

активно. Его поддержал Н. Щорс, сославшись на тактические и технические сложности переформирования в стремительно развивающейся обстановке.

Нежинскому полку предложено соединиться с Богунским полком[1].

Пока в Стародубе шло совещание командного состава дивизии, Богунский полк оставался на занятых позициях в посаде Ардонь, с. Богородицкое и в с. Коржовка, Таращанский полк выдвигался к Клинцам в соответствии с указанием командира бригады Н. Щорса, [см. 29.11.18]. 1-й батальон Таращанского полка вечером прибыл в деревню Туросна южнее Клинцов. [см. донесение от 10.12.18]

9 декабря:

Таращанский полк продолжает блокировать посад Клинцы с юга и выходит к железной дороге, связывающей Клинцы с Новозыбковым. 1-й батальон Таращанского полка вечером занял разъезд Святец. Из села Гулевка для подкрепления на случай столкновения с противником прибыли 2 взвода эскадрона Таращанского полка. Однако немцы, опасаясь блокады и появления трудностей с эвакуацией из Клинцов, предприняли упредительные действия – немедленно выслали на разъезд Святец 100 человек с одним орудием и пулеметами и разоружили подразделения эскадрона таращанцев. Однако после переговоров отобранное оружие возвращено обратно. Комбриг-2 Щорс дает предписание таращанцам разблокировать Святец и отойти в деревню Туросну. [см. донесение от 10.12.18]. Возможно, немцы все-таки обещали ускорить эвакуацию из Клинцов. Конфликт уладили без эксцессов.

10 декабря:

Ардонь. Выход таращанцев к железной дороге Брянск-Гомель и угроза блокады посада Клинцы сработали: в Ардонь, где находился штаб Богунского полка/бригады, 10 декабря из Клинцов прибыла делегация представителей совета 106-го немецкого полка для переговоров.

Командир 2-й бригады Н. Щорс в тот же день отправил в штаб дивизии оперативную сводку за 8, 9 и 10 декабря:

«Телеграмма. Управление 2-й бригады 1-й пехотной дивизии Повстанческих войск Украины. Декабря 10 дня 1918 г. № 379.

---

[1] Архив С.Р. Петриковского // Унечский историко-краеведческий музей.

Начальнику штаба 1-й Украинской Советской дивизии. Оперативная **сводка за 8, 9 и 10 сего декабря**.

По моему распоряжению 1-й батальон Таращанского полка прибыл вечером 8 декабря в дер. Туросну, а 9 вечером занял разъезд Святец. Немцы сейчас же выслали в Святец 100 человек с одним орудием и пулеметами, которые разоружили там 2 взвода эскадрона Таращанского полка, которые командир полка перевел из с. Гулевка для соединения с 1-м батальоном на случай столкновения с противником; но после переговоров все отобранное оружие было возвращено обратно. Вчера вечером я дал предписание эскадрону Таращанского полка отойти из Святеца в Туросну, где он и находится сейчас.

Сегодня закончены переговоры с представителями совета 106-го немецкого полка, которые приезжали в Ардонь и подписали следующие условия: мы оставляем немцев в покое, даем им возможность уехать и гарантируем, что отстающие немцы нами не будут разоружаться. Они в свою очередь обязуются: завтра 11 декабря очистить Клинцы, обещая пробыть в Новозыбкове одну ночь и оставляя на пути своего отхода все мосты, телеграф и телефон в полной сохранности. Гарантируют также от столкновения с гайдамаками. Вчера отпустили наших пленных, а сегодня привезли раненых.

Сегодня к вечеру получил новые сведения от разведчиков, которые здесь прилагаю. Командир 2-й бригады Н. Щорс. Старший адъютант (подпись) (Печать круглая управления 2-й бригады)»[1].

Ардонь. Разведка, посланная Щорсом, донесла, что немцы совместно с гайдамаками укрепляют свои южные позиции. Из донесения в штаб дивизии:

«10.12.1918 г. Пос. Ардонь. Разведчик 7 роты Богунского полка, отправленный на разведку 10-го сего декабря командиром 3-го батальона вместе с 6-ю товарищами и пулеметом показали следующее: 2 роты немцев с пулеметами и 2 эскадрона гайдамаков, пройдя село Займище и железнодорожное полотно двигались к Туросне и остановились в господском доме. Туросна занята частью Таращанского полка. Продовольственные запасы немцы продают гайдамакам. Командир 2 бригады Н. Щорс. Старший адъютант (подпись)

(Печать круглая: Управление 2-й бригады 1-й пехотной дивизии Повстанческих войск Украины)»[2].

---

[1] Клинцовский Краеведческий музей (ККМ). Папка 7–1.

[2] Архив С.Р. Петриковского // Унечский историко-краеведческий музей.

Одновременно Щорс подробно информирует командира Таращанского полка:

«По донесению крестьян, в Клинцы прибыло 400 человек юнкеров и офицеров с одним бомбометом и 12 ящиками гранат. По дороге из Займища в отдельном домике стоит пост гайдамаков при четырех пулеметах. За станцией по левую сторону в березняке две волчьи ямы, оцепленные колючей проволокой.

Выше хутора Скачёк находится наблюдатель на дереве и целая десятина проволочного заграждения. В лесу за хутором Скачек стоит застава без пулемета. На Туроснинском мосту одно орудие и шесть часовых.

Командир 2-й бригады – Н. Щорс»[1].

После нескольких попыток гайдамаков спровоцировать большевиков и немцев к нарушению условий перемирия на время вывода немецких войск, немецкое командование разоружило гайдамацкие отряды и заявило им о прекращении всяческой поддержки и защиты от большевиков. Об этом Н. Щорс доложил Курскому военному Совету и в Кремль.

Ардонь. Щорс, получив от командира Таращанского полка информацию о событиях под Клинцами, шлет срочное донесение начдиву И. Локатошу:

«Стародуб из Унечи. Принята 12.12.1918 г. № 400. Военная, срочная.

Курск Укрвоенсовет КО,

Москва Кремль Чичерину,

Стародуб начдиву Локотошу

10 декабря с.г. в селе Туросна Черниговской губернии немецкими солдатами обезоружены гайдамацкие отряды, при этом заявили им: довольно маскироваться, бегите куда глаза глядят [*мы*] вас больше не защищаем, вас защищает Скоропадский. Немецкие солдаты требуют переизбрания соглашательского Гомельского немецкого совета. В селе Туросна наши повстанцы соединились с немецкими солдатами и довольствуются из одной кухни, поют интернациональный гимн. Командир бригады Щорс. Политический комиссар Барабаш»[2].

Телеграмма послана из Унечи, т.к. из посада Ардонь нет прямой телеграфной связи.

---

[1] Архив С.Р. Петриковского // Унечский историко-краеведческий музей.

[2] Клинцовский Краеведческий музей (ККМ). Папка 7–1.

12 декабря

Командир Таращанского полка отправляет донесение в штаб дивизии о дислокации на текущий день:

«Командир 2-го Таращанского партизанского полка. 12 декабря 1918 года, № 1.

Общий доклад начальнику штаба полка [*очевидно, ошибка – не полка, а дивизии*] от командира Таращанского полка.

По приказанию начальника бригады от 5 декабря, передвинуться Таращанскому полку по направлению к Клинцам, заняли позицию левей Богунского полка, эскадрон занял деревню Гулевку, 1-й батальон занял д. Туросну, 2-й батальон занял д. Смотрову Буду, а батарея – хутор Плыуновка (на восточной окраине Смотровой Буды). Расположились по означенным деревням, связались со штабом бригады в посаде Ардонь, сделали разведку по направлению д. Займище. В трех верстах от Клинцов обнаружили противника у хутора Александровка, где он обстрелял нашу разведку. Разведка подошла на близкое расстояние и из-за пня срезанного дерева кричали гайдамакам: болваны, не стреляйте! Гайдамаки засуетились, усилили стрельбу. Наша разведка ушла, не дав ни одного выстрела.

По моему указанию вторая разведка сделала по направлению к д. Синьковка, где обнаружила передвижение гайдамаков. По расспросам крестьян выяснилось, что гайдамаки прибыли в количестве 400 человек, заняли кирпичное здание богадельни, где роются окопы. По достоверным сведениям все гимназисты буржуазного класса, вооружены.

В Клинцах, на фабрике Василия Барышникова и сыновей, делегация, которая была здесь, заявила, что во время наступления Богунского полка (видимо, 27–28 ноября) сам хозяин командовал гайдамаками и приказал выгонять рабочих на улицу для расстрела, но богунцы не стреляли из артиллерии, за что рабочие сердечно благодарят. Была делегация от рабочих, с которыми я беседовал о текущем моменте. Делегация обещала прийти от нескольких фабрик для совместного обсуждения о создавшемся положении. Благодарили командный состав за хороший прием»[1].

Следует обратить внимание, что после представления нового командования дивизии донесения командира полка вслед за Н. Щорсом подписывает «политком Барабаш». Ниже приводится донесение вновь назначенного политкома полка Шафранского (с помощни-

---

[1] Архив С.Р. Петриковского // Унечский историко-краеведческий музей.

ком Даниловым). Возможно, Барабаш являлся политкомом бригады, а Шафранский назначен политкомом полка.

В донесении «политкома» Шафранского изложен его взгляд на положение в Богунском полку:

«Не имея никакой возможности написать полный и исчерпывающий доклад о положении вверенного мне полка, ограничусь краткими сведениями, могущими быть вернее всего планом доклада:

1) Полк с военной точки зрения не выдерживает никакой критики, штабу дивизии надо приложить максимум усилий к скорейшей организации полка по всем правилам нового военного искусства. Это крайне необходимо, т.к. при первом столкновении с организованной частью [полк] потерпит поражение;

2) Командир и командный состав с политической стороны хорош. Есть старые и стойкие коммунисты. Вокруг этих командиров группируются коммунисты и общая сознательная часть повстанцев, образуя политическое ядро для кристаллизации остальной части, менее сознательной, но подающей большие надежды на исправление;

3) Настроение сел и деревень большевистское. Повстанцев встречают радостно и снабжают всем необходимым. Исполнительные комитеты вырастают как грибы. Есть интерес к организации коммун. Налаживается правильный учет и распределение продуктов. Надо забрасывать популярной литературой, живым и гибким воззванием на простом народном языке, и тыл, стойкий и крепкий, за нами будет обеспечен. Находясь в боевой обстановке под Клинцами, политический отдел развил максимум умений и стараний и глубоко верит, что в Клинцах не будет Стародубского разрушения убогих, но весьма ценных для нас ценностей. Из Клинцов пришлем более подробный доклад.

С коммунистическим приветом, политком Шафранский. Помощник политкома Данилов»[1].

13 декабря:

Телеграмма № 499 командира полка Н. Щорса в штаб 1-й пехотной Украинской дивизии из Унечи о занятии города Клинцы:

«Телеграмма. В штаб 1-й пехотной Украинской Советской дивизии из Унечи. Принята 14.12.1918 года, подана 14-го 2 часа 30 мин. Клинцы заняты революционными войсками в 10 часов утра

---

[1] Архив С.Р. Петриковского // Унечский историко-краеведческий музей.

13 декабря. Войска встречали рабочие со знаменами, с хлебом и солью, при восторженных криках «ура». В городе образцовый порядок. Сегодня рабочие выбирают совет и ревком»[1].

К 13 декабря штаб Таращанского полка разместился в Смотровой Буде. Штаб Богунского полка находился в Ардони ещё с 27 декабря 1918 г.

14 декабря:

Документ из Центрального Госархива Советской Армии (ЦГАСА): донесение Н.А. Щорса в штаб дивизии об освобождении Клинцов:

Н. Щорс как командир 2-й бригады отправляет в штаб дивизии оперативную сводку за 12, 13, 14 декабря:

«2-я бригада 1-й пехотной дивизии Повстанческих войск Украины. 14 декабря 1918 г., № 394. Начальнику штаба 1-й пехотной Украинской дивизии. Оперативная сводка за 12, 13, 14 декабря 1918 г.

12-го сего декабря немцы готовились к выступлению из Клинцов, прислав письмо с заявлением, что 13 утром они все уходят. В деревне Туросне 1-й батальон Таращанского полка стоял вместе с частью Клинцовского гарнизона и находился с немецкими солдатами в дружеских отношениях.

В 10 часов утра 13 декабря от Богунского полка были посланы квартирьеры и в 12 часов дня полк вступил в Клинцы, встречаемый толпами населения с красными знаменами. Делегация от рабочих вышла с хлебом и солью, произнеся приветствие от имени рабочих под крики «ура». В посаде полный порядок, тишина и спокойствие. Посад объявлен на осадном положении. Все учреждения эвакуированы. Заводы, фабрики, электрическая и телефонная станции работают.

Сегодня приступили к организации местной Советской власти. Немцы ушли к Новозыбкову и ночевали прошлую ночь в деревне Белый Колодезь. Вчера по моему приказанию одна рота 1-го батальона Таращанского полка заняла разъезд Святец. **Весь Богунский полк, за исключением батареи, которая пока осталась в Ардони и хозяйственной части в Коржовке, находится в Клинцах.** Таращанский полк расположен в деревнях: Смотровой Буде (штаб полка), Гулевке и Туросне. Небольшие силы гайдамаков находятся в Большой и Малой Топали. Командир 2-й бригады Н. Щорс. Ст. адъютант Квятек»[2].

---

[1] Клинцовский Краеведческий музей (ККМ). Папка 7–1.

[2] ЦГАСА Ф. 999, оп. 1, д. 28, л. 17.

Документы свидетельствуют, что посад Клинцы был освобожден от немецких оккупантов 13 декабря 1918 года мирным путем, без боев.

Следует отметить, что после передислокации Таращанского полка, как только полк ушел из Топали, гайдамаки тут же вошли в Топаль. Боженко перед отходом просил защитить этот регион (см. донесение от 5 декабря).

Пока Богунский полк торжественно входит в Клинцы, Таращанский полк блокирует подступы к Клинцам с юга, где вновь организуются гайдамацкие силы, и железную дорогу, связывающую Клинцы с Новозыбковым в районе разъезда Святец (посередине между Клинцами и Новозыбковым). Вероятно, чтобы обезопасить Клинцы от провокаций по железной дороге со стороны Новозыбкова, куда передвинулись немецкие части. Таращанский полк в торжествах в Клинцах, очевидно, не участвует.

Посад Ардонь был освобожден от немцев 27 ноября 1918 года. В этот день Богунский полк занял посад Ардонь, село Богордицкое и Коржовку. 10 декабря в Ардони были проведены переговоры с представителями Совета 106-го немецкого полка об условиях вывода войск из Клинцов (см. телеграмму № 379).

Поскольку в Ардони не было телеграфа, то телеграммы с донесениями Н. Щорс отправлял из Унечи.

Первые дни после вступления повстанческих войск в Ардонь «Городское Общественное Управление» Ардони продолжало исполнять свои властные полномочия.

В архиве Клинцовского краеведческого музея хранится «Обязательство», выданное 7 декабря 1918 года на бланке с угловым штампом: «М.В.Д. Ардонское Городское Общественное Управление. Декабря 7 дня 1918 г. П. Ардонь, Черниговской губернии». «Обязательство» подписано Городским старостой и Секретарем Городского Общественного Управления священником Михаилом Лесовским[1].

После освобождения посада Клинцы большевики распустили в Ардони «Городское Общественное Управление» и провели выборы в «Исполнительный Комитет», взявший всю полноту власти в Ардони.

Как только немцы объявили о скорой эвакуации в Германию, десятки семей клинчан стали складывать вещи, готовясь бежать

[1] Архив Клинцовского Краеведческого Музея.

из Клинцов, подальше от власти большевиков. Большинство коренных клинчан так и не вернулись к родительским очагам. Через несколько месяцев, в начале 1919 года, Советская власть провела инвентаризацию жилого фонда, пустующими оказалось около 80 домов. Город покинули сотни жителей. Только малая часть беженцев вернулась домой.

Преследование отступающих немецких частей было поручено Таращанскому полку, 17 декабря 1918 года Таращанский полк под командованием В.Н. Боженко вступил в посад Климов. А Богунский полк оставался в Клинцах даже спустя 10 дней после освобождения посада. Вот сведения из архива: «Дислокация Советских войск на Украине на 24 декабря 1918 г. **1-й пехотный Советский украинский полк** сформирован из бывшего повстанческого Богунского полка и Нежинского батальона. Штаб полка в Клинцах. Численность 1900 штыков, 21 пулемет»[1].

Политическая обстановка в связи с выводом оккупационных войск Германской коалиции быстро менялась.

24 декабря 1918 года в газете «Известия» – органе ВЦИК был опубликован циркуляр наркомату иностранных дел РСФСР о том, что вследствие аннулирования Брестского Мирного договора СНК РСФСР больше не признает Украину как самостоятельное государство и прекращает деятельность всех представительных органов Украины на своей территории («Известия» от 24 декабря 1918 г.).

12 января 1919 года Н. Щорс со своим Богунским полком вступал в Чернигов.

6.3. Воспоминания Григория Максимовича Лугового

В биографиях соотечественников мы находим малоизвестные страницы истории смутных лет первой половины XX века. О своем жизненном пути сквозь годы революции рассказывает Григорий Максимович Луговой, один из потомков Луговых, переселившихся из Ардони в Клинцы.

Краткая автобиография

Луговой Григорий Максимович, чл. КПСС с 10 октября 1918 г., партбилет № 04501147. Родился 9 (22) января 1897 года в посаде

[1] ЦГАСА Ф. 14, оп. 1, д. 142, л. 14–17. // Ю. Белан «Отечественная война Украинского народа против немецких оккупантов в 1918 году». Изд. КГУ. 1969, с. 248.

Клинцы Суражского уезда. Отец каменщик. Мать работала ткачихой на Стодольской фабрике Барышниковых. Окончил приходскую школу в 1908 году (учился 3 года), два лета работал пастухом, а осенью работал каменщиком и бетонщиком.

С 1910 по 1914 год учился обработке металла в ремесленной школе при Клинцовском Техническом училище. По окончании школы около года работал на Стодольской фабрике токарем, а затем переехал в местечко Бежица (возле Брянска), где проработал немного более года.

За участие в забастовке лишился отсрочки по призыву и в мае 1916 года был направлен на фронт. Мы бастовали два раза, около двух месяцев, поэтому на фронт ушло более 7 000 молодых рабочих.

На фронте и в тылу я занимался политической работой – вел беседы против войны.

По постановлению Временного правительства Керенского в октябре 1917 года я был демобилизован, вернулся в Бежицу и устроился на работу токарем:

«Акционерное общество Брянского рельсопрокатного, железоделательнаго и механического завода. 24 января 1918 года. Свидетельство № 665.

Настоящее свидетельство выдано Г.М. Луговому в том, что он состоял на службе в Гранатном цехе Акционерного Общества Брянского завода в должности Токаря с 24 числа ноября месяца 1917 года по 13 число января месяца 1918 года. Директор завода Н. Ден... Делопроизводитель А. Пудра (?)» (по левому полю листа написано: «Контора завода: Бежица, Орловской губ.»).

Поскольку завод работал на оборону, то я имел отсрочку от мобилизации:

«Акционерное общество Брянского рельсопрокатного, железоделательнаго (и) механического завода Контора Брянскаго Завода № 4072. Бежица, Орлов. Губ. 2 января 1918 г. Удостоверение. Заводоуправление сим удостоверяет, что предъявитель сего солдат 8-ой Сибирской артиллерийской бригады, 5-ой батареи, Григорий Максимович Луговой, откомандированный на Брянский завод для работ на оборону, имеет отсрочку призыва по Брянскому заводу до 1-го Апреля 1918 года. К переходу Г.М. Лугового в другое предприятие со стороны Завода препятствий не встречается».

Вскоре за отсутствием сырья завод остановился и я перешел работать токарем в передвижное депо «Сеславино» Риго-Орловской ж.д. На станции Саханская (Сахомкая?), возле Орла, в депо, я был секретарем Месткома, до июня 1918 года.

В общей сложности до войны, в 1914–1915 г. и в 1917–1918 г., я работал токарем 1 год 7 месяцев.

В марте 1918 года немцы оккупировали Украину. Большая часть Суражского уезда, находившегося тогда в составе Черниговской губернии, была занята немцами. Линия раздела между оккупированной Украиной и Советской Россией (демаркационная линия) в Суражском уезде находилась возле ж.д. станции Робчик, в нескольких километрах от станции Унеча.

В июне 1918 года, по приглашению земляков, клинчан Павла и Ивана Волковых, работавших на станции Унеча в пограничном ЧК, я выехал в Унечу для последующей подпольной работы в оккупированном посаде Клинцы.

Тогда же, в июне, я приехал в Унечу, получил инструктаж в Приграничной Чека и сразу же отбыл в посад Клинцы. Подпольщики работали малыми группами, чтобы в случае провала не пострадала вся организация. В Клинцах я вошел в состав «тройки»: Степа Беляев, Иван Афанасьев и Григорий Луговой. Мы вели разъяснительную работу среди рабочих и особенно среди рабочей молодежи, распространяли большевистскую литературу, газеты, но более всего листовки о боевых действиях Красной армии, что и где она освобождала, листовки «За власть советов», листовки против гайдамаков как предателей Родины и против немецких оккупантов. Часто из Унечи перевозили или переносили оружие для вооружения отрядов подпольных организаций в посаде Клинцы и в городе Новозыбков.

Не помню точной даты, это было в начале октября, я был на именинах у Ивана Афанасьева (день рождения Ивана Яковлевича Афанасьева 27 сентября 1897 г. по старому стилю, или 10 октября 1897 года по новому стилю. – Р.П.). В дом вошел мальчик, лет 11–13, спросил Ивана Афанасьева и, получив ответ, сказал наш пароль и передал записку, в которой сообщалось, что несколько товарищей арестовано, подпольная партийная организация раскрыта, поэтому нам сей же час необходимо уходить в Унечу, в безопасное место.

Мы сразу же ушли к тете Ивана Афанасьева, там и ночевали. Я попросил тетю сходить к моим родителям, взять необходимые вещи и еду. Спали на чердаке. Чуть стало светать, мы уже были на ногах. На Унечу шли обходными путями. Добирались двое суток. Вдоль демаркационной линии и вдоль дорог число постов немцев и гайдамаков было увеличено, поэтому приходилось укрываться и подолгу выжидать, пока появлялась возможность пройти мимо постов, или меняли направление.

Как выяснилось, наша организация была раскрыта по предательству некоего Лайкевича, и нам всем, кто не был еще аресто-

ван, пришлось бежать в поселок Унеча. В Унече мы встретили Павла Волкова, он уже работал в Погранчека. Павел устроил нас в казарме Богунского полка.

Через несколько дней мы получили задание Унечского Чека – разведать состав банды в прифронтовой полосе, которая нападала на сельсоветы. Проработав около двух недель, нам удалось /л.2/ выяснить, что в банде всего 5 человек и узнать, где они ночуют. Вскоре налетчики были арестованы оперативниками Чека. Возвратившись в Унечу, я получил назначение на работу помощником коменданта Пограничной Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности 4-го участка Смоленского округа» в Унече.

Сохранился пропуск: «На месяц октябрь 1918 года Пропуск № 11. Пом. к-та Луговому. Управ. дел. Хайкина. 11/X. Пограничная Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности 4-го участка Смоленского округа» (на розовой бумаге, написана рукой т. Хайкиной).

А Иван Афанасьев получил от Чека специальное задание в посаде Клинцы в связи с предстоящим наступлением Богунского полка (И. Афанасьев был назначен членом и секретарем Военно-революционного комитата в Клинцах. – Р.П.).

10 октября 1918 года, в Унече, на общем партийном собрании меня приняли в члены нашей партии.

9 декабря 1918 года я получил постоянный пропуск:

«Пропуск № 17 (печатано на машинке). Дано сие тов. Григорию Луговому для беспрепятственного входа в здание Чрезвычайной Комиссии. 9 декабря ...дня 1918 года. Председатель Н. Иванов, 1-й секретарь Трифонов».

Когда Богунский полк подготовился в наступление на Клинцы и уже выступил, мне как помощнику коменданта Чека дали новую явку и выдали удостоверение от 13 декабря 1918 года с поручением отправиться в командировку в Клинцы по делам службы. Цель командировки – участие в организации в Клинцах Чрезвычайной Комиссии из подпольщиков и проведение арестов предателей и шпионов:

«Удостоверение № 1213 от 13/XII – 18 г. Командировка Г.М. Луговому в Клинцы по делам службы, подписал «Председатель Н. Иванов».

Удостоверение (от 13 декабря) вместо секретаря подписал Афанасенко, который был назначен Председателем Чека в Новозыбков. Я спешно стал изучать в Унечской Погранчека делопроизводство, как ведутся дела в Чека, получал инструктаж, в каких случаях какие делать выводы.

В начале третьей декады декабря 1918 года, по распоряжению Губчека, мне и Трифонову было поручено организовать Чека в освобожденных от немцев и гайдамаков городах: Новозыбков, Злынка, Городня и Чернигов и проинструктировать сотрудников ЧК, что нами и было выполнено в короткий срок. Это видно из удостоверения от 27 января 1919 года. После организации Черниговской Чека я работал в ней казначеем.

В первых числах февраля 1919 года из Почепа в Чернигов переехала Черниговская Губернская Чека, которую возглавлял Соломон Левин.

Чрезвычайные Комиссии вели не только борьбу с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности, но и оказывали помощь пострадавшим в Гражданской войне. В феврале 1919 года я выезжал в Харьков для доклада Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии о работе Черниговской Губчека, зарегистрировал Черниговскую Губчека и все уездные Чека.

Второй раз я ездил во Всеукраинскую Чрезвычайную Комиссию в апреле 1919 г. (приложение № 8) с докладом о состоянии работы Губернской /л. 3/ и Уездных комиссий и как ведется борьба с бандитизмом, а банд было много.

Третий раз я ездил во Всеукраинскую Чрезвычайную Комиссию в мае 1919 года (приложение № 9) для получения инструктажа по работе Уездных Чрезвычайных Комиссий.

В июне 1919 года мне было поручено проверить дела и отчетность Чрезвычайных Комиссий, а именно: Почепской, Мглинской, Стародубской, Клинцовской, Новозыбковской, Семеновской, зафиксировать состояние отчетности и передать эти шесть Комиссий от Черниговской Губернской Чрезвычайной Комиссии в ведение Гомельской Губернской Чрезвычайной Комиссии ввиду организации Гомельской губернии.

Мною эти комиссии были переданы в сроки, указанные графиком. Начал с передачи Почепской Комиссии. Но Черниговская Губ. Чрезв. комиссия беспокоилась за сроки сдачи, что видно из телеграммы. Я им сообщил, что работа идет.

Но помимо проверки отчетности Комиссии и подготовки её к передаче, поручались и следствия. У меня сохранилась одна из копий телеграмм июля 1919 года с подобным поручением.

Для примера привожу некоторые доклады и акты обследования Чрезвычайных Комиссий.

1) Доклад об обследовании Почепской Чрезвычайной Комиссии от 19 июня 1919 г. Из этого доклада видно состояние и оценка дел Комиссии и кадры, которые участвовали в работе, и фамилии инструкторов.

2) Доклад о ревизии Мглинской Чрезвычайной Комиссии от 8 июля 1919 г.

3) Доклад об обследовании Стародубской Комиссии от 11 июля 1919 года. Из отчета видно появление Таращанского полка.

4) Акт по ревизии Суражской Чрезвычайной Комиссии, то есть Клинцовской, от 23 июля 1919 г. Из акта видно, какое было состояние дела и видны люди.

В Чернигове, сначала в уездной, а затем в Губернской Чека, я работал казначеем и заместителем заведующего иногородним отделом, участвовал на заседаниях Коллегии Губчека.

А когда был назначен членом Коллегии Черниговского Уездного Чека, меня освободили от должности казначея (Опись сданных денег и вещей в приложении).

Все сотрудники Чека работали не как чиновники, от и до, а днем, вечером и ночью, не щадя своих сил. В промежутках между работой изучали политическую литературу, проходили военную подготовку, слушали лекции в партклубе.

Как работнику Губчека, мне часто поручали делать доклады в селах, деревнях, рабочих поселках.

Вот, например, сохранившееся Извещение Черниговского Губернского Комитета К.П.У., в котором сказано, что мне поручено сделать доклад на митинге в дер. Кленке и организовать коммунистическую ячейку.

Митинг прошел активно. Было задано много вопросов, но ячейку организовать не удалось, что видно из моего доклада от 31 мая 1919 г.

Во время наступления белогвардейских войск Деникина на Чернигов в августе 1919 года мне как артиллеристу старой армии (окончил учебную команду) поручили 27 августа 1919 года защищать станцию Круты, от которой шла узкая колея железной дороги на город Чернигов. В составе отряда было одно орудие, потом мне подослали второе орудие. Станцию было необходимо удерживать 3–4 дня, пока губернские учреждения не эвакуируются шоссейными дорогами, что и было выполнено. Деникинские войска были задержаны. Советские учреждения эвакуировались из Чернигова в другие города.

При подходе регулярных частей Красной армии наш артвзвод и взвод пехоты влились в состав 2-й бригады, где командиром был тов. Аганов.

В Красной армии я пробыл меньше года и тяжело заболел тифом. Меня как комсостав поместили на лечение в больницу Москва-Лефортово, откуда в феврале 1920 года я был демобилизован.

В Клинцы меня доставил сопровождающий, так как я был еще очень слаб. После выздоровления я был по партийной мобилизации возвращен на железнодорожный транспорт для его восстановления и укрепления. Я получил личное оружие и 29 марта 1920 года прибыл в распоряжение Гомельского Губкома как железнодорожник.

«Российская Коммунистическая партия (большевиков) Суражский уездный комитет. Марта 24 дня 1920 года. № 925. Клинцы Гомельской губ. Удостоверение.

Дано сие члену Клинцовской организации тов. Луговому Григорию Максимовичу на право ношения и хранения револьвера системы «Кольт» № 46301. Номер партийного билета т. Лугового 4280, что подписью и приложением печати удостоверяется. Секретарь Укома Афанасьев (?)».

Удостоверение: «Российская Коммунистическая партия (большевиков). Суражский уездный комитет Марта 29 дня 1920 года № 882 Клинцы Гомельской губ. Удостоверение дано сие члену Клинцовской организации тов. Луговому Григорию в том, что он командируется в распоряжение Гомельского Губкома как железнодорожник, мобилизованный на основании предписания Цека партии. Предукома – подпись (подпись похожа на «Иванов»). Секретарь – Афанасьев».

Сначала я поступил работать токарем в хозяйственное депо станции Гомель.

В конце октября 1920 года меня направили учиться в Губернскую партийную школу (Губпартшколу). В школе я избирался секретарем партийной организации. До этого был членом железнодорожного райисполкома, вел борьбу с бандитизмом в Гомельском уезде.

По окончании Губпартшколы работал комиссаром отдела подготовки технических агентов Либаво-Гомельской железной дороги (теперь Белорусская ж.д.). В Гомеле был председателем уездной комиссии по чистке партии – это было в 1921 году.

В октябре 1921 года Дорком (дорожный комитет) направил меня в Москву на учебу в Пречистенский Рабфак, который я окончил в июне 1924 года и поступил в Московский институт железнодорожного транспорта на тяговый факультет, который окончил в марте 1929 года. Пока учился на рабфаке, был членом партбюро, «заместителем декана от студентов» более 3-х лет. За хорошую учебу в 1928 году в числе 18 студентов /л. 3/ был послан в Германию для освоения всего нового, современного, где мы пробыли 35 дней.

С марта 1929 года я начал работать на Турксибе начальником механизации строительства железной дороги. А с января 1931 года перешел на Сибстройпуть (Новосибирск) в той же должности. Там я работал до мая 1933 года. Затем работал на строительстве железной дороги Москва-Донбасс, а с мая 1936 года на строительстве второго пути дороги Валуйки-Пенза.

В марте 1936 года Наркомпуть тов. Каганович назначил меня главным инженером Трансстроймеханизации Народного Комиссариата Путей Сообщения (НКПС) в Москве, где я работал до конца 1937 года.

На всех стройках я избирался членом партбюро и работал заместителем секретаря по агитации и пропаганде.

С января 1938 по январь 1941 года я работал заведующим сектором механизации Нормативного бюро НКПС. Два года избирался парторгом сектора.

В январе 1941 года был назначен руководителем отделения механизации Строительного института, где работал до сентября 1943 года.

В октябре 1943 года назначен Главным механиком Главка Центрального Управления Восстановительного Строительства (ЦУВосСтрой) по восстановлению разрушенных железных дорог. Дело было тяжелое, а задание срочное. Немцы при отступлении разрушили тысячи километров железнодорожных путей, рельсы изрубили, шпалы распилили, мосты взорвали. Уничтожены были водокачки, станционные постройки и депо. Много пострадало и от бомбардировки нашей авиацией отступающих войск противника, и от усердия партизан. Работали день и ночь. В этом главке я избирался секретарем парткома по агитации и пропаганде.

До 1950 года я был директор-полковником пути и строительства, начальником отдела главного механика Главжелдорстроя Запада МПС. 26 апреля 1950 г. «переведен на должность руководителя отделения организации и механизации строительства Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного строительства и проектирования с окладом 2200 рублей в месяц». Несколько раз избирался членом партбюро отделения.

В 1954 году, 15 февраля, я перенес кровоизлияние в мозг. Лечился до сентября 1954 года. В сентябре 1954 года приступил к работе в институте, но чувствовал себя плохо и, по совету врачей, перешел на более легкую работу – заместителем руководителя отделения – это с конца октября 1954 года.

В мае 1955 года врачебная комиссия предложила мне оставить работу и пойти на пенсию. И вот в мае 1958 года будет три года, как я не работаю в связи с гипертонической болезнью.

На железнодорожном транспорте работал токарем депо 1 год 7 месяцев, комиссаром отдела Управления дороги 9 месяцев, то есть 2,3 года и инженером 22,9 года, всего 25 лет и 3 месяца. «После окончания ВТУЗа (учился 5 лет) работал инженером».

Могу добавить: в городе Воронеже был избран членом райсовета. Много раз участвовал на партийно-хозяйственных активах в Новосибирске, Москве, Валуйках, избирался делегатом на многие районные партконференции.

«Проживаю в г. Москве по ул. А. Толстого, дом 22/2, кв. 53, подъезд 4, этаж III. Луговой Григорий Максимович, в чем расписываюсь.

Г. Луговой. 14 апреля 1958 года»[1].

Григорий Максимович Луговой умер в 1964 году.

[1] Воспоминания Григория Максимовича Лугового. Архив ККМ.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Глава 1. **Слобода Ардонь в первой половине XVIII века** 5
1.1. Сведения о поселении слободы Ардонь 5
1.2. О землях (грунтах) слободы Ардонь 15
1.3. Судьба беглых из России старообрядцев, поселившихся в Малороссии в XVIII в. 23
1.4. Топоним и гидроним Ардонь 66
1.5. Откуда пошло название Ардонь? 81

Глава 2. **Переписи Ардони XVIII века** 85
2.1. Из истории переписей в России 85
2.2. Посевные или пахотные земли жителей Ардони в XVIII в. 131
2.3. Налогообложение обывателей Государевой волости и подданных Киево-Печерской Лавры 160

Глава 3. **Религиозная жизнь в старообрядческой слободе Ардонь** 195
3.1. Беспоповцы 195
3.2. Старообрядцы поповского согласия Ардони 213
3.3. О единоверческой церкви Рождества Богородицы в посаде Ардонь 217

Глава 4. **Население Ардони** 242
4.1. Миграция населения Ардони 242
4.2. Ардонская ратуша 260
4.3. О численности населения Ардони в разные годы 279
4.4. Промыслы Ардони 283
4.5. Ардонское купечество 325

Глава 5. **Село Богородицкое** 342
5.1. Из истории заселения села Богородицкое 342
5.2. Из истории церкви Святителя Николая села Богородицкого (Ардонь) 349
5.3. Кто были жителями села Богородицкого в XIX веке? 369

5.4. Воспоминания Василия Анатольевича Смирнова 371
5.5. Воспоминания Василия Андреевича Чигиринова 376

***Глава 6*. Годы Первой мировой войны и революции** 416
6.1. Ардонь, 1914–1916 годы 416
6.2. Ардонь, 1917–1918 годы 417
6.3. Воспоминания Григория Максимовича Лугового 460

Ромуальд Игоревич Перекрестов

«ПОСАД АРДОНЬ И СЕЛО БОГОРОДИЦКОЕ XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.».

Книга I

Издательство ГУП «Клинцовская городская типография».

ИД № 00838 от 25.01.2000 г.
ISBN 978-5-888-98-445-1

Подписано в печать 17.07.2012 г. Формат 60x84 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. п. л. 27,44. Тираж 1000.
Заказ № 615.

Отпечатано в ГУП «Клинцовская городская типография».
243140, Брянская обл., г. Клинцы, пер. Богунского полка, 4а.
Тел. (48336) 4-24-56, 4-04-18, 4-35-89.
E-mail: kltip@online.debryansk.ru